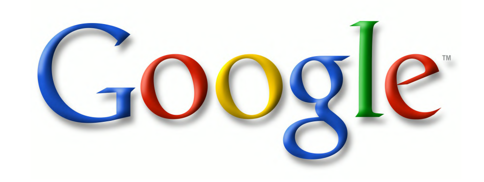
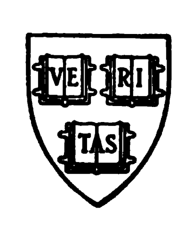

Google


VE RI
TAS

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ

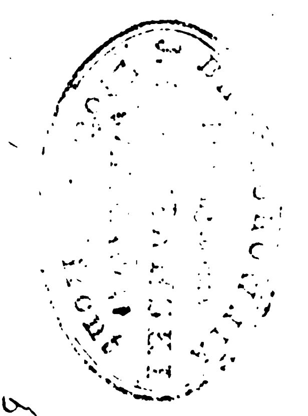
ПО

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ И ПРОСВѢЩЕНІЮ

М. И. СУХОМЛИНОВА

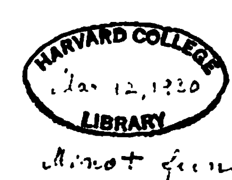
ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1889



LVI.

27-2



Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Н. И. НОВИКОВЪ,

АВТОРЪ ИСТОРИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.

Н. И. НОВИКОВЪ,

АВТОРЪ ИСТОРИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.

Мысль о собираніи матеріаловъ для исторіи словесности явилась у насъ въ половинѣ XVIII столѣтія и вызвана была тогдашнимъ состояніемъ русской литературы. Правда, еще въ XVII вѣкѣ любознательный Медвѣдевъ трудился надъ описаніемъ книгъ и, по всей справедливости, заслужилъ имя отца русской библіографіи. Но трудъ его имѣлъ особенную цѣль, опредѣлившую отчасти самый выборъ описываемыхъ произведеній. Слѣдуя духу времени, Медвѣдевъ принималъ дѣятельное участіе въ богословской полемикѣ въ самомъ ея разгарѣ, и для того, чтобы имѣть надежную опору, ему необходимо было ознакомиться съ литературою своего предмета. Весьма тщательно описывалъ онъ произведенія, служившія тогда авторитетомъ, и нѣкоторые изъ его пріемовъ усвоены впослѣдствіи извѣстнѣйшими спеціалистами.

Въ осьмнадцатомъ столѣтіи расширяется кругъ духовныхъ интересовъ нашего общества, число произведеній увеличивается, возникаетъ литературное направленіе, надолго удерживающее свое господство и получившее у насъ, не смотря на свое иностранное происхожденіе, своеобразный характеръ и нѣсколько мѣстныхъ оттѣнковъ. Знакомство съ иностранными литературами подѣйствовало благотворно на нашихъ писателей, открывши имъ новый міръ для изученія

и въ то же время проливая новый свѣтъ на явленія отечественной словесности. Литературныя связи Россіи съ другими европейскими народами усиливались все болѣе и болѣе. При Екатеринѣ II учреждена была комиссія для перевода книгъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, получавшая ежегодно по пяти тысячъ рублей на издержки по изданію книгъ и на вознагражденіе переводчикамъ. Комиссія публиковала отъ времени до времени о своихъ занятіяхъ, объявляя о книгахъ уже изданныхъ, а также и о назначенныхъ къ изданію и переводу. Переводились сочиненія Гомера, Теофраста, Діодора, Тацита, Теренція, Торквато Тассо, Монтескье, Геллерта и многія другія. Нѣкоторые изъ русскихъ писали на иностранныхъ языкахъ: бывали даже случаи, что иностранныя книги выходили подъ псевдонимомъ русскихъ писателей. Такъ, въ Парижѣ изданы драматическія произведенія русскаго князя Кленерцова: подъ этимъ псевдонимомъ скрывается французскій писатель Кармонтель (1717—1806). Русскіе,—говоритъ авторъ,—съ жадностью слѣдятъ за нашими нравами и обычаями, стараются подражать намъ и ничего не щадятъ для достиженія своей цѣли; они находятся въ сношеніи со всѣми французскими учеными, во всѣхъ родахъ [1]). Какъ всякая новизна, иностранное литературное вліяніе не вдругъ обнаружило свое благотворное дѣйствіе. Первоначально оно произвело броженіе въ нашемъ литературномъ мірѣ: одни вѣрили на слово иноземнымъ учителямъ, другіе относились къ нимъ враждебно, третьи съ гордою самоувѣренностью противопоставляли имъ отечественныхъ писателей. Въ журналахъ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія встрѣчаются такія сравненія: «то, что видѣли Аѳины въ самое благополучное время своей вольности, что видѣлъ Римъ при Августѣ; что видѣла Италія при Львѣ X; что видѣла Франція при Людовикѣ XIV,—увидѣла Россія во времена великой Елисаветы: стихотворство тогда процвѣтало купно съ прочими науками». Авторъ статьи о стихотворствѣ въ бѣгломъ очеркѣ говоритъ о поэзіи греческой, римской, французской, англійской, нѣмецкой, голланд-

[1]) Théâtre du prince Clénerzow, russe, traduit en français par le baron de Brening, saxon. Paris. 1771.

ской, датской, польской, русской, армянской, индійской, арабской и китайской. Изъ русскихъ писателей онъ упоминаетъ только о Симеонѣ Полоцкомъ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Херасковѣ, Кантемирѣ и Поповскомъ. Свѣдѣнія о писателяхъ состоятъ изъ общихъ мѣстъ, подобныхъ слѣдующимъ: «г. Ломоносовъ былъ первый, который на стройной и великолѣпной лирѣ возгремѣлъ дѣла Великаго Петра и его безпримѣрной дщери. Оды его пышностью, остротой и великолѣпіемъ и важностью наполнены. Написалъ двѣ трагедіи. Въ 1760 году выдалъ первую и нѣсколько спустя вторую пѣснь героической поэмы: «Петръ Великій»; и не меньше прославился своими сочиненіями въ прозѣ, въ физикѣ и химіи» [1]. Въ такомъ родѣ и такъ отрывочны были извѣстія о русскихъ писателяхъ до самаго 1772 года.

1772 годъ весьма замѣчателенъ въ исторіи нашей литературы: она обогатилась въ теченіе его двумя капитальными произведеніями, принадлежащими двумъ писателямъ, изъ которыхъ одинъ извѣстенъ какъ основательный ученый, другой какъ неутомимый двигатель народнаго образованія и безупречно честный гражданинъ, достигшій идеальной чистоты въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ. Эти два лица, неравныя, впрочемъ, по своему значенію для русской жизни,— Бакмейстеръ (1730—1806) и Новиковъ (1744—1818). Бакмейстеръ предпринялъ въ 1772 г. изданіе «русской библіотеки для познанія современнаго состоянія литературы въ Россіи» [2], и самымъ добросовѣстнымъ образомъ издавалъ ее въ теченіе шестнадцати лѣтъ, пока быстрое усиленіе литературной производительности и невозможность получать всѣ выходящія вновь книги не заставила его прекратить въ высшей степени полезное изданіе. Поводомъ къ этому труду было начавшееся въ нашей литературѣ движеніе и большой интересъ, возбужденный въ иностранной журналистикѣ Наказомъ Екатерины II, вышедшимъ въ переводѣ на нѣсколькихъ языкахъ. Предпринимая библіографическое изданіе, авторъ увѣренъ былъ, что оно будетъ имѣть довольно зна-

[1] Полезное увеселеніе. 1762. Май и іюнь, стр. 196—220 и 235—240.

[2] Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland. 1772—1778. S.-Petersburg, Riga und Leipzig. Всего одиннадцать томовъ.

чительный кругъ читателей; что же касается матеріаловъ, то, по мнѣнію автора, ихъ чрезвычайно много, такъ много, что трудно указать другое государство, въ которомъ бы явилось столько хорошихъ вещей въ первое столѣтіе литературной образованности и въ такой небольшой промежутокъ времени. Передавая свою «библіотеку» на судъ потомства, издатель говоритъ, что въ ней находятся свѣдѣнія о состояніи литературы въ Россіи (съ 1770 года), о ея ходѣ и ростѣ; о судьбѣ различныхъ наукъ, разработываемыхъ въ Россіи; о множествѣ книгъ и брошюръ, отчасти уже исчезнувшихъ безъ малѣйшаго слѣда; о писателяхъ, ихъ дѣятельности и предпріятіяхъ, и о многихъ другихъ предметахъ любознательности. Даже и теперь, спустя почти цѣлое столѣтіе, ученые признаютъ, что ни одно изъ послѣдующихъ изданій въ подобномъ родѣ не только не превзошло, но не можетъ и сравниться съ превосходнымъ трудомъ Бакмейстера.

Другой трудъ, вышедшій почти одновременно съ первымъ выпускомъ русской библіотеки, есть «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», собранный «изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій» Н. И. Новиковымъ, и изданный въ Петербургѣ въ 1772 году. Авторъ говоритъ въ предисловіи: «Не тщеславіе получить названіе сочинителя, но желаніе оказать услугу моему отечеству къ сочиненію сей книги меня побудило. Польза, отъ таковыхъ книгъ происходящая, всякому просвѣщенному читателю извѣстна; не можетъ также быть не вѣдомо и то, что всѣ европейскіе народы прилагали стараніе о сохраненіи памяти своихъ писателей, а безъ того погибли бы имена всѣхъ, въ писаніяхъ прославившихся мужей. Одна Россія по сіе время не имѣла такой книги, и, можетъ быть, сіе самое было погибелію многихъ нашихъ писателей, о которыхъ никакого нынѣ не имѣемъ мы свѣдѣнія». Въ этихъ искреннихъ словахъ весьма вѣрно указывается та точка зрѣнія, съ которой нашъ собиратель матеріаловъ для исторіи словесности смотрѣлъ на свою задачу и на дѣятельность отечественныхъ писателей.

Въ словарѣ собраны свѣдѣнія, отъ весьма подробныхъ до самыхъ краткихъ, о трехъ стахъ семнадцати писателяхъ.

Особенно подробно говорится о жизни и сочиненіяхъ: Ѳеофана Прокоповича, Волкова—перваго русскаго актера, Ломоносова, Кантемира, архіепископа Амвросія, убитаго въ 1771 году во время возмущенія въ Москвѣ, и Тредьяковскаго. Изъ общаго числа писателей огромное большинство принадлежитъ осьмнадцатому столѣтію, и только седьмая часть съ небольшимъ приходится на долю писателей всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ—отъ десятаго до семнадцатаго. Заботясь о возможной полнотѣ, авторъ называетъ и писателей, не напечатавшихъ ни единой строки, упоминаетъ не только о Дегенинѣ, трудъ котораго, хотя и неизданный, заслуживаетъ вниманія, но даже о Вѣницѣевѣ и другихъ. Вѣницѣевъ, Семенъ, коллежскій регистраторъ, много писалъ похвальныхъ одъ и другихъ стихотворныхъ сочиненій, но печатныхъ нѣтъ. Дегенинъ, генералъ-поручикъ, сочинилъ книгу: описаніе сибирскихъ рудокопныхъ заводовъ, и украсилъ ее многими чертежами. Сія книга рукописною хранится въ Императорской библіотекѣ». Включены и такіе писатели, сочиненія которыхъ, и притомъ самыя незначительныя, впервые напечатаны въ самомъ словарѣ, какъ напримѣръ: «Рудаковъ, Иванъ, старшій наборщикъ въ академической типографіи. Сей сочинялъ разныя и весьма изрядныя стихотвореніи, а по большой части сатирическія. Здѣсь слѣдуютъ стихи его сочиненія. Стихи къ опыту историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ:

Представленъ свѣту здѣсь мужей разумныхъ родъ,
Которы принесли Россіи вѣчный плодъ;
Не множествомъ вѣковъ, но со временъ Петровыхъ
Россія зритъ въ себѣ писателей сихъ новыхъ....
Читая одного, увидишь Цицерона,
Въ другомъ Овидія, въ иномъ Анакреона....
Коль хочешь чувствовать любви златыя узы,
Старайся слышать слогъ россійской де ла Сюзы,
Въ которой оныя пріятность вся видна.
Въ Россіи Сафо есть и Сафо не одна....

Нѣсколько именъ, упоминаемыхъ Новиковымъ, не встрѣчается въ послѣдующихъ библіографическихъ сочиненіяхъ по исторіи русской литературы, составленныхъ съ большею точностью и съ болѣе строгимъ выборомъ. «Дубровскій, Адріанъ, при россійскомъ въ Голландіи министрѣ перевод-

чикъ, писалъ стихи, изъ коихъ многія напечатаны въ ежемѣсячныхъ академическихъ сочиненіяхъ разныхъ годовъ. Онъ перевелъ въ россійскіе стихи трагедію Заиру весьма нехудо. Вообще стихотворство его похваляется довольно». Также не упоминаются впослѣдствіи: Аѳанасій, епископъ ростовскій; Антоній, архимандритъ новогородскаго вяжицкаго монастыря; Гедескій (?), сочинившій книгу стоглавникъ, содержащую въ себѣ сто главъ различныхъ нравоученій, и т. д.

Но почти всѣ извѣстія о писателяхъ, впервые собранныя Новиковымъ, вошли въ позднѣйшія сочиненія о русской литературѣ, въ томъ или другомъ видѣ, съ различными измѣненіями, поправками и дополненіями. Слѣды первоначальнаго источника очевидны, обнаруживаясь иногда буквальнымъ сходствомъ. У Новикова: «Бѣлоградской Андрей». Изъ его сочиненій осталась извѣстною одна только книжка: Бесѣда милости со истиною, напечатанная въ С.-Петербургѣ. Сія книжка написана весьма замысловато и достойна похвалы». У митрополита Евгенія: «Бѣлоградскій Андрей сочинилъ небольшую, но замысловатую книжку подъ названіемъ: Бесѣда милости со истиною. Она напечатана была въ С.-Петербургѣ, около 1750 г.» — О Сумароковѣ, у Новикова: «И хотя первый онъ изъ россіянъ началъ писать трагедіи по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства, но столько успѣлъ во оныхъ, что заслужилъ названіе сѣвернаго Расина». У митрополита Евгенія: «Сумароковъ первый изъ русскихъ началъ писать трагедіи по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства, и, подражая во многомъ Расину и Вольтеру, успѣлъ въ оныхъ столько, что получилъ отъ современниковъ своихъ названіе сѣвернаго Расина». Статья о Волковѣ заимствована митрополитомъ Евгеніемъ почти дословно изъ словаря Новикова: нѣкоторыя мѣста сокращены и слогъ нѣсколько подновленъ.

Въ словарѣ Новикова надо различать двѣ стороны: фактическую и критическую. Въ первой онъ является неутомимымъ собирателемъ матеріаловъ; въ приговорахъ же его и литературныхъ мнѣніяхъ слышится голосъ его времени, а еще болѣе — его личнаго убѣжденія *сохранить память* литературныхъ дѣятелей и не омрачать ее укоризнами. Не говоря уже о такихъ знаменитостяхъ тогдашней литературы,

какъ Ломоносовъ или Сумароковъ, Новиковъ такъ отзывается о второстепенныхъ литераторахъ. Князь Козловскій началъ было писать трагедію изъ казанской исторіи, но не кончилъ; похвальное слово его Екатеринѣ II также не кончено: если бы трагедія и похвальное слово были кончены, то сдѣлали бы ему безсмертную славу. Трагедіи Майкова написаны въ правилахъ театра, характеры всѣхъ лицъ выдержаны очень хорошо; любовь въ нихъ нѣжна и естественна; герои велики, а стихотворство чисто, пріятно и важно; обѣ наполнены стихотворческимъ жаромъ и проч. Можно ли осуждать критику семидесятыхъ годовъ за подобные отзывы, когда, спустя болѣе полустолѣтія, многіе литературные органы говорили такимъ же языкомъ. Дорожа нравственнымъ достоинствомъ человѣка, Новиковъ былъ крайне осторожень въ приговорахъ о личномъ характерѣ писателей. Порицанія его въ такомъ родѣ: «если можно было въ немъ что похулить,—говоритъ онъ о Елчаниновѣ,—такъ это было чрезмѣрное его чистосердечіе и излишняя довѣренность къ тѣмъ его друзьямъ, которые оказалися сего не достойными. Мягкость отзывовъ, доходящая до безцвѣтности, происходила не отъ недостатка таланта или энергіи въ отношеніи къ разбираемому предмету: лучшимъ доказательствомъ этому служатъ юмористическія изображенія авторовъ на страницахъ живописца — журнала, издававшагося тѣмъ же Новиковымъ. Онъ чрезвычайно живо осмѣиваетъ литераторовъ, воспѣвающихъ блаженство пастушковъ, съ свирѣлью, въ долинѣ, у источника, въ тѣни вѣчно-зеленыхъ дубовъ, когда на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго, и долины наши заносятся снѣгомъ, и оглашаются вьюгами, а не звукомъ свирѣлей. Снисходительность критической оцѣнки писателей у Новикова вполнѣ согласна съ общимъ направленіемъ тогдашней литературной критики. Характеръ ея весьма ярко выражается въ слѣдующемъ заявленіи одного изъ самыхъ дѣльныхъ литературныхъ органовъ того времени: «Желали-бъ мы не взирать *ни на чинъ, ни на свойства, ни на славу авторовъ*, но единственно на содержаніе и достоинство ихъ произведеній. Однако, уважая, что россійскіе писатели и переводчики *должны преодолѣвать многія трудности* по причинѣ недостатка въ довольномъ числѣ ученыхъ и образцомъ служащихъ предшественниковъ, и не

имѣя основательныхъ систематическихъ въ юности наставленій, станемъ, умягчая строгость критики, имѣть больше склонности *хвалить, нежели порочить»* [1]). Такая склонность весьма естественна въ средѣ, непривычной къ литературной критикѣ, основанной на строгомъ изученіи разсматриваемыхъ произведеній. Да и самое число произведеній, имѣющихъ право на критику, было крайне ограничено въ то время, когда Новиковъ собиралъ матеріалы для своего словаря. Даже такія явленія, какъ поэмы Хераскова, не могли найти достойныхъ критиковъ, и принимаемы были съ нѣмымъ восторгомъ. Когда Херасковъ написалъ Россіаду, петербургскіе литераторы собирались у Новикова нѣсколько вечеровъ сряду, чтобы составить критическій разборъ новой поэмы, но рѣшительно не могли совладать съ произведеніемъ, поразившимъ ихъ своимъ содержаніемъ и объемомъ [2]).

Не смотря на крайнюю снисходительность Новикова въ своихъ сужденіяхъ о заслугахъ писателей, трудъ его принятъ нѣкоторыми весьма неблагосклонно. Сопиковъ въ своемъ библіографическомъ опытѣ, замѣчаетъ, что патріоты нѣсколько разъ покушались разлить истинный свѣтъ въ нашей словесности, но усилія ихъ не достигали желаемой цѣли: труды почтеннаго Новикова, какъ первый опытъ въ этомъ родѣ, не могли быть удовлетворительны, и приняты тогда даже съ бранью [3]). Однимъ изъ самыхъ жестокихъ литературныхъ враговъ Новикова былъ Шлецеръ. Не видя себя въ числѣ писателей, помѣщенныхъ въ словарѣ Новикова, не смотря на то, что издалъ три книги на русскомъ языкѣ, Шлецеръ находилъ въ этомъ пропускѣ умышленное недоброжелательство. Онъ обвиняетъ автора въ томъ, что заслуги его приписываются съ намѣреніемъ другимъ лицамъ: предисловіе Шлецера къ русской исторической библіотекѣ Новиковъ приписываетъ Тауберту, а ученымъ издателемъ Никоновской лѣтописи называетъ Башилова, который былъ просто переписчикомъ, находившимся въ полномъ распоряженіи настоящаго издателя — Шлецера. Оскорбленное

---

[1]) Санктпетербургскій Вѣстникъ. 1778. Часть первая, стр. 57.
[2]) Мелочи изъ запаса моей памяти. М. Дмитріева. 1854, стр. 16.
[3]) Сопикова: Опытъ россійской библіографіи. Стр. XV.

самолюбіе Шлецера переходитъ всѣ границы; съ какою желчью отзывается онъ о Новиковѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго упоминанія о немъ при случаѣ, замѣчательнаго и въ другомъ отношеніи: «дворъ,—разсказываетъ Шлецеръ,—давалъ маскерадъ. Я послалъ своего слугу туда, гдѣ раздавались даровые билеты; онъ, вѣроятно, неясно назвалъ мою фамилію и чинъ, и ему сказали, что всѣ билеты уже розданы. Но потомъ воротили его и спросили, не иностранецъ ли я? Слуга отвѣчалъ утвердительно, и ему сейчасъ же выдали билетъ Я знаю множество примѣровъ, показывающихъ, что для образованнаго русскаго слово иностранецъ (Ausländer) такъ же почетно, скажу болѣе—такъ же священно, какъ слово étranger для истаго парижанина. Къ чести русскихъ, *Новиковы—рѣдкость между ними;* русская нація слишкомъ велика для того, чтобы завидовать иностранцамъ» [1]). Въ оскорбительной выходкѣ Шлецера есть одна правда, именно та, что такіе люди, какъ Новиковъ, большая рѣдкость: къ такому заключенію приходятъ невольно при разсмотрѣніи его благородной общественной дѣятельности, только въ смыслѣ противоположномъ тому, который данъ личною враждою и злою несправедливостью.

Авторское самолюбіе, доходившее до крайней раздражительности въ современномъ Новикову литературномъ кругу, преслѣдовало почтеннаго собирателя историческихъ матеріалопъ насмѣшками и укоризнами, отвергавшими всякое достоинство и пользу его замѣчательнаго труда. Подобно Шлецеру, вооружился противъ словаря извѣстный стихотворецъ того времени Петровъ. Нападки его гораздо остроумнѣе Шлецеровыхъ, и онъ имѣлъ болѣе основательный поводъ отнестись къ книгѣ, попасть въ которую значило получить патентъ на безсмертіе. О Петровѣ словарь отозвался не только холодно, но съ такою ироніею, которая составляетъ рѣзкій контрастъ съ общимъ тономъ хвалебныхъ отзывовъ о другихъ писателяхъ. Эта иронія показываетъ солидарность словаря съ однимъ изъ первыхъ нашихъ сатирическихъ журналовъ, гдѣ встрѣчаются колкія выходки противъ Петрова,

[1]) August Ludwig Schlözer's öffentliches und Privat-Leben, von ihm selbst beschrieben. 1802, стр. 163 и 179.

и пародируются стихи его. Въ «Смѣси» 1769 г. говорится: «Клеонъ, превознесенный хвалами, думаетъ о себѣ, что онъ превосходитъ Пиндара затѣмъ, что обучалъ риторикѣ, не зная въ какомъ-то монастырѣ, и вытвердилъ наизусть всего Виргилія»—явный намекъ на Петрова, обучавшаго въ Московской духовной академіи риторикѣ и переводившаго Энеиду Виргилія. Въ одѣ Петрова на карусель 1766 года встрѣчаются слѣдующіе стихи:

Я слышу страшный *шумъ музыки!*
То *слухъ мой нѣжитъ и живитъ*....
Тамъ рыцари взаимъ пылаютъ,
И жаръ за жаромъ изсылаютъ;
Крутятъ коней, звучатъ броньми;
Во рвеніи, въ пыли и потѣ,
Въ незнающей устать охотѣ
Сверкаютъ златомъ и мечами....
То *сердце* бьется мнѣ отъ страху,
Чтобъ сей герой теча съ размаху
Чѣмъ не былъ въ бѣгѣ преткновенъ;
То вдругъ, лишь онъ мечемъ заблещетъ,
Его успѣху *совосплещетъ*....
Такъ быстро воины Петровы
Скакали въ марсовыхъ поляхъ,
Такія въ нихъ сердца орловы,
Таковъ былъ *челъ* и дланій *взмахъ*, и т. д.

Въ «Смѣси» замѣчаютъ объ авторѣ этихъ стиховъ: «онъ столько гордъ, что и разсудокъ презираетъ; ему нѣтъ до него нужды, а надобны только стопы и риѳмы, ибо въ его стихахъ *музыки ревъ бодритъ и нѣжитъ духъ; въ предсердіи кипитъ и кровь; герои всѣ лактьми сверкаютъ, челомъ махаютъ, и духъ его героямъ плещетъ; надъ мыслей дѣюща понятность*, и прочее, сему подобное.... Нѣкоторый господинъ пуще всего избаловалъ извѣстнаго намъ умника, сказавъ, что онъ больше имѣетъ способностей, нежели славный нашъ лирикъ. По моему, сходнѣе сказать, что муха равна со слономъ, нежели сравнять нескладныя и наудачу писанныя его сочиненія съ одами славнаго нашего стихотворца» (стр. 119—120 и 131—133). Здѣсь рѣчь идетъ о Ломоносовѣ и Петровѣ, какъ видно изъ отзыва словаря о Петровѣ: «онъ напрягается идти по слѣдамъ россійскаго лирика, и хотя нѣкоторые и называютъ уже его вторымъ

Ломоносовымъ; но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого нибудь сочиненія, и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ или *останется только Петровымъ,* и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова». Въ свою очередь Петровъ не остался въ долгу передъ Новиковымъ: онъ осмѣялъ словарь его въ сатирическомъ посланіи изъ Лондона. Чтобы вполнѣ ясны были намеки посланія, надо припомнить, что о нѣкоторыхъ писателяхъ въ словарѣ сказано, что сочиненія ихъ «похваляются», о другихъ, что «много похваляются» и т. п., а въ числѣ авторовъ помѣщены: и бывшій *сидѣлецъ въ мучной лавкѣ,* Кулибинъ; и *батырщикъ* съ мацами — наборщикъ академической типографіи Рудаковъ и *пономарь* Тимоѳей, продолжатель древней лѣтописи; и *дьяконъ* Савицкій, оставившій духовное званіе, чтò послужило причиною тому, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не вышло при Елисаветѣ ни одной проповѣди ни священника, ни дьякона [1]), и т. п. На этотъ-то нечиновный людъ, пожалованный въ литераторы, направлены слѣдующіе стихи сатиры:

Какъ такъ, ты говоришь, я шлюсь на словаря,
Въ немъ имя ты мое найдешь безъ фонаря;
Смотритко тамо я, какъ солнышко, блистаю,
На самой маковкѣ Парнаса превитаю;
То правда, косна желвь тамъ сдѣлана орломъ,
Кокушка лебедемъ, ворона соколомъ;
Тамъ монастырскіе запечны лежебоки
Пожалованы всѣ въ искусники глубоки;
Коль вѣрить словарю, то сколько есть дворовъ,
Столь много на Руси великихъ авторовъ.
Тамъ подлый на ряду съ писцомъ стоитъ алырщикъ,
Игуменъ тутъ съ клюкой, тутъ съ мацами батырщикъ;
Здѣсь дьяконъ съ хаданомъ, тамъ пономарь съ кутьей;
Съ баклагой сбитеньщикъ и водоливъ съ бадьей.
А все то авторы, все мужи имениты,
Да были до сихъ поръ оплошностью забыты,—
Теперь свѣтъ умному обязанъ молодцу,
Что полну ихъ именъ составилъ памятцу:
Въ дни древни, въ старину, жилъ-былъ-де царь Ватуто,
Онъ былъ, да жилъ да былъ, и сказка-то вся туто.
Такой-то въ эдакомъ писатель жилъ году,

[1]) Обзоръ русской духовной литературы, архіепископа Филарета. Кн. 2-я. Черниговъ. 1863, стр. 54—55.

Ни строчки на своемъ не издалъ онъ роду,
При всемъ томъ слогъ имѣлъ, повѣрьте, молодецкій,
Зналъ греческій языкъ, китайскій и турецкій.
Тотъ умныхъ столько-то наткалъ проповѣдей,
Да ихъ въ печати нѣтъ: о, былъ онъ грамотѣй!
Въ семъ годѣ цвѣлъ Ѳома, а въ едакомъ Ерема,
Какая же по немъ осталася поэма?
Слогъ пылокъ у сего и разумъ такъ летучъ,
Какъ молнія въ ѳеиръ сверкающа изъ тучъ.
Сей первый издалъ въ свѣтъ шутливую піесу
По точнымъ правиламъ и хохота по вѣсу.
Сей надпись начерталъ, а этотъ—патерикъ,
Въ томъ разума былъ пудъ, а въ этомъ четверикъ.
Тотъ истину хранилъ, чтилъ сердцемъ добродѣтель,
Друзьямъ былъ вѣрный другъ и бѣднымъ благодѣтель,
Въ великомъ тѣлѣ духъ великій же имѣлъ,
И, видя смерть въ глазахъ, былъ мужественъ и смѣлъ.
Словарникъ знаетъ все, въ комъ умъ глубокъ, въ комъ мелокъ;
Разсудковъ и добротъ онъ вѣрный есть оселокъ.
Кто съ нимъ ватажился, былъ другъ ему и братъ,
Во святцахъ тотъ его не меньше какъ Сократъ.
О, други, что своимъ дивитеся работамъ,
Сію вы памятцу читайте по субботамъ...

Въ посланіи Петрова къ Екатеринѣ II также упоминаются герои ненавистнаго словаря:

Се вижу девять музъ и Аполлонъ десятый
Съ лопушникомъ въ рукахъ, съ петрушкой, лавромъ, мятой
За новый вымыселъ бредутъ меня вѣнчать.
Ахъ! обманулся я: то—риѳменные вои,
Парнаса витязи, изъ словаря герои.
Какое множество винъ бубенъ и желудей [1])

Въ непосредственной связи, и по времени, и по духу, съ историческимъ словаремъ Новикова находится изданіе того же автора: «Древняя Россійская Вивліоѳика». Въ словарѣ сообщались свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ; въ Вивліоѳекѣ печатались самыя произведенія отечественной словесности. Оба изданія связаны единствомъ цѣли и направленія: заботясь, при составленіи словаря, о томъ, чтобы сохранить дорогую для потомства память писателей, трудившихся для славы и пользы отечества, Новиковъ, приступая къ изданію Вивліоѳики, одушевленъ былъ мыслью спасти отъ заб-

[1]) Сочиненіе В. Петрова. 1811. Часть 3-я, стр. 115—118 и 147—148.

венія письменные памятники минувшаго быта, скрѣпить нравственную связь потомковъ съ предками, съ ихъ нравами и обычаями, и изученіемъ родной старины поддержать и развить сочувствіе къ родинѣ и ея исторической судьбѣ. Но эта благородная цѣль не защитила новое изданіе; подобно словарю, оно подверглось нападеніямъ, какъ можно заключить по различнымъ выходкамъ, разсѣяннымъ въ тогдашней журналистикѣ и направленнымъ на названіе труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на содержаніе. Въ Повѣствователѣ Древностей Россійскихъ, выходившемъ въ 1776 году и составляющемъ теперь величайшую библіографическую рѣдкость, находится такого рода обращеніе къ благосклонному любителю русскихъ древностей: «сіе изданіе предпріялъ я издавать въ угодность вашу. Вы находите довольно свободнаго времени для прочтенія сихъ листковъ.... Вашъ слухъ не страждетъ при изреченіи мудренаго, страннаго и нелѣпаго слова *вивліоѳика,* и не дѣлается вамъ оттого ни апоплексіи, ниже частыхъ и жестокихъ обмороковъ. Взявши книгу моего изданія, вы не чувствуете худого запаха и гнили, и пыль, покрывающая сіи древности, не заглушаетъ васъ». Журналъ «Кошелекъ» 1774 г. подсмѣивается надъ патріотическимъ одушевленіемъ автора Словаря и Вивліоѳики, прославляющей небывалыя добродѣтели предковъ: самое названіе ея кто-то вытащилъ на свѣтъ изъ самой глубокой древности; оно деретъ уши, и никому не извѣстно ни въ Россіи, ни во Франціи; библіотеку знаютъ всѣ, а вивліоѳики никто не понимаетъ. Это разсужденіе, — продолжаетъ авторъ письма, помѣщеннаго въ сатирическомъ журналѣ,—слышалъ я недавно отъ одного русскаго стихотворца, замѣтившаго, что такая ересь недавно ввелась между русскими писателями, которыхъ считаетъ всего только трехъ во всей пространной Россійской имперіи. Эдакое изобиліе! а у французовъ ихъ тысячи съ три: примѣтьте же эту маленькую разницу, и не дерзайте сравнивать русскихъ съ французами...»

Разсматривая словарь Новикова и помимо всѣхъ увлеченій современной ему литературной непріязни, легко замѣтить его недостатки. Въ немъ есть значительные пробѣлы, неизбѣжные, впрочемъ, для всякаго перваго опыта; о нѣкото-

рыхъ писателяхъ говорится въ самыхъ общихъ чертахъ и не называются ихъ сочиненія; въ иныхъ показаніяхъ, какъ о жизни, такъ и о сочиненіяхъ авторовъ, недостаетъ точности и необходимыхъ хронологическихъ данныхъ. Въ словарѣ не упоминается *иногда* и о такихъ авторахъ, сочиненія которыхъ выдержали нѣсколько изданій, какъ, напримѣръ, о Волчковѣ, извѣстномъ своими переводами, изъ которыхъ: «Флоринова экономія» издана была, до появленія словаря, три раза — въ 1738, 1750 и 1760 г.; «Житіе и дѣла Марка Аврелія» съ премудрыми его разсужденіями о себѣ самомъ—въ 1740 и 1760 г., и др. Онъ же перевелъ Essais Монтана—«Михайлы Монтаніевы Опыты», 1762 г. Случается, что самое имя автора передано невѣрно, какъ напримѣръ: «Лухутьевъ Софроній сочинилъ торжество о заключенномъ мирѣ между Россійскою имперіею и шведскою короною». Это значитъ — Софроній Лихудъ, извѣстный въ исторіи нашего образованія, воспѣвшій заключеніе мира съ Швеціею, и т. п. Но все это предвидѣлъ и сознавалъ самъ авторъ: собираніе свѣдѣній сопряжено было въ то время съ трудомъ необыкновеннымъ: Новиковъ самъ видѣлъ нѣкоторыя погрѣшности въ своей книгѣ, но не исправилъ ихъ единственно потому, что, не смотря на всѣ свои усилія, не могъ получить свѣдѣній болѣе достовѣрныхъ. Не будучи въ состояніи сдѣлать невозможнаго, и чуждый всякаго самообольщенія, Новиковъ выразилъ собственный взглядъ на свой трудъ, назвавъ его не болѣе, какъ *опытомъ* историческаго словаря о русскихъ писателяхъ. Труды собирателя даже печатныхъ матеріаловъ усложнялись плохимъ состояніемъ книжной торговли. Не было не только каталоговъ, но и книжныхъ лавокъ: книги продавались или при типографіяхъ, въ которыхъ печатались, или у переплетчиковъ. Единственный порядочный каталогъ, съ точными заглавіями и съ обозначеніемъ формата и года изданія, изданъ книгопродавцемъ Миллеромъ. Каталогъ его, по свидѣтельству Бакмейстера, былъ невиданною новостью въ Россіи и единственно пригодною книгою для библіографическихъ справокъ. По выходѣ въ свѣтъ словаря Новикова, было объявлено въ Вѣдомостяхъ, что онъ продается у переплетчика Миллера. Безпристрастные изслѣдователи оцѣнили всю важ-

ность литературныхъ и общественныхъ заслугъ Новикова, и воздаютъ должную дань уваженія каждому изъ его трудовъ. Современные намъ критики и библіографы признаютъ историческій словарь Новикова замѣчательнѣйшимъ явленіемъ при тогдашнемъ недостаткѣ матеріаловъ для разработки, и видятъ въ этомъ трудѣ неоспоримое доказательство того, какъ усердно занимался Новиковъ изученіемъ русской литературы [1]).

Самое рѣшительное оправданіе Новикову отъ всѣхъ навѣтовъ и несоразмѣрныхъ требованій находится въ тѣхъ источникахъ и пособіяхъ, которыми по необходимости онъ долженъ былъ пользоваться при собираніи матеріаловъ въ половинѣ осьмнадцатаго столѣтія. А онъ со всею энергіею и добросовѣстностью добывалъ всевозможныя свѣдѣнія, стараясь воспользоваться всѣмъ, что только было ему доступно. Сообщая читателямъ эпиграмму Волкова, основателя русскаго театра, Новиковъ замѣчаетъ, что хотѣлъ бы сообщить и всѣ его стихотворенія, но ни у кого не могъ отыскать. То же самое онъ могъ бы сказать въ большей части случаевъ, когда у него замѣчаются пробѣлы.

Источники его были двоякаго рода: изустные, живыя свидѣтельства современниковъ, и печатные или письменные. Такъ, онъ пользовался русскою исторіею Щербатова, періодическими изданіями Академіи наукъ, «Русскою историческою библіотекою», словомъ—всѣмъ, что представляла лучшаго тогдашняя ученая литература [2]). По его собственному признанію, бо́льшую часть свѣдѣній о нашихъ писателяхъ онъ долженъ былъ собирать только *по словеснымъ преданіямъ*. Довольно подробное описаніе жизни Эмина составлено по изустному разсказу самого Эмина. По свидѣтельству митрополита Евгенія, многія критическія замѣчанія о русскихъ писателяхъ и преимущественно о стихотворцахъ сообщены Новикову Су-

---

[1]) Лонгинова: Новиковъ и Шварцъ — матеріалы для исторіи русской литературы въ концѣ XVIII вѣка. 1858, стр. 6.

[2]) О Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, издаваемыхъ Академіею наукъ и о «Библіотекѣ россійской исторической» см. Ученыя Записки Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. Томъ I. Выпускъ I. 1852, стр. LVII—LXXII.

мароковымъ [1]). Кеппенъ говоритъ, что большая часть статей объ историкахъ, *сколько извѣстно*, сообщена ему Г. Ф. Миллеромъ, а о духовныхъ писателяхъ—Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ [2]). Исторіографъ Миллеръ,—по свидѣтельству митрополита Евгенія,—«сверхъ упражненій въ собственныхъ сочиненіяхъ, снабжалъ нерѣдко иностранныхъ и россійскихъ писателей многими своими записками и выписками». Поэтому весьма естественно, что Новиковъ, подобно многимъ другимъ, обращался къ Миллеру. Извѣстія о двухъ продолжателяхъ древней лѣтописи и отчасти о Палицынѣ извлечены изъ статьи Миллера о первомъ лѣтописцѣ и его продолжателяхъ, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» за 1755 годъ. Свѣдѣнія о Хилковѣ взяты изъ предисловія Миллера къ «Ядру россійской исторіи». Свѣдѣнія объ историкахъ, упоминаемыхъ въ словарѣ въ самомъ небольшомъ числѣ, заимствованы большею частью у Щербатова, а самъ Щербатовъ свидѣтельствуетъ, что честь его историческаго труда наполовину принадлежитъ Миллеру. Сотрудникъ Миллера по архиву, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, трудившійся, по словамъ Новикова, «въ разбираніи достопамятностей къ россійской исторіи подъ смотрѣніемъ Миллера», также помогалъ Новикову въ его трудѣ, какъ видно, между прочимъ, изъ статьи объ Амвросіѣ, убитомъ въ 1771 году, буквально сходной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ жизнеописаніемъ Амвросія, изданнымъ впослѣдствіи сыномъ Бантышъ-Каменскаго, которое въ свою очередь многое почерпало слово въ слово, по признанію самого автора, изъ записокъ его отца. Біографія, составленная Дмитріемъ Николаевичемъ Бантышъ-Каменскимъ, пересчитываетъ сочиненія Амвросія въ томъ же порядкѣ, какъ и въ словарѣ Новикова, не упоминая только о трактатѣ Ѳеофана и сочиненіи Попе, переведенномъ Поповскимъ и исправленномъ Амвросіемъ. Характеристика погибшаго архіепископа дословно сходна у Новикова и Бантышъ-Каменскаго: «Что принадлежитъ до нрава и природныхъ свойствъ сего пастыря, то онъ былъ примѣрный въ

[1]) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей. 1845. II, 187.

[2]) Кеппена: Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. 1819. № 1, стр. 30.

санѣ и достоинствѣ своемъ мужъ; разумъ его былъ просвѣщенный, чуждъ суевѣрія и лицемѣрія; въ обхожденіи со всѣми знающими его учтивъ, къ подчиненнымъ строгъ, но правосуденъ, къ высшимъ почтителенъ, къ низшимъ снисходителенъ, а къ равнымъ благосклоненъ. Въ раздаваніи милостыни бѣднымъ, а паче страннымъ и пришельцамъ, щедръ безъ тщеславія. Сіе неоспоримо доказываетъ московскій воспитательный домъ, гдѣ онъ, подая примѣръ человѣколюбія, принялъ на себя званіе опекуна.... Судія нелицепріемный, любитель наукъ и покровитель учащихся, въ дружбѣ искрененъ, въ трудахъ неутомимъ» и т. д. [1]). Бантышъ-Каменскій, племянникъ архіепископа Амвросія, былъ свидѣтелемъ постигшей его катастрофы. Сношеніями Новикова съ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ объясняется то, что статья объ Амвросіѣ принадлежитъ къ числу самыхъ обширныхъ статей историческаго словаря.

Наконецъ, въ числѣ источниковъ, которыми пользовался Новиковъ, надо назвать замѣтки русскаго писателя, помѣщенныя въ иностранномъ періодическомъ изданіи. Въ предисловіи къ словарю Новиковъ говоритъ: «въ 1766 году, нѣкто россійскій путешественникъ сообщилъ въ лейпцигскій журналъ извѣстіе о нѣкоторыхъ россійскихъ писателяхъ, которое во ономъ журналѣ на нѣмецкомъ языкѣ напечатано и принято съ великимъ удовольствіемъ. Но сіе извѣстіе весьма кратко, а притомъ индѣ не весьма справедливо, а въ другихъ мѣстахъ пристрастно написано. Сіе самое было мнѣ *главнымъ поощреніемъ къ составленію сія книги*. Не въ порицаніе неизвѣстному писателю, сообщившему въ лейпцигскій журналъ описаніе нашихъ авторовъ, упомянулъ я здѣсь о его извѣстіи, но только для того, чтобы показать, сколь трудно въ первый разъ издавать такого ро[illegible] сочиненія».

Въ лейпцигской прессѣ замѣтки о русскихъ писателяхъ и даже отрывки изъ нихъ не были совершенною новостью. Въ книжкѣ, изданной въ Лейпцигѣ, встрѣчается нѣсколько русскихъ стихотвореній, а также и отрывки русскаго пере-

[1]) Ср. Жизнь преосвященнаго Амвросія, архіепископа московскаго, убіеннаго въ 1771 году. Дмитрія Бантышъ-Каменскаго. Москва 1813, стр. 37, 71—72.

вода Велисарія[1]). Но, кромѣ подобныхъ случайностей, на страницахъ лучшаго изъ тогдашнихъ литературныхъ журналовъ, выходившаго въ Лейпцигѣ, помѣщенъ обзоръ русскихъ писателей, наиболѣе подробный изъ всѣхъ, являвшихся у насъ до самого Новикова. Упомянувъ о лейпцигскомъ журналѣ, Новиковъ не приводитъ его названія. Кеппенъ полагалъ бы, что эта статья напечатана въ «Acta eruditorum», еслибы она не была писана на нѣмецкомъ языкѣ: онъ внесъ ее, подъ именемъ извѣстія о русскихъ писателяхъ въ нѣкоторомъ (?) лейпцигскомъ журналѣ, въ число источниковъ для составленія исторіи русской словесности[2]). Бакмейстеръ же, сообщая извѣстіе о словарѣ Новикова, говоритъ, что поводомъ къ этому труду послужила статья о русскихъ писателяхъ, явившаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ (писано въ 1773 году) въ «Новой библіотекѣ изящной словесности»[3]). Внимательное сравненіе данныхъ, находящихся въ словарѣ Новикова, съ тѣми, которыя доставлены русскимъ путешественникомъ, посѣщавшимъ Лейпцигъ, показываетъ, что статья, о которой идетъ рѣчь, помѣщена, въ 1768 году, въ седьмомъ томѣ лейпцигскаго періодическаго изданія: «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste, и что она послужила не только поводомъ къ изданію историческаго словаря, но отчасти даже источникомъ при его составленіи.

«Библіотека изящной словесности» была вызвана литературнымъ движеніемъ того времени, когда велась ожесточенная полемика между двумя направленіями, во главѣ которыхъ стояли Готшедъ и Бодмеръ. Не примыкая ни къ одной изъ враждебныхъ сторонъ, нѣкоторые изъ передовыхъ писателей рѣшились проложить новый путь критикѣ, и знаменемъ ея избрали полную эстетическую свободу. Выдѣляя себя изъ массы дилетантовъ, участвовавшихъ въ полемикѣ, новые дѣятели стремились водворить права науки, и на ея непреложныхъ законахъ основать свои критическія воззрѣнія. Органомъ этихъ стремленій былъ журналъ: «Bibliothek der

[1]) Russische Bibliothek, III, стр. 66—67.
[2]) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. I, стр. 27—28.
[3]) Russische Bibliothek. I, 463—465.

schönen Wissenschaften und der freien Künste, основанный въ 1757 году извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ Николаи (1733—1811). Съ 1765 года журналъ издавался подъ главною редакціею дѣятельнаго сотрудника Николаи, Христіана Феликса Вейсе (1726—1804) и подъ именемъ «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste». Въ изданіи постоянно проводилась мысль, что критика есть единственная руководительница нашего вкуса: она одна въ состояніи дать ему ту тонкость и проницательность, съ которою онъ сразу усматриваетъ какъ достоинства, такъ и недостатки произведенія. Цѣль журнала—содѣйствовать развитію вкуса и успѣхамъ изящной словесности въ Германіи. Редакція старалась сообщать свѣдѣнія обо всемъ, что ведетъ къ познанію изящныхъ искусствъ и ихъ исторической судьбы какъ въ отечествѣ, такъ и у другихъ европейскихъ народовъ. Журналъ наполнялся статьями по исторіи литературы, отечественной и иностранной, причемъ особенное вниманіе обращалось на статьи, касающіяся исторіи театра и заключающія въ себѣ разборъ драматическихъ произведеній. Совершенно сообразно съ программою журнала было доставленное въ редакцію извѣстіе о русскихъ писателяхъ, и преимущественно о русскомъ театрѣ—Nachricht von einigen russischen Schriftstellern nebst einem kurzen Berichte vom russischen Theater.

Неизвѣстный авторъ свободно относится къ своимъ собратамъ по литературѣ, не скрывая ихъ недостатковъ, но и не стараясь выставлять ихъ напоказъ. Мѣркою его эстетическихъ воззрѣній служитъ l'art poétique Буало. Тогдашніе нѣмецкіе критики признавали его литературныя сужденія чрезвычайно мѣткими. Новиковъ, обвиняя своего предшественника въ пристрастіи, пользовался его трудомъ, дополняя и исправляя, т. е. обращаясь съ нимъ отчасти такимъ же образомъ, какимъ митрополитъ Евгеній и другіе поступили съ словаремъ Новикова. Сходство между историческимъ словаремъ и его лейпцигскимъ источникомъ, не ограничиваясь общимъ содержаніемъ сообщаемыхъ извѣстій и способомъ выраженія, простирается и на самую характеристику авторовъ.

Какимъ же образомъ пользовался Новиковъ своими ис-

точниками вообще? Большею частью онъ дѣлалъ дословныя извлеченія; если же и уклонялся отъ своихъ источниковъ, то обыкновенно въ томъ только случаѣ, когда какое либо мнѣніе казалось ему черезчуръ жосткимъ, или же не вполнѣ согласно было съ его главною цѣлью — сохранить *добрую* память, какъ о писателяхъ, такъ и о *предкахъ нашихъ* вообще. Заимствуя свѣдѣнія о Кантемирѣ изъ біографіи его, изданной въ 1762 г., т. е. собственно говоря, перепечатывая ее, Новиковъ пропустилъ изъ нея слѣдующее мѣсто: «ревность къ распространенію наукъ не дозволяла Кантемиру быть нечувствительнымъ при *затвердѣлыхъ ложныхъ мнѣніяхъ своего народа. Обращая оныя въ посмѣяніе,* думалъ онъ, что стыдъ, можетъ быть, тò произведетъ, чего отъ размышленія тщетно ожидать надлежало»[1]). Въ противность біографу, утверждавшему, что содержащіяся въ сатирахъ «изрядныя наставленія подали причину, что *многіе его стихи вошли въ пословицы*», Новиковъ холодно отзывается о сатирахъ Кантемира, говоря, что хотя авторъ съ юныхъ лѣтъ и до самой смерти упражнялся въ стихотворствѣ, но почиталъ его не иначе, какъ забавою.

Мы привели уже нѣсколько примѣровъ дословнаго заимствованія въ словарѣ Новикова; дополнимъ ихъ сравненіемъ съ статьею Тредьяковскаго и замѣтками лейпцигскаго журнала:

Тредьяковскій:	Новиковъ:
Іоаннъ Илинскій, праводушный, честный и добронравный мужъ, да и другъ другамъ нелицемѣрный, искусный довольно въ латинскомъ языкѣ, нѣсколько въ молдавскомъ, и совершенно въ славенскомъ, бывый переводчикомъ при Императорской академіи наукъ. Сей не мало писалъ въ разныхъ матеріяхъ стиховъ, но	Илинскій Иванъ, праводушный и добронравный мужъ, другъ нелицемѣрный, довольно искусный въ латинскомъ, нѣсколько въ молдавскомъ и совершенно въ славенскомъ языкѣ; былъ переводчикомъ при Императорской академіи наукъ. Онъ писалъ много разнаго содержанія стиховъ; но печатныхъ только одно осьми-

[1]) Сатиры и другія стихотворческія сочиненія князя Антіоха Кантемира, съ историческими примѣчаніями и краткимъ описаніемъ его жизни. Спб. 1762, стр. 4—5 житія кн. А. Д. Кантемира.

печатныхъ только одно осьмистишіе при симфоніи его на священное четвероевангеліе и дѣяніе святыхъ апостолъ, напечатанной въ Москвѣ 1733. Сочинилъ Илинскій, по совершеніи симфоніи, и на Мома двустишіе, коего не разсудилъ за благо въ ней напечатать, но токмо въ рукописной своей черной оное оставилъ, отдавъ ее въ даръ еще въ жизни своей нѣкоторому изъ своихъ пріятелей. Оно есть слѣдующее [1])....

стишіе при симфоніи, на священное четвероевангеліе и дѣянія святыхъ апостолъ имъ сочиненной и напечатанной въ Москвѣ 1733 года; и еще двустишіе, по окончаніи сей книги сочиненное, слѣдующаго содержанія:

Ликуемъ, Моме, оба: се книга кончася —
Мнѣ убо покой, трудъ же тебѣ даровася.

Лейпцигскій журналъ:

Gregor Kositzky hat zwar nur einige Reden von dem Nutzen der Mythologie und einige Uebersetzungen in der Monatschrift, die arbeitsame Biene, gegen 1759 herausgegeben. Man kann ader diese wenigen Proben als sichere Beweisen ansehn, dass sich dieser geschickte Gelehrte leicht einen nicht geringern Platz unter unsern Schriftstellern würde erworben haben, wenn ihn seine Geschäfte nicht daran gehindert hätten.

Новиковъ:

Козицкій Григорій сочинилъ разсужденіе о пользѣ миѳологіи, напечатанное въ ежемѣсячномъ сочиненіи: «Трудолюбивой пчелѣ», изданномъ 1759 года въ С.-Петербургѣ. Но сіи малые опыты трудовъ его принять можно за основательныя доказательства, что сей искусный и ученый мужъ пріобрѣлъ бы не послѣднее мѣсто между славными россійскими писателями, ежели бы не отвлеченъ былъ должностями, на него возложенными, отъ упражненія во словесныхъ наукахъ.

Iwan von Jelagin schrieb schon mit einem ausserordentlichen Genie und Geschmack

Елагинъ Иванъ Перфильевъ во младыхъ своихъ лѣтахъ писалъ весьма изрядныя сти-

[1]) О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ. Ежемѣсячныя сочиненія. 1755. Іюнь, стр. 490 и 493.

in seiner Jugend kleine Gedichte, als Lieder, Elegien und dergleichen, welche alle recht schön sind. Er hat auch wichtige Materien in gebundner und ungebundner Rede weitläufig ausgeführet. Diese Werke aber allzu bescheidne Hr. Verf. noch nicht in Druck geben wollen.... Gewiss kann man diese Uebersetzungen wegen der Reinigkeit der Sprache und des fliessenden Ausdrucks für Meisterstücke halten.

хотворенія, какъ-то: элегія, пѣсни и другое тому подобное; также сатирическія письма прозою и стихами, много похваляемыя знающими людьми.... Но, къ великому сожалѣнію, сіи стихотворенія еще не напечатаны, однакожъ у всѣхъ охотниковъ хранятся письменными. Слогъ его чистъ и текущъ, и его переводы, по справедливости, могутъ почитаться примѣрными на россійскомъ языкѣ.

Статья русскаго путешественника, помѣщенная въ Лейпцигской Библіотекѣ [1]), послужила, по свидѣтельству самого Новикова, *главнымъ поощреніемъ* къ составленію его превосходнаго по своему времени опыта и занимаетъ видное мѣсто въ числѣ его источниковъ. Въ двухъ выпускахъ Библіотеки изящной словесности помѣщены свѣдѣнія о сорока двухъ русскихъ писателяхъ; въ концѣ второго отрывка обѣщано продолженіе, но его почему-то не послѣдовало.

Черезъ три года по напечатаніи въ лейпцигскомъ журналѣ, статья русскаго путешественника вышла во французскомъ переводѣ, въ Ливорно, подъ заглавіемъ: Essai sur la littérature russe contenant une liste des gens de lettres russe qui se sont distingués depuis le règne de Pierre le Grand, par un voyageur russe. A Livorne 1771. Въ переводѣ сдѣлано нѣсколько легкихъ измѣненій въ біографіяхъ, вслѣдствіе перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ судьбѣ писателей. О князѣ Козловскомъ сказано въ нѣмецкомъ подлинникѣ 1768 года, что этотъ писатель подаетъ большую надежду, а во французскомъ переводѣ находится извѣстіе, что Козловскій погибъ 5 іюля 1770 года, на кораблѣ, взлетѣвшемъ на воздухъ во время морского сраженія при Чесмѣ.

---

[1]) Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste. Leipzig. 1768. Siebenten Bandes erstes Stück, S. 188—200; zweites Stück, S. 382—388.

Фонъ-Визинъ въ нѣмецкомъ текстѣ показанъ 22-хъ лѣтъ, а во французскомъ—25 и т. п.

Въ 1851 году г. Полторацкій перепечаталъ французскій переводъ, составляющій большую библіографическую рѣдкость, въ Revue Etrangère, октябрь, стр. 1—15. Въ 1862 г. изданъ въ Москвѣ, въ числѣ 333 экземпляровъ, нѣмецкій текстъ, сообщенный М. Л. Михайловымъ и напечатанный также и въ «Библіогр. Записк.» 1861, № 20. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1851 года, № 150, г. Тихонравовъ сличилъ французскій переводъ съ словаремъ Новикова. Остается рѣшить вопросъ: кто авторъ любопытнаго извѣстія о русскихъ писателяхъ?

Единственнымъ указаніемъ при рѣшеніи этого вопроса служитъ слѣдующее примѣчаніе редакціи: «Wir verdanken diesen für die Geschichte der Literatur so angenehmen Aufsatz einem hierdurch reisenden russischen Cavalier. Er steht hier selbst mit in der reihe derjenigen, die sich um das russische Theater verdient gemacht haben; seine Bescheidenheit aber verbeut uns seinen Namen näher anzugeben». Такимъ образомъ названы три признака, на основаніи которыхъ могутъ быть дѣлаемы выводы. Искомый авторъ стоитъ въ ряду писателей, упоминаемыхъ въ статьѣ; онъ извѣстенъ заслугами, оказанными имъ русскому театру; онъ проѣзжалъ Лейпцигъ около 1768 года. По внимательномъ соображеніи всѣхъ данныхъ. оказывается, что изъ сорока двухъ писателей наибольшая вѣроятность остается на сторонѣ двухъ: И. П. Елагина и знаменитаго актера Дмитревскаго! О Елагинѣ въ нѣмецкомъ извѣстіи говорится съ особеннымъ сочувствіемъ—о его переводѣ драматическихъ произведеній Детуша, объ его авторской скромности и о сочиненіяхъ, еще не явившихся въ печати. Елагинъ былъ членомъ лейпцигскаго ученаго общества словесныхъ наукъ. Новиковъ говоритъ о Елагинѣ: «его тщаніемъ россійской театръ возведенъ на такую степень совершенства, что иностранные знающіе люди ему удивляются». Но, судя по многимъ даннымъ, Елагинъ не былъ заграницею около этого времени. Гораздо основательнѣе предположеніе, что анонимный авторъ былъ никто другой, какъ Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій (1736—1821). Нѣмецкое извѣстіе упоминаетъ о немъ непосредственно за Вол-

ковымъ: «Iwan Dmitrevsky, jetziger erster Akteur von unsrer Kaiserl. Hofgesellschaft, schrieb Elegien, Epigrammen, Lieder und andre dergleichen kleine Gedichte. Seine Verse sind reiner als seine Gedanken. Er übersetzte auch etliche Sachen mit so gutem Erfolge, dass er mit unter die übersetzer vom ersten Range, gleich nach dem Hrn. von Jelagin, gehört». Новиковъ говоритъ о Дмитревскомъ, что онъ перевелъ съ великимъ успѣхомъ и склонилъ на наши нравы комедіи: *Раздумчивый*, *Демокритъ*, *Лунатикъ*, и другія нѣкоторыя; они всѣ были многократно представляемы на придворномъ россійскомъ театрѣ и всегда принимаемы съ великою похвалою». Дмитревскій провелъ заграницею большую часть времени съ 1765 по 1768; онъ посѣтилъ Францію, Англію и Германію, въ которой не было тогда постоянной труппы, а странствующіе актеры играли то въ Майнцѣ, то въ Берлинѣ, то въ Лейпцигѣ и другихъ городахъ [1]). Во время пребыванія въ Лейпцигѣ, Дмитревскій могъ найти доступъ въ тамошній литературный кругъ, благодаря своему таланту и при содѣйствіи русской молодежи, посѣщавшей въ то время лекціи лейпцигскаго университета. Извѣстно, что въ 1766 году отправлено было для довершенія образованія двѣнадцать русскихъ молодыхъ людей въ лейпцигскій университетъ, пользовавшійся у насъ особенно громкою извѣстностью [2]). Они

---

[1]) Дмитревскій отправился заграницу въ 1765 году, а возвратился въ Россію въ 1767 году; въ 1768 году онъ снова былъ посылаемъ заграницу. Штелинъ, въ своемъ извѣстіи о театральныхъ представленіяхъ въ Россіи, говоритъ, что Дмитревскій возвратился изъ путешествія осенью 1765 года (С.-Петербургскій Вѣстникъ. 1779. Сентябрь, стр. 174). Но по свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ бумагъ Сумарокова, провѣреннымъ самимъ Дмитревскимъ, онъ отправленъ былъ заграницу въ 1765 году, а вторично въ 1768 году (Отечественныя Записки. 1822. Декабрь, стр. 289 и 1823, февраль, стр. 378—381). Время поступленія Дмитревскаго на сцену опредѣляется не одинаково; болѣе точное указаніе заключается въ слѣдующемъ докладѣ, утвержденномъ Имп. Екатериною 5 янв. 1787 г. и удѣлѣвшемъ въ архивѣ театральной дирекціи: «россійскаго театра инспектору, Ивану Дмитревскому, единому изъ начальныхъ основателей театра, служившему *тридцать пять* лѣтъ съ отмѣннымъ достоинствомъ и усердіемъ, по примѣру преждеуволенныхъ актеровъ: Шумскаго, Попова и Михайлова, съ полученіемъ полнаго нынѣшняго жалованья, по 2,000 рублей».

[2]) Библіографическія Записки. 1859. Т. II, стр. 539—540. Лонгинова: Русскіе студенты въ Лейпцигскомъ университетѣ.

оставили по себѣ добрую славу и, много лѣтъ спустя, ихъ бывшій профессоръ Платнеръ — краса и гордость университета — вспоминалъ о нихъ и особенно о Кутузовѣ и Радищевѣ, если ихъ надо понимать подъ К. и Р., о которыхъ упоминаетъ Карамзинъ въ письмѣ своемъ изъ Лейпцига отъ 16 іюля 1789 г. Карамзинъ, проѣзжая Лейпцигъ, видѣлся съ издателемъ Лейпцигской Библіотеки, и изъ устъ его самого получилъ свѣдѣніе объ авторѣ, котораго столько времени тщетно отыскивали библіографы. Въ то время, когда Карамзинъ былъ заграницею, журналъ Вейсе уже потерялъ свое прежнее значеніе, но въ былое время онъ пользовался живымъ сочувствіемъ и въ обществѣ, и въ литературномъ мірѣ, выражавшемся въ безчисленныхъ заявленіяхъ со стороны корифеевъ тогдашней литературы о чрезвычайной пользѣ и внутреннемъ достоинствѣ изданія. Не журнальная дѣятельность, а другія заслуги Вейсе привлекали къ нему Карамзина, какъ и всѣхъ любознательныхъ путешественниковъ. Необыкновенную популярность пріобрѣлъ Вейсе своими дѣтскими книгами, которыхъ существенное и небывалое до того времени достоинство заключалось въ искреннемъ сочувствіи къ дѣтскому міру и въ живомъ, увлекательномъ изложеніи [1]). Подъ вліяніемъ общаго сочувствія

[1]) Его изданія вызываемы были его личными впечатлѣніями. Впервые сдѣлавшись отцомъ, Вейсе не отходилъ отъ колыбели ребенка и по необходимости долженъ былъ выслушивать всякую нескладицу, распѣваемую мамками и няньками. Наскучивъ ею, онъ попытался замѣнить ее чѣмъ либо болѣе изящнымъ, и сочиненныя имъ дѣтскія пѣсни приняты съ восторгомъ: будучи положены на музыку, они разошлись въ огромномъ количествѣ и пріобрѣли автору и друзей, и милостивцевъ. Когда дѣти подросли, и настало время учить ихъ, Вейсе, недовольный прежнимъ утомительнымъ и механическимъ способомъ, составилъ азбуку съ пѣснями, разсказами, картинками, съ цѣлью дѣйствовать и на умъ дѣтей, и на ихъ нравственное чувство. Изданіе «Друга дѣтей» прославило Вейсе по всей Европѣ. Со всѣхъ сторонъ Германіи и изъ-за границы стали обращаться къ нему, какъ къ знаменитому педагогу, съ просьбами о наставникахъ и воспитателяхъ. Изданія его были одинаково популярны въ высшемъ, среднемъ и низшемъ слояхъ общества. Во время путешествій своихъ онъ встрѣчалъ самыя восторженныя заявленія со стороны станціонныхъ смотрителей, содержателей заѣзжихъ домовъ, ремесленниковъ, и т. п. Christian Felix Weissens Selbstbiographie, herausgegeben von dessen Sohne Chr. E. Weisse und dessen Schwiegersohne. S. G. Frisch. Leipzig. 1806.

къ благородной дѣятельности Вейсе, Карамзинъ искалъ свиданія съ прославленнымъ ветераномъ одной изъ самыхъ жизненныхъ отраслей тогдашней литературы. Передадимъ разсказъ объ этомъ свиданіи собственными словами Карамзина: въ нихъ заключается драгоцѣнное свидѣтельство о занимающемъ насъ анонимѣ. Въ письмѣ изъ Лейпцига Карамзинъ говоритъ: «Вейсе обошелся со мною ласково и сердечно, просто. Я сказалъ ему, что разныя пьесы изъ его *Друга дѣтей* переведены на русскій, и нѣкоторыя мною. Въ Германіи многіе писали и пишутъ для дѣтей и для молодыхъ людей, но никто не писалъ и не пишетъ лучше Вейсе. *У него есть рукописная исторія нашего театра, переведенная съ русскаго. Г. Дмитревскій, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее; а нѣкто изъ Русскихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ университетѣ, перевелъ на нѣмецкій языкъ, и подарилъ господину Вейсе, который хранитъ сію рукопись, какъ рѣдкость, въ своей библіотекѣ»* [1]).

Что авторъ упоминаемой здѣсь исторіи русскаго театра и авторъ извѣстія о русскихъ писателяхъ—одно и то же лицо, это подтверждается слѣдующими фактами и соображеніями:

1) Исторія театра доставлена редактору того же журнала, въ которомъ помѣщено извѣстіе, и притомъ въ одно и то же время, именно во время пребыванія Дмитревскаго въ Лейпцигѣ, т. е. около 1768 года.

2) Оба извѣстія названы *однимъ* сочиненіемъ и въ заглавіи извѣстія и въ примѣчаніи редакціи: Nachricht von einigen russischen Schriftstellern *nebst einem kurzen Berichte* vom russischen Theater: wir verdanken *diesen Aufsatz* einem russischen Cavalier.

3) За второю статьею должно было слѣдовать продолженіе: die Fortsetzung folgt künftig, и этимъ продолженіемъ должна была быть исторія театра, что видно какъ изъ заглавія извѣстія, такъ и изъ заключительныхъ словъ avertissement, находящагося при французскомъ переводѣ: «si notre esquisse est accueillie du public, nous lui donnerons

---

[1]) Письма русскаго путешественника. Письмо изъ Лейпцига, 17 іюля 1789 года.

incessamment un Essai semblable *sur le théâtre russe,* qui formera *le pendant de celui-ci*».

4) Въ заключеніе сказаннаго о Волковѣ авторъ говоритъ: *wir* werden seinen übrigen Verdiensten *noch in den Nachrichten vom russischen Theater* Gerechtigkeit wiederfahren lassen—*nous aurons occasion* de parler de son mérite pour le théâtre *en traitant* à part du *théâtre russe.*

5) Самый тонъ извѣстій и литературныя мнѣнія автора напоминаютъ манеру и взгляды Дмитревскаго. Извѣстно, что Дмитревскій былъ послѣдователемъ ложно-классическаго направленія, подобно своему другу, учителю и спутнику, Лекену, который защищалъ принципъ подражанія, былъ врагомъ литературныхъ нововведеній, и считалъ дикія и грубыя сцены варвара-Шекспира недостойными партера, воспитаннаго на возвышенныхъ красотахъ Корнеля и изысканныхъ сладостяхъ Расина [1]). Дмитревскій былъ поклонникомъ Буало и его art poétique. Онъ не находитъ словъ для восхваленія заслуги Тредьяковскаго, оказанной русской литературѣ посредствомъ перевода на русской языкъ l'art poétique, которое считаетъ лучшимъ руководствомъ въ пониманіи поэзіи и превосходнымъ пособіемъ для оцѣнки изящныхъ произведеній и для образованія вкуса: Desto mehr hat er durch die Übersetzung der poetischen Dichtkunst des Boileau genutzt. Nicht genug aber kann ihm unsre Nation für seine herausgegebenen Regeln der Dichtkunst danken, als welche diejenigen Genies, die entweder nichts von fremden Sprachen verstanden, in ihrer Muttersprache die Kunst kennen lehrte oder dem allgemeinen Liebhaber zu einem richtigen Urtheile von Werken des Geschmacks verhalf. Тѣ же похвалы Буало встрѣчаются въ отзывѣ о посланіяхъ Сумарокова, написанныхъ подъ сильнымъ вліяніемъ Буало: «in seinen Briefen leistet er unserer Nation, in Ansehung seiner Grundsätze unserer Sprache und der Dichtkunst überhaupt, ansehnliche Dienste; letztere sind ein Auszug der Dichtkunst des Boileau». Совершенно тотъ же взглядъ и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ высказываетъ Дмитревскій въ похваль-

[1]) Études sur la personne et les écrits de Ducis, par Onésime Leroy. Paris. 1836, p. 28—29.

номъ словѣ Сумарокову, говоря: «достойно прославленъ Буало! достойно прославленъ быть долженъ и Сумароковъ за острыя сатиры, а наипаче за безподобныя его эпистолы о россійскомъ стихотворствѣ и о россійскомъ языкѣ. Въ сихъ примѣрныхъ посланіяхъ видимъ мы то, что Буало изобразилъ въ своемъ Art poétique (наука о стихотворствѣ)» [1]).

---

[1]) Слово похвальное А. П. Сумарокову, читанное въ Россійской академіи членомъ оныя, Иваномъ Дмитревскимъ. Спб. 1807, стр. 26.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВЪ,

помѣщенныхъ въ словарѣ Новикова 1772 года.

А.

Аблесимовъ, Александръ.Ададуровъ, Василій Евдокимовичъ. Адріанъ, патріархъ. Алексѣевъ, Петръ. Амвросій, архіеп. Московскій. Амвросій, архіеп. Новгородскій. Амвросій, проповѣдникъ заиконоспасскаго монастыря. Аничковъ, Димитрій. Антоній, архимандритъ. Арсеній, митрополитъ. Афонинъ, Матвѣй. Аѳанасій, епископъ.

Б.

Барановичъ, Лазарь. Барковъ, Иванъ. Барсовъ, Антонъ. Башиловъ, Семенъ. Бекетовъ, Никита Аѳанасьевичъ. Бибиковъ, Василій Ильичъ. Богдановъ, Андрей. Богдановичъ, Ипполитъ. Болгарской, архіеп. Братищевъ, Василій. Бринцкой, Тимоѳей. Брюсъ, Яковъ Вилимовичъ. Бужинскій, Гавріилъ. Булатницкій, Егоръ. Булгаковъ, Яковъ. Бурцовъ, Василій. Буслаевъ, Петръ. Бѣлоградской, Андрей.

В.

Вельяшева-Волынцева, Анна Ивановна. Веніаминъ, архіеп. Веніаминъ, архимандритъ. Веніаминовъ, Петръ. Веревкинъ, Михайло. Верещагинъ, Иванъ. Вершницкой, Алексѣй. Владыкинъ, Иванъ. Волковъ, Александръ Андреевичъ. Волковъ, Ѳедоръ Григорьевичъ. Волховской, Аѳанасій. Вѣницѣевъ, Семенъ.

Г.

Гавенской, Христофоръ. Гавріилъ, архіеп. Галенковскій, Варлаамъ. Галятовскій, Іоанникій. Гедеонъ, епископъ. Гадескій, Геннадій, архимандритъ. Герберъ, Иванъ Густавъ. Глазатой, Іоаннъ. Глѣбовъ, Сергѣй. Голеневскій, Иванъ. Грачевскій, Илья. Гребневскій, Петръ. Григоровичъ, Василій. Григоровичъ, Иларіонъ. Грозинскій, Димитрій. Грѣшищевъ, Иванъ. Гурчинъ, Даніилъ.

Д.

Дашкова, Екатерина Романовна. Дегенинъ. Денбовцевъ, Павелъ. Десницкій, Семенъ. Димитрій, Туптало. Дмитревскій, Иванъ. Домашневъ, Сергѣй. Домецкій, Гавріилъ. Дубровскій, Адріанъ.

Е.

Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ. Елчаниновъ, Богданъ Егоровичъ.

Ж.

Жуковъ, Петръ.

З.

Заборовскій, Рафаилъ. Зибелинъ, Семенъ. Золотницкой, Владиміръ. Золотой, Іосифъ. Зубова, Марья Воиновна.

И.

Иваненко, Андрей. Игнатій, архим. Игнатій, дьяконъ. Ильинскій, Иванъ. Иннокентій, архіеп. Исаія, архим. Истоминъ, Каріонъ.

І.

Іоакимъ, корсунянинъ. Іоакимъ, патріархъ. Іоаннъ, архим. Іоаннъ, священникъ. Іосифъ, волоколамскій. Іосифъ, келейникъ Іова.

К.

Каменскій-Бантышъ, Николай. Кантемиръ, Антіохъ. Кантемиръ, Димитрій. Кантемиръ, Сербанъ. Каринъ, Александръ. Каринъ, Николай. Каринъ, Өедоръ. Катавасья, Юрьевъ. Кахановскій, Симонъ. Кемскій князь, Өеодоръ. Кипріанъ, митроп. Кириллъ, бѣлозерскій. Климовскій, Семенъ. Княжнина, Екатерина Александровна. Княжнинъ, Өедоръ Борисовичъ. Козачинскій, Михаилъ. Козельскій, Яковъ. Козельскій, Өедоръ. Козицкій, Григорій Васил. Козловскій, Өедоръ Алексѣевичъ. Колосовской, Агей. Комаровскій, Іоаннъ. Кондратовичь, Киріакъ. Конискій, Георгій. Константинъ, архим. Копіевичъ, Илья. Кословичъ, Іоаннъ. Котельниковъ, Матвѣй. Котельниковъ, Семенъ. Красильниковъ, Михаилъ. Крашенинниковъ, Степанъ. Крекшинъ, Петръ. Кременецкій, Іоаннъ. Кроликъ, Өеофилъ. Крутень, Матвѣй. Кулибинъ, Иванъ. Кулябка, Сильвестръ. Курбскій кн., Андр. Михайл. Кургановъ, Николай.

Л.

Лаврентій, архим. Лаврентій, іеромонахъ. Лащевской, Варлаамъ. Леванда, Іоаннъ. Левашевъ, Павелъ. Леонтовичъ, Сава. Леонтовичъ, Өеофанъ. Леонтьевъ, Николай. Лепехинъ, Иванъ. Лихачевъ. Лобановъ, Семенъ. Лодыжинскій, Викторъ. Ломоносовъ, Михаилъ Васил. Лопатинскій, Өеофилактъ. Луговской, дьяконъ. Лукинъ, Владиміръ. Лухутьевъ, Софроній. Лызловъ, Андрей. Ляшевецкій, Кириллъ.

М.

Магницкій, Леонтій. Майковъ, Василій Ивановичъ, Макарій митроп. Максимовичъ, Іоаннъ. Максимовичъ, Манасій. Максимовъ, Өедоръ. Малиновскій, Платонъ. Мамоновъ, Өедоръ. Маркелъ, епископъ. Мартиніановъ, Антипъ. Матвѣевъ, бояринъ. Матвѣевъ, графъ. Медвѣдевъ. Меркурьевъ, Иванъ. Миллеръ, Гергардъ Фридрихъ. Михаилъ, архіерей. Михайловскій. Минихъ, Георгій. Могила, Петръ. Могилеанскій, Арсеній. Могилеанскій, Епифаній. Мочульскій, Өеоктистъ. Муравьевъ, Николай Ерофеевичъ. Мятлевъ, Алексѣй.

Н.

Назарьевъ, Александръ. Нарожницкій, Антоній. Нартовъ, Андрей Андреевичъ. Нарышкинъ, Алексѣй Васильевичъ. Нарышкинъ, Семенъ Васильевичъ. Нащинскій, Давыдъ. Несторъ. Несынъ, Өеофилъ. Никита Ивановъ. Никонъ, архимандр. Никонъ, патріархъ. Нифонтъ.

О.

Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ.

П.

Палладій, епископъ. Палицынъ, Аврамій. Палицынъ, Варлаамъ. Памва Берында. Перекрестовичъ, Даніилъ. Перепечинъ, Александръ. Пермской, Михайло. Петровъ, Василій. Петровъ, Василій, митрополитъ. Петровъ, студентъ. Петрункевичъ, Платонъ. Питиримъ, епископъ. Платонъ, архіеп. Погорецкій, Петръ. Поликарповъ, Өедоръ. Поликарпъ, архим. Полоцкій Симеонъ. Поповскій, Николай Никитичъ. Поповъ, Михайло. Поповъ, Никита. Порошинъ, Семенъ. Порфирій, Крайской. Посошковъ, Иванъ. Потемкинъ, Павелъ Сергѣевичъ. Приклонской, Василій. Прокоповичъ, Өеофанъ. Прокудинъ, Михайло. Протопоповъ, Андрей.

Р.

Радивиловской, Антоній. Раздеришинъ, Николай. Ржевская, Александра Өедотовна. Ржевской, Алексѣй Андреевичъ. Рожалинъ, Козьма. Романовъ, Вуколъ. Россохинъ, Иванъ. Рубановской, Андрей. Рубанъ, Василій, Рудаковъ, Иванъ. Румовскій, Степанъ. Рычковъ, Николай. Рычковъ, Петръ Ивановичъ.

С.

Савицкой, Степанъ. Салтыковъ, Александръ. Самуилъ, Миславскій. Санковской, Василій. Свистуновъ, Петръ Семеновичъ. Селецкой, Иванъ. Селлій, Никодимъ. Серапіонъ. Сербяинъ, Аөанасій. Сербяинъ, Юрья. Сильвестръ. Симонъ, архим. Симонъ, епископ. владимірск. Симонъ, еп. костромск. Сичкаревъ, Лука. Скибинской. Смотрицкій, Мелетій. Собакинъ, Михайло Григорьевичъ. Соймоновъ, Өедоръ Ивановичъ. Станкевичъ. Стефановичъ, Иванъ. Стефанъ, еписк. Сумароковъ, Александръ Петров. Сѣченовъ, Дмитрій.

Т.

Танбовцовъ, Василій. Тарасій, Вербицкій. Татищевъ, Васил. Никит. Татищевъ, Лука. Таубертъ, Иванъ. Тейлсъ, Игнатій. Тепловъ, Григорій Николаевичъ. Тимковской, Іосифъ. Тимоѳей, пономарь. Тинькавъ, Александръ. Титова, Наталья Ивановна. Титовъ, Николай. Тихорской, Ѳома. Тодорской, Симонъ. Топольской, Аѳанасій. Транквилинъ. Транквиліонъ, Кириллъ. Тредьяковскій, Васил. Кирил. Тредьяковъ, Иванъ. Трохимовскій, Михайло. Трубецкой, Николай Никитичъ. Трубецкой, Петръ Никитичъ. Тувовъ, Василій. Турбовской, Іосифъ.

У.

Унковской, Иванъ. Урусова, Екатерина Сергѣевна.

Ф.

Фіялковской, Стефанъ. Флоринскій, Кириллъ. Фроловъ, Алексѣй. Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивановичъ. Фонъ-Визинъ, Павелъ.

Х.

Харитоновской, Ѳедоръ. Хемницеръ, Иванъ. Хераскова, Елисавета Васил. Херасковъ, Михаилъ Матв. Хилковъ, Андрей Яковлевичъ. Хитровъ. Хмельницкой, Иванъ. Хмельницкой, Григорій. Хотунцевской, Іоасафъ. Храповицкая, Марья Васильевна. Храповицкій, Александръ. Хрущевъ, Николай.

Ц.

Церникавъ (Зерникавъ), Адамъ. Циціядовъ, Евстафій.

Ч.

Чертковъ, Василій. Чулковъ, Михайло.

Ш.

Шафировъ, Петръ Павловичъ. Шафонской, Аѳанасій. Шванской, Михайло. Шеинъ, Алексѣй Семеновичъ. Ширяевъ, Михайло. Шишкинъ, Иванъ. Шишковъ, Василій. Шлаттеръ, Иванъ Андреевичъ. Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ. Шушеринъ, Иванъ.

Щ.

Щетинъ, Константинъ. Щербатовъ, Михайло Михайловичъ.

Э.

Эминъ, Ѳедоръ Александровичъ.

Ю.

Юдинъ, Ѳедоръ. Юшкевичъ, Амвросій.

Я.

Яворскій, Стефанъ. Ягельскій, Кассіанъ. Ясинскій, Варлаамъ.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Илья. Ѳеофилактъ.

ФРИДРИХЪ-ЦЕЗАРЬ ЛАГАРПЪ,

ВОСПИТАТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

ФРИДРИХЪ-ЦЕЗАРЬ ЛАГАРПЪ, ВОСПИТАТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I[1]).

При всестороннемъ изученіи эпохи Александра I не можетъ быть забыто имя швейцарца Лагарпа. Проведя въ Россіи лучшіе годы своей жизни, энергически отдавшись своему призванію воспитателя будущаго монарха, Лагарпъ рѣшился связать судьбу свою съ своимъ новымъ отечествомъ, и если Лагарпу суждено было преждевременно покинуть Россію, то причина этого заключается отнюдь не въ его доброй волѣ, а въ силѣ обстоятельствъ и въ желаніи лицъ, управлявшихъ судьбами Россіи. Въ теченіе всей своей жизни Лагарпъ не оставался чуждымъ Россіи и не разрывалъ связей съ русскимъ обществомъ. Привязанность Лагарпа къ императору Александру выходитъ изъ ряда обычныхъ отношеній къ сильнымъ міра людей, окружавшихъ ихъ въ годы ихъ дѣтства и юности. Въ бумагахъ Лагарпа часто встрѣчаются въ высшей степени сочувственные отзывы объ императорѣ Александрѣ, которые какъ бы невольно вылились изъ-подъ пера и, по всей искренности и теплотѣ, служатъ правдивымъ отголоскомъ душевнаго настроенія. Между Александромъ I. и его воспитателемъ существовала истинная дружба, и именно этимъ словомъ всего вѣрнѣе можно опредѣлить ихъ взаимныя отношенія. Слово *вліяніе* едва ли было бы здѣсь вполнѣ умѣстно, особенно если имѣть въ виду не одни только годы юности Александра, но все время его царствованія. Въ обширной дѣятель-

[1]) Примѣчанія къ этой статьѣ помѣщены въ концѣ ея.

ности исторического лица переплетается столько нитей, что чрезвычайно трудно опредѣлить: что возникло вслѣдствіе посторонняго участія, что коренилось въ глубинѣ личнаго характера, и что вытекало изъ совокупности разнообразныхъ вліяній, которымъ подвергалось лицо, призванное дѣйствовать для настоящаго и будущаго. Въ теченіе четверти столѣтія нѣсколько лицъ выступало на первый планъ въ кругу общественныхъ дѣятелей, пользовавшихся расположеніемъ и довѣріемъ императора Александра. Выборъ этихъ лицъ совпадалъ обыкновенно съ личнымъ настроеніемъ государя и съ измѣненіями, совершавшимися во внутренней жизни Россіи. Новосильцовъ, Чарторижскій, Сперанскій, Аракчеевъ и немногіе другіе были, каждый въ свой чередъ, ближайшими людьми и сотрудниками Александра. Ихъ участіе въ государственныхъ событіяхъ того времени обнаружилось фактами крупными, положительными, несомнѣнными. Не такова была общественная дѣятельность Лагарпа, и участіе его не до такой степени осязательно и неопровержимо. Его сношенія съ императоромъ Александромъ проистекали отъ ихъ взаимнаго сочувствія и личной дружбы, не подчиняясь колебаніямъ, происходившимъ въ общественной и политической жизни. Около сорока лѣтъ длились эти сношенія: ни время, ни люди, ни событія не разрушили пріязни, разъ навсегда связавшей питомца съ его воспитателемъ. Но эта самая продолжительность и неизмѣнность пріязни и сношеній показываетъ, что они ограничивались сочувствіемъ къ образу мыслей вообще и не влекли за собою рѣзкой перемѣны въ образѣ дѣйствій, не вызывали цѣлаго ряда мѣръ, въ которыхъ могло бы сказаться вліяніе бывшаго наставника. Постороннее вмѣшательство часто встрѣчало отпоръ, хотя и скрытый, въ самомъ характерѣ Александра. Притомъ, идеи и стремленія Лагарпа, роль, которую онъ игралъ въ своемъ отечествѣ, и его недостаточное знаніе Россіи придавали многимъ совѣтамъ его весьма условное значеніе. Въ числѣ окружавшихъ государя всегда находились люди, цѣнившіе Лагарпа, если не ниже, то отнюдь не выше того, чѣмъ онъ былъ и могъ быть для Россіи. Его письма и проекты, которыми онъ надѣлялъ государя съ такимъ изобиліемъ, подвергались обсужденію лицъ, относившихся къ

дѣлу безпристрастно и съ тою осторожностью, которая необходима при повѣркѣ мнѣній иностранца, мало знакомаго съ средой, избираемою для осуществленія его идей.

Но если императоръ Александръ и не слѣдовалъ идеямъ Лагарпа съ слѣпою довѣрчивостью, тѣмъ не менѣе онъ не оставлялъ ихъ безъ вниманія, иногда вопреки заявленіямъ его ближайшихъ совѣтниковъ. Лагарпъ былъ въ постоянной перепискѣ съ Александромъ, готовый возвратиться въ Россію по первому призыву. Лагарпъ принималъ непосредственное участіе въ разработкѣ вопросовъ по главнѣйшимъ отраслямъ государственнаго управленія и отчасти въ дѣлахъ внѣшней политики, стараясь о сближеніи государя съ замѣчательными людьми въ сферѣ умственной и политической жизни въ Европѣ и въ Америкѣ. Уроки и бесѣды Лагарпа и выборъ книгъ для чтенія будущему государю съ объясненіями, сопровождавшими это чтеніе, не остались безплодными и содѣйствовали тому направленію, которымъ отличались первые годы царствованія императора Александра. Всѣ эти обстоятельства связываютъ Лагарпа съ историческою жизнію Россіи начала девятнадцатаго столѣтія и возбуждаютъ въ русскомъ обществѣ участіе къ судьбѣ дѣйствовавшаго въ немъ швейцарца. Свѣдѣнія о Лагарпѣ встрѣчаются все чаще и чаще на страницахъ изданій, посвященныхъ русской исторіи и старинѣ. Предлагаемое обозрѣніе составлено на основаніи свѣдѣній, собранныхъ пишущимъ эти строки во время пребыванія его въ Швейцаріи и занятій въ мѣстныхъ библіотекахъ и архивахъ, общественныхъ и частныхъ.

Въ отечествѣ своемъ Лагарпъ сталъ привлекать къ себѣ общее вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ былъ избранъ членомъ швейцарскаго правительства—такъ называемой гельветической директоріи. Извѣстный писатель Цшокке, предпринявшій изданіе жизнеописаній замѣчательныхъ людей Швейцаріи, обратился къ Лагарпу съ просьбою сообщить ему необходимые матеріалы, касающіеся лично Лагарпа и его политическаго поприща. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ Лагарпъ послалъ Цшокке довольно подробную автобіографію [1]). Эта автобіографія, въ томъ видѣ, какъ воспользовался ею и напечаталъ ее Цшокке, послужила источникомъ для всѣхъ послѣдующихъ извѣстій о Лагарпѣ [2]).

Съ теченіемъ времени въ Швейцаріи забыли о Лагарпѣ. Онъ сошелъ съ политическаго поприща, и замолкла и прежняя пріязнь, и прежняя ненависть. Но вражда къ нему пробудилась съ новою силою со времени Вѣнскаго конгреса. Пользуясь особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ императора Александра, Лагарпъ оказался гораздо болѣе вліятельнымъ, чѣмъ предполагали дипломаты и недипломаты. Швейцарскія дѣла устраивались по мысли Лагарпа. Политическая сила его возрастала, и побѣжденные враги, лишившись возможности вредить ему на дѣлѣ, вооружились противъ него въ печати. Изъ ихъ лагеря вышли біографіи, заимствованныя изъ книги Цшокке съ различными дополненіями, неблагопріятными для Лагарпа [3]).

Покорясь необходимости, противники новаго порядка вещей принуждены были положить оружіе. Вся Европа должна была подчиниться рѣшеніямъ Вѣнскаго конгреса. Мало-по-малу страсти утихли, многіе изъ политическихъ враговъ и друзей Лагарпа удалились со сцены или сошли въ могилу, а самъ онъ мирно доживалъ вѣкъ свой въ кантонѣ, обязанномъ ему своею независимостью. Расположеніе его содѣйствовать благимъ начинаніямъ своихъ соотечественниковъ пріобрѣло ему общее сочувствіе. Литерттурнымъ памятникомъ этого сочувствія остается біографическій очеркъ Лагарпа, составленный, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ его смерти, другомъ и душеприказчикомъ его Монаромъ [4]). Книга Монара составлена на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ большею частью изъ бумагъ Лагарпа, и представляетъ наиболѣе полную его біографію. Статьи о немъ, появлявшіяся впослѣдствіи, преимущественно въ энциклопедическихъ словаряхъ, сообщаютъ самыя краткія извѣстія и могутъ быть пригодны только по болѣе или менѣе подробному исчисленію сочиненій Лагарпа [5]).

Новый по времени, но не представляющій ничего новаго по содержанію, очеркъ біографіи Лагарпа предложенъ Картомъ (Cart) въ одной изъ публичной лекцій, читанной имъ въ Лозаннѣ, въ февралѣ 1868 года, и изданной подъ названіемъ «Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ, основатель Ватландской свободы» [6]).

Такимъ образомъ главнѣйшимъ источникомъ для обозрѣнія жизни и дѣятельности Лагарпа служатъ его собствен-

ныя бумаги. Изобиліе ихъ поразительно. Съ самой ранней молодости и до послѣднихъ дней жизни Лагарпъ сохранялъ всякое письмо, всякую строку, если считалъ ихъ мало-мальски стоющими вниманія въ какомъ бы то ни было отношеніи. Всѣ сколько нибудь значительныя событія въ его жизни описаны имъ самымъ подробнымъ образомъ, и иногда по нѣскольку разъ. Не смотря на то, что во время паденія «гельветическаго» правительства бумаги Лагарпа были частью уничтожены, частью конфискованы и подвергались различнымъ мытарствамъ, уцѣлѣвшая ихъ масса составляетъ обширный архивъ въ домѣ его наслѣдниковъ. Множество матеріаловъ налагаетъ на ихъ владѣльцевъ обязанность позаботиться о нихъ изданіи. Но до сихъ поръ еще нельзя было найти издателя. Съ одной стороны, масса матеріаловъ пугаетъ даже охотниковъ до архивныхъ работъ: много времени надо употребить на то, чтобы разобрать груду бумагъ, которыя, впрочемъ, сохранены Лагарпомъ въ величайшемъ порядкѣ, и воспользоваться ими надлежащимъ образомъ, а ожидаемые результаты, по степени своей важности, едва ли могутъ вполнѣ вознаградить за тяжелый трудъ. Съ другой стороны, изданіе замедляется политическими соображеніями. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ Швейцаріи, продолжатель Миллера, уклонился отъ сдѣланнаго ему предложенія составить біографію Лагарпа на томъ основаніи, что Лагарпъ былъ отъявленнымъ противникомъ Бернскаго правительства, а почтенный историкъ, по своимъ убѣжденіямъ и отчасти по семейнымъ преданіямъ, не желаетъ пробуждать давно угаснувшей ненависти между областями, вошедшими въ составъ Швейцаріи.

Главнѣйшій отдѣлъ бумагъ Лагарпа, касающихся Россіи, составляютъ мемуары его и переписка съ императоромъ Александромъ. По восшествіи на престолъ императора Николая Павловича, Лагарпу были возвращены всѣ его проекты и письма, писанные имъ въ разное время Александру I и находившіеся въ кабинетѣ покойнаго императора. Тронутый такимъ лестнымъ знакомъ вниманія, Лагарпъ отослалъ снова въ Петербургъ, снявъ для себя копіи, оригиналы своихъ писемъ и проектовъ и прибавилъ къ нимъ копіи съ писемъ къ нему Александра I. Хотя въ Швейцаріи оста-

лись только копіи, но и онѣ не лишены интереса по примѣчаніямъ, которыя Лагарпъ дѣлалъ къ нимъ впослѣдствіи.

Въ мемурахъ Лагарпъ разсказываетъ свою жизнь. Онъ написалъ было чрезвычайно подробную автобіографію, но по невѣстнымъ причинамъ уничтожилъ ее. Друзья уговаривали его снова приняться за подобное сочиненіе. Быть можетъ, и самъ онъ, судя по его характеру, желалъ передать потомству извѣстіе о своей, не совсѣмъ обыкновенной, жизни. Тридцать три года спустя по отправленіи Цшокке мемуаровъ, Лагарпъ принялся за ихъ продолженіе. Въ 1837 году приступилъ онъ къ этому труду; послѣдній листъ помѣченъ мартомъ 1838 года, и въ мартѣ того же года его не стало. Мемуары обнимаютъ время со дня рожденія автора до 1803 года. Жизнь свою (до 1803 года) Лагарпъ раздѣляетъ на шесть періодовъ. Первые четыре заключаютъ въ себѣ время до паденія «гельветическаго» правительства, два послѣдніе—вторичное пребываніе Лагарпа въ Россіи и возвращеніе его во Францію [7]).

Бумаги Лагарпа составляютъ въ настоящее время собственность родственника его по женѣ и наслѣдника, г. Моно (Henri Monod), живущаго въ Швейцаріи, въ помѣстьи своемъ Бель-Эръ (Bel-Air), близь Моржа (Morges). Я обязанъ г. Моно сообщеніемъ мнѣ бумагъ Лагарпа, имѣющихъ отношеніе къ Россіи. Дорожа литературнымъ наслѣдствомъ Лагарпа, какъ семейною и общественною драгоцѣнностью, г. Моно не рѣшился показать мнѣ бумагъ безъ оффиціальнаго заявленія. Считаю долгомъ выразить искреннюю признательность г. посланнику русскому при Швейцарскомъ союзѣ, Николаю Карловичу Гирсу: его просвѣщенное содѣйствіе открыло мнѣ доступъ къ архиву г. Моно.

Архивъ этотъ, не смотря на его богатство, не исчерпываетъ всѣхъ матеріаловъ, которые можно найти въ Швейцаріи касательно Лагарпа и его пребыванія въ Россіи. Большое количество книгъ и нѣсколько томовъ весьма важныхъ рукописей завѣщано Лагарпомъ Лозаннской публичной библіотекѣ (bibliothèque cantonale). Возможностью пользоваться ими даже внѣ библіотеки я обязанъ ходатайству главнаго секретаря департамента просвѣщенія Аршинара, при содѣйствіи котораго я получилъ доступъ и въ библіотеку государственнаго совѣта Швейцаріи.

I.

Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ родился 6-го апрѣля 1754 года въ небольшомъ швейцарскомъ городѣ Роллѣ (Rolle), лежащемъ на берегу Женевскаго озера. Родовое прозвище Лагарпа писалось въ разное время на разные лады. Предки его, принадлежавшіе къ мѣстному дворянству (noblesse), назывались Деларпазъ (De l'Arpaz). Онъ самъ называлъ себя и Деларпомъ, и Лагарпомъ, и Делагарпомъ (De l'Harpe, Laharpe, De la Harpe). Полагаютъ, что измѣненіе первоначальнаго De l'Harpe въ Laharpe произошло отъ желанія быть соименникомъ литературной знаменитости своего времени, извѣстнаго французскаго писателя и критика, Лагарпа. Частица *де* тщательно отбрасывалась во время революціи, и, по минованіи ея, снова явилась на сцену. Въ Россіи его называли Делагарпомъ, когда онъ былъ въ милости, когда ему давали награды, и просто Лагарпомъ, когда онъ подвергся опалѣ и его лишили орденовъ [1]).

Отецъ Лагарпа, старый служака, соединилъ въ имени сына, предназначеннаго, вѣроятно, для военнаго поприща, имена двухъ любимыхъ своихъ героевъ, Цезаря и Фридриха прусскаго, назвавъ его Фридрихомъ-Цезаремъ (Frédéric-César) [2]).

Первоначальное общественное воспитаніе Ф.-Ц. Лагарпъ получилъ въ училищѣ родного города (collège de Rolle), которое было весьма плохо устроено. Преподаваніе находилось въ самомъ печальномъ состояніи: о грамматикѣ, исторіи, географіи не было и помину; съ грѣхомъ пополамъ учили латинскому языку и едва-едва греческому. Но, къ счастію любознательнаго юноши, у него былъ весьма образованный дядя, открывшій ему свою библіотеку. Съ необычайною ревностію Лагарпъ сталъ читать древнюю исторію и произведенія древнихъ писателей. Первыя впечатлѣнія юности глубоко запали въ его душу, и въ теченіе всей своей жизни Лагарпъ былъ восторженнымъ почитателемъ древности, ея литературы, быта, идей и учрежденій.

Четырнадцати лѣтъ отъ роду Лагарпъ поступилъ въ семинарію въ Гальденштейнѣ, близъ Кура въ Граубюнденѣ,

и пробылъ въ ней два съ половиною года. Тамъ окончательно развилась въ немъ и окрѣпла любовь къ древности и къ выработаннымъ ею формамъ государственнаго быта. Пребываніе въ Гальденштейнѣ имѣло рѣшительное вліяніе на послѣдующую судьбу Лагарпа. Въ оправдательномъ актѣ, представленномъ національному собранію, онъ утверждаетъ тѣсную связь между идеями и воззрѣніями, вынесенными имъ изъ Гальденштейна, и своею дальнѣйшею политическою дѣятельностью. Онъ говоритъ о себѣ: «Иго олигархіи, тяготѣвшее надъ моею родиною, заставило меня покинуть отечество. Будучи съ дѣтства горячимъ приверженцомъ свободы, я окрѣпъ въ этомъ чувствѣ и въ этихъ идеяхъ во время пребыванія въ Гальденштейнской семинаріи, разсадникѣ людей, прославившихся во время нашей революціи и признающихъ своимъ наставникомъ добродѣтельнаго698Неземана, почтеннаго старца, заключеніе котораго въ темницѣ въ Инспрукѣ служитъ искупительною жертвою за воспитаніе свободныхъ гражданъ. Не находя свободы въ своемъ отечествѣ, я рѣшился искать ея въ Америкѣ; но странная прихоть судьбы бросила меня въ Россію.... и мои идеи и начала остались непоколебимы, не смотря ни на какія обстоятельства» [10]).

Семинарія была главною достопримѣчательностью края и привлекла къ Гальденштейну вниманіе людей образованныхъ. Слава ея распространилась по всей Швейцаріи, и не одни швейцарцы посѣщали ее: въ числѣ воспитанниковъ было много французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ [11]). Успѣхъ учрежденія не былъ мгновеннымъ, скоропреходящимъ; оно оставило глубокіе слѣды въ народной жизни; недаромъ провели въ Гальденштейнѣ первые годы юности многіе дѣятели на политическомъ и литературномъ поприщахъ, которыми гордится Швейцарія. Гальденштейнская семинарія занимаетъ видное мѣсто въ исторіи швейцарской образованности. При обозрѣніи умственной жизни Швейцаріи историки съ большимъ сочувствіемъ говорятъ о семинаріи Неземана, какъ о святилищѣ ума и человѣческаго чувства, воспитавшемъ людей, прославившихъ отечество своими подвигами, силою характера и преданностью общему благу [12]).

Душой учрежденія былъ извѣстный педагогъ Неземанъ,

уроженецъ магдебургскій, вышедшій изъ педагогической школы Франке въ Галле. Современники не находятъ словъ для изображенія по заслугамъ въ высшей степени благотворной дѣятельности Негемана по воспитанію юношества. Они удивляются его педагогическому такту и умѣнью дѣйствовать на сердца и нравы молодыхъ людей. Девизомъ его было—болѣе дѣлать, чѣмъ говорить (mehr zu handeln, als zu schwatzen). До глубокой старости Неземанъ сохранилъ силу мысли и воли. Свѣтлый умъ его неутомимо искалъ истины; будучи уже семидесяти лѣтъ отъ роду, Неземанъ покинулъ прежнюю философскую систему и съ жаромъ принялся за изученіе новой тогда философіи Канта, которую скоро усвоилъ себѣ, сознавъ и оцѣнивъ ея высокое достоинство[13]). Но ни преклонныя лѣта, ни всѣми признанныя заслуги не спасли маститаго старца отъ произвола олигархіи, осудившей его на изгнаніе и ссылку за то, что онъ проводилъ въ воспитаніе и въ жизнь либеральныя начала и образовалъ нѣсколько республиканскихъ поколѣній. Его сослали въ Тироль, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться до того времени, пока произойдетъ обмѣнъ заложниковъ. Наканунѣ ссылки Неземанъ написалъ Лагарпу трогательное письмо, умоляя бывшаго своего ученика, во имя связывавшей ихъ сорокалѣтней дружбы, употребить все его вліяніе у французскихъ властей для ускоренія желаемаго обмѣна[14]).

Неземанъ не только былъ руководителемъ заведенія, но оно и возникло по его мысли и при его содѣйствіи. Основателемъ семинаріи былъ М. Планта (Martin Planta), пользовавшійся высокимъ уваженіемъ современниковъ по своей образованности и любви къ общему благу. Его разнообразная ученость обнимала науки богословскія и математическія; ему принадлежитъ честь усовершенствованія электрической машины. Сдружившись съ Неземаномъ, Планта дѣлился съ нимъ мыслями о воспитаніи, и учрежденіе училища на здравыхъ педагогическихъ началахъ было предметомъ ихъ задушевныхъ бесѣдъ. Но друзья должны были разстаться, и разлука ихъ длилась около десяти лѣтъ. Неземанъ со ввѣренными ему юношами уѣхалъ въ Италію, потомъ въ Женеву и въ Базель. По возвращеніи въ Граубинденъ, друзья свидѣлись и рѣшились привести въ исполненіе свою дав-

ную и завѣтную мечту: въ 1761 году была открыта семинарія въ Гальденштейнѣ [15]).

Цѣль заведенія состояла, какъ говоритъ его учредитель, въ томъ, чтобы давать юношамъ христіанское образованіе и готовить ихъ къ различнымъ поприщамъ: политическому, военному, сельско-хозяйственному и торговому. Мы убѣждены,—продолжаетъ онъ, — что откровеніе есть единый истинный источникъ религіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы уважаемъ неоспоримыя права разума. Душою вѣры и основою христіанства мы признаемъ любовь, но любовь живую и дѣятельную, любовь къ Богу, любовь къ ближнему, ко всякому ближнему, даже ко врагу и къ тому, кто иначе вѣруетъ, нежели мы; любовь, которая все терпитъ, все переноситъ, — вотъ религія, которую мы исповѣдуемъ и проповѣдуемъ.

Предметами преподаванія были: исторія, географія, логика, естественное право, математика, естествознаніе, бухгалтерія, чистописаніе и правописаніе. Изъ языковъ преподавались латинскій, итальянскій, французскій и нѣмецкій, а для желающихъ и начала греческаго языка. Несовершенство здѣсь преподаванія греческаго языка было причиною, что Лагарпу пришлось доучиваться ему въ старости. Любимыми писателями Лагарпа были Полибій, Плутархъ и Тацитъ, и чтобы читать Полибія въ подлинникѣ, Лагарпъ, будучи уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ, принялся за основательное изученіе греческаго языка [16]).

Общій характеръ преподаванія состоялъ въ томъ, что наставники старались какъ можно болѣе дѣйствовать на умъ учащихся и развивать ихъ мыслительную способность и какъ можно менѣе обременять память, чтобъ изъ ученія не сдѣлать муки и пытки для молодыхъ умовъ. Метода, принятая въ семинаріи, равно далека была отъ чрезмѣрной, низводящей науку до шутки, игривости филантропизма и тяжелаго педантизма старой школы. То, что вынесъ Неземанъ изъ педагогической семинаріи въ Галле, и всего болѣе его личная опытность и наблюдательность содѣйствовали выработкѣ многихъ прекрасныхъ особенностей въ пріемахъ преподаванія и въ обращеніи съ дѣтьми.

Во главѣ преподаванія и внутренняго устройства училища стоялъ Неземанъ, и выборъ его ручался за достоин-

ство другихъ преподавателей, призванныхъ имъ раздѣлять его труды и обязанности. Какъ любопытную случайность замѣтимъ, что, по перенесеніи семинаріи изъ Гальденштейна въ Рейхенау, въ числѣ преподавателей былъ будущій французскій король Людовикъ-Филиппъ. Изгнанный изъ Франціи, онъ удалился въ Швейцарію и, по конкурсу, былъ принятъ учителемъ въ заведеніе Неземана, гдѣ около восьми мѣсяцевъ преподавалъ исторію, географію, математику, языки французскій и англійскій, обучая вмѣстѣ съ тѣмъ и рисованію. Онъ вступилъ въ педагогическое сословіе подъ именемъ Шабо-Латуръ (Chabaud-Latour), и только одинъ Неземанъ зналъ, кто скрывается подъ этимъ псевдонимомъ.

По своему внутреннему устройству, Гальденштейнская семинарія была снимкомъ съ древней Римской республики: тотъ же форумъ, тѣ же трибуны, консулы, квесторы, тотъ же сенатъ, словомъ, вся обстановка римскаго республиканскаго быта. Республиканское устройство семинаріи воспитало въ Лагарпѣ глубокое чувство республиканца, не покидавшее его до могилы.

Между воспитанниками учреждена была *республика;* вся масса воспитанниковъ составляла *народъ,* который выбиралъ изъ среды своей, въ опредѣленные сроки, должностныя лица республики. Тѣ, которые уже несли общественныя обязанности, произносили въ избирательныхъ собраніяхъ рѣчи, обычнымъ содержаніемъ коихъ были достоинства и недостатки юношества и значеніе долга, возлагаемаго на избранныхъ представителей народа. Изъ среды воспитанниковъ были избираемы трибуны, цензоры, эдилы, преторы, квесторы, консулы и т. д. *Трибунъ* народный былъ самымъ важнымъ лицомъ юношеской республики, блюстителемъ ея благосостоянія и безопасности; онъ присутствовалъ на всѣхъ собраніяхъ, и хотя не имѣлъ на нихъ голоса, но ни одно постановленіе не могло состояться помимо его воли и согласія. Обязанность *цензора* состояла въ томъ, чтобы смотрѣть за поведеніемъ воспитанниковъ и публично заявлять о ихъ хорошихъ и дурныхъ поступкахъ. *Эдилъ* (aedilis plebejus) долженъ былъ наблюдать, чтобъ юноши не позволяли себѣ нескромныхъ разговоровъ, грубыхъ выходокъ, брани, оскорбленій и проклятій. *Преторъ* предотвращалъ и останавли-

валъ распри, всякаго рода враждебныя столкновенія и запальчивые споры. Если товарищескіе совѣты и увѣщанія не помогали, то *квесторъ* предавалъ виновнаго въ руки правосудія, и начинался процессъ въ присутствіи всей республики. Квесторъ излагалъ во всеуслышаніе вину подсудимаго, который имѣлъ право защищать себя или лично, или посредствомъ адвоката. *Консулъ* выслушивалъ показанія сторонъ и свидѣтелей, руководилъ преніями, собиралъ голоса и представлялъ дѣло на рѣшеніе судей. Въ судьи выбирались обыкновенно тѣ изъ воспитанниковъ, которые были уже знакомы съ естественнымъ правомъ (jus naturae). Если виновнымъ оказывался кто либо изъ должностныхъ лицъ, то народъ избиралъ изъ среды своей шесть судей, и они произносили приговоръ, совѣщаясь подъ предсѣдательствомъ самого начальника заведенія [17]).

Подобное устройство студентской корпораціи на древній ладъ встрѣчается и впослѣдствіи, въ другихъ мѣстностяхъ Швейцаріи. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія въ родномъ Лагарпу Лозаннскомъ университетѣ студенты, на основаніи устава, образовали сенатъ, состоявшій изъ восьмнадцати членовъ: консула, квестора, оратора, претора, библіотекаря и его помощника, секретаря и одиннадцати цензоровъ, и выборы происходили въ общихъ собраніяхъ студентовъ [18]).

Избирая образцомъ Римскую республику, учредители Гальденштейнской семинаріи желали дать учащимся полную возможность понять и усвоить себѣ духъ римской исторіи и древнихъ писателей. При учрежденіи педагогической республики была и другая, существенно важная цѣль, а именно— призвать юношей къ самовоспитанію, заставить ихъ наблюдать другъ за другомъ и развитъ въ нихъ чувство нравственнаго достоинства. Посредствомъ введенія «трибунала» или самосуда они дѣлались собственными своими законодателями, судьями и воспитателями. Неземанъ придавалъ большое значеніе самосуду, сознаваясь, что многому научился въ этихъ собраніяхъ юношей, и что сужденія ихъ другъ о другѣ часто оказывались болѣе вѣрными, нежели выводы наставниковъ и воспитателей. Республика и самосудъ, учрежденные съ чисто воспитательною цѣлью, вызвали негодованіе въ нѣкоторой части общества. Говоря словами современ-

ника, нищіе духомъ порицатели силились поколебать общественное довѣріе къ Неземановой семинаріи, распуская о ней дурные слухи, какъ о разсадникѣ революціонеровъ и якобинцевъ [19]).

По выходѣ изъ Гальденштейнской семинаріи, Лагарпъ продолжалъ и довершилъ свое образованіе въ Женевѣ и въ Тюбингенѣ. Въ Женевѣ онъ занимался преимущественно философіей, а въ Тюбингенѣ юридическими науками, не покидая, впрочемъ, любимыхъ своихъ занятій математикой и древнею классическою литературой. Душа его лежала къ математическимъ наукамъ, и только житейская необходимость составить себѣ независимое положеніе въ обществѣ да совѣты доктора правъ Фавра расположили Лагарпа избрать юридическое поприще.

Въ распредѣленіи своихъ занятій въ Тюбингенѣ, въ выборѣ произведеній для чтенія и изученія и въ ихъ оцѣнкѣ Лагарпъ обнаружилъ замѣчательную самостоятельность мысли, вѣрный взглядъ и умѣнье совладать съ многочисленнымъ матеріаломъ, надъ которымъ онъ трудился съ неутомимымъ усердіемъ. Онъ высказываетъ убѣжденіе, что наука права должна основываться на разумномъ, философскомъ началѣ; но не слѣдуетъ принимать за философію различныя, болѣе или менѣе произвольныя *мнѣнія* философовъ, ибо для науки очень плохая поддержка въ цѣлой сотнѣ противорѣчащихъ другъ другу мнѣній, изъ которыхъ, быть можетъ, ни одно не заключаетъ въ себѣ истины. Поэтому только тѣ неопровержимыя истины, которыя вытекаютъ изъ несомнѣннаго опыта и наблюденія, могутъ по справедливости назваться философіей права.

Первымъ предметомъ, къ которому устремилась любознательность Лагарпа, было естественное право. Но лекціи профессора Бауера, по отзыву его молодого и весьма строгаго судьи, оказались крайне неудовлетворительными и Лагарпъ долженъ былъ обратиться къ сочиненіямъ Пуфендорфа и Бурламаки: свѣдѣнія, добытыя имъ изъ этого источника, далеко превосходили и по количеству, и по качеству все то, что̀ можно было вынести изъ аудиторіи бездарнаго преподавателя. Отдавая справедливость ясности и логичности изложенія естественнаго права у Бурламаки, Лагарпъ находилъ

однако же, что авторъ черезчуръ щедръ на объясненія и долго останавливается на вещахъ, не требующихъ особеннаго вниманія и подробныхъ доказательствъ.

Съ наибольшею настойчивостью и рвеніемъ Лагарпъ принялся за Институты Юстиніана, заключающіе въ себѣ существенныя основы гражданскаго права и послѣдующихъ законодательствъ; затѣмъ перешелъ къ Пандектамъ, до того поразившимъ его своимъ безалаберным расположеніемъ, что онъ отъ души проклиналъ Трибоніана и его сотрудниковъ. Пособія, къ которымъ онъ обратился для уразумѣнія источниковъ, привели его въ отчаяніе. Онъ называетъ книги Лаутербаха и Шаумбурга умственной пыткой и образцами неясности, сбивчивости и галиматьи, которые слѣдовало бы сжечь всѣ до единаго экземпляра, чтобъ избавить отъ мучительнаго тумана головы молодыхъ людей, осужденныхъ на изученіе этого хлама юридической литературы.

Сокровищницею мудрости считали въ то время Духъ законовъ Монтескье. Съ благоговѣніемъ приступалъ Лагарпъ къ знаменитой книгѣ, испрашивая предварительно согласія своего опытнаго друга и руководителя, доктора Фавра. Лагарпа одолѣвало сомнѣніе, въ состояніи ли онъ будетъ уразумѣть твореніе Монтескье при недостаточномъ еще запасѣ свѣдѣній, состоящихъ изъ основаній естественнаго права, философіи и римскаго права. Лагарпъ былъ въ восторгѣ и отъ другого произведенія Монтескье—«О причинахъ величія и упадка римлянъ» (Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence). При чтеніи этой книги онъ невольно сравнивалъ многое, въ ней разсматриваемое, съ явленіями, извѣстными ему изъ исторіи другихъ народовъ.

Обязательныя занятія юридическими науками не подавили въ Лагарпѣ страсти его къ математикѣ и классической древности. Въ Тюбингенѣ онъ читалъ и перечитывалъ Элементы Эвклида и труды позднѣйшихъ ученыхъ. По его словамъ, математика замѣняла для него логику и тѣмъ приносила ему двойную пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не разставался съ Тацитомъ, Саллюстіемъ, Гораціемъ и Вергиліемъ, которыхъ считалъ лучшими своими друзьями и искренно жалѣлъ, что не могъ имѣть подъ руками Цицерона.

Изъ философскихъ вопросовъ всего болѣе занимало его бытіе Бога. Чѣмъ болѣе обдумывалъ онъ все, что̀ приходилось ему читать за и противъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ несостоятельности системы, отрицавшей существованіе Божества, и не допускалъ возможности сдѣлаться кому бы то ни было дѣйствительнымъ, а не кажущимся только атеистомъ.

Методу, усвоенную Лагарпомъ въ Тюбингенѣ при изученіи римскаго права и при научныхъ занятіяхъ вообще, называютъ геометрическою по ея основательности и точности. Внимательно изучая каждое явленіе, онъ сравнивалъ его съ другими, однородными ему, постоянно свѣрялъ пособія съ источниками и доискивался положительной основы каждаго вывода въ кругу изучаемый имъ отрасли знаній. Особенно высоко цѣнилъ онъ Локка по глубинѣ его мыслей, по стройности и порядку ихъ изложенія, по искренности и сдержанности его сужденій. Одно изъ убѣжденій, вынесенныхъ Лагарпомъ изъ его тюбингенскихъ занятій и изъ послѣдующихъ занятій въ Лозаннѣ, весьма замѣчательно для характеристики его какъ будущаго педагога, призваннаго руководить умственнымъ образованіемъ юношей. Я убѣдился,— говоритъ онъ, — что всего полезнѣе знакомить юношей съ самими источниками и отнюдь не держать ихъ долго на однихъ пособіяхъ и учебникахъ. Не имѣя въ рукахъ источниковъ, молодые люди будутъ ходить ощупью, умъ ихъ можетъ измельчать, и тотъ изъ нихъ, кто при свѣтѣ источниковъ достигъ бы высшаго развитія, тотъ, будучи лишенъ ихъ спасительнаго свѣта, можетъ навсегда остаться посредственностью, жалкимъ отголоскомъ чужого образа мыслей и воззрѣній [20]).

II.

Пребываніе въ Тюбингенѣ увѣнчалось для Лагарпа пріобрѣтеніемъ степени доктора правъ. Возвратившись въ отечество, двадцатилѣтній докторъ правъ посвятилъ себя юридическому поприщу, и искусно поведенный процессъ доставилъ ему мѣсто адвоката при высшей апелляціонной камерѣ. По своей новой обязанности, онъ долженъ былъ ка-

ждую зиму проводить въ независтномъ ему Бернѣ, такъ какъ тамъ находились всѣ высшія инстанціи, вѣдавшія дѣла земли Ватландской, тогда какъ въ послѣдней были одни низшія инстанціи. Время свое адвокатъ-литераторъ дѣлилъ такимъ образомъ, что жизнь на родинѣ была посвящена преимущественно занятіямъ ученымъ и литературнымъ, пребываніе же въ Бернѣ поглащалось службою, процессами и тяжбами. Подъ вліяніемъ идей, которыя господствовали въ образованномъ обществѣ, сгруппированномъ тогда въ главномъ городѣ края, Лозаннѣ, окончательно выработался тотъ образъ мыслей, тѣ воззрѣнія на жизнь, людей, политическое устройство, воспитаніе и т. д., съ которыми Лагарпъ началъ свою дѣятельность въ Россіи.

Ученіе энциклопедистовъ царило тогда надъ умами. Оно пустило корни по всей Европѣ и въ особенности привилось къ странѣ, гдѣ нашли пріютъ и сочувствіе главнѣйшіе представители умственнаго движенія, связанные съ ея обитателями не только духовнымъ, но и физическимъ родствомъ, единствомъ племени. А это послѣднее обстоятельство чрезвычайно важно: съ отдаленныхъ временъ и до настоящей минуты оно даетъ себя чувствовать во всѣхъ событіяхъ народной жизни. Родина Лагарпа была святынею для корифеевъ тогдашней французской литературы. Покидая Францію, Руссо стремился въ соплеменную ей южную Швейцарію, какъ въ обѣтованную землю, и достигши ея, палъ ницъ и цѣловалъ ее, какъ мать - спасительницу, благодаря небо, приведшее его въ страну справедливости и свободы. Герои романовъ Руссо дѣйствуютъ на берегахъ Женевскаго озера, въ окрестностяхъ Лозанны и Веве. Скрываясь отъ гнѣва Фридриха и преслѣдуемый въ отечествѣ, Вольтеръ ѣдетъ въ Швейцарію и до того увлекается живописнымъ мѣстоположеніемъ Лозанны и тогдашнимъ состояніемъ ея общества, что дѣлается постояннымъ ея жителемъ, домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ. Онъ былъ пріятно изумленъ, встрѣтивъ въ кругу лозанскаго общества людей, проникнутыхъ его идеями, его учениковъ и послѣдователей. Слава Вольтера и Руссо привлекала въ ихъ новое отечество ихъ многочисленныхъ почитателей, и въ Лозаннѣ образовался литературный кружокъ, которому могла бы позавидовать

любая изъ европейскихъ столицъ. Въ Лозаннѣ провелъ много лѣтъ Гиббонъ; тамъ онъ получилъ свое образованіе; тамъ же писалъ онъ свой знаменитый трудъ, упрочившій за нимъ такое видное мѣсто въ исторической литературѣ. Гиббонъ до того сжился съ особенностями, нравами и бытомъ края, что наблюденія его надъ внутреннею жизнію среды, въ которой онъ поселился, служатъ для мѣстныхъ историковъ неоспоримымъ и драгоцѣннымъ матеріаломъ, къ которому обращаются они въ своихъ научныхъ трудахъ какъ къ прямому и достовѣрнѣйшему источнику. Обычное общество Гиббона составляли лица, болѣе или менѣе замѣчательныя въ политическомъ, литературномъ или другомъ какомъ либо отношеніи, какъ напримѣръ, Неккеръ, Рейналь, принцъ Генрихъ прусскій, родственникъ Людовика XV и Екатерины II. Въ Лозаннѣ жили и нѣсколько русскихъ, принимавшихъ участіе въ различныхъ литературныхъ и научныхъ предпріятіяхъ и изданіяхъ. Графъ Разумовскій, вмѣстѣ съ докторомъ медицины Верделемъ (Verdeil) и профессоромъ химіи Штруве, былъ учредителемъ общества физическихъ наукъ (société des sciences phisiques de Lausanne), основаннаго въ 1783 году, и т. д.

Подъ вліяніемъ представителей европейской цивилизаціи оживилась литературная дѣятельность края, и литература, не ограничиваясь погонею за изяществомъ и разнообразіемъ формы, затрогивала и соціальные вопросы. На родинѣ Лагарпа явилась соперница знаменитой Парижской Энциклопедіи. Тамъ издавалась обширная энциклопедія, хотя на основаніи парижской, но со многими и важными дополненіями, принадлежащими перу итальянскаго изгнанника де-Феличе (de Felice), бывшаго двадцати лѣтъ отъ роду профессоромъ физики въ Неаполѣ, а впослѣдствіи поселившагося на югѣ Швейцаріи [21]). Большимъ значеніемъ въ швейцарской литературѣ пользовались повѣсти г-жи Шарьеръ (madame de Charrière), принимавшей участіе и въ политической жизни своей страны. Въ романахъ этой писательницы встрѣчаются подобныя слѣдующему мѣста, свидѣтельствующія о настроеніи тогдашняго общества: «Положеніе крестьянъ,—говоритъ она,—самое ужасное: всѣ земли ихъ и имущество заложены, они истые рабы богатыхъ

классовъ. Несправедливо полагаютъ, что причина этого печальнаго явленія въ самихъ крестьянахъ, въ ихъ лѣности, тупости и пьянствѣ. Сообразно ли съ природою человѣческою, чтобы бѣдные крестьяне оставались на высотѣ нравственности и добродѣтели, когда все призываетъ ихъ къ пороку? Истинная причина зла — самовластіе городовъ и гнетъ, наложенный ими на сельское населеніе. Преобладающая страсть человѣка есть стремленіе господствовать надъ другими. Богачи порѣшили, что человѣкъ лѣнивъ и что нужно принуждать его къ труду голодомъ. Вслѣдствіе этого три четверти рода человѣческаго изнемогаетъ подъ бременемъ труда и бѣдности, борясь съ ежечасными искушеніями, неизбѣжными спутниками нищеты. Еслибы законами руководило человѣческое чувство, они не дозволили бы воздвигать великолѣпныя и безполезныя зданія въ то время, когда тысячи бѣдняковъ остаются безъ крова; одни не предавались бы роскоши и излишествамъ, между тѣмъ какъ другіе умираютъ отъ голода. Богачи твердятъ, что никто не умираетъ отъ голода. Но посмотрите на пищу бѣднѣйшихъ изъ крестьянъ, сельскихъ поденьщиковъ, и вы убѣдитесь, что если она и не причиняетъ немедленно смерти, то ни въ какомъ случаѣ не поддерживаетъ жизненныхъ силъ. И при всемъ этомъ, раздаются возгласы о милосердіи, сострадательности, благотворительности. Я ненавижу благотворительность: она ожидаетъ, пока человѣкъ впадетъ въ нищету и обратится въ ничтожество; она всегда оскорбляетъ и унижаетъ того, кого горе заставляетъ прибѣгать къ ней. Вмѣсто того, чтобъ изобрѣтать наказанія порочныхъ, законодатели должны были бы употребить всѣ усилія, чтобы предупредить бѣдность и ея слѣдствія—преступленія», и т. д. [22]).

Участіе къ народу, теоретическое и практическое, выражалось заботами о распространеніи знаній, объ открытіи училищъ, о собраніи свѣдѣній о странѣ и народѣ историческихъ, статистическихъ, этнографическихъ и т. д. Добрую память о себѣ въ этомъ отношеніи оставилъ извѣстный писатель Бридель (le doyen Bridel), (род. 1757 г., ум. 1845), находившійся въ сношеніяхъ съ Лагарпомъ, своимъ землякомъ и сверстникомъ, и сдѣлавшій извѣстными заграни-

цею лекціи, читанныя Лагарпомъ великому князю Александру Павловичу. Литературная извѣстность Бриделя началась съ его элегіи на смерть княгини Е. Н. Орловой, умершей въ Лозаннѣ въ 1781 году и похороненной въ Лозаннскомъ соборѣ. Одушевленный любовью къ родинѣ, Бридель, исходилъ вдоль и поперегъ многія мѣстности Швейцаріи, отыскивая матеріалы для отечественной исторіи. Хотя повсюду въ странѣ можно было встрѣтить людей образованныхъ, но стремленіямъ и предпріятіямъ ихъ не доставало единства и народнаго характера. Пробудить страну отъ нравственнаго усыпленія, вызвать и воспитать народное чувство изученіемъ минувшей судьбы отечества, — такова была благородная цѣль литературныхъ трудовъ Бриделя. Онъ тщательно замѣчалъ народныя особенности и собиралъ памятники старины: историческія сказанія, легенды, пѣсни, образцы народныхъ говоровъ. Его Étrenes Helvétiennes и другія изданія служатъ памятникомъ его трудовъ по изученію родины и на благо ея. Въ стремленіяхъ своихъ онъ былъ совершенно чуждъ мѣстной, кантональной исключительности, имѣя въ виду общее отечество — единую, нераздѣльную Швейцарію. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно сходился съ Лагарпомъ, проводившимъ эту мысль на дѣлѣ и боровшимся за нее до послѣдней минуты своей политической дѣятельности. Бридель говоритъ о себѣ: Я гражданинъ не Цюриха, не Берна, не Лозанны, а Швейцаріи; я не католикъ, не реформатъ, а христіанинъ; я не демократъ, не аристократъ, не охлократъ, а патріотъ. Въ дѣлѣ о формахъ общественнаго устройства, какъ и въ вопросѣ о машинахъ, слѣдуетъ предпочитать тѣ изъ нихъ, которыя въ ходу [23]).

Въ Лозаннѣ въ то время жилъ, подъ именемъ графа Эберштейна, наслѣдный принцъ Брауншвейгскій, и Бридель преподавалъ ему исторію, литературу и политическую экономію. Духъ преподаванія какъ нельзя болѣе былъ близокъ къ тому, которымъ отличались наставленія Лагарпа великому князю Александру Павловичу. Это — однѣ и тѣ же мысли, даже одни и тѣ же слова, и только то, что̀ Лагарпъ излагаетъ въ прозѣ, въ видѣ лирическихъ разсужденій, то̀ Бридель выражаетъ иногда въ стихахъ. Обращаясь къ Брауншвейгскому принцу, Бридель говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: «Будучи

поставлены рожденіемъ на высотѣ властителя, помните, что природа всѣхъ насъ создала равными, и обращайтесь съ подвластными по-человѣчески. Гоните отъ себя гнусныхъ льстецовъ, восхваляющихъ безграничное самовластіе и произволъ...[24]).

Число лицъ, поселившихся въ Лозаннѣ и живо интересовавшихся вопросами литературы и науки, было такъ значительно, что въ средѣ ихъ образовалось нѣсколько обществъ, изъ которыхъ особенно выдается такъ-названное Литературное общество, Société littéraire de Lausanne, возникшее въ 1772 году. Основателемъ его былъ другъ Гиббона, Деверденъ (Deyverdun). Оно собиралось каждую недѣлю, и собранія его, судя по уцѣлѣвшимъ слѣдамъ, были и многочисленны, и весьма оживленны. Въ числѣ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ его засѣданіяхъ, въ протоколахъ названы, между прочимъ, Джилисъ (Gillies), авторъ исторіи Греціи, и Фергюссонъ (Fergusson), авторъ исторіи Римской республики, сочиненіями которыхъ руководствовался Лагарпъ въ преподаваніи исторіи своему царственному питомцу. Изъ русскихъ членами Лозаннскаго литературнаго общества были князья Михаилъ и Борисъ Голицыны. Лагарпъ былъ единогласно избранъ членомъ общества 4-го іюня 1780 года.

Вступленіе въ общество соединено было съ нѣкоторыми обрядностями, отчасти напоминающими масонскія ложи. Цѣль общества,— сказано въ его уставѣ,— состоитъ въ изысканіи совокупными силами истины въ области теоретической и нравственной философіи, литературы и изящныхъ искусствъ. Всякій, вступающій въ общество, обязанъ искренно и утвердительно отвѣчать на слѣдующіе вопросы, скрѣпивъ отвѣты на нихъ своею подписью:

1) Любите ли всѣхъ людей безъ различія ихъ вѣрованій, ихъ религіи, ихъ образа мыслей, и искренно ли желаете всему человѣчеству добра и нравственнаго усовершенствованія?

2) Признаете ли, что никто не долженъ подвергаться за свои мысли и вѣрованія безславію, преслѣдованіямъ и наказаніямъ?

3) Обѣщаете ли искренно трудиться надъ отысканіемъ

истины, и любите ли ее ради ея самой? Готовы ли, нашедши истину, съ радостью воспріять ее и съ полнымъ безпристрастіемъ сообщить ее другимъ?

4) Обѣщаете ли употребить всѣ усилія, чтобъ изгнать изъ этого исканія истины всякую страсть, всякое предубѣжденіе, всякій духъ партіи и злобы противъ тѣхъ, которые думаютъ иначе, нежели вы? Обѣщаете ли благодушно выслушивать противорѣчія, прибѣгая единственно къ духовному оружію разума какъ для защиты, такъ и для нападенія? [25]).

Въ собраніяхъ общества читались статьи, написанныя его членами, и обсуждались занимавшіе на ту пору общество вопросы, относящіеся къ области философіи, литературы, нравственности и политики. Въ одномъ изъ собраній было читано разсужденіе о народной поэзіи французской Швейцаріи, въ другомъ — о предразсудкахъ, которые слѣдуетъ щадить и уважать, въ третьемъ — о свободѣ книгопечатанія, и т. д.

Въ рѣшеніи вопроса о предразсудкахъ нельзя не видѣть преобладающихъ идей Руссо о постепенномъ развитіи, или, точнѣе, искаженіи человѣческой природы. По мнѣнію автора, человѣкъ въ естественномъ своемъ состояніи (l'homme naturel), мыслящій единственно на основаніи собственныхъ чувствъ и впечатлѣній, свободенъ отъ предразсудковъ. Они навязываются человѣку вмѣстѣ съ цивилизаціей, заставляющей его жить чужимъ умомъ. Такимъ образомъ возникли идеи о неравенствѣ между людьми и о необходимости подчиняться законамъ, которые въ сущности нисколько не обязательны, какъ дѣло рукъ человѣческихъ, какъ произведеніе людей, совершенно равноправныхъ съ тѣми, отъ кого требуютъ безусловной покорности законамъ. Но между предразсудками есть и весьма полезные, какъ, напримѣръ, преданность общему благу, неприкосновенность чести женщины, уваженіе къ законамъ и общественнымъ учрежденіямъ, и т. п.

О выгодахъ и невыгодахъ свободнаго книгопечатанія представлено было нѣсколько мемуаровъ. Авторы ихъ горячо защищали свободу книгопечатанія, видя въ ней прочную опору не только политической свободы, но народной

нравственности и самого правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ они вооружались противъ сочиненій анонимныхъ, позорящихъ литературу, и настоятельно требовали, чтобъ авторы отнюдь не скрывали своихъ именъ и не прибѣгали къ псевдонимамъ. Только одинъ голосъ возставалъ противъ свободы печати, утверждая, что Женева раздирается внутренними партіями именно вслѣдствіе этой свободы.

Лагарпъ въ своемъ мемуарѣ отвѣчалъ на вопросъ: какими свойствами всего вѣрнѣе пріобрѣтается расположеніе другихъ? [26]).

Литературные труды и просвѣтительныя бесѣды представителей европейской образованности наполняли лучшую сторону жизни Лагарпа. Но была и другая сторона, далеко не столь привлекательная, стоившая многихъ усилій и внутренней борьбы, полная тревогъ, злобы и оскорбленій. Поставленный въ необходимость служить враждебному правительству, Лагарпъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выносилъ тяжесть своего служебнаго положенія. Ненависть Лагарпа къ безусловному господству бернскихъ правителей привела его къ мысли покинуть отечество и послужила поводомъ къ тому, что Лагарпъ переселился въ Россію. Та же ненависть была одною изъ главнѣйшихъ причинъ удаленія его изъ Россіи.

Дорого обходилась Ватланду его зависимость отъ Берна. Взаимная вражда шла изстари, и съ каждымъ вѣкомъ, и даже съ каждымъ поколѣніемъ, становилась все глубже и глубже. Съ тѣхъ поръ какъ ватландскій край подпалъ подъ владычество бернской аристократіи, то есть, съ шестнадцатаго столѣтія, начинается рядъ мѣръ самыхъ произвольныхъ и необузданныхъ, посягавшихъ на свободу мысли и совѣсти, не говоря ужъ о политическомъ устройствѣ и матеріальномъ благосостояніи.

Въ январѣ 1536 года Бернъ завладѣлъ Ватландомъ, а перваго октября того же года назначенъ былъ въ главномъ храмѣ Лозанны торжественный диспутъ между протестантами и католиками, который долженъ былъ рѣшить навсегда участь господствующей въ краѣ религіи. Состязаніе было обставлено и ведено такимъ образомъ, что побѣда должна была во что бы то ни стало остаться на

сторонѣ исповѣдуемой Берномъ религіи. По окончаніи диспута возвѣщена была побѣда протестантства; Лозаннскій соборъ изъ католическаго обращенъ въ реформатскій, и бернскіе пристава, съ военными отрядами, вводили повсюду протестантство, жгли образа, разрушали алтари и все, что напоминало собою католичество. Драгоцѣнности, принадлежавшія католическимъ церквамъ, и накопленные вѣками вклады набожныхъ жертвователей были отняты у страны, свезены въ Бернъ и обращены въ его собственность, не смотря на всѣ протесты мѣстныхъ жителей [27]).

Правительство бернское состояло изъ двухъ-сотъ членовъ, избираемыхъ въ средѣ привилегированныхъ семействъ, такъ что большинство голосовъ принадлежало въ сущности четырнадцати, пятнадцати или шестнадцати семействамъ, которыя и заправляли всѣми дѣлами страны. Это собраніе двухъ-сотъ соединяло въ себѣ и законодательную власть и исполнительную: оно издавало законы, и оно же исполняло ихъ по своему усмотрѣнію. Страхъ, внушаемый полновластіемъ и деспотизмомъ бернскихъ правителей весьма ярко выражается въ характеристическомъ объясненіи Вольтера съ лозаннскимъ судьей. «Господинъ Вольтеръ,—говоритъ судья,—я слышалъ, что вы писали противъ Бога: это дурно, но я увѣренъ, что Богъ васъ проститъ. Я слышалъ, что вы писали и противъ религіи: это очень дурно, очень дурно, но Онъ проститъ васъ въ избыткѣ своего милосердія. Но берегитесь написать что нибудь противъ бернскихъ господъ: они не простятъ вамъ этого никогда, никогда» [28]).

Непосредственное участіе въ управленіи принимали пристава-судьи (baillі), которые были полновластными господами въ ввѣренныхъ имъ округахъ: въ ихъ рукахъ былъ судъ, войско, финансы, религія; отъ нихъ зависѣла раздача всѣхъ должностей, которыми они открыто торговали. Тяжелый и постоянный гнетъ и подавленіе всякой самостоятельности повели за собою обычныя слѣдствія—нравственный упадокъ и униженіе подпавшихъ тягостному игу. Добиваясь милости своихъ бернскихъ повелителей, подвластные ублажали ихъ ласкательствами, называли ихъ пышными именами свѣтлѣйшихъ, могущественнѣйшихъ, верховныхъ владыкъ, раболѣпно простирались у подножія ихъ

трона и осыпали ихъ такими хвалами, какихъ не расточали и римляне передъ своими цезарями. А бернскіе маленькіе цезари съ высоты величія смотрѣли на своихъ подданныхъ и даже нисходили до нѣкоторой заботливости о нихъ. Впрочемъ, она ограничивалась только покровительствомъ земледѣлію и отнюдь не простиралась на торговлю и промышленность. Земледѣліе, сглаживая сословную рознь, держитъ всѣхъ занимающихся имъ на одинаковомъ, весьма невысокомъ, уровнѣ. Торговля же и промышленность, способствуя накопленію богатствъ въ рукахъ нѣкоторыхъ, обезпечиваетъ ихъ вліяніе, выдвигаетъ ихъ и дѣлаетъ болѣе способными къ сопротивленію необузданному произволу [29]).

Надъ литературой края тяготѣла строгая бернская цензура. Долгое время обязанность цензуры, а также наблюденія за книжными лавками и типографіями, лежала на Лозаннскомъ университетѣ, и запрещенію подлежало не только то, что было направлено противъ религіи и нравственности, но и то, что могло показаться сколько нибудь неблагопріятнымъ для бернскаго правительства. Въ самомъ Бернѣ цензура сильно стѣсняла писателей. Даже произведеніе «Швейцарскаго Ѳукидида» Миллера встрѣтило столько препятствій со стороны цензуры, что онъ вынужденъ былъ вмѣсто Берна выставить мѣстомъ печатанія книги Бостонъ [30]).

Безпрестанныя столкновенія съ враждебною средою могли истощить терпѣніе и болѣе выносливаго человѣка, нежели какимъ былъ Лагарпъ. Поводомъ къ окончательному разрыву его съ бернскою администраціей послужило рѣзкое объясненіе съ однимъ изъ членовъ верховнаго суда, бывшимъ до того времени въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ молодымъ адвокатомъ. Заносчивыя слова, обращенныя къ Лагарпу, какъ къ подданному, нанесли ему жестокую, незалечимую рану. «Мы не потерпимъ новаторскаго духа, и вы должны помнить, что вы наши подданные», сказалъ членъ бернскаго суда. Лагарпъ отвѣчалъ на это: «Мы не признаемъ другой власти, кромѣ республики и законовъ», и тутъ же рѣшился покончить съ служебною карьерою [31]).

III.

Убѣгая отъ печальной дѣйствительности, окружавшей его въ отечествѣ, Лагарпъ стремился своими мечтами въ страну свободы, Америку. Но судьба распорядилась имъ иначе. Въ то время, когда Лагарпъ предавался раздумью о томъ, что̀ предстоитъ ему въ будущемъ, къ нему обратился молодой русскій офицеръ съ просьбою сопутствовать ему въ Италію. Это было въ началѣ 1782 года. Лагарпъ охотно принялъ предложеніе, совпадавшее съ его давнимъ желаніемъ посѣтить Италію. На Лагарпа указалъ русскому путешественнику, чрезъ посредство третьяго лица, извѣстный писатель и дипломатъ Гриммъ, бывшій въ постоянной перепискѣ съ Екатериною II. Юноша, обратившійся къ Лагарпу, былъ братъ генерала Александра Дмитріевича Ланскаго, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ Екатерины II. Обязанности, возложенныя на Лагарпа въ отношеніи къ юному спутнику, были довольно сложныя: подобно Ментору, надо было подѣйствовать на сердце Телемака и стараться заглушить въ немъ страсть, которую почему-то признавали гибельною. Лагарпъ выполнилъ свою задачу ловко и блистательно. Генералъ Ланской заявилъ, что онъ въ восторгѣ отъ благотворнаго вліянія Лагарпа на ввѣреннаго его заботамъ брата, и приглашалъ Лагарпа въ Петербургъ. Сама императрица въ письмѣ къ Гримму такъ выражалась о Лагарпѣ касательно возложеннаго на него порученія: «Умъ и здравый смыслъ Лагарпа до того очаровали присутствующихъ и отсутствующихъ, онъ такъ хорошо повелъ дѣло, что оно приняло именно тотъ оборотъ, котораго мы желали, и онъ заслужилъ признательность обѣихъ сторонъ. Поэтому я желаю, чтобы Лагарпъ сопровождалъ своего спутника до Петербурга, гдѣ, безъ сомнѣнія, получитъ приличное назначеніе». Сообщивъ Лагарпу отзывъ о немъ государыни, Гриммъ продолжаетъ:

«Желая избавить молодого человѣка отъ всякой заботы о судьбѣ его избранницы, государыня простерла свое великодушіе до того, что предоставила въ мое распоряженіе значительную сумму въ пользу молодой особы, чтобы она,

если не захочетъ воротиться къ отцу, могла жить честно и безбѣдно. Я полагаю, что разсудокъ одержитъ у нея верхъ надъ страстью и что утѣшитель уже найденъ. Но я умоляю васъ ничего не говорить объ этомъ ея юному другу во избѣжаніе несносныхъ для меня сплетень; притомъ онъ можетъ подумать, что мы обманываемъ его, выдумывая всѣ эти вещи. Ему достаточно знать, что у нея есть чѣмъ жить, и что онъ не можетъ возобновить сношеній съ нею, не погубивши себя и ее. Онъ уже давнымъ-давно не писалъ ей черезъ меня, да и едва ли у нихъ есть возможность переписываться. Впрочемъ, она призналась мнѣ, что разъ писала къ нему, вложивши письмо въ два конверта, изъ коихъ верхній былъ адресованъ въ Римъ на имя русскаго посланника. Но какъ въ Римѣ русскаго посланника нѣтъ, то письмо и не могло дойти по назначенію. Если возможно, достаньте это письмо: въ немъ, если вѣрить ея словамъ, она предлагаетъ ограничиться взаимною дружбою, отказавшись отъ страсти, несчастной для обоихъ. Но, какъ вы справедливо замѣтили, она слишкомъ хитра, и на ея слова полагаться нельзя. Надѣюсь, что при вашей помощи все пойдетъ хорошо, и вы благополучно доставите своего Телемака въ Петербургъ» [32]).

По поводу путешествія съ братомъ Ланскаго, Лагарпъ вступилъ въ переписку съ Гриммомъ, и въ ней шла рѣчь преимущественно о воспитаніи. Эта-то переписка, сообщенная безъ вѣдома Лагарпа Екатеринѣ II, и послужила, по его собственнымъ словамъ, главнымъ поводомъ къ тому, что онъ вызванъ былъ въ Россію. По свидѣтельству же его лучшаго біографа, это произошло единственно вслѣдствіе блестящаго исполненія роли Ментора, оказавшаго такое сильное вліяніе на влюбленнаго [33]).

Лагарпъ пріѣхалъ въ Россію въ началѣ 1783 года и былъ представленъ императрицѣ. Прошло довольно много времени, но Лагарпъ не получалъ никакого назначенія и, не имѣя цѣли для дальнѣйшаго пребыванія въ Россіи, рѣшился было ѣхать къ одному ирландскому лорду, чтобы руководить воспитаніемъ его дѣтей. Узнавъ объ этомъ, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, черезъ секретаря своего, швейцарца, пригласилъ къ себѣ Лагарпа и говорилъ съ

нимъ о предметахъ, относящихся къ воспитанію. Черезъ нѣсколько дней Ланской и Воронцовъ объявили, что императрица имѣетъ намѣреніе назначить Лагарпа въ число лицъ, опредѣляемыхъ для воспитанія великихъ князей, но безъ точнаго указанія, въ чемъ будутъ состоять его обязанности.

Всѣ надежды свои Лагарпъ возлагалъ на Александра Дмитріевича Ланскаго, знакомство съ которымъ вполнѣ оправдало отзывъ о немъ Гримма, писавшаго Лагарпу, что всѣ отдаютъ справедливость свѣтлому уму и прекрасному характеру любимца Екатерины. Современники съ большимъ сочувствіемъ говорятъ о его душевныхъ качествахъ, человѣколюбіи, благотворительности и т. п. Не получивъ въ юности основательнаго образованія, Ланской пріобрѣлъ его впослѣдстіи подъ личнымъ руководствомъ Екатерины, и Екатерина гордилась имъ какъ своимъ созданіемъ. Но счастье его было непродолжительно. Жестокая болѣзнь свела его въ нѣсколько дней въ могилу. Были слухи, что Потемкинъ, повидимому, весьма расположенный къ Ланскому, былъ не безгрѣшенъ въ его скоропостижной смерти. Императрица окружала больного самымъ заботливымъ участіемъ во все время его страданій и до того была поражена его смертью, что перестала принимать пищу, слегла въ постель, желала отказаться отъ престола, умереть, словомъ, впала въ совершенное отчаяніе [34]).

Ударомъ, хотя и не до такой степени чувствительнымъ, была смерть Ланскаго и для Лагарпа, который лишился въ немъ единственной опоры на чужбинѣ. Дѣло свое Лагарпъ считалъ проиграннымъ, и поѣздку въ Россію—безцѣльною и неудавшеюся. Къ счастію его, какъ онъ самъ говоритъ, его поддержали и защитили отъ невзгодъ въ это тяжкое время: — письма его къ Гримму, сообщенныя Екатеринѣ, представленный имъ мемуаръ и врожденная доброта души русскаго народа [35]).

Мемуаръ, представленный Лагарпомъ Салтыкову, которому ввѣренъ былъ главный надзоръ за воспитаніемъ великихъ князей, былъ со стороны Лагарпа рѣшительнымъ шагомъ выйти изъ неизвѣстности и создать себѣ прочное положеніе. До того времени все дѣло о воспитаніи великихъ князей находилось въ переходномъ состояніи.

Лагарпу поручено было принять своихъ питомцевъ изъ женскихъ рукъ, и Екатерина желала, чтобы переходъ отъ женскаго надзора къ мужскому совершился нечувствительно, и чтобы внуки ея какъ можно скорѣе и легче сжились и свыклись съ опредѣленными къ нимъ учителями, воспитателями и приставниками. Лагарпъ съ большимъ уваженіемъ отзывается объ особѣ, которую можно назвать до нѣкоторой степени его предшественницею, — о нянѣ великаго князя Александра Павловича, родомъ англичанкѣ, дававшей ему уроки англійскаго языка. По отъѣздѣ изъ Россіи, Лагарпъ въ письмамъ своихъ къ великому князю освѣдомлялся о Прасковьѣ Ивановнѣ (имя няни) и ея мужѣ, Иванѣ Ѳедоровичѣ. Въ примѣчаніи къ одному изъ писемъ Лагарпъ говоритъ: «Иванъ Ѳедоровичъ Гесслеръ, первый камердинеръ великаго князя, былъ человѣкъ благороднаго образа мыслей. Жена его—женщина рѣдкихъ достоинствъ: будучи приставлена въ качествѣ няни, она передала первыя хорошія привычки и наклонности своему питомцу, который вполнѣ цѣнитъ это и питаетъ къ ней благоговѣйное уваженіе (une vénération), дѣлающее честь имъ обоимъ» [26]).

Когда Лагарпъ началъ свои занятія съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, то питомецъ не зналъ ни слова по-французски, а воспитатель весьма плохо понималъ по-русски и не могъ говорить по-англійски. Поэтому не могло быть и рѣчи о правильныхъ урокахъ, и прежде всего надобно было изобрѣсти средство для взаимнаго пониманія. Къ счастью, Лагарпъ умѣлъ рисовать. Обыкновенно онъ рисовалъ какой нибудь предметъ, великій князь писалъ подъ рисункомъ названіе предмета, а Лагарпъ подписывалъ это названіе по-французски. Мало-по-малу дѣло пошло на ладъ, посѣщенія Лагарпа становились все чаще и чаще, и вмѣсто прежняго утомленія и неохоты, вызвали въ великомъ князѣ желаніе продолжать занятія съ наставникомъ, съумѣвшимъ его заинтересовать. Сперва онъ читалъ съ Лагарпомъ по-французски одинъ разъ въ недѣлю, потомъ охотно согласился заниматься съ нимъ каждый день, а потомъ и два раза въ день, и т. п. [27]).

Когда утвержденъ былъ составъ лицъ, окружавшихъ великихъ князей, на долю Лагарпа выпало состоять при ве-

ликихъ князьяхъ въ качествѣ «кавалера», то есть нѣчто въ родѣ камергера или камеръ-юнкера. Но должность эта нисколько не согласовалась ни съ привычками, ни съ намѣреніями Лагарпа. Вслѣдствіе этого онъ представилъ обширный мемуаръ, въ которомъ высказалъ свое настоящее призваніе—быть наставникомъ, и изложилъ подробно и обстоятельно, какіе предметы и при помощи какихъ пособій онъ можетъ и долженъ, по его мнѣнію, преподавать великимъ князьямъ [38]).

Мемуаръ Лагарпа, будучи педагогическою исповѣдью автора, служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ отвѣтомъ на требованія, выставленныя въ инструкціи Екатерины о воспитаніи ея внуковъ. 13-го марта 1784 года дана была знаменитая инструкція, а 10-го іюня того же года представленъ мемуаръ Лагарпа. Оба памятника находятся между собою въ тѣсной связи, которую нельзя оставить безъ вниманія [39]).

Инструкція Екатерины II состоитъ изъ семи наставленій, касательно: 1) здоровья и его сохраненія, 2) умонаклоненія къ добру, 3) добродѣтели, 4) учтивости, 5) поведенія, 6) знанія и 7) обхожденія приставниковъ съ воспитанниками. Уже изъ этого перечисленія содержанія видно, что знанію отмежевано сравнительно весьма небольшое мѣсто. Рамки знанія съужены до послѣдней степени такимъ опредѣленіемъ его задачи: знаніе должно служить единственно средствомъ для познанія природныхъ особенностей учащихся, для пріученія ихъ къ труду и отвращенія отъ праздности. Но такой взглядъ отнюдь не доказываетъ въ составительницѣ инструкціи отсутствія любознательности и умѣнія цѣнить знанія и научные труды. Онъ вытекаетъ изъ общаго склада идей того времени, относящихся къ воспитанію и входившихъ все болѣе и болѣе въ общественное сознаніе въ Россіи и во всей Европѣ.

Изъ трехъ элементовъ воспитанія: физическаго, умственнаго и нравственнаго, долгое время вниманіе европейскихъ педагоговъ приковано было исключительно къ одному умственному, и выражалось въ отягощеніи памяти учащихся неудобоваримымъ матеріаломъ, передаваемымъ въ схоластической формѣ. Свѣтлые умы возстали противъ такого све-

денія воспитанія на тягостное и безплодное обученіе, и ихъ воззрѣнія заключали въ себѣ рѣзкое отрицаніе прежнихъ понятій. Знаніе,—говоритъ Локкъ,—есть вещь самая маловажная. Сколько времени и труда пропадаетъ на то, чтобы какъ нибудь выучить дѣтей по-гречески и по-латыни, какъ будто бы вся сущность воспитанія состоитъ въ томъ, чтобъ они усвоили себѣ одинъ или два языка. По убѣжденію Монтеня, первыя идеи, сообщаемыя дѣтямъ, должны быть таковы, чтобы дѣйствовали на разумъ и нравы, развивая самосознаніе и рѣшимость хорошо жить и хорошо умереть. Изъ свободныхъ наукъ надобно начинать съ тѣхъ, которыя дѣлаютъ насъ свободными [40]).

Въ русской литературѣ временъ появленія инструкціи неоднократно выражались тѣ же мысли о превосходствѣ нравственнаго образованія передъ научнымъ. Цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ благонравіе,—говоритъ Стародумъ въ Недоросли;—просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу; наука въ развращенномъ сердцѣ есть лютое оружіе дѣлать зло, и т. п. [41]).

По своимъ личнымъ убѣжденіямъ, Екатерина давала мало вѣры кажущейся учености, безмолвной передъ существенными вопросами человѣческаго ума. Екатерина иронически отзывалась о заносчивыхъ полузнайкахъ, не понимающихъ ни науки, ни жизни и управляемыхъ въ сужденіяхъ своихъ не собственнымъ умомъ и опытомъ, а теоріями, вычитанными изъ книжекъ. «Гораздо болѣе толку,—говорила она,—въ разговорѣ съ простыми смертными, нежели въ бесѣдахъ съ умниками, напичканными разнаго рода теоріями; я очень уважаю ученыхъ, но охотно предпочитаю имъ неучей». Она сказала Дидро: «Съ вашими великими принципами можно писать хорошія книжки, потому что бумага терпитъ все, безропотно повинуясь и вашему перу, и вашему воображенію; мои же дѣйствія отражаются на кожѣ человѣческой, которая гораздо воспріимчивѣе и раздражительнѣе» [42]). Это-то сознаніе необходимости входить въ положеніе людей, которымъ приходится исполнять волю правительства, и заставило Екатерину, помимо всякихъ теорій, поставить въ инструкціи на первомъ планѣ знаніе людей и жизни, благоволеніе къ роду человѣческому, снисхожденіе

къ ближнимъ, познаніе вещей какъ онѣ должны быть и какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ.

Многое въ инструкціи самостоятельно и имѣетъ прямое отношеніе къ Россіи и къ условіямъ русской жизни. Многое и весьма многое заимствовано изъ сочиненія Локка о воспитаніи, послужившаго источникомъ инструкціи—и въ основной мысли, и въ подробностяхъ, и въ расположеніи предметовъ. Обыкновенно то, что̀ у Локка изложено пространно, съ различными доводами, разсужденіями и примѣрами изъ современнаго ему англійскаго быта, изъ міра древняго, изъ исторіи и обычаевъ другихъ народовъ и т. п., — въ русскомъ памятникѣ передается въ болѣе или менѣе краткомъ извлеченіи. Цѣлыя главы книги Локка сводятся въ инструкціи въ предписанія, выраженныя въ нѣсколькихъ строкахъ. Такъ составлены наставленія объ учтивости, о физическомъ уходѣ за дѣтьми, и другія [43]).

Сохранился въ рукописи, въ собраніи г. Моно, французскій переводъ инструкціи, сдѣланный Лагарпомъ, съ замѣтками и приписками. Переводъ отчасти можетъ служить поясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, выраженныхъ въ подлинникѣ не совершенно ясно. Замѣтки Лагарпа знакомятъ съ тѣмъ, на что̀ онъ обратилъ особенное вниманіе и насколько требованія инструкціи исполнялись на самомъ дѣлѣ. Со взглядомъ Лагарпа вполнѣ совпадало то, что отъ питомцевъ требовалась безусловная покорность, а наставники должны были всячески чуждаться лести, не вмѣшиваться въ игры дѣтей и не смущать ихъ веселости неумѣстными и безполезными выговорами. Лагарпъ замѣчаетъ, что требованіе инструкціи, чтобы «никто изъ приставниковъ не раздиралъ того, что̀ другіе сшиваютъ, и не хвалилъ въ дѣтяхъ и при дѣтяхъ того, что̀ другіе хулятъ, и наоборотъ»—ежедневно нарушается, а постановленіе, чтобы приставники однажды въ недѣлю собирались у Салтыкова для обсужденія успѣховъ и поведенія воспитанниковъ и во избѣженіе разногласія и недоразумѣній,—въ дѣйствительности никогда не исполнялось [44]).

Въ мемуарѣ своемъ Лагарпъ неоднократно ссылается на инструкцію Екатерины II, указывая на согласіе своей программы съ требованіями инструкціи. Предметы преподаванія обозначены въ инструкціи въ такой послѣдователь-

ности: географія, начавъ съ Россіи, астрономія, хронологія, математика, исторія, нравоученіе, правила закона гражданскаго и т. д. На каждомъ языкѣ читать избранныя книги, которыя могутъ умножить въ дѣтяхъ знаніе и просвѣщеніе, каковы: естественная исторія, математика, художества, какъ снять чертежи или дѣлать разные опыты, и т. д. По мнѣнію Лагарпа, надо начать съ географіи, потомъ немного исторіи, и къ этому прибавить разсказы изъ естественной исторіи и начальныя основанія геометріи, преимущественно практической.

Новый предметъ, вводимый Лагарпомъ,—философія. Подъ этимъ именемъ Лагарпъ понимаетъ разумное сознаніе того, что̀ ведетъ къ истинному счастію, заключающемуся въ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, и тотъ, по его мнѣнію, можетъ назваться философомъ, чей образъ дѣйствій вполнѣ соотвѣтствуетъ его нравственнымъ убѣжденіямъ. Спрашивать, нужно ли, чтобы будущій правитель былъ философомъ, значитъ спрашивать, долженъ ли онъ сознавать свои обязанности, долженъ ли стараться исполнять ихъ, — словомъ, долженъ ли онъ быть достойнымъ гражданиномъ.

Считая греческій языкъ главнѣйшимъ, инструкція дозволяетъ прибавить впослѣдствіи и латинскій языкъ, употребляя его при изложеніи минералогіи. Въ этомъ, и только въ этомъ, Лагарпъ расходится съ инструкціей, полагая, что латинскій языкъ составитъ излишнюю и безполезную роскошь при воспитаніи будущаго государя, тѣмъ болѣе, что времени, удѣляемаго для занятій, весьма мало, а познаній должно быть усвоено много, и притомъ существенно полезныхъ и необходимыхъ.

Лагарпъ указываетъ сочиненія, которыя могутъ служить руководствомъ при изложеніи преподаваемыхъ предметовъ, и не ограничивается однимъ перечисленіемъ источниковъ и пособій, но вкратцѣ опредѣляетъ ихъ достоинства и недостатки. Такимъ образомъ, прославленную рѣчь Боссюэта о всеобщей исторіи онъ находитъ черезчуръ краснорѣчивою и не въ мѣру проникнутою идеями временъ уничтоженія Нантскаго эдикта. Въ выборѣ автора, къ которому Лагарпъ питаетъ особенное довѣріе, сочувствіе и

уваженіе, онъ вполнѣ сходится съ Екатериною. Этотъ авторъ— Локкъ. «Твореніе мудраго Локка о человѣческомъ умѣ»,— говоритъ Лагарпъ, — «вѣрнѣйшій путеводитель при изысканіи истины. Вникнувъ въ происхожденіе идей и ихъ постепенное развитіе, опредѣливъ причины ошибочныхъ и ложныхъ сужденій, Локкъ простираетъ свои изслѣдованія до тѣхъ предѣловъ, до какихъ достигаетъ живительный свѣтъ опыта. Глубина, сила и ясность мысли этого геніальнаго человѣка могутъ въ высшей степени благотворно дѣйствовать на молодой умъ, оставляя въ немъ живые и неизгладимые слѣды».

Екатерина вполнѣ одобрила мемуаръ Лагарпа. Лагарпъ просилъ дозволенія сохранить у себя подлинникъ, который былъ дорогъ ему по двумъ собственноручнымъ замѣткамъ Екатерины. Одна изъ нихъ относится къ преподаванію русской исторіи, другая—лично къ Лагарпу. Авторъ мемуара говоритъ, что имѣетъ самыя ограниченныя познанія въ русской исторіи, будучи знакомъ съ нею единственно по иностраннымъ сочиненіямъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ выхода русской исторіи, составляемой для великихъ князей. Екатерина замѣтила на это, что отнынѣ можно будетъ получать все, чтò пишется по русской исторіи, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Лагарпъ выражаетъ надежду, что на него возложатъ обязанности болѣе серьезныя, нежели простое преподаваніе французскаго языка. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ, Екатерина написала: «Дѣйствительно, кто составилъ подобный мемуаръ, тотъ способенъ преподавать не одинъ только французскій языкъ».

Одобреніе мемуара Екатериною рѣшило судьбу его автора, Лагарпъ былъ оффиціально признанъ наставникомъ великихъ князей съ увольненіемъ отъ должности кавалера.

Въ бумагахъ Лагарпа сохранились, хотя и не вполнѣ, уроки, читанные имъ и диктованные великимъ князьямъ.

Въ Лозаннской публичной библіотекѣ находится двѣнадцать томовъ рукописей Лагарпа, изъ которыхъ девять относятся къ исторіи преимущественно римской, а остальные три заключаютъ въ себѣ извлеченія и замѣтки по военнымъ наукамъ, статистикѣ, политической экономіи и грамматикѣ. Рукописи историческаго содержанія состоятъ большею частью

изъ краткихъ, хронологическихъ и номенклатурныхъ замѣтокъ, за исключеніемъ римской исторіи, которая изложена весьма подробно [45]).

Останавливаясь съ особенною подробностью на изложеніи исторіи вообще и римской въ особенности, Лагарпъ оставался вѣренъ духу своего времени и своимъ убѣжденіямъ, сложившимся еще въ Гальденштейнѣ, а равно и тѣмъ понятіямъ, которыя онъ имѣлъ о цѣли воспитанія своего царственнаго питомца. «Будущій правитель,—говоритъ Лагарпъ въ своемъ мемуарѣ,—не долженъ быть ни физикомъ, ни натуралистомъ, ни математикомъ, ни географомъ, ни филологомъ, ни юристомъ и т. д. Но онъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ и знать преподаваемые ему предметы настолько, чтобы понимать ихъ настоящую цѣну и имѣть ясное сознаніе обязанностей, лежащихъ на монархѣ, въ рукахъ котораго счастье и несчастье многихъ милліоновъ. А какая же наука можетъ развить гражданское чувство болѣе, нежели исторія? Исторію считали надежнѣйшею школою политической нравственности лучшіе умы въ отечествѣ Лагарпа, гдѣ изучали ее съ цѣлью практическою и занятіямъ исторіею отдавалъ досуги свои цвѣтъ образованнаго населенія Швейцаріи, призваннаго къ общественной и государственной дѣятельности» [46]).

«Всякій гражданинъ, — говоритъ Лагарпъ въ мемуарѣ, — желающій приносить пользу въ своей странѣ своимъ участіемъ въ дѣлахъ общественныхъ, обязанъ изучить исторію. Тѣмъ болѣе обязанность эта лежитъ на будущемъ правителѣ. Но надобно быть особенно чуткимъ, руководя этимъ изученіемъ, чтобы не прокрались въ него вредныя начала. Надобно постоянно помнить, что Александръ Македонскій, одаренный самыми благими и блестящими качествами, опустошилъ и наполнилъ ужасами цѣлую страну свѣта единственно потому, что желалъ подражать героямъ Гомера, подобно тому, какъ Юлій Цезарь изъ подражанія Александру Македонскому совершилъ позорное преступленіе, сокрушивъ свободу своего отечества. Да и въ наше время,—прибавляетъ Лагарпъ,—неблагоразумное чтеніе Квинта-Курція обратило одного сѣвернаго государя, одареннаго геройскими свойствами, въ тирана и палача своихъ подданныхъ. Поэтому при изложеніи исторіи

Лагарпъ считалъ нужнымъ, опуская героевъ, ознаменовавшихъ свои подвиги гибелью и несчастіемъ себѣ подобныхъ, останавливать вниманіе на тѣхъ историческихъ лицахъ, которыя, родившись вдали отъ трона, блистали своимъ собственнымъ величіемъ и непреходящею славою своихъ дѣлъ, скрѣпившихъ за ними святое право на уваженіе, сочувствіе и признательность современниковъ и потомства. Говоря съ негодованіемъ, отнюдь не затаеннымъ, о римскихъ цезаряхъ, Лагарпъ называетъ истинно великими людьми Публиколу, Аристида, Катона, Гракховъ и другихъ знаменитыхъ гражданъ древняго міра».

Курсъ римской исторіи, читанный Лагарпомъ великимъ князьямъ, начинается краткимъ изложеніемъ судьбы Рима отъ его основанія до Пуническихъ войнъ включительно. Изъ царей упоминается о Ромулѣ, который названъ искателемъ приключеній, Сервіи Тулліи и о Тарквиніи Гордомъ. Сообщается нѣсколько свѣдѣній о Гораціи Коклесѣ, Цинциннатѣ, Коріоланѣ, Камиллѣ, Деціи, Фабриціи и другихъ историческихъ лицахъ, изъ жизни которыхъ приводится нѣсколько общеизвѣстныхъ, рисующихъ ихъ, чертъ, въ родѣ гражданской доблести и безкорыстія Фабриція, отвергшаго дары враговъ его отечества. Встрѣчается нѣсколько замѣчаній такого рода: рожденный рабомъ, Сервій Туллій доказалъ, что не происхожденіе, а личное достоинство, добродѣтель и таланты дѣлаютъ людей великими.

При обозрѣніи послѣдующихъ событій Лагарпъ съ особенною любовью останавливается на Суллѣ и на другихъ лицахъ такого же республиканскаго закала. «Марій, — говоритъ Лагарпъ,—былъ сынъ простого крестьянина. Сословіе крестьянское самое неиспорченное и приносящее наиболѣе пользы; изъ него вышло много великихъ людей. Никто не задаетъ себѣ труда позаботиться о его просвѣщеніи и оно обречено на невѣжество со всѣми его грубыми и необузданными порывами. Но если столько людей, поставленныхъ въ самыя счастливыя условія по своему общественному положенію, не пользуются окружающими ихъ средствами къ образованію, то, по крайней мѣрѣ, отдадимъ должное генію человѣка, который обязанъ всѣмъ единственно самому себѣ. Быть равнодушнымъ къ просвѣщенію и наукамъ можетъ только невѣжество и тупо-

уміе. Презирать науку и ея представителей значить показывать себя варваромъ. Всѣ тѣ, которые разрушили храмы наукъ, истребили сокровищницы знаній и преслѣдовали ученыхъ и писателей, всѣ тѣ покрыли себя вѣчнымъ безславіемъ.

«Великая душа Суллы жила подвигами Фабія, Камилла, Деція. Если онъ и желалъ быть первымъ изъ римлянъ, то единственно въ силу своихъ заслугъ, своего служенія родинѣ и горячей любви къ ней. Онъ нисколько не похожъ на пресловутаго Юлія Цезаря, который, стремясь къ первенству, попралъ священныя преданія родины и принесъ свободу ея въ жертву своему преступному властолюбію».

По поводу словъ Солона, сказанныхъ Крезу и повторенныхъ Крезомъ Киру, о непостоянствѣ счастья и невозможности гордиться имъ, Лагарпъ вступаетъ въ подобныя разсужденія: «На свѣтѣ не было бы самонадѣянныхъ гордецовъ, еслибы люди чаще спрашивали себя: кто я? чтò я знаю? чтò хорошаго я сдѣлалъ? у одного ли только меня во всемъ мірѣ есть и умъ, и дарованія, и заслуги? Безразсудная гордость—порокъ, который никогда не прощается правителямъ, и можно привести цѣлый рядъ земныхъ владыкъ, жестоко наказанныхъ тѣми, кого они презирали и оскорбляли. Калигула коня своего сдѣлалъ консуломъ, а шведскій король Карлъ XII осмѣлился угрожать сенату обѣщаніемъ прислать сапогъ свой въ качествѣ своего представителя; но кинжалъ убійцы отомстилъ за римлянъ, а пуля избавила Швецію отъ ея злосчастнаго властелина. Съ другой стороны, посмотрите на Тита, на Траяна, который, вручая мечъ свой начальнику стражи, сказалъ: «Дѣйствуй имъ за меня, если буду поступать хорошо; обрати его противъ меня, если стану поступать дурно». Посмотрите на Марка Аврелія, на Юліана, который еще въ юности отказался отъ всѣхъ удовольствій и развлеченій, а достигнувъ престола, жалѣлъ о времени, отдаваемомъ сну и въ подданныхъ своихъ видѣлъ людей себѣ подобныхъ, сознавая свою обязанность заботиться объ ихъ благосостояніи и счастьи».

Очень подробно излагается возстаніе гладіаторовъ, которое, вмѣстѣ съ примыкающими къ нему тремя эпизодами изъ швейцарской, голландской и итальянской исторіи, составляетъ

одинъ изъ самыхъ обширныхъ отдѣловъ курса, подобно отдѣламъ объ Августѣ и Константинѣ. «Гладіаторы,—замѣчаетъ Лагарпъ,—рабы, осужденные служить дикою забавою цирка, потребовали съ оружіемъ въ рукахъ возстановленія своихъ человѣческихъ правъ. Римъ, съ обычнымъ своимъ счастьемъ, восторжествовалъ въ домашней борьбѣ, но это была побѣда злого и неправаго дѣла. Самый инстинктъ, общій всѣмъ животнымъ, заставляетъ защищаться отъ нападеній. Пчела впускаетъ свое жало въ угрожающую ей руку и муравей язвитъ попирающую его пяту. По какому же праву человѣкъ можетъ безнаказанно угнетать себѣ подобныхъ и требовать отъ нихъ безропотнаго перенесенія жесточайшихъ страданій? Жестоко было бы зажимать ротъ страдальцамъ, чтобы не слышать ихъ криковъ и рыданій, и въ высшей степени неблагоразумно доводить людей до отчаянія съ его гибельными послѣдствіями. Исторія представляетъ нѣсколько примѣровъ того, до чего можетъ довести отчаяніе. Таково возмущеніе швейцарцевъ противъ австрійскаго дома въ четырнадцатомъ столѣтіи, возстаніе нидерландцевъ противъ Испаніи въ шестнадцатомъ вѣкѣ и возстаніе генуэзцевъ противъ той же Австріи въ восьмнадцатомъ столѣтіи». Краснорѣчивое описаніе трехъ кровавыхъ событій заключается обычнымъ обращеніемъ къ слушателямъ: «Изъ этихъ примѣровъ вы видите, что необузданный произволъ не ограждаетъ отъ мщенія со стороны угнетаемыхъ, какъ бы ни казались они слабыми и ничтожными. Таковы права законнаго сопротивленія, права, принадлежащія всѣмъ и каждому, и напрасно тираны стараются увѣрить человѣчество, что возставать противъ ихъ гнета есть будто бы преступленіе».

Неудержимый потокъ укоровъ, осужденій и проклятій падаетъ на Юлія Цезаря и его преемниковъ, шедшихъ по проложенному имъ пути. Въ своихъ обвинительныхъ рѣчахъ противъ Цезарей Лагарпъ не щадитъ никого изъ представителей ненавистной ему системы, отъ Августа до Людовика XIV.

Побѣдителю въ родѣ Юлія Цезаря какой-то воръ сказалъ: «Вся разница между мною и тобою та, что я ворую одинъ и по необходимости, а ты грабишь во главѣ многихъ тысячъ, для собственнаго удовольствія, и окруженъ льстецами, вос-

хваляющими тебя за твои грабежи». Желать задавить вопли и жалобы тѣхъ, кого давятъ и разоряютъ — и жестоко, и безразсудно. Всегда бывали и теперь есть низкіе люди, обвиняющіе покоренный неправдою народъ въ томъ, что онъ бунтуетъ и возмущается, стремясь разбить наложенныя на него оковы. Но еслибы кто посильнѣй васъ похитилъ вашу собаку, а вы бы попытались возвратить ее и васъ стали бы за это наказывать, нашли ли бы вы такой образъ дѣйствій справедливымъ? А именно такъ поступилъ съ галлами Юлій Цезарь и у нихъ отняли не собаку, а вещь священную—свободу, которую не найти снова, если разъ потерять ее.

Цезарь запретилъ уроженцамъ Италіи оставаться болѣе трехъ лѣтъ сряду внѣ ея предѣловъ и т. п. Запрещеніями и угрозами, расположеніемъ войскъ по окраинамъ, можно превратить страну въ обширную темницу, но желаемая цѣль все-таки не будетъ достигнута. Стѣснительныя мѣры вызываютъ народныя волненія. При затруднительности сношеній съ сосѣдними державами торговля и промышленность ослабѣваютъ и падаютъ. Опытъ всѣхъ вѣковъ и народовъ доказываетъ, что никакая человѣческая сила не въ состояніи удержать угнетенныхъ отъ стремленія добыть себѣ отнятыя насиліемъ права.

При господствѣ системы несправедливой въ самомъ своемъ основаніи, рушатся всѣ благія предпріятія, подавляемыя общимъ состояніемъ политическаго организма. Составленіе свода законовъ — дѣло великое, и Цезарь задумалъ его. Но для полнаго успѣха дѣла необходимо основательное изученіе исторической судьбы отечества, общій философскій взглядъ и спокойное созерцаніе. Изданіе же, предпринятое на скорую руку, въ борьбѣ партій, одностороннее, какъ при Цезарѣ, не только не содѣйствуетъ благосостоянію народа, но порабощаетъ народъ и приноситъ его интересы въ угоду не знающей предѣловъ власти.

Убійство, совершенное надъ Цезаремъ, Лагарпъ признаетъ дѣломъ вполнѣ справедливымъ, неизбѣжнымъ и законнымъ. Заговоръ противъ Цезаря обрекалъ на смерть хищника, развращающаго гражданъ, безжалостно лившаго ихъ кровь, грабившаго ихъ достояніе и попиравшаго самые

священные права и законы. Чтò станется съ правосудіемъ, съ порядкомъ и безопасностью, если умъ и сила будутъ направлены только къ тому, чтобы разрушить существующія учрежденія и нагло овладѣть кормиломъ власти? Примѣръ изъ новой исторіи нагляднѣе объяснитъ дѣло. Виновникъ возрожденія Англіи, знаменитый Кромвель, по силѣ своего ума и дарованій, безъ всякаго сомнѣнія, неизмѣримо выше жалкихъ Стюартовъ, разорившихъ Англію своею алчностью, расточительностью и безразсуднымъ произволомъ въ управленіи. Но, не смотря на всѣ заслуги Кромвеля, потомство заклеймило его названіемъ преступника и похитителя престола. Похитители и тираны употребляли и употребляютъ всѣ средства, чтобы заставить признавать особу свою священною. Но люди съ свѣтлымъ умомъ и неиспорченнымъ сердцемъ легко убѣждаются въ томъ, что присвоившій себѣ власть силою меча долженъ отъ меча и погибнуть. Цезарь не имѣлъ никакого права завладѣть римскою республикой, и потому не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія ни въ справедливости поразившей его кары, ни въ имени, которымъ его слѣдуетъ заклеймить.

Помпей былъ великимъ полководцемъ и замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, но онъ не былъ гражданиномъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Истинный гражданинъ уважаетъ законы и учрежденія своей страны. Безпрекословно повинуясь требованіямъ закона, онъ свято соблюдаетъ обязанности свои въ отношеніи къ отечеству. Чѣмъ болѣе даетъ оно выгодъ и матеріальныхъ, и нравственныхъ, тѣмъ сильнѣе права его на благодарность и привязанность. Можно простить дикарю его равнодушіе къ мачихѣ-родинѣ; но кто родился среди народа просвѣщеннаго, кому съ дѣтства доступны всѣ средства къ образованію, тотъ не въ правѣ быть равнодушнымъ къ взлелѣявшему его отечеству. Но недостаточно любить отечество: надобно доказывать любовь на дѣлѣ. Враги этой любви — своекорыстіе и малодушіе. Берегитесь же людей своекорыстныхъ и ничтожныхъ, которые ради собственной выгоды станутъ увѣрять васъ, что властители не одинаковаго происхожденія со всѣми смертными и потому свободны отъ всякихъ обязанностей въ отношеніи и къ родинѣ, и къ че-

ловѣчеству. Ложно понятая слава влечетъ за собою множество бѣдъ. Соблазнительная картина суетной славы, представленная Людовику XIV злыми совѣтниками, наполнила его безразсудною гордостью и сдѣлала его бичемъ и ужасомъ нѣсколькихъ поколѣній. Продажное перо стихотворцевъ и литераторовъ превозносило его славу и увѣнчало его именемъ великаго. Но потомство отвергаетъ величіе въ человѣкѣ, приносившемъ десятки и сотни тысячъ подданныхъ въ жертву своимъ властолюбивымъ замысламъ и грабительскимъ войнамъ, изгнавшемъ изъ страны лучшую часть ея населенія и ставившемъ свой личный произволъ выше всякаго закона и требованій правосудія и справедливости.

Въ противоположность Цезарю, свѣтлую сторону римской жизни представляютъ Катонъ и Цицеронъ. Въ характеристикѣ Катона Лагарпъ останавливается на его дѣтствѣ, распространяясь о томъ, что Катонъ воспитывался вмѣстѣ съ своимъ меньшимъ братомъ и имѣлъ на него самое благотворное вліяніе. Описаніе взаимныхъ отношеній между братьями, очевидно, имѣетъ въ виду указать живой и назидательный примѣръ великимъ князьямъ Александру Павловичу и Константину Павловичу. Лагарпъ безусловно оправдываетъ героическое самоубійство Катона. Неспособный на нравственное униженіе, не продавшій себя на службу хищнику Цезарю, Катонъ рѣшился умереть какъ жилъ, свободнымъ и безупречнымъ, и исполнилъ свое намѣреніе съ поразительнымъ хладнокровіемъ, доказывающимъ глубину его внутренняго убѣжденія и непоколебимую силу воли. Произносите съ благоговѣніемъ,— заключаетъ Лагарпъ,— имя этого безсмертнаго человѣка, и знайте, что только, приблизившись къ его добродѣлямъ, вы явитесь достойными всеобщаго и неподдѣльнаго уваженія.

Цицеронъ, будучи не знатнаго рода, обязанъ своимъ значеніемъ единственно самому себѣ. Никто лучше его не изучилъ отечественной исторіи, законовъ и обычаевъ своего народа; никто не говорилъ и не писалъ съ большою пріятностью, силою и краснорѣчіемъ. При этомъ Лагарпъ входитъ въ психологическій разборъ писемъ Цицерона, признавая, что его творенія, исполненныя возвышенныхъ и

трогательныхъ истинъ, были и вѣчно будутъ наслажденіемъ для мыслящихъ людей. Обращаясь къ своимъ питомцамъ, Лагарпъ говоритъ: «Читайте и перечитывайте произведенія Цицерона; они должны войти въ составъ вашей избранной библіотеки: гражданину, призванному къ великой общественной дѣятельности, некогда тратить времени на чтеніе книгъ, въ которыхъ слабая доля истины затоплена цѣлымъ моремъ многословія; но ему необходимо читать произведенія, въ которыхъ ясно и вѣрно изображаются его обязанности, какъ человѣка и какъ гражданина. Не полагаясь на измѣнчивый и лицемѣрный голосъ окружающихъ, правитель народа долженъ искать вѣрныхъ друзей въ твореніяхъ великихъ писателей и въ безмолвной бесѣдѣ съ ними укрѣплять духъ и черпать познаніе жизни и людей. Истинною сокровищницею въ этомъ отношеніи можно назвать сочиненіе Цицерона, одна книга котораго «Объ обязанностяхъ», написанная въ наставленіе сыну, могла бы заслужить автору правдивую и вѣковѣчную хвалу потомства[47]).

Преслѣдованіе и происки Августа простирались на всѣ условія народной жизни. Онъ добивался, чтобы люди богатые, знатные и пользующіеся уваженіемъ, не избѣгали общественныхъ должностей, утратившихъ все свое значеніе подъ гнетомъ деспотизма. Но его заботливость не ослѣпила людей умныхъ и прямо смотрѣвшихъ на вещи. Помимо своей воли онъ доказалъ, что деспотъ хотя и можетъ произвольно располагать достояніемъ и жизнью подданныхъ, но не въ его власти повелѣвать ихъ мыслями. При этомъ Лагарпъ входитъ въ разсужденіе о томъ, что на мысль можно дѣйствовать только силою мысли болѣе просвѣщенной, но отнюдь не другимъ, сколько нибудь грубымъ, орудіемъ. Предѣлъ безумныхъ желаній деспотизма есть владычество надъ мыслями подвластныхъ. Иначе думаетъ и дѣйствуетъ мудрый правитель. Онъ сознаетъ, что каковы бы ни были заблужденія и предразсудки народа, ихъ невозможно истребить насильственными мѣрами, и народъ отстаиваетъ съ несокрушимою стойкостью и упорствомъ все то, что̀ привыкъ считать за истину. Какъ же слѣдуетъ поступать въ подобномъ случаѣ просвѣщенному правителю, проникнутому чувствомъ гражданина? Онъ долженъ дать

свободу слова писателямъ, разоблачающимъ ложныя мнѣнія логическими доводами и неотразимою силою насмѣшки. Онъ долженъ пересоздать общественное воспитаніе и тѣмъ приготовить новыя поколѣнія съ инымъ образомъ мыслей, свободнымъ отъ предразсудковъ, унижающихъ человѣческое достоинство. Такимъ только путемъ задуманное дѣло получаетъ прочность и силу. Всякія же быстрыя, внезапныя и насильственныя мѣры бываютъ дѣйствительны только на самое короткое время и неминуемо влекутъ за собою народное неудовольствіе, смуты, волненія, и т. п.

Въ видахъ личной своей выгоды Августъ допустилъ гибельное нововведеніе въ судопроизводство. Законами республики не дозволялось рабамъ свидѣтельствовать на судѣ противъ своихъ господъ. Августъ постановилъ, чтобы рабы подсудимыхъ продавались императору, и этимъ пріобрѣлъ надежныхъ обвинителей противъ лицъ, подпавшихъ его немилости и судебному преслѣдованію. Такая мѣра развивала домашнее шпіонство и погубила много честныхъ гражданъ. По поводу нововведенія Августа, Лагарпъ знакомитъ своихъ питомцевъ съ сущностью уголовнаго судопроизводства, говоритъ о необходимости соединить въ немъ требованія закона, а отнюдь не прихоти судей, съ личною безопасностью гражданъ, показываетъ несостоятельность судебной корпораціи и отсутствіе въ ней нравственнаго права осужденія или оправданія подсудимыхъ. Порицая общепринятую тогда въ Европѣ систему уголовнаго суда, лишающаго обвиненнаго средствъ къ своей защитѣ, Лагарпъ указываетъ на Англію и на Американскіе Штаты, какъ на страны, гдѣ надобно искать лучшаго, достойнаго подражанія, образца уголовнаго судопроизводства.

Одна только черта въ жизни Августа заслужила одобреніе со стороны его строгаго судьи, именно скромность, сдержанность и простота въ домашнемъ и общественномъ быту и обстановкѣ. Повелитель могущественнѣйшей въ мірѣ монархіи не покидалъ своего прежняго, скромнаго жилища, не держалъ многочисленной прислуги, въ общественныхъ собраніяхъ помѣщался съ прочими посѣтителями и неоднократно даже являлся въ судъ, то въ качествѣ свидѣтеля, то въ качествѣ адвоката. За этимъ извѣстіемъ слѣдуетъ у

Лагарпа пространная выходка противъ этикета, который окружаетъ дворы и стѣсняетъ правителя, отвлекая его отъ его существенныхъ обязанностей, разслабляя его умъ и душу и дѣлая избранника народа недостойнымъ своего великаго призванія.

Чтобы познакомить съ характеромъ и пріемами преподаванія Лагарпа, мы приводимъ, въ примѣчаніяхъ, два отрывка изъ его курса въ подлинникѣ. Одинъ отрывокъ касается придворнаго этикета, съ которымъ онъ связываетъ вопросы гораздо болѣе важные; другой—политическаго устройства обществъ и внутренняго значенія власти, ея происхожденія, правъ и обязанностей [48]).

Воззрѣніе свое на этотъ предметъ Лагарпъ излагаетъ по поводу правительственной катастрофы въ Римѣ, — паденія Каликулы и возведеніе на престолъ Клавдія. Защищая права народа, отказавшагося въ повиновеніи злому владыкѣ и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивавшаго свою свободу, онъ съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о возстаніи крестьянъ при Діоклитіанѣ и всю отвѣтственность возлагаетъ на раздражившее народъ правительство. Но въ сужденіяхъ Лагарпа обнаруживается непослѣдовательность, происходящая съ одной стороны отъ его крайняго радикализма, съ другой—отъ невѣрности исторической точки зрѣнія, отъ смѣшенія различныхъ историческихъ эпохъ.

Люди «крайніе» въ своихъ теоретическихъ революціонныхъ стремленіяхъ весьма часто при встрѣчѣ съ жизнію впадаютъ въ совершенно противоположныя крайности. Именно о Лагарпѣ замѣчаютъ, что самые ярые революціонеры по теоріи чрезвычайно легко сживаются съ самымъ консервативнымъ порядкомъ вещей въ дѣйствительности. Увлекаясь отчасти односторонно понятыми идеями Гиббона и Вольтера и смѣшивая понятія средневѣковаго папства съ идеями первыхъ христіанъ, Лагарпъ относится враждебнымъ образомъ къ христіанству и къ общественнымъ движеніямъ, происходившимъ въ средѣ его. Непослѣдовательность Лагарпа очевидна. Народныя возстанія онъ постоянно называетъ явленіемъ законнымъ и оправдываетъ всѣ жестокости, совершаемыя возмутившимися массами. Упомянувъ о томъ, что германцы звѣрски обращались съ своими плѣнниками, при-

нося ихъ въ жертву своимъ богамъ, Лагарпъ говоритъ, что такое безчеловѣчіе вполнѣ извинительно, ибо оно обрушивалось на похитителей лучшаго человѣческаго блага — свободы и независимости. Но какъ только идетъ рѣчь о возстаніи христіанъ противъ ихъ повелителей, подвергавшихъ ихъ неслыханнымъ мученіямъ и отнимавшихъ у нихъ свобуду мысли и совѣсти, Лагарпъ измѣняетъ тонъ и обвиняетъ христіанъ въ непокорности властямъ, оффиціально признаннымъ законными. Христіане оказываются у него кругомъ виноваты, враги же ихъ всегда и всюду правы, чуть не святы.

При такихъ понятіяхъ весьма естественна ненависть Лагарпа къ Константину и живое сочувствіе къ Юліану. «Царствованіе Константина,—говоритъ Лагарпъ,— ознаменовано измѣненіемъ внутренняго устройства имперіи и введеніемъ христіанства. Основанная Константиномъ столица хотя и представляетъ выгоды по своему положенію въ центрѣ торговли и сношеній трехъ, извѣстныхъ тогда, частей свѣта, но не это соображеніе руководило основателемъ, а тщеславное желаніе дать имя свое Новому Риму. Въ числѣ мѣръ Константина были и благія, но онѣ не достигли цѣли по недобросовѣстности администраціи, по допущенному произволу органовъ правительства, по столкновенію властей гражданской и военной, поставленныхъ во враждебное отношеніе съ цѣлью имѣть больше агентовъ, обличающихъ другъ друга, наконецъ—по всеобщему недовѣрію и сильному шпіонству. Государственное хозяйство и имущества, доходы, промышленность, торговля, все страдало отъ злоупотребленій своекорыстной администраціи. Тогда-то появились и размножились различные пышные титулы: свѣтлѣйшій, сіятельнѣйшій, великолѣпнѣйшій, всевеличайшій и т. п., и т. п., весь этотъ блескъ и мишура, въ которую любитъ рядиться человѣческое тщеславіе. Сенаторы назывались clarissimi, проконсулы—respectabiles, консулы—illustrissimi и т. д., съ мелочнымъ соблюденіемъ разрядовъ и прозвищъ чиновной іерархіи. Но за блестящими титулами скрывалось внутреннее ничтожество. Отъ прежняго значенія консуловъ осталась одна тѣнь и призракъ. Ежегодно консулы торжественно вступали въ свою должность, давали празднества народу и снова погружались въ преж-

нее бездѣйствіе и т. д. Также необлагопріятно отзывается Лагарпъ и о дѣйствіяхъ Константина и современныхъ ему событіяхъ въ сферѣ религіозной, какъ напримѣръ, объ открытіи Вселенскаго собора, объ учрежденіи духовнаго суда, о развитіи монашеской жизни, и т. д.

Въ чертахъ живыхъ и сочувственныхъ Лагарпъ изображаетъ Юліана, воспитаннаго, по его словамъ, философіей и несчастіями, закалившими его на всю жизнь и давшими ему вѣрный взглядъ на людей, на вещи и на обязанности человѣка и гражданина. Лагарпъ представляетъ Юліана мудрымъ правителемъ, безпристрастнымъ и правдивымъ судьею, даровитѣйшимъ писателемъ и человѣкомъ просвѣщеннымъ въ полномъ смыслѣ слова. Суевѣріе Юліана, ревностное соблюденіе имъ языческихъ обрядовъ, страсть въ магіи, фанатизмъ объясняются духомъ времени и обстановкою, среди которой текла его молодость и получались первыя впечатлѣнія. Главную причину нелюбви его къ христіанству Лагарпъ видитъ въ томъ, что воспитаніе Юліана было ввѣрено людямъ недобросовѣстнымъ, которые только по имени были христіанами, а вину за преслѣдованіе христіанъ взваливаетъ на самихъ преслѣдуемыхъ, не съумѣвшихъ вытерпѣть горе до конца, какъ заповѣдано основателемъ ихъ религіи [49]).

Въ сужденіяхъ своихъ объ историческихъ лицахъ и событіяхъ и въ постановкѣ существенныхъ вопросовъ, касающихся политическаго устройства обществъ, Лагарпъ руководствовался Монтескье, Локкомъ, Гиббономъ, Руссо, отчасти Бурламаки и другими писателями.

Въ характеристикѣ Августа Лагарпъ сближается съ Монтескье, слова котораго приводитъ для рѣзкаго обозначенія противоположности между Августомъ и Силлою. Монтескье говоритъ: Октавій, котораго льстецы прозвали Августомъ, утвердилъ порядокъ, то есть, собственно говоря, рабство, ибо на языкѣ похитителей порядокъ значитъ безграничный произволъ одного лица, а возмущеніемъ зовется честное усиліе гражданъ сохранить свою свободу. Не смотря на крутыя мѣры Силлы, всѣ его дѣйствія, вся его жизнь проникнуты республиканскимъ духомъ. Свирѣпый Силла, оглушаемый криками о тираніи, желѣзною рукою ведетъ рим-

лянъ къ свободѣ, а лукавый Августъ, убаюкивая римлянъ сладкими пѣснями о свободѣ, приводитъ ихъ къ позорному рабству [50]).

Гиббонъ обвиняетъ христіанъ за ихъ внутреннія несогласія, принесшія, по его мнѣнію, гораздо болѣе вреда христіанскому обществу, нежели всѣ преслѣдованія со стороны язычниковъ. Чтобы возсоздать образъ Константина въ возможно вѣрномъ свѣтѣ, Гиббонъ выбираетъ изъ темныхъ чертъ тѣ, которыя допускаютъ въ Константинѣ самые горячіе его приверженцы, а изъ свѣтлыхъ тѣ, въ которыхъ не отказываютъ ему самые ожесточенные его порицатели. Сочувствіе Гиббона на сторонѣ Юліана. Гиббонъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ говоритъ объ энергіи, любознательности и честномъ образѣ дѣйствій Юліана, разогнавшаго стаю шпіоновъ и доносчиковъ и свято уважавшаго законы. Однажды въ циркѣ онъ освободилъ раба въ присутствіи консула; но, спохватившись, что присвоилъ себѣ власть, принадлежащую другому, самъ присудилъ себя къ штрафу, въ доказательство того, что онъ, подобно всѣмъ гражданамъ, подчиняется законамъ и обычаямъ республики. Гиббонъ осуждаетъ Юліана только за то, что онъ запретилъ христіанамъ быть учителями на томъ основаніи, что они не признаютъ боговъ Гомера и Демосѳена. Это запрещеніе порицаетъ и Лагарпъ, какъ единственное пятно на безукоризненной личности Юліана [51]).

Во взглядѣ на происхожденіе гражданскихъ обществъ и различныхъ формъ правленія Лагарпъ какъ бы желаетъ слить примирительную теорію Бурламаки съ строгими выводами Локка и смѣлыми догадками Руссо.

Такъ какъ общества и правительства,—говоритъ Бурламаки,—такъ же почти древни, какъ міръ, то въ вопросѣ о ихъ происхожденіи публицисты должны ограничиваться болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями. Одно изъ самыхъ вѣроятнѣйшихъ есть то, что тщеславіе въ соединеніи съ силой и ловкостью впервые подчинило многія семьи власти одного человѣка. По мнѣнію автора, всякая форма правленія законна, если она возникла по свободному соглашенію народа и оправдана продолжительнымъ опытомъ. Всего менѣе прочности представляетъ такъ называемое на-

[illegible] ...ться нельзя: въ общей
[illegible] ... и добрыми намѣ-
[illegible] ... дѣйствительно спо-
[illegible] ... же большинство—
[illegible] ..., а по тому ему не-
[illegible] ... За неогра-
[illegible] ... преимуще-
[illegible] ... по времени въ
[illegible] ...тельная власть
[illegible] ... и рѣшитель-
[illegible] ... крайно-
[illegible] ... въ себѣ вы-
[illegible] ...ется къ
[illegible] ... и главнѣй-
[illegible] ... для народа;
[illegible]

мость изъ многихъ золъ выбирать лучшее. Его идеалъ—демократія, но она не достижима для человѣчества. Если бы,—говоритъ онъ,—существовала страна боговъ, она управлялась бы демократически, но такое совершенство не можетъ быть удѣломъ людей; имъ суждено быть жертвою роковой системы, состоящей въ томъ, что въ сущности всѣ человѣческіе законы выгодны для богачей и гибельны для бѣдняковъ [53]).

Локкъ выводитъ идею правительства и политическаго устройства обществъ изъ такъ-называемаго естественнаго состоянія, когда каждому принадлежала полнѣйшая свобода дѣйствовать какъ ему угодно, совершенно независимо отъ какого бы то ни было посторонняго вмѣшательства и вліянія. Хотя мы не имѣемъ,—говоритъ онъ,—никакого положительнаго свидѣтельства объ этомъ первобытномъ состояніи, но мы необходимо должны допустить его. Иначе намъ пришлось бы утверждать, что люди, составлявшіе войска Салманассара и Ксеркса, никогда не были дѣтьми, ибо всѣ историческія извѣстія упоминаютъ объ этихъ воинахъ, какъ о людяхъ взрослыхъ. Извѣстное число лицъ устроили, по взаимному соглашенію, общество и правительство, которому и ввѣрили свободу, принадлежавшую каждому лицу въ отдѣльности. Гдѣ всѣ и каждый отказались отъ личной исполнительной власти законовъ, тамъ и только тамъ образуется гражданское общество въ настоящемъ смыслѣ слова. Отсюда слѣдуетъ, что это названіе отнюдь не соотвѣтствуетъ монархіи неограниченной, соединяющей въ одномъ лицѣ власть исполнительную и законодательную. Правительство, выходящее въ дѣйствіяхъ своихъ изъ предѣловъ закона, вызываетъ вполнѣ законное противодѣйствіе со стороны подвластныхъ. Они въ правѣ прибѣгать къ силѣ, чтобы сокрушить тяготѣющій надъ ними незаконный и необузданный произволъ [54]).

Въ способѣ преподаванія Лагарпа особенно замѣчательно безусловное предпочтеніе источниковъ и сравнительная метода, строго наблюдаемая имъ съ цѣлью пріучить учащихся вникать во взаимныя отношенія предметовъ, наблюдать ихъ особенности и давать себѣ ясный отчетъ въ дѣлаемыхъ выводахъ и заключеніяхъ. Лагарпъ читалъ съ своими воспи-

танниками, въ лучшихъ французскихъ и нѣмецкихъ переводахъ, произведенія Гомера, Геродота, Ѳукидида, Демосѳена, Платона, Софокла, Эсхила, Тита-Ливія, Тацита, Плинія, Цицерона, Квинтиліана. Онъ весьма часто обращался къ этимъ писателямъ, имѣя въ виду, какъ онъ самъ говоритъ, познакомить своихъ питомцевъ съ древнимъ міромъ не въ жалкихъ компиляціяхъ школьныхъ педантовъ, а въ собственныхъ твореніяхъ замѣчательныхъ умовъ, одинаково искусно владѣвшихъ какъ перомъ писателя, такъ и ввѣренною имъ властью правителя и мечомъ полководца. Для ознакомленія съ духомъ среднихъ вѣковъ, съ рыцарствомъ и Крестовыми походами, Лагарпъ читалъ съ своими питомцами Жуанвиля и Вильгардуена. При чтеніи позднѣйшихъ авторовъ, пользовавшихся древними источниками, какъ напримѣръ, у Монтескье, читаемое сравнивалось съ соотвѣтствующими мѣстами у древнихъ писателей. Одно и то же мѣсто читалось по нѣсколькимъ переводамъ, которые тщательно сличались между собою. Главныя положенія всеобщей грамматики были излагаемы по сочиненіямъ нѣсколькихъ ученыхъ и служили матеріаломъ для выводовъ и сравнительной оцѣнки ихъ учащимися [55]).

Преподавательская дѣятельность Лагарпа подвергалась различнымъ толкамъ, впрочемъ бóльшею частью выгоднымъ для наставника, котораго называли умнымъ, достойнымъ, благороднотмыслящимъ человѣкомъ, истиннымъ и честнымъ другомъ свободы. Даже люди, вовсе несогласные съ образомъ мыслей Лагарпа, сожалѣя о томъ, что онъ внушаетъ питомцамъ невѣрныя понятія о равенствѣ между людьми и о народномъ правленіи, вмѣстѣ съ тѣмъ сознавали, что эти мысли вложены съ самыми чистыми намѣреніями [56]). Не столько идеи Лагарпа сами по себѣ, сколько ихъ противоположность съ обстановкой и съ призваніемъ того, кому они передавались, вызывали недовѣріе къ принятой системѣ воспитанія. Въ превосходномъ произведеніи своемъ «Воспитаніе льва» Крыловъ мѣтитъ на Лагарпа и его преподаваніе, котораго объемъ и характеръ нисколько не соотвѣтствовали ни призванію, ни даже лѣтамъ питомца. Подобно Лагарпу, напросившемуся на свою должность, орелъ, въ баснѣ Крылова, самъ вызвался воспитать львенка и приступилъ къ дѣлу съ

наивною увѣренностью, что «годовалый львенокъ давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ». Вѣрный наставленіямъ своего ментора, будущій царь звѣрей, не имѣя ни малѣйшаго понятія о звѣриномъ бытѣ, могъ сосчитать до иголки всѣ птичьи нужды, и обѣщаетъ, по восшествіи на престолъ, тотчасъ начать учить звѣрей вить гнѣзда. Находили, что полурусское, полуфранцузское воспитаніе съ замѣтнымъ преобладаніемъ началъ, чуждыхъ русской жизни, не могло образовать изъ юноши ни государя, ни философа и наполняло его голову странною смѣсью философскихъ и либеральныхъ идей восемнадцатаго вѣка съ самыми строгими требованіями неограниченной власти[57]). Но иначе думали современники Лагарпа, наиболѣе близкіе къ дѣлу и мнѣніемъ которыхъ наиболѣе дорожилъ Лагарпъ, какъ напримѣръ, члены «Гельветическаго общества» и Екатерина II съ ея избраннымъ кружкомъ.

Въ приговорѣ Гельветическаго общества Лагарпъ видѣлъ санкцію своихъ воззрѣній и считалъ этотъ приговоръ счастливѣйшимъ событіемъ своей жизни. Это объясняется высокимъ значеніемъ, которое имѣло Гельветическое общество во внутренней исторіи швейцарскаго народа. Стремленіе къ духовному и политическому общенію не покидало лучшихъ людей Швейцаріи, и изъ рода въ родъ переходили воспоминанія о первыхъ временахъ славы Швейцарскаго Союза. Съ разныхъ краевъ слышались заявленія объ открытіи національнаго училища, гдѣ уроженцы разныхъ мѣстностей получали бы образованіе въ національномъ духѣ, а равно о необходимости покрыть Швейцарію сѣтью патріотическихъ кружковъ, связанныхъ между собою единствомъ цѣли — содѣйствовать всѣми силами благу общаго отечества. Многимъ грезились патріотическіе сны, какъ называли самые авторы, различные проекты, планы, предположенія. Но патріотическимъ мечтамъ суждено было перейти въ дѣйствительность. Юбилей Базельскаго университета, праздновавшійся, въ 1760 году, свелъ нѣсколькихъ старинныхъ друзей, живо почувствовавшихъ необходимость подобныхъ встрѣчъ и собраній. Рѣшено было собираться каждый годъ, и само собою образовалось общество, которому дано названіе «Гельветическаго». Собранія общества становились годъ отъ году многочисленнѣе. Въ числѣ членовъ и сотрудниковъ встрѣ-

чаются имена Бернулли, Гесснера, Лафатера, Бриделя и другихъ замѣчательныхъ людей союза. Цѣль общества состояла въ томъ, чтобы хранить и развивать между согражданами любовь къ отечеству, единодушіе, нравственное достоинство и политическую свободу. Предпринято было всестороннее изученіе отечества. Повсюду собирались лѣтописи, граматы и другіе памятники для составленія исторіи государственной жизни, законовъ, нравовъ и образованности Швейцаріи. Распространеніе хорошихъ книгъ въ народѣ считали недостаточнымъ, ибо многіе изъ крестьянъ едва умѣютъ читать и почти ни у кого изъ нихъ нѣтъ времени для чтенія. Болѣе вѣрнымъ средствомъ дѣйствовать на сознаніе народа представлялась народная пѣсня, но требовалась крайняя осторожность въ выборѣ содержанія. Героями пѣсни должны были быть не одни только лица, прославившіяся военными подвигами, но и тѣ изъ предковъ, мужчины и женщины, жизнь которыхъ можетъ служить образцомъ мирныхъ, общественныхъ и семейныхъ добродѣтелей. Но добродѣтели эти должны быть не ангельскаго, а человѣческаго свойства, естественныя, а не сверхъестественныя, доступныя простому и неиспорченному сердцу и пониманію крестьянина. Швейцарскимъ юношамъ предлагалось вмѣсто поѣздокъ въ чужіе края предпринимать путешествія по родной землѣ, болѣе пригодныя во всѣхъ отношеніяхъ. Общество устраивало публичныя чтенія, непремѣннымъ условіемъ которыхъ полагалось тщательно избѣгать какъ оскорбительныхъ, такъ и льстивыхъ выраженій. Стремленіе къ свободѣ, одушевлявшее Гельветическое общество, совпадало съ сознаніемъ святости закона. Въ собраніяхъ общества слышались такія рѣчи: чѣмъ выше и неприкосновеннѣе права закона у народа, тѣмъ народъ свободнѣе; какъ въ физическомъ организмѣ сила и крѣпость зависитъ отъ безпрепятственнаго движенія питательныхъ соковъ, такъ благосостояніе и прочность политическаго союза зиждется свободнымъ и животворящимъ дѣйствіемъ закона. По поводу историческихъ воспоминаній высказывались мнѣнія, что главныя основы гражданской свободы заключаются въ единодушіи и умѣренности: не оружіе враговъ, а роскошь и внутренніе раздоры были истинною причиною порабощенія нѣкогда свободныхъ народовъ, и т. д.[58]). Таковы были

мнѣнія людей, составлявшихъ Гельветическое общество, которое, по словамъ Лагарпа, было самымъ почтеннымъ и самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ обществъ, существовавшихъ когда либо въ Швейцаріи. Одинъ изъ членовъ общества, извѣстный литераторъ Бридель, прислалъ Лагарпу свой новый трудъ. Цѣня такое вниманіе, Лагарпъ въ свою очередь послалъ уважаемому автору нѣсколько отрывковъ изъ курса исторіи, читаннаго великимъ князьямъ. Отрывки эти показались Бриделю до того замѣчательными, что онъ рѣшился прочесть ихъ въ ближайшемъ собраніи Гельветическаго общества. Впечатлѣніе, произведенное ими, очевидный свидѣтель передаетъ слѣдующимъ образомъ: 26-го мая 1789 года въ Ольтенѣ, гдѣ на ту пору собиралось общество, происходило чтеніе въ высшей степени интересныхъ отрывковъ историческихъ лекцій, которыя одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ читаетъ царственнымъ юношамъ, призваннымъ играть важную роль въ Европѣ. Мужественный и энергическій тонъ, съ которымъ онъ защищаетъ священныя права человѣчества противъ необузданнаго произвола власти... Поразительные примѣры, выбираемые имъ изъ исторіи всѣхъ вѣковъ для доказательства, что рабы, подавленные насиліемъ, рано или поздно возстаютъ отъ своего униженія и сокрушаютъ ненавистное иго... Ясныя и несомнѣнныя начала, руководящія его сужденіями, когда онъ, восходя къ первому образованію государствъ, излагаетъ происхожденіе и дальнѣйшій ходъ общественнаго договора, истинная цѣль котораго—сблизить граждань для ихъ общей пользы, а отнюдь не обременять ихъ цѣпями рабствъ. Мудрость и сила доводовъ для предохраненія питомцевъ отъ ложнаго этикета, отъ гордости, слывущей за величіе, отъ жестокихъ несправедливостей, выдаваемыхъ за славу, и въ особенности отъ лести, вырывающей изъ души правителя всѣ добрыя начала въ самомъ ихъ корнѣ и зародышѣ... Все это вызвало единодушный восторгъ и удивленіе общества. Едва только окончилось чтеніе, дружный взрывъ похвалъ и рукоплесканій огласилъ собраніе. Провозгласивъ заздравный привѣтъ благородному швейцарцу, который и у ступеней трона не отрекается отъ своихъ республиканскихъ убѣжденій, президентъ отъ имени всего общества поручилъ передать автору

читанныхъ отрывковъ задушевную благодарность за честь, которую онъ приноситъ отечеству подобнымъ образомъ мыслей и подобнымъ преподаваніемъ [59]).

Каждый отдѣлъ, каждая страница читаннаго Лагарпомъ курса была просматриваема Екатериною, каторая много разъ выражала свое полное одобреніе и сочувствіе содержанію курса. «Начала, которыя вы проводите, — говорила она Лагарпу, — укрѣпляютъ душу вашихъ питомцевъ; я читаю ваши записки съ величайшимъ удовольствіемъ и чрезвычайно довольна вашимъ преподаваніемъ» [60]). Въ одномъ мѣстѣ курса Лагарпъ говоритъ: «Лучшій и, быть можетъ, единственный другъ правителя — сила его собственной разсудительности (judiciaire), помощью которой онъ взвѣшиваетъ доводы своихъ министровъ, совѣты друзей и похвалы царедворцевъ». Прочитавъ это мѣсто, Екатерина, съ свойственною ей любезностью, пожурила Лагарпа, что онъ ужъ черезчуръ обижаетъ людей, подобныхъ ей по своему общественному положенію, утверждая, что они лишены возможности имѣть истинныхъ друзей. Во время путешествія въ Крымъ Екатерина сообщила отрывки изъ курса Лагарпа лицамъ, ее сопровождавшимъ: принцу де-Линю, англійскому посланнику Фицгерберту (lord Saint-Helens) и другимъ, осыпая похвалами швейцарскаго республиканца, котораго она избрала наставникомъ для своихъ внуковъ [61]). Довѣріе Екатерины къ избранному ею воспитателю долгое время не могли поколебать ни французская революція, ни навѣты эмигрантовъ, ни происки бернской аристократіи.

Лагарпъ искренно и горячо сочувствовалъ французской революціи, видя въ ней залогъ освобожденія его родины. Онъ былъ увѣренъ, что идеи свободы и равенства, провозглашенныя революціей, отразятся въ консервативномъ Бернѣ и заставятъ его подумать о несправедливостяхъ, совершаемыхъ имъ надъ несчастнымъ Ваатландскимъ кантономъ. Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли и для избѣжанія кровопролитія и анархіи, Лагарпъ настаивалъ на созваніи представительнаго собранія. Множество писемъ, мемуаровъ, памфлетовъ въ этомъ духѣ Лагарпъ посылалъ въ Швейцарію и отчасти помѣщалъ въ англійскихъ журналахъ. Все, что̀ выходило изъ-подъ его пера, было проникнуто восторженною

любовью къ родинѣ и призывало согражданъ къ свободѣ и независимости. Бернское правительство было возмущено дѣйствіями Лагарпа и, перехвативъ переписку его съ изгнаннымъ изъ Швейцаріи двоюроднымъ его братомъ, Амедеемъ Лагарпомъ, прислало ее Екатеринѣ, настойчиво требуя наказанія мятежнаго ваатландца. Съѣхавшіеся въ Кобленцѣ представители державъ, составившихъ коалицію для подавленія революціи, склоняли графа Румянцова поддержать справедливую, по ихъ мнѣнію, жалобу бернскаго правительства, выражая свое крайнее удивленіе, что государыня, показавшая такое сочувствіе коалиціи, терпѣла при своемъ дворѣ и при своихъ внукахъ отъявленнаго революціонера и якобинца. Но, къ счастію для этого мнимаго якобинца, доносъ на него бернскіе дипломаты облекли въ такія рѣзкія формы, что Екатерина была внутренно оскорблена ими, сдѣлала выговоръ принцу Евгенію Виртембергскому, бывшему слѣпымъ орудіемъ бернской интриги, и, призвавъ Лагарпа, полусерьезно, полушутливо передала ему, въ чемъ дѣло, и ему же самому поручила написать отвѣтъ на взводимыя на него обвиненія [62]). Не придавая имъ серьезнаго значенія, Екатерина при разговорѣ съ Лагарпомъ въ шутку назвала его якобинцемъ — monsieur le jacobin; Лагарпъ протестовалъ противъ этого названія и сказалъ государынѣ: «Я — швейцарецъ, и слѣдовательно республиканецъ. Мои соотечественники угнетены бернскимъ правительствомъ, и я совѣтую имъ возстановить законнымъ путемъ свои законныя права. Я уважаю ваше правительство и употреблю всѣ усилія, чтобы оправдать высокое довѣріе, которое вы мнѣ оказали, поручивъ мнѣ воспитаніе вашихъ внуковъ. Я стараюсь поселить въ нихъ чувства, сообразныя съ ихъ происхожденіемъ и призваніемъ, и приготовить ихъ къ тому, чтобъ они явились достойными послѣдователями вашему великому примѣру». Екатерина прервала его словами: «Будьте якобинцемъ, республиканцемъ, чѣмъ вамъ угодно; я вижу, что вы честный человѣкъ, и этого мнѣ довольно; оставайтесь при моихъ внукахъ и ведите свое дѣло такъ же хорошо, какъ вели его до сихъ поръ» [63]).

Пріемъ, оказанный Лагарпу, говоритъ о тогдашнемъ настроеніи Екатерины, обнаруживавшей до поры до времени замѣчательную терпимость въ отношеніи къ революціи. При

дворѣ Екатерины свободно распѣвались революціонныя пѣсни, за которыя въ Италіи сажали въ тюрьму, а въ Англіи доставалось даже птицамъ, которыхъ выучивали произносить два-три слова изъ этихъ пѣсенъ. Въ Вѣнѣ, Неаполѣ, Лондонѣ преслѣдовали невиннѣйшихъ французовъ, а въ Петербургѣ ближайшіе родственники коноводовъ революціи безпрепятственно являлись во всѣхъ обществахъ и даже при дворѣ. Екатерина находила весьма естественнымъ, что Лагарпъ въ своихъ прокламаціяхъ и памфлетахъ съ увлеченіемъ вспоминалъ объ основателяхъ швейцарской свободы и независимости, и не могла понять, изъ-за чего подняли въ Бернѣ такую страшную бурю. Уступая дипломатическимъ приличіямъ, Екатерина выразила желаніе, чтобы Лагарпъ не принималъ никакого участія въ швейцарскихъ дѣлахъ до тѣхъ поръ, пока находится въ русской службѣ. Въ оправдательномъ письмѣ, представленномъ Екатеринѣ, Лагарпъ доказывалъ, что онъ не принадлежитъ ни къ какой опасной политической партіи. Онъ говоритъ: «Я отъ всей души ненавижу демократію, потому что наблюдалъ ее очень близко и вполнѣ убѣдился въ ея несообразности съ началами свободы и справедливости; древняя исторія, обнаруживая въ пресловутыхъ аѳинскихъ демократахъ безжалостныхъ угнетателей народа, открыла мнѣ глаза и на современныхъ швейцарскихъ демократовъ, которые, при одинаковости человѣческихъ страстей, представляютъ поразительное сходство съ своими древними первообразами. Будучи совершенно довольна содержаніемъ письма Лагарпа, Екатерина пожелала только исключить изъ него то, что относится къ воспитанію ея внуковъ, и ограничиться однимъ отвѣтомъ на обвиненія Лагарпа какъ политическаго агитатора, что и было имъ исполнено съ желаемымъ успѣхомъ» [64]).

Спустя болѣе полутора года послѣ отпора, даннаго бернскимъ патриціямъ, Лагарпъ сохранялъ, повидимому, прежнее расположеніе Екатерины, какъ можно судить по аудіенціи, данной ему 30-го іюня 1793 года. Въ дипломатическомъ кругу обвиняли Лагарпа въ томъ, что будто бы по его вліянію Екатерина II отмѣнила данный ею приказъ о выступленіи въ походъ пятидесятитысячной арміи, подъ начальствомъ князя Репнина, для подкрѣпленія военныхъ силъ коа-

лиціи. Такую перемѣну приписывалъ убѣдительнымъ рѣчамъ Лагарпа самъ графъ Зубовъ, имѣвшій возможность знать всю подноготную дѣла. Впрочемъ, извѣстія о роли, которую Лагарпъ игралъ въ настоящемъ случаѣ, повторяются со словъ самого Лагарпа, который былъ не прочь преувеличить, болѣе по наивности, нежели по умыслу, собственное значеніе и вліяніе.

Благосклонность Екатерины къ воспитателю ея внуковъ начала колебаться съ разгаромъ французской революціи и съ усиливавшимся вслѣдствіе этого довѣріемъ къ французскимъ эмигрантамъ. Долгое время Екатерина выжидала окончанія кровавой драмы, разыгрывавшейся во Франціи, и по мѣрѣ того, какъ надежда на счастливый исходъ ослабѣвала, французы и ихъ единомышленники все болѣе и болѣе теряли во мнѣніи Екатерины. Она велѣла вынести изъ своей любимой галереи бюсты Вольтера и Фокса—послѣдняго за то, что онъ противился войнѣ съ Франціей. Враги революціи, эмигранты, стали находить у Екатерины самый радушный пріемъ. При такой перемѣнѣ въ настроеніи умовъ, Лагарпъ долженъ былъ, по чувству самосохраненія, измѣнить прежнюю систему преподаванія, и вмѣсто собственныхъ записокъ, составляемыхъ въ либеральномъ духѣ, пользоваться сочиненіями, изданными до революціи, сопровождая чтеніе ихъ устными поясненіями, которыя постоянно имѣли въ виду событія, совершавшіяся тогда во Франціи и въ Польшѣ. The treatise on governement Локка, исторія Англіи во времена Стюартовъ, исторія парламентской реформы въ Англіи и т. п. служили важнымъ подспорьемъ при изложеніи общихъ началъ. Но эти начала каждый день были порицаемы въ присутствіи императрицы эмигрантами и ихъ угодниками, и Лагарпу стоило большого труда опровергать то, что̀ признавалось за истину въ императорскомъ кругу. Въ этомъ отношеніи посмертные мемуары Дюкло были для Лагарпа драгоцѣнною находкою, не разъ выручавшею его изъ бѣды. Не вступая въ споры отъ своего лица, онъ давалъ своимъ питомцамъ книгу Дюкло, въ которой ярко выставлена вся тина и грязь восхваляемаго эмигрантами прежняго порядка вещей.

Дюкло говоритъ, что французское правительство было до

того развращено, что ни одинъ честный человѣкъ не имѣлъ къ нему ни малѣйшаго довѣрія. Религіей Людовика XIV,— говоритъ Дюкло,—была его королевская власть; невѣжда и суевѣръ въ собственно религіозныхъ вопросахъ, онъ преслѣдовалъ ереси, дѣйствительныя и воображаемыя, какъ неповиновеніе своей неограниченной власти. Онъ публично вывозилъ въ одномъ экипажѣ съ женою двухъ любовницъ, и народъ сбѣгался смотрѣть «трехъ королевъ». Регентъ велъ жизнь разгульную и распутную. Народъ страдалъ отъ налоговъ и насильно высылался въ колоніи; выборъ переселенцевъ зависѣлъ отъ произвола властей, которыя начинали вербовку свою публичными женщинами и оканчивали честными, но беззащитными гражданами. Общественныя должности продавались; выгодныя мѣста даваемы были въ пожизненное и потомственное владѣніе любимцамъ: права на извѣстныя званія съ соединенными съ ними окладами предоставлялись по протекціи девятилѣтнимъ и семилѣтнимъ дѣтямъ. По цѣлымъ мѣсяцамъ держали невинныхъ людей въ оковахъ, потому что судьи предпочитали роскошь и удовольствія разбирательству дѣлъ, лежавшихъ на ихъ обязанности и совѣсти, и т. п.[65]).

Подобныя черты живо врѣзывались въ памяти юношей, и однажды, когда графъ Эстергази распространился въ похвалахъ прежнему французскому правительству, великій князь Константинъ Павловичъ съ увѣренностью замѣтилъ, что панегиристъ ошибается. Екатерина была пріятно удивлена этимъ замѣчаніемъ и потребовала у внука доказательствъ. Онъ началъ исчислять, одно за другимъ, цѣлый рядъ злоупотребленій. «Откуда же ты все это знаешь?» спросила государыня. «Я читалъ это съ Лагарпомъ у самаго достовѣрнаго историка». Екатерина была въ восторгѣ отъ находчивости внука и его дѣльныхъ возраженій. Но эмигранты и ихъ дипломатическіе друзья рѣшились отомстить своему давнему врагу и зорче прежняго стали слѣдить за его каждымъ шагомъ, не упуская ничего, что̀ могло бы повести къ его паденію. Обстоятельства имъ благопріятствовали. Казнь Людовика XVI и прибытіе въ Россію графа д'Артуа имѣли рѣшительное вліяніе на образъ мыслей Екатерины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на судьбу Лагарпа.

Наиболѣе опасными для Лагарпа эмигрантами были: графъ Эстергази, принцъ Нассаускій и графъ д'Артуа. Эстергази былъ эмиссаромъ французскихъ принцевъ, съ титуломъ ихъ посланника. Жена его была родомъ изъ Берна. Неутомимымъ восхваленіемъ монархическаго начала и лестью Эстергази съумѣлъ поддѣлаться къ Зубову и другимъ царедворцамъ и сдѣлался постояннымъ членомъ придворнаго кружка. Сынъ Эстергази пѣвалъ въ Эрмитажѣ революціонныя пѣсни: Ça ira и другія. Прикидываясь бѣднѣйшимъ изъ бѣдняковъ, хитрый эмиссаръ получалъ отъ двора богатые подарки, дома и весьма значительныя пенсіи. Принцъ Нассаускій (Nassau-Siegen), по словамъ Лагарпа, былъ искатель приключеній, нашедшій возможность сдѣлаться въ Россіи адмираломъ, хотя никогда не былъ морякомъ. Графъ д'Артуа принятъ былъ съ царскимъ великолѣпіемъ. Екатерина подарила ему осыпанный драгоцѣнностями мечъ съ надписью: Dieu et le roi, освященный въ Александро-Невской лаврѣ. Въ свитѣ графа д'Артуа былъ полковникъ Ролль (baron de Roll), патрицій Солотурнскій, которому бернскіе патриціи спеціально поручили дѣйствовать противъ Лагарпа [66]).

Когда получено было извѣстіе о казни Людовика XVI, Екатерина прекратила всякія сношенія съ Франціей и издала достопамятный указъ, 8-го февраля 1793 года, слѣдующаго содержанія. «Замѣшательства, во Франціи отъ 1789 года происшедшія»,—сказано въ указѣ,—«не могли не возбудить вниманія въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ. Доколѣ оставалась еще надежда, что время и обстоятельства послужатъ къ образумленію заблужденныхъ, и что порядокъ и сила законной власти возстановлены будутъ, терпѣли мы свободное пребываніе французовъ въ имперіи нашей и всякое съ ними сношеніе. Видѣвъ послѣ буйства и духъ возмутительный противу государя ихъ, далѣе и далѣе возрастающій, съ неистовыми намѣреніями—правила безбожія, неповиновенія верховной государской власти и отчужденныя всякаго добраго нравоученія, не токмо у себя утвердить, но и заразу оныхъ распространить во вселенной, прервали мы политическое сношеніе съ Франціею.... Нынѣ, когда ко всеобщему ужасу въ сей несчастной землѣ преисполнена мѣра буйства, когда нашлося болѣе 700 изверговъ, которые подняли руки

свои на умерщвленіе помазанника Божія, законнаго ихъ государя, въ 10-й день января сего года.... Мы почитаемъ себѣ долгомъ предъ Богомъ и совѣстію нашею не терпѣть между имперіею нашею и Франціей никакихъ сношеній....» Вслѣдствіе того повелѣно было: прекратить дѣйствіе торговаго трактата, заключеннаго въ 1786 году съ Людовикомъ XVI; не терпѣть въ имперіи тѣхъ французовъ, разумѣя тутъ *учителей* и учительницъ, которые признаютъ нынѣшнее въ землѣ ихъ правленіе и повинуются ему; впускать въ имперію только тѣхъ французовъ, которые, будучи совершенно чужды неистовства ихъ соотчичей и оставаясь вѣрными исповѣдуемой ими религіи, пожелаютъ жить подъ защитою русскихъ законовъ, — да и тѣхъ впускать не иначе, какъ по свидѣтельству *французскихъ принцевъ*, и именно обоихъ братьевъ покойнаго короля, графа Прованскаго и *графа д'Артуа*, также принца Конде, и т. д. Французы, остающіеся въ имперіи, обязаны были дать присягу въ томъ, что они, «бывъ не причастны ни дѣломъ, ни мыслію правиламъ безбожнымъ и возмутительнымъ, во Франціи нынѣ введеннымъ и исповѣдуемымъ, признаютъ настоящее правленіе тамошнее незаконнымъ и похищеннымъ; умерщвленіе короля христіаннѣйшаго, Людовика XVI, почитаютъ сущимъ злодѣйствомъ и измѣною законному государю, ощущая все то омерзѣніе къ произведшимъ оное, каковое они отъ всякаго благомыслящаго праведно заслуживаютъ» [67]).

Къ причинамъ политическимъ, неблагопріятнымъ для Лагарпа, присоединилось обстоятельство личное, заставлявшее Екатерину желать скорѣйшаго удаленія человѣка, въ отношеніи котораго она чувствовала себя въ нѣсколько неловкомъ положеніи, если вѣрить свидѣтельству самого Лагарпа, много разъ имъ повторенному, какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Вотъ собственный разсказъ Лагарпа.

«Съ конца 1793 года шла рѣчь о лишеніи престолонаслѣдія великаго князя Павла Петровича, возбудившаго всеобщую ненависть и о возведеніи на престолъ, по кончинѣ государыни, старшаго внука ея, Александра Павловича. Злые совѣтники овладѣли умомъ Павла и наполнили душу его подозрѣніями. Онъ имѣлъ несчастіе довѣриться французскимъ эмигрантамъ, которые представляли врагами его всѣхъ тѣхъ,

чей здравый смыслъ цѣнилъ по достоинству ихъ сумасбродныя притязанія. Во главѣ злонамѣренной лиги находились: бывшій французскій посланникъ въ Константинополѣ, Шуазель-Гуфье, графъ Эстергази и принцъ Нассау-Зигенъ. Совѣтники Екатерины полагали, что мнѣ пріятно будетъ видѣть устраненіе человѣка, котораго сами же они называли заклятымъ врагомъ либеральныхъ идей и отъ котораго я лично не могъ ожидать ничего хорошаго. Такъ какъ меня считали въ то время ярымъ республиканцемъ, проникнутымъ самыми опасными началами, то составители заговора надѣялись, взявшись ловко за дѣло, вовлечь меня въ предпріятіе, имѣвшее цѣлью избавить Россію отъ новаго Тиберія, и т. д. Цѣль, по ихъ мнѣнію, оправдывала средства. Втягивая меня въ свои сѣти, зачинщики весьма удобно могли, въ случаѣ надобности, взвалить всю бѣду на меня. Еслибы тайна открылась, вся отвѣтственность пала бы на беззащитнаго иностранца, лишеннаго довѣрія и ославленнаго буйнымъ якобинцемъ, и—кто знаетъ?—быть можетъ, съ воцареніемъ Павла я былъ бы осужденъ на изгнаніе и пытку за участіе въ заговорѣ, отъ котораго я уклонился съ ужасомъ и негодованіемъ. Главная трудность состояла въ томъ, чтобы приготовить къ катастрофѣ великаго князя Александра Павловича. Я одинъ могъ имѣть на него желаемое вліяніе, и потому необходимо было или заручиться мною, или удалить меня. Екатерина, зная довѣріе и любовь ко мнѣ своего внука, желала меня испытать. Она неожиданно потребовала меня къ себѣ 18-го октября 1793 года. Графъ Салтыковъ, очевидно посвященный въ тайну, былъ озадаченъ вопросомъ моимъ о цѣли приглашенія и отвѣчалъ мнѣ: «Я желалъ бы, чтобы сама государыня объяснила вамъ, въ чемъ дѣло». Разговоръ мой съ императрицею продолжался два часа; говорили о разныхъ разностяхъ и отъ времени до времени, какъ бы мимоходомъ, государыня касалась будущности Россіи и не опустила ничего, чтобы дать мнѣ понять, не высказывая прямо, настоящую цѣль свиданія. Догадавшись въ чемъ дѣло, я употребилъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать государынѣ открыть мнѣ задуманный планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить отъ нея всякое подозрѣніе въ томъ, что я проникъ въ ея тайну. Къ счастію, мнѣ удалось и то, и другое. Но два часа,

проведенные въ этой нравственной пыткѣ, принадлежатъ къ числу самыхъ тяжелыхъ въ моей жизни, и воспоминаніе о нихъ отравляло все остальное пребываніе мое въ Россіи. Хотя совѣщаніе окончилось самымъ любезнымъ образомъ, однако же, опасаясь дальнѣйшихъ объясненій, изъ которыхъ я не могъ бы никоимъ образомъ выпутаться такъ же счастливо, я болѣе, чѣмъ когда либо, сосредоточился въ самомъ себѣ, осудивъ себя на строгое уединеніе. Екатерина два раза укоряла меня за это; но, видя, что я упорствую и являюсь ко двору только для занятій съ своими учениками, убѣдилась, что я вовсе не расположенъ къ той роли, которую мнѣ предназначали. Въ противоположность съ нею, я не щадилъ ничего, чтобы поселить добрыя отношенія между великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и его сыновьями. Онъ, словно умышленно, отталкивалъ ихъ своими грубыми выходками; дѣти жаловались на отца, и мнѣ стоило большого труда истолковывать поведеніе его съ выгодной стороны и сохранить въ нихъ сыновнюю привязанность. Не смотря на приписываемый мнѣ карбонаризмъ, я былъ возмущенъ до глубины души предстоящею насильственною мѣрою и ломалъ себѣ голову, какимъ бы образомъ предостеречь Павла, постоянно окруженнаго шпіонами и злонамѣренными друзьями. Одно неосторожное слово, вырвавшееся у него, могло бы повлечь за собою самыя гибельныя послѣдствія. Много затрудненій надо было преодолѣть, чтобы добиться свиданія съ Павломъ, который былъ сильно вооруженъ противъ меня, около трехъ лѣтъ не говорилъ со мною ни слова и даже отворачивался отъ меня при встрѣчѣ. Наконецъ мнѣ удалось достигнуть желаемаго. Не открывая великому князю Павлу Петровичу своихъ предположеній, я успѣлъ убѣдить его въ необходимости измѣнить обращеніе съ дѣтьми. Я разсѣялъ сомнѣнія, которыя поселили въ немъ относительно привязанности къ нему сыновей, и торжественно заклиналъ его имѣть къ нимъ полное довѣріе, сдѣлаться другомъ ихъ и всегда обращаться къ нимъ прямо, а отнюдь не черезъ третье лицо, и т. д. Павелъ понялъ меня и съ сердечнымъ изліяніемъ благодарилъ за добрые совѣты, которымъ обѣщалъ слѣдовать.—Такой оборотъ дѣла заставилъ смотрѣть на меня какъ на препятствіе, отъ котораго надо было во что бы то ни стало избавиться [68]).

Свидѣтельство Лагарпа имѣетъ всѣ признаки достовѣрности. Можно еще сомнѣваться въ безусловной точности его показаній, когда рѣчь идетъ о мгновенномъ дѣйствіи его совѣтовъ на политическія предпріятія Екатерины, ибо ея государственный умъ и дальновидность неизмѣримо возвышались надъ всѣми замыслами швейцарскаго философа. Но въ настоящемъ случаѣ, когда надо было уговорить юношу, сама собою представлялась необходимость обратиться къ его любимому наставнику. Немаловажно и то обстоятельство, что Салтыковъ не рѣшался объявить Лагарпу цѣль совѣщанія, и что Павелъ питалъ въ душѣ своей доброе чувство къ Лагарпу, не смотря на то, что въ теченіе нѣкотораго времени преслѣдовалъ его, какъ республиканца и революціонера. Современныя свидѣтельства, русскія и иностранныя, подтверждаютъ существованіе плана устраненія; говорятъ даже, что было составлено Екатериною завѣщаніе, устраняющее отъ престола ея сына, но только въ томъ случаѣ, еслибы онъ не согласился на нѣкоторыя измѣненія въ правительственной системѣ [69]). Наконецъ, въ письмѣ къ самому императору Павлу изъ-за границы Лагарпъ говоритъ: «Обращаюсь къ вамъ, государь, какъ къ человѣку, неподкупности котораго вы, по всей вѣроятности, обязаны своимъ существованіемъ, подвергавшимся сильной опасности въ 1793 и 1794 годахъ» [70]).

Разныя случайности благопріятствовали Лагарпу при послѣднемъ свиданіи, когда и произошелъ разговоръ, переданный нами со словъ одного изъ собесѣдниковъ. Всего болѣе расположило въ его пользу то обстоятельство, что онъ явился на зовъ съ неожиданною скоростью. Получивъ дозволеніе явиться къ великому князю Павлу Петровичу, жившему тогда въ Гатчинѣ, Лагарпъ отправился въ ту же ночь въ Гатчину и рано утромъ былъ уже въ дворцовой пріемной. Великому князю чрезвычайно понравилась эта быстрота; онъ принялъ Лагарпа весьма привѣтливо, пригласилъ его на балъ, а великая княгиня Марія Θеодоровна изъявила желаніе съ нимъ танцовать и тѣмъ поставила его въ неловкое положеніе, потому что съ нимъ не было перчатокъ. Великій князь вывелъ его изъ затрудненія, предложивъ ему свои. Лагарпъ хранилъ ихъ до своей

смерти, какъ воспоминаніе о памятномъ для него днѣ, въ который словно переродился его давній недоброжелатель. Императоръ Павелъ, незадолго до своей кончины, говорилъ сыну своему Александру Павловичу, что онъ не можетъ безъ умиленія вспомнить о послѣднемъ свиданіи своемъ съ Лагарпомъ.

Прощаніе Лагарпа съ Екатериною было также весьма чувствительно. Но особенно сильное впечатлѣніе вѣсть объ отъѣздѣ Лагарпа произвела, какъ и слѣдовало ожидать, на великаго князя Александра Павловича, который и послѣ женитьбы своей продолжалъ занятія свои съ любимымъ наставникомъ и вмѣстѣ съ молодою женою слушалъ у него историческія лекціи. Во время чтенія одной изъ нихъ, Салтыковъ внезапно вызвалъ Лагарпа и объявилъ ему волю государыни, состоящую въ томъ, что такъ какъ Александръ Павловичъ вступилъ въ бракъ, а Константинъ Павловичъ опредѣленъ въ военную службу, то занятія съ ними должны окончиться, и жалованье Лагарпу прекращается съ концомъ текущаго (1794) года. Эта неожиданность поразила Лагарпа, и хотя онъ старался скрыть свое негодованіе, но видно не совсѣмъ удачно, потому что великій князь сейчасъ же спросилъ о причинѣ его волненія и на уклончивый отвѣтъ его возразилъ: «Не думайте, чтобъ я не замѣчалъ, что уже давно замышляютъ противъ васъ что-то недоброе; насъ хотятъ разлучить, потому что знаютъ всю мою привязанность. все мое довѣріе къ вамъ». Говоря это, онъ бросился къ Лагарпу, обливаясь слезами; и Лагарпъ едва могъ привести его въ себя, выставляя на видъ, какой толкъ могутъ дать всей этой сценѣ, если невзначай явится какой либо непрошенный свидѣтель. Большого труда стоило Лагарпу отсрочить свой выѣздъ на нѣсколько мѣсяцевъ, главнымъ образомъ подъ предлогомъ семейныхъ обстоятельствъ.

Лѣтомъ 1795 года Лагарпъ былъ уже въ Швейцаріи, гдѣ и поселился въ окрестностяхъ Женевы. Сохранилось оффиціальное свидѣтельство о водвореніи полковника русской службы Лагарпа въ Жантодѣ (Genthod), на территоріи женевской республики[71]). Лагарпъ, при вступленіи въ русскую службу, получилъ чинъ премьеръ-маіора въ соотвѣтствіе зва-

нію маіора, которое имѣлъ онъ въ ваадтской милиціи, а въ 1794 году награжденъ чиномъ полковника. Отъ времени до времени Лагарпъ давалъ знать о себѣ своимъ русскимъ друзьямъ и нѣсколько разъ пытался писать къ великому князю Александру Павловичу и даже къ императору Павлу. Говорю: «пытался», потому что, посылая письма, онъ не былъ увѣренъ, дойдутъ ли они по назначенію, а было время, когда Александру Павловичу формально запрещалась всякая переписка и всякія сношенія съ его бывшимъ наставникомъ.

Въ письмахъ своихъ къ великому князю Александру Павловичу Лагарпъ продолжаетъ быть тѣмъ же, кѣмъ былъ для него въ теченіе двѣнадцати лѣтъ въ Петербургѣ: даетъ ему совѣты и наставленія, рекомендуетъ ему для чтенія книги и періодическія изданія и указываетъ на лица, бѣсѣды съ которыми находитъ для него полезными и поучительными. Лагарпъ предлагаетъ возложить на кого либо составленіе для своего бывшаго ученика повременныхъ отчетовъ о новостяхъ въ области наукъ, литературы, искусствъ, ремеслъ и т. п. съ извлеченіями изъ журналовъ и газетъ. На первомъ планѣ онъ ставитъ: *Göttingische Anzeigen*, *Horen*, *Berlinische Monatschrift*, *Литературную Іенскую газету* и *Меркурій* Виланда. Что касается французской литературы, то онъ замѣчаетъ, что хотя вандализмъ и отнялъ у нея много достойныхъ писателей, но Франція обладаетъ еще нѣсколькими замѣчательными періодическими изданіями, каковы: *La notice générale des inventions et découvertes*, *Le journal des artistes*, *Le journal de l'école polytechnique*, *Les ressourses de la république française ou les conquêtes de l'industrie nationale*, *La décade*, *etc*. Предлагаетъ прочитать «Абдериты» Виланда, гдѣ мастерски изображены въ юмористическомъ свѣтѣ такъ называемыя маленькія республики, а также, если позволитъ время, Élémens de commerce par Forbonnais и Политику Аристотеля въ переводѣ Шампаня (Champagnes).

Лагарпъ выражаетъ удовольствіе, что великій князь попрежнему бесѣдуетъ иногда съ Гакманомъ, авторомъ географіи Россіи и различныхъ статей по русской исторіи. Гакмана, по словамъ Лагарпа, преслѣдовалъ Завадовскій, и

только счастливая случайность спасла достойнаго ученаго отъ различныхъ служебныхъ непріятностей. Однажды Екатерина II присутствовала въ главномъ народномъ училищѣ на урокѣ географіи, которую преподавалъ тамъ Гакманъ. Онъ говорилъ о населеніи Сибири. Екатерина замѣтила, что два народца, помѣщаемые имъ у Алтайскихъ горъ, обитаютъ въ другой мѣстности. Гакманъ стоялъ на своемъ, приводя ясныя и убѣдительныя доказательства. Екатерина слушала его съ большимъ вниманіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ нея не ускользнуло недовольное выраженіе лицъ властей, возмущенныхъ состязаніемъ преподавателя съ высокою посѣтительницею. Уходя изъ училища, Екатерина сказала во всеуслышаніе, что Гакманъ правъ и что возраженія его доставили ей большое удовольствіе, и поручила Завадовскому поблагодарить Гакмана за то, что онъ такъ основательно исправилъ ея ошибку [72]).

Извѣстіе о восшествіи на престолъ императора Павла застало Лагарпа въ Парижѣ, куда призвали его заботы о семействѣ убитаго на войнѣ родственника его Амедея Лагарпа. Въ правительственныхъ сферахъ тогдашней Франціи явилась мысль о возобновленіи прерванныхъ революціей сношеній между Россіей и Франціей. Министръ иностранныхъ дѣлъ Делакруа выразилъ готовность начать переговоры. Лагарпъ представилъ ему по этому поводу записку, въ которой, перебирая различныя средства для достиженія цѣли, предлагаетъ обратиться прежде всего къ французскому посланнику въ Берлинѣ, Кальяру, долго жившему въ Петербургѣ и имѣющему тамъ обширныя связи. Съ своей стороны Лагарпъ сообщилъ задуманный планъ великому князю, который довелъ его до свѣдѣнія императора. Но дипломатическое предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ отчасти, какъ полагаютъ, и потому, что противъ него вооружился одинъ изъ вліятельнѣйшихъ русскихъ дипломатовъ, графъ Панинъ, посолъ въ Берлинѣ, по принципу ненавидѣвшій Францію со времени революціи.

Между тѣмъ революціонное движеніе обнаружилось и въ Швейцаріи. Первые отзывы о немъ въ нашей литературѣ проникнуты большимъ сочувствіемъ къ борьбѣ швейцарцевъ за свою свободу и независимость. Въ историческомъ и по-

литическомъ обозрѣніи событій 1798 года, помѣщенномъ въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, сказано: «Въ самое то время, какъ въ Римѣ вызывали тѣнь Брутову, французы ругались надъ тѣнью учредителя швейцарской республики. Въ первые дни марта счастливыя вольныя области Швейцаріи обращены въ пламень и развалины, и набросаны кучи убитыхъ, истинно вольныхъ людей и ихъ женъ, на горахъ, которыя считаемы были небесною оградою самой счастливѣйшей вольности... Вольная Гельвеція осуждена на рабство пентархіи» [73]). Но лига, составленная Англіей для подавленія революціи, пріобрѣла сильнаго сторонника въ императорѣ Павлѣ, и русскія войска посланы были въ Швейцарію подъ предводительствомъ Суворова. Въ походѣ участвовалъ подъ именемъ графа Романова великій князь Константинъ Павловичъ, получавшій въ награду титулъ цесаревича «за подвиги храбрости и примѣрнаго мужества во все продолженіе кампаніи противъ враговъ царствъ и вѣры» [74]). Въ швейцарскихъ газетахъ появлялись рѣзкія выходки противъ русскихъ войскъ и ихъ предводителей. Суворова называли человѣкомъ безъ страха и жалости, фанфарономъ, шарлатаномъ, а императора Павла—надменнымъ Петровичемъ, и. т. п. [75]). Лагарпъ находился въ то время во главѣ швейцарскаго правительства, будучи членомъ и президентомъ директоріи. Вслѣдствіе этого Павелъ прекратилъ выдачу пожалованной Лагарпу Екатериною пенсіи и лишилъ его ордена св. Владиміра.

Въ архивѣ капитула орденовъ сохранился слѣдующій протоколъ 30-го сентября 1799 года: «Орденскій оберъ-церемоніймейстеръ (Валуевъ) объявилъ, что онъ, усмотря изъ *Политическаго Европейскаго Журнала*, подъ № 245, что Лагарпъ, кавалеръ ордена св. Владиміра, нынѣ президентомъ въ директоріи швейцарской, почему о исключеніи его изъ списка, яко недостойнаго уже быть членомъ знаменитаго общества кавалеровъ, испрашивалъ высочайшаго повелѣнія, на что чрезъ статсъ-секретаря господина тайнаго совѣтника Неплюева воспослѣдовало высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: его императорское величество, принявъ съ благоволеніемъ и одобривъ представленіе его, орденскаго оберъ-церемоніймейстера, касательно Лагарпа, кавалера ордена св.

Владиміра, нынѣ президентомъ въ директоріи швейцарской находящагося, высочайше указать изволилъ, яко недостойнаго уже быть членомъ знаменитаго общества кавалеровъ, исключить его изъ списковъ и повсюду опубликовать о семъ чрезъ газеты, сообща также и въ капитулы орденовъ» и т. д. [76]).

Не смотря на эти лишенія, Лагарпъ не упалъ духомъ и былъ вполнѣ увѣренъ, что письма его произведутъ свое дѣйствіе. Въ этой надеждѣ онъ обратился къ своему старому пріятелю Будбергу, бывшему русскимъ посланникомъ въ Швеціи, и при содѣйствіи его письмо Лагарпа было доставлено императору Павлу. Въ письмѣ своемъ Лагарпъ старался побудить русскаго государя принять участіе въ судьбѣ Швейцаріи, убѣждая его признать самостоятельность новосозданной Гельветической республики. Приноравливаясь къ образу мыслей Павла, Лагарпъ увѣрялъ его, что новая республика, вовсе не имѣя характера пропаганды, вполнѣ уважаетъ законную власть государей въ сосѣднихъ странахъ и свято чтитъ религію, и что она, хотя и республика, но устроена на монархическій ладъ! Въ числѣ выгодъ, которыя Россія можетъ извлечь изъ признанія Гельветической республики, Лагарпъ указываетъ на то, что въ случаѣ разрыва Россіи съ Австріей, Австрія не будетъ въ состояніи безнаказанно нарушить нейтралитетъ пограничной Швейцаріи [77]).

Въ письмѣ изъ Плесси-Пике (Plessis-Piquet), въ окрестностяхъ Парижа, Лагарпъ проситъ императора Павла возвратить ему право на пенсію, котораго его лишили; но письмо это не застало Павла въ живыхъ [78]). Лагарпъ не сомнѣвался, что оно имѣло бы полный успѣхъ, и увѣренность его основывалась на томъ, что онъ считалъ Павла человѣкомъ необыкновенно добрымъ по душѣ. Лагарпъ вообще находилъ въ Павлѣ много хорошихъ свойствъ, не хотѣлъ вѣрить слухамъ, ходившимъ въ Европѣ о его кончинѣ, и не могъ понять, какимъ образомъ такой государь могъ имѣть столько враговъ. Взглядъ Лагарпа не былъ его личнымъ или исключительнымъ взглядомъ. По замѣчанію другихъ очевидцевъ, перемѣна съ Павломъ произошла незадолго до его поѣздки заграницу, а до того времени онъ не былъ ни подозрительнымъ, ни мрачнымъ; сердце его было открыто

дружбѣ; онъ былъ душой общества, веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ. Между прочимъ, онъ удачно подсмѣивался надъ путешествіемъ Екатерины въ южную Россію, о которомъ въ свое время было такъ много толковъ [19]).

IV.

По выѣздѣ изъ Россіи, Лагарпъ жилъ частію въ Жентодѣ близъ Женевы, частію въ Парижѣ. И здѣсь, и тамъ преобладающею мыслью его было освобожденіе его родины. Онъ отдался всецѣло своимъ политическимъ стремленіямъ, отбросивъ сдержанность, налагаемую на него пребываніемъ при дворѣ Екатерины II. Самыя событія требовали быстроты и рѣшительности.

Французская революція отразилась въ Швейцаріи двоякимъ образомъ, въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ. Патриціи явились безпощадными врагами революціи и горячими защитниками королевской власти. Бѣгство Людовика XVI отъ ожесточенной толпы было для нихъ торжествомъ: во Фрибургѣ служили благодарственные молебны за спасеніе короля отъ рукъ убійцъ и мятежниковъ, въ Бернѣ давались по этому случаю пиры и празднества. Въ свою очередь, друзья свободы праздновали въ Вевe, Лозаннѣ, Роллѣ годовщину казни Людовика XVI и взятія Бастиліи. Уроженецъ Ролля, Лагарпъ прислалъ изъ Парижа такую прокламацію:

«Свобода. Равенство. Независимость. Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ своимъ ваатландскимъ согражданамъ. Угнетающіе васъ олигархи Берна и Фрибурга достигли своей агоніи; но прежде чѣмъ испустятъ послѣдній вздохъ, тираны хотятъ насытить свою жестокость мщеніемъ. Истинные друзья отечества думали, что освобожденіе ваше не потребуетъ столько насилія и крови; но злодѣйское правительство Англіи жаждало крови, и поддерживаемые имъ олигархи заключаютъ доблестныхъ гражданъ въ темницы, въ кандалы, осуждаютъ на изгнаніе и смертную казнь. Вы должны немедленно провозгласить свою независимость. Вы должны арестовать, какъ заложниковъ, всѣхъ приставовъ, комиссаровъ, агентовъ, всѣхъ гражданъ Берна, Фрибурга, Люцерна, Цюриха, жи-

вущихъ среди васъ. Вы должны завладѣть всѣмъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, этихъ злодѣевъ, и пусть влачатъ они по Европѣ свое жалкое существованіе, терзаемые нищетою и угрызеніями совѣсти. Времена умѣренности прошли. Кровь друзей вашихъ, пролитая за ваше общее дѣло, вопіетъ о мщеніи: оно должно совершиться. Рубите наповалъ въ случаѣ сопротивленія. Нечистая кровь двухъ сотъ бернскихъ владыкъ не стоитъ братской крови одного изъ патріотовъ. И вы еще раздумываете и щадите жизнь разбойниковъ, убивающихъ вашихъ братьевъ!!...» [80]).

Революція потрясла всѣ основы общественнаго быта Швейцаріи и вызвала цѣлый рядъ мѣръ, обнаруживающихъ лихорадочную дѣятельность вновь образованнаго правительства. Бо̀льшая часть изъ нихъ стремилась къ невозможному, къ мгновенному пересозданію государственной и общественной жизни, во всѣхъ ея подробностяхъ, отъ существенныхъ до самыхъ мелочныхъ. Всѣ члены представительнаго собранія обязаны были принести клятву въ томъ, что они не признаютъ никакой иной власти, кромѣ единой власти народа, отрекаются отъ всѣхъ сословныхъ и наслѣдственныхъ правъ и преимуществъ, обѣщаютъ защищать свободу и равенство, допуская только ту конституцію, которая основана на этихъ двухъ началахъ. Вмѣсто общеупотребительнаго календаря введенъ календарь французской революціи съ обозначеніемъ соотвѣтствующихъ чиселъ со дня освобожденія Швейцаріи. Учреждены три праздника, объявленные всенародными и торжественными: годовщина клятвы, принесенной въ 1307 году тремя знаменитыми гражданами Швейцаріи, жертвовавшими жизнью для спасенія свободы отечества; годовщина 14-го іюля 1789 года, то есть взятія Бастиліи, и день провозглашенія народными представителями свободы и независимости единой и нераздѣльной Гельветической республики [81]). Предложено изгнать слово monsieur, напоминающее прежній порядокъ вещей, и замѣнить его словомъ citoyen, какъ единственнымъ названіемъ, достойнымъ свободныхъ людей. Даже названіе города Berne предлагали замѣнить другимъ, болѣе либеральнымъ, переименовавъ его въ Villefranche [82]). Самая конституція новой республики показываетъ возбужденное состояніе умовъ, заявляя требованія идеальныя и не заботясь

о возможности и объ условіяхъ примѣненія отвлеченной идеи къ дѣйствительности. Жизнь каждаго гражданина,—гласитъ конституція,—принадлежитъ отечеству, семейству и несчастнымъ. Онъ открытъ для дружбы, но не жертвуетъ ей ни одною изъ своихъ обязанностей. Онъ отрекается отъ всякаго личнаго чувства и тщеславнаго побужденія. Его единственное желаніе состоитъ въ нравственномъ усовершенствованіи рода человѣческаго; онъ постоянно взываетъ къ нѣжнымъ чувствамъ братства; слава его заключается въ уваженіи порядочныхъ людей, и еслибы ему было отказано въ этомъ уваженіи, онъ находитъ лучшее утѣшеніе и награду въ своей собственной совѣсти [83]).

Къ сожалѣнію, дѣйствительность была въ полнѣйшемъ разладѣ съ подобными идеальными требованіями. То-и-дѣло раздавались жалобы, что люди, въ рукахъ которыхъ была власть, въ томъ числѣ и Лагарпъ, прибѣгаютъ къ самымъ крайнимъ, невыносимымъ и жестокимъ мѣрамъ. Изгнанія и ссылки быстро слѣдовали однѣ за другими. Особенно сильно взволновала общественное мнѣніе ссылка уважаемаго страною Лафатера. Печать подчинена была безусловному и строгому контролю революціонныхъ властей, захватившихъ себѣ право прекращать изданіе журналовъ и газетъ и закрывать редакціи, если только они отваживались высказывать что либо несогласное съ правительственнымъ настроеніемъ настоящей минуты. Повсюду въ Швейцаріи закрыты были театры, признанные неумѣстными въ то время, когда кипитъ междоусобная война и непріятельскія войска грабятъ и опустошаютъ отечество. Вся Швейцарія, по настоянію Лагарпа, была обращена въ военный лагерь. «Всѣ эти мѣры,—говоритъ самъ Лагарпъ,—были суровы, быть можетъ даже ужасны, но онѣ достойны нашихъ предковъ, вполнѣ соотвѣтствуя республикѣ, брошенной въ омутъ опасностей, отъ которыхъ можно спастись только крайними мѣрами. Я предложилъ обратить всю страну въ боевой лагерь и каждаго жителя въ солдата; я требовалъ, чтобы бѣглецы подвергались, по римскому обычаю, жестокому и позорному наказанію; я не допустилъ своихъ товарищей по управленію запятнать себя малодушіемъ и полумѣрами» [84]).

Гибель конституціи и новаго порядка вещей заключалась

въ ихъ иностранномъ происхожденіи. Лагарпъ прислалъ своей странѣ конституцію изчужа, составивъ ее по чужому образцу, выпросивъ согласіе на нее у чужого народа; она представляетъ сколокъ съ французской конституціи и одобрена французскимъ правительствомъ. Для поддержанія нововведеній, заимствованныхъ изъ Франціи, явились французскія войска и начали распоряжаться въ Швейцаріи съ неслыханною наглостью, грабили и опустошали страну, отовсюду открытую для нападеній. Особенно разрушительны были хищническіе подвиги Рапина, французскаго комиссара, о которомъ сложилась пѣсня, предлагающая рѣшить—rapine (грабежъ) происходитъ ли отъ Rapinat, или Rapinat отъ rapine [85]):

Un bon Suisse que l'on ruine
Voudrait que l'on déterminât,
Si *Rapinat* vint de *rapine*
Ou *rapine* de *Rapinat*.

По договору, навязанному Франціей, Швейцарія обязана была выставить 18,000 войска, но швейцарцы отказывались служить подъ знаменами Франціи и толпами переходили на границу, образуя тамъ войско для освобожденія отъ французскаго ига. Новое швейцарское правительство опредѣлило смертную казнь храбрымъ защитникамъ родины, не покорявшимся французскимъ властямъ, и всѣми средствами поддерживало самовластіе чужеземцевъ. Вся вина падала на директорію, въ рукахъ которой была верховная власть.

Правительство Швейцаріи составляли: сенатъ верховный или великій совѣтъ (grand conseil) и директорія (directoire), состоявшая изъ пяти членовъ. Сенату и совѣту принадлежала власть законодательная, а директоріи—исполнительная. 29-го іюня 1798 года Лагарпъ былъ избранъ директоромъ республики большинствомъ 56 голосовъ противъ 34. Около полутора года онъ находился во главѣ правительства—на бѣду себѣ, какъ онъ самъ сознавался, и на несчастье Швейцаріи, какъ утверждали не одни только враги его. Краснорѣчивымъ памятникомъ превратностей его политической судьбы служитъ оффиціальный органъ тогдашняго правительства *Бюллетень Гельветической республики*, на страницахъ котораго—живая исторія того времени.

Лагарпъ былъ въ Парижѣ, когда его избрали директоромъ, и оттуда прислалъ законодательному собранію письмо, заявлявшее о согласіи Франціи на принятіе имъ званія директора и о необходимости вѣчной дружбы съ французскою республикой, какъ единственной гарантіи швейцарской независимости. Письмо это было принято съ восторгомъ, и опредѣлено было перевести его на три языка, употребляемые въ Швейцаріи: французскій, нѣмецкій и италіанскій, и въ большомъ числѣ экземпляровъ разослать префектамъ для распространенія по всей республикѣ. Когда получено было извѣстіе о согласіи Лагарпа быть директоромъ, *Бюллетень* заявилъ, что день, въ который знаменитый изгнанникъ олигархіи вступилъ въ директорію, останется навсегда праздничнымъ днемъ для отечества. Такъ говорилось и писалось въ іюлѣ 1798 года, а въ самомъ началѣ 1800 въ томъ же *Бюллетень* объявленъ громовой декретъ противъ Лагарпа: исполнительная директорія много разъ и несомнѣнно доказала свою неспособность вести общественныя дѣла; директоры Лагарпъ, Секретанъ и Оберленъ признаны виновными въ преступномъ заговорѣ противъ народа, въ посягательствѣ на право народныхъ собраній; общее благо не позволяетъ долѣе оставлять бразды правленія въ рукахъ подобныхъ людей; поэтому директорія уничтожается, а члены ея подлежатъ тяжкой отвѣтственности за свои противозаконныя дѣйствія, и т. д. [36]).

Лагарпа и его сотрудниковъ обвиняли въ пренебреженіи къ народнымъ обычаямъ, освященнымъ вѣками, въ легкомысленныхъ реформахъ, повлекшихъ за собою нравственную порчу общества, въ крайне стѣснительныхъ несправедливыхъ и жестокихъ мѣрахъ. Директорія разрѣшала браки между близкими родственниками; жены стали выходить замужъ, не дожидаясь установленнаго срока по смерти своихъ мужей; лица духовныя отвергли всѣ внѣшнія отличія своего званія и совершенно смѣшались съ мірянами, и т. п. Дѣйствія новаго правительства вызвали возмущенія въ разныхъ мѣстностяхъ. Приказано было принести клятву на вѣрность силою навязанной конституціи; кто не присягалъ, подвергался штрафу, постою, лишенію права гражданства, изгнанію. Въ мѣстностяхъ, гдѣ было меньше иностранныхъ войскъ, народъ вступался за

свои права. Въ одной изъ подобныхъ схватокъ убито было 386 человѣкъ, изъ нихъ 259 мужчинъ, 102 женщины и 25 дѣтей; сожжено 340 домовъ, и т. д. Избѣгая военной службы въ новой республикѣ, молодые люди покидали отечество или сжигали метрическія книги (les registres de baptême), чтобы скрыть возрастъ, или же становились подъ знамена Англіи, Австріи и другихъ враговъ новаго правительства. Швейцарская директорія организовала терроризмъ въ подражаніе Робеспьеру[87]).

Правительство Лагарпа,—говорили враги его,—приносило республику въ жертву своимъ узкимъ взглядамъ; оно порождало смуты и волненія; законы обнародывались медленно и вяло и исполнялись крайне небрежно; администрація дѣйствовала безъ всякаго плана и занималась однѣми мелочами, постоянно теряя изъ виду существенную сторону дѣла. Швейцарская республика, не смотря на громкое названіе «единой и нераздѣльной», никогда не была менѣе единою и болѣе раздѣленною. Внѣшнею, грубою связью служилъ невыносимый деспотизмъ директоріи. Граждане, лишенные личной свободы, протестовали противъ дикаго насилія власти. Съ уничтоженіемъ личной свободы,—говорили они, — исчезаетъ всякая свобода, какимъ бы именемъ ни назывался поправшій ее человѣкъ: будь онъ Павелъ, Петръ, или Фридрихъ-Цезарь, и дѣйствуй онъ во имя вольности или тираніи, подъ знаменемъ свободы или деспотизма; при подобномъ образѣ дѣйствій политическая свобода — не болѣе, какъ призракъ, обманчивое слово, лишенное внутренняго смысла и содержанія[88]).

Но въ дѣйствіяхъ директоріи было не мало и свѣтлыхъ сторонъ. Таковы: уничтоженіе пытки, гласное судопроизводство, отмѣна феодальныхъ правъ и мѣры для распространенія знаній въ обществѣ и народѣ. Эти мѣры, имѣя значеніе и сами по себѣ, заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что Лагарпъ, принимавшій, по вторичномъ пріѣздѣ въ Россію, наибольшее участіе въ дѣлахъ по народному образованію, постоянно указывалъ императору Александру на образцовое, по его мнѣнію, устройство этой отрасли въ Швейцаріи.

Однимъ изъ благодѣтельныхъ слѣдствій швейцарской ре-

волюціи было преобразованіе народнаго просвѣщенія. Пользующіяся почетною извѣстностью въ педагогическомъ мірѣ учрежденія Песталоцци, Фелленберга, Жирара и другія относятся къ этой эпохѣ, между тѣмъ какъ прежнее правительство, по безпечности или политическимъ разсчетамъ, не заботилось о просвѣщеніи народа. Особенное вниманіе обратила директорія на первоначальное образованіе, на такъ называемыя народныя школы, и при этомъ было принято правиломъ отнюдь не слѣдовать примѣру Франціи, гдѣ въ деревняхъ нѣтъ ни одного училища, а столицы щеголяютъ наружнымъ блескомъ находящихся тамъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Лагарпъ, будучи президентомъ директоріи, въ посланіи своемъ къ законодательному собранію распространяется о существенной необходимости открытія народныхъ школъ для страны, гдѣ каждый можетъ быть призванъ, по выбору согражданъ, къ участію въ дѣлахъ общественныхъ, рѣшающихъ судьбу отечества. Система, принятая директоріей, допускаетъ три рода, или, правильнѣе, три степени училищъ, восходя отъ общаго образованія къ спеціальному. Первоначальныя школы служатъ для такъ называемаго instruction civique, то есть, доступны для всѣхъ и каждаго, назначаются для народныхъ массъ и передаютъ свѣдѣнія, необходимыя для человѣка и гражданина вообще. Второй разрядъ училищъ обнимаетъ connissances politiques. Они служатъ необходимымъ приготовленіемъ для образованія спеціальнаго, сосредоточеннаго въ высшемъ учрежденіи, которое называется institut national. Въ этомъ центральномъ институтѣ разработываются всѣ отрасли знанія, и въ трудахъ своихъ ученые не должны заботиться объ узкомъ, практическомъ и немедленномъ примѣненіи истинъ науки, ибо не слѣдуетъ забывать, что открытія Лавуазье приготовили торжество французскаго народа надъ врагами свободы. Духъ исключительности, мѣстнаго эгоизма кантоновъ, мѣстные предразсудки могутъ уничтожиться только посредствомъ національнаго, общаго и однообразнаго воспитанія. Въ немъ сольются въ служеніи одной цѣли народныя особенности французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, составляющихъ швейцарскую націю. Первая и настоятельная потребность—сельскія школы. Оте-

чество должно протянуть руку помощи своимъ сынамъ, требующимъ его заботы: это — его священный долгъ, который долженъ быть уплаченъ прежде всѣхъ другихъ. Собственно говоря, начальное или элементарное образованіе должно бы быть всестороннимъ, развивая умственныя и нравственныя силы человѣка и дѣлая его годнымъ ко всѣмъ случайностямъ, въ какія поставитъ его судьба. Оно должно бы научить читать, писать, ариѳметикѣ, планиметріи, дать общія понятія о естественной исторіи, физикѣ, географіи и исторіи, объ искусствахъ и ремеслахъ наиболѣе полезныхъ, объ устройствѣ человѣческаго тѣла и его отправленіяхъ, объ основныхъ правилахъ гигіены, о домашнемъ хозяйствѣ и бухгалтеріи. Оно должно также обнимать конституцію, главнѣйшіе законы и ученіе о нравственности. Но свѣдѣнія, получаемыя о большей части сельскихъ учителей, заставляютъ директорію ограничить программу первоначальныхъ школъ обученіемъ чтенію, письму, счисленію, основаніямъ отечественнаго языка, свѣдѣніями о конституціи и нѣкоторыми упражненіями памяти и ума при помощи составленной съ этою цѣлію книги [89]).

Завѣдываніе школами было ввѣрено воспитательнымъ совѣтамъ (conseils d'éducation), составленнымъ изъ лицъ, пользующихся въ краѣ общимъ уваженіемъ по своимъ познаніямъ и нравственнымъ качествамъ, безъ различія званій и сословій. Отъ учителя требовалось, чтобъ онъ былъ примѣрный семьянинъ, скромнаго характера, не сплетникъ, отнюдь не фанатикъ, но непремѣнно—патріотъ. Въ числѣ средствъ для поддержанія и развитія просвѣщенія признаны: совѣщанія учителей между собою и у инспектора, который сообщаетъ свѣдѣнія о ходѣ учебнаго дѣла въ другихъ кантонахъ Швейцаріи; учрежденіе, смотря по мѣстнымъ потребностямъ, школъ промышленныхъ, воскресныхъ, вечернихъ, и т. п. Каждые полгода учителя собираются для выбора лучшихъ учениковъ—élus. Такъ называются четырнадцатилѣтніе мальчики, отличающіеся дарованіями, прилежаніемъ, успѣхами и расположеніемъ къ учительскому званію. Они подвергаются экзамену—изъ чтенія, письма, ариѳметики, закона Божія, исторіи, конституціи и географіи отечества. Четыре года остаются они въ классѣ избранныхъ (des élus), и затѣмъ изъ

нихъ выбираются такъ называемые élèves de la patrie, которые, по окончаніи своего образованія, получаютъ званіе народныхъ учителей.—Воспитательные или училищные совѣты были орудіями высшей власти, руководившей народнымъ просвѣщеніемъ и сосредоточенной въ директоріи. Но въ инструкціи совѣтамъ развивается та мысль, что въ другихъ отрасляхъ администраціи главное достоинство правительственныхъ органовъ заключается въ механическомъ почти исполненіи приказаній свыше; въ дѣлѣ же просвѣщенія подвѣдомственныя лица имѣютъ полное право свободно и независимо обсуждать предписанія начальства, вникая въ духъ законовъ и учрежденій, возбуждая, поддерживая и направляя дарованія и, такимъ образомъ, содѣйствуя благороднѣйшимъ стремленіямъ человѣчества[90]).

Душою всѣхъ преобразованій и предпріятій въ области народнаго образованія былъ министръ просвѣщенія Стапферъ, уроженецъ Берна, довершившій свое образованіе въ Геттингенѣ подъ руководствомъ Гейне, Михаэлиса, Эйхгорна и другихъ ученыхъ. Онъ былъ профессоромъ словесности и философіи въ политическомъ институтѣ (institut politique) въ Бернѣ. Въ этомъ высшемъ учрежденіи воспитывались молодые люди, готовившіеся къ наиболѣе видной общественной и политической дѣятельности. Сойдя съ государственнаго поприща, Стапферъ поселился навсегда во Франціи. Онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность своими литературными трудами, какъ представитель реформатской церкви и ея ученія во Франціи. Судя по отзывамъ Лагарпа, Стапферъ былъ самымъ замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ Швейцаріи въ эпоху ея возрожденія[91]).

Позднѣйшіе цѣнители системы народнаго образованія того времени замѣчаютъ въ ней слѣды революціонной экзальтаціи. Сама республика Гельветическая не была понята и усвоена народомъ; она существовала только на бумагѣ. Для приведенія въ исполненіе системы народнаго образованія недоставало подготовленныхъ людей и денегъ, а главное—ей недоставало внутренней силы, религіозныхъ убѣжденій. Директорія строго порицала одного изъ своихъ сочленовъ, назвавшаго себя въ оффиціальномъ актѣ христіаниномъ, и требовала совершеннаго индифферентизма въ дѣлѣ религіи[92]).

Въ книгахъ, назначаемыхъ для швейцарскаго юношества, проводилось такое воззрѣніе на религію. Всѣ народы міра имѣютъ религію: изъ этого можно заключить, что она свойственна человѣческой природѣ и сообразна съ идеями разума; сверхъ того она скрѣпляетъ общественный союзъ, требуя повиновенія законамъ и любви къ ближнему. У каждаго народа свои религіозныя понятія и обычаи, и различіе между ними зависитъ отъ степени народной образованности, но у всѣхъ одно основное вѣрованіе, состоящее въ томъ, что есть Всемогущій Богъ, Творецъ всего созданнаго, награждающій добро и карающій зло. Истинная религія изображаетъ Бога всесовершеннѣйшимъ, не придавая ему никакихъ человѣческихъ страстей; она требуетъ отъ людей любви, сострадан͏ія, братства; она приноситъ съ собой надежду и утѣшеніе, и дѣйствуя на чувство и разумъ, никогда не прибѣгаетъ къ насилію для поддержанія своихъ требованій.—Нравственныя понятія тогдашнихъ педагоговъ видны изъ слѣдующаго опредѣленія сущности человѣческихъ обязанностей. Обязанность или долгъ (le devoir) заключается, во-первыхъ, въ исполненіи условій, заключенныхъ въ средѣ гражданскаго общества; во-вторыхъ, въ выборѣ наименьшаго труда для полученія наибольшаго удобства и наслажденія; въ этомъ—суть всѣхъ обязанностей, и въ исполненіи ихъ всегда заключается наша личная выгода[93]).

Въ сужденіяхъ о нравственной дѣятельности Лагарпа, современныхъ ему и послѣдующихъ, отражаются два политическія начала, бывшія долгое время въ сильнѣйшей, взаимной враждѣ. Одни называютъ его освободителемъ своей родины, другіе — измѣнникомъ и предателемъ отечества[94]). Оставляя въ сторонѣ безцвѣтные панегирики и желчную брань, укажемъ на одну изъ лучшихъ характеристикъ Лагарпа, принадлежащую автору очерковъ національной исторіи:

Лагарпъ вступилъ въ управленіе страною при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Его не было при самомъ началѣ революціи. Сперва онъ отказывался отъ власти, чтобы дать время остыть страстямъ и утихнуть революціонному движенію, несогласному съ порядкомъ вещей

конституціоннымъ, котораго онъ былъ горячимъ защитникомъ и приверженцемъ. Онъ вынужденъ былъ вести полемику, что не согласно съ характеромъ лица, облеченнаго властью. Видя, что революція не уступаетъ конституціи, Лагарпъ рѣшился взять на себя общественную дѣятельность и вести отчаянную борьбу съ партіями. У Лагарпа было гораздо болѣе энергіи и смѣлости, нежели властолюбія. Обладая мужествомъ и рѣшительностью, онъ не имѣлъ той гибкости, которая свойственна всѣмъ властолюбцамъ. Онъ упорствовалъ, но не прибѣгалъ къ окольнымъ путямъ. Говорятъ, что Наполеонъ сказалъ о Лагарпѣ, что онъ не способенъ ни повелѣвать, ни повиноваться. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые побѣдоносно нападаютъ, но очень плохо защищаются. Онъ былъ главнымъ орудіемъ швейцарской революціи, и никто не посмѣетъ отрицать, что, благодаря ей, современная Швейцарія лучше Швейцаріи восьмнадцатаго вѣка, страдавшей подъ гнетомъ всемогущихъ baillis. Лагарпа нельзя назвать революціонеромъ въ собственномъ смыслѣ; онъ стремился къ свободѣ, а не къ революціи. Въ характерѣ его, въ дѣйствіяхъ, въ самомъ способѣ выраженія слышится душа человѣка, сжившагося съ міромъ древности, напитаннаго идеями Тацита. Въ языкѣ его, помимо общихъ свойствъ языка революціи, встрѣчаются слова, полныя истинно римской силы и выразительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ характерѣ Лагарпа есть черты древняго швейцарскаго закала. Подобно знаменитому историку Миллеру, Лагарпъ черпалъ вдохновеніе въ священной для обоихъ отечественной исторіи; вліяніе ея отразилось въ его поступкахъ, въ его идеяхъ и сочиненіяхъ[95]).

Соглашаясь во многомъ съ авторомъ приведенной характеристики, замѣтимъ, что если и допустить сближеніе Лагарпа съ Миллеромъ, то едва ли не вѣрнѣе искать его въ той неспособности къ собственно-политической дѣятельности, которую такъ ярко очертилъ въ Миллерѣ другъ его Бонштетенъ. «Ты рѣшительно не годишься для политики, — писалъ Бонштетенъ Миллеру,—у тебя гораздо болѣе учености, пыла и краснорѣчія, чѣмъ сколько нужно для государственнаго человѣка; ты въ высшей степени обладаешь именно всѣмъ тѣмъ, чего не нужно для политики; жизнь твоя—въ наукѣ,

все другое для тебя смерть; ты созданъ для книгъ, а не для дѣлъ; славу свою и величіе найдешь въ себѣ самомъ, а не въ передней вельможъ, между лакеями и льстецами, и т. д.»[26]).

По низверженіи директоріи, Лагарпа постигло новое несчастіе. По поводу довольно темной исторіи съ подметнымъ письмомъ, гдѣ говорилось о заговорѣ противъ Наполеона, Лагарпъ былъ арестованъ и, подъ прикрытіемъ конвоя, его повезли изъ Лозанны въ Бернъ. Но на пути онъ бѣжалъ, и послѣ ряда приключеній, неразлучныхъ съ побѣгомъ, достигъ французской границы, а наконецъ и Парижа.

Долго бы прожилъ Лагарпъ во Франціи, еслибы его не вызвало оттуда событіе въ высшей степени важное—восшествіе на престолъ императора Александра. Оно пробудило въ душѣ Лагарпа давнія мечты и надежды; у него возникла мысль о сближеніи своего бывшаго питомца съ человѣкомъ, въ рукахъ котораго была судьба Франціи; онъ ожидалъ перемѣны къ лучшему въ положеніи его отечества, которое вынужденъ былъ покинуть въ самыя тяжкія времена. Получивъ отъ императора Александра теплый отвѣтъ на свои привѣтственныя письма, Лагарпъ, послѣ шестилѣтняго отсутствія, снова отправился въ Петербургъ.

V.

Шесть лѣтъ, проведенныхъ Лагарпомъ внѣ Россіи, имѣли огромное значеніе въ его жизни и во многомъ измѣнили его понятія. Отправляясь въ первый разъ въ Россію, онъ, по собственному сознанію, былъ идеалистомъ и теоретикомъ, жилъ болѣе съ книгами, нежели съ людьми. По возвращеніи его въ отечество, судьба бросила его въ водоворотъ политическихъ событій; онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ жизнью и съ страстями человѣческими и, пріѣхавъ въ Россію, находился еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершившихся событій. Слѣды вынесеннаго имъ испытанія отразились въ его возрѣніяхъ, которыя онъ высказывалъ императору Александру на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Петербургѣ. Повторяя, болѣе изъ приличія, нежели по глубокому убѣжденію,

свой старый припѣвъ о свободѣ и равенствѣ, Лагарпъ съ неудержимымъ негодованіемъ возстаетъ противъ призрачной свободы народныхъ собраній и видитъ величайшее благо въ разумномъ самодержавіи, охраняющемъ страну отъ гибельной игры раздраженныхъ самолюбій и сумасбродныхъ идей, рядящихся въ мантію либерализма. Восьмнадцать мѣсяцевъ дѣйствительнаго управленія показали ему — по крайней мѣрѣ, онъ былъ въ томъ убѣжденъ, — людей и жизнь въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, разсѣяли его мечты и фантазіи и до того овладѣли имъ, что въ бесѣдахъ своихъ съ императоромъ Александромъ онъ никоимъ образомъ не могъ отрѣшиться отъ тягостнаго воспоминанія объ этихъ роковыхъ для него восьмнадцати мѣсяцахъ. Предостерегая юнаго государя отъ либеральныхъ увлеченій, Лагарпъ убѣждаетъ его дорожить своею властью, видоизмѣняя ее мало-по-малу, безъ шума и крика народныхъ собраній, мудрыми и прочными учрежденіями, и указываетъ на примѣръ Пруссіи, нашедшей тайну соединить абсолютизмъ съ законностью и правосудіемъ.

Основывая совѣты свои главнымъ образомъ на своей личной опытности, Лагарпъ впадаетъ иногда въ противорѣчія и непослѣдовательность. Его политическая роль въ Швейцаріи состояла въ ожесточенной борьбѣ за *единство и нераздѣльность* республики, и онъ на всевозможные лады доказывалъ необходимость безусловнаго сплоченія въ одно государство, съ уничтоженіемъ мѣстной автономіи, всѣхъ кантоновъ, не смотря на рѣзкое различіе между жителями по ихъ племеннымъ особенностямъ, по языку, нравамъ, обычаямъ, складу ума и образованности. Въ Россіи же онъ проповѣдывалъ совсѣмъ иныя начала. Онъ требовалъ обособленія нѣкоторыхъ частей Россіи, преимущественно Прибалтійскаго края, и защищалъ всѣ мѣры тамошняго дворянства, видимо клонившіяся ко вреду и разоренію крестьянъ. Принявъ на себя роль адвоката дворянства, Лагарпъ увлекался личною дружбою и родственными связями, проживая въ Либавѣ какъ дома и рекомендуя Александру разныхъ лифляндскихъ бароновъ. По всей вѣроятности, подъ ихъ вліяніемъ и сквозь ихъ призму Лагарпъ смотрѣлъ на крестьянскій вопросъ, отговаривалъ государя дѣйствовать рѣшительно, совѣтовалъ избѣгать самого слова «освобожденіе», замѣняя его описатель-

нымъ выраженіемъ — «перемѣны въ экономическомъ бытѣ», и главную задачу крестьянской реформы поставлялъ въ томъ, чтобы всячески охранять неприкосновенность помѣщичьихъ правъ собственности.

Подъ вліяніемъ швейцарскихъ событій Лагарпъ предлагалъ императору Александру уничтоженіе сената, или, по крайней мѣрѣ, ограниченіе его правъ, и настаивалъ на необходимости учредить министерства, но энергически сдерживать произволъ министровъ, подчиняя ихъ дѣйствія личной волѣ главы государства. Участіе Лагарпа въ дѣлѣ образованія министерствъ вообще и министерства народнаго просвѣщенія въ особенности не подлежитъ сомнѣнію, хотя, быть можетъ, оно и не было такъ значительно, какъ изображается въ его собственномъ разсказѣ. Лагарпъ, видя, что то, о чемъ говоритъ онъ съ императоромъ, приводится въ дѣло, могъ невольно преувеличивать и добросовѣстно ошибаться, тѣмъ болѣе, что при любезности обхожденія и тактѣ императора Александра, трудно предполагать, чтобъ онъ желалъ разочаровывать своего бывшаго наставника, когда тотъ воображалъ, что онъ дѣйствуетъ по его совѣтамъ. Когда жена Лагарпа сказала Александру, что парижане въ восторгѣ отъ него, Александръ отвѣчалъ ей: «Если во мнѣ есть что либо заслуживающее расположеніе, то кому я этимъ обязанъ, какъ не вашему мужу? Еслибы не было Лагарпа, не было бы Александра». Подобныя вещи встрѣчаются и въ письмахъ Александра, въ которыхъ онъ благодаритъ Лагарпа за всѣ его заботы и за внушенные имъ принципы, и говоритъ даже, что первою истинною радостью его по вступленіи на престолъ было полученіе письма отъ Лагарпа. Легко представить себѣ, что̀ и какъ отвѣчалъ Александръ Лагарпу на его безпрестанныя и настойчивыя заявленія о той или другой реформѣ. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ рѣшеніи нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ, занимавшихъ правительство во время вторичнаго пребыванія Лагарпа въ Россіи, есть доля его вліянія, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшенъ по исключительному вліянію Лагарпа и по его мысли. Объ участіи Лагарпа можно до нѣкоторой степени судить по извлеченіямъ изъ засѣданій негласнаго комитета [97]). Члены его иронически отзывались о крайней скукѣ перечитывать

длиннѣйшія письма Лагарпа, которыя по цѣлымъ годамъ оставались нераспечатанными и состояли изъ набора словъ и сентенцій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, члены комитета сознавались, что напыщенная болтовня Лагарпа производитъ впечатлѣніе на государя, не оставляющаго его совѣтовъ безъ вниманія [98]).

Безспорную заслугу Лагарпа составляетъ его добросовѣстность въ исполненіи тѣхъ работъ, которыя ему поручались. Онъ ревностно добывалъ матеріалы, отчетливо и подробно изучалъ ихъ, и труды его можно иногда укорить въ многословіи, но никогда — въ небрежности. Обширныя записки, которыя онъ составлялъ по важнѣйшимъ вопросамъ, преимущественно по народному образованію, извлеченія, которыя онъ дѣлалъ изъ различныхъ иностранныхъ сочиненій съ указаніемъ того, что̀ въ нихъ есть относящагося къ Россіи и что̀ могло бы съ пользою быть примѣнено къ русской жизни, показываютъ его искреннее стремленіе содѣйствовать благосостоянію страны, ставшей для него вторымъ отечествомъ. Отзывы его о русскихъ бываютъ иногда наивны, но всегда проникнуты сочувствіемъ къ русскому народу [99]).

Въ августѣ 1801 года Лагарпъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ началѣ мая 1802 года выѣхалъ обратно во Францію. Всѣ эти девять мѣсяцевъ Лагарпъ провелъ почти неразлучно съ государемъ, а если и разставался на короткое время, то не прерывалъ письменныхъ сношеній, посылая письма и записки въ Москву, куда ѣздилъ государь для коронованія и приглашалъ съ собою Лагарпа, но онъ отказался, чтобы не возбудить толковъ и зависти въ придворномъ кругу. Немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ, Лагарпъ былъ принятъ государемъ и провелъ у него около трехъ часовъ. По возвращеніи изъ Москвы, государь посѣтилъ Лагарпа. Имѣя въ виду все время пребыванія своего въ Россіи посвятить исключительно государю, Лагарпъ рѣшился являться ко двору не иначе, какъ по приглашенію, видаться только съ старыми знакомыми и держать себя какъ можно дальше отъ дипломатическаго корпуса. Императоръ посѣщалъ Лагарпа два раза въ недѣлю, но какъ нельзя было заранѣе назначить день и часъ посѣщенія, то Лагарпъ никуда не выходилъ изъ дому. Часто государь заставалъ его въ халатѣ, приходя

къ нему побесѣдовать, какъ молодой другъ къ своему старому наставнику.

Первыя письма Лагарпа повторяютъ то же самое, что онъ говорилъ на своихъ историческихъ урокахъ; иногда приводятся не только тѣ же мысли, но тѣ же самыя выраженія, которыми изобилуетъ читанный Лагарпомъ курсъ исторіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ проглядываютъ идеи новыя, показывающія поворотъ въ образѣ мыслей бывшаго директора республики.

«Я не поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы сдѣлались властителемъ тридцати шести милліоновъ подобныхъ себѣ людей, но я радуюсь, что судьба ихъ отнынѣ въ рукахъ монарха, который убѣжденъ, что человѣческія права — не пустой призракъ, и что глава народа есть его первый слуга. Вамъ предстоитъ теперь примѣнить на дѣлѣ тѣ начала, которыя вы признаете истинными. Я воздержусь давать вамъ совѣты; но есть одинъ, мудрость котораго я уразумѣлъ въ несчастные восьмнадцать мѣсяцевъ, когда я былъ призванъ управлять страной. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы въ теченіе нѣкотораго времени не останавливать обычнаго хода администраціи, не выбивать ея изъ давней колеи, а внимательно слѣдить за ходомъ дѣлъ, избѣгая скоропостижныхъ и насильственныхъ реформъ. Искренно желаю, чтобы человѣколюбивый Александръ занялъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ міра, между благодѣтелями рода человѣческаго и защитниками началъ истины и добра». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту письма Лагарпъ говоритъ: «до 1815 года надежда эта исполнялась, но духъ злобы задержалъ славный ходъ, а Веронскій циркуляръ 1822 года обнаруживаетъ почти реакцію».

«Отдавая Антонинамъ должную дань хвалы,—говоритъ Лагарпъ въ другомъ письмѣ,—потомство съ горестью укоряетъ ихъ въ томъ, что они не утвердили народнаго блага на основаніяхъ незыблемыхъ, которыя могли бы сдерживать необузданный произволъ Коммодовъ, Каракаллъ, Эліогабаловъ. Вамъ, государь, подобаетъ даровать народу своему великое благо—спасти его отъ произвола вашихъ преемниковъ и дать странѣ такія учрежденія, которыя, сохраняя правительству его силу, ограждали бы народъ отъ самовластія тирановъ. Вы такъ думали и чувствовали, когда еще не испытали

обаянія власти. Будучи въ теченіе восьмнадцати мѣсяцевъ облеченъ властью, которую обстоятельства дѣлали неограниченною, я могу засвидѣтельствовать, что требуется большихъ усилій и надо быть постоянно на-сторожѣ, чтобы не поддаться заманчивому призыву самовластія. Первая потребность вашего народа—миръ, вторая—просвѣщеніе, третья—судопроизводство, которое доставило бы жителямъ имперіи существенныя блага гражданской свободы. Ваше судопроизводство — сущій Дедалъ, и только кляузы, плутни и взятки помогаютъ выбраться изъ этого лабиринта. Заключу своимъ старымъ припѣвомъ: единственный вѣрный другъ монарха— его собственное, здравое разсужденіе».

За нѣсколько дней до коронованія Александра I Лагарпъ писалъ ему: «когда на главу вашу возложатъ корону, вспомните великолѣпную рѣчь Іодая въ Гоѳоліи Расина и тихо повторите обѣтъ, данный вами еще въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ—утвердить благо Россіи на основаніяхъ непоколебимыхъ». Рѣчь Іодая сильно напоминаетъ нѣкоторыя мѣста изъ лекцій Лагарпа, дословно повторяющія то, что̀ выражено въ звучныхъ и нарядныхъ стихахъ Расина. Передаемъ ихъ по стихотворному переводу временъ Александра I [100]). Первосвященникъ Іодай говоритъ Іоасу передъ помазаніемъ его на царство:

Вдали отъ трона взросъ, еще не знаешь ты
Сей чести пагубной, заманчивой мечты.
Ты самовластія не испыталъ отравы,
И голосъ не прельщалъ тебя льстецовъ лукавый.
Услышишь ты отъ нихъ, что сколь ни святъ законъ,
Лишь поддой черни въ страхъ, царямъ подвластенъ онъ;
Что прихотію царь одной водиться воленъ,
Величью своему всѣмъ жертвовать онъ долженъ;
Что къ скорби и къ трудамъ народъ ввѣкъ осужденъ,
Лишь можетъ быть жезломъ желѣзнымъ упасенъ;
Коль не тѣснятъ его, то самъ онъ притѣснитель;
Такъ въ сѣти уловя, свершатъ твою погибель:
Заставятъ презирать и нравовъ чистотой
Гнушаться, наконецъ, и истиной самой,
И въ добродѣтели страшилище покажутъ;
Мудрѣйшій царь, увы! льстецами былъ обманутъ....

Въ письмахъ и запискахъ Лагарпа идетъ рѣчь о предметахъ разнообразныхъ, отъ преобразованія государственнаго

быта Россіи до личныхъ привычекъ государя и денежныхъ средствъ Лагарпа. При первыхъ встрѣчахъ разговоръ невольно касался событій, сопровождавшихъ кончину Павла и восшествіе на престолъ Александра I. Совѣты Лагарпа по этому поводу наивны до чрезвычайности. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ первый открылъ Александру всю суть дѣла. Лагарпъ съ жаромъ доказывалъ, что виновныхъ надо искать въ средѣ высокопоставленныхъ особъ, и что именно этихъ высокихъ особъ слѣдуетъ безотлагательно предать суду. Александръ возражалъ, что это совершенно невозможно при теперешнемъ настроеніи умовъ, волнуемыхъ слухами о реформахъ, и въ виду сильной аристократической партіи, привыкшей къ дворцовымъ катастрофамъ и опирающейся на гвардію. Лагарпъ совѣтовалъ уничтожить гвардію, утверждая, что армія можетъ служить болѣе надежною защитою престола: стоитъ только черезъ каждые два года призывать поочередно полки изъ внутреннихъ губерній. Съ уничтоженіемъ гвардіи прекратилась бы оскорбительная для военной чести рознь между войсками, и столица избавилась бы отъ своего рода преторіанцевъ, принимающихъ дѣятельное участіе во всѣхъ смутахъ и волненіяхъ.

Не добившись судебнаго преслѣдованія противъ знатныхъ особъ, которыхъ ненавидѣлъ по принципу, Лагарпъ старался повредить нѣкоторымъ изъ нихъ, хотя вовсе чуждымъ совершившейся катастрофы, какъ, напримѣръ, Завадовскому и Панину. О Завадовскомъ онъ много разъ и говорилъ, и писалъ, какъ о человѣкѣ, совершенно неспособномъ быть министромъ народнаго просвѣщенія. Графъ Панинъ далъ всѣмъ представителямъ Россіи заграницею инструкцію, чтобъ они присылали отчеты двоякаго рода: одни должны были быть посвящены текущимъ событіямъ и доводились до свѣдѣнія государя; другіе извѣщали о происшествіяхъ, планахъ, предпріятіяхъ болѣе конфиденціальнаго свойства и извѣстны были одному Панину. Лагарпъ уговаривалъ русскаго посланника при шведскомъ дворѣ, Будберга, показать государю инструкцію. При чтеніи одной ноты, гдѣ былъ намекъ на секретную инструкцію, государь настойчиво ее потребовалъ, и Панинъ былъ удаленъ.

Слухи о либеральныхъ наклонностяхъ государя вызвали

много, болѣе или менѣе неудачныхъ, проектовъ въ либеральномъ духѣ со стороны лицъ совершенно другого настроенія. Лагарпъ предостерегаетъ отъ этихъ господъ, надѣвшихъ маску изъ угодничества и личныхъ разсчетовъ. Въ подтвержденіе необходимости реформы онъ указываетъ на слѣдующія обстоятельства: вопіющія злоупотребленія въ администраціи; стремленія, зараждающіяся въ русскомъ обществѣ, усиленныя ошибками прошлаго царствованія, и политическія доктрины, проповѣдуемыя на югѣ Европы. Лагарпъ перебираетъ, кто будетъ за реформу и кто противъ нея. Противъ реформы: высшая знать; все дворянство за немногими исключеніями; значительное большинство bourgeoisie; почти всѣ люди немолодые, сжившіеся съ извѣстными привычками; почти всѣ иностранцы—изъ страха, гнусной корысти или тупоумія; люди, запуганные тѣмъ, что̀ произошло во Франціи, въ Швейцаріи, въ Италіи; агенты иностранныхъ державъ, не желающихъ, по своимъ видамъ, преуспѣянія Россіи посредствомъ мудрыхъ и зрѣлыхъ преобразованій, тормазомъ и сильнымъ препятствіемъ служатъ также чины—истый бичъ Россіи, отвлекающій гражданъ отъ дѣятельнаго труда, заставляя ихъ гоняться за мѣстами. За реформу: Александръ I; нѣсколько дворянъ, молодыхъ и образованныхъ; часть bourgeosie, которая, впрочемъ, сама не очень-то хорошо знаетъ, чего она хочетъ, нѣсколько писателей, не имѣющихъ вліянія, и, быть можетъ, нижніе военные чины; о народѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, ибо хотя онъ и желалъ бы улученія своего быта, но при невѣжествѣ массы съ народомъ, невозможно совѣщаться о его нуждахъ.

Всѣ совѣты Лагарпа объ управленіи государствомъ сводятся къ одному основному началу — твердой и непоколебимой власти. «Выслушивайте,—говоритъ онъ, — съ вашею обычною снисходительностью различныя мнѣнія, взвѣшивайте ихъ, и затѣмъ, произносите вашу волю; говорю «вашу волю», ибо, къ счастью для страны и народа, право повелѣвать принадлежитъ исключительно вамъ. Начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ стремятся обыкновенно къ самоуправству, и въ теченіе моего восьмнадцатимѣсячнаго управленія мнѣ приходилось постоянно сдерживать министровъ въ предѣлахъ ихъ власти, не смотря на то, что это было въ

республикѣ. Еслибы вы были окружены Кольбертами и Сюлли, я и тогда сказалъ бы вамъ: совѣщайтесь съ вашими министрами, вникайте въ ихъ дѣятельность, но держите ихъ въ почтительномъ отдаленіи, оставляя за собою послѣднее слово, и не только не допускайте и тѣни ихъ вліянія, но дѣйствуйте такъ, чтобъ они не могли ни предвидѣть ваше рѣшеніе, ни отгадать вашу тайну... По всѣмъ сколько нибудь значительнымъ вопросамъ необходимо давать категорическіе отвѣты; рѣшительное «нѣтъ» гораздо лучше дѣйствуетъ, нежели неопредѣленность и проволочка... Не увлекайтесь отвращеніемъ, которое вы питаете къ неограниченной власти; имѣйте мужество сохранить ее всецѣло, безъ малѣйшаго ущерба, до тѣхъ поръ, пока окончатся всѣ предварительныя работы, существенно необходимыя для какого бы то ни было измѣненія, но и тогда слѣдуетъ оставить за собою какъ можно болѣе власти и отнюдь не менѣе того, сколько требуется для полнаго обезпеченія силы и могущества правительства. Принимайте къ свѣдѣнію проекты, представляемые вамъ для ограниченія вашихъ правъ, но не давайте никакихъ на этотъ счетъ обѣщаній. Верховный совѣтъ, захватившій власть по смерти Петра II, не пользовался любовью и довѣріемъ народа. Несравненно хуже было бы принято что либо подобное въ настоящее время. Власть прусскихъ монарховъ неограниченна, а между тѣмъ они не позволяютъ себѣ произвола, и подданные ихъ пользуются совершенною гражданскою свободою, вслѣдствіе того, что уже болѣе ста лѣтъ граждане образуются тамъ въ дѣлахъ и для дѣлъ, и правительство усвоило себѣ привычку дѣйствовать медленно, осмотрительно и по здравомъ обсужденіи каждой мѣры. Въ Пруссіи предоставлена полная свобода печатному слову, но она сдерживается сама собою: въ обществѣ нѣтъ разнузданности, замѣчаемой у французовъ и русскихъ. Городское устройство въ Пруссіи образцовое, и т. д... Доступность, участіе къ народнымъ нуждамъ легко совмѣщается съ строгимъ сохраненіемъ власти. Периклъ въ Аѳинахъ, Козьма и Лаврентій Медичи во Флоренціи съумѣли, не поступаясь своими правами, управлять республиканскими народами.

Проекты, клонившіеся къ ограниченію власти, оказыва-

лись крайне несостоятельными; одинъ изъ нихъ былъ переданъ государемъ на разсмотрѣніе Лагарпу. Проектъ представлялъ безобразную смѣсь клочковъ, вырванныхъ изъ конституцій различныхъ странъ и сшитыхъ на живую нитку. Таковъ былъ отзывъ Лагарпа, совершенно согласный съ мнѣніемъ самого государя. Лагарпъ узналъ впослѣдствіи, что авторомъ проекта былъ князь Адамъ Чарторижскій.

Несравненно серьезнѣе было заявленіе о правахъ сената, расширеніе которыхъ неминуемо повлекло бы къ ограниченію верховной власти главы государства. По словамъ Лагарпа, эта западня была поставлена немедленно по вступленіи государя на престолъ. Императора склонили предложить сенату доставить свѣдѣнія о правахъ, дарованныхъ ему въ прежнія царствованія. Въ представленіи сената заключался длинный списокъ правъ, до того широкихъ, что почти ничего не оставалось на долю верховной власти. Лагарпъ не допускаетъ ни малѣйшей уступчивости со стороны монарха и не признаетъ ни пользы, ни возможности замѣнить сенатъ какимъ либо другимъ собраніемъ. «Я видѣлъ эти народныя собранія,—говоритъ онъ, — созываемыя съ величайшимъ трудомъ; почти всюду они дѣлаютъ однѣ только глупости, и я отъ души поздравляю Россію, управляемую монархомъ, облеченнымъ во всеоружіе власти, необходимой для мудраго и постепеннаго преобразованія и для доставленія народу не призрачной, а дѣйствительной свободы, не подвергая судьбы его случайностямъ народныхъ собраній, въ которыхъ бушуютъ разнузданныя страсти и заглушается голосъ справедливости, благоразумія и истинной любви къ отечеству. Россія не приготовлена къ подобнымъ преніямъ, да еслибъ она и была готова къ нимъ, я не переставъ бы повторять, что государь, при помощи министровъ и совѣта, можетъ и долженъ обойтись безъ сената, чтобы достигнуть благой цѣли, которая не достижима при существованіи сената». Въ отвѣтъ на рѣзкія выходки противъ сената, государь замѣтилъ, что дѣла въ немъ идутъ даже хуже, чѣмъ полагаетъ Лагарпъ. «Я самъ два года присутствовалъ въ сенатѣ въ царствованіе отца моего»,—сказалъ государь, и, вставъ съ своего мѣста, изобразилъ въ лицахъ доклады и постановленіе резолюцій въ сенатѣ.

Много разъ государь выражалъ глубокую скорбь о страшной безурядицѣ, господствующей въ администраціи, и о невозможности добраться до настоящаго корня и источника зла. Однажды государь пришелъ къ Лагарпу въ страшномъ волненіи и объявилъ, что цѣлыя сотни жителей Иркутска погибаютъ за недостаткомъ продовольствія, и всѣ усилія отыскать виновныхъ оказываются напрасными. Лагарпъ воспользовался случаемъ, чтобы снова настаивать на учрежденіи министерствъ. Подъ вліяніемъ прежнихъ доводовъ Лагарпа въ виду совершающихся событій, государь приступилъ къ осуществленію задуманнаго дѣла, поручивъ веденіе его комиссіи, составленной изъ Кочубея, Строганова, Новосильцова и Чарторижскаго; въ засѣданія ея, по волѣ императора, приглашаемъ былъ и Лагарпъ.

Особенное участіе принималъ Лагарпъ въ трудахъ по устройству министерства народнаго просвѣщенія и по разработкѣ вопросовъ, входящихъ въ кругъ этого вѣдомства. «Просвѣщеніе и законодательство,—говоритъ онъ,—два главные отдѣла великаго государственнаго труда. О просвѣщеніи наговорено много прекрасныхъ словъ, частью выкраденныхъ у древнихъ, частью отражающихъ метафизическія бредни новѣйшихъ резонеровъ. У французовъ были великолѣпные проекты этого рода. У нихъ есть институтъ, считающій въ числѣ своихъ членовъ знаменитыхъ ученыхъ; есть политехническая школа, пританеи, коллегіумы, академіи, словомъ все, что̀ блеститъ и пускаетъ пыль въ глаза. Но во Франціи ничего не сдѣлано для образованія жителей селъ и деревень. Пусть въ большихъ городахъ учреждаются университеты, гимназіи и другія училища, но вмѣстѣ съ ними пусть откроются и сельскія школы, въ которыхъ будутъ учить, по крайней мѣрѣ, читать, писать и считать. Существованіе народныхъ школъ составляетъ огромное преимущество и нравственную силу Англіи, Голландіи, Америки и протестантской Германіи. Необходимо собрать точныя свѣдѣнія о распространеніи грамотности въ Россіи, въ городахъ и селахъ, между казенными и помѣщичьими крестьянами, и позаботиться о приготовленіи учителей для народныхъ школъ и о составленіи руководствъ для первоначальнаго обученія». Лагарпъ съ гордостью указываетъ на примѣръ Швейцаріи,

гдѣ первымъ дѣйствіемъ директоріи было преобразованіе народнаго просвѣщенія. Считая лучшимъ памятникомъ того времени инструкціи воспитательнымъ совѣтамъ, составленныя министромъ Стапферомъ, Лагарпъ представляетъ ихъ императору Александру въ руководство при составленіи устава училищъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Ожидая самыхъ счастливыхъ результатовъ отъ учрежденія сельскихъ школъ въ Россіи, Лагарпъ основывалъ свои надежды на врожденныхъ свойствахъ русскаго человѣка, о которыхъ отзывается съ большимъ сочувствіемъ. Обращаясь къ государю, онъ говоритъ: «Немногіе народы въ такой степени, какъ русскіе, достойны тѣхъ благъ, которыя вы несете своему народу. Русскій народъ отличается силою характера, отвагою, добродушіемъ и веселостью. Нельзя не удивляться расторопности и смышленности архангельскихъ и вологодскихъ крестьянъ, образующихъ артели, къ которымъ съ такимъ безусловнымъ довѣріемъ относятся всѣ торговые дома и конторы. Но распространять знанія въ народѣ можно и должно только посредствомъ природныхъ русскихъ, а отнюдь не иностранныхъ учителей. Иностранцы не могутъ быть истинными просвѣтителями народа: они не въ состояніи распознать неуловимые оттѣнки въ складѣ ума, въ обычаяхъ и предразсудкахъ, съ которыми сжился народъ и которые надобно щадить, чтобы не подорвать довѣрія къ благодѣтельнымъ нововведеніямъ. Въ Россіи, болѣе нежели гдѣ либо, ненавидятъ иностранцевъ, и, правду сказать, они надѣлали здѣсь столько вреда, что русскіе совершенно правы въ чувствѣ ненависти и презрѣнія къ своимъ чужеземнымъ опекунамъ. Изъ русскаго солдата, бойкаго, живого, толковаго и предпріимчиваго, вы никогда не сдѣлаете нѣмца, и сохрани васъ Богъ отъ стремленія онѣмечить храбрую русскую армію, у которой есть и сердце, и душа: не убивайте ихъ нѣмецкою выправкою и педантизмомъ.

«Въ дѣлѣ народнаго образованія не допустите, государь, повториться тому, что̀ произошло въ царствованіе вашей августѣйшей бабки, которая была одушевлена прекраснымъ намѣреніемъ распространить образованіе, но которую обманули, устроивъ наскоро нѣсколько блестящихъ заведеній. Запретите щеголять внѣшнимъ блескомъ, возбуждающимъ

шумные толки въ ущербъ дѣйствительной пользѣ. Велите разоблачать обманъ, срывать маски и позлащенный хламъ, и да постигнетъ шарлатановъ заслуженное ими наказаніе. Народное просвѣщеніе, распространенное повсюду, полезное, а не блестящее,—вотъ краеугольный камень всего зданія». Лагарпъ разсматриваетъ составъ и дѣятельность комиссіи объ учрежденіи училищъ, открытой при Екатеринѣ и избравшей невѣрный путь, предпочитая блескъ и мишуру прямой пользѣ и прочности дѣла. Комиссію составляли: Завадовскій, два секретаря Екатерины—Пастуховъ и Храповицкій, академикъ Эпинусъ и извѣстный педагогъ Янковичъ-де-Миріево. Всю бѣду Лагарпъ видитъ въ томъ, что предсѣдательство и право личнаго доклада государынѣ было предоставлено Завадовскому, который, по словамъ Лагарпа, былъ человѣкомъ въ высшей степени надменнымъ, корыстолюбивымъ, тщеславнымъ, окружавшимъ себя льстецами и не терпѣвшимъ людей правдивыхъ.

Разсмотрѣвъ, по порученію государя, находившійся въ сенатѣ отчетъ комиссіи о народныхъ училищахъ, представленный императору Павлу въ послѣдній годъ его царствованія, Лагарпъ пришелъ къ заключеніямъ такого рода. «Отчетъ составленъ на основаніи данныхъ, собранныхъ коекакъ; въ немъ много невѣрностей, пропусковъ, неточностей. Число учителей 914 показано невѣрно, ибо многіе изъ нихъ занимаютъ учительскія мѣста въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. Оказывается, что въ теченіе двадцати лѣтъ, съ 1781 по 1800 годъ, число всѣхъ, высшихъ и низшихъ, училищъ, основанныхъ въ странѣ внѣ столицъ, простирается до 221; присоединивъ 29 начальныхъ школъ, открытыхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, получимъ общее число 250. Изъ нихъ 216 учреждены въ первые двѣнадцать лѣтъ, слѣдовательно, по 18 въ годъ. Изъ этихъ двѣнадцати лѣтъ въ первыя пять лѣтъ основано 169, слѣдовательно, по 34 въ годъ, и это блестящее пятилѣтіе послѣдовало вслѣдъ за учрежденіемъ комиссіи. О такомъ неимовѣрномъ успѣхѣ много говорили въ свое время; награды посыпались тому, кто приписывалъ себѣ это чудо, а также и кліентамъ чудотворца. Награды розданы, и чудеса прекратились. Въ два послѣдніе года царствованія Екатерины основано только три училища. Съ вос-

шествіемъ на престолъ императора Павла, комиссія словно проснулась, основала вдругъ 13 школъ и, затѣмъ, погрузилась въ свою обычную летаргію».

Въ рукахъ Завадовскаго, какъ предсѣдателя, была раздача чиновъ, орденовъ и денежныхъ наградъ, и на эту удочку попались прежде другихъ Янковичъ-де-Миріево и Пастуховъ; въ свою очередь Храповицкій, хорошо знакомый съ придворными тонкостями, не хотѣлъ противорѣчить такому вліятельному лицу, какъ Завадовскій. Непоколебимымъ остался одинъ только Эпинусъ, который и подвергся опалѣ за прямоту и независимость своихъ мнѣній. Надо, однако же, замѣтить, что такой аттестатъ, весьма лестный для Эпинуса и весьма невыгодный для его сочленовъ, Лагарпъ даетъ со словъ самого Эпинуса, который въ этомъ дѣлѣ—весьма пристрастный свидѣтель. О самомъ Эпинусѣ ходили слухи, какъ о человѣкѣ тщеславномъ, предпочитавшемъ внѣшній блескъ скромному призванію ученаго: по крайней мѣрѣ, современники отзывались о немъ, какъ объ ученомъ, хотя и весьма замѣчательномъ, но какъ будто стыдившемся своего званія. При обсужденіи плана народнаго образованія Эпинусъ отозвался, что ему вовсе неизвѣстны законы и бытъ Россіи [101]). Несравненно убѣдительнѣе свидѣтельство самихъ фактовъ въ отчетахъ комиссіи, основательно разсмотрѣнныхъ Лагарпомъ.

Смотря на Завадовскаго глазами Эпинуса, Лагарпъ былъ очень опечаленъ тѣмъ, что бывшій предсѣдатель екатерининской комиссіи былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Утѣшая Лагарпа, Александръ говоритъ, что Завадовскій управляетъ министерствомъ не самовластно, а при содѣйствіи членовъ главнаго правленія училищъ, изъ которыхъ двое, Новосильцовъ и Чарторижскій, находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ государемъ, и нѣтъ бумаги, которая прошла бы не черезъ ихъ руки, нѣтъ лица въ министерствѣ, опредѣленнаго не ими; роль Завадовскаго самая ничтожная, и онъ посаженъ въ министерство только для того, чтобы не кричалъ о своемъ удаленіи [102]).

Мысль окружить министра народнаго просвѣщенія сотрудниками, обнаруживающаяся въ учрежденіи главнаго правленія училищъ, категорически заявлена Лагарпомъ. Онъ говоритъ: для устройства и развитія важной отрасли народ-

наго просвѣщенія необходимо учредить особое вѣдомство съ министромъ во главѣ, но для содѣйствія ему и для того, чтобъ удерживать его отъ произвола, долженъ быть учрежденъ совѣтъ изъ лицъ, непосредственно назначаемыхъ верховною властью. Какъ не очевидно кажется, что главное правленіе училищъ открыто по мысли и вліянію Лагарпа, но слѣдующія соображенія удерживаютъ отъ подобнаго вывода, или, по крайней мѣрѣ, значительно его ослабляютъ. Во-первыхъ, комиссія объ училищахъ, первообразъ министерства, была учрежденіемъ коллегіальнымъ. Во-вторыхъ, главное правленіе училищъ состояло на первыхъ порахъ преимущественно изъ членовъ комитета, прозваннаго въ шутку comité du salut publique, которые участвовали во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ государственнаго управленія; объ учрежденіи совѣта Лагарпъ писалъ въ концѣ 1801 года, а комитетъ существовалъ еще въ бытность Александра Павловича великимъ княземъ. Въ-третьихъ, въ письмѣ къ Лагарпу о составѣ министерства, ограничивающемъ власть министра, Александръ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не даетъ замѣтить, что подобное ограниченіе произошло по совѣту Лагарпа. Изъ этого письма скорѣе видно, что государь вовсе не послѣдовалъ его совѣту. Лагарпъ предлагаетъ избрать Муравьева исключительно довѣреннымъ лицомъ по министерству:—que Michel Nikitsch demeure seul dépositaire de vos projets et qu'on ne tarde pas à apercevoir que vous le distinguez, а государь предпочелъ Муравьеву Новосильцева и Чарторижскаго.... Вотъ какъ трудно дѣлать положительные выводы о томъ или другомъ вліяніи даже въ томъ случаѣ, если всѣ факты, повидимому, на лицо.

— Главнымъ препятствіемъ, — говоритъ Лагарпъ, — для повсемѣстнаго распространенія школъ въ Россіи служитъ крѣпостное состояніе огромной массы народонаселенія. Какое образованіе возможно для людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ, которыми владѣльцы ихъ могутъ распоряжаться произвольно, чтобы не сказать безнаказанно. Народное просвѣщеніе соприкасается здѣсь съ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ, который очень легко рѣшаютъ въ кабинетѣ, но съ величайшимъ трудомъ—въ дѣйствительной жизни. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ долженъ быть рѣшаемъ постепенно, безъ шума

и тревоги, а главное—безъ малѣйшаго посягательства на права собственности. Переходною ступенью отъ настоящаго положенія дѣлъ къ освобожденію отъ крѣпостной зависимости можетъ служить образованіе средняго сословія (tiers-état), зародышъ котораго заключается уже въ учрежденіи гильдій и въ изданіи городового положенія. Слѣдовало бы дозволить всѣмъ сословіямъ пріобрѣтать землю и предоставить крестьянамъ право выкупа, и т. п. Но всѣ мѣры этого рода надобно выставлять не иначе, какъ только улучшеніемъ или упрощеніемъ экономическаго быта—simplification apportée à leur économie, всячески избѣгая словъ: свобода, воля, освобожденіе.

Въ разговорѣ съ Лагарпомъ, Александръ часто касался способа облегчить положеніе крестьянъ. Разъ зашла рѣчь о мѣрахъ, предложенныхъ для улучшенія быта крестьянъ въ Прибалтійскихъ провинціяхъ. Лагарпъ восхвалялъ Сиверса, предводителя эстляндскаго дворянства. Государь сказалъ, что онъ живо помнитъ, съ какимъ жаромъ и ловкостью, въ царствованіе его отца, Сиверсъ защищалъ мѣстныя и сословныя права, но что онъ—самый тяжелый помѣщикъ для своихъ крестьянъ. Лагарпъ предложилъ свои услуги, обѣщая собрать свѣдѣнія объ отношеніяхъ Сиверса къ своимъ крестьянамъ. По свѣдѣніямъ, которыя были добыты отъ дворянъ и пасторовъ, оказалось, что Сиверсъ ничѣмъ не хуже другихъ помѣщиковъ, что онъ не выходилъ изъ дозволенныхъ предѣловъ, не требовалъ даже дополнительныхъ работъ, и, наконецъ, что онъ—истинный отецъ своимъ крестьянамъ. Лагарпъ съ умиленіемъ говоритъ объ условіяхъ, давно ужъ оцѣненныхъ по достоинству, освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи, Курляндіи и Лифляндіи.

Питая особенную нѣжность къ Прибалтійскимъ провинціямъ, Лагарпъ предостерегаетъ отъ мѣръ опрометчивыхъ, называя такъ всякую перемѣну въ Прибалтійскомъ краѣ, несогласную съ видами тамошняго дворянства. Іосифъ II хотѣлъ ввести однообразное управленіе во всѣ области своего государства, не обращая вниманія на ихъ различіе между собою въ топографическомъ положеніи, бытѣ и языкѣ. Вслѣдствіе такой системы едва не послѣдовало распаденія австрійской монархіи. Напротивъ того, Пруссія, съ ея несравненною администраціей, держалась иной системы въ отношеніи Си-

лезіи, Вестфаліи и польскихъ провинцій, и теперь пожинаетъ плоды своей мудрости. Что касается русской администраціи, то она требуетъ коренныхъ преобразованій, а до тѣхъ поръ справедливость и благоразуміе заставляютъ сохранять въ Прибалтійскомъ краѣ прежніе порядки и преимущества. Въ случаѣ какого либо столкновенія съ тамошнимъ дворянствомъ слѣдуетъ допускать въ государственный совѣтъ и въ собраніе министровъ депутатовъ для защиты мѣстныхъ сословныхъ правъ и привилегій.

Сношенія Лагарпа съ императоромъ Александромъ, устныя и письменныя, касались не только внутренней, но и внѣшней политики. Здѣсь на первомъ планѣ стояла Швейцарія. Привѣтствуя Александра съ восшестіемъ на престолъ, Лагарпъ счелъ нужнымъ сейчасъ же обратить вниманіе государя на положеніе дѣлъ въ Швейцаріи и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, представилъ нѣсколько обширнѣйшихъ мемуаровъ о швейцарскихъ дѣлахъ, съ цѣлымъ томомъ объяснительныхъ примѣчаній о лицахъ и событіяхъ. Сущность всѣхъ писемъ и разсужденій по этому предмету заключается въ слѣдующемъ. Швейцарія, по своему географическому положенію, призвана охранять равновѣсіе Европы. Швейцарія, находясь между Германіей, Тиролемъ, Италіей и Франціей, можетъ служить надежнымъ оплотомъ равновѣсія только въ томъ случаѣ, если она будетъ единою и нераздѣльною. Въ противномъ случаѣ ее можетъ поглотить Франція, куда влекутъ ее интересы земледѣльческіе, фабричные, промышленные; швейцарскія рѣки и озера въ связи съ бассейнами Роны, Рейна и т. д. Раздробленія Швейцаріи особенно желаютъ Австрія и Франція, не безопасныя и для Россіи. Слабость Швейцаріи успокоитъ Австрію насчетъ Тироля, откуда она, въ случаѣ нужды, можетъ вывести свои войска къ мѣсту дѣйствія. Правительства прежней конфедераціи видятъ въ Австріи своего мессію. Въ случаѣ замысловъ на Италію, Австріи легко овладѣть горными кантонами, служащими цитаделью этой части Европы. Эмиссары австрійскіе дѣйствуютъ въ Швейцаріи; заодно съ Австріей дѣйствуетъ Англія, не вѣрящая въ продолженіе мира съ Франціей и видящая въ Австріи неизбѣжную союзницу въ случаѣ войны. Россія и Пруссія особенно должны желать политической силы единой и не-

раздѣльной Швейцаріи, ибо они—сосѣди Австріи, желающей противнаго. Россія не можетъ навѣрно разсчитывать на свое единичное посредничество, но, дѣйствуя заодно съ Пруссіей, она окажетъ давленіе на Францію, которой останется одно изъ двухъ — или присоединиться къ Россіи и Пруссіи, или обнаружить свои завоевательные замыслы, которые она упорно отрицаетъ. Въ одномъ изъ писемъ къ императору Александру, Наполеонъ говоритъ о Швейцаріи; Александръ показалъ Лагарпу то мѣсто изъ письма, гдѣ рѣчь идетъ о Швейцаріи, и поручилъ составить мемуаръ: Лагарпъ представилъ два, и оба были одобрены государемъ и отправлены къ первому консулу.

Много свѣтлыхъ надеждъ было возлагаемо на Францію и ея перваго консула, но скоро пришлось испытать жестокое разочарованіе. Лагарпъ смотрѣлъ на Бонапарта какъ на будущаго Тимолеона и усердно хлопоталъ о сближеніи его съ императоромъ Александромъ. Главнымъ образомъ съ этою цѣлью Лагарпъ и предпринялъ свое путешествіе въ Россію. Но оказалось, что первый консулъ вмѣсто Тимолеона сдѣлался деспотомъ Наполеономъ, который заботился совсѣмъ не о благѣ человѣчества, а о личныхъ интересахъ своей династіи, о захватѣ чужихъ владѣній и о водвореніи своей безграничной власти на развалинахъ сокрушенной имъ свободы. Никто ловче Наполеона,—говоритъ Лагарпъ,—не облекается въ кожу ягненка, лисицы и льва; руководимое имъ движеніе назадъ, ко временамъ мрака и варварства, совершается съ удивительною быстротою; уже стыдятся признавать права разума и слагаютъ панегирики спасительному невѣжеству и похвальному легковѣрію предковъ; честныхъ гражданъ ожидаетъ тюрьма и ссылка, а шпіоновъ—деньги и почетъ; свобода слова подавлена, ибо существуетъ только для наемныхъ защитниковъ новой династіи. Передъ отъѣздомъ Лагарпа, Александръ далъ ему письмо къ Наполеону, но оно не могло быть ему передано, потому что Наполеонъ сбросилъ съ себя маску. Отнынѣ, замѣчаетъ Лагарпъ, невозможны искреннія сношенія между Александромъ и Наполеономъ: со стороны перваго — законность, справедливость, либеральныя идеи и человѣколюбіе; со стороны второго— двуличіе, непомѣрное властолюбіе и преслѣдованіе либераль-

ныхъ идей. Лагарпъ около тридцати лѣтъ продержалъ у себя ввѣренное ему письмо и, наконецъ, передалъ его не распечатаннымъ императору Николаю.

Счастливѣе былъ Лагарпъ въ попыткахъ своихъ къ сближенію русскаго государя съ представителемъ другой державы, въ которой господствуетъ дѣйствительная, а не воображаемая, свобода. При посредничествѣ Лагарпа, императоръ Александръ вошелъ въ сношенія съ президентомъ Американскихъ штатовъ, Джеферсономъ (Jefferson). Лагарпъ питалъ глубокое уваженіе къ Джеферсону, зная его только по сочиненіямъ, и сообщилъ Александру мысли свои о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Америки. Получивъ отвѣтъ, проникнутый искреннимъ сочувствіемъ къ Америкѣ и ея достойному президенту, Лагарпъ передалъ американцу Барлову (автору Колумбіады, впослѣдствіи полномочный министръ при французскомъ дворѣ) выдержки изъ письма для доставленія Джеферсону. Джеферсонъ написалъ письмо императору Александру, и такимъ образомъ начались дипломатическія сношенія между двумя государствами.

Не одного Джеферсона знакомилъ Лагарпъ съ образомъ мыслей русскаго государя. Заботясь о распространеніи доброй славы своего бывшаго питомца, Лагарпъ показывалъ письма его знаменитостямъ политическаго и литературнаго міра. Одно изъ нихъ онъ далъ прочесть Эрскину (Erskine), знаменитому оратору и государственному человѣку, изъ рѣчей котораго, произнесенныхъ въ англійскомъ парламентѣ, Александръ впервые знакомился съ учрежденіемъ присяжныхъ (jury). По мѣрѣ того, какъ Эрскинъ читалъ, лицо его оживлялось, сильнѣе стала подыматься грудь и на глазахъ показались слезы. «Это письмо», сказалъ—онъ,—«слѣдовало бы начертать золотыми буквами». И впечатлѣніе не было мимолетное: много лѣтъ спустя, онъ вспомнилъ о письмѣ русскаго государя въ рѣчи своей по поводу преній, касавшихся отчасти и Россіи.

Лагарпъ много разъ говорилъ Александру о педагогическомъ свѣтилѣ того времени, Песталоцци, посылалъ его сочиненія, описывалъ его методу и предлагалъ ввѣрить его руководству русскихъ молодыхъ людей, готовящихся къ педагогическому поприщу. Въ числѣ книгъ и брошюръ, изда-

гающихъ воспитательную систему Песталоцци, Лагарпъ прислалъ: Uber die Pestalozzische Lehranstalt in Burgdorf, совѣтуя государю обратить особенное вниманіе на страницу восемьдесятъ-первую и слѣдующія. Въ 1814 году Александръ видѣлся съ Песталоцци, бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько часовъ, обѣщалъ прислать ему учениковъ и приглашалъ его въ Россію. Но Лагарпъ находилъ это переселеніе крайне неудобнымъ по лѣтамъ и здоровью Песталоцци, по совершенному незнанію страны и по внѣшней непредставительности: будучи одаренъ прекрасною душой, одною изъ лучшихъ, какая только вышла изъ рукъ Создателя, Песталоцци до такой степени былъ обдѣленъ внѣшними дарами, что надо было пересилить себя, чтобы привыкнуть къ его отталкивающей наружности и пріемамъ.

Не ограничиваясь современниками, Лагарпъ искалъ друзей государю между великими писателями всѣхъ вѣковъ и народовъ, завѣщавшими потомству свои просвѣтительныя творенія:—Прерывайте занятія ваши, государь, чтеніемъ Плутарха, Полибія, Тацита, Өукидида и Гиббона; вы много обязаны этимъ писателямъ; они дадутъ вамъ новыя силы, чтобы продолжать вашъ обычный трудъ; въ бесѣдѣ съ великими людьми и въ созерцаніи ихъ борьбы съ препятствіями и несчастіями, душа пріобрѣтаетъ крѣпкій закалъ и вдохновляется несокрушимымъ мужествомъ. Изо всѣхъ новыхъ языковъ русскій—самый близкій къ греческому и латинскому; онъ обладаетъ, въ переводѣ Библіи и отцовъ церкви, великолѣпными задатками, которымъ должно дать полную свободу развиться, а вѣрнѣйшее средство для этого — переводъ образцовыхъ твореній греческой и римской литературъ. Переводы Полибія, Геродота, Ксенофонта, Өукидида, Демосөена, Плутарха, Тита Ливія, Саллустія, Тацита, Цицерона и Цезаря содѣйствовали бы образованію русскаго національнаго слога и проложили бы путь геніальнымъ отечественнымъ писателямъ, истиннымъ создателямъ литературнаго языка.... Если хватитъ у васъ времени, прочтите «Донъ-Карлоса» Шиллера, особенно же превосходную сцену между Филиппомъ II и герцогомъ Поза.

Выборъ книгъ и дѣлаемыя изъ нихъ извлеченія показываютъ начитанность и добросовѣстность Лагарпа, который

внимательно слѣдилъ за литературными явленіями, отмѣчая все, заслуживающее серьезнаго вниманія и имѣющее отношеніе къ Россіи и ея нуждамъ. Лагарпъ составилъ для государя извлеченіе изъ путешествія Палласа въ южную Россію, а также изъ путешествій Лаперуза, Ванкувера и др. Совѣтами Палласа, указанными Лагарпомъ, не замедлили воспользоваться. Путешествіе Ванкувера, обнимающее весь сѣверо-западный берегъ Америки, описываетъ преимущественно ту часть его, которая принадлежала Россіи. «Государственный адмиралтейскій департаментъ», убѣдясь въ великой пользѣ отъ появленія книги Ванкувера на русскомъ языкѣ, положилъ заняться изданіемъ ея перевода. Переводъ сталъ выходить съ конца двадцатыхъ годовъ; но Лагарпъ дѣлалъ свои извлеченія въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Кругосвѣтное путешествіе совершено Ванкуверомъ въ 1790—1795 годахъ[103]).

Независимо отъ вопросовъ, имѣющихъ общественное значеніе, отъ политическихъ и литературныхъ совѣтовъ, Лагарпъ говорилъ и писалъ Александру о предметахъ, имѣющихъ личный интересъ для собесѣдниковъ. Александръ просилъ откровенно высказать мнѣніе, до какой степени его обращеніе, умѣнье держать себя и т. п. соотвѣтствуютъ высокому званію, къ которому онъ не успѣлъ еще привыкнуть. Лагарпъ отозвался на эту просьбу со всѣмъ усердіемъ няни, не спускающей глазъ съ своего любимаго дѣтища. Лагарпъ ревностно слѣдилъ за государемъ и въ обществахъ, и на площади, смѣшиваясь съ толпою, чтобъ удобнѣе замѣчать каждое его движеніе. Видѣвъ нѣсколько разъ, какъ государь, краснѣя, проходилъ мимо стоящихъ на колѣняхъ съ просьбами въ рукахъ, Лагарпъ сказалъ ему: «Монархъ въ толпѣ народа, собственными руками берущій просьбы у бѣдняковъ, покрытыхъ рубищами, несравненно величественнѣе, нежели посреди блестящаго двора, и могущественнѣе, нежели во главѣ многочисленной арміи». Наблюдая за государемъ во время дворцовыхъ выходовъ, Лагарпъ нашелъ, что молодой государь вообще очень хорошо исполняетъ свою роль. Тѣмъ не менѣе старый и строгій менторъ счелъ нужнымъ препроводить своему бывшему питомцу слѣдующія замѣтки: «1) Вы вошли въ залу немного робко; хвалю ваше сердце: скромность какъ нельзя болѣе къ лицу юности, но государь дол-

женъ имѣть видъ болѣе увѣренный; чистая совѣсть и искреннее желаніе блага Россіи — вотъ чтѣ даетъ вамъ право смотрѣть прямо и смѣло на все окружающее. 2) Вы обошли собраніе нѣсколько поспѣшно. 3) Вы весьма хорошо сдѣлали, обратившись съ привѣтомъ къ лицамъ, почтеннымъ по своимъ заслугамъ, но нѣкоторыхъ изъ нихъ вы не удостоили ласковымъ словомъ. 4) Мнѣ кажется, наконецъ, что, являясь вмѣстѣ съ императрицею, вы облегчили бы себѣ трудъ торжественнаго пріема, не говоря ужъ о томъ, что это произвело бы отрадное впечатлѣніе на всѣхъ, искренно васъ любящихъ.—Гдѣ бы вы ни были, въ обществѣ ли, среди народа, или въ кругу лицъ, которымъ ввѣрили вы отдѣльныя отрасли управленія, держите себя по-царски: я вовсе не слѣпой поклонникъ этикета, но глава народа долженъ, употребляя живописное выраженіе Демосѳена, облекаться въ величіе своей страны».

Хорошо зная многія подробности образа жизни и дѣйствій членовъ царскаго дома, Лагарпъ произвелъ, какъ самъ выражается, потрясающее впечатлѣніе своимъ разсказомъ среди парижскаго общества, въ кругу людей, очень невыгодно отзывавшихся о русскихъ женщинахъ вообще, и объ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ особенности. Лагарпъ разсказалъ слѣдующій случай. Въ воспитательный домъ въ Петербургѣ пріѣзжаетъ дама, принадлежащая къ самому высшему обществу, и ей показываютъ дитя, принесенное въ минувшую ночь; оно было грязно до отвратительности, и приставники смотрѣли на него съ зловѣщимъ для малютки презрѣніемъ. Замѣтивъ это, дама потребовала теплой воды, обмыла его, обчистила, завернула въ теплое бѣлье и отдала окружающимъ, ласково примолвивъ: «Вотъ какъ надо за это браться». Присутствующіе были тронуты разсказомъ и нетерпѣливо спрашивали, кто эта дама. Изумленіе было всеобщее, когда Лагарпъ объявилъ, что эта была вдова одного императора и мать другого—императрица Марія Ѳеодоровна.

Близость Лагарпа къ императору Александру возбуждала въ столичномъ обществѣ разные толки и неудовольствіе; говорили съ увѣренностью, что государь, по вліянію Лагарпа, рѣшился уничтожить крѣпостное право и что будто бы уже составленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ [104]). Усту-

пая обстоятельствамъ, Лагарпъ долженъ былъ отказаться отъ мысли о дальнѣйшемъ пребываніи въ Россіи. Разставаясь съ императоромъ Александромъ, онъ повторялъ увѣренія въ своей горячей преданности и готовности жертвовать всѣмъ, обѣщая явиться по условному слову adoucias, которое, въ шифрованной перепискѣ, значило: «вы мнѣ нужны».

Но оказалось, что не Александру нуженъ былъ Лагарпъ, а Лагарпу встрѣтилась сильнѣйшая надобность въ свиданіи съ Александромъ—вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ. Изгнаніе Наполеона измѣнило судьбу Европы, созданная имъ система рушилась, и всюду возникло стремленіе избавиться отъ гибельныхъ слѣдовъ Наполеоновскаго нашествія. Этотъ поворотъ къ прежнему порядку вещей пробудилъ и въ Швейцаріи надежду воротиться къ блаженнымъ для Берна временамъ владычества однихъ кантоновъ надъ другими. Бернскіе патриціи снова заявили свои права на Ваадтскій кантонъ, и ихъ такъ усердно поддерживали дипломаты, что родинѣ Лагарпа грозило неминуемое порабощеніе. Вслѣдствіе этого Лагарпъ поспѣшилъ отправиться въ главный штабъ императора Александра, бывшаго съ войсками заграницей, и просилъ у него защиты и спасенія отъ сильнаго врага. Лагарпъ былъ при государѣ въ 1814 и 1815 годахъ въ Парижѣ и въ Вѣнѣ.

Полагаютъ, что въ чрезмѣрно великодушномъ образѣ дѣйствій Александра въ отношеніи къ Франціи, надѣлавшей столько бѣдъ Россіи, есть сильная доля вліянія Лагарпа, который такимъ образомъ въ ущербъ Россіи отблагодарилъ Францію за оказанное ему гостепріимство. Во время пребыванія въ Парижѣ императоръ Александръ былъ осаждаемъ письмами, записками, книгами, которыя ему посвящались, и т. п. Всего накопилось около девяти тысячъ экземпляровъ, и заняться ихъ разборомъ государь поручилъ Лагарпу, которому пришлось выдержать много столкновеній съ неугомонными авторскими самолюбіями.

Въ Вѣну Лагарпъ явился въ качествѣ уполномоченнаго представителя трехъ кантоновъ—Ваатланда, Тессина иАаргау. Разсказываютъ, что дипломаты, участвовавшіе въ вѣнскомъ конгрессѣ, показывали большое сочувствіе бернскимъ

депутатамъ и съ презрѣніемъ отворачивались отъ Лагарпа. Не будучи въ состояніи переносить подобное униженіе и видя ясно, чья сторона одержала верхъ, Лагарпъ объявилъ Александру о своемъ намѣреніи уѣхать какъ можно скорѣе. Александръ совѣтовалъ ему немного подождать, а на другой день Лагарпъ прочелъ въ газетахъ о пожалованіи ему ордена св. Андрея Первозваннаго. Такая необычайная милость мгновенно измѣнила положеніе Лагарпа: онъ сталъ получать приглашенія ко двору и на дипломатическіе обѣды и вечера; съ нимъ начали обходиться весьма любезно, и т. п. [105]). Это извѣстіе, хотя и переданное со словъ дипломата, участвовавшаго на Вѣнскомъ конгрессѣ, не совсѣмъ точно, судя потому, что въ рескриптѣ о пожалованіи орденомъ означено: Парижъ, 28-го мая 1814 года. Во всякомъ случаѣ, благодаря вліянію императора Александра, на Вѣнскомъ конгрессѣ признана была независимость и равноправность трехъ кантоновъ, избравшихъ Лагарпа своимъ представителемъ.

До конца жизни своей Лагарпъ хранилъ благодарное воспоминаніе объ Александрѣ, окружая себя предметами, напоминавшими счастливыя времена радостныхъ встрѣчъ и откровенныхъ бесѣдъ съ своимъ бывшимъ питомцемъ. Послѣднее письмо отъ него отправлено 9-го ноября 1824 г., на копіи этого письма Лагарпъ написалъ, по полученіи извѣстія о кончинѣ государя:

Félicité passée
Qui ne peut revenir,
Tourment de ma pensée,
Que n'ai-je, en te perdant, perdu le souvenir.

VI.

По вторичномъ возвращеніи своемъ изъ Россіи, Лагарпъ поселился въ помѣстьѣ Плесси-Пике, близь Парижа, и оставался тамъ до Вѣнскаго конгресса, а въ 1816 году и до самой смерти жилъ на родинѣ, въ Лозаннѣ [106]). И во Франціи, и въ Швейцаріи онъ велъ почти одинаковый образъ жизни, посвящая время свое любимымъ занятіямъ наукой

и литературой и обществу людей, замѣчательныхъ по своей образованности и трудамъ на пользу общества. Обычный кружокъ его составляли: Стаферъ, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія въ Гельветической республикѣ; Грегуаръ, епископъ блоасскій, смѣлый защитникъ негровъ и вообще угнетенныхъ, ревностный проповѣдникъ терпимости; графъ Ластери (Lasteyrie), которому Франція обязана введеніемъ мериносовъ и литографіи, достойный гражданинъ стоявшій во главѣ предпріятій на пользу земледѣлія, ремеслъ и народнаго образованія; Жанъ-Батистъ Сэй, авторъ знаменитаго въ свое время сочиненія о политической экономіи, умѣвшій сохранить свою независимость, не жертвуя ею приманкамъ честолюбія и житейскихъ выгодъ, и немногіе другіе.

Учено-литературныя занятія и труды Лагарпа были двоякаго рода: одни относились къ наукамъ естественнымъ, другіе—къ отечественной исторіи и вопросамъ соціальнымъ.

Живя въ Парижѣ, Лагарпъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ членами тамошняго института и посѣщалъ курсы, читаемые этими учеными по зоологіи, химіи, астрономіи, минералогіи, экспериментальной физики, преимущественно о новѣйшихъ опытахъ надъ электричествомъ и гальванизмомъ, и т. д. [107]). По возвращеніи на родину, Лагарпъ былъ дѣятельнымъ членомъ Гельветическаго общества естественныхъ наукъ, странствуя съ нимъ изъ одного кантона въ другой, такъ какъ по уставу общества оно собиралось каждый годъ въ главныхъ городахъ кантоновъ поочередно. Мѣстный отдѣлъ общества натуралистовъ (section vaudoise) собирался ежемѣсячно, и Лагарпъ былъ постояннымъ посѣтителемъ и душой этихъ собраній, возбуждалъ вопросы, руководилъ преніями, дѣлился новѣйшими извѣстіями, заимствованными изъ множества получаемыхъ имъ періодическихъ изданій французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ и изъ обширной переписки его съ извѣстнѣйшими натуралистами, и также весьма часто сообщалъ свои личные наблюденія и опыты, составленныя имъ самимъ замѣтки и цѣлыя статьи. Таковы: описаніе восхожденія на Везувій въ 1829 году, содержащее въ себѣ много новыхъ и любопытныхъ подробностей, съ изображеніемъ различныхъ кратеровъ, сильно измѣнившихся въ сравненіи съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ видѣлъ ихъ Лагарпъ во

время перваго своего путешествія въ Италію въ 1781 году[108]).— Опыты, произведенные надъ китайскимъ рисомъ — (Oriza sativa montana).—Объ отложеніяхъ, замѣчаемыхъ у рѣкъ въ Швейцаріи, и о сходствѣ ихъ съ подобными явленіями въ Исландіи и на берегахъ Азовскаго моря.—Отчеты о собраніяхъ Гельветическаго общества естественныхъ наукъ въ Ааргау и Солотурнѣ, и др.[109]).

Занятія естественными науками не поглащали всего времени неутомимаго труженика. Онъ отзывался печатнымъ словомъ на всѣ крупныя явленія общественной жизни, и до послѣдней возможности, именно до потери слуха, не покидалъ общественной дѣятельности, будучи избранъ депутатомъ въ совѣтъ (grand conseil) и участвуя въ обсужденіи законодательныхъ мѣръ—постоянно въ рядахъ либеральной оппозиціи. Съ искреннимъ сочувствіемъ привѣтствовалъ онъ, въ своихъ многочисленныхъ брошюрахъ, нововведенія, подымающія уровень умственной и политической жизни народа, и защищалъ ихъ отъ нападокъ со стороны людей близорукихъ, отсталыхъ и равнодушныхъ къ успѣхамъ разума и его побѣдамъ надъ невѣжествомъ.

— Напрасно возстаютъ, — говоритъ Лагарпъ, — противъ духа вѣка и называютъ его пагубнымъ. Духъ вѣка просвѣтилъ наши религіозныя понятія и очистилъ ученіе о нравственности отъ искажавшей его примѣси. Въ наше время теологія не смѣшивается болѣе съ религіей: эти обѣ отрасли, воздѣлываемыя людьми, владѣющими обширными знаніями и свѣтлымъ умомъ, не различаются по своей методѣ отъ наукъ положительныхъ. Тому же духу времени обязаны мы политическою экономіей, которая взвѣшиваетъ на вѣсахъ справедливости, истины и разума права и обязанности властителей и народа; хотя и называютъ ее наукою плебеевъ, но всѣ и каждый изъ патриціевъ стараются ознакомиться съ ея началами, чтобы не уронить себя въ общественномъ мнѣніи. Духъ вѣка вдребезги разбилъ старыя нелѣпости, старыя притязанія, старые предразсудки. Отнынѣ тѣ, которые призваны къ управленію, будь они короли, министры или выборные изъ народа, должны быть воспитаны какъ люди и дѣйствовать какъ полезные граждане. Духъ вѣка видитъ величіе только въ геніальности, знаніяхъ и добродѣ-

тели, а славу — въ полезныхъ открытіяхъ и великихъ заслугахъ передъ обществомъ [110]).

Полагая, что для швейцарскихъ юношей знакомство съ исторіей Швейцаріи не маловажнѣе свѣдѣній объ ассиріянахъ, вавилонянахъ и мидянахъ, Лагарпъ написалъ, въ видѣ учебника, воспоминанія изъ швейцарской исторіи, въ вопросахъ и отвѣтахъ:

Вопросъ: Съ какого времени существуетъ Гельветическая конфедерація?

Отвѣтъ: Съ 1308 года—достопамятной эпохи первой революціи.

Вопросъ: Какъ называютъ 1798-й годъ?

Отвѣтъ: Годомъ второй революціи.

Вопросъ: Гдѣ жили baillis и вассалы имперіи?

Отвѣтъ: Въ укрѣпленныхъ замкахъ, изъ которыхъ выходили, чтобы воевать съ сосѣдями или грабить проѣзжихъ, особенно купцовъ, и разорять жителей равнинъ, которыхъ они подчинили своей власти, давъ имъ презрительное названіе рабовъ и подлаго народа (vilains).

Вопросъ: Эти угнетатели отличались ли хоть какими нибудь достоинствами, заслуживающими уваженія?

Отвѣтъ: Никакими. Они не умѣли ни читать, ни писать, и для всякаго рода сдѣлокъ прибѣгали къ духовенству, которое менѣе невѣжественно. Занимаясь постоянно войнами, они возлагали всю тяжесть труда на побѣжденный народъ, и если угнетаемые осмѣливались роптать, ихъ сажали въ подземелья и предавали мучительнымъ пыткамъ. Это - то время варварства и гнета называютъ вѣкомъ рыцарства! [111]).

На закатѣ дней своихъ Лагарпъ писалъ о судѣ присяжныхъ и защищалъ свободу печатнаго слова, называя его зеркаломъ истины, отражающимъ заблужденія и ошибки. Окончательно распростившись съ общественною дѣятельностью, Лагарпъ провелъ послѣдніе годы своей жизни въ тихомъ семейномъ кругу, не разставаясь съ своими старыми друзьями — книгами и растеніями. За нѣсколько дней до смерти онъ снималъ географическую карту, приложенную къ описанію какого-то путешествія, и писалъ свои мемуары.

30-го марта 1838 года скончался Лагарпъ. «Свалился старый дубъ, украшавшій родную скалу», день кончины Лагарпа

есть и будетъ днемъ печали для Ваадтскаго кантона, говорили признательные соотечественники умершаго, почтившіе память его всевозможными знаками уваженія и сочувствія. Сама собою возникала мысль о сооруженіи ему памятника; въ журналахъ появилось теплое воззваніе къ согражданамъ; въ пользу подписки издано нѣсколько музыкальныхъ пьесъ на тему: много онъ потрудился — имѣетъ право отдохнуть и др. [112]). Въ 1844 году поставленъ въ Роллѣ на маленькомъ островѣ, прозванномъ островкомъ Лагарпа, памятникъ, самый простой и незатѣйливый, какъ скромная дань республиканцу отъ республиканцевъ. Иного рода памятникъ Лагарпу сохранился въ Лозаннѣ: это — его богатые вклады въ публичную библіотеку, въ народный музей и многіе другіе дары его на пользу и просвѣщеніе своихъ согражданъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

1-e Mémoire remis le 10-e juin 1784 au comte Soltykof, nommé gouverneur en chef des jeunes Grands Ducs, présenté à S. M. I. Cathérine II avec ses ratures et apostillé par elle.

Pour répondre à la demande de S. E. M-r le général de Soltykof, j'ai l'honneur de lui présenter le mémoire suivant, qui contient:

1. La note des objets sur lesques je pourrais donner des leçons.
2. La note des moyens généraux à employer.
3. Quelques réfléxions générales.

I.

Objets sur lesquels je pourrais donner des leçons:

1. *La langue française.*
2. *La géographie.*
3. *L'histoire,* celle de la Russie exceptée, vu que jusque à ce moment les vraies sources m'en sont inconnues.
4. *La philosophie.* Sous ce nom, qui comprend tant de choses, je ne comprends ici que les objets suivants:
   1) *L'art de bien raisonner.*
   2) *La connaissance de l'homme,*— sciences connues sous le nom de logique et de métaphysique, mais qui ne

doivent pas effrayer ensuite de l'explication que j'en donnerai ci-dessous.

3) *La morale* ou la science qui traite des principes d'où dépendent les devoirs de l'homme dans la société, jointe à la connaissance des principes généraux des lois.

4) *L'histoire de l'ancienne et de la nouvelle philosophie,* envisagée comme une espèce de catologue des grandes vérités admises dans toutes les sciences par tous les hommes, et des erreurs dont l'humanité a été affligée jusque à nos jours.

Je ne comprends pas ici deux autres branches de la philosophie:

1. *Les connaissances mathématiques,* telles que l'arithmétique, les éléments de la géométrie et de l'algèbre, la trigonométri etc. parce qu'il y a déjà une autre personne pour les enseigner.

2. *La physique,* surtout *la phisique expérimentale,* parce que les principes de cette grande science, si intéressante à connaître, ne peuvent être mieux exposés que par l'un des membres de l'académie impériale des sciences, appelés à en faire leur unique étude.

II.

Moyens à employer.

Avant que d'entrer en matière je prie Votre Excellénce de me permettre les réfléxions suivantes:

1. Les moyens que je vais indiquer ne sont que des moyens généraux.

2. Afin que ces moyens généraux ne conduisent pas à des erreurs, il faudra les varier suivant les circonstances, les talents et le caractère de monseigneur le grand duc Alexandre, ce qui devant être le fruit d'une expérience bien réfléchie et ne pouvant être connu qu'après avoir observé longtemps ce jeune prince, ne peut aussi être prévu par des mésures plus particulières, qui pourraient dans la suite se trouver très erronnées et devraient recevoir de grandes corrections.

3. Ces moyens doivent se combiner, ce qui revient à ceci, savoir, que monseigneur pourra être instruit dans différentes sciences à la fois. Mais la désignation précise de celles de ces sciences, qui doivent s'accompagner, dépendant uniquement de la force d'attention de monseigneur, de ses connaissances et de son temps, il faudra renvoyer à faire ce supplément jusque à ce que l'on ait fait quelques expériences.

4. Les livres que j'indiquerai ci-dessous ne sont cités qu'afin de montrer les sources où je puiserai, jointes à ma méthode, et qu'afin que mes sentiments soient tellement connus, que je ne courre point le risque de tromper ceux qui ne me connaissent pas encore suffisamment.

Je prie V. E. de ne pas perdre ces réfléxions de vue, parce qu'elles sont les conditions auxquelles je dis ce qui va suivre.

Langue française.

L'usage doit en être le premier maître, d'abord parce que ce moyen est le plus prompt et puis parce qu'il s'emploie sans que l'élève s'en doute, ce que lui évite le désagrément de perdre, à acquérir la connaissance d'un instrument, un temps qui serait mieux employé ailleurs.

Mais on essayerait en vain d'introduire cet usage si l'élève n'en éprouvait pas la nécessité, or *monseigneur n'est point dans ce cas avec moi.* 1) Je ne suis avec lui que de deux jours l'un, et je suis le seul qui ait une vocation directe de lui parler français. 2) Je ne dois et ne puis être son camarade de jeux; par conséquent il a peu d'occasions d'avoir à faire à moi. 3) Tous ceux, qui l'entourent, parlant sa langue, il trouve partout une réponse prête, et il ne peut sentir la nécessité de me comprendre ou celle de se rendre intelligible à son tour. Je n'entrevois que deux moyens pour pârer à cet inconvénient, qui me parait très grand. Le premier serait, que M-r *Claudi,* auquel monseigneur est accoutumé et qui est intelligent, pût se résoudre à ne lui parler que français, mais la grande habitude qu'il a de parler russe à monseigneur depuis son enfance me fait craindre que la chose ne soit presque impossible, surtout dans les commencements. Le second

moyen serait de placer auprès de monseigneur un jeune homme de son âge ou même plus âgé que lui, qui ne sût que le français, fut de ses jeux et participât à ses leçons. Il va sans dire que le choix d'un jeune homme pareil ne peut pas être fait au hazard et n'est pas facile, mais s'il était une fois fait je suis presque assuré qu'en moins de trois mois monseigneur entendrait assez le français pour prendre part aux conversations françaises et pour recevoir des instructions ultérieures données dans cette langue aulieu qu'il pourrait s'écouler une ou deux années avant qu'il en fut capable, si l'on s'en tient à ce qui a été pratiqué jusqu' à present, sans parler des désagrements qu'on lui aura procurés en lui faisant une étude particulière de ce qui devrait n'être pour lui qu'un jeu d'après l'instruction même de S. M. I.

Une fois familiarisé avec les sons français monseigneur parviendra bientôt à lire et à écrire couramment. Ce n'est que quand il sera déjà avancé qu'on pourra lui proposér les premières règles de l'orthographe et quelques réflexions générales sur la valeur des mots, sur leurs noms, qualités etc.

La meilleure grammaire d'une langue cultivée est la lecture des livres écrites par ceux qui l'ont formée. En apprenant la géographie et l'histoire monseigneur aura déjà eu l'occasion d'accoutumer ses oreilles aux sons du langage correct, il aura lu quelques bons livres, et les idées philosophiques, qu'on lui aura inspirées en passant, l'ayant accoutumé à refléchir, il n'éprouvera ni les dégouts, ni les difficultés qu'essayent ceux auxquels on fait étudier de trop bonne heure les *règles générales du langage:* il ne verra enfin dans la grammaire qu'un recueil d'observations déduites d'une multitude de faits qui lui sont déjà connus, rédigées seulement en ordre pour y avoir plus facilement recours au besoin.

Un des meilleurs ouvrages en ce genre est celui que l'abbé de Condillac, l'un des philosophes les plus sages du siècle, avait composé pour l'éducation de l'infant duc de Parme.

Quoiqu'il n'y ait rien de décidé au sujet du latin, V. E. voudra bien me pardonner d'en toucher quelque chose en passant, vu qu'il en est parlé dans l'instruction de S. M. I.

S'il s'agissait de l'éducation d'un particulier, il y aurait les raisons les plus fortes pour insister sur la nécessité et les

avantages de la langue latine, mais ces raisons ne sont plus les mêmes dans le cas présent. L'étendue des devoirs d'un prince destiné à jouir un jour du pouvoir absolu est trop grande, et le temps qu'il a pour s'en instruire est trop court pour qu'il puisse, sans crainte de négliger des connaissances plus importantes, en donner une partie à l'étude d'une langue dont-il pourrait bien ne retirer aucune utilité. Ce ne serait qu'après s'être bien pénétré des connaissances directement nécessaires à son état, tant comme simple citoyen que comme prince, et en ayant la conviction intérieure de n'avoir rien négligé pour n'être pas pris au dépourvu, que monseigneur pourrait apprendre le latin, et alors il n'aurait pas beaucoup de peine pour y réussir.

Géographie.

Cette science me parait être l'une des plus propres à accoutumer monseigneur à une occupation sérieuse. Ainsi que j'ai eu l'occasion de l'observer avec les cartes découpées, les cartes géographiques ne paraitront d'abord être que de nouveaux jouets. Il n'est pas naturel que monseigneur comprenne sitôt ce qu'elles doivent représenter et ce qu'elles sont, mais il suffit dans les commencements qu'il se familiarise avec elles: le temps viendra ensuite de lui expliquer les principes géometriques, physiques et astronomiques sur lesquels la géographie est fondée.

Pour me faire comprendre de monseigneur je lui mettrais d'abord sous les yeux la carte exacte des objets les plus familiers et qu'il connait parfaitement, p. ex. plan de son jardin, celui des différentes parties de Zarskoe-Selo, le grand plan qui les comprend toutes etc. Après s'être assez familiarisé avec ces plans pour reconnaître toujours le véritable lieu des objets, il me semble qu'il concevrait le *pourquoi* d'un plan, et s'il le concevait, il ne serait plus embarrassé lorsque je lui montrerai le plan de Pétersbourg et de ses environs, les cartes de l'Ingrie, de la Finlande, de la Livonie et des autres provinces voisines.

Cela fait, prenant la grande carte de l'empire de Russie, je lui ferais observer la distribution des provinces, leurs prin-

cipales villes, les rivières qui les arrosent etc., mais sans entrer de trop grands détails. De là je passerai aux états voisins de la Russie en commençant par l'Europe, et je parcourrais les autres parties du monde plus pour que les noms principaux demeurassent gravés dans sa mémoire dans un âge où l'on retient si vite, que pour autre chose, et en ayant le soin de me borner aux objets les plus saillants. S. A. I. ayant fait pour ainsi dire ce cours *physiquement*, par la ceule inspection des cartes, les impressions en demeureront ineffaçables, et il en résultera une connaissance des différentes parties de la terre, générale il est vrai, mais suffisante pour le moment.

Ce premier cours fini, on pourrait hazarder (si monseigneur y avait été préparé par quelques idées précédentes) de lui montrer les différentes cartes qu'il connait réunies sur un globe et l'accompagner de quelques réfléxions générales rélatives à la forme du globe, aux cercles qui le coupent, à la diversité des climats, à l'enégalité des jours qui en résulte etc., mais il faudrait être bien sûr d'être compris. M-r *Sultzer*, professeur à Berlin, a publié sur cet objet une brochure de peu de pages qui contient l'essentiel de ce qu'on aurait à dire.

Après avoir acquis cette connaissance générale je ramenêrais monseigneur sur ses pas, en commençant par la Russie, mais comme les livres étrangers me sont suspects sur cet article, il serait bien à propos d'avoir d'avance tout ce qui peut y suppléer, comme cartes, mémoires, etc. afin de *n'emettre rien d'essentiel* et de ne *rien dire d'inutil.*

A la géographie de l'empire de Russie succéderait celle des états européens, en commençant par les états limitrophes et ensuite la déscription des autres parties du monde. *Busching* serait le directeur que je choisirais, mais je me bornerais à consulter son grand ouvrage qui est trop volumineux, et je m'en tiendrais pour l'usage journalier à l'abrégé qui en a été fait en Suisse par un homme de bon sens.

Histoire.

Tout citoyen qui se destine à être utile à son pays dans le maniement des affaires publiques doit étudier l'histoire; à

plus forte raison doit-elle être l'étude d'un prince, mais il faut tellement la diriger pour celui-ci qu'il n'y puise pas des principes dangereux. On ne doit jamais oublier qu'Alexandre, né avec un beau génie et doué des qualités les plus brillantes, ne ravagea l'Asie et ne commit tant d'horreurs que pour avoir voulu imiter les héros d'Homère; que Jules César ne se porta au crime de détruire la liberté de sa patrie que par émulation pour ce même Alexandre; et que de nos jours la lecture imprudente de *Quinte Curce* fit d'un roi du nord, doué d'ailleurs de qualités héroiques, le tyran de ses sujets et le fléau de plusieurs millions d'hommes.

Histoire ancienne.

Il me paraît indispensable d'en faire une étude particulière:

1) Pour l'ordre d'abord: parce qu'elle est la clef d'une multitude d'événements inexplicables sans elle et parce que tous les livres d'histoire la rapellent et se fondent sur elle.

2) Elle est *intéressante*, en ce qu'elle nous conduit presque jusqu'à l'origine des sociétés. Elle est la reponse à ces questions qui s'élèvent dans l'âme de l'homme: *d'où suis-je venu et pourquoi suis-je distingué de mes semblables?* Questions que tout homme sensé et surtout un jeune prince ne peut se faire trop souvent.

3) Elle est *instructive* par les ressources prodigieuses qu'elle présente.

L'antiquité a travaillé longtemps et péniblement pour nous: c'est à elle que sont dus les arts et les sciences. Mais bien que nous ayons été plus loin que l'antiquité dans plusieurs connaissances, nous sommes tellement demeurés en arrière dans les autres, qu'il faut recourir à elle pour s'en instruire. S'il fallait des preuves j'en appellerai à la morale simple et touchante prêchée par les anciens sages, à la sublimité de leur éloquence, la manière noble dont ils ont écrit l'histoire, à la sagesse de leurs loix, surtout à leurs principes sur l'éducation, la plus propre à former de bons citoyens, à leur amour et à leur dévouement pour la patrie etc. Aucune histoire, j'ose

le croire, ne donne des leçons plus utiles, mieux présentées et avec cet intérêt qui va au cœur; aucune ne nous fait converser avec un plus grand nombre d'habiles gens dans tous les genres et ne le fait avec autant de briévété. A Dieu ne plaise cependant que je veuille mépriser les ouvrages des modernes ou leurs grands hommes! Je suis juste envers les anciens et rien de plus.

Parmi les nombreux cours d'histoire ancienne il faudra s'attacher d'abord à celui qui, exempt de discussions frivoles, rassemblera les événemens les plus remarquables et les présentera avec le plus de clarté. Les français ont deux ouvrages modernes l'un et l'autre capables pour remplir ce but: les *Eléments d'histoire ancienne et moderne* par l'abbé *Millot* et le cours d'histoire composé par M. de *Condillac* pour l'éducation de l'infant duc de Parme. Tous les deux sont écrits par des hommes d'un grand mérite. Je les préférerais (comme direction dans la méthode et dans l'ordre des faits) à *Puffendorf* qui est trop savant pour un novice et au *Discours sur l'histoire universelle* du célèbre *Bossuet* trop éloquent pour un commençant et trop traité d'après les idées théologiques du siècle de la révocation de l'édit de Nântes.

La lecture (et pour éviter toute ambiguité j'appelle ici du nom de *lecture* ce qui n'est proprement qu'une direction puisée dans un ouvrage rélatif au sujet dont on s'occupe — opération qu'il ne faut pas confondre avec une *lecture de suite*). La lecture de l'un ou de l'autre de ces cours, dis-je, devra être suivie de celle d'un second plus étendu et surtout plus détaillé sur les mœurs et les actions des grands hommes afin que ces faits particuliers puissent s'imprimer de bonne heure dans la tête du jeune prince et lui servir de texte lorsqu'il commencera à réfléchir sur les connaissances qu'il aura acquises. Malgré tous ses défauts l'un des méilleurs ouvrages de cette espèce est celui de *Rollin*, si l'on a la précaution d'épargner à monseigneur les réfléxions trop fréquentes de l'auteur. Tout ce qui concerne l'histoire des anciens peuples est à peu près contenu dans cet ouvrage, à l'exception de ce qui regarde la Chine, sur laquelle on n'a des mémoires raisonnables et assurés (à ce qu'il paraît) que depuis peu d'années. Les commencements de cette monarchie, la plus puissante et

la plus ancienne qu'il ait, sont intéressants pour tout homme qui pense, et les sages maximes d'après lesquelles elle se gouverne depuis près de 4.000 ans ne peuvent être indifférents à un prince dont les états en sont voisins. Aucun livre moderne ne pouvant se servir de direction dans cette partie, j'ai taché d'ÿ suppléér par des extraits abrégés tirés des matières les plus intéressantes de recueil en 9 volumes intitulé *Mémoires sur les Chinois,* ouvrage marqué au coin de la vérité.

J'accompagnerais le second cours d'histoire ancienne de la lecture des *Vies des hommes illustres* de *Plutarque,* en observant seulement de ne pas commencer par les vies de ces personnages qui ne sont fameux que par l'abus qu'ils ont fait des talents les plus précieux et dont l'exemple, instructif pour les hommes sages, pourrait gâter un coeur encore trop jeune pour avoir cette défiance et cette retenue si nécessaires lorsqu'il faut mésurer le mérite et les actions des grands hommes. Je chosirais donc principalement parmi les vies des hommes illustres celles de ces hommes, qui, nés loin du trône, ont brillé par le seul éclat de leurs talents, de leurs vertus et de leurs grandes actions, et se sont acquis la vénération de leurs contemporains et les justes éloges de la postérité. Les grands hommes dont je veux parler ici sont: *Lycurque, Numa Pompilius, Solon, Publicola, Camille, Fabius Maximus, Paul Emile, Timoléon, Aristide, Caton le censeur, Philopoemen, Sertorius, Phocion, Caton, d'Utique, Agis et Cléomene,* les *Gracques, Ciceron, Dion, Marc Brutus Aratus* et le 1-r *Brutus.* Je renverrais la lecture du reste à l'époque où l'esprit de monseigneur étant affermi par des principes solides, il pourra juger sainement par lui-même. Je conseillerais après le second cours conjointement avec *Plutarque,* qui n'éxige pas d'être lu de suite, la lecture des *Révolutions romaines* par *Vertot,* et après celle des *Causes de la grandeur et de la décadence des Romains* par *Montesquieu.* ou l'ouvrage publié depuis peu en anglais sur les mêmes objets par M. *Gibbon,* ouvrage qu'on met au premier rang des meilleurs de ce siècle.

Condillac et *Millot* conduisent à nos jours, en sorte que monseigneur aura déjà par eux une idée de l'histoire moderne et ne sera pas étranger dans le monde où il vit, lorsqu'on le

ramenera vers l'antiquité pour la mieux connaître. Mais ils sont un peu abrégés. *Rollin* ne va que jusque à la fin de la république romaine. *Crèvier*, son continuateur, est d'une longueur assommante: on ne peut guère que le consulter lorsqu'on a besoin de plus grands éclaircissements. *Suétone* et *Tacite* ne doivent être lus que dans un âge où la raison est affermie. Il faut donc suppléer à ces lacunes par des notes ou simplement en commentant le premier cours dont on aura fait usage.

Histoire moderne.

L'histoire du Bas-Empire, écrite par M. *le Beau* est celle qu'il faut adopter pour l'ordre à l'aide d'extraits qu'il en faudra faire, afin d'avoir une idée de la situation de l'Europe jusque à l'avènement de *Charlemagne* au trône et au rétablissement de l'empire d'occident. Cette histoire commençant depuis cette époque à intéresser l'empire de Russie, il conviendrait peut-être de la poursuivre sinon jusque à la décadence de l'empire d'orient, du moins jusque à l'époque où Volodimir emprunta des Grecs la religion régnante en Russie. Après l'histoire du *Bas-Empire* je mets au premier rang l'histoire de certains pays qu'on peut appeler du nom *d'histoire domestique* relativement à S. A. I., par exemple: *l'histoire de Russie, l'histoire de l'empire germanique*, celle de *Danemarc* et celle de *Suède.*

Histoire de Russie.

Quoique je connaisse ce qui en a été écrit de mieux par les étrangers, j'ai de bonnes raisons pour croire que je ne la connais que fort mal, mais je serais charmé de pouvoir rectifier mes connaissances si l'on voulait bien m'en fournir les moyens? l'instruction de S. M. I. semble du moins donner le droit de l'espérer

En Russe et en Allemand on pourra dès à présent fournir ce qui s'écrit sur l'histoire de Russie dont sans doute il faudra faire des extraits. (Note de la propre main de S. M. I. Cath. II).

Histoire Germanique.

Elle ne peut être ignorée par un prince qui est membre de l'empire par sa naissance, et elle tient d'ailleurs essentiellement à l'histoire de tous les états de l'Europe. Le *nouvel abrégé chronologique de l'histoire et du droit public d'Allemagne* de M. *Pfèffel* est par sa brièveté et par son bon choix l'un des plus propres à exposer tant les évenements remarquables de cette histoire, que la constitution politique de l'Allemagne. Dans la suite, mais plus tard, on y joindra *l'histoire de Charles V* par *Robertson* et, si le temps le permet, Mascov's (?) Geschichte der Deutschen, ouvrage fort court, composé par un très habile homme.

Danemarc.

La meilleure histoire qu'on en ait, est celle d'un genèvois M. *Mallet*, appelé en Danemarc pour cet objet. *Les lettres sur le Danemarc*, en un volume, ouvrage d'un homme d'esprit, vivant actuellement dans ma patrie, sont très propres à donner une idée de l'ancienne constitution du royaume et de la nouvelle constitution établie en 1660 par *la loi royale.*

Suède.

Puffendorf en a écrit l'histoire et l'abbé de *Vertot* en a écrit les *Révotutions*, qui suffiront pour instruire monseigneur. Quant à l'histoire de cette monarchie dans ce siècle, on en traitera les principaux événements en parlant des états voisins et le reste, surtout depuis le changement arrivé dans la constitution il y a peu d'années, pourra dans le temps être suppléé par des mémoires.

Je ne connais aucune bonne histoire de la *Pologne;* cependant pour suppléer à ce que l'histoire de la Russie ou de la Suède n'aura pas dit, on pourra recourir ou à *Puffendorf* ou à l'article de la Pologne dans *l'histoire des royaumes du nord* Mr. *Naruszevicz*, coadjuteur titulaire de Smolensko, homme d'esprit connu par des ouvrages estimés parmi ses compatriotes, est occupé en ce momont à écrire l'histoire de sa patrie. Il y a plus d'une année qu'il avait passé le règne

de Casimir le Grand, et il faut espérer que son ouvrage sera non seulement achevé, mais traduit avant l'époque où monseigneur sera en état de le lire: j'en ai ouï faire les plus grands éloges.

Cette partie de l'histoire moderne, dont la connaissance est *essentielle* à monseigneur, étant parcourue, je lui mettrais sous les yeux l'ouvrage de Mr. *Totze: Ueber den Zustand Europas,* traduit en plusieurs langues, ouvrage qui traite sommairement et comparativement de la constitution des puissances, de leurs forces, commerce, produits etc.

Muni des ces connaissances monseigneur pourrait passer à l'histoire particulière des principales nations de l'Europe, surtout à l'histoire de celles qui sont les plus distinguées par leur puissance, par les sciences et les arts et avec lesquelles la Russie soutient le plus de rélations.

Je mets au premier rang *l'histoire d'Angleterre* écrite par *Hume* et je désirereis que monseigneur pût un jour la *lire de suite,* soit dans l'original, soit dans l'excellente traduction française qu'on en a. Le seul bon livre propre à faire connaître la constitution de l'Angleterre est de l'aveu même de l'illustre lord Mansfield, bon juge en cette matière, celui d'un genèvois, Mr. *De Lolme.*

Vient après l'histoire d'Angleterre celle de la *France,* non moins intéressante, si elle eût été écrite par des *Daguesseau,* des *Montesquieu* ou des *Malhesherbes.*

Enfin après celle-ci vient l'histoire de la *révolution des Pays-Bas* décrite par *Watson* dans *l'histoire de Philippe II.*

Je n'entrerai point dans de plus grands détails comme étant inutiles et déplacés dans ce moment: je renverrai de le faire lorsque la capacité de S. A. I. me sera mieux connue et lorsque ma vocation étant détérminée, on l'exigera de moi.

Quant à la *chronologie* je ne l'envisage que comme un moyen quelconque de conserver l'ordre des faits, et tout système, fut-il même erronné, me parait indifférent, pourvu seulement qu'il mette de l'ordre dans les événements. L'un des meilleurs livres à consulter sur cette matière est celui de *Langlet du Fresnoy,* intitulé *tablettes chronologiques* etc.

Philosophie.

Lorsque Marc-Aurèle monta sur le trône on vit réaliser cette prédiction des sages, que les peuples seraint heureux s'ils étaient gouvernés par un prince philosophe. Sans doute il ne s'agit pas ici de cette science oiseuse si mal à propos honorée du nom de philosophie, qui ne s'occupe que des disputes et de jeux de mots et qui cherche à ébranler dans l'âme des faibles les principes sur lesquels repose la félicité publique. La véritable philosophie est la connaissance réfléchie de tout ce qui peut véritablement contribuer au bonheur en remplissant les devoirs de son état, et celui-là est philosophe, dont la conduite est conforme à cette connaissance qu'il a de ses devoirs. Demander donc s'il est besoin qu'un prince soit philosophe c'est demander à mon avis s'il doit chercher à connaître ses devoirs, s'il doit se rendre capable de les remplir, en un mot *s'il doit être bon citoyen*... or il n'y a personne qui en doute.

Mais la philosophie dans le sens où elle est particulièrement prise ici n'est pas d'une aussi grande étendue. C'est une partie de cette vaste science destinée seulement plus directement à fournir les principaux moyens de parvenir à la connaissance de ses devoirs et c'est prise comme un tel *moyen* qu'elle fait partie de l'éducation.

Je comprends ici sous cet article:

1) *L'art de raisonner juste* non point tel que l'enseignent avec ennui les logiciens en titre, mais déduit d'observations et reduit à un petit nombre de règles incontestables prouvées par l'expérience.

Les livres écrits méthodiquement et qui offrent un enchaînement de vérités bien reconnues dépendantes les unes des autres sont les meilleurs maîtres de raisonnement. C'est pour cela aussi que l'étude des sciences éxactes (les mathématiques etc.) en forçant l'esprit à ne marcher qu'à l'appui des preuves, des observations et des faits, a l'avantage de le rendre juste. Lorsque monseigneur aura pris l'habitude de *poser toujours des faits pour base de ses jugements* et celle de suspendre ses décisions par le défaut des preuves: lorsqu'en un mot la marche de son esprit sera mathématique, alors on pourra lui

raconter sans péril, s'il en a le temps, et par forme de récréation les sottises subtilement-inventées et péniblement enseignées par les pauvres humains, dans l'idée de raisonner juste, mois ce ne sera qu'un simple récit et jamais l'objet d'une étude particulière.

2. L'art *de bien raisonner* conduit à savoir ce qui raisonne en nous. Il n'y a aucun homme qui ne se surprenne quelques fois méditant une réponse à ces questions: *qui suis je? d'où viens je? et que fais je?* Les absurdités par lesquelles on y a répondu sont sans nombre, cependant il impose que monseigneur n'y fasse pas aussi une réponse de cette espèce; plutôt que de demeurer dans l'ignorance l'esprit adopte volontiers les absurdítés débitées par d'autres. Le don de suspendre ses décisions n'est pas celui de la première jeunesse.

C'est au livre du sage *Locke* sur *l'entendement humain* que monseigneur devra recourir pour ne pas s'égarer. Semblable au dessinateur qui pose dans le milieu de son atelier la statue qu'il veut copier afin de pouvoir l'éxaminer de tous côtés, ce grand homme se rendit lui-même le sujet de ses propres recherches. Après avoir observé l'origine de ses idées et leur progression, après avoir assigné les causes de nos erreurs et de nos faux jugements, il sut s'arrêter là où le flambeau de l'expérience cessait de luire. Modeste avec un génie supérieur il osa avouer son ignorance. Il ne prononça pas même que d'autres ne pourraient aller plus loin que lui, mais il montra qu'en demeurant là où il était resté, et en faisant un bon usage de leur raison, les hommes étaient en état de connaître tout ce qui importait à leur bonheur. C'est la marche assurée de cet homme de génie, c'est sa candeur, sa retenue, que je désirerais faire connaître à monseigneur dans l'espérance que l'impression lui en resterait pour la vie.

Si le temps manquait, je me retrancherais à lui faire connaître l'ouvrage en un seul volume publié par *Condillac* sur *l'origine des connaissances humaines*, l'un des meilleurs et surtout des plus *raisonnables* qu'on ait écrit sur ces matières. La bibliothèque d'un prince doit être peu nombreuse, mais composée de ces ouvrages qui ont servi à diriger son éducation, qui contiennent les vrais principes relatifs à son état et dont le souvenir ne se perd pas: quand aurait-il le temps

d'en lire un plus grand nombrè? et pourquoi lirait-il les indifférents ou les mauvais?

3. Après avoir appris à bien connaître soi et les autres, quoi de plus naturel que de rechercher les relations qui subsistent entre eux et nous!.. C'est là l'objet de la *morale, science pratique et d'un usage journalier,* sans quoi elle eût aussi été pervertie.

Il serait triste sans doute de ne devoir ses principes moraux qu'aux ouvrages qui traitent de la morale, mais il est pourtant vrai que sans un système, qui lie ces principes entre eux, en les rapporant à un petit nombre de vérités incontestables, en faisant sentir leur dépendance absolue de ces vérités et en déduisant l'obligation indispensable de se conduire dans toutes les circonstances conformément à elle: il est pourtant vrai, dis je, que sans un système pareil, l'homme, même le plus honnête, peut flotter au hazard et se porter par l'ignorance à des choses qu'il n'eût certainement jamais entreprises, s'il eût vu combien elles contredisent aux principes qu'il reconnait en son cœur.

On pourra choisir pour guides ou les *Principes du droit naturel par Burlamaqui,* ouvrage court et fort bien écrit, ou les *Devoirs de l'homme et du citoyen,* ouvrage célèbre de *Puffendorf.* Je désirerais d'avoir une traduction des *Offices de Ciceron,* qui fut propre à rendre sensible le ton touchant des anciens sages, lorsqu'ils parlaient de la *morale,* et l'importance qu'ils attachaient à cette science: je désirerais enfin que cette traduction fit voir la grande âme de cet homme illustre, le plus éclairé et le plus éloquent de son siècle et qui mérita parmi tant de rivaux et dans une époque fertile en grands personnages le titre de *père de la patrie,* le plus glorieux qu'un homme puisse recevoir de ses égaux. Les *Réfléxions* de l'empereur *Marc-Aurèle* doivent aussi appartenir à cet article; elles font aimer la vertu et l'humanité et l'on est charmé de connaître celui qui les a écrites.

4. A la suite de la *morale* ou du *droit de la nature et des gens* je mets la connaissance de l'origine des sociétés civiles et des principes, qui, s'il n'ont pas contribué à les former, en sont du moins devenus les fondements.

Les vérités historiques et philosophiques acquises par S.

A. I. jusque à cette époque trouveront particulièrement ici leur application, puisque cette connaissance doit principalement consister dans des observations résultantes des faits qui lui seront déjà en grande partie connues.

Il est nécessaire à tout bon citoyen de connaître ces principes, mais il l'est surtout qu'un prince s'en pénètre de bonne heure. Il y verra qu'il fut au moins un temps où les hommes étaint égaux, que si les choses ont changé depuis, ce ne peut jamais avoir été pour livrer le genre humain pieds et poings liés aux caprices d'un seul homme, et qu'il y a eu des monarques absolus assez généreux et assez vrais pour faire cet aveu public à leurs sujets... *Nous faisons gloire de le dire, Nous n'existons que pour nos peuples* [1]).

Je choisirais encore pour guide l'ouvrage de *Locke jur le gouvernement civil* et je me servirais des *éléments du droit public de l'Europe* par *Mably* pour donner à monseigneur une connaissance des différens traités qui ont eu lieu jusque à nos jours: ce serait pour ainsi dire une récapitulation de ce qu'il saurait sur l'histoire moderne.

5. Tout bon citoyen doit de plus:

1) Avoir une connaissance des *principes généraux des lois*, par où j'entends une connaissance réfléchie et bien ordonnée des principes généraux des lois de la nature, appliqués aux établissemens communs à tous les peuples, tant en matière *civile* et *criminelle* qu'en matière *de police:* cette connaissance pourrait s'appeler la *jurisprudence générale.*

2) Il doit de plus *connaître les lois de son pays.* J'entends par là non pas une connaissance fondée sur la seule mémoire, mais une connaissance de l'esprit particulier et des principes de ces lois, tellement ordonnée d'après un système raisonné, qu'elle puisse toujours servir de guide dans les jugemens lorsque les lois sont obscures, contradictoires ou

---

[1]) Ср. Наказъ коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, § 520. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они быть должны (Сочиненія Екатерины II. 1849, I, 116).

muettes. Aucun prince n'est aûtant dans le cas de faire cette étude particulière qu'un prince du sang de Russie, destiné à gouverner un jour une grande monarchie comme *seul législateur* et *seul dernier juge d'appel*.

Quant à la première partie qui regarde les principes généraux des lois, l'ayant étudiée à l'exemple de ceux de mes compatriotes, qui se destinent aux emplois publics, m'en étant occupé sérieusement, et ayant été plusieurs fois appelé dans ma patrie à traiter ses principes publiquement et à les defendre, ce ne sera pas, je crois, présumer trop de mes forces en disant que je puis servir encore de guide à monseigneur sur ce point.

Mais quant aux lois propres à le Russie, n'en ayant aucune connaissance et n'ayant eu ni les moyens, ni le temps de l'acquérir, je suis hors d'état d'en dire un seul mot de certain. Cette connaissance, il est vrai, m'intéresserait beaucoup, mais puis-je espérer de l'acquérir? c'est ce que je ne saurais dire.

Enfin je voudrais finir le *cours de philosophie* par l'histoire tant de l'ancienne que de la nouvelle philosophie, comme étant une récapitulation des objets ci-dessus. *Deslandes* ou le petit ouvrage de *Brouker* pourraient me servir de texte dans les choses essentielles. Muni de principes solides, accoutumé à user sagement de sa raison, monseigneur ne retirera que du plaisir d'une pareille occupation.

C'est ici où finit la note des objets qui pourraient me regarder et dans lesquels je pourrais (si on le veut) donner des leçons. Par conséquent je ne parle pas des mathématiques, parce qu'un autre est déjà désigné pour les enseigner, et je ne me permetterais d'en parler à monseigneur qu'à propos des articles philosophiques ci-dessus et qu'autant que cela serait nécessaire pour lui faire sentir la force des démonstrations mathématiques et l'excellence de leur méthode.

Je ne parle pas non plus de la physique parce que, ainsi que je l'ai dit plus haut, sauf les idées éparses et générales, qu'il en faudra donner quelquefois à propos de la géographie, de l'histoire et des sujets philosophiques, cette science ne peut être mieux enseignée que par un maître exprès. Ceux de monseigneur, les académiciens qui s'en occupent entièrement, sont

plus en état que personne d'en exposer avec clarté et brièveté les principes et de répéter les expériences qui les confirment.

Je terminerai ce mémoire pas les observations suivantes:

1. Il n'est pas possible dans ce moment d'assigner le temps que S. A I. devra donner à l'instruction relativement à son âge et à ses forces. Cette distribution dépend de ce qu'il saura dans quelques mois, de ses dispositions, du développement de ses talens et de plusieurs circonstances.

Je crois en attendant:

1) Qu'un jeune homme doit être accoutumé de bonne heure à mettre de l'ordre dans ses occupations, parce qu'on ne prend jamais l'habitude de réfléchir, en passant subitement d'un objet à l'autre et parce que cette habitude de voir successivement tant d'objets différents, en blasant l'imagination et la curiosité, a encore l'inconvénient de rendre les jugements précipités et par là même presque toujours faux.

2) Que les jeunes gens peuvent très bien être accoutumés à étudier à certaines heures, surtout si ce qu'on a à leur apprendre ne passe pas leur portée et ne leur est pas présenté d'une manière repoussante.

D'après ce que je connais déjà du caractère de monseigneur le grand duc Alexandre, je suis convaincu qu'il ne fera pas une exception à ce principe et qu'il ne sera pas fort difficile, en mélant la douceur à la *fermeté* et en laissant agir sa raison, de l'amener insensiblement à s'occuper à des heures déterminées. L'expérience parait m'en avoir assuré pour l'avenir. En voici un exemple. Votre Excellence se rappelle que le jeudi avait d'abord été le seul jour destiné à la lecture française; cependant insensiblement monseigneur a consenti de lui-même à lire avec moi tous les jours où j'avais mon tour. Ce n'était d'abord qu'une fois par jour, dès lors nous avons partagé l'ouvrage entre la matinée et l'après-dinée, et monseigneur ne se doute pas qu'il a presque doublé son ouvrage. Il est vrai que tout les moments ne sont pas également favorables ou suivis d'un succès égal et que tout cela encore fait très peu, mais il ne m'est pourtant pas arrivé une seule fois d'avoir échoué dans mon dessein, et monseigneur a toujours fini par faire ma volonté. Or, si dans les commence-

ments, si avec aussi peu des moyens de m'aider, si pour l'objet ingrat d'une langue étrangère, j'ai obtenu le sacrifice de certains moments de la journée, ne puis-je pas en conclure que tout le reste est pratiquable, en employant la fermeté et la douceur. Je le crois donc jusques à ce qu'une expérience contraire m'en désabuse.

2) Si un simple particulier n'a point d'ordre dans ses occupations et si pour n'avoir pas appris à fixer pendant quelque temps ses idées sur un sujet il raisonne mal dans la suite, *tant pis pour lui seul.* D'ailleurs le frottement des autres hommes saura le redresser. Partout il trouvera des personnes prâtes à lui donner des leçons et il pourra peut-être même devenir un excellent homme. Mais un prince qui ne serait pas accoutumé au travail et à l'ordre et qui ne serait pas imbu de toutes les connaissances essentielles à son état avant sa 16-e ou 18-e année, serait perdu pour toujours, à moins de circonstances extraordinaires, car où sont-ils ceux qui oseraient corriger le successeur d'une monarchie absolue s'abandonnant à ses passions? Le vertueux Sully élévé avec Henri IV, son ami d'enfance, son camarade et son compagnon d'armes, ce Sully, sans cesse occupé des moyens de rendre sa patrie heureuse, ne fut-il pas vingt fois sur le point de perdre la confiance du meilleur de tous les maîtres et du plus honnête de tous les hommes?

3) La *géographie* d'abord et puis un peu d'histoire: voilà je crois en général par où il faut commencer. On pourrait aussi y joindre quelques récits d'histoire naturelle et, si les forces de monseigneur le comportaient, on pourrait y ajouter quelques notions abregées tirées de la géometrie, surtout de la géométrie pratique. Il doit nécessairement y avoir beaucoup de tâtonnements et d'essais à faire, mais aussitôt que par l'un d'eux l'on aura intéressé la curiosité de S. A. I., il en faudra profiter pour poursuivre régulièrement sa marche et l'accoutumer à l'attention.

Il est impossible de ne transmettre à un élève que des idées qu'il comprenne toutes et qui le conduisent sans lacunes du connu à l'inconnu jusque au bout de la carrière. L'instituteur, doué d'un talent pareil, devant avoir une vue entière non seulement du présent, mais encore du passé et de l'ave-

nir, ne serait pas un homme, mais un Dieu. Il faut s'efforcer, il est vrai, d'être compris, mais il y aura toujours une multitude de faits, mis en réserve dans la mémoire dont l'intelligence n'aura lieu qu'au temps où l'esprit commencera à exercer ses réfléxions sur ce qui est autour de lui.

4) Les connaissances philosophiqes, dont j'ai parlé, formant une partie essentielle de l'éducation d'un bon citoyen, sont de nature à pouvoir être enseignées par une même personne sans qu'on puisse pour cela l'accuser de jactence et de charlatanerie. Je dirai plus. Il y a de fortes raisoń pour que ce soit le même homme qui les enseigne:

1. Parce que les principes de ces différentes connaissances sont les mêmes et parce qu'elles mêmes constituent la *science du citoyen*.

2. Parce que les différentes méthodes, employées par trop de différents maîtres, fatigueraient inutilement l'esprit de S. A. I., y répanderaient le désordre et l'inconstance et empêcheraient les bons principes d'y jeter de profondes racines.

3. Parce qu'il serait à craindre que, comme dans le bourgeois gentilhomme, chacun, exaltant sa patrie aux dépens de celle des autres, ne voulut aussi l'y faire exceller à leur dépens. Or, monseigneur ne doit être ni physicien, ni naturaliste, ni mathématicien, ni géographe, ni grammairien, ni méthaphysicien, ni logicien, ni légiste etc. Mais il doit être honnête homme et citoyen éclairé et savoir de tous ces objets ce qu'il en faut pour les estimer ce qu'ils valent et pour n'être pas exposé à ignorer les devoirs auxquels il est tenu comme prince d'une monarchie où sa volonté seule décidera du bonheur ou du malheur de plusieurs millions d'hommes.

5) Je vous prie V. E. d'excuser si pour m'exprimer mieux je me suis mis quelquefois à la place de la personne, destinée à enseigner ces sciences à monseigneur. J'avais conçu une fois l'espérance d'être employé à quelque chose de plus qu'à donner des leçons de français, et il m'est resté encore quelques ressouvenirs de ce songe agréable [1]).

---

[1]) Celui qui a composé cet écrit parait assurement capable d'enseigner plus que la seule langue française. (De la propre main de S. M. I. Cathérine II).

Si cependant j'étais jugé capable de faire plus, V. E. sent parfaitement qu'il me conviendrait de le savoir. En effet il ne suffit pas de posséder une science pour l'enseigner à d'autres: on pourrait y exceller sans être capable d'en exposer les éléments, et le grand Newton lui même eût été peut-être un mauvais maître de géométrie. Il faut non seulement avoir réfléchi sur cette matière, mais avoir été de plus dans le cas de faire des applications. Or, ce travail n'ayant rien de fort attrayant, peu d'hommes s'y livrent. Tous s'empressent au contraire de s'éloigner de ces premières époques de leurs connaissances, et la nécessité ou les devoirs d'une vocation expresse sont les seules choses capables de les y rappeler.

Pour donner des leçons intelligibles, pour éviter à un élève le désagrément d'oublier un jour des inutilités péniblement apprises, pour faire enfin cela le mieux que possible et dans le moindre temps possible, il faut avoir fait des observations suivies sur le caractère, les facultés et les dispositions de l'élève, et les avoir tellement combinées avec les leçons qu'il doit recevoir, qu'elles servent de base à celles-ci; mais *pour travailler à cela avec constance, il faut avoir une vocation décidée et bien connue qui y engage.*

J'ai donné plusieurs fois des leçons et je ne passerai pas, je crois, pour présomptueux en croyant que j'en sais au moins dans ce moment plus qu'il n'en faut pour donner des leçons à monseigneur dans les sciences, dont j'ai parlé, pendant plusieurs années encore; mais ma conscience m'oblige aussi à dire qu'elles seraient dans la suite très imparfaites, si je n'avais pas eu le temps de les méditer d'avance, ou si n'ayant aucune vocation directe et connue pour m'en occuper plus particulièrement, je les perdais insensiblement de vue pour m'occuper d'autres choses.

Puis donc qu'il m'importe essentiellement de savoir de bonne heure, si je suis destiné à donner d'autres leçons que celle de français, je prie instamment V. E. de vouloir bien m'obtenir une réponse déterminative et positive à ce sujet, afin que si elle est favorable je puisse me montrer digne de la confiance qu'on veut bien avoir en moi, ou que si elle ne l'est pas, je ne me berce pas de vaines espérances et puisse employer à d'autres choses utiles les jours de liberté

qui me restent. Je crois ma demande d'autant plus en place qu'elle a pour unique but de connaître mes devoirs, non point par une vaine curiosité, mais *dans la ferme résolution de les remplir*.

Enfin dans le cas où je serais désigné pour donner *certaines leçons,* V. E. ne trouvera pas mauvais que *j'insiste sur le droit de les donner seul suivant les principes indiqués ci-dessus,* que j'expliquerai plus en détail, si on le désire. Ce n'est point l'amour propre qui m'inspire cette réfléxion; c'est l'amour de l'ordre et le bien de la chose. Je déclare au contraire de bonne foi, que, soit avant, soit après ces leçons, je serai toujours disposé à écouter toutes les remarques qu'on voudra bien me faire, à les discuter sans fiel et sans rancune, et à en profiter avec reconnaissance, si elles me paraissent fondées. Mais je dois dire avec la même franchise (et je prie V. E. d'en bien remarquer la justice), que je ne verrais pas de bon oeil et ne pourrais supporter longtemps avec patience qu'on vint m'interrompre sans raison légitime au milieu de mes leçons pour me donner des directions ou pour prendre ma place.

Je demande grâce à V. E. pour la longueur de cet écrit, qui, destiné d'abord à n'être qu'une note, est devenu insensiblement un mémoire sans que je sache où il a besoin d'être retranché. Je prie V. E. de le recevoir comme une déclaration sincère de ma façon de penser et comme un témoignage de mon respect et de la confiance que j'ai en Elle.

J'ai l'honneur d'être avec respect

de Votre Excellence

le très humble et très

obéissant serviteur

De l'Harpe.

II.

Письмо наставника великихъ князей Лагарпа къ императрицѣ Екатеринѣ II.

S.-Pétersbourg, 15—9-bre 1791.

A Sa Majesté Impériale Cathérine II.

Auguste Impératrice,

Madame!

La confiance dont Votre Majesté Impériale a daigné m'honorer, les bienfaits dont Elle m'a comblé à diverses reprises, l'approbation flatteuse qu'Elle donne souvent à mes travaux et à mes principes, tous ces témoignages précieux de Son auguste bienveillance avaient dès longtemps pénétré mon cœur des sentiments de la plus profonde vénération et d'une reconnaissance sans bornes.

V. M. I. vient tout récemment encore de leur donner une nouvelle énergie, en me faisant généreusement connaître les plaintes des patriciens de Berne, et permettant que je dépose aux pieds de son trône les principes et les faits qui doivent leur servir de réponse. Heureux si, en continuant à paraître à V. M. I. aussi dîgne que jadis de sa puissante protection, je pouvais intéresser sa grande âme en faveur du peuple loyal et honnête, au milieu duquel je suis né.

En commençant par l'exposition de mes principes, j'oserais respectueusement supplier V. M. I. d'excuser les détails dans lesquels je vais entrer en faveur du désir extrême que j'ai de prévenir les incertitudes et les doutes.

I.

J'ai puisé mes principes philosophiques, religieux et politiques chez les anciens, dont la lecture amusa ma jeunesse, dans les écrits peu nombreux des vrais philosophes, dans l'hissoire, surtout dans celle de ma patrie, dans la conversation de quelques

hommes instruits, dans les leçons d'un père respectable, qui s'attacha à fortifier mon âme, à èlever mes pensées, à me rendre un homme utile, dans l'exemple domestique de mes ancêtres, gens connus dans mon pays par leur loyauté, leur patriotisme et leurs vertus et dont la mémoire est encore chère au peuple [1]).

Ils étaient connus dans ma patrie, ces principes, et puisque je dois parler de moi, je dirai qu'ils m'avaient mérité l'estime de mes concitoyens, que les patriciens de Berne même daignaient soupçonner alors que je n'aurais pas déshonoré leur caste.

La *société helvétique*, que composent les hommes les plus distingués de la Suisse et dont les assemblées périodiques ont pour but d'entretenir l'amour de la patrie, de propager les lumières et de resserrer les liens de la fraternité, cette société, à laquelle je suis étranger, proclama mon nom il y a quelques années, et plusieurs centaines de magistrats, de nobles et de citoyens de tous les cantons portèrent par une acclamation unanime la santé d'un concitoyen, dont les principes connus honoraient son pays [2]).

Lorsque V. M. I. daigna me confier l'instruction de Leurs Altesses Impériales, messeigneurs les grands ducs, il me parait indispensable de manifester, dès l'entrée, mes principes afin de n'être point pris pour un autre; et non seulement j'appris qu'ils avaient obtenu l'assentiment de V. M. I., j'eus le bonheur de l'entendre de sa bouche [3]). Elle daigna me le

---

[1]) Conduit dans mon enfance devant un fort beau portrait de mon ayeul, mon père me saisit fortement la main en m'exhortant à lui ressembler. Sa dépouille mortelle—ajouta-t-il les larmes aux yeux—avait été accompagnée jusqua' à la dernière demeure par tous les habitants de la châtellerie de Rolle, accourus pour rendre ce dernier hommage à l'homme de bien qu'il fallait être *aussi brave* que lui.

[2]) Le fait est consigné dans les *Etrennes helvétiennes* de l'année 1790.—M-r le doyen Bridel, membre de la société helvétique, m'ayant écrit en 1788 à St.-Pétersbourg, qu'il était curieux de savoir comment mes principes sévères et prononcés en matière de liberté pouvaient se concilier avec le poste que j'occupais dans la cour d'un monarque absolu, je lui adressais en reponse quelques fragment des thèmes historiques que je dictais à mes deux élèves pour servir de bâse à mes leçons. M-r Bridel les trouva digne d'être communiqués à la société helvétique, et me transmit les témoignages de la satisfaction, consignés dans les *Etrennes helvétiennes*.

[3]) Le mémoire que je remis le 10 juin 1784 au comte Soltykof pour

répéter à plusieurs reprises, Elle m'encouragea à persévérer par tout ce qui peut faire impression sur une âme honnête; et le bourdonnement de quelques patriciens pourrait me troubler et me distraire lorsque les éloges flatteuses, dont V. M. I. m'honora, lorsque les expressions gracieuses, dont Elle daigna les accompagner, retentissent encore au fond de mon cœur, lorsque ma conscience me dit, que je ne les ai point démérité!

Les thêmes, que j'ai dictés à LL. AA. II. depuis que j'ai l'honneur de les instruire, et qui, tous ont passé sous les yeux de V. M. I., prouveront au reste que si j'énonçais quelquefois des principes hardis [1]), je ne le fis jamais en secret, ou sans y être autorisé par la nature des faits. Ils prouveront que je ne tiens les miens ni des démagogues du jour, ni des clubs, ni des journaux, ni de l'assemblée des Français, ni d'aucuue autre association d'hommes [2]).

Mes principes actuels sont les mêmes que ceux d'alors à la différence près des légers changements que l'âge, l'expérience et la réfléxion peuvent y avoir introduits. Je puis, en attendant, me rendre le témoignage de n'avoir énoncé que

---

être présenté à l'impératrice, et qu'elle apostilla dans deux endroits, prouve que j'avance. Ce mémoire me fut restitué à ma prière après en avoir remis une copie. C'est un monument, qui honore celle, qui en approuvait le contenu. En voici un passage, tiré de la page 17-e: «Il est nécessaire à tout bon citoyen de connaître ces principes (c'est à dire ceux qui servent de base à la formation des sociétés), mais il l'est surtout, qu'un prince s'en pénètre de bonne heure. Il y verra, qu'il fut au moins un temps, où les hommes étaient égaux; que si les choses ont changé depuis, ce ne peut jamais avoir été pour livrer le genre humain, pieds et poings liés, aux caprices d'un seul homme, et qu'il y a eu des monarques absolus assez généreux et assez vrais pour faire cet aveu public à leurs sujets: «*Nous faisons gloire de le dire, Nous n'existons que pour nos peuples*» (Cath. II).

[1]) Les thêmes sont des années 1785, 1786 etc. Tous passaient sous les yeux de l'impératrice, qui, à plusieurs reprises, me fit remercier et me remercia elle même pour leur contenu. Pendant son voyage à Kief et en Crimée elle en communiqua plusieurs fragments aux personnes qui formaient sa société, en particulier au célèbre prince de Ligne et au lord S-t. Helens, ambassadeur d'Angleterre, en faisant l'éloge du républicain suisse, qui était à son service. Je n'ai conservé qu'une faible portion de ces thêmes, n'ayant pas imaginé, qu'ils pourraient un jour servir à ma justification.

[2]) On voulait alors me mettre au nombre des *Novateurs*, qui étaient abhorrés. Les émigrés français s'étaient chargés de m'inscrire en tête de la liste, dressée par eux, des *démocrates* à proscrire.

ceux que je professais et de n'avoir professé que ceux, qu'il m'eut été permis d'avouer dans l'auguste présence de V. M. I. [1]), Devenu défiant à l'égard des doctrines outrées, je me suis constamment efforcé de réformer les propositions tranchantes, qui échappaient à LL. AA. II. suivant l'usage de la jeunesse et de leur présenter des considérations propres à les rendre moins décisifs et plus circonspects.

Les intentions de V. M. I. à leur égard m'étaient connues. Je savais qu'Elle voulait en former des hommes instruits, habitués à faire un bon usage de leur raison, exercés au travail, dignes, en un mot, de leur haute destinée [2]).

En me bornant à tirer de ces intentions de simples corollaires, et en les appliquant avec discernement, j'étais donc assuré de ne commetre aucune erreur, et V. M. I. a tout fait pour moi, en daignant témoigner, que j'avais rempli ses vues.

II.

Après cette exposition de mes principes je passe aux plaintes des patriciens de Berne, et c'est encore à cet égard que j'ose solliciter l'indulgence de V. M. I.

Je ne suis point *démocrate*. Personne ne hait plus que moi la démocratie; et c'est parceque je la regarde comme incompatible avec mes principes sur la justice et la liberté; c'est parceque je l'ai observée de près, que j'en déteste les maximes. L'histoire ancienne m'a fait voir dans ses démocrates d'Athènes si vantés d'impitoyables opresseurs de leurs sujets, et comme les passions humaines sont immuables, les démocraties de la Suisse offrent de nos jours et sous d'autres noms

---

[1]) Ceux qui m'ont connu en Russie savent, que ma conduite fut conforme à ce que j'écrivais à Cathérine II. La marche, que je suivie imperturbablement, malgré les obstacles et les périls, fût celle, que je m'étais tracée en commençant. J'ai vecu à la cour en spartiate, et nul ne m'en a voulu pour cela, ce qui fait honneur au caractère russe.

[2]) L'imperatrice déclara plusieurs fois ces intentions en ma présence et devant ses petits fils: «*vous obeïssent-ils? C'est mon intention, qu'ils soient dociles et profitent de vos leçons*». Malheureusement mon rang ne me permettait pas de traiter habituellement ces objets avec l'impératrice: il fallait passer par le gouverneur en chef.

le même spectacle. *Les ennemis les plus implacables de la liberté des sujets en Suisse sont les démocrates, au milieu desquels elle nâquit.* La preuve de ce paradoxe est aussi simple, que décisive.

Je ne suis pas davantage *aristocrate:* je n'ai pas même le droit de l'être, car, bien que ma famille soit noble et très ancienne au pays de Vaud, elle ne jouit pas dans la ville de Berne du *droit de bourgeoisie.* Ceci mérite explication.

Il y a en Suisse quatre cantons: *Berne, Lucerne, Fribourg* et *Soleure,* dont l'administration appartient à des conseils qui se récrutent eux mêmes et dont les membres sont tirés exclusivement de la bourgeoisie des capitales (Regiments-fähige Bürgerschaft), qui consiste en familles nobles et roturières.

Tous les emplois de l'administration appartiennent à ces familles bourgeoises des capitales. Afin de monopoliser plus à leur aise, elles ont arrêté dès longtemps et sans que les sujets s'en soient doutés, de n'agréger aucune nouvelle famille, ce qui a réduit leur nombre d'une manière si effrayante, qu'à Fribourg on compte à peine 80 familles *habiles au gouvernement* (Regiments-fähige Büger) sur 100,000 sujets, et que sur une population de 500,000 âmes dans le canton de Berne on n'en compte que 136 [1]).

La séparation tranchante de ces deux espèces d'habitants d'un même pays autorise les dénominations de *caste aristocratique* et de *caste sujette* et l'épithète d'*olygarchies,* qu'on donne aux républiques mêmes.

Enfin, comme les conseils élisent seuls leurs membres et que les mêmes familles s'y retrouvent perpétuellement, tandis que les autres en demeurent écartées, je désignerai les premières par le surnom de *patriciennes.* Berne n'en a que 76

---

[1]) Je manquais alors des données plus exactes, que la révolution a fournies depuis. Alors les archives cantonales n'étaient ouvertes qu'aux familles gouvernantes ou aux individus de la caste sujette, dont les vues bornées ou la dépendance ne pouvaient inspirer d'appréhensions à ceux, qui ne voulaient pas, qu'on connut *les faits anciens.* L'oligarchie s'établit à Berne par des décrets rendus dans les années 1559, 1619, 1635, 1643, 1669, 1680, 1684 et 1781. Le décret de 1684 ordonna la clôture du livre, dans lequel se trouvaient inscrits les noms des familles gouvernantes.

et 16 d'entr'elles formaient en 1790 la majorité dans le conseil souverain, appelé Les *Deux cents*.

C'est à Berne que toutes les places de l'administration, tous les emplois honorifiques ou lucratifs, sont réservés aux 76 familles, qui, par abus ou par artifice, ont réussi à se transmettre de père en fils l'exercice de la souverainété. C'est à Berne où 76 familles, qui chaque 6-me année se partagent près de 8 millions tournois, tirés de la *bourse du peuple*, ainsi que dit le célèbre Haller[1], ne laissent aux 500,000 individus de la caste sujette, que le $^1/_4$ des campagnes et des emplois dans les 4 régiments, que la république entretient au service de la France, du roi de Sardaigne et des Provinces-Unies. C'est à Berne que tous les sujets de l'état, nobles, bourgeois et paysans, sont indistinctement et à jamais privés de la faculté d'entrer dans l'administration, quelques puissent être leur mérite et leurs talens; en sorte que la comparaison des patriciens avec les bramines et celle des sujets avec les parias de l'Inde est manifesté et bien fondée. Ce n'est donc pas un médiocre sujet de surprise de voir les royalistes les pluz zélés, dont les principes sont directement contraires à ceux de ces patriciens, fraterniser avec eux en vertu de la seule ressemblance des noms.

Le découragement, dans lequel me plongèrent des réfléxions aussi tristes, joint à l'idée désolante de me trouver étranger dans ma patrie, me déterminèrent à la quitter. Mais ces impressions fâcheuses pouvaient d'autant moins s'effacer, qu'ayant lu beaucoup de chartes et de chroniques ensuite du projet, que j'avais formé jadis de travailler sur l'histoire de mon pays, je connaissais mieux que d'autres son ancienne constitution et les moyens de la lui rendre. Il était donc naturel, que ces objets revinsent souvent sur le tapis dans mes diverses correspondances, et si les patriciens de Berne les eussent perlustrées plus tôt, ils s'en seraient bien apperçus.

---

[1]) C'est dans son poème des *moeurs corrompus* (Die verdorbenen Sitten) que se trouvent ses beaux vers:

....da Weiber, derer Seelen
Kein heutig Herz erreicht, erkauften mit Frevelen
Den Staat vom Untergang, *den Staat, des Schatz uns heut*
Zum offnen Wechsel dient, und Trost der Ueppigkeit.

Il est probable cependant, que je les aurais perdu de vue, si ma curiosité n'eut pas été réveillé par une question de privilèges, qui date des années 1781 et 1782. Le Deux-cents de Berne ayant à ces époques imposé une taxe sur les terres de sa seule autorité et au préjudice des franchises et libertés du Pays de Vaud, plusieurs villes réclamèrent contre cette infraction manifeste, et Morges l'une d'entr'elles ayant présenté successivement deux requêtes et un mémoire très curieux que je possède, il s'établit par devant les tribunaux une discussion, dont l'issue intéressait d'autant plus tous les citoyens, que, dans l'état actuel des choses, elle dépendait de la décision finale du Deux cents de Berne, composé exclusivement de patriciens—juges, qu'assurément on ne pouvait croire bien impartiaux dans leur propre cause.

Telle fut, Madame, l'occasion, qui me fit entrer en lice au commencement de 1790. Les intérêts de ma patrie me parurent à cette époque tellement compromis par le procès en question, et je craignais tant d'ailleurs le contact de l'effervescence voisine, qui pouvait amener une insurrection ruineuse, que l'unique moyen praticable de pârer à tout me parut être la proposition de convoquer les *états provinciaux* [1]).

Pour réaliser mon idée je fis deux choses:

1) J'énumerai de mémoire les griefs les plus graves et m'attachai à prouver, qu'on ne pouvait y remédier sans le concours de ces états, dont les mesures officiers préviendraient des désordres pareils à ceux, que l'impéritie du ministère avait produit dans un état voisin.

Chaque article fut appuyé d'un petit nombre de réfléxions, fortes, déduites des faits et de notre histoire et que je suis prêt à justifier.

---

[1]) Les imprudences commises par les citoyens de quelques villes au milieu des festins, par les violences que les patriciens exercèrent en 1791 et 1792 par représailles, eussent été prevenues. Les sujets des aristocraties et des démocraties de la Suisse n'étaient pas encore réduits à l'extrêmité, toujours déplorable, de l'insurrection; ils avaient des moyens légaux pour parvenir au redressement de leurs griefs; et ces moyens pouvaient être saisis par les patriciens et par les sujets. Ni les uns, ni les autres ne l'ayant fait, les conséquences funestes de cette conduite imprudente sont maintenant connues. Il n'y a plus eu pour les sujets d'autre ressource pour recouvrer leurs droits que l'insurrection. N'eut-il pas été préférable de la prévenir par une convocation d'états?

Si j'interpellai nos anciens libérateurs, c'est que leurs noms réveillent dans nos âmes les idées réunies de sagesse, de modération et de courage; c'est que les ombres de ces patriotes ne peuvent effrayer que ceux, qui ont oublié leurs maximes. J'adressai, il y a un an et demi, à des citoyens reputés jusques-là bien pensants, et suis étonné, qu'après un aussi long temps les patriciens de Berne viennent me reprocher un document, qui n'était pas leur propriété et d'avoir avancé ce dont je leur offre la preuve.

2) J'indiquai les moyens fournis par la loi pour obtenir un redressement, je traçai la route et signalai les écueils. Ces directions épistolaires furent accompagnées du projet de requête, dont la copie a été adressée à V. M. I. [1]).

Quoique ce dernier fut purement hypothètique, je le signai puisqu'il était l'expression fidèle de mes sentiments, et je prouverai, s'il le faut à la rigueur, non seulement toutes les propositions qu'il renferme, mais en outre, que la condition des sujets sous les olygarchies et les démocraties de la Suisse diffère infiniment de l'opinion qu'on s'en forme en Europe.

Trois exemplaires de ce projet de requête du 19 avril 1790 furent envoyés, il a 20 mois, à trois hommes très res-

---

[1]) Ce projet de requête était conforme aux formes voulues et conçu en termes énergiques, mais respectueux. Il renfermait une énumeration succincte des griefs du pays de Vaud et finissait par la demande d'une convocation de nos anciens états. Le gouvernement de Berne en fit parvenir une copie au comte Roumantzoff, alors ministre plénipotentiaire de Russie, à Coblenz, et celui-ci la transmit à St.-Pétersbourg, tandis que le prince Eugène de Wurtemberg, père de l'imperatrice douairière Marie Féodorovna, adressait complaisamment tout ce que le patriciat bernois lui avait fait parvenir à Montbéliard, et épousait aveuglement ses ignobles fureurs.

Ce projet de requête du 19 avril 1790 fut intercepté par le bureau des postes de Berne et transmis par lui à *l'Avoyer Steiguer,* qui le communiqua au *conseil secret* (l'inquisition d'état) dans la séance du 11 juin 1790.

N'ayant pas conservé de copie de ce document, j'avais espéré qu'il pouvait se trouver dans les archives du conseil secret. Je m'adressai en conséquence en 1834 au conseil d'état de Berne, dont le département diplomatique me répondit le 7 mai 1834, que le document en question avait probablement été détruit en 1798 avec les enquêtes et autres papiers relatifs aux troubles du pays de Vaud en 1790 et 1791. Il m'envoya en même temps un extrait du *manuel du conseil secret* du 11 juin 1790, renfermant les mesures prises à cette occasion.

pectables, et quoiqu'ils n'en aient point fait usage, j'ai la douleur d'apprendre, que l'un d'eux, chargé par sa ville d'une mission à Berne, avait été traité avec une dureté impardonnable pour n'avoir pas dénoncé à l'inquisition d'état (le conseil secret) l'ami, qui lui avait ouvert son cœur[1]).

Combien j'étais éloigné de penser en parcourant jadis à Syracuse le souterrain tortueux appelé *l'oreille de Denys*, que mes compatriotes auraient un jour le sort des infortunés Syracusiens!

Après avoir communiqué mes idées, ainsi que je viens de le rapporter, je demeurais tranquille dans l'espoir qu'elles seraient peut-être goutées, mais je ne tardai pas à me désabuser. Calculant dès lors l'issue propable du démêlé d'après les marches différentes, je prédis, il y a plus d'année, non pas tout ce qui est arrivé mais l'oppression finale de mes compatriotes. Mon pays me paraissant dès ce moment irrévocablement perdu, j'en détournai la vue; j'aurais même voulu l'oublier, et si ma sensibilité s'exhala depuis dans quelques lettres, ce fut toujours fugitivement, par interjections, lorsque je voyais mes compatriotes dupes de leur simplicité, croire à des promesses de circonstances, faire de fausses démarches, s'occuper de tout hormis de leurs vrais intérêts.

Convaincu que les patriciens n'attendaient qu'un prétexte pour surprendre le pays de Vaud et dégouter ses habitans de leurs requêtes, je fus navré de douleur en lisant dans les papiers publics la description des fêtes qui avaient eu lieu le 14 juillet, prévoyant bien qu'elles fourniraient le prétexte tant désiré.

---

[1]) Les trois citoyens, auxquels cette pièce fut adressée, étaient:

1) *Amédée de la Harpe*, seigneur des Uttins et de Yens, mon cousin germain, qui, proscrit depuis, se couvrit de gloire en combattant sous les bannières françaises, et fut tué comme général divisionnaire à la tête de la 1-re armée d'Italien en 1796.

2) Mr. *Henri Monod*, depuis président de la chambre administrative et préfet du canton du Léman, conseiller d'état et landaman du c. de Vaud, mon ami particulier.

3) Mr. *Henri Polier*, depuis préfet du c. du Léman, auquel je dus d'être arrêté au mépris des lois. Ce fut lui, qui, député de la ville de Lausanne, fut apostrophé pour ne m'avoir pas dénoncé. Il eut depuis le plaisir de me faire enlever de Lausanne en 1800.

Mais ce que je ne prévoyais pas, c'était l'invasion hostile et perfide d'une province, où tout était tranquille; c'était la tenue d'une cour de justice au milieu de 4,000 bayonnettes; ce sont les violences exercées au mépris de nos lois, violences auxquelles des voyageurs de distinction n'ont pas même échappé [1]).

Je n'ai pas rédigé les pétitions itératives présentées par les sujets, officiers dans les régiments nationaux, stationnés en France, en Piémont et en Hollande, pétitions qui sollicitaient toutes l'égalité d'avancement.

Ce n'est pas moi non plus, qui ai engagé en 1799 les villes et les communes de la campagne à présenter tant de rèquêtes à la commission extraordinaire, que les patriciens avaient envoyée au pays de Vaud. J'ai repoussé, au contraire, avec dédain celles, dont j'ai eu connaissance; tant elles m'ont paru insuffisantes et mal conçues. Mais enfin *la commission avait promis que l'administration y ferait droit, et celle-ci n'y ayant pas encore eu égard, pourquoi chercher d'autres causes de l'indisposition des esprits?*

Dans la longue liste des citoyens de toutes les conditions, que l'inquisition d'état a fait enlever par l'armée ou que ses violences ont réduit à s'éloigner, un seul a correspondu avec moi à titre de cousin germain, de camarade et de chef de ma famille. On le nomme le seigneur de Yens et des Uttins. On m'apprend au reste, qu'il vient d'adresser au chef de la république un mémoire, dans lequel il sollicite un sauf—conduit pour être jugé selon nos lois, et demande de se justifier des charges portées contre lui. Mais s'il est jugé d'après les nouvelles maximes de l'illégale inquisition d'état par les patriciens, ses ennemis personnels, il doit s'attendre aux injustices, qu'entraine la violation des lois et des formes judiciaires, et à ces actes de vengeance, qui sont ignorés par-

---

[1]) Voyez la seconde partie de *l'Essai sur la constitution du pays de Vaud*, pages 14-me et suivantes (Paris. 1796), qui renferme les détails relatifs à l'invasion du pays de Vaud.

Le voyageur de distinction, dont il s'agit ici, est Mr. Taylor, envoyé d'Angleterre à Turin, qui fut grossièrement insulté dans les rues de Lausanne par un patricien brutal, qui s'excusa en disant l'avoir pris pour un lausannois.

tout ailleurs que sous le régime des olygarchies. Comme qu'il en puisse être, la réputation intacte d'honneur, qu'une famille tient de ses pères et doit à la droiture ainsi qu'à la noblesse de ses sentiments, ne saurait souffrir des résolutions violentes auxquelles pourraient se porter des hommes, qui sont tout à la fois accusateurs, juges et parties.

Après s'être d'abord adressé à mon parent pour avoir assisté à des dîners et à des bals, qui ont excité leur courroux et que j'ai blâmé plus que personne, les patriciens de Berne ont formé le noble projet de me perdre par des voies détournées. Non seulement ils se sont vanté d'y réussir dans les conjonctures présentés pour affliger mes parents et mes fidèles amis, effrayer les simples et faire parade de leur *toutepuissance,* ils ont répandu en Suisse, *qu'après avoir communiqué à V. M. I. les projets, qu'ils me prètent, Elle leur avait offert de me punir en m'exilant en Sibérie.* Diverses lettres viennent de m'en faire part, et j'allais, en conséquence en demander compte à l'Avoyer de leur république, lorsque V. M. I. a daigné me permettre de Lui faire parvenir ma justification.

Quels sont maintenant les motifs de cette persécution contre un homme, qui depuis 10 années a quitté sa terre natale, qui ne tient à elle que par sa parenté et par des amis, et que rien n'oblige à reconnaître les patriciens bernois pour les souverains? Je le dirai puisqu'ils m'y forcent.

1) Ces patriciens ne peuvent me voir de sang froid occuper le poste honorable, que V. M. I. a daigné ma confier. C'est là une suite de l'envie, qui les porte à jalouser ceux, qui, n'ayant pas l'honneur d'appartenir à leur caste, trouvent les moyens de parvenir sans eux. Après nous avoir traité en étrangers dans notre patrie, après avoir tout accaparé, ils prétendent encore, que nous n'existions que par eux!

2) Sachant très bien, que je connais et les ressorts et les vices de leur administration, et convaincus que je ne puis l'aimer ils me font l'honneur de me craindre parcequ'ils me croient des talents, des lumières, des connaissances locales d'une espèce dangereuse, le courage et le pouvoir de les répondre.

3) Ce qu'ils ne peuvent surtout me pardonner, c'est d'avoir constaté l'existence des états provinciaux, d'avoir exposé les principes de leur organisation, énuméré leurs attributions,

d'avoir en un mot, lever le voile du tabernacle. Et parcequ'ils savent, qu'en suivant la marche légale que j'avais tracée, en évitant les écueils que je désignais et en persévérant dans les voies de la modération, de la prudence et du respect, que j'ai recommandées plus d'une fois, le succès eut été infaillible, ils me regardent comme leur plus dangereux ennemi. J'y consens, s'ils persistent de leur côté à se montrer les ennemis de ma patrie, car il me serait trop difficile d'aimer 76 familles, qui concentrent en elles seules la republique entière. Mais que ces familles renoncent à leur esprit de corps; qu'elles écoutent une seule fois la voix de la justice et de la vérité; qu'elles cessent de sacrifier les intérêts de leurs sujets au leur propre: alors j'honorerai leurs membres, je reconnaîtrai à ces signes de vrais magistrats, pères de la patrie et dignes de l'être.

4) Un dernier motif, qui rend la haine de ces patriciens peut-être encore plus active, c'est la crainte, qu'après avoir terminé ma tache presente, je ne cherche à entrer dans la carrière diplomatique, où je trouverais, selon eux, des occasions fréquentes de les desservir. Il est dans le cœur humain de juger des autres par soi-même. Ainsi je ne suis pas étonné, que des patriciens, élevés dans les préjugés de leur caste, remuent ciel et terre contre le sujet téméraire qui eut l'audace de discuter leurs prérogatives à la lumière des chartes, des lois et de la droite raison.

Mais s'adresser dans ce but à V. M. I., imaginer que la souveraine auguste, qui s'est déclarée la protectrice des lumières et de la liberté de penser [1]); qui accueille avec même esprit de justice le mérite et le talent partout où ils se trouvent, qui ouvre à ses sujets de toutes les sectes la carrière des emplois, des distinctions et des honneurs; qui ne dédaigne ni l'aleoute, ni le samoyède, ni le disciple de Mahomet, ni le sectateur de Lama, ni l'idolatre: imaginer, dis-je, qu'Elle servirait la vengeance de 76 familles, qui en rejettent 80,000 autres comme impures: connaitre assez peu la justice, la générosité, la grandeur d'âme de V. M. I. pour répandre, qu'Elle

[1]) Ouvrez l'instruction de Cathérine II, donnée à la commission appelée pour la confection du code des lois.

sacrifierait un serviteur fidèle, dont les principes et le zèle ont été éprouvés durant 8 années, parcequ'il n'a pas abandonné son pays au jour de sa détresse; non, il n'y a que des patriciens, guidés par des vues bornées et emportés par leurs passions, qui soient capables d'un tel délire.

Je n'en regrette pas moins très sincèrement d'être la cause, pour laquelle V. M. I. a été si désagréablement importunée. Aussi pour éviter désormais tous les prétextes, qui pourraient donner lieu à de pareilles réclamations, suppliai-je V. M. I. de vouloir bien accueillir l'engagement, que je prends de ne me mêler à l'avenir de ces affaires, ni directement, ni indirectement, aussi longtemps qu'Elle me fera l'honneur de me conserver à son service [1]).

Ces objets eussent été dignes peut-être de l'attention de V. M. I. si, aulieu de s'acharner contre un individu, les patriciens de Berne avaient eu assez de confiance en leurs droits pour La prier de prononcer entr'eux et leurs sujets. Après ce voeu de mon cœur il m'en fut encore resté à faire un seul, celui d'être jugé digne de plaider la cause de mes compatriotes aux pieds de Son trône.

Daignez, Auguste Impératrice, agréer la justification, que j'ai l'honneur de Vous présenter. Puisse V. M. I. y reconnaître les principes et les sentiments, qui m'avaient valu jusqu'à ce jour la seule chose, que j'aie ambitionné, l'honneur d'être loué par Elle; et puissai-je, rassuré sur sa puissante protection, achever de remplir glorieusement la tâche honorable, qu'Elle a daigné me confier et qui fera la consolation de ma vie!

Je suis avec une vénération profonde,

Auguste Impératrice,

de Votre Majesté Imperiale

le très humble, très obeîssant

et très soumis serviteur

F. C. de la Harpe.

---

[1]) Depuis près d'un an j'avais cessé de correspondre sur ces matières, voyant mes compatriotes commettre des fautes, qui devaient les perdre. L'engagement, que je pris, pouvait être exigé de la part d'un fonctionnaire russe. Ce fut la seule satisfaction accordée aux patriciens.

III.

Письмо директора Гельветической республики Лагарпа къ императору Павлу I.

Berne, 16 juillet 1799.

A S. M. l'Empereur Paul I.

Sire.

Le paquet a été ouvert, non par une vaine curiosité, mais dans le but de profiter d'une occasion unique pour vous présenter quelques réflexions.

a) Les changements, opérés dans les formes du gouvernement de la Suisse, étaient devenus inévitables. Depuis longtemps ils étaient prédits. Si les habitans avaient pu ou su s'entendre, ils se seraient opérés sans effussion de sang.

b) Ces changements ne sont pas de nature à alarmer les gouvernements monarchiques.

La démocratie et le système représentatif existaient en Suisse depuis 5 siècles; on n'a fait que les régulariser davantage et donner à l'ensemble plus d'uniformité.

c) Les violences, qui ont accompagné cette opération, sont étrangères aux Suisses, dont le nouveau gouvernement s'est attaché à reconcilier tous les parties par un mélange de fermeté et de douceur, qui a empêché les réactions.

d) On a maintenu le clergé, honoré la réligion en rétablissant la tolérance, travaillé à répandre la véritable instruction dans les campagnes.

e) Les Helvétiens ou nouveaux Suisses, tout occupés de leur organisation intérieure, n'ont point été *propagandistes*. Ils ont vécu, en bons voisins, avec tous les princes, dont les états touchent le leur, et jamais ils n'eussent pris part à cette guerre, si on ne les eût pas attaqué.

La *révolution helvétique* ne peut donc alarmer les gouvernements monarchiques, et la moralité du peuple helvétique est garante du respect qu'il aura pour eux.

La position de l'Helvétié et les intérêts politiques des puissances européennes commandaient impérieusement la *neutralité* de la république helvétique, que notre nation ne désirait pas moins. Pourquoi donc a-t-elle fait place à des engagements offensifs? [1]).

Parceque les puissances intéressées à prévenir la stipulation de ceux-ci ont fait la sourde oreille, lorsque le gouvernement helvétique a voulu les intéresser en sa faveur [2]); parceque au lieu de le soutenir, elles l'ont abandonné; parcequ'en retour de sa conduite mesurée, ils ont manifesté l'envie de le détruire.

Si la nécessité de pourvoir à sa conservation l'a forcé à s'écarter de la politique de ses dévanciers, les monarchies, ne peuvent point lui en vouloir; ce n'est point à celles-ci à lui reprocher leurs propres fautes.

En admettant donc qu'il importe à l'Europe que l'Helvétie conserve son indépendance, il est difficile de ne pas convenir. que celle-ci est désormais beaucoup plus assurée par la réunion de 30 petites républiques en une seule, organisée presque monarchiquement, que par l'informe confédération qui les unissait jadis.

L'expérience a prouvé que cette dernière était hors d'état de faire respecter sa neutralité, tandis que les premiers pas de la *nouvelle république helvétique* et même ses revers ont

---

[1]) L'alliance offensive et deffensive avec la France.

[2]) Avant mon départ de Paris pour la Suisse en qualité du membre du directoire, j'eus une entrevue avec l'envoyé de Prusse, de Sandor-Rollin, natif de Neuchalel, pour lui faire comprendre, que la Prusse était intéressée à reconnaître le nouv. gouvermement de la Suisse, qu'il serait organisé de manière à se faire respecter. M-r de Sandor parut être du même avis, mais la Prusse se montra hostile, et accorda à Neuchatel un azyle à tous les mécontents.

Les mêmes observations furent faites à M-r de *Eggers*, conseiller d'ambassade de Danemarc à Rastadt, que la diplomatie avait chargé de visiter la Suisse.

Le directoire helvétique envoya à Rastadt un agent pour essayer de faire comprendre à la diplomatie prussienne, autrichienne, anglaise, que si la Suisse était encore menacée, elle serait obligée de se jeter entre les bras de la France. Cet agent était M-r de Stokar de Schafhouse, l'un des chefs de ce canton.

démontré à tout observateur impartial ce qu'on peut en attendre, lorsqu'elle sera organisée.

Si, au milieu des plus grands obstacles et des dangers de toute espèce, menacée sur sa frontière par une armée victorieuse, épuisés audedans par une autre armée, et dechirée par des insurrections, elle a pu mettre sur pied, en moins de 15 jours, 24,000 miliciens et 6,000 hommes de ligne, qui tous ont marché au feu, que n'eût-elle pas fait dans des temps plus prospères?

Quoiqu'il en soit, il vaut la peine d'examiner les rapports politiques de la nouvelle république avec les puissances européennes.

Russie. L'éloignement des 2 pays les met d'abord dans l'heureuse nécessité de n'avoir que de rélations commerciales et d'amitié.

Il ne peut-être indifférent pour la Russie, dont les liaisons actuelles avec l'Autriche ne sont pas éternelles, que celle-ci ait sur ses flancs une république, intéressée pour sa sureté à surveiller ses mouvements, et dont l'attitude soit telle, que l'Autriche ne puisse impunément dégarnir ses frontières, ainsi qu'elle l'eut fait et le ferait, si l'ancienne confédération subsistait encore.

L'Empire germanique est assurément fort intéressé à ce que l'Helvétie ne soit ni française, ni autrichienne. Ses grands, comme ses petits princes doivent également désirer son indépendance et sa neutralité.

L'Autriche ne peut avoir contre la France une barrière plus forte, qu'un pays, dont les habitans, essentiellement amis de la paix, n'entreprendront jamais rien contre leurs voisins et maintiendront la *neutralité de leurs territoire* dès qu'elle aura été reconnue à la paix générale.

La campagne présente doit prouver à l'Autriche, qu'elle avait commis une grande faute, en ne faisant pas son possible pour assurer cette neutralité; quels risques, en effet, n'eût-elle pas courru, si les points de *Feldkirch* et de *Bregenz* étant enlevés, les armées françaises eussent opéré leur jonction à l'ouest du lac de Constance?

La *Prusse* a, pour désirer l'indépendance de l'Helvétie, sa neutralité et la consolidation de son unité centrale, les

mêmes motifs que la Russie. Elle en a même de particuliers, dérivant de la possession de *la principauté de Neuchatel.*

Les *États d'Italie,* quels qu'ils puissent être, verront toujours dans notre république un de leurs principaux boulevards tant contre l'Autriche, que contre la France, qui les menacent: l'une par les *possessions vénitiennes,* l'autre par la ci-devant *Savoye.*

La *France* enfin, malgré ses immenses ressources, est fortement intéressée à ce que ses départemens orientaux, dénués de forteresses depuis Bâle jusqu'à Genève, soient mis à couvert par un pays indépendant et neutre sans qu'il lui en coute rien pour les défendre.

Elle a pu former le projet gigantesque d'opérer par l'Helvétie la jonction de ses armées [1]; mais les revers ont dû lui prouver, qu'il eût été bien moins dangereux pour elle de respecter la neutralité de l'Helvétie et de s'en faire un boulevard, que de lui imposer une alliance offensive, dont elle n'a pas retiré des avantages positifs.

Quant à *l'Angreterre*, elle ne peut désirer pour l'interêt de ses manufactures, dont l'Helvétie fut toujours un entrepôt, de la voir divisée et anéantie.

Tout concourt donc à établir cette vérité, que *pour rétablir la balance européenne la république helvétique doit être reconnue*, en stipulant son exacte neutralité. Or, nulle puissance ne peut mieux donner le signal de cette reconnaissance que la Russie, et il serait digne de vous, Sire, d'en marquer l'époque.

Lorsque vous traversâtes jadis notre pays, ses habitans vous accueillirent; dès lors ils n'ont point démérité de vous. J'en appelle à votre réligion et ne crains pas de vous demander, Sire, pourquoi V. M. I. ordonne à ses guerriers de dévaster cette terre hospitalière [2]?

---

[1]) En 1800 et 1801 *Macdonald* opéra cette jonction par les monts *Splügen* et *Wormser-Joch.*

[2]) Ce langage est un peu différent de celui qui tint en 1801 *Alois Réding,* qui, landaman de la Suisse à cette époque, oublia sa dignité au point de se rendre à Paris pour faire antichambre et s'humilier devant la diplomatie étrangère.

Il ne rougit pas de remettre au comte Markoff, ambassadeur de Russie,

Ces réflexions, Sire, vous sont adressées par un homme, qui eut l'honneur de Vous être connu et dont la conduite irréprochable et les principes méritèrent jadis votre estime. Elles viennent d'un homme qu'il n'a pas tenu à Vous de rendre malheureux [1]), mais à l'incorruptibilité et à la prudence duquel vous devez très probablement votre existence, fort hazardée en 1793 et 1794.

Cet homme s'adresse aujourd'hui à V. M. I. non pour lui-même, mais pour sa patrie, et soumet à votre sagesse ce qui précède, plein d'espérance, que la pureté des motifs Vous engagera, Sire, à passer sur l'inobservation des formes usitées.

IV.

Письмо Лагарпа къ Павлу I.

Au Plessis-Piquet près Sceaux, dept. de la Seine, le 22 mars 1801.

A. S. M. l'Empereur Paul I.

Auguste Empereur,

Sire.

Pendant onze ans j'eus l'honneur d'occuper sous les yeux de V. M. I. le poste de précepteur de LL. AA. JJ. messeigneurs les grands ducs.

---

une lettre pour Alexandre I, dans laquelle il remercia ce souverain de ce que Paul I avait envoyé en Suisse ses armées.

La grande âme d'Alexandre s'indigna d'un tel oubli de l'honneur nationale. La lettre me fût montrée par ce prince, qui s'exprima énergiquement sur son contenu et m'invita à projeter une reponse qu'on trouvera ailleurs.

[1]) Ceci se rapporte aux mesures prises contre moi, dont j'ai parlé plus haut.

L'ordre de m'envoyer en Russie m'était inconnu alors: je l'appris en 1801 de la bouche même du général Corsakof, de celle de l'un des ministres d'état. Alexandre I me le confirma.

Le cœur essentiellement bon de Paul I m'était assez connu pour que l'exécution de cet ordre, eut-elle eu lieu, m'eût effrayée.

[2]) La révolution de France qui ébranla toute l'Europe.

Les fonctions de cette place, déjà si importantes en elles-mêmes, le devinrent bien davantage par les conjonctures[1]).

V. M. I. sait mieux que personne, si je les ai remplies avec zèle, intrépidité, persévérance. «*Vous méritez toute ma reconnaissance; je n'oublierai point les services, que vous avez rendus à nos fils; j'espère vous revoir; mais s'il en était autrement, nous nous retrouverons ailleurs*»: telles furent, Sire, les dernières paroles, que Vous m'adressâtes à Gatchina, en 1795, au moment où j'avais l'honneur de prendre congé de Vous; elles sont encoro présentes à ma mémoire et j'aimais à les citer.

Vous ignoriez cependant alors, Sire, que, victime de ma loyauté, j'étais éloigné pour n'avoir pas voulu me rendre l'instrument d'autrui. Il est même probable, Sire, que V. M. I. ignora toujours les épreuves auxquelles fut mise, surtout depuis l'année 1793, la probité de ce même homme, dont les principes furent intervertis, à diverses époques; mais qui, fort d'une conscience irréprochable et comptant sur votre justice, déclara péremtoirement à ceux qui voulaient l'empêcher de prendre congé de Vous, qu'il ne partirait pas sans avoir l'honneur de prendre vos ordres[1]).

Une gratification de 20,000 roubles m'avait été accordée. On y ajouta pour S. A. I. monseigneur le grand duc Constantin une pension de 925 roubles, échangée depuis contre un capital de 10,000 roubles, et une pension de 2,000 roubles pour S. A. I. monseigneur le grand duc Alexandre.

Peut être eûssé-je été autorisé à présenter des réclamations, et sans doute on les eut favorablement écoutées de la part d'un homme qui avait consacré les plus belles années

---

[1]) Les lettres, que j'écrivis en 1793 et 1794 au comte Soltykoff, au sénateur Strekaloff et à l'impératrice elle-même, renferment les détails.

[1]) J'ai dit que le grand duc Paul ne me regardait pas depuis trois ans. Ma disgrace était complète, mais comme je remplissais mes devoirs avec zèle, il s'était borné à ce témoignage connu de sa disgrace.

Sa mauvaise humeur s'était fort accrue à cette époque. Les hommes les plus élevés en dignités en étant souvent la victime, j'avais peu de chances en ma faveur; et rien ne fut épargné, en effet, pour me détourner de presenter mon voeu. Je n'en tins aucun compte, j'écrivis, et par le retour du courrier ja reçus l'invitation de me rendre à Gatchina où je fus accueilli avec distinction et cordialité.

de sa vie à l'instruction de messeigneurs, et qui semblait ainsi avoir droit à une récompense proportionnée à l'importance de ses fonctions et à la station élevée de ses disciples. Mais, tout entier au sentiment délicieux d'avoir rempli en homme de bien une grande tâche au milieu des circonstances les plus difficiles et bornant d'ailleurs mes désirs à jouir de la médiocrité indépendante, je reçus avec reconnaissance les dons qui devaient me procurer celle-ci, convaincu que leur source sacrée m'en garantissait la durée.

Jusque au commencement du règne de V. M. I., Sire, j'ai joui de ma pension de 2,000 roubles; mais depuis près de trois années elle a cessé de m'être payée et cette ressource, sur laquelle j'avais dû compter, m'est enlevée au moment, où ma santé minée par les travaux, me la rendait nécessaire.

Peut être cette suppression n'a été que le résultat de mesures générales, que je dois respecter? Mais si elle était celui d'une mesure qui me fut particulière, je reclamerais auprès de S. M. l'empereur les bons offices du père de mes disciples, prêt à lui donner avec ma véracité accoutumée, toutes les explications qui pourraient m'être demandées.

Réfugié, après bien de vicissitudes, dans une petite campagne, que j'avais acquise, il y a trois ans près de Paris pour y vivre dans la retraite, occupé d'agriculture, la suppression de ma pension m'en ôte les moyens; et si cette mesure était irrévocable, je me verrais forcé de quitter vite ma retraite et de vendre ma campagne pour avoir de quoi former un établissement qui me procurât d'autres ressources pour le déclin de l'âge.

Veuillez, Sire, accueillir avec bonté ses réfléxions que je prends la liberté de Vous soumettre avec la franchise confiante que Vous estimiez jadis en moi. Je croirais manquer au respect que je dois à Votre Majesté Impériale en n'en appelant pas exclusivement à sa justice, ou en recourant auprès d'Elle à d'autres intercesseurs qu'Elle même.

Mais, il est une grace que je Lui demanderai avec instances, celle de vouloir bien me faire connaitre sa décision. Quelle que puisse être celle-ci, Sire, je n'en ferai pas moins des voeux pour la gloire de votre règne, ainsi que pour la prospérité de la Russie et de votre auguste maison, à laquelle je

tiens par les liens trop forts pour qu'aucune considération d'intérêt personnel puisse jamais les affaiblir.

Je suis avec un profond respect

Sire

de V. M. I.

le très humble et très obéïssant serviteur

F. C. de la Harpe, ci-dévant précepteur de messeigneurs.

V.

Письмо Лагарпа къ великому князю Константину Павловичу.

Berne le 2—9-bre 1799.

Frédéric César de la Harpe, membre du directoire de la république helvétique, une et indivisible.

A monsieur le comte Romanof.

Monsieur le comte,

Vous trouverez sous ce pli une lettre, qui a été ouverte, suivant l'usage adopté dans la période où nous vivons.

Si la loi du talion était suivie parmi nous, vous n'auriez pas le plaisir de lire ce que vous adressent les personnes qui vous sont chères. Ce plaisir, monsieur le comte, vous le devez à ces mêmes hommes, dont la ruine était jurée par vous il n'y a que peu de jours.

De comte du Nord [1]) fut jadis accueilli en Helvétie avec une hospitalité, qui avait touché son cœur, et ce sont pourtant les soldats russes, qui, *sans provocation de notre part*, sont venus brûler nos maisons et dévaster nos campagnes [2])!

---

[1]) C'est le nom sous lequel l'empereur Paul avait voyagé en 1801.

[2]) Alexandre I a réparé ses torts en 1814 et 1815 en protégeant l'existence des nouveaux cantons, en mettant les anciens gouvernants dans la nécessité d'accorder à leurs ci-devant sujets l'égalité des drois politiques et faisant reconnaître par toutes le puissances au congrès de Vienne *la neutralité de la Suisse.*

Il est triste de penser, monsieur le comte, que deux peuples éloignés l'un de l'autre de 400 lieues, aient dû commencer leur connaissance par une guerre d'extermination.

Agréez, monsieur le comte, l'assurance de ma considération la plus distingué. La Harpe [1]).

---

[1]) La lettre parvint au grand duc Constantin, qui en fut d'abord très offensé. Lorsque j'eus l'honneur de le revoir à St-Pétersbourg en 1801, il s'efforca de me prouver qu'il n'avait point mérité les reproches que je lui adressais, étant obligé d'obéir. *Vous rappelez-vous,* me dit-il, *que je vous avais dit dans ma jeunesse, que j'irais dans votre pays avec une armée?*— «Oui, monseigneur, et *vous n'avez pas oublié ce que je vous répondis alors, qu'il y avait dans mon pays un bâtiment où l'on plaçait ceux qui nous faisaient de pareilles visites* (l'ossuaire de Morat). *Il ne s'en est pas fallu de beaucoup, que vous ne devinssiez au moins notre prisonnier. Si les ordres du directoire helvétique eûssent été ponctuellement exécutés, il vous eut été difficile d'échapper; les élémens même étaient déclarés contre vous, et si les défilés du mont Panix avaient été occupés à temps, il ne vous restait que la ressource de mourir de faim ou de capituler.*

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Оригиналъ автобіографіи Лагарпа находится у родственника и наслѣдника его г. Моно (Henri Monod). Списокъ, посланный Цшокке, хранится въ Аарау въ публичной библіотекѣ, а списокъ съ него—въ публичной библіотекѣ Лозаннской подъ заглавіемъ: Copie des manuscrits autographes, renfermant des détails biographiques sur le général Frédéric César De La Harpe et sur le directeur de la république helvétique Maurice Glayre, ainsi que sur les évênemens de leur temps. L'original de manuscrit appartient à la bibliothèque cantonale d'Aarau. Copié sur les manuscrits originaux prêtés par l'administration de la bibliothèque cantonale d'Aarau à Lausanne. Octobre 1850. (Рукопись 17. P. I. 358).

Въ 1864 г. доцентъ исторіи въ Бернскомъ университетѣ, Фогель, издалъ въ Бернѣ автобіографію Лагарпа. Книга Фогеля называется: Schweizer geschichtliche Studien von *Jakob Vogel,* и заключаетъ въ себѣ: 1) Johannes Müllers Freundschaftsbund mit Karl Victor von Bonstetten, 2) Laharpe's Memoiren (стр. 65—217) и 3) David Ulrich, Staatsanwalt des Kantons Zürich.—Въ началѣ мемуаровъ Лагарпа помѣтка: A monsieur Henry Zschokke, au château de Biberstein près d'Aarau. Le 2 floréal an XII; въ концѣ: Au Plessis Piquet. Le 15 floréal an XII.

Въ спискѣ, находящемся у Моно, есть нѣкоторыя добавленія сравнительно со спискомъ Цшокке въ изданіи Фогеля: Je fis mes études au collège de Rolle qui était fort mal monté (Schweizergeschichtliche Studien, стр. 67). Въ рукописи Моно: On y enseignait très mal le latin et à peine le grec. Il n'était question ni de la grammaire française, ni de géographie, ni d'histoire. 5 ou 6 ans étaient perdus de la sorte; le gouvernement ne s'en mêlait pas.

За словами: C'est un homme bien redoutable aux intrigants que l'être indépendant qui a le courage de dire toujours la vérité lorsqu'on l'interpelle (Schweizergeschichtliche Studien, стр. 83), въ рукописи находится слѣдующее мѣсто, котораго нѣтъ въ изданіи и которое относится ко времени пребыванія Лагарпа въ Россіи: Un incident vint encore raviver cette malveillance. Cathérine II admettait dans sa société quelques émigrés du haut parage. Un jour qu'ils faisaient de l'ancien régime français un éloge pompeux

que nul des assistans n'osait contredire, l'un des jeunes grands ducs, Constantin, les interrompt tout à coup pour leur dire qu'ils se trompaient. L'impératrice surprise invite son petit-fils à s'expliquer. Aussitôt le jeune prince se met à énumérer article par article les abus.—Mais qui vous a instruit de toutes ces choses?—«Je l'ai lu avec m. de la Harpe dans un historien bien informé et digne de foi». — Cet historien était Duclos, dont les Mémoires posthûmes en disaient plus sur la matière que je n'aurais pu dire. Cathérine II applaudit, les émigrés confus de la réfutation gardèrent le silence, mais eux et leurs amis de la diplomatie n'en furent que plus irrités contre celui qui fournissait à leurs depens de pareilles armes.

О лицѣ, не названномъ въ изданіи (стр. 83): les intrigants obtinrent qu' *un ministre* de l'impératrice me ferait connaître ses intentions qui étaient de quitter ma place,—рукопись говоритъ, что это былъ Стрекаловъ, слѣпое орудіе графини Шуваловой, первой статсъ-дамы молодого двора, женщины умной, но тщеславной, не выносившей независимаго характера Лагарпа.

Поводомъ къ изданію мемуаровъ Лагарпа послужило, по словамъ Фогеля, то, что до сихъ поръ нѣтъ біографіи Лагарпа; что духъ, оживлявшій Гельветическую республику временъ Лагарпа, служилъ сокровищницей, откуда брали оружіе свое борцы свободы послѣдующихъ поколѣній, и что эпоха Лагарпа безчисленными нитями связывается съ настоящимъ временемъ (Schweizergeschichtliche Studien, стр. II). Но обнародованіе мемуаровъ Лагарпа произвело въ Швейцаріи неблагопріятное впечатлѣніе, какъ можно судить по слѣдующему отзыву одного изъ лучшихъ литературныхъ органовъ Швейцаріи. Les *Mémoires de F. C. Laharpe écrits par lui-même* ne répondent pas à leur titre. C'est plutôt un mémoire justificatif de sa conduite politique jusqu'en 1803, envoyé par l'ex-directeur à Zschokke. L'impression que produit à soixante années de distance ce mémoire justificatif est peu favorable à l'homme éminent qui l'a composé et nous sommes très portés à croire que, plus calme et plus heureux, il se fût bien gardé de l'écrire et encore plus de s'en dessaisir. Laharpe, avec de grandes et incontestables qualités, avait des défauts qui se manifestent sans aucune retenue dans son apologie. Dominateur, intolérant, passionné, il y parle de ses adversaires dans termes qu'il a sans doute regrettés plus tard. Le vénérable Lavater lui valut une place à Bedlam. Glayre et Mousson sont fort mal traités et pour cause. Le premier est représenté comme faible et même comme un poltron faisant des jérémiades continuelles, le second comme un séïde dénonciateur. En revanche Rapinat est un *bon homme* et Brune un *galant homme!* Les mêmes appréciations essentiellement partiales se retrouvent d'un bout à l'autre de ce mémoire, qui du reste doit avoir été écrit à la hâte car le style en est fort négligé. Cependant ou y trouve par-çi par-là des jugemens plus froids et des aveux qui ne manquent pas d'intérêt. Homme d'une trempe superieure, Laharpe ne dissimule pas l'incapacité de beaucoup de ses amis politiques, ni même l'indignité de quelques-uns (*Bibliothèque universelle et revue suisse*. LXIX-me année. Nouvelle période. Tome XIX. Genève. Lausanne. Neuchatel. 1864. Bulletin littéraire et bibliographique, стр. 603—608).

Въ *Русскомъ Архивѣ* переданы, частію въ переводѣ, частію въ извле-

ченія, отрывки изъ мемуаровъ Лагарпа, относящіеся къ его воспитанію, дальнѣйшей судьбѣ и пребыванію въ Россіи: *Русскій Архивъ*. 1866 года, стр. 75—94, Ф.-Ц. Лагарпъ въ Россіи (изъ его Записокъ).

2) Historische Denkwürdigkeiten der Helvetischen Staatsumwälzung, gesammelt und herausgegeben von *Heinrich Zschokke*. Dritter Band. Winterthur. 1805. Половину книги занимаютъ Politische Charakter-Zeichnungen einiger in den neuen Geschichten der Schweiz ausgezeichneten Männer. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ помѣщено восемь біографическихъ очерковъ, и въ ихъ числѣ: Friedrich Cäsar Laharpe, Director der Helvetischen Republik (стр. 74—131). Цшокке говоритъ, что черпалъ свѣдѣнія свои изъ прямыхъ и вѣрнѣйшихъ источниковъ, избѣгая собственныхъ выводовъ и приговоровъ. Заимствованія изъ рукописи Лагарпа, почти дословныя, въ такомъ родѣ: Лагарпъ говоритъ о своемъ двоюродномъ братѣ, Амедеѣ Лагарпѣ: destiné ainsi que moi à être proscrit par messieurs de Berne et à verser son sang comme général français pour la défense d'une république française à laquelle aucun de nous ne songeait alors (стр. 69). У Цшокке: Da beide von der Regierung des Standes Bern proscribirt wurden, und Amadeus als französischer General für eine französische Republik sein Bluth vergoss, an die damals noch keiner von ihnen dachte, etc. (стр. 76). Измѣненія состоятъ обыкновенно или изъ перемѣны и разбавки фразъ, или просто изъ употребленія мѣстоименія третьяго лица вмѣсто перваго: рукописное *я* замѣнено печатнымъ *онъ*.

3) Vie politique de monsieur le colonel Frédéric César de Laharpe, par de *Gingins-Pillichody*. 1815. Во введеніи авторъ говоритъ: Monsieur le colonel Fr. C. de *Laharpe, principal auteur de la révolution, du bouleversement et des malheurs de la Suisse,* depuis 1798 jusqu'en 1800, recommence à jouer un rôle si marquant dans les affaires de sa patrie dans ce moment important de la réorganisation générale des états de l'Europe, qu'il est de plus grand intérêt de la faire connaître, de montrer au public éclairé quelles furent ses passions, ses opinions et quelle a été sa conduite quand il était lui-même à la tête de gouvernement helvétique и пр. Источниками служили книга Цшокке, собственныя сочиненія Лагарпа и *Bulletin officiel* за то время, когда Лагарпъ былъ во главѣ швейцарскаго правительства.

Въ 1818 году вышла въ свѣтъ Biographie de monsieur F. C. Laharpe, ci-devant directeur de la république Helvétique, suivie d'extraits de ses ouvrages politiques.

4) Notice biographique sur le général Frédéric-César de la Harpe, précepteur de l'empereur de Russie, Alexandre I, directeur de la république Helvétique, citoyen suisse du canton de Vaud; par *C. Monnard*. Lausanne, Genève, 1838. Авторъ пользовался книгою Цшокке, дополняя и исправляя заимствуемыя изъ нея извѣстія. Сверхъ того, авторъ былъ въ сношеніяхъ съ людьми, сообщившими ему разнаго рода данныя: много свѣдѣній получилъ отъ самого Лагарпа, съ которымъ былъ въ самыхъ близкихъ, почти ежедневныхъ, сношеніяхъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Въ приложеніи помѣщено между прочимъ письмо Лагарпа къ отцу, писанное изъ Петербурга въ 1786 году: изъ этого письма видно, что Екатерина II была очень довольна уроками Лагарпа великому князю Александру Павловичу.

5) Ср. Nouvelle biographie générale, publiée par mm. *Didot* frères, sous la direction de m. le docteur *Hoefer*. Paris. 1859. T. 28, стр. 884—888.

6) Le canton de Vaud et la Suisse de 1798 à 1815. Récits historiques par *J. Cart*. Lausanne. 1868. Съ эпиграфомъ изъ Лагарпа: Il est salutaire de faire connaître à quel prix on recouvre la liberté lorsqu'on l'a perdue. Брошюра состоитъ изъ трехъ публичныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ Лозаннѣ въ 1866, 1867 и 1868 годахъ: первая—le canton de Vaud au temps de la république Helvétique; вторая—le canton de Vaud et l'acte de médiation; третья—Fréderic-César de la Harpe, le fondateur de la liberté vaudoise. Récit présenté dans une conférence publique de Lausanne le 25 février 1868.

7) Первый періодъ обнимаетъ время до возвращенія Лагарпа изъ Россіи въ 1795 году; второй—до вступленія его въ директорію въ іюнѣ 1798 года; третій—до 7-го января 1800 года, все время его управленія; четвертый — до іюля 1800 года; пятый—до 1802 года; шестой, которымъ прерываются мемуары, обнимаетъ 1802 и 1803 годы. Четыре первые періода изданы Фогелемъ въ Schweizergeschichtliche Studien, подъ названіемъ: Mémoires de Frédéric-César Laharpe, écrits par lui-même. Въ рукописи они занимаютъ четыре тетради, означенныя буквами: A, B, C, D. Пятый періодъ занимаетъ въ рукописи шесть тетрадей подъ буквами: E, F, G, H, J, K, а шестой періодъ—одну тетрадь подъ буквою L.

8) Biographie de m. F. C. Laharpe, suivie d'extraits de ses ouvrages politiques. 1818.

Monnard: Notice bibliographique. Стр. 1. Въ письмѣ Лагарпа въ контору Ветлинка, отъ 14-го сентября 1804 года: Dans cette lettre de change mon nom était écrit *de l'Harpe*, tandis que je signe constamment *Laharpe*,

Въ находящемся въ капитулѣ орденовъ спискѣ кавалеровъ съ 1782 по 1795 годъ названъ и преміеръ-маіоръ *Делагарпъ*. Въ 1799 году состоялось опредѣленіе «о исключеніи *Лагарпа* изъ списка кавалеровъ».

9) *Monard:* Notice biographique, стр. 1.

10) Supplément au № 20 du Bulletin helvétique. Livré à l'impression la 23 janvier 1800. Стр. 187—206. Mémoire justificatif presenté au corps législatif helvétique par le citoyen Laharpe, membre du ci-devant directoire, accompagné de quelques notes explicatives. (A la suite de la dissolution du directoire le 7 juin 1800). Экземпляръ Лозаннской публичной библіотеки съ приписками рукою Лагарпа.

11) Dictionnaire historique, politique et géographique de la Suisse etc. 1788. Три тома. Женева. Новое изданіе. T. II, стр. 161: *Haldenstein*, baronie, près de Coire aux Grisons, absolument libre et indépendante, n'appartient à aucune des trois ligues (ligues grisses—grau Bünden). Le séminaire qui y a éte fondé en 1761 a rendu ce lieu célèbre et fréquenté. Il a été prouvé et confirmé par les trois ligues, et la jeunesse y est enseignée par d'habiles maîtres. Авторъ словаря—Чарнеръ (Johannes-Baptista Tscharner). Словарь пользовался большою извѣстностью и выдержалъ нѣсколько изданій.

Ueber die Schul-und Erziehungsanstalt zu Reichenau bei Chur. In einem Sendschreiben an den Herrn Gymnasiarch Michael von Wagner zu Bern, von *Heinrich Zschokke*. Im Herbstmond. 1796. Стр. 10—11.

12) Histoire de la confédération suisse par Jean de *Müller,* traduite de l'allemand avec des notes nouvelles et continuée jusqu'à nos jours par mm. Charles *Mounard* et Louis *Vulliemin.* T. XV. Charles Monnard. Paris et Lausanne. 1846. Стр. 46—47.

13) Ueber die Schul-und Erziehungsanstalt zu Reichenau, von H. *Zschokke,* стр. 10—11.

14) Свѣдѣнія о Неземанѣ и письмо его къ Лагарпу находится въ собственноручныхъ рукописныхъ добавленіяхъ Лагарпа къ мемуарамъ отосланнымъ имъ Цшокке.

15) Biographien zur Kulturgeschichte der Schweiz von Dr. Rudolf *Wolf,* Professor der Astronomie in Zürich. 1859. Martin Planta von Süs, стр. 193—206.

16) *Monnard:* Notice biographique, стр. 12.

17) Verhandlungen der helvetischen Gesellschaft. 1766. Geschichte und Beschreibung des Seminarii in der Freiherrschaft Haldenstein nahe bei Chur in Bündten. Стр. 42—44, 46—49, 55—59. Это описаніе составлено самимъ учредителемъ семинаріи. Профессоръ Планта въ одномъ изъ собраній Гельветическаго общества изложилъ судьбу своего учрежденія, и его слова такъ сильно подѣйствовали на общество, что постановили упросить его сообщить письменныя свѣдѣнія о замѣчательномъ училищѣ. Современное свидѣтельство говоритъ.... hat eine grosse Aufmunterung gegeben die wichtige und ausführliche Erzählung von der so *berühmten* Pflanz-Schule zu *Haldenstein.* Die Rührungen, mit deren selbige angehört werden, haben den Entschluss verursacht, den Herrn Planta zu ersuchen. über diese merkwürdige Stiftung eine kurze Geschichte zu verfassen (Verhandlungen. 1766, стр. 27 и сл.).

Schreiben an die helvetische Gesellschaft, die sich jährlich in Schinznach versammelt, über Herrn Professor Basedows Vorschläge zur Verbesserung des Unterrichtes der Jugend. Basel. 1769. Freunde und Mitbrüder! Vorzüglich haben die Erziehung und der Unterricht der Jugend ihre Aufmerksamkeit auf sich gezogen. Der *Enthusiasmus,* mit welchem sie die gesegneten Erfolge eines *weisen und muthigen Planta* vernommen haben, sind mehr als überzeugende Proben, wie sehr sie diesen wichtigen Gegenstand beherzigen. (Стр. 3—4).

18) Règlement pour l'académie. Février 1813. § 190—196. Du senat des étudians. Les membres du sénat des étudians sont au membre de 18, savoir: Le *consul,* qui est président du sénat. Le *questeur,* qui en est le caissier. *L'orateur,* qui est chargé de porter la porole au nom du sénat et de faire poursuivre devant le sénat la répression des fautes. Le *préteur,* qui doit être nécessairement un étudiant en théologie et qui est chargé de pourvoir aux fonctions ecclésiastiques dont les étudians en théologie sont chargés. Le *bibliothécaire,* chargé du soin de la bibliothèque des étudians. Le *secrétaire,* qui tient les régistres et les autres écritures. Le *sous-bibliothécaire,* chargé d'aider le bibliothécaire dans tout ce qui concerne la bibliothèque et particulièrement de distribuer les livres pendant que celui-ci les inscrit. Les onze *censeurs.* Les six premiers membres sont élus par l'assemblée générale des étudians, à l'exception de la dernière volée de l'auditoire de belles-lettres, sous la présidence du recteur, à la pluralité absolue

des suffrages et entre les étudians âgés de vingt ans révolus. De plus, le consul doit avoir été auparavant membre du sénat. Les fonctions de *censeurs* sont de veiller à la conduite des étudians dans les auditoires et hors des auditoires, de les rappeler à l'ordre par leurs exhortations et de porter plainte contr'eux en sénat. (Стр. 46—47).

Ср. также: Histoire de l'instruction publique dans le canton de Vaud par Charles *Archinard,* pasteur, secrétaire en chef du département de l'instruction publique et des cultes. Lausanne 1870. Chapitre IX. Les étudians, leur corps et leur vie. (Стр. 259 и слѣд.).

19) Ueber die Schul- und Erziehungsanstalt zu Reichenau, von *H. Zschokke.* (Стр. 13—16).

20) Étrennes nationales, faisant suite au Conservateur suisse, ou Mélanges helvétiques d'histoire, de biographie et de bibliographie. Recueillis par *E. H. Gaullieur,* professeur extraordinaire à l'académie de Lausanne. Lausanne. 1846. Les études de F. C. Laharpe et ses débats au barreau (1772—1782). Статья о Лагарпѣ состоитъ изъ ряда писемъ Лагарпа къ другу его и земляку, доктору правъ Фавру, въ Роллъ изъ Тюбингена, Лозанны и Берна. Стр. 7, 13, 17, 30, 34, 35, 40, 23, 27, 14, 11, 89 и др. Письма изъ Тюбингена 1772 и 1773 года и изъ Лозанны 1780 года.

21) Encyclopédie ou dictionnaire universel raisonné des connaissances humaines. Mis en ordre par m. de Felice. 42 volumes in 4°. Yverdon. 1770—1775; 6 volumes de supplément, 1775—1776; 10 volumes de planches. 1775—1780.

22) Histoire de canton de Vaud, par *A. Verdeil.* T. III. Lausanne. 1852. Стр. 304—311 и др.

23) Le doyen Bridel, essai historique par *L. Villiemin.* Lausanne. 1855. Стр. 241 и др.

24) Тамъ же, стр. 76—77.

Placé par la naissance au rang des souverains,
Vous devez quelques jours commander aux humains;
Prince, n'oubliez pas qu'ils sont ce que nous sommes.
Égaux par la nature.... et traitez les en hommes.
Si jamais près de vous de lâches courtisans
De l'absolu pouvoir se montraient partisans,
Dites leur aussitôt: il est une contrée
Où j'ai vu de mes yeux la liberté sacrée...
Vainement de grandeur je semblais revêtu:
Ils n'assignaient mon rang qu'au poids de ma vertu.

25) Рукопись Лозаннской публичной библіотеки. S. 1378. Réglements et protokoles de la société littéraire de Lausanne. 1772—1782.

26) Histoire du canton de Vaud, par *A. Verdeil.* T. III. Стр. 296—300 и др.

Bulletin de l'institut national genevois. T. III. Genève. 1855. № 9. Octobre. Etudes sur l'histoire littéraire de la Suisse française, particulièrement dans la seconde moitié du XVIII siècle, par *E. H. Gaullieur.*

27) Notice historique sur la cathédrale de Lausanne, par *Archinard.* Lausanne. 1870. Стр. 9—11.

28) Письмо Гиббона о внутреннемъ состояніи Ваатланда, приводимое Верделемъ въ его исторіи Ваатландскаго кантона (III, 212—226) и другими.

Voltaire à Lausanne, par *Olivier*. 1842. Стр. 8.

Laharpe: Aux habitans du pays de Vaud. Paris. 1797. Стр. 12.

29) Mémoires de Henri Monod, ancien conseiller d'état et membre à vie du grand conseil du canton de Vaud. Paris. 1805. T. I, стр. 40—42.

30) Histoire de l'instruction publique dans le pays de Vaud par André *Gindroz,* professeur honoraire à l'académie de Lausanne. Lausanne. 1853 Стр. 44.

Bulletin de l'institut national genevois. 1855. T. III, № 9, стр. 225.

31) Schweizergeschichtliche Studien, стр. 72—73.

32) Письмо Гримма къ Лагарпу изъ Парижа отъ 16-го апрѣля 1782 года: оно находится у г. Моно въ числѣ бумагъ Лагарпа.

33) Въ примѣчаніи къ письму къ Стрекалову (хранящемуся у г. Моно), отъ 27-го іюня 1793 года, Лагарпъ говоритъ: «Le baron de Grimm, diplomate—homme de lettres, qui correspondait regulièrement avec Cathérine II et jouissait auprès d'elle d'une grande considération, m'avait adressé de Paris par l'entremise d'un ami en 1782 deux officiers russes de distinction, dont l'un était frère du général Lanskoï, qui jouissait d'un grand crédit auprès de cette souveraine, et proposé de les accompagner dans leur voyage en Italie. Une correspondance s'établit à cette occasion entre Grimm et moi sur des objets d'éducation. Elle fut envoyée à Pétersbourg à mon insu et communiquée à Cathérine II, qui chargea Grimm de m'inviter à accompagner ces messieurs en Russie».

Въ біографическомъ очеркѣ Монара говорится: «Un jeune Lanskoï auquel s'intéressaient des personnes de la cour était passionément épris d'une demoiselle qu'on ne voulait pas qu'il épousait. On plaça auprès de lui m. de la Harpe, qui sut si bien le captiver par sa conversation instructive et lui inspirer le goût de l'étude et des occupations utiles, qu'il fit une efficace diversion à la passion du jeune seigneur. Ce succès attira sur lui l'attention d'hommes qui approchaient la souveraine. A leur recommandation Cathérine porta ses vues sur m. de la Harpe, qui venait de faire preuve d'une bonté ingénieuse alliée à de la fermeté et à beaucoup d'instruction». (Notice biographique sur le général de la Harpe, par *C. Monnard.* Стр. 8—9).

34) Vie de Cathérine II, impératrice de Russie (par *Castera*). Paris. An V de la république (1797). T. II, стр. 242, 297—298, 454.

Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Cathérine II et le commencement de celui de Paul I... Paris. An VIII (1800), 2 vol. (par *Ch. François Philibert Masson).* T. I, стр. 157—159.

35) Въ примѣчаніи къ первому своему мемуару, представленному 10-го іюня 1784 года, Лагарпъ говоритъ: «Peu de jours aprés le général Lanskoi fut emporté par une fièvre maligne, et comme il était mon seul protecteur, je demeurai seul et isolé. Ce mémoire et les lettres que j'ai écrites au baron de Grimm et celui-ci transmit à Cathérine II paraissent m'avoir défendu dans ce moment critique. Il serait injuste de ne pas reconnaître aussi un caractère de bonhomie dans les nationaux: j'en ai fais l'é-

preuve à diverses reprises. Elle méritait bien qu'on s'occupa d'assurer sa prospérité par des institutions durables, cette bonne nation russe».

36) Письмо отъ 28-го апрѣля 1796. Genthod près Genève.

37) Одинъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ, относящихся ко времени перваго пребыванія въ Россіи Лагарпа, составляютъ бумаги его, находящіяся у г. Моно, именно четыре тетради подъ буквами: A, B, C, D, положенныя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами, въ пакетъ съ надписью, сдѣланною самимъ Лагарпомъ: Démarches faites depuis 1785 à 1794 au sujet des appointemens de ma place d'instituteur des grands ducs. Réclamations relatives à mon grade militaire et à ma pension. Précis des manoeuvres suivis depuis 1791 jusqu' à 1794 pour me faire disgracier par les patriciens de Berne, par les émigrés français et par la diplomatie étrangère, justifié par ma correspondance avec S. M. I. Catherine II, le feldmaréchal comte Soltykof et monsieur Strekalof.

38) Premier mémoire, remis le 10 juin 1784 au comte Soltykof, nommé gouverneur en chef des jeunes grands ducs, presenté à S. M. I. Cathérine II avec ses ratures et apostillé par elle. Съ подлинника, находящагося въ архивѣ г. Моно, мы помѣщаемъ мемуаръ Лагарпа въ приложеніи I.

39) Рукопись Наказа Екатерины о воспитаніи хранится въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Впервые наказъ о воспитаніи напечатанъ въ книгѣ: Записки о жизни генералъ-фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова, издалъ *Павелъ Свиньинъ*. С.-Пб. 1818, стр. 23—100. Наказъ занимаетъ около двухъ третей книги. Онъ перепечатанъ въ Сочиненіяхъ императрицы Екатерины II, 1849. Т. I, стр. 199—248.

Подробно разсмотрѣна инструкція въ сочиненіи профессора Харьковскаго университета, *Н. А. Лавровскаго:* «О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой» (стр. 33—131), помѣщенномъ въ книгѣ: Актъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, 14-го сентября 1856 года, Харьковъ. 1856. Ср. *А. Д. Галахова* разборъ сочиненія профессора Лавровскаго: *Отечественныя Записки*. 1856. Томъ CIX. Библіографическая хроника, стр. 85—94.

40) О воспитаніи дѣтей господина Локка, переведено съ французскаго на россійскій языкъ профессоромъ *Николаемъ Поповскимъ*. Москва. Часть II. 1760, стр. 104—105.

41) *Отечественныя Записки*. 1856. Т. CIX. Статья *Галахова* о сочиненіи Лавровскаго, стр. 89—92.

42) Mémoires ou souvenirs et anecdotes par m. le comte de Segur. Paris. 1826. T. III, стр. 23, 37—38, 42—43.

Oeuvres choisies du maréchal prince de *Ligne*, publiées par m. de *Propiac*. Paris. 1809, стр. 387.

43) Mémoires secrets sur la Russie (par *Masson*). T. II, стр. 157. Cathérine composa un plan d'éducation pour ces petits-fils comme elle avait composé une instruction pour la législation de ses peuples. Ce plan compilé de Locke et de Rousseau, comme cette instruction l'avait été de Montesquieu, de Mably et de Beccaria.

О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой, профессора *Лавровскаго:* «Чтеніе Монтеня, Локка, Руссо и Базедова имѣло весьма сильное вліяніе на педагогическія сочиненія Екатерины II, и въ

этомъ отношеніи весьма важны Монтень и Локкъ. Что же касается до Руссо, то мы думаемъ, что его воспитательная система, какъ ни замѣчательна она по остроумію и оригинальности, противорѣча главнымъ началамъ общественной и частной жизни, не могла возбудить къ себѣ сочувствіе императрицы... Нельзя не замѣтить болѣе самостоятельности въ наставленіи касательно предметовъ обученія», и т. д. (стр. 40, 114, 124). Г. Лавровскій указываетъ и сличаетъ сходныя мѣста въ инструкціи и въ сочиненіи Локка.

44) *Инструкція Екатерины*	*Переводъ Лагарпа.*
Яснѣе мысли наши предложатся, когда скажемъ, первое, что требуемо быть можетъ во младенчествѣ; второе, чего отъ отроковъ, выходящихъ изъ младенчества и приближающихся къ юношеству, и третіе, чего въ юношествѣ ожидать можно, составятъ все то, въ чемъ заключается и разумѣть можно воспитаніе, и т. д. (Рукопись Академіи Наукъ, л. 3 об. 4. Сочиненія Екатерины II. 1849. Т. I, стр. 202).	Nos intentions à ce sujet seront plus évidentes lorsque nous parlerons du 1-r article, savoir de ce qui peut être nécessaire dans l'enfance; du 2-e article, ou de ce qui concerne ceux qui, sortant de l'enfance, s'approchent de la jeunesse, et du 3-e, ou de ce qu'on peut attendre de la jeunesse, et en quoi consiste tout ce qui est renfermé et peut être entendu sous l'idée d'éducation...
Ихъ Высочества младенчество проводили почти въ женскихъ рукахъ, гдѣ вниманіе ихъ непримѣтно старались обратить на то, чего отъ нихъ требовалось. (Рукопись, л. 22 об. Сочиненія Екатерины. Т. I, стр. 222).	LL. AA. ont presque passé leur enfance dans les mains des femmes, dont l'application a tendu à les diriger insensiblement vers ce qu'on exigeait d'eux....
На каждомъ языкѣ для чтенія избрать книги писанныя лучшія (Рукопись, л. 26. Сочиненія Екатерины. Т. I, стр. 228).	.... les livres mieux écrits.

45) Рукописи Лозаннской библіотеки (bibliothèque cantonale):

I. A. 913, in f° На корешкѣ: Extraits de thèmes. Vol. II. На третьемъ листѣ: Thèmes dictés à LL. AA. II. en 1785 et 1786. Contenant l'histoire romaine.

II. A. 913, in f°. На корешкѣ: Extraits de thèmes etc. Vol. I. На верхней доскѣ переплета: Extraits de thèmes destinés à servir de base aux leçons d'histoire données aux grands ducs de Russie. Histoire romaine.

Томы обозначены невѣрно: вмѣсто «первый» слѣдовало бы надписать «второй» и наоборотъ.

III. A. 913. 63. C*. in f°. Extraits d'une histoire romaine dictée au grand-duc Alexandre и Notes sur l'histoire grecque depuis la mort d'Alexandre jusqu'à la prise de Corinthe. Римская исторія начинается отъ сраженія при Филиппахъ и оканчивается Валентиніаномъ III (+ 455). Въ этотъ томъ входитъ и составляетъ его бо́льшую часть рукопись, указанная нами подъ № 1.

IV. A, 913. 63. C¹⁰. in 8⁰. Débris et brouillons de notes historiques destinées pour les grands ducs de Russie.

На отдѣльныхъ листкахъ черновыя замѣтки того же содержанія, что № I и II.

V. A. 913. 63. C⁹. 4⁰ major. Notes historiques depuis les plus anciens temps jusqu'à l'invasion des Mogols. Краткій перечень лицъ и событій всеобщей исторіи. Начинается сказаніемъ о шести дняхъ творенія и оканчивается извѣстіемъ изъ исторіи Моголовъ: Babour fut expulsé de la Boukaria en 1498 et d'un fugitif devint le fondateur de l'empire des Mogols dans l'Indostan.

VI. A. 913. 63. C⁵. in f⁰. Замѣтки объ Ассиріи, Вавилоніи, Мидіи, о Византійской имперіи и Моголахъ.

VII, A. 913. 63. C⁵. 4⁰ major. Замѣтки о переселеніи народовъ. Извлеченіе изъ сочиненія Тунмана о восточныхъ народахъ и т. д. Главная и бóльшая часть рукописи—замѣтки, относящіяся къ исторіи Греціи, миѳологіи, образованности, торговлѣ, мореплаванію, образу жизни греческаго народа.

VIII. A. 913. 63. C⁶. in f⁰. Extraits rélatifs à l'histoire d'Allemagne depuis l'an 1204. Простирается до Фридриха II, до 1779 года. Краткія замѣтки, въ хронологическомъ порядкѣ царствованій, касающіяся Германіи, Венгріи, Чехіи.

IX. A. 913. 63. C⁷. in f⁰. Extrait relatifs à l'histoire d'Italie depuis l'an 455. Извлеченія, болѣе или менѣе краткія, и перечень отъ 455 до 1759 года. Краткія замѣтки о папахъ съ 1039 по 1773 годъ. Нѣсколько краткихъ замѣтокъ о тосканскихъ владѣтеляхъ съ 1115 по 1569 годъ и т. д.

X. A. 913. 63. C³. 4⁰ major. Извлеченія изъ Grammaire universelle de Court de Gébelin. Notes sur la Grammaire grecque de Matthiae. Выписки изъ греческой грамматики чрезвычайно обширны: цѣлыя страницы заняты образцами склоненій и спряженій, и т. п.

XI. A. 913. 63. C³. in 4⁰. Notes astronomiques. Extraits de l'ouvrage de Büsch sur les banques. Notes statistiques sur le commerce de St.-Pétersburg etc. Замѣтки начинаются астрономіей; потомъ слѣдуютъ замѣтки о всеобщей грамматикѣ въ отношеніи къ французскому языку; далѣе извлеченія изъ Бюша и изъ политической экономіи Сея съ черновыми письмами къ императору Александру, которому онъ посылалъ выдержки изъ Сея. Краткія историческія замѣтки о Сербіи и Валахіи, и пространныя выписки изъ греческой грамматики.

XII. A. 913. 63. CC. in f⁰. Extraits des mémoires de Thielke sur la fortification.

Всѣ эти двѣнадцать томовъ обозначены въ каталогѣ подъ общимъ именемъ рукописей, служившихъ основаніемъ преподаванія великимъ князьямъ: Catalogue de la bibliothèque cantonale vaudoise. Lausanne. 1853. I. Généralités. Стр. 34. A. 913. La Harpe (Fréd. Cés. de). Notes sur différentes sciences destinées à servir de bases aux leçons données aux grands ducs de Russie. Mss. autogr. 1786—1786. 12 vol. in f⁰. et in 4⁰.

Въ *Русскомъ Архивѣ* 1869 года, № I, стр. 75 — 82, помѣщена статья графа Уварова подъ названіемъ: «Бумаги Лагарпа, хранящіяся въ публичной библіотекѣ въ Лозаннѣ», въ которой приводится перечень рукописей Лагарпа, нѣсколько строкъ изъ одной изъ нихъ и два письма Лагарпа

изъ другой. Въ перечнѣ пропущена одна рукопись, именно означенная у насъ подъ № VI, и потому число томовъ показано не двѣнадцать, какъ бы слѣдовало, а только одиннадцать. Письма Лагарпа — къ императору Александру въ 1815 году.

46) *Bulletin de l'institut national genevois,* T. III, 1855, № 9. Études sur l'histoire littéraire de la Suisse française par E. H. *Gaullieur,* стр. 216—217.

47) Рукопись Лагарпа въ Лозаннской публичной библіотекѣ. А. 913. in f°. Extraits de thèmes. Vol. II (то-есть № I по нашему перечню въ примѣчаніи 44-мъ), стр. 1—511.

48) Рукопись Лагарпа въ Лозаннской библіотекѣ, № II по нашему перечню.

А.

Que penser après cela de cette triste et ennuyeuse étiquette, de cette gravité affectée, de cette pompe ridicule, dont on environne les princes et qui passe d'eux jusqu'aux dernières classes de la société. On dirait que la grandeur consiste dans un palais magnifique, dans un domestique nombreux, dans une table somptueusement servie, dans une société de parasites et de flatteurs, dans de riches équipages, dans des habits chargés d'or et de pierreries et dans des airs de hauteur et de dédain, fondés sur le sentiment de pouvoir satisfaire tous ces caprices et être injuste impunément. Ce sont là les maximes de la sottise, et ces maximes on vous les débitera de mille manières. On vous dira qu'étant nés princes, vous êtes dispensés du travail, de la peine, de l'étude et du savoir, qu'assez d'autres s'honorent de faire vos affaires et que la seule que vous regarde est de vous divertir et de représenter. On fera plus, on citera des exemples, et lorsque vous aurez vu des milliers de princes et de grands adopter ces honteux principes, vous serez peut être tentés de croire qu'on vous dit vrai. Le seul moyen de vous préserver d'une crédulité aussi fatale, qui vous assimilirait infalliblement aux imbécilles ou aux méchans, est d'acquérir pendant que vous êtes jeunes les connaissances nécessaires à votre étàt, de prendre l'habitude de travail et surtout d'exercer votre jugement et vos forces ne recourrant à l'assistance d'autrui qu'après avoir fait tous vos efforts pour réussir seul. L'ami le plus sûr d'un homme public c'est sa judiciaire, s'il l'a exercée de bonne heure; et l'unique ami peut-être d'un prince est cette même judiciaire, à l'aide de laquelle il pèse les raisons de ses ministres, les réprésentations de ses serviteurs, les conseils de ses amis et des éloges de ses courtisans. Mais cette judiciaire ne s'acquiert ni par l'illustration de la naissance, ni par la représentation ou l'étiquette, ni en chargeant les autres de penser ou d'agir pour soit. Persuadez vous que tout homme a des devoirs à remplir, que ceux des princes sont les plus étendus et les plus difficiles de tous, que le mérite d'un homme dépend uniquement de la manière dont il s'acquitte de ses devoirs, tandis que tout le reste est accessoire, qu'il n'y a à ce sujet qu'une seule mesure commune au monarque et au misérable, que l'amour des peuples, les hommages des contemporains et les éloges de postérité suivent le prince qui n'a mis sa grandeur et sa gloire qu'à remplir ses devoirs *d'homme et citoyen,* au lieu que la haine des peuples, leurs complots et les révoltes, le mépris des contemporains et le jugement inéxorable de la postérité attendent le prince

insensé qui plaçant son mérite hors de lui-même a perdu de vue ses devoirs. N'oubliez jamais qu'Antonin le pieux, que Marc-Aurèle, que Julien, qui honorèrent tant l'humanité par leur génie, leur application et leurs vertus, dont les règnes font époque dans l'histoire du monde, vécurent en citoyens simples et modestes, sans ostentations et sans faste, tandis que les Caligulas, les Nérons, les Héliogobales firent le malheur de leurs sujets et offensèrent l'humanité par leur méchanceté, leur luxe effréné et leur fol orgueil (стр. 53—57).

B.

Le souverain, qui viole les privilèges de son peuple et ne reconnait d'autre règle que sa volonté, s'expose. Celui qui est injuste, oppresseur, cruel, celui qui ne voit dans ses sujets que des bêtes de somme, condamnés à le servir, mérite la mort.

Cette vérité est gravée dans le coeur de tout homme bien informé des droits de son espèce et qui a réfléchi sur l'origine des sociétés en ne consultant que les faits, le sentiment et la raison.

La force fonda les trônes, mais pour les soutenir et pour réconcilier le fort avec le faible, il fallut recourir à des lois fondamentales propres à rétablir l'ordre et à faire régner la justice. Or, le souverain, qui foule aux pieds ces lois et qui annule ses institutions, rappelle la source impure d'où son pouvoir est jadis émané; il remet en question ce qui avait été décidé et court les hazards d'une chance contraire. Envain les ministres des princes se sont éfforcés de représenter l'origine de leur autorité comme sacrée. Envain les souverains eux-mêmes se sont dit tels par la grace de Dieu. Envain ils ont prétendu ne devoir rendre compte de leur conduite à personne. Tout cet étalage n'en a imposé ni à eux-mêmes, qui ne pourraient s'en dissimuler le néant, ni aux autres, et toutes les fois que les choses en sont venues à une rupture déclarée entre un souverain violent et injuste et des sujets opprimés, ces derniers ont bien montré le mépris qu'ils avaient pour de semblables prétentions.

Ne serait-il pas en effet souverainement absurde de croire que le Créateur des ses soleils sans nombre, qui brillent audessus de nos têtes, ait donné aux quelques individus, souvent plus faibles que les autres, le droit de disposer à leur gré de tout le reste des créatures? Et comment penser de sang-froid, que les Caligula, les Nérons, les Borgia, les Philippe II, les Tschengis, les Louis XI, ces monstres, nés pour la honte et le malheur de l'humanité, aient été les envoyés et les représentants du grand Être.

L'observation scrupuleuse des lois, le maintien de la constitution établie, les égards pour les sujets, voilà, messeigneurs, les garans les plus sûres de l'autorité souveraine. Vous verrez, en lisant l'histoire, que partout, où le trône a reposé sur des lois fondamentales religieusement observées, il a conservé sa stabilité, et que partout, où le souverain n'a cru être que le premier magistrat de la nation, le premier serviteur de l'état et le père de son peuple, il a été gardé par les lois et par l'amour de ses sujets bien mieux que par des citadelles et des soldats.

Par contre, dans ses souverainetés d'Asie et d'Afrique, où l'on ne connait de lois que celle du plus fort, où le trône appartient au premier occupant, où la justice n'est que ce qui plait au souverain et à ses ministres, les révolutions se succèdent à tout moment, et les débris du trône écrasent dans leur chute celui qui y était assis.

L'histoire d'Angleterre au siècle passé nous fournit deux exemples trop mémorables des catastrophes, qu'entraine chez un peuple qui se sent la violation de ses privilèges et l'affectation du pouvoir arbitraire, pour être passés sous silence.

Charles I, roi d'Angleterre, prince aimable et bon, mais faible et soumis aveuglement aux volontés de ceux qui l'approchaient, s'étant laisser aller à enfreindre les privilèges des ses sujets, les réduisit à courir aux armes pour leur défense. Défait par eux à plusieurs reprises, il eut le malheur d'être pris, et après avoir été traduit devant un tribunal créé tout exprès, il fut condamné à mort comme coupable de haute trahison et décapité en 1649 publiquement devant son palais de White-hall. La vengeance des sujets alla même au delà, car la maison royale fut bannie et la monarchie solennellement abolie.

Ce grand exemple fut néanmoins inutile à son fils Jacques II, qui montra sur le trône les vices d'un tyran et d'un fanatique et mit sur pied une armée destinée à soutenir ses violences. Poussés à bout les Anglais se soulevèrent de toutes parts; l'armée royale même posa les armes et l'odieux monarque réduit à s'enfuire fut déposé en 1688 par la nation.

Tels sont les fruits des conseils pervers, que donnent à des princes crédules, faibles, inappliqués et pourtant remplis d'amour-propre, les flatteurs, qui les entourent. Telles sont les conséquences de ces principes aussi faux que dangereux, que le souverain est audessus des lois, qu'il n'est point comptable de ses actions à son peuple et que celui-ci est né pour travailler, obéir et se taire. (Стр. 11—14).

49) Рукопись Лагарпа въ Лозаннской публичной библіотекѣ. A. 913. in f°. Extraits de thèmes etc. Vol. I (=№ II по нашему перечню въ 44-мъ примѣчаніи). Стр. 1—285.

50) *Montesquieu:* Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décademce. Amsterdam. 1734. Стр. 139—140.

51) The history of the decline and fall of the roman empire, by *Eduard Gibbon.* London. 1783. T. II, гл. XVI, стр. 495; T. III, гл. XVII, стр. 31—34; T. IV, гл. XXII, XXIII, XXIV.

52) Principes du droit naturel par *Burlamaqui,* professeur en droit naturel à Genève. Paris, 1791. Стр. III—VIII, 47, 221.

Principes du droit politique (par *Burlamaqui*). 1751. Стр. 10, 40, 49—50, 91—94, 130, 145—146.

53) Oeuvres complètes de J. J. *Rousseau* avec des éclaircissements et notes historiques. Paris. 1826. T. VI. Contrat social. Кн. I, гл. IX, стр. 32; Кн. III, гл. IV, стр. 96, гл. VIII, стр. 112—120.

Ouevres complètes de *Rousseau.* Paris. 1827. Discours. Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes. Стр. 287—300 и др.

54) Traité du gouvernement civil, par *Locke,* traduit de l'anglais. Paris. L'an III de la république française. Стр. 209, 183, 393—397 и др.

55) Въ рукописяхъ Лагарпа у г. Моно—Rapports et mémoires rélatifs à l'éducation de LL. AA. II. remis au gouverneur en chef. Двѣ тетради въ четверку чрезвычайно мелкаго письма. Отчеты съ 1785 по 1794 годъ. Нѣтъ 1788 и 1792 года.

Ср. Отчеты Лагарпа Н. И. Салтыкову о воспитаніи великихъ князей. *Русская Старина* 1870 года. Январь, стр. 34—44. Февраль, стр. 103—132. Сентябрь, стр. 253—266.

56) Русская библіотека, т. XVII. Лейпцигъ. 1862. О юности Александра I, стр. 3—9.

57) Histoire d'Alexandre I, par *Alph. Rabbe*. Paris. 1826. T. I, стр. 5. Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ *В. Кеневичъ*. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ. С.-Пб. 1868, стр. 92—93.

58) *Verhandlungen der Helvetischen Gesellschaft in Schinznach* im Jahr 1763, 1765—1769.

Статья Société helvétique d'Olten въ Étrennes helvétiennes 1788 года.

59) Étrennes helvétiennes et patriotiques pour l'an de grace 1790. № VIII. Lausanne. На оборотѣ: Dédiées à la société helvétique d'Olten par un de ses membres. Маленькія книжки въ 16 долю, безъ обозначенія страницъ. Статья: Société helvétique d'Olten, séance de 1789.

60) Notice biographique par *C. Monnard*, стр. 95. Письмо Лагарпа къ своему отцу, 1786 г., изъ Петербурга.

61) Рукописи Лагарпа въ Лозаннской библіотекѣ A. 913, in f°. Extraits de thèmes. Vol. I, стр. 53—57.—Примѣчаніе къ письму Лагарпа къ Салтыкову отъ 24-го іюня 1793 года. — Примѣчаніе къ письму Лагарпа къ Екатеринѣ отъ 15-го ноября 1791 года.

62) Письмо Лагарпа къ Екатеринѣ по поводу Бернскихъ жалобъ, въ его первой редакціи, помѣщено нами въ приложеніяхъ подъ № II.

63) Mémoires secrets, II, стр. 160—163, 196, 186—188.

64) Observations sur l'ouvrage intitulé: Précis historique de la révolution du canton de Vaud (par m. de Seigneux gentilhomme lausannois), publié à Lausanne par souscription en 1831. Par Fréderic-César de la Harpe, citoyen suisse, des cantons de Vaud et du Tessin. Lausanne. 1832. Pièces justificatives. Mémoire adressé à S. M. I. Cathérine II, en réponse à la dénonciation de Messieurs de Berne contre le lieutenant-colonel Frédéric-César de la Harpe, instituteur de LL. AA. II. les grands-ducs de Russie, transmis à Messieurs de Berne, en 1791. S.-Pétersbourg, le 20 novembre 1791, стр. 173—188.

Въ рукописи есть нѣкоторыя отличія, добавленія, въ сравненіи съ печатнымъ текстомъ:

Стр. 179, примѣч. 5, въ рукописи подробнѣе: La dénonciation des Bernois fut présentée d'accord avec le prince de Nassau-Siegen, aventurier, qui avait trouvé le moyen de devenir amiral en Russie sans avoir jamais été marin, mais qui jouïssait de beaucoup de crédit. Nassau, les émigrés et leurs adhérens ne doutèrent pas d'obtenir mon renvoi en m'accusant d'être affilié aux jacobins, les carbonaris de cette époque. Ils s'étaient engagés à travailler dans ce sens pour entrainer dans la première coalition les patriciens de la Suisse, que les principes proclamés en France et professés par leurs sujets remplissaient de terreur et de désirs de vengeance.

Стр. 181, примѣч. 6, въ рукописи: Cathérine II trouva tout naturel qu'un suisse en appelât avec chaleur aux fondateurs de l'indépendance de sa patrie; elle s'énonça même sur ce point d'une manière digne de sa grande

âme. Elle ne pouvait comprendre pourquoi cet appel avait tant exaspéré mrs. les patriciens. Si elle eût connu la Suisse, elle eut vu dans le petit esprit exclusif de ses aristocraties municipales et communales le germe dilitèse de tout esprit public.

Стр. 182, къ словамъ: pour désavouer son contenu, примѣчаніе: L'envoie à l'impératrice de cette pièce de conviction du jacobinisme ou carbonarisme de l'instituteur de ses petits-fils était d'autant plus maladroit, que cette auguste princesse n'y vit que la simple application à ma patrie des principes qu'elle me connaissait depuis 8 ans et d'après lesquels je me conduisait ouvertement. Mon libéralisme, pour me servir de l'expression maudite du temps présent, lui était si bien connu, qu'à l'époque où les prussiens envahirent la Hollande et bouleversèrent cette république, l'impératrice demanda à ses petits-fils, si ce bouleversement ne m'avait pas beaucoup affecté?

Стр. 188, послѣ словъ: la cause de mon infortunée patrie, примѣчаніе: Mon but était de provoquer une discussion, qui me permit de faire connaître le bon droit de mon pays. La Russie est trop distante de la Suisse pour que son intervention pût mettre en péril son indépendance. Il ne pouvait donc être question que de bons offices, et mss. les patriciens eussent gagné à accepter une proposition qui eût prévenu peut-être l'explosion de 1798.

65) Mémoires secrets sur les règnes de Louis XIV et de Louis XV par feu m. *Duclos,* historiographe de France, etc. 2 vols. 1791. Lausanne. T. I, стр. 88, 226, 145, 224 и др. T. II, 101, 107 и др.

66) Vie de Cathérine II, impératrice de Russie (par *J. Henri Castera*) II, 415—422.

Mémoires secrets sur la Russie. II. 106.

67) Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Т. XXIII. № 17. 101, стр. 402—405.

68) Démarches faites depuis 1785 à 1794 au sujet des appointemens de ma place d'instituteur des grands-ducs. Réclamations relatives à mon grade militaire etc... justifié par ma correspondance avec S. M. I. Cathérine II, le feldmaréchal comte Soltykof et m. Strekalof. Тетради B., C. и D.

69) Mémoires secrets. I, 179—184, 231; II, 233.—*Русскій Архивъ*. 1869. Стр. 642, 1882.

70) Письмо изъ Берна отъ 16-го іюля 1799 года: оно помѣщено нами въ Приложеніяхъ подъ № III.

71) Nous, syndics et conseil de la république de Genève, certifions à tout qu'il appartiendra que le Sr. Fréderich César De la Harpe, de Rolle, âgé de 41 ans, ci-devant colonel en Russie, résidant à Genthod, territoire de la république de Genève, est actuellement vivant pour s'être présenté ce jourd'huy par devant nous. En foi de quoi les présentes sont données pour rendre témoignage à la vérité, et lui servir où besoin sera, sous le sceau de la république et la signature de notre secrétaire ce 3 septembre 1795. Didier.

Это свидѣтельство, вмѣстѣ съ нѣсколькими письмами Лагарпа къ банкиру Ветлинку и въ его контору, обязательно сообщено намъ академикомъ А. А. Шифнеромъ, въ распоряженіе котораго переданы они однимъ изъ родственниковъ Лагарпа по женѣ его, урожденной Ветлинкъ.

72) Письмо Лагарпа къ великому князю Александру Павловичу отъ 28-го апрѣля 1796 года, отъ 17-го іюня 1796, отъ 4-го января 1797 года и др.

73) *Политическій журналъ* на 1799 годъ. (Переводъ съ нѣмецкаго). Москва. Январь, стр. 9—10.

74) Письмо Лагарпа къ великому князю Константину Павловичу отъ 9-го ноября 1799 года помѣщено въ приложеніи V.

75) *Bulletin officiel.* 7-го ноября 1799. № 6, стр. 47. — L'antidote ou les Russes tels qu'ils sont et non tels qu'on les croit par un ami de la vérité et de la liberté (par *Fornerod*). Lausanne. 1799, стр. 198, 202, и др.

76) Архивъ капитула орденовъ. № 79 протокола. Отношеніе Неплюева къ Валуеву о Лагарпѣ отъ 26-го сентября 1799, № 1591. Гатчина.

77) Письмо Лагарпа къ императору Павлу отъ 16-го іюля 1799 г. помѣщено въ приложеніи III.

78) Письмо Лагарпа къ императору Павлу отъ 22-го марта 1801 г. помѣщено въ приложеніи IV.

79) Mémoires et mélanges historiques et littéraires par le prince de *Ligne*. Paris, t. IV. 1828... A mon retour de la Crimée il me dit fort gaîment: «Vous avez tous bien flatté ma mère, messieurs, en faisant semblant de voir ce qui n'existe pas; des armées, des ports, des flottes, des villes point bâties, et des colonies de cent lieues en poste qui couraient après vous autres» (стр. 47—48).

80) Лозаннской публичной библіотеки, F. 330. Laharpe: Brochures historiques et politiques. Recueil artificiel. Прокламація изъ Парижа—le 4 pluviose, an VI de la régénération des peuples et l'an 1 de la liberté helvétique à dater du 10 janvier 1798.

81) Instructions pour l'assemblée représentative de la république lémanique. Подписали: F. S. Laharpe, Perdonnet.

82) *Bulletin officiel:* 24-го апр. 1798, № 71, стр. 503.—28-го апр. 1798, № 74, стр. 531.

83) Projet de constitution helvétique. 1798, на трехъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ.

84) *Bulletin des lois et décrets du corps législatif avec les arrêtés et proclamations du directoire exécutif de la république helvétique.* III cahier. 1799. Lausanne, стр. 35—36. Histoire de la confédération suisse par *Jean de Muller,* traduite et continuée par Ch. Monnard. T. XVI, стр. 216—218. 264.—Schweizergeschichtliche Studien, стр. 151—152.

85) Это четверостишіе приписывается Бриделю и помѣщено въ книгѣ Le doyen Bridel, par *Vulliemin,* въ такомъ видѣ:

Le bon suisse qu'on assassine
Voudrait au moins qu'on décidât,
Si Rapinat vient de rapine
Ou rapine de Rapinat.

86) *Bulletin officiel:*—14-го іюля 1798. № 64, стр. 550.—19-го іюля 1798. № 68, стр. 575—579, 587.—9-го янв. 1800, № 7, стр. 51—52.

87) Vie politique de m. le colonel Frédéric-César de Laharpe, par de *Gingins-Pollichody.* 1815, и др.

88) Supplément au № 20 du *Bulletin helvétique.* Livré à l'impression le 23 janvier 1800, стр. 187—206.—Histoire de la confédération suisse. T. XVI, стр. 300—301.

89) Message du directoire exécutif au corps législatif et projet de loi. Lucerne. 18 novembre 1798. Подписали: le président du directoire exécutif, La Harpe; le secrétaire général Mousson. Стр. 78—91.

90) Instructions pour les conseils d'éducation, nouvellement institués, données par le ministre des arts et sciences en janvier 1799. Lausanne. 1799, стр. 7, 70 и др. — Projet de loi sur les écoles civiques inférieures, стр. 92—105.

91) Mélanges philosophiques, littéraires, historiques et riligieux par m. P. A. *Stapfer*. Paris. 1844. Два тома. Въ началѣ перваго тома: *P. A. Stapfer*. Sa vie, son caractère et ses écrits, par Vinet.

92) Histoire de l'instruction publique dans le pays de Vaud, par *André Gindroz*. Lausanne. 1853. Изложеніе и оцѣнка системы народнаго образованія въ періодъ Гельветической республики—стр. 205 и слѣд.

93) Instructions de morale, qui peuvent servir à tous les hommes, particulièrement rédigées à l'usage de la jeunesse helvétique. Par un citoyen du canton Léman. S. C. *(S. Constant)*. Lausanne. 1799. Стр. 71—72, 94—95 и др.

94) Biographien zur Kulturgeschichte der Schweiz, von *Rudolf Wolf*. Zürich. 1859. T. II, стр. 198.

95) Études d'histoire nationale par *J. Olivier*. Lausanne. 1842. Стр. 180, 193—196.

96) Schweizergeschichtlische Studien. Стр. 56.

97) Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Сочиненіе автора Исторіи отечественной войны (г. *Богдановича*). Т. I. 1869. Приложенія. Извлеченія изъ засѣданій неоффиціальнаго комитета, стр. 38—91.

98) Письмо графа Строганова къ Новосильцеву отъ 27-го ноября 1804 года, на французскомъ языкѣ. *Вѣстникъ Европы*. 1870. Апрѣль, Статья г. Пыпина: Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I. Выдержки изъ бумагъ Н. Н. Новосильцева, стр. 720—721.

99) Свѣдѣнія о вторичномъ пребываніи Лагарпа въ Россіи и о дальнѣйшихъ его сношеніяхъ съ императоромъ Александромъ заимствованы нами преимущественно изъ рукописей Лагарпа въ архивѣ г. Моно: мемуаровъ его—тетрадя E—L и переписки съ Александромъ I съ 1801 по 1824 годъ.

100) Athalie, tragédie tirée de l'écriture sainte (1691). Acte IV, scène III. Joad, autrement Joïada, grand prêtre.—Аѳалія, трагедія, взятая изъ Св. Писанія, г. *Расина*. Переводъ съ французскаго. Иждивеніемъ Н. Новикова и компаніи. Москва 1784.—Аѳалія, трагедія, изъ Св. Писанія. Сочиненіе *Расина*. Переводъ съ французскаго въ стихахъ. Москва. 1820.

101) *Johann Bernoulli's* Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Russland, etc. 1780. Ч. IV, стр. 19—20.—Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, стр. 45.

102) Письма императора Александра I и другихъ особъ царственнаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу, изданныя, въ 1869 году, Русскимъ историческимъ обществомъ, стр. 39.

103) Путешествіе въ сѣверную часть Тихаго океана и вокругъ свѣта,

совершенное въ 1790—1795 годахъ капитаномъ Ванкуверомъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1828—1838. Шесть частей.

104) *Tourgueneff:* La Russie et les Russes. 1847. T. I, стр. 431—442. Замѣтка подъ названіемъ: Le général Laharpe. Подъ вліяніемъ слуховъ объ освобожденіи крестьянъ Н. И. Тургеневъ былъ заочнымъ почитателемъ Лагарпа; но, прочитавъ переписку его и лично познакомясь съ нимъ, разочаровался въ немъ и убѣдился, что онъ вовсе не былъ горячимъ поборникомъ освобожденія. Замѣтку свою о человѣкѣ, слывшемъ за радѣтеля о пользахъ Россіи, Тургеневъ заключаетъ ѣдкимъ отзывомъ, что Лагарпъ отношеніями своими къ Александру былъ полезенъ *своему* отечеству.

105) Записка о роли Лагарпа на Вѣнскомъ конгрессѣ — Le général Laharpe au congrès de Vienne — получена нами отъ земляка Лагарпа, г. Фавра. Она составлена со словъ барона Колера, бывшаго представителемъ Австріи при Германскомъ союзѣ. Кромѣ невѣрности въ опредѣленіи времени и мѣста полученія награды, въ запискѣ есть неточности, неизбѣжныя для иностранца: г. Фавръ говоритъ, что Лагарпу данъ былъ орденъ св. Андрея первой степени, который дается только за одержанную побѣду и за взятіе крѣпости, вѣроятно, смѣшивая его съ орденомъ св. Георгія, и т. п.

106) О жизни и дѣятельности Лагарпа по вторичномъ его возвращеніи изъ Россіи, см. Notice biographique par *Ch. Monnard,* стр. 61—90.— Le canton de Vaud et la Suisse, par *J. Cart,* стр. 105—112.

107) Письмо Лагарпа къ Ветлинку, изъ Plessi-Piquet, отъ 10-го ноября 1808 года.

108) Въ 1819—1820 г. Лагарпъ, по желанію государя, сопутствовалъ великому князю Михаилу Павловичу въ путешествіи его по Италіи; вмѣстѣ всходили они и на Везувій.

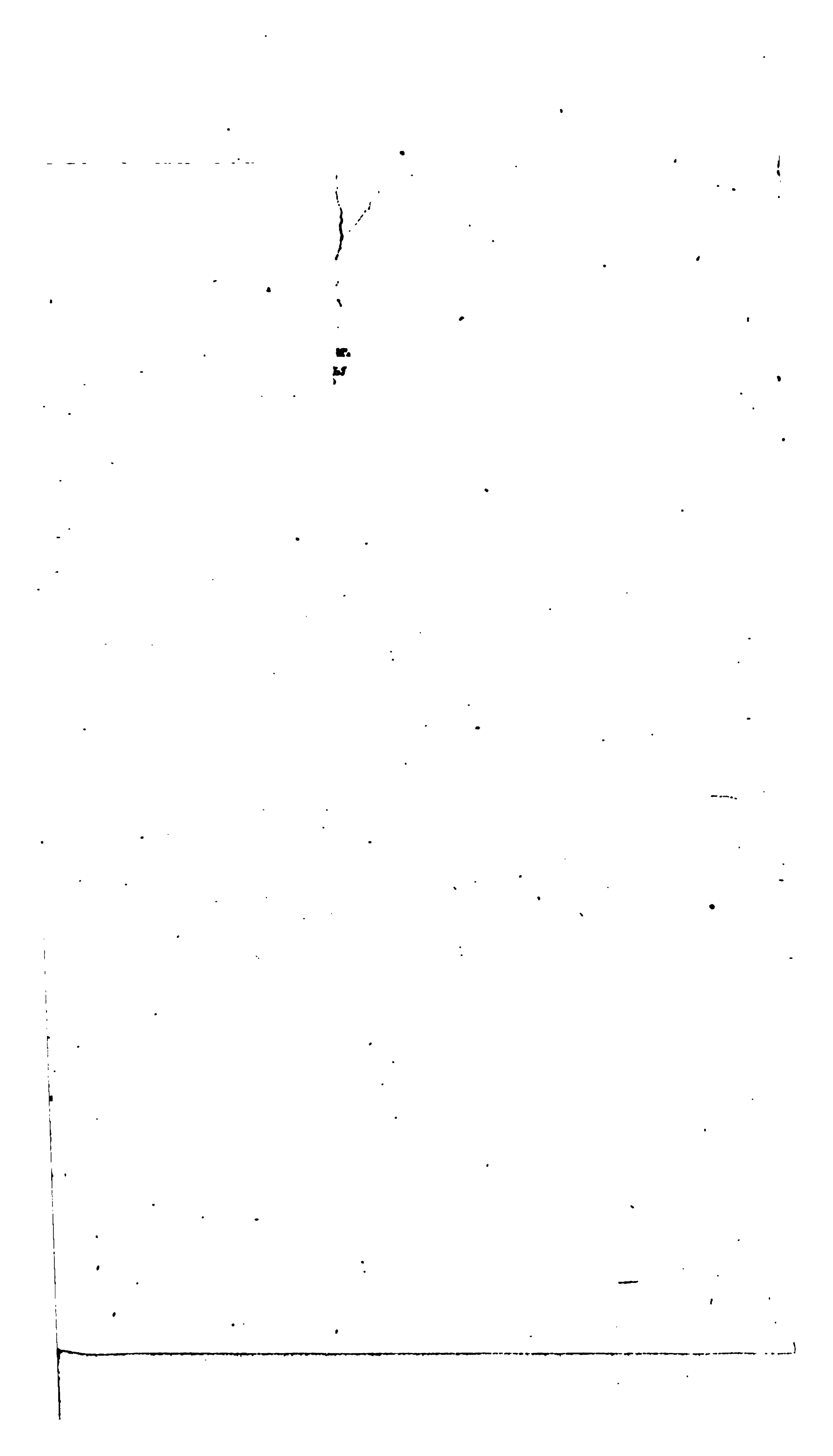
109) Frédéric-César de la Harpe. Notice nécrologique lue à la Société cantonale des sciences naturelles dans la séance du 2 mai 1838 par le professeur *Dan. Alex. Chavánnes.* Стр. 8—13.

110) De la publicité des discussions de la diète et du public helvétique. Avec les observations d'un homme libre. Lausanne. 1819, стр. 15—18, 22.

111) Souvenirs de l'histoire de la Suisse, présentés sous la forme de dialogues et dédiées aux jeunes Vaudois qui fréquentent les écoles cantonales par un citoyen de canton de Vaud. Lausanne. 1823. 515 année de l'indépendance et de la liberté, стр. 8—11 и др.

112) Hommage à la mémoire du général Fred. César de Laharpe. Состоитъ изъ трехъ пьесъ для пѣнія: L'adieu suprême, La fille russe, Le deuil vaudois. La fille russe—Параша Сибирячка: пьеса была написана еще при жизни Лагарпа для посвященія ему.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ — КРИТИКЪ И ЦЕНЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.



Императоръ Николай Павловичъ — критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина.

Произведенія Пушкина представляютъ неисчерпаемый источникъ для историко-литературныхъ изслѣдованій какъ по своему художественному достоинству, такъ и по отношенію къ тогдашнему состоянію нашей умственной и общественной жизни. Самая судьба произведеній великаго писателя, т. е. тѣ условія, при которыхъ они дѣлались достояніемъ русской литературы и русскаго образованнаго общества, невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе изслѣдователя. Сочиненія Пушкина появлялись въ печати не общепринятымъ у насъ способомъ: авторъ не представлялъ своихъ рукописей въ обыкновенную цензуру. Для Пушкина сдѣлано было исключеніе—обязанности цензора принялъ на себя самъ императоръ. Исполнитель воли государя, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, писалъ Пушкину, 30-го сентября 1826 года: «Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ; на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ».

Съ какою цѣлью сдѣлалъ это императоръ Николай Павловичъ? Желалъ ли онъ выразить свое уваженіе и довѣріе знаменитому писателю? Но въ такомъ случаѣ всего проще было бы освободить его отъ всякой цензуры. Или, быть можетъ, имѣлось въ виду совершенно другое—устранить всякую попытку напечатать что̀ либо такое, что̀ могло бы про-

скользнуть отъ недосмотра или снисходительности обыкновенной цензуры? Не была ли подобная мѣра своего рода признаніемъ въ Пушкинѣ весьма крупной нравственной силы, которою нельзя пренебрегать; становясь лицомъ къ лицу съ геніальнымъ поэтомъ, представитель власти не желалъ ли привлечь къ себѣ, сдѣлать ручнымъ гордаго и непокорнаго льва?

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что отношенія императора Николая I къ Пушкину отчасти вызваны были литературною дѣятельностью Пушкина въ предшествовавшее царствованіе. Извѣстно, что Пушкинъ подвергся гнѣву императора Александра I и былъ сосланъ. О причинѣ ссылки ходили въ свое время слухи болѣе или менѣе неопредѣленные и разнорѣчивые. Разсказывали, напримѣръ, что стихи Пушкина до того увлекали современную молодежь, что гвардейскіе офицеры не только читали ихъ съ жадностью и заучивали наизусть, но исписали ими стѣны казармъ и даже гауптвахты, въ которой дежурили. Въ числѣ этихъ стихотвореній были и такія, которыхъ ни за что̀ не пропустила бы тогдашняя цензура. Допрошенный по начальству, Пушкинъ не утаилъ ничего изъ написаннаго имъ, даже и того, что̀ направлено было, прямо или косвенно, противъ предержащихъ властей. Вслѣдъ за объясненіемъ у Милорадовича, Пушкина потребовали къ государю. Императоръ Александръ I выразилъ Пушкину свое неудовольствіе и сказалъ ему: «ты мнѣ даешь совѣты какъ управлять Россіей; но ты еще очень молодъ и совсѣмъ не знаешь Россіи, а потому я и пошлю тебя изучать ее» и т. д. Поприщемъ для изученія, т. е. мѣстомъ ссылки, былъ южный край Россіи. Сосланный поэтъ возвратился въ столицу уже по вступленіи на престолъ преемника Александра I.

Въ приливѣ благодарнаго чувства къ своему освободителю, поэтъ говорилъ, обращаясь къ «друзьямъ»:

Въ изгнаньи жизнь моя текла,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Простеръ,—и съ вами снова я.
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою...

Послѣдніе два стиха служатъ поэтическимъ комментаріемъ къ оффиціальному извѣщенію о снятіи опалы. Пушкинъ совершенно искренно выражалъ свое чувство—говорилъ «языкомъ правды»: онъ вѣрилъ тогда въ счастливую звѣзду русской литературы и привѣтствовалъ наступленіе радостнаго дня. Стихотвореніе, заключающее въ себѣ приведенныя строки, относится къ тѣмъ временамъ, когда на молодого государя возлагали надежды многіе изъ писателей и ученыхъ, потерпѣвшихъ въ концѣ царствованія Александра I за свободу мысли и слова. Лица, преслѣдуемыя Магницкимъ, Руничемъ и ихъ сподвижниками, находили себѣ защиту у великаго князя Николая Павловича. «Давайте мнѣ побольше такихъ, какъ Арсеньевъ»,—сказалъ великій князь Николай Павловичъ начальнику военнаго училища, въ которомъ преподавалъ профессоръ Арсеньевъ, изгнанный изъ петербургскаго университета. На лекціяхъ своихъ Арсеньевъ указывалъ вредъ крѣпостнаго права и разнаго рода стѣснительныхъ мѣръ. Онъ говорилъ: «Земля, воздѣланная вольными крестьянами, даетъ обильнѣйшіе плоды, нежели земля, обработанная крѣпостными. Свобода промышленника и промысловъ есть самое вѣрное ручательство въ пріумноженіи богатства частнаго и общественнаго; гражданская, личная свобода— единый источникъ величія и совершенства всѣхъ родовъ промышленности» и т. п. За подобныя мысли Арсеньевъ былъ обвиняемъ въ государственномъ преступленіи, и въ то самое время, когда возбудили вопросъ о преданіи его уголовному суду, великій князь Николай Павловичъ, бывшій тогда генералъ-инспекторомъ по инженерной части, выражалъ Арсеньеву свою благодарность за успѣшное преподаваніе въ главномъ инженерномъ училищѣ. И, по вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Николай Павловичъ, по нѣкоторымъ дѣламъ о цензурѣ, восходившимъ до верховной власти, обнаруживалъ болѣе терпимости, нежели все цензурное вѣдомство, со всѣми его инстанціями. Комедія Гоголя «Ревизоръ», въ которой видѣли рѣзкій политическій памфлетъ, злую сатиру на наши общественные порядки, появилась въ печати по личной волѣ государя, уничтожившей всѣ опасенія явныхъ и тайныхъ цензоровъ. Замѣчательный трудъ преосвященнаго Филарета, впослѣдствіи архіепископа черни-

говскаго, подвергся нареканіямъ въ цензурномъ отношеніи. Особенно опасными казались нѣкоторыя мнѣнія автора о свободѣ и независимости церкви и приведенныя имъ историческія свидѣтельства объ отношеніи Петра III къ православію. Прочитавъ сомнительныя и заподозрѣнныя мѣста въ книгѣ Филарета, императоръ Николай I замѣтилъ, что не видитъ въ нихъ ничего, кромѣ правды, и т. д.

Разсматривая сочиненія Пушкина, представляемыя въ рукописи, государь отмѣчалъ мѣста, требовавшія объясненія; въ иныхъ случаяхъ высказывалъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, свое мнѣніе о пьесѣ, и давалъ автору совѣты, равносильные приказанію. Для всякаго другого они были бы безусловно обязательными, но Пушкинъ отстаивалъ свои авторскія права и, выждавъ время, излагалъ доводы, по которымъ то или другое мѣсто, запрещенное августѣйшимъ критикомъ и цензоромъ, не представляло ни малѣйшей опасности и могло бы появиться въ печати. Замѣчательно, что государь соглашался съ доводами Пушкина и предоставлялъ ему право печатать тò, чтò первоначально было запрещено. Когда же требовали отъ Пушкина передѣлокъ и измѣненій, онъ упорно отказывался подъ тѣмъ предлогомъ, что не чувствуетъ въ себѣ способности передѣлывать тò, чтò однажды имъ написано.

При умѣньи Пушкина защищать свою независимость и при нежеланіи государя отталкивать отъ себя писателя, въ которомъ всѣ видѣли славу Россіи, можно было бы ожидать, что Пушкина минуютъ многія изъ тѣхъ невзгодъ, которыя выпадаютъ на долю авторовъ, обязанныхъ представлять свои сочиненія въ обыкновенную цензуру. Но дѣйствительность не всегда соотвѣтствуетъ ожиданіямъ и надеждамъ. Пушкинъ имѣлъ полное основаніе полагать, что покончилъ всѣ свои счеты съ цензурнымъ вѣдомствомъ, но оказалось, что онъ ошибался въ этомъ отношеніи. Воля государя освободила его отъ всякой другой цензуры, кромѣ царской, а между тѣмъ послѣдовало распоряженіе о томъ, что Пушкинъ долженъ всѣ свои сочиненія представлять въ цензуру. Во исполненіе высочайше утвержденнаго положенія правительствующаго сената, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ предписалъ оберъ-полиціймейстеру, 16-го августа 1828 года: «извѣстнаго

стихотворца Александра Пушкина обязать подпискою, дабы онъ впредь никакихъ сочиненій, безъ пропуска и одобренія оныхъ цензурою, не осмѣливался выпускать въ публику, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія». Постановленіе правительствующаго сената послѣдовало по дѣлу кандидата московскаго университета Леопольдова, преданнаго суду за найденные у него «возмутительные стихи сочиненія Александра Пушкина и сдѣланіе на нихъ надписи, что они на 14-е декабря 1825 года». Въ докладѣ сената говорится: «Пушкинъ отвѣтствовалъ, что стихи сіи были написаны имъ гораздо прежде происшествія 14-го декабря, помѣщены въ элегіи *Андрей Шенье* и явно относятся къ французской революціи, въ коей Шенье погибъ. Далѣе, изъясняя, что въ семъ отрывкѣ поэтъ говоритъ о взятіи Бастиліи, о клятвѣ du jeu de pomme, о перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства, объ уничтоженіи царей, Пушкинъ заключаетъ вопросомъ: что же тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14-го декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?»

Главный источникъ недоразумѣній, со всѣми ихъ печальными послѣдствіями, заключался въ томъ, что Пушкинъ не могъ непосредственно обращаться къ своему высокому критику и цензору. Неизбѣжнымъ посредникомъ оставался постоянно генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ и главный начальникъ грознаго нѣкогда третьяго отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, по отзыву его современниковъ, былъ человѣкъ добрый, но совершенно равнодушный къ просвѣщенію и не питавшій ни малѣйшаго сочувствія къ литературѣ. При кажущейся мягкости пріемовъ, онъ относился, въ сущности, весьма жестко и недоброжелательно къ литературному міру, не щадя и цензурнаго вѣдомства.

Служебная карьера Бенкендорфа началась при императорѣ Павлѣ, и началась блестящимъ образомъ. Въ 1798 году Бенкендорфъ вступилъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ унтеръ-офицеромъ и въ томъ же году произведенъ въ прапорщики, съ назначеніемъ въ флигель-адъютанты къ его

императорскому величеству. Находясь въ военной службѣ, Бенкендорфъ участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ и сраженіяхъ. Въ 1804 году командированъ въ Корфу, гдѣ формировалъ легіоны изъ суліотовъ и албанцевъ. Въ 1811 году былъ за Дунаемъ въ первой атакѣ крѣпости Силистріи и въ другихъ дѣлахъ при ея блокадѣ. Въ 1814 году, по переправѣ черезъ Рейнъ, посланъ съ отрядомъ въ Эпернэ, откуда вытѣснилъ непріятеля и взялъ въ плѣнъ до четырехсотъ человѣкъ. Въ 1828 году находился въ Валахіи при осадѣ крѣпости Браилова; при переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай «былъ въ дѣйствительномъ сраженіи». Участвовалъ въ Отечественной войнѣ, и въ 1812 году, за отличіе въ сраженіи, произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1826 году, будучи генералъ-адъютантомъ и генералъ-лейтенантомъ, назначенъ шефомъ жандармовъ, командующимъ императорскою главною кватирою и главнымъ начальникомъ третьяго отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи. Въ числѣ разныхъ наградъ, ему пожаловано 28,000 десятинъ земли въ Бессарабской области въ вѣчное и потомственное владѣніе; по духовному завѣщанію императрицы Маріи Θеодоровны онъ получилъ, въ 1828 году, 75,000 рублей ассигнаціями. По особой высочайшей волѣ отправился, въ 1841 году, въ Лифляндію, гдѣ произошло сильное волненіе между крестьянами: «въ самое короткое время, успокоивъ всѣ умы и совершенно возстановивъ прежній порядокъ, возвратился въ Петербургъ».

Истинный представитель «желѣзнаго вѣка», по выраженію Пушкина, полагавшій, что усердіе и безусловная покорность несравненно выше всѣхъ добродѣтелей и талантовъ, Бенкендорфъ питалъ инстинктивное отвращеніе ко всякаго рода свободѣ, и всего пуще — къ свободѣ мысли и слова. Легко представить себѣ, какія отношенія образовались между человѣкомъ такого склада понятій и поэтомъ, который «свободу смѣлую избралъ себѣ въ законъ» и славу свою полагалъ въ томъ, что и «въ жестокій вѣкъ возславилъ онъ свободу»...

Бенкендорфъ увѣрялъ Пушкина, что относится къ нему по-отечески, будучи приставленъ къ нему для того, чтобы руководить его своими совѣтами, не какъ шефъ жандармовъ,

а какъ лицо, облеченное особымъ довѣріемъ государя. Но Пушкинъ никакъ не могъ пріучить себя къ сыновней почтительности, да и переписка съ Бенкендорфомъ, надо правду сказать, была плохою школою въ этомъ отношеніи. Въ письмахъ Бенкендорфа къ Пушкину, весьма учтивыхъ по внѣшней формѣ, нерѣдко встрѣчаются и такого рода любезности: «покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили вы сдержать даннаго мнѣ слова» или «какія причины могли васъ заставить измѣнить данному мнѣ слову» и т. п. Понятно, съ какимъ чувствомъ Пушкинъ брался за перо, чтобы отвѣчать на подобныя письма. Пушкинъ и Бенкендорфъ не понимали другъ друга: они говорили двумя разными языками; въ понятіяхъ ихъ было такое же несходство, такое же непримиримое разногласіе. По мнѣнію Пушкина, дарованная милость есть право, по мнѣнію Бенкендорфа — обязанность; Бенкендорфъ полагалъ, что быть подъ секретнымъ наблюденіемъ, значитъ то же самое, что жить на совершенной свободѣ; Пушкину же казалось, что между свободою и какимъ бы то ни было наблюденіемъ огромная разница, и что если выбирать, то явное наблюденіе слѣдуетъ предпочесть тайному. Пушкинъ писалъ Бенкендорфу: «я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая *милость*, коей неожиданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня *права*, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ — печатать съ дозволенія цензуры... Государю угодно было впредь положиться на меня въ изданіи моихъ сочиненій. Послѣ того было бы для меня нескромностію вновь подвергать мои сочиненія собственному разсмотрѣнію его величества». Бенкендорфъ отвѣчаетъ Пушкину: «Сколь ни удостовѣренъ государь императоръ въ чистотѣ вашихъ намѣреній и правилъ, но за всѣмъ тѣмъ, однако же, вамъ надлежитъ испрашивать всякій разъ высочайшее соизволеніе на напечатаніе вашихъ сочиненій» и т. д. Пушкина крайне тревожило учрежденіе надъ нимъ какъ бы опеки въ лицѣ Бенкендорфа. Принявъ на себя роль ментора, Бенкендорфъ старался успокоить Пушкина такими увѣреніями: Jamais aucune police n'a eu ordre de vous surveiller. Les avis que je vous ai donnés de temps en temps, comme ami, n'ont pu que vous être

utiles [1]). Письмо относится къ 1830 году, а еще въ 1828 году с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ доносилъ главнокомандующему въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ: «Во исполненіе высочайше учрежденнаго положенія государственнаго совѣта, учрежденъ за Пушкинымъ секретный надзоръ». Государственный совѣтъ призналъ нужнымъ такую мѣру «по неприличному выраженію Пушкина въ отвѣтахъ насчетъ происшествія 14-го декабря 1825 года и по духу самаго сочиненія его», т. е. тѣхъ стиховъ, за которые судился кандидатъ Леопольдовъ. Самъ Бенкендорфъ спрашивалъ, въ 1829 году, с.-петербургскаго генералъ-губернатора, сообщилъ ли онъ начальству того мѣста, куда уѣхалъ Пушкинъ, что онъ состоитъ подъ секретнымъ надзоромъ. Такъ какъ Пушкинъ уѣхалъ въ Тифлисъ, то о секретномъ надзорѣ сообщено главнокомандующему въ Грузіи, графу Паскевичу-Эриванскому.

Отношенія между Бенкендорфомъ и Пушкинымъ становились все болѣе и болѣе натянутыми. Бездна, отдѣлявшая опекуна отъ опекаемаго, обозначалась все рѣзче и рѣзче. Лица, къ которымъ обращался Бенкендорфъ за свѣдѣніями, не только не старались разсѣять предубѣжденія его противъ Пушкина, а, напротивъ того, подливали масла въ огонь своимъ неутомимымъ злоязычіемъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: «Я вамъ сказывалъ, что Пушкинъ поѣхалъ отсюда въ деревню и одинъ. Вотъ первое о немъ извѣстіе отъ собаченки его, Сомова. Что̀ далѣе узнаю, сообщу. Вспомните при семъ, что у Пушкина родной братъ служилъ на Кавказѣ, и что господинъ поэтъ столь же опасенъ pour l'Etat [2]), какъ неочиненное перо. Ни онъ не затѣетъ ничего въ своей вѣтреной головѣ, ни его не возьметъ никто въ свои затѣи. Можно смѣло утверждать, что это путешествіе устроено игроками, у коихъ онъ въ тискахъ. Ему вѣрно обѣщаютъ золотыя горы на Кавказѣ, а когда увидятъ деньги или поэму, то выиграютъ, и—конецъ... Пушкинъ—

---

[1]) Никогда никакая полиція не получила приказанія наблюдать за вами. Дружескія предостереженія, которыя я давалъ вамъ отъ времени до времени, могли принести вамъ только пользу.

[2]) Для государства.

несчастное существо, съ огромнымъ талантомъ, служитъ живымъ примѣромъ, что умъ безъ души есть мечъ въ рукахъ бѣшенаго. Неблагодарность и гордость—двѣ отличительныя черты его характера... Къ господствовавшей нѣкогда партіи Пушкинъ принадлежалъ не по участію въ заговорѣ, но по одинаковому образу мыслей и дружбы съ главными матадорами», и т. п.

Всѣ сочиненія Пушкина, представляемыя государю, разсматривались предварительно Бенкендорфомъ или — что гораздо вѣроятнѣе—тѣми лицами, которымъ онъ это поручалъ. Нѣкоторыя изъ сочиненій и не доходили до государя, и въ такихъ случаяхъ критикомъ и цензоромъ Пушкина былъ въ дѣйствительности уже не государь, а Бенкендорфъ или кто либо изъ лицъ, перомъ которыхъ онъ могъ располагать. Пушкинъ иногда прямо говоритъ, что посылаетъ свои стихи на разсмотрѣніе Бенкендорфа и благодаритъ его, если онъ оказывается довольно снисходительнымъ цензоромъ. Пушкинъ пишетъ Бенкендорфу: «Честь имѣю препроводить на разсмотрѣніе вашего превосходительства новыя мои стихотворенія... Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка государственнаго среди огромныхъ его заботъ... Совѣстясь безпокоить поминутно его величество, я раза два обратился къ вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ счастіе найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней».

Переписка Пушкина съ Бенкендорфомъ заключаетъ въ себѣ матеріалы весьма любопытные не только для біографіи поэта, но и для исторіи его литературной дѣятельности. Не мало данныхъ изъ этой переписки появилось уже на страницахъ различныхъ повременныхъ изданій. Но иное приведено только въ отрывкахъ, иное—въ пересказѣ, а не въ дословномъ изложеніи; нѣкоторыя и весьма важныя вещи издавались не по подлиннику, а по копіямъ, и т. д. Вслѣдствіе этого возникали недоразумѣнія, не всѣ черты воспроизводились съ полною опредѣленностію, а нѣкоторыя получали окраску, не вполнѣ соотвѣтствующую дѣйствительности. Для всесторонняго изученія и оцѣнки литературной дѣятельность знаменитаго писателя необходимо собрать возможно бо́льшее количество достовѣрныхъ и точныхъ матеріаловъ, вполнѣ

пригодныхъ для историко-литературныхъ изслѣдованій. На этомъ основаніи считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько данныхъ, имѣющихъ безспорное значеніе и заимствуемыхъ изъ первыхъ источниковъ.

Представляя государю рукописи Пушкина, Бенкендорфъ иногда прилагалъ къ нимъ и краткій очеркъ содержанія и даже критическій отзывъ о представляемомъ произведеніи. Эти приложенія писались лицами, пользовавшимися почему бы то ни было довѣріемъ Бенкендорфа[1]).

Въ февралѣ 1827 года, баронъ Дельвигъ, по порученію автора, представилъ Бенкендорфу «пять сочиненій Пушкина: поэму Цыганы, два отрывка изъ третьей главы Онѣгина, 19 октября и къ ***». Разрѣшая ихъ печатать, съ нѣкоторыми ограниченіями, Бенкендорфъ, очевидно, руководствовался слѣдующими, составленными по его приказанію, «примѣчаніями»:

«1) *Въ Цыганахъ,* хотя говорится о свободѣ и вольности, или, лучше сказать, хотя въ сей пьесѣ упоминаются сіи слова, но это не стремленіе къ воспламененію умовъ, не политическая свобода и вольность (такъ называемыя), но вольность цыганской бездомной жизни, свобода степей. Безъ всякаго сомнѣнія, сколь ни будетъ хорошо описана цыганская жизнь и нравы кочующихъ, никто не броситъ своего и не промѣняетъ жизнь городскую на цыганскую.

«Это лучшее произведеніе Пушкина въ литературномъ отношеніи—въ родѣ Байрона.

«2) a) *Ночной разговоръ Татьяны съ няней,* b) Письмо Татьяны, c) Къ ***—ничего не заключаютъ, что бы могло возбудить малѣйшую тѣнь двусмыслія.

«3) *19-е октября*—для публики можетъ быть будетъ и незначущею пьесою—но *заглавныя буквы друзей*—для тѣхъ, кто знаетъ, о комъ говорится—лишни. Также вовсе не нужно говорить о своей *опалѣ, о несчастіяхъ* — когда авторъ не былъ въ ономъ; но былъ милостиво и отечески оштрафованъ—за такіе проступки, за которые въ другихъ государствахъ подвергнули бы суду и жестокому наказанію».

---

[1]) Считаемъ долгомъ принести искреннюю благодарность г. президенту академіи наукъ, графу Д. А. Толстому, давшему намъ возможность пользоваться нѣкоторыми подлинными документами, относящимися къ Пушкину и его сочиненіямъ.

На основаніи этихъ замѣтокъ составлено письмо Бенкендорфа къ Пушкину, 4-го марта 1827 года: «Баронъ Дельвигъ, котораго я вовсе не имѣю чести знать, препроводилъ ко мнѣ пять сочиненій вашихъ, я не могу скрыть вамъ крайняго моего удивленія, что вы избрали посредника въ сношеніяхъ со мною, основанныхъ на высочайшемъ соизволеніи.

«Я возвратилъ сочиненія ваши г. Дельвигу и поспѣшаю васъ увѣдомить, что я представлялъ оныя государю императору.

«Произведенія сіи, изъ коихъ одно даже одобрено цензурою, не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ. Позвольте мнѣ одно только примѣчаніе: Заглавныя буквы друзей въ пьесѣ *19-е октября* не могутъ ли подать повода къ неблагопріятнымъ для васъ собственно заключеніямъ? — Это предоставляю вашему разсужденію».

На письмо это Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу, 22-го марта 1827 года: «Стихотворенія, доставленныя барономъ Дельвигомъ вашему превосходительству, давно не находились у меня: они мною были отданы ему для альманаха: *Сѣверные Цвѣты*, и должны быть напечатаны въ началѣ нынѣшняго года. Вслѣдствіе высочайшей воли, я остановилъ ихъ напечатаніе и предписалъ барону Дельвигу прежде всего представить оныя вашему превосходительству.

«Чувствительно благодарю васъ за доброжелательное замѣчаніе касательно пьесы *19-е октября*. Непремѣнно напишу барону Дельвигу, чтобъ заглавныя буквы именъ—и вообще все, что можетъ подать поводъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толкованіямъ, было имъ исключено.

«Медлительность моего отвѣта происходитъ оттого, что послѣднее письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, ошибкою было адресовано во Псковъ».

Не смотря на замѣчаніе Бенкендорфа, въ печатномъ текстѣ говорится и о несчастіяхъ, и объ опалѣ поэта:

Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ *опальный*...
......Поэта домъ *опальный*...
Изъ края въ край преслѣдуетъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,

Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей, печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.
И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада...

Особенно любопытна литературная исторія знаменитой драмы Пушкина: «Борисъ Годуновъ».

Произведеніе это окончено въ 1825 году, и авторъ далъ ему такое названіе: «Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Еще не появляясь въ печати, оно пріобрѣло громкую извѣстность въ литературномъ кругу. Самъ Пушкинъ выразился такимъ образомъ: «трагедія моя извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу». Во время пребыванія своего въ Москвѣ, Пушкинъ читалъ свою «комедію» въ обществѣ писателей и ученыхъ; въ числѣ слушателей его были: Веневитиновъ, Баратынскій, Мицкевичъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ, Шевыревъ, и др. По этому поводу Бенкендорфъ писалъ Пушкину, 22-го ноября 1826 года: «Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Сіе меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня, справедливо ли таковое извѣстіе или нѣтъ» и т. д.

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу, изъ Пскова, 29-го ноября 1826 года: «Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ, то поставляю себѣ за долгъ препроводить ее вашему превосходительству *въ томъ самомъ видѣ, какъ была она мною читана*, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другого списка у меня не находится, то пріемлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить».

9-го декабря 1826 года Бенкендорфъ Пушкину: «Получивъ письмо вмѣстѣ съ препровожденною при ономъ драматическою пьесою, я поспѣшаю васъ о томъ извѣстить, съ присовокупленіемъ, что я оную представлю его император-

скому величеству, и дамъ вамъ знать о воспослѣдовать имѣющемъ высочайшемъ отзывѣ».

Вмѣстѣ съ драмою Пушкина представлены Бенкендорфомъ государю и слѣдующія «замѣчанія» и «выписки»:

Замѣчанія на Комедію о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

«По названію *Комедія*, данному пьесѣ, не должно думать, что это комедія въ такомъ родѣ, какъ называются драматическія произведенія, изображающія странности общества и характеровъ. Пушкинъ хотѣлъ подражать даже въ заглавіи старинѣ. Въ началѣ русскаго театра, въ 1705 году, комедіей называлось какое нибудь происшествіе, историческое или выдуманное, представленное *въ разговорѣ*. Въ спискѣ таковыхъ комедій, находившихся въ посольскомъ приказѣ 1709 года, мы находимъ заглавія: комедія о Франталасѣ, царѣ эпирскомъ, и о Мирандолѣ, сынѣ его, и о прочихъ; комедія о честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона Арцухъ (то есть герцогъ) Фридерикъ фонъ-Поплей; комедія о крѣпости Грубетона, въ ней же первая персона Александръ, царь македонскій, и тому подобное. Въ подражаніе симъ названіямъ Пушкинъ назвалъ свое сочиненіе *Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ*. Въ сей пьесѣ нѣтъ ничего цѣлаго: это отдѣльныя сцены или, лучше сказать, отрывки изъ X и XI тома исторіи государства россійскаго, сочиненія Карамзина, передѣланныя въ *разговоры и сцены*. Характеры, происшествія, мнѣнія, все основано на сочиненіи Карамзина, все оттуда позаимствовано. Автору комедіи принадлежитъ только разсказъ, расположеніе дѣйствія на сцены.

«Почти каждая сцена составлена изъ событій, упомянутыхъ въ исторіи, исключая сцены самозванца въ корчмѣ на литовской границѣ, сцены юродиваго и свиданія самозванца съ Мариною Мнишекъ въ саду, гдѣ онъ ей признается, что онъ Отрепьевъ, а не царевичъ.

«*Цѣль пьесы* — показать историческія событія въ естественномъ видѣ, въ нравахъ своего вѣка.

«*Духъ цѣлаго сочиненія* монархическій; ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ.

сего автора, и только одно мѣсто предосудительно въ политическомъ отношеніи: народъ привязывается къ самозванцу именно потому, что почитаетъ его отраслью древняго царскаго рода. Нѣкоторые бояре увлекаются честолюбіемъ—но такъ говоритъ исторія. Имена почти всѣ историческія.

«*Литературное достоинство* гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражаніе Шекспиру, Гёте, Шиллеру: ибо у сихъ поэтовъ въ сочиненіяхъ, составленныхъ изъ разныхъ эпохъ, всегда находится связь и цѣлое въ пьесахъ. У Пушкина это разговоры, припоминающіе разговоры Вальтера Скотта. Кажется, будто это составъ вырванныхъ листовъ изъ романа Вальтера Скотта. Для русскихъ это будетъ чрезвычайно интересно по новости рода, и по отечественнымъ событіямъ; для иностранцевъ все это потеряно. Нѣкоторыя сцены, какъ, напримѣръ, первая на рубежѣ Россіи, сцена, когда монахъ Пименъ пишетъ исторію, а молодой инокъ Гришка Отрепьевъ спитъ въ кельѣ, сцена Гришки Отрепьева въ корчмѣ на литовской границѣ и еще нѣкоторыя мѣста истинно занимательны и народны; но въ цѣломъ составѣ нѣтъ ничего такого, которое бы показывало сильные порывы чувства или пламенное піитическое воображеніе. Все—подражаніе, отъ первой сцены до послѣдней. Прекрасныхъ стиховъ и тирадъ весьма мало.

«Нѣкоторыя мѣста должно непремѣнно исключить. Говоря сіе, должно замѣтить, что человѣкъ съ малѣйшимъ вкусомъ и тактомъ не осмѣлился бы никогда представить публикѣ выраженія, которыя нельзя произнесть ни въ одномъ благопристойномъ трактирѣ! напримѣръ слова Маржерета. См. № 1.

«Въ сценѣ юродиваго № 2 слова: не надобно бы молиться за царя Ирода, хотя не подлежатъ никакимъ толкамъ и примѣненіямъ,—но такъ говорятъ *раскольники*, и называютъ Иродомъ каждаго, кого имъ заблагоразсудится, кто брѣетъ бороду, и т. п.

«№ 3. Сія тирада произведетъ непріятное впечатлѣніе. У насъ еще не привыкли, чтобы каждый герой романа говорилъ *своимъ* языкомъ безъ возраженія вслѣдъ за его умствованіемъ. Предоставлять каждому читателю возражать самому — еще у насъ не принято, да и публика наша для сего не созрѣла.

«№ 4. Здѣсь представлено, что народъ съ воплемъ и слезами проситъ Бориса принять царскій вѣнецъ (какъ сказано у Карамзина); а между тѣмъ изображено: что люди плачутъ, сами не знаютъ о чемъ, а другіе вовсе не могутъ проливать слезъ и хотятъ лукомъ натирать глаза! «о чемъ мы плачемъ?»—говоритъ одинъ: «А какъ намъ знать, то вѣдаютъ бояре, не намъ чета!»—отвѣчаетъ другой. Затрудняюсь въ изложеніи моего мнѣнія насчетъ сей сцены. Прилично ли такъ толковать народныя чувства?

«№ 5. Сцену въ корчмѣ можно бы смягчить: монахи слишкомъ представлены въ развратномъ видѣ. Пословица: вольному воля, *спасенному* рай, передѣлана: Вольному воля, а *пьяному* рай. Хотя эти монахи и бѣжали изъ монастыря и хотя это обстоятельство находится у Карамзина, но, кажется, самый развратъ и попойка должна быть облагорожены въ поэзіи, особенно въ отношеніи къ званію монаховъ.

«№ 6. Рѣшительно должно выкинуть весь монологъ. Вопервыхъ, царская власть представлена въ ужасномъ видѣ; во-вторыхъ, явно говорится, что кто только будетъ обѣщать свободу крестьянамъ, тотъ взбунтуетъ ихъ. Въ Юрьевъ день можно было, до царствованія Бориса Годунова, переходить съ мѣста на мѣсто.

«За сими исключеніями и поправками, кажется, нѣтъ никакого препятствія къ напечатанію пьесы. Разумѣется, что играть ее невозможно и не должно; ибо у насъ не видывали патріарха и монаховъ на сценѣ. До 1818 года, въ повѣстяхъ, пѣсняхъ и романахъ, выводили въ дѣйствіе монаховъ, и даже невсегда въ блестящихъ цвѣтахъ. Во время мистицизма и вліянія духовенства на литературу даже имена монаховъ и священниковъ запрещалось строго упоминать; нельзя было сказать: «отецъ мой!» — По паденіи мистицизма и уничтоженіи монашескаго вліянія, показались двѣ пьесы, гдѣ монахи выведены въ дѣйствіе: *Чернецъ*, поэма, сочин. Козлова, и *Русалка*—Пушкина. Обѣ пьесы подвергались гоненію духовенства, и на нихъ были приносимы жалобы министру просвѣщенія. Но въ публикѣ это не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, и у насъ есть народныя, напечатанныя пѣсни, въ коихъ даже монахи представлены въ самомъ развратномъ видѣ. Характеристическая черта русскаго народа

есть то, что онъ приверженъ къ вѣрѣ и обрядамъ церковнымъ, но вовсе не уважаетъ духовнаго званія, какъ тогда только, когда оно въ полномъ облаченіи. Всѣ сказки, всѣ анекдоты не обойдутся безъ попа,—представленнаго всегда въ дурномъ видѣ. И такъ, кажется, что введеніе патріарха и монаховъ въ сочиненіе Пушкина не произведетъ никакого дурного впечатлѣнія въ публикѣ, исключая партіи, приверженной къ системѣ мистицизма. Впрочемъ, это зависитъ совершенно отъ того, какъ угодно будетъ смотрѣть на сей предметъ: у Карамзина все это описано вдесятеро сильнѣе—и онъ говоритъ даже, что въ то время Россія была наполнена бѣглыми монахами, которые, скитаясь по обителямъ, дѣлали большіе соблазны и даже злодѣянія. Здѣсь только въ одной сценѣ представлены они въ попойкѣ».

Выписка изъ комедіи о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

Ходъ пьесы.

«Она начинается со дня вступленія Годунова на царство; изображаетъ притворство и лукавство Бориса, отклонявшаго сначала отъ себя высокій санъ царя, по избранію духовенства и бояръ; возобновленіе усильныхъ ихъ убѣжденій, и, наконецъ, его согласіе, и принятіе правленія.

«Нахожденіе Отрепьева въ Чудовѣ монастырѣ монахомъ, въ кельѣ Пимена лѣтописца, который, разсказывая ему объ убіеніи Димитрія царевича, упомянулъ, что еслибъ Димитрій былъ живъ, то онъ бы былъ ровесникъ ему по лѣтамъ. Дерзкое предпріятіе Отрепьева назваться царевичемъ; бѣгство его изъ монастыря и изъ Россіи въ Литву. Пребываніе въ Краковѣ; удача самозванца; помощь, оказываемая ему королемъ и вельможами. Пребываніе его въ имѣніи Мнишка; любовь его къ Маринѣ. Распространеніе въ Москвѣ слуховъ о самозванцѣ; безпокойство и различные толки въ народѣ; мѣры осторожности царя Бориса.

«Вступленіе самозванца въ Россію, съ шайкою его приверженцевъ, сраженіе; различные успѣхи съ обѣихъ сторонъ.

«Страданіе Бориса, мучимаго совѣстію; предложеніе патріарха перенести мощи Димитрія царевича изъ Углича въ

Москву для увѣренія народа о его смерти. Отклоненіе сего предложенія княземъ Шуйскимъ, съ коимъ царь соглашается.

«Молебствіе въ присутствіи Бориса; безпокойство его отъ угрызенія совѣсти; онъ изнемогаетъ. Назначеніе сына Ѳеодора наслѣдникомъ. Патріархъ, духовенство и бояре признаютъ его царемъ.—Постриженіе Бориса; его смерть. Царство Ѳеодора.—Рѣчь Пушкина (Гаврила) прибывшаго отъ самозванца въ Москву, къ народу, о признаніи царемъ законнаго наслѣдника Димитрія царевича и о истребленіи рода Бориса Годунова.

«Заключеніе подъ стражу царя Ѳеодора и его сестры Ксеніи.—Прибытіе въ палаты, гдѣ заключены высокіе плѣнники, бояръ Голицына и Милославскаго. — Стоны и вопли, исходящіе изъ палатъ.—Объявленіе о смерти царя и его матери. Провозглашеніе царемъ Димитрія Ивановича. Вышеозначенныя происшествія происходятъ: въ Москвѣ на площадяхъ, около соборовъ и монастырей, въ Чудовомъ монастырѣ; въ палатахъ царскихъ, въ домахъ бояръ. — На границѣ Литвы: въ корчмѣ, Краковѣ, въ жилищѣ самозванца, въ домѣ Мнишка. На границѣ Россіи: въ лагеряхъ около Новгорода-Сѣверскаго, и пр.

«Дѣйствующія лица: царь Борисъ со всѣмъ своимъ семействомъ, патріархъ, монахи, бояре, народъ; юродивый Николка; — Отрепьевъ, его приверженцы: князь Курбскій, Хрущовъ, Пушкинъ (Гаврило), Мнишекъ, Марина и пр.»

Выписка:

№ 1. МАРЖЕРЕТЪ.

Tudieu, il y fait chaud!—Ce diable de samozvanets, comme ils l'appellent, est un bougre, qui a du poil au col. Qu'en pensez vous, mein Herr?

№ 2. ЮРОДИВЫЙ.

Борисъ, Борисъ! Николку дѣти обижаютъ.

ЦАРЬ.

Подать ему милостыню. О чемъ онъ плачетъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Николку маленькія дѣти обижаютъ... вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича.

БОЯРЕ.

Поди прочь, дуракъ, схватите дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка!

ЮРОДИВЫЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за царя Ирода —
Богородица не велитъ.

№ 3. ЦАРЬ.

Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и — его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ,
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо,
Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже.

№ 4. НАРОДЪ.

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

ОДИНЪ (тихо).

О чемъ мы плачемъ?

ДРУГОЙ.

А какъ намъ знать? то вѣдаютъ бояре,
Не намъ чета.

БАБА (съ ребенкомъ).

Ну, чтожъ? какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! вотъ я тебя! вотъ бука!
Плачь, баловень! (бросаетъ его объ земь; ребенокъ пищитъ).
Ну, то-то-же.

ОДИНЪ.

Всѣ плачутъ,
Заплачемъ, братъ, и мы.

ДРУГОЙ.

Я силюсь, братъ,
Да не могу.

ПЕРВЫЙ.

Я также. Нѣтъ ли луку?
Потремъ глаза.

№ 5. **Монахи пьютъ; Варлаамъ затягиваетъ пѣсню.**

Ты проходишь, дорогая, и проч.

(Григорью): Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

ГРИГОРІЙ.

Не хочу.

МИСАИЛЪ.

Вольному воля...

ВАРЛААМЪ.

А пьяному рай, отвѣтилъ Мисаилъ! выпьемъ же чарочку за шинкарочку...

...неволей добрый молодецъ и проч.

Однако, отецъ Мисаилъ, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю; ино дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы, милости просимъ—нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

ГРИГОРІЙ.

Пей, да про себя разумѣй, от. Варлаамъ! видишь, и я порой складно говорить умѣю.

ВАРЛААМЪ.

А что мнѣ про себя разумѣть!

МИСАИЛЪ.

Оставь его, от. Варлаамъ.

ВАРЛААМЪ.

Да что онъ за постникъ? самъ же къ намъ навязался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда — да еще и спѣсивится; можетъ быть кобылу нюхалъ... (пьетъ и поетъ).

ГРИГОРІЙ (хозяйкѣ).

Куда ведетъ эта дорога?

ХОЗЯЙКА.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луевымъ горамъ.

ГРИГОРІЙ.

А далече ли до Луевыхъ горъ?

ХОЗЯЙКА.

Не далече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія, да сторожевые приставы.

ГРИГОРІЙ.

Какъ заставы! что это значитъ?

ХОЗЯЙКА.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать да осматривать.

ГРИГОРІЙ (про себя).

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день.

ВАРЛААМЪ.

Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а нужна молодка, дѣло, братъ, дѣло! у всякаго свой обычай; а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка: пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ.

МИСАИЛЪ.

Складно сказано, от. Варлаамъ.

№ 6. БОЯРИНЪ ПУШКИНЪ.

Такой грозѣ, что врядъ царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ!
И по дѣломъ ему! онъ правитъ нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ):
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены-ль мы въ бѣдной жизни нашей?
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ, въ глуши голодна смерть, или петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньи.
Дай срокъ: тебѣ такая-жъ будетъ участь.
Легко-ль, скажи? мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами,
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры;
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить,
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ,
Не смѣй согнать лѣнивца! радъ-не-радъ,

Корми его, не смѣй переманить
Работника, не то въ приказъ холопій,
Ну, слыхано-ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? а легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

На рукописи Пушкина государь, по свидѣтельству П. А. Плетнева, отмѣтилъ нѣсколько сценъ краснымъ карандашемъ. На представленныхъ же Бенкендорфомъ «Замѣчаніяхъ» государь написалъ: «Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, еслибъ съ *нужнымъ очищеніемъ* передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ на подобіе *Вальтеръ Скотта*». Отзывъ государя находится въ непосредственной связи съ «Замѣчаніями», въ которыхъ упоминается о *цѣли* пьесы и говорится: «кажется будто это составъ вырванныхъ листовъ изъ романа «*Вальтера Скотта*» и т. д. Въ приложеніи къ «Замѣчаніямъ»—въ «Выпискахъ» указаны тѣ мѣста, отъ которыхъ *комедія* должна быть *очищена*.

Объ отзывѣ государя Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина письмомъ 14-го декабря 1826 года: «Я имѣлъ счастіе представить государю императору комедію вашу о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Его величество изволилъ прочесть оную съ большимъ удовольствіемъ и на поднесенной мною по сему предмету запискѣ собственноручно написать слѣдующее:

«Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, еслибъ съ *нужнымъ очищеніемъ* передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтера Скотта».

«Увѣдомляя васъ о семъ высочайшемъ отзывѣ и возвращая при семъ сочиненіе ваше, долгомъ считаю присовокупить, что мѣста, обратившія на себя вниманіе его величества и требующія нѣкотораго очищенія, отмѣчены въ самой рукописи и заключаются также въ прилагаемой у сего выпискѣ».

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу, 3 января 1827 года: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего превосходительства, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное».

Этимъ письмомъ прерывается переписка о драмѣ Пушкина, до 1829 года. 20-го іюля 1829 года, П. А. Плетневъ обратился къ служившему въ третьемъ отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи Петру Яковлевичу фонъ-Фоку съ слѣдующимъ письмомъ:

«Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ имѣлъ счастіе представлять государю императору еще въ Москвѣ во время коронаціи драматическое свое сочиненіе. На рукописи автора его императорскому величеству угодно было отмѣтить нѣсколько сценъ краснымъ карандашемъ, вслѣдствіе чего и сдѣланы были г. Пушкинымъ разныя перемѣны въ сочиненіи.

«Впрочемъ, по недовѣрчивости ли къ собственному своему вкусу, или, желая подвергнуть свои поправки свѣжему взгляду, авторъ, передъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга, передалъ рукопись Василію Андреевичу Жуковскому, съ тѣмъ, чтобы онъ, пересмотрѣвъ еще поправленное сочиненіе, принялъ на себя трудъ заготовить чистый экземпляръ, въ какомъ видѣ полагаетъ лучше издать его.

«Получивъ нынѣ отъ г. Жуковскаго обѣ рукописи, имѣю честь препроводить ихъ къ вамъ, милостивый государь. Такъ какъ, по желанію автора, я приступаю къ печатанію этого сочиненія, то не угодно ли будетъ вамъ, по сличеніи оригинала съ копіею, подписать послѣднюю для типографіи, а первый возвратить мнѣ для доставленія г. Жуковскому».

Вслѣдствіе этого письма, рукопись была представлена государю при докладѣ слѣдующаго содержанія: «по высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію представляется драматическое стихотвореніе Пушкина о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». На докладѣ написано: «Высочайшаго

соизволенія не воспослѣдовало. 10-го октября 1829 года. На томъ же докладѣ, рукою Бенкендорфа, карандашемъ: «возвратить Пушкину съ тѣмъ, чтобы перемѣнилъ бы нѣкоторыя мѣста, слишкомъ тривіальныя, и тогда я опять доложу государю». 21-го января 1830 года Бенкендорфъ писалъ Пушкину: «Возвращая при семъ два рукописные экземпляра комедіи вашей о царѣ Борисѣ, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, перемѣнить въ оной еще нѣкоторыя, слишкомъ тривіальныя мѣста. Тогда я вмѣню себѣ въ пріятнѣйшую обязанность снова представить сіе стихотвореніе государю императору».

Требованіе новыхъ измѣненій глубоко опечалило Пушкина, и онъ рѣшился отстаивать, до послѣдней крайности, свободу своего творчества. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно замѣчательно письмо Пушкина къ Бенкендорфу, 16-го апрѣля 1830 года, заключающее въ себѣ живыя черты для характеристики Пушкина вообще. Оно писано по-французски. Приводимъ изъ него то, что относится собственно къ «Борису Годунову»:

Encore une grâce: en 1826 j'apportais à Moscou ma tragedie de Годуновъ écrite pendant mon exil. Elle ne vous fut envoyée, telle que vous l'avez vue, que pour me disculper. L'empereur ayant daigné la lire m'a fait quelques critiques sur des passages trop libres, et je dois l'avouer sa Majesté n'avait que trop raison. Deux ou trois passages ont aussi attiré son attention, parce qu'ils semblaient présenter des allusions aux circonstances alors récentes, en les relisant actuellement je doute qu'on puisse leur trouver ce sens-là. Tous les troubles se ressemblent. L'auteur dramatique ne peut répondre des paroles qu'il met dans la bouche de personnages historiques. Il doit les faire parler selon leur caractère connu. Il ne faut donc faire attention qu'à *l'esprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier, à l'impression qu'il doit produire.* Ma tragedie est une oeuvre de bonne foi et je ne puis en conscience supprimer ce qui me parait essentiel. Je supplie sa Majesté de me pardonner la liberté que je prends de la contredire, je sais bien que cette opposition de poète peut prêter à rire, mais jusqu'à présent j'ai toujours constamment refusé toutes les propositions des libraires; j'étais heureux de pouvoir

faire en silence ce sacrifice à la volonté de sa Majesté. Les circonstances actuelles me pressent et je viens supplier sa Majesté de me délier les mains et de me permettre d'imprimer ma tragedie comme je l'entends [1]).

Пушкинъ получилъ желаемое разрѣшеніе. Въ письмѣ своемъ, 28-го апрѣля 1830 года, Бенкендорфъ увѣдомлялъ Пушкина, что государь разрѣшаетъ напечатать трагедію подъ собственною отвѣтственностью автора: pour ce qui regarde votre tragedie de Godounoff, S. M. l'Empereur vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité [2]).

О послѣдовавшемъ разрѣшеніи Бенкендорфъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія князя Ливена. Бенкендорфъ писалъ князю Ливену, 22-го октября 1830 года: «По высочайшему повелѣнію государя императора, объявилъ я извѣстному писателю Александру Сергѣевичу Пушкину дозволеніе его императорскаго величества на напечатаніе исторической

---

[1]) Еще одну милость: въ 1826 году я привезъ въ Москву свою трагедію о Годуновѣ, писанную во время моей ссылки. Только для того чтобы оправдать себя, я послалъ вамъ свою трагедію въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она тогда была. Императоръ, удостоивъ ее прочтенія, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній о мѣстахъ черезчуръ свободныхъ, и я долженъ сознаться, что его величество былъ какъ нельзя болѣе правъ. Два или три мѣста также привлекли его вниманіе, потому что представляли кажущіеся намеки на событія, тогда еще недавнія. Но, перечитывая ихъ въ настоящее время, я сомнѣваюсь, чтобъ можно было въ нихъ найти этотъ смыслъ. Всѣ смуты похожи одна на другую. Драматическій писатель не можетъ отвѣчать за слова, которыя онъ влагаетъ въ уста историческихъ лицъ. Онъ долженъ заставлять ихъ говорить сообразно съ ихъ характеромъ. И такъ, надо обращать вниманіе на духъ, въ которомъ написана вся пьеса, и впечатлѣніе, которое она должна произвести. Моя трагедія есть произведеніе вполнѣ искреннее, и я не могу по совѣсти уничтожить то, что мнѣ кажется существеннымъ. Умоляю его величество простить мнѣ ту свободу, съ которою я ему противорѣчу; я очень хорошо знаю, что это противорѣчіе поэта можетъ показаться смѣшнымъ, но до сихъ поръ я постоянно отклонялъ всѣ предложенія книгопродавцевъ: я былъ счастливъ, что могъ въ тишинѣ приносить эту жертву волѣ его величества. Въ настоящее же время, вынуждаемый обстоятельствами, я умоляю его величество развязать мнѣ руки и позволить мнѣ напечатать мою трагедію въ томъ видѣ, какъ она есть.

[2]) Что касается вашей трагедіи о Годуновѣ, его величество государь императоръ разрѣшаетъ вамъ напечатать ее подъ вашею собственною отвѣтственностью.

драмы его сочиненія: «Борисъ Годуновъ», подъ собственною его отвѣтственностью.

«Освѣдомясь нынѣ, что г. Пушкинъ намѣренъ отдать сіе сочиненіе для напечатанія въ типографію департамента народнаго просвѣщенія, я счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости объявленную мною г. Пушкину высочайшую волю, съ тѣмъ, что не благоугодно ли будетъ вамъ, милостивый государь къ должному исполненію оной, приказать помянутой типографіи, отпечатавъ потребное число экземпляровъ означенной драмы, непрекословно выдать, кому г. Пушкинъ поручитъ оные принять».

24-го декабря 1830 года князь Ливенъ увѣдомилъ Бенкендорфа, что «типографія департамента народнаго просвѣщенія, отпечатавъ драму г. Пушкина, выпустила экземпляры, по его порученію, г. Плетневу».

Печатный экземпляръ «Бориса Годунова» былъ представленъ государю. О впечатлѣніи, произведенномъ на государя драмою Пушкина, появившеюся въ печати, Бенкендорфъ увѣдомилъ автора письмомъ 9-го января 1831 года. Бенкендорфъ не рѣшился отправить письмо, не представивши его предварительно государю. Въ письмѣ Бенкендорфа Пушкину было сказано: «Его величество государь императоръ, прочитавъ сочиненіе ваше «Борисъ Годуновъ», изволилъ отозваться, что чтеніе сего изящнаго піитическаго творенія доставило ему великое удовольствіе». Государь исправилъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «его величество государь императоръ поручитъ мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, что сочиненіе ваше «Борисъ Годуновъ» изволилъ читать съ особымъ удовольствіемъ».

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу письмомъ изъ Москвы 18-го января 1831 года: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, «Борисъ Годуновъ» обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе».

Чтобы понять настоящій смыслъ этого письма, необходимо припомнить, когда и по какому поводу оно писано. Долго ожидалъ Пушкинъ счастливой поры, когда его любимое произведеніе появится, наконецъ, въ печати, и эта пора наступила. Поэтъ одержалъ своего рода побѣду надъ препятствіями, которыя казались неодолимыми: ему разрѣшено было печатать подъ его собственною отвѣтственностью. Онъ увѣренъ былъ, что это разрѣшеніе равносильно праву печатать безъ цензуры, и что оно простирается не только на «Бориса Годунова», но и на всѣ другія сочиненія. Что именно такъ понялъ Пушкинъ слова: sous votre propre responsabilité, видно изъ того, что онъ считалъ ихъ знакомъ особеннаго *довѣрія*, и, напоминая Бенкендорфу о своемъ правѣ, говорилъ: «государю угодно было *впредь положиться на меня въ изданіи моихъ сочиненій*». Суть хвалебнаго отзыва о правительствѣ, *смѣло* даровавшемъ *свободу* писателямъ, заключается въ томъ, что свобода слова возвышаетъ власть и показываетъ ея могущество, а стѣсненіе и оковы печати низводятъ власть съ ея высоты и покрываютъ безславіемъ. Въ самомъ упоминаніи объ «оковахъ книгопечатанія» не заключается ли косвеннаго осужденія тѣхъ нехорошихъ средствъ, которыя могла присовѣтывать реакція, встрѣчавшая на ту пору многихъ поборниковъ и у насъ, и въ другихъ государствахъ.

При сравненіи перваго печатнаго изданія «Бориса Годунова» съ «выписками» изъ рукописи Пушкина, присланной Бенкендорфу, оказывается, что изъ шести мѣстъ, подлежащихъ исключенію, два, именно № 3 и № 6 удержаны въ печатномъ изданіи вполнѣ, безъ малѣйшихъ измѣненій; одно № 4 исключено все; въ остальныхъ сдѣлано немного измѣненій. Въ № 5 пропущено: «Эй, товарищъ, да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать не нужна тебѣ водка, а нужна молодка. Дѣло, братецъ, дѣло! У всякаго свой обычай, а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка: пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донышко поколотимъ» и т. д. Въ № 2 вмѣсто: *Николку* дѣти обижаютъ; молись за меня, бѣдный *Николка*» напечатано: «мальчишки обижаютъ *юродиваго;* молись за меня *юродивый*». Мѣсто № 1 измѣнено такимъ образомъ:

Въ рукописи:

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de samozvanets, comme ils l'appellent, est un bougre, qui a du poil au col — qu'en pensez mein herr.

Въ печатномъ изданіи:

Diable, il y fait chaud! Ce diable de samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

По счастію, первоначальный текстъ драмы Пушкина сохранился въ собственноручной, бѣловой рукописи автора. Драгоцѣнность эта принадлежитъ въ настоящее время Павлу Васильевичу Жуковскому, сыну В. А. Жуковскаго, друга Пушкина. Благодаря просвѣщенной обязательности владѣльца рукописи, мы могли сравнить ее съ тѣми «выписками», которыя сдѣланы были, для государя, въ 1826 году. При сравненіи невольно возникаетъ вопросъ, не есть ли это та самая рукопись, которую Пушкинъ отослалъ Бенкендорфу и которая, слѣдовательно, была въ рукахъ государя? Для рѣшенія этого вопроса надо имѣть въ виду слѣдующее. Въ рукописи, принадлежащей П. В. Жуковскому, отмѣчены краснымъ карандашомъ—знакомъ №—всѣ тѣ мѣста, относительно которыхъ требовалось *нужное очищеніе*. И число отмѣченныхъ мѣстъ—шесть, и нумера отмѣтокъ вполнѣ соотвѣтствуютъ числу и нумерамъ «выписокъ», приложенныхъ къ «замѣчаніямъ» или къ той «запискѣ», о которой упоминаетъ Бенкендорфъ въ своемъ отвѣтѣ Пушкину. Всѣ или почти всѣ измѣненія въ автографѣ Пушкина, сдѣланныя карандашомъ, принадлежатъ, судя по почерку, Василію Андреевичу Жуковскому. Измѣненія эти въ такомъ родѣ:

Вмѣсто: «Наряжены *Москву* мы вмѣстѣ вѣдать»—
Наряжены мы вмѣстѣ *городъ* вѣдать (стр. 37). [1]).
Вмѣсто: «И въ петлю лѣзть не *захочу* я даромъ»—
И въ петлю лѣзть не *соглашусь* я даромъ (стр. 39).
Вмѣсто: «Желалъ бы знать, *чего желаетъ* онъ»—
Желалъ бы знать, *о чемъ гадаетъ* онъ (стр. 53).
Вмѣсто: «*Даровъ* любви»—*утѣхъ* любви (стр. 54) и т. п.

Самое выдающееся измѣненіе заключается въ пропускѣ *собственнаго имени* юродиваго. Въ рукописи Пушкина: «*Ни-*

---

[1]) Страницы указаны по изданію 1882 года. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе восьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. Томъ V.

колка, Николка—желѣзный колпакъ!.. Николку дѣти обижаютъ..., *Николку маленькія дѣти* обижаютъ»... Молись за меня, бѣдный *Николка*». Имя: *Николка* зачеркнуто, и мѣста, гдѣ оно было, измѣнены такъ: «Молись за меня, *юродивый*... «*Мальчишки меня* обижаютъ», и т. п. (стр. 100—102). За самыми незначительными исключеніями, выписанныя мѣста представляютъ дословное сходство съ соотвѣтствующими мѣстами рукописи Пушкина въ ея первоначальномъ видѣ, т. е. пока въ ней не было сдѣланныхъ карандашомъ измѣненій. Мѣста, зачеркнутыя въ рукописи карандашомъ, не вошли и въ печатное изданіе. И въ собственноручной рукописи Пушкина, и въ «выпискахъ» пьеса названа такъ: «Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Въ рукописи Пушкина «комедія» оканчивается словами: «Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ! Народъ: Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ»! Затѣмъ выставленъ годъ, и рукою самого же Пушкина написано: «Конецъ комедіи, въ ней же первая персона царь Борисъ Годуновъ. Слава Отцу и Сыну и св. Духу, аминь».

Однимъ изъ первыхъ произведеній Пушкина, по возвращеніи его изъ ссылки, была записка: *О народномъ воспитаніи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была первою данью, заплаченною поэтомъ своему новому положенію. Написанная наскоро, не по желанію самого автора, а по приказанію государя, состоящая изъ отрывочныхъ замѣтокъ, записка Пушкина все-таки заключаетъ въ себѣ много любопытнаго, рисующаго тогдашнее время и складъ понятій автора.

Приказаніе государя передано Пушкину Бенкендорфомъ. 30-го сентября 1826 года Бенкендорфъ писалъ Пушкину: «Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ; вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія. И предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что

на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія».

Пушкинъ не отвѣчалъ на это письмо. Черезъ нѣсколько времени Бенкендорфъ снова обратился къ Пушкину, напомнивъ ему о прежнемъ письмѣ. Вскорѣ послѣ второго письма Бенкендорфа, Пушкинъ прислалъ свою записку: *О народномъ воспитаніи.*

При оцѣнкѣ этого труда, или, точнѣе, этихъ набросокъ, не слѣдуетъ забывать, что авторъ взялся за перо не по собственной волѣ, а по приказу, и самъ вполнѣ сознавалъ свою неподготовленность къ рѣшенію предложенной ему задачи. Не смотря на то, что ему прямо указано было, въ какомъ духѣ и направленіи должно писать, Пушкинъ умѣлъ сохранить свою самостоятельность и написалъ въ сущности совсѣмъ не то, чего требовалось и чего ожидали.

Печальными красками изображаетъ Пушкинъ современное ему воспитаніе, въ особенности домашнее. Съ малыхъ раннихъ лѣтъ, ребенокъ отдается на жертву двухъ темныхъ силъ; видитъ вокругъ себя своеволіе—съ одной стороны, и рабство—съ другой. Кругъ образованія ограничивается поверхностнымъ изученіемъ иностранныхъ языковъ. Всѣ мечты юноши стремятся къ тому, чтобы скорѣе шло производство, скорѣе дослужиться до крупнаго чина. Наши общественные порядки вовсе не таковы, чтобы могли исправить зло, вносимое въ жизнь плохимъ воспитаніемъ. Вещи по существу своему ужасныя считаются у насъ самыми обыкновенными: юноши и взрослые наказываются, и не въ мѣру строго, за проступки, совершенные ими въ отроческомъ возрастѣ. «Въ Россіи все продажно», и педагоги берутъ взятку такъ же точно, какъ и таможенные чиновники. Для успѣха нашихъ общественныхъ учебныхъ заведеній отнюдь не должно «ограничивать идей, которыя и безъ того слишкомъ у насъ ограничены». Преподаватель исторіи долженъ выставлять событія въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, не допуская ни малѣйшаго лукавства, т. е., не искажая республиканскихъ подвиговъ въ угоду монархическому взгляду на вещи. Для успѣшнаго хода всѣхъ нашихъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ необходимо, по мнѣнію Пушкина, чтобы между правительствомъ и обществомъ существовало полное и искреннее со-

гласіе, и чтобы они дружно стремились къ одной и той же великой цѣли—«къ улучшенію государственныхъ постановленій».

Основная мысль Пушкина заключается въ томъ, что просвѣщеніе можетъ удалить поводы къ общественнымъ волненіямъ и смутамъ. Съ развитіемъ просвѣщенія поднимается и нравственный уровень общества: просвѣщеніе дѣйствуетъ благотворно не только на умы, но и на нравы людей. Чѣмъ менѣе путей открыто для просвѣщенія, чѣмъ менѣе свободы предоставлено литературѣ, тѣмъ труднѣе достигается благая цѣль. Упоминая о политическихъ заговорахъ и тайныхъ обществахъ, Пушкинъ, указываетъ на то обстоятельство, что «рукописные пасквили на правительство» и другія возмутительныя вещи размножились именно тогда, когда «литература была подавлена самою своенравною цензурою».

Будучи убѣжденъ, что въ просвѣщеніи заключается великая нравственная сила, охраняющая и общество, и государство, и зная, что въ кругу лицъ, окружавшихъ государя, господствуютъ другіе взгляды, Пушкинъ не хотѣлъ надѣвать на себя маски, не скрывалъ своего образа мыслей, и высказалъ его со всею прямотою и искренностью. Получивъ отъ Бенкендорфа внушеніе въ томъ духѣ, что усердіе важнѣе просвѣщенія, отъ котораго нерѣдко возникали смуты и мятежи, Пушкинъ послалъ тому же самому Бенкендорфу стихотвореніе, въ которомъ говоритъ, что только рабъ или льстецъ можетъ внушать государю, что «просвѣщенья плодъ — развратъ и нѣкій духъ мятежный»; подобные навѣты на просвѣщеніе лишь «горе на царя накличутъ». Стихотвореніе Пушкина: «Друзьямъ» можетъ служить, до нѣкоторой степени, какъ бы поясненіемъ къ запискѣ о воспитаніи.

Записка Пушкина о народномъ воспитаніи извѣстна въ печати только по черновому списку, случайно уцѣлѣвшему. Приводимъ ее по подлиннику, т. е. по тому самому, бѣловому списку, который былъ въ рукахъ государя, сдѣлавшаго на немъ свои отмѣтки.

О народномъ воспитаніи.

«Послѣднія происшествія обнаружили много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія и нравственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія. Политическія измѣненія, вынужденныя у другихъ народовъ силою обстоятельствъ и долговременнымъ приготовленіемъ, вдругъ сдѣлались у насъ предметомъ замысловъ и злонамѣренныхъ усилій. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, молодые люди занимались только военною службою, старались отличаться одною свѣтскою образованностію или шалостями; литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія, воспитаніе ни въ чемъ не отклонилось отъ первоначальныхъ начертаній. Десять лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), превратившуюся въ рукописные пасквили на правительство и возмутительныя пѣсни; наконецъ, и тайныя общества, заговоры, замыслы, болѣе или менѣе кровавые и безумные.

«Ясно, что походамъ 1813 и 1814 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и въ Германіи должно приписать сіе вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ, должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что, съ одной стороны, они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ, съ другой, необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей. Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной въ душѣ своей. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще не наученное никакимъ опытомъ и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостію первой молодости, со всѣмъ ея восторгомъ и готовностію принимать всякія впечатлѣнія.

«Не одно вліяніе чужеземнаго идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитаніе, или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія есть корень всякаго зла. *Не просвѣщенію*, ска-

зано въ высочайшемъ манифестѣ, отъ 13-го іюля 1826 года, *но праздности ума, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ погибель*. Скажемъ болѣе: одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.

«Чины сдѣлались страстью русскаго народа. Того хотѣлъ Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25-ти лѣтъ, у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе на службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безо всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ, всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать, онъ становится слѣпымъ приверженцомъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе.

«Конечно, уничтоженіе чиновъ (по крайней мѣрѣ, гражданскихъ) представляетъ великія выгоды; но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные, какъ вообще всякое измѣненіе постановленій, освященныхъ временемъ и привычкою. Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлію и достояніемъ просвѣщенія, должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства, должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ. Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенокъ окруженъ одними холопями, видитъ одни гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ

основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше, здѣсь и тамъ оно кончается на 16-тилѣтнемъ возрастѣ воспитанника. Нечего колебаться: во что бы то ни стало, должно подавить воспитаніе частное.

«Надлежитъ всѣми средствами умножить невыгоды, сопряженныя съ онымъ (напримѣръ, прибавить годы унтеръофицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ).

«Уничтожить экзамены. Покойный императоръ, удостовѣрясь въ ничтожествѣ ему предшествовавшаго поколѣнія, желалъ открыть дорогу просвѣщенному юношеству и задержать какъ нибудь стариковъ, закоренѣлыхъ въ безнравствіи и невѣжествѣ. Отселѣ указъ объ экзаменахъ, мѣра слишкомъ демократическая и ошибочная, ибо она нанесла послѣдній ударъ дворянскому просвѣщенію и гражданской администраціи, вытѣснивъ все новое поколѣніе въ военную службу. А такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзаменъ сдѣлался новой отраслію промышленности для профессоровъ. Онъ походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проѣхать стороною. И такъ (съ такого-то года) *молодой человѣкъ, невоспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена.*

«Уничтоженіе экзаменовъ произведетъ большую радость въ старыхъ титулярныхъ и коллежскихъ совѣтникахъ, что и будетъ хорошимъ противодѣйствіемъ ропоту родителей, почитающихъ своихъ дѣтей обиженными.

«Что касается до воспитанія заграничнаго, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ опутать его одними невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ, ибо, первое, весьма немногіе станутъ пользоваться симъ позволеніемъ; второе, воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитавшійся въ Гетингенскомъ университетѣ, не смотря на свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго

и положительныхъ познаній. Такимъ образомъ, уничтоживъ или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго.

«Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и, слѣдовательно, состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

«Кадетскіе корпуса, разсадникъ офицеровъ русской арміи, требуютъ физическаго преобразованія, большого присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію; черезъ сію полицію должны будутъ доходить и жалобы до начальства. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную—исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ: наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное.

«Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ заранѣе внушить воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія, не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ, слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ.

«Въ гимназіяхъ, лицеяхъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ продлить, по крайней мѣрѣ, тремя годами кругъ обыкновенный ученія, *по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.*

«Преобразованіе семинарій, разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія.

«Предметы ученія въ первые годы не требуютъ значительной перемѣны. Кажется, однакожъ, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, напримѣръ, 6-тилѣтнее изученіе французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? къ чему латинскій или греческій? позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?

«Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя.

«Высшія политическія науки займутъ окончательные годы. Преподаваніе правъ, политическая экономія по новѣйшей системѣ Сея и Сисмонди, статистика, исторія.

«Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ разсказомъ происшествій безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. Къ чему давать младенствующимъ умамъ направленіе одностороннее, всегда непрочное? но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться. Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ, не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убиства Кесаря, превознесеннаго 2,000 лѣтъ, но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ.

«Вообще, не должно, чтобъ республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны.

«Исторію русскую должно будетъ преподавать по Карамзину. Исторія государства россійскаго есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ; сверхъ ея исторіи, ея статистика, ея законодательство требуютъ особенныхъ каѳедръ. Изученіе Россіи должно будетъ преимущественно занять въ окончательные годы умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству вѣрою и правдою, имѣя цѣлію искренно и усердно соединиться съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ.

«Самъ отъ себя я бы никогда не осмѣлился представить на разсмотрѣніе правительства столь недостаточныя замѣ-

чанія о предметѣ столь важномъ, каково есть народное воспитаніе: одно желаніе усердіемъ и искренностью оправдать высочайшія милости, мною незаслуженныя, понудили меня исполнить ввѣренное мнѣ препорученіе. Ободренный первымъ вниманіемъ государя императора, всеподданнѣйше прошу его величество дозволить мнѣ повергнуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ, болѣе мнѣ близкихъ и знакомыхъ».

«Александръ Пушкинъ».

Рукопись, представленная Пушкинымъ государю, не есть автографъ; Пушкинъ только подписалъ ее, выставилъ заглавіе и своею же рукою приписалъ, на поляхъ, два мѣста, которыя должны быть включены въ текстъ, а именно слѣдующія: «Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ гетингенскомъ университетѣ, не смотря на свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію — слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній» и «Преобразованіе нашихъ семинарій—разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія».

Вниманіе государя обратили на себя слѣдующія мѣста: [1]).

— Походамъ 13 и 14 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и въ Германіи, должно приписать вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ.—(?)

— Отсутствіе воспитанія есть корень всякаго зла.—(?)

— Одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.—(?)

— Уничтоженіе чиновъ представляетъ великія выгоды, но влечетъ за собою и безпорядки безчисленные.—(?)—можно, по крайней мѣрѣ, представить чины цѣлію и достояніемъ просвѣщенія.—(?)

— Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія.—(?)

— Должно дать ему (юношеству) время созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ.—(?)

[1]) Въ скобкахъ помѣщены знаки, поставленные государемъ.

— Должно подавить воспитаніе частное.—(?)

— Прибавить годы унтеръ-офицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ.—(?)

— Уничтожить экзамены... Молодой человѣкъ, невоспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ.—(?)

— Запрещать воспитаніе заграничное нѣтъ никакой надобности.—(?)

— Доносы (воспитанниковъ) должны быть оставлены безъ вниманія и даже подвергаться наказанію.—(?)

— Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками, и т. д. Наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное.—(?)

— Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ.—(?)

— Слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ палачей, а не начальниковъ.—(?)

— Къ чему латинскій (языкъ) или греческій: позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго.—(?)

— Можно представить Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ.—(?)

— Республиканскія идеи имѣли для воспитанниковъ прелесть новизны.—(?)

— Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и, слѣдовательно, состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.—(?)

— Нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ.—(??)

— Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо.—(??)

— Можно представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества.—(??)

— Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ; (???)—источника нуждъ и требованій государственныхъ.—(??)

— Въ гимназіяхъ, лицеяхъ и пансіонахъ при университетахъ продлить кругъ ученія, по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.—(???)

— Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ журналахъ.—(!?)

Обѣ собственноручныя приписки Пушкина, о Н. Тургеневѣ и о преобразованіи семинарій, отмѣчены двумя вопросительными знаками.

На первой страницѣ рукописи, представленной Пушкинымъ, написано рукою Бенкендорфа, карандашомъ: Lui faire une réponse, le remercier pour ce papier, en lui observant cependant, que le principe qu'il avance, que *l'instruction et le génie et tout* est un principe faux pour tous les genvernements, et nommément ce lui qui a manqué le précipiter lui-même dans l'abime et qui y a jeté tant de jeunes gens; que la morale, les services, le zèle doivent l'emporter sur l'instruction... [1]). Остальныхъ нѣсколькихъ словъ нельзя разобрать: они стерлись отъ времени. Впрочемъ, все, написанное Бенкендорфомъ, воспроизведено, съ небольшими измѣненіями, въ слѣдующемъ письмѣ его къ Пушкину, 23 декабря 1826 года:

«Государь императоръ съ удовольствіемъ изволилъ читать разсужденія ваши о народномъ воспитаніи и поручилъ мнѣ изъявить вамъ высочайшую свою признательность.

«Его величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ».

Въ запискѣ своей о народномъ воспитаніи Пушкинъ, дѣйствительно, выдвигаетъ на первый планъ *просвѣщеніе, а о геніи* онъ вовсе и не упоминаетъ. Приписывая Пушкину такое поклоненіе *генію*, Бенкендорфъ находился, быть мо-

[1]) Написать ему отвѣтъ, благодарить его за эту бумагу, замѣтивъ ему, однакожъ, что выставляемое имъ начало, что просвѣщеніе и геній составляютъ все, есть начало ложное въ глазахъ всѣхъ правительствъ и оно-то едва не низвергло его въ ту бездну, въ которую бросило столько молодыхъ людей; что нравственность, исполненіе служебныхъ обязанностей, усердіе, должны быть предпочитаемы просвѣщенію...

жетъ, подъ вліяніемъ тѣхъ лицъ, которыя внушали ему, что Пушкинъ чрезвычайно гордъ, самонадѣянъ и придаетъ черезчуръ большое значеніе своему поэтическому таланту.

Записка Пушкина «*О народномъ воспитаніи*» впервые напечатана, въ 1872 году, П. И. Бартеневымъ, по черновой рукописи Пушкина, которую самъ авторъ передалъ князю П. А. Вяземскому [1]). По этому списку напечатана она и въ собраніи сочиненій А. С. Пушкина, издатель которыхъ замѣчаетъ, что «бѣловой списокъ пока неизвѣстенъ» [2]).

П. В. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина» говоритъ: «Нѣсколько черновыхъ безслѣдныхъ отрывковъ трактата о воспитаніи, сохранившихся въ бумагахъ Пушкина, не даютъ никакой ясной идеи о сочиненіи; но изъ отзыва, воспослѣдовавшаго на разсужденіи, можно заключить объ односторонности основной мысли автора. Изъявляя ему признательность за нѣкоторыя отдѣльныя истины высшее начальство постановило ему на видъ, что правило, принятое сочинителемъ, будто просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило невѣрное, ибо при семъ упущены изъ виду нравственныя качества и, наконецъ, примѣрное служеніе, усердіе, которыя должно предпочесть просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному» [3]). «Изъ этого надо бы заключить,—говоритъ П. И Бертеневъ, напечатавшій записку Пушкина въ своемъ изданіи,—что «Записка» была подана не въ томъ видѣ, какъ здѣсь напечатана»; но мы скорѣе думаемъ, что собиратель матеріаловъ для біографіи Пушкина смѣшалъ обстоятельства, и что приведенныя выраженія служили отвѣтомъ на что либо другое. Бумаги Пушкина требуютъ точнѣйшаго разсмотрѣнія.

Указанія, сохранившіяся въ первыхъ источникахъ, вполнѣ разъясняютъ дѣло, устраняя всякое сомнѣніе въ томъ, что «отзывъ» относится къ запискѣ о народномъ воспитаніи, а не къ другому какому либо сочиненію Пушкина.

---

[1]) Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартеневымъ. 1872. Книга вторая, стр. 209—128.

[2]) Сочиненіе А. С. Пушкина. Изданіе весьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1881. Томъ V, стр. 40—46 и 486.

[3]) Сочиненіе Пушкина. Изданіе П. А. Анненкова. 1855. Томъ первый, стр. 174—175.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ПУШКИНА.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ПУШКИНА.

Для исторіи нашей литературы безспорное значеніе имѣютъ полемическія статьи Пушкина, заключающія въ себѣ живыя черты тогдашнихъ литературныхъ понятій и нравовъ. Полемика составляетъ неизбѣжное условіе журнальной дѣятельности, а отъ участія въ журналистикѣ трудно было отказаться писателю съ умомъ и талантомъ Пушкина и съ его отзывчивостью ко всему, въ чемъ выражается движеніе литературы и общественной жизни. Въ одной изъ статей «Литературной Газеты» говорится: «Въ журналахъ—движеніе, въ нихъ страсти, въ нихъ отголосокъ самихъ рѣчей, самихъ дѣяній; въ книгахъ гораздо меньше индивидуальности: въ книгѣ скроешь себя, въ журнальной статьѣ авторъ проговаривается; въ одной—слышимъ рѣчь его съ авторской каѳедры, въ другой—невольный крикъ его, непромытъ его ума, его характера», и т. д.

Большихъ усилій стоило Пушкину пріобрѣсти право на изданіе литературнаго журнала. «Съ радостью взялся бы я,—писалъ Пушкинъ,—за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію». Давнишнее желаніе Пушкина, наконецъ, осуществилось. 14 января 1836 года, министру народнаго просвѣ-

щенія объявлено высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Камеръ-юнкеръ, титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ просилъ разрѣшенія издать въ нынѣшнемъ, 1836 г. четыре тома статей чисто-литературныхъ (какъ-то повѣстей, стихотвореній и проч.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехмѣсячныхъ review. Его императорское величество на таковую просьбу г. Пушкина изволилъ изъявить высочайшее свое соизволеніе съ тѣмъ, чтобы означенное періодическое сочиненіе проходило, по установленному порядку, черезъ цензурный комитетъ». Недолго пользовался Пушкинъ дорогимъ для него правомъ. Не прошло и года со времени появленія основаннаго Пушкинымъ журнала: «Современникъ», какъ издателями «Современника», вмѣсто «покойнаго Пушкина» являются: В. А. Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, князь В. Ѳ. Одоевскій и П. А. Плетневъ.

Участіе Пушкина въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ ознаменовано рядомъ художественныхъ произведеній, обогатившихъ нашу литературу. На страницахъ этихъ же изданій появились и полемическія статьи Пушкина, бывшія, въ свою очередь, украшеніемъ тогдашней журналистики. Нѣкоторыя изъ полемическихъ статей Пушкина появлялись въ печати не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а съ измѣненіями и пропусками—какъ вольными, такъ и невольными. Въ этомъ отношеніи любопытна судьба статьи Пушкина, направленная противъ редактора «Вѣстника Европы», Михаила Трофимовича Каченовскаго, обиженнаго выходками Полевого и подавшаго грозную жалобу на «соумышленника» его—цензора Глинку. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, вызвавшаго въ журнальныхъ кружкахъ оживленные толки, Пушкинъ воспроизвелъ его въ своей статьѣ съ тою же буквальною точностью, какъ и въ эпиграммѣ, написанной по тому же поводу на Каченовскаго:

Обиженный журналами *жестоко,*
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко:
Вотъ подалъ онъ на цензора доносъ,
Но *цензоръ правъ*—намъ смѣхъ, *Зоилу носъ...*

Статья предназначалась для «Невскаго Альманаха», издававшагося Аладьинымъ. Авторъ не далъ ей особаго заглавія, какъ видно изъ того, что въ дѣлѣ, возникшемъ по ея поводу, она называется такъ: *Распря между двумя извѣстными журналистами и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму*, т. е. заглавіемъ послужили слова, которыми статья начинается. Имени автора не обозначено. Цензурное вѣдомство, въ различныхъ инстанціяхъ, не дозволило напечатать эту статью на томъ основаніи, что въ ней выводится, какъ дѣйствующее лицо, цензоръ и говорится о рѣшеніи, послѣдовавшемъ въ главномъ управленіи цензуры. Уступая обстоятельствамъ, Пушкинъ исключилъ изъ своей статьи все то̀, что̀ относится къ цензурному вѣдомству. Въ новомъ видѣ своемъ, подъ заглавіемъ: «*Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей, сочиненіе А. Пушкина*», она была представлена въ цензуру издателями альманаха: «Сѣверные цвѣты». «Выслушавъ вышеозначенную статью, главное управленіе цензуры нашло оную позволительною» и такимъ образомъ она появилась въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1830 годъ. Отсюда перепечатывалась она и въ собраніяхъ сочиненій Пушкина. Въ изданіи П. В. Анненкова и въ послѣднемъ изданіи П. А. Ефремова она помѣщена въ томъ же видѣ, т. е. съ тѣми же пропусками, какъ и въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ». Приводимъ первоначальный текстъ статьи Пушкина, въ ея полномъ видѣ.

— «Распря между двумя извѣстными журналистами и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму. Постараемся изложить исторически все дѣло.

«Въ концѣ минувшаго года, *редакторъ В. Е.*, желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще и въ качествѣ *издателя*, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости В. Е., сверхъ того *движимый глубокимъ чувствомъ сострадиія при видѣ безпомощнаго состоянія литературы*, онъ обѣщалъ *употребить, наконецъ, свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе*. Онъ надѣялся *отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать*. Онъ

собирался пуститься *въ неизмѣримую область бытописанія*, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, *проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ безплодныхъ*. «Предполагаю работать самъ, говорилъ почтенный редакторъ, не отказывая однакожъ и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ». Сіи позднія, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, сія похвальная заботливость о русской литературѣ, сія скромная снисходительность къ своимъ сотрудникамъ, тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было бы намъ привѣтствовать первые труды, первые успѣхи знаменитаго редактора В. Е. Его глубокія знанія (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году); свѣтильникъ исторической его критики озаритъ вышеупомянутыя тундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ *Ист. гос. р.* или даже разсужденіями о куньихъ мордкахъ; но вѣрнымъ взоромъ обниметъ, наконецъ, твореніе Карамзина, оцѣнитъ систему его разысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно литературныхъ мы не будемъ слышать то брюзгливаго ворчанія какого нибудь стараго педанта, то непристойныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, какъ статьями, наполненными восклицаніями, пошлою бранью и неумѣстными цитатами. Писатели извѣстные не будутъ ими презирать, ибо услышатъ не жалкія шуточки журнальнаго гаера, но окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостью вкусомъ и хладнокровіемъ.

«Можемъ смѣло сказать, что мы ни единой минуты не усомнились въ исполненіи плановъ г. К., изложенныхъ поэтическимъ слогомъ въ объявленіи о подпискѣ на В. Е. Но г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей-журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщаніямъ Вѣстника. Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20-й книжкѣ М. Т. прошед-

шаго года статью, въ которой сильно напалъ на почтеннаго редактора В. Е. Давъ замѣтить неприличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ, вѣроятно, неумышленно г-мъ К., онъ говоритъ:

«Еслибы онъ (В. Евр.), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія, мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его.

«Странныя требованія! Въ лѣтахъ В. Евр. уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость литературная, а если сознанія, требуемыя г. Полевымъ, и заслуживаютъ какое нибудь уваженіе, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?

«Но *что* сдѣлалъ до сихъ поръ издатель Вѣстника Европы»? продолжаетъ г. Полевой: «гдѣ *его* права, и на какой воздѣланной *его трудами* землѣ онъ водрузитъ свои знамена: гдѣ, за какимъ океаномъ, эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя В. Е., не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель В. Е. засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно просидѣлъ болѣе 20-ти лѣтъ. Дивиться ли, что теперь Вѣстнику Европы видятся чудныя распри, грезятся кимвалы бряцающіе и мѣдь звенящая»?

«На сіе отвѣтствуемъ:

«Если г. К., не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ въ теченіе 26-ти лѣтъ ни одной замѣчательной статьи, снискалъ однакожъ себѣ безсмертную славу, то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда, наконецъ, онъ примется за дѣло не на шутку?

«Г. К. просидѣлъ 26 лѣтъ на одномъ мѣстѣ,—согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. К. ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго; но развѣ онъ музыкантъ?—Г. К. перевелъ «Терезу и Фальдони»—что за бѣда?

«Доселѣ казалось намъ, что г. Полевой не правъ, ибо обнаруживается какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, ко-

торыя съ перваго взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ г. К. возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличныя и пристрастныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 № В. Е. слѣдующее примѣчаніе редактора къ статьѣ своего почтеннаго сотрудника г. Надоумки (одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку, и журналу, въ коемъ они участвуютъ): «Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Бенигною я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи Телеграфической, еслибъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастіе продолжать оную. *Рдръ*».

Сіе загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія *мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола г. Бенигны* предпринялъ почтенный редакторъ? что значитъ *игривый произволъ г. Бенигны?* что такое: *былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и достоинству мѣста?* (впрочемъ, смыслъ послѣдней фразы донынѣ остается теменъ, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи). Многочисленные почитатели В. Е. затрепетали, прочитавъ сіи мрачныя, грозныя, безпорядочныя строки. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодованіе Михаила Трофимовича, къ счастію, скоро все объяснилось.

«Оскорбленный, какъ издатель В. Е., г. К. рѣшился требовать защиты законовъ, какъ ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, и явился въ ценз. ком. съ жалобою на цензора, пропустившаго статью г. Полевова.

«Успокоясь насчетъ ужаснаго смысла вышеупомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о безполезномъ дѣйствіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія онаго. Въ статьѣ г. Полевова личная честь г. К. не была оскорблена.

Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель М. Т. не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души.

«Новое лицо выступило на сцену: цензоръ С. Н. Глинка явился отвѣтчикомъ. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружились въ его рѣчахъ, письмахъ и дѣловыхъ запискахъ. Онъ увлекъ сердца краснорѣчіемъ сердца и, вопреки чувству уваженія и преданности, глубоко питаемому нами къ почтенному профессору, мы желали побѣды храброму его противнику; ибо польза просвѣщенія и словесности требуетъ степени свободы, которая намъ дарована мудрымъ и благодѣтельнымъ уставомъ. В. В. Измайловъ, которому отечественная словесность уже многимъ обязана, снискалъ себѣ новое право на общую благодарность свободнымъ изъясненіемъ мнѣнія столь же умѣреннаго, какъ и справедливаго.

«Между тѣмъ, ожесточенный изд. М. Т. напечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь г. К. была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. П. доказалъ, что почтенный редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донынѣ, кромѣ переводовъ съ переводовъ, и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ статеекъ, ничего не произвелъ. Скудость, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что всего важнѣе, г. Полевой доказалъ, что Мих. Троф. нѣсколько разъ дозволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ изд. «Телеграфа» виннымъ его заводомъ (пятномъ ужаснымъ, какъ извѣстно всему нашему дворянству!); что онъ неоднократно съ упрекомъ повторялъ г. Полевому, что сей послѣдній купецъ (другое, столь же ужасное обвиненіе!) и все сіе въ непристойныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону г. Полевова. Никто болѣе нашего не уважаетъ истиннаго родоваго дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ, какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ равны передъ законами критики. Князь

Вяземскій уже далъ однажды замѣтить неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя истины.

«Однакожъ, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! И тутъ мы укоряли г. Полевова въ запальчивости и неумѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроеннаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ русскому букварю и преобразовать оный такъ, что свѣдѣнія Мих. Тр—ча въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію.

«Съ нетерпѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ, рѣшеніе главнаго управленія цензуры водворило спокойствіе въ области словесности и прекратило распрю миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ».—

Чтобы понять настоящій смыслъ полемической статьи Пушкина, заключающіеся въ ней указанія и намеки, а также и тотъ интересъ, который возбудила она при своемъ появленіи, необходимо обратиться къ свидѣтельству первыхъ источниковъ, весьма живо рисующихъ тогдашніе времена и нравы.

18-го декабря 1828 года, профессоръ М. Т. Каченовскій подалъ въ московскій цензурный комитетъ прошеніе слѣдующаго содержанія:

«Въ 20-й книжкѣ «Московскаго Телеграфа» на сей 1828-й годъ, издаваемаго купцомъ Николаемъ Полевымъ, и печатаемаго подъ цензурою г. майора и кавалера Сергѣя Глинки, на стран. 491-й, 492-й и 493-й, находятся выраженія, укоризненныя относительно къ моему лицу, и, не менѣе того, предосудительныя для мѣста, при которомъ имѣю счастіе служить съ честію, съ дипломами на ученыя степени и въ званіи ординарнаго профессора; выраженія сіи, крайне оскорбительныя для меня, совершенно противны § 3-го 4-му пункту, также §§ 13-му и 14-му высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, коими охраняется *личная честь* каждаго отъ оскорбленій. Поступокъ господина майора Глинки тѣмъ болѣе обиденъ для меня, что купецъ Полевой дозволялъ себѣ и сотрудникамъ своимъ въ прежнихъ книжкахъ «Телеграфа» весьма часто, безъ всякаго повода литератур-

наго, упоминать объ имени моемъ съ неуваженіемъ и порицать мои труды, безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинства, и что, слѣдовательно, г. цензоръ *дѣйствовалъ по пристрастію,* ибо не могъ не знать объ умыслѣ купца Полеваго, воспрещаемомъ силою закона, въ § 70-мъ устава о цензурѣ. Будучи столь жестоко обиженъ передъ публикою, я, на основаніи того же § 70-го, покорнѣйше прошу цензурный комитетъ принять мѣры къ законному меня удовлетворенію и меня же снабдить копіею съ опредѣленія, какое по сему учинено будетъ».

Цензурный комитетъ потребовалъ объясненія отъ цензора С. Н. Глинки. На вопросы, предложенные Глинкою, Каченовскій отвѣчалъ цензурному комитету, упорно поддерживая обвиненіе.

«Въ московскій цензурный комитетъ,

«отъ статскаго совѣтника, ординарнаго про-
«фессора и кавалера Каченовскаго

«Объясненіе.

«Вслѣдствіе опредѣленія онаго комитета, въ отношеніи, отъ 7-го января, подъ № 9-мъ, мнѣ объявленнаго, имѣю честь отвѣтствовать на пункты, предложенные господиномъ цензоромъ маіоромъ и кавалеромъ Глинкою въ двухъ его донесеніяхъ комитету.

«Въ первомъ, отъ 2-го января, г. цензоръ желаетъ знать какія именно выраженія почитаю я: 1) укоризненными моему лицу? 2) предосудительными мѣсту?

«Почитаю укоризненными моему лицу и предосудительными мѣсту тѣ самыя выраженія, которыя, какъ показалъ я въ своемъ прошеніи, находятся на 491-й, 492-й и 493-й страницахъ 20-й книжки «Московскаго Телеграфа» и которыя, какъ извѣстно господамъ членамъ комитета (кромѣ двухъ стороннихъ цензоровъ), найдены такими же и совѣтомъ императорскаго московскаго университета, сдѣлавшимъ уже свое о томъ представленіе, куда слѣдуетъ.

«Издатель «Телеграфа», купецъ Полевой, не имѣлъ никакого права печатать, а г. цензоръ обязанъ былъ не дозволять слѣдующихъ выраженій, или оскорбительныхъ для чести моего лица, или даже относящихся до моей нравственности

и предосудительныхъ для мѣста, при которомъ имѣю счастіе служить съ честію, съ дипломами на ученыя степени и въ званіи ординарнаго профессора: «*Обѣщанія, какія всегда даетъ и не исполняетъ издатель «Вѣстника Европы»* и проч. «*Мы напоминаемъ только «Вѣстнику Европы» что не такъ должно ему браться за законы словесности*». «*Еслибъ онъ, старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки*» и проч. «*Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель «Вѣстника Европы? гдѣ права его?*» и проч. «*Юноши, обогнавшіе издателя В. Е., не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель В. Е. заспалъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно просидѣлъ болѣе 20-ти лѣтъ*» и проч. «*Онъ даетъ поводъ у него потребовать доказательствъ на его права: гдѣ они?* и проч. «*Самъ издатель В. Е. знаетъ по-гречески очень плохо*», и проч. Я привожу здѣсь не всѣ мѣста, но цензурный комитетъ благоволитъ усмотрѣть, что не только на упомянутыхъ трехъ страницахъ «Телеграфа», но и на прочихъ той же статьи, сочинитель дозволилъ себѣ упоминать обо мнѣ въ выраженіяхъ оскорбительныхъ для чиновника, долговременною и безпорочною службою своею, смѣю сказать, пріобрѣтшаго законныя права на уваженіе въ обществѣ, и не менѣе того для профессора, имѣющаго не только право, но и обязанность разсуждать о законахъ словесности и объ исторіи, которыя или преподавалъ, и до нынѣ преподаетъ съ честію, и которыхъ безъ знанія своего дѣла преподавать не можно въ такомъ высшемъ училищѣ, какимъ есть университетъ московскій. Купецъ Полевой напечаталъ, а г. цензоръ Глинка одобрилъ не только оскорбительныя для чести моего лица непристойныя выраженія, запрещаемыя 4-мъ пунктомъ высочайше утвержденнаго устава, но и самыя клеветы, каковыми суть обвиненія несправедливыя, вовсе не подлежащія обнародованію и предложенныя въ «Телеграфѣ» безъ всякихъ доказательствъ, напримѣръ, якобы я всегда даю обѣщанія и не исполняю (стр. 491), или то, чѣмъ будто бы я устилалъ себѣ дорогу въ храмъ безсмертія въ теченіе 25 лѣтъ (стр. 492) и вообще неосновательныя укоризны. Сіе и почти все, до меня касающееся, въ упомянутой книжкѣ «Телеграфа» (на которую покорнѣйше

прошу московскій цензурный комитетъ обратить вниманіе) вовсе не принадлежитъ къ литературной критикѣ и есть, слѣдовательно, не опроверженіе какихъ либо мнѣній, не исправленіе погрѣшностей, терпимое и даже дозволенное, а предосудительное обнародованіе, запрещаемое 4-мъ пунктомъ 3-го §, также §§ 13-го и 14-го устава о цензурѣ.

«Во 2-мъ донесеніи, отъ 3-го января, г. цензоръ изъявляетъ желаніе знать: 1) *Въ какомъ смыслѣ упомянулъ я о пристрастіи его,* г. цензора, и 2) *какимъ образомъ,* по словамъ моимъ, онъ, *г. цензоръ, не могъ не знать объ умыслѣ купца Полевого.*

«На сіе объясняю. Г. цензоръ, майоръ и кавалеръ Глинка, вѣдая возлагаемыя на него цензурнымъ уставомъ обязанности, и, однакожъ, одобряя къ напечатанію многократно повторенныя оскорбительныя для чести моей выраженія, равно какъ нескромное и предосудительное обнародованіе того, что относится до ученой службы моей и до нравственности, естественно дѣйствовалъ не по мгновенной оплошности, не по ошибкѣ или недосмотру, а по пристрастію. Къ сему присоединяю и еще доказательство, что г. цензоръ и кавалеръ Глинка не могъ не знать объ умыслѣ купца Полевого, клонящемся къ оскорбленію чести моей непристойными выраженіями и предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до моей нравственности, и самою даже клеветою, когда и прежде уже неоднократно одобрялъ къ напечатанію то, что купецъ Полевой дозволилъ себѣ и сотрудникамъ своимъ безъ всякаго повода литературнаго писать обо мнѣ, упоминать объ имени моемъ съ неуваженіемъ, порицать мои труды безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинства. Напримѣръ:

«1) Въ Современномъ Наблюдателѣ въ первый разъ услышали откровенное признаніе, что Вѣстникъ Европы нынѣшняго издателя *сухъ и тяжелъ*» Моск. Телегр., 1828 года, № 5, стр. 104 и 105. «2) въ Вѣстникѣ Европы» .... «на каждой страницѣ встрѣтите полдюжины барбаризмовъ и солецизмовъ», Моск. Телегр., 1828 года, № 12, стр. 506. «3) Программа въ этомъ мѣстѣ списана съ обертки Вѣстника Европы. Тамъ каждый годъ г. издатель обѣщаетъ: оды, гимны, отрывки изъ трагедій и комедій, элегіи, посланія, са-

тиры и проч. (зри обертку Вѣстника Европы какого угодно изъ послѣднихъ лѣтъ)»... «Издатель Вѣстника Европы не поэтъ и, по недороду поэзіи, не исполняетъ никогда своего обязательства на поставку одъ, гимновъ, элегій». Моск. Телегр., 1828 года, № 15, стр. 462.

«Взводимое на меня здѣсь передъ публикою обвиненіе во всегдашнемъ неисполненія моего обязательства есть одна изъ клеветъ, запрещаемыхъ закономъ. Доказываю прилагаемыми у себя четырьмя обертками, что въ истекшіе два года я не обѣщалъ ни гимновъ, ни элегій, а въ прежніе годы не могъ обѣщать отрывковъ изъ трагедій и комедій, потому что помѣщеніе ихъ было запрещено передъ симъ лѣтъ за шесть или болѣе; о чемъ вѣдаютъ господа профессоры, присутствующіе въ комитетѣ.

«4) Московскаго Телеграфа, на 1828 годъ, въ № 19, на стр. 271-й, въ примѣчаніи упомянуто мое имя вмѣстѣ съ другими, а на слѣдующей, 272-й, сказано: «союзъ, смѣшеніе и заговоръ сихъ именъ въ виду имени заслугъ и славы Карамзина, все это явленіе болѣе смѣшное, нежели прискорбное для нашей литературной и народной *чести*.

«Все прописанное мною противно не только уставу о цензурѣ, но и прочимъ узаконеніямъ, охраняющимъ честь каждаго; оно запрещается и противно, именно: устава благочинія или полицейскаго § 123-му, касательно слуховъ, вредъ наносящихъ, лжеклеветы или поношенія, или злословія и проч.; § 270-му, коимъ повелѣвается учинившаго лживый поступокъ, имать подъ стражу и отослать къ суду: § 271-му, пункту 11-му, гдѣ повелѣвается учинившаго письма ругательныя отослать къ суду; § 272-му, пункту 9-му, гдѣ повелѣвается учинившаго разсѣяніе лжи и клеветы имать подъ стражу и отослать къ суду.

«За симъ, какъ *жестоко обиженный* передъ публикою, я, на основаніи § 70-го устава о цензурѣ, и вышеприведенныхъ параграфовъ устава благочинія или полицейскаго, повторительно прошу цензурный комитетъ принять мѣры къ оборонѣ меня отъ обидъ и къ законному удовлетворенію, и меня же снабдить копіею съ опредѣленія, какое по сему учинено будетъ. Января 24 дня 1829 года. На подлинномъ подписалъ: къ сему объясненію статскій совѣтникъ, орди-

нарный профессоръ Михаилъ Трофимовъ, сынъ Каченовскій, руку приложилъ».

Объясненіе, представленное С. Н. Глинкою въ цензурный комитетъ, вовсе непохоже на оффиціальную бумагу: оно принадлежитъ къ числу самыхъ рѣзкихъ полемическихъ статей, появляющихся въ тогдашней литературѣ.

«Въ московскій цензурный комитетъ,

«отъ майора и кавалера, цензора Сергѣя Ни-
«колаевича сына Глинки.

«Поелику господину статскому совѣтнику и кавалеру Каченовскому благоугодно было два раза безъ суда предать меня суду: *во-первыхъ*, въ прошеніи своемъ; *во-вторыхъ*, въ объясненіи: то на основаніи всѣхъ государственныхъ узаконеній, охраняющихъ гражданское бытіе каждаго лица, прошу покорно комитетъ вытребовать отъ г. статскаго совѣтника и кавалера Каченовскаго объясненіе: почему, въ нарушеніе §§ 12, 15 и 47-го устава о цензурѣ, безъ предварительнаго и обстоятельнаго изслѣдованія начальства цензурнаго, превращаетъ онъ въ уголовное преступленіе полемическія и литературныя распри? Ибо въ сообразность 4-го пункта параграфа 3-го устава, во всѣхъ приведенныхъ имъ выраженіяхъ не только нѣтъ никакой клеветы на образъ его жизни, но даже ни слова не упомянуто о семейственномъ и нравственномъ его существованіи.

«А потому при семъ, не только въ силу § 66-го устава о цензурѣ, но и какъ россіянинъ, любящій отечество, честь имѣю предложить разборъ того объявленія господина издателя Вѣстника Европы, по поводу котораго одобрилъ я къ напечатанію статью въ Телеграфѣ.

«Сообразно основательнымъ правиламъ словесности, надлежитъ предлагать о каждомъ предметѣ съ приличіемъ, свойственнымъ оному. Увѣдомленіе о изданіи журнала, есть объявленіе, не принадлежащее въ особенности ни къ какому разряду словесности. Оно требуетъ одного простого, яснаго и опредѣлительнаго изложенія предмета.

«Разсмотримъ, такъ ли поступилъ г. издатель Вѣстника Европы.

«Послѣ нѣсколькихъ словъ, относящихся къ прежнему изданію Вѣстника, онъ продолжаетъ: «Не могу обѣщать

всего; но имѣю справедливыя причины обнадежить почтенныхъ споспѣшествователей отечественнаго просвѣщенія, что Вѣстникъ, между прочимъ, представитъ имъ статьи *новыя* по содержанію. Область бытописаній неизмѣрима: нѣкоторыя мѣста въ ней донынѣ еще не были посѣщены изыскателями, ищущими открытій, на иныхъ проложены тропинки, теряющіяся въ тундрахъ безплодныхъ».

«Г. издатель Вѣстника Европы напечаталъ объявленіе свое въ Москвѣ, слѣдственно подъ общимъ наименованіемъ бытописанія можно подразумѣвать и россійкую исторію. Но Россія и Европа давно уже обратили вниманіе свое на трудъ знаменитаго нашего исторіографа Николая Михайловича Карамзина. Ужели и сей бытописатель оставилъ въ твореніи своемъ однѣ *тропинки, теряющіяся въ тундрахъ безплодныхъ?* Ужели въ тѣ же *тундры* должно сослать всѣ изысканія о Россіи Миллера, Шлецера, Круга и другихъ мужей, извѣстныхъ умомъ и трудолюбіемъ?

«Ополчаясь на труды бытописателей, г. издатель Вѣстника Европы еще съ сильнѣйшимъ ожесточеніемъ нападаетъ на авторовъ, украшающихъ россійскую словесность на различныхъ ея поприщахъ.

«Съ другой стороны,—восклицаетъ сочинитель объявленія,—съ другой стороны видимъ безпомощное состояніе литературы, чудныя распри не за правое дѣло, а за невѣрныя выгоды первенства, усилія партій водрузить знамена свои на землѣ, которая не была воздѣлываема ихъ трудами. Законы словесности молчатъ при звукахъ журнальной полемики [1]). Надобно, чтобъ голосъ ихъ доходилъ до слуха любознательнаго, который не услаждается звуками кимвала бряцающаго и мѣди звенящей».

«Такимъ образомъ, загнавъ сперва труды всѣхъ историковъ въ *тундры безплодныя,* новою грозною вылазкою г. издатель Вѣстника Европы домогается уничтожить всѣ произведенія новыхъ нашихъ писателей, которые, по мнѣнію его, водрузили знамена на чужой землѣ.

«Прибавимъ также съ чувствомъ благороднаго негодо-

[1]) «Слѣдовательно, законы словесности молчали и при звукахъ той полемики, которою наполнены цѣлыя страницы Вѣстника Европы. Собственное признаніе всего убѣдительнѣе».

ванія, что г. издатель Вѣстника Европы несправедливо утверждаетъ. будто бы *литература* наша въ *безпомощномъ состояніи*. Мы видѣли и видимъ, что и нынѣшнее правительство награждаетъ все то, что достойно награды. Карамзинъ, Гнѣдичъ, Булгаринъ, Гречъ и мног. (?) другіе служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ.

«Европа смотритъ на Россію зоркимъ окомъ и наблюдаетъ всѣ шаги нашего образованія и просвѣщенія. Переведите, если только можно перевесть на какой нибудь языкъ выписанныя мною выраженія г. издателя Вѣстника Европы, переведите ихъ на нарѣчія иностранныя, и что скажутъ тогда европейскіе любители словесности, привыкшіе къ соображенію мыслей съ ясностью и точностію словъ; что скажутъ они о семъ туманномъ сбродѣ рѣчей? Да и я долженъ прибавить, что еслибъ у насъ всѣ стали такъ писать, то россійская словесность быстрыми бы шагами отступила къ тринадцатому столѣтію.

«Наконецъ, долгомъ почитаю замѣтить, что г. статскій совѣтникъ и кавалеръ Каченовскій, уполномочивъ себя защищать то мѣсто, гдѣ служитъ, самъ на него доноситъ. Всѣмъ извѣстно, что г. издатель Вѣстника Европы, въ изданіи своемъ, нѣсколько лѣтъ подкрѣпляемъ былъ Московскимъ университетомъ. Какъ же онъ о томъ объясняется? Приведемъ его слова. «Распорядитель, говоритъ онъ въ объявленіи своемъ, менѣе ограниченный обстоятельствами, далѣе видитъ, свободнѣе соображаетъ, рѣшительнѣе дѣйствуетъ».

«Ужели университетъ ограничивалъ его *обстоятельствами?* Ужели университетъ мѣшалъ ему *далѣе видѣть?* Ужели университетъ не давалъ ему *свободы соображать* и *рѣшительнѣе дѣйствовать?*

«Вслѣдствіе сего изложенія, покорно прошу московскій цензурный комитетъ вытребовать отъ г. статскаго совѣтника и кавалера Каченовскаго: *во-первыхъ*, такъ ли я читалъ его объявленіе; а *во-вторыхъ*, имѣлъ ли я право, въ силу §§ устава о цензурѣ 7, 12, 15 и 47 одобрить статью, имъ изобличаемую, право, которое онъ въ объясненіи своемъ оспариваетъ властительнымъ приговоромъ?

«Подписалъ: къ сему объясненію руку приложилъ маіоръ и кавалеръ, цензоръ Сергѣй Николаевъ сынъ Глинка».

«1-го февраля 1829 года».

Сторону Каченовскаго приняли: совѣтъ Московскаго университета и московскій цензурный комитетъ; сторону Глинки—цензоръ В. В. Измайловъ и главное управленіе цензуры.

Совѣтъ Московскаго университета находилъ, что статьею, помѣщенною въ двадцатомъ нумерѣ «Московскаго Телеграфа», унижена честь профессора Каченовскаго и тѣмъ оскорблено даже начальство университета, и просилъ предсѣдателя цензурнаго комитета принять начальническія мѣры для законнаго взысканія и для отвращенія на будущее время подобнаго оскорбленія личности служащихъ въ университетѣ.

Московскій цензурный комитетъ, по большинству голосовъ, призналъ жалобу Каченовскаго справедливою и основательною и, представляя ее высшему начальству, просилъ «опредѣлительнаго предписанія—пропускать такія только критики, въ которыхъ явственно доказываются недостатки разбираемой книги, а не знанія самого писателя, что̀ и для усовершенствованія литературы полезнѣе и съ цѣлію критики сообразнѣе».

В. В. Измайловъ не согласился съ большинствомъ и подалъ такого рода особое мнѣніе:

«Въ московскій цензурный комитетъ.

«Имѣю честь изложить мое мнѣніе о дѣлѣ, которое насъ занимаетъ.

«Правительство, основывая свои дѣйствія на законахъ государственнаго блага, имѣло въ виду: чрезъ законъ цензуры удержать книгопечатаніе въ границахъ осторожности; но, согласно съ требованіями просвѣщенія и вѣка, не позволило цензурѣ порабощать свободу мыслей, какъ видно изъ устава, по которому книги подвергаются запрещенію только въ немногихъ случаяхъ важныхъ, но рѣдкихъ, гдѣ въ смыслѣ государственныхъ правилъ есть злоупотребленіе права излагать свои мысли. Далѣе, желая всячески ускорять, а не замедлять ходъ разума и успѣхи гражданственности, желая даже совѣтоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и мыслящими писателями, правительство вызываетъ ихъ говорить и говорить именно объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, о сочиненіяхъ и статьяхъ, отъ казенныхъ мѣстъ издаваемыхъ, слѣдственно съ неоспоримымъ

правомъ объ ученыхъ достоинствахъ всякаго писателя, какому бы ученому обществу онъ ни принадлежалъ и какое бы мѣсто ни занималъ въ порядкѣ гражданскомъ.

«Теперь спрашиваю: на что можетъ цензоръ сослаться или опереться въ уставѣ, намъ данномъ, чтобы перемѣнить или запретить критику одного журналиста на другого, критику, хотя бы и рѣзкую, но чисто литературную. Говорятъ, на 4-й пунктъ 3-го параграфа, гдѣ запрещается оскорблять честь какого либо лица; но честь личная не одно съ достоинствомъ литературнымъ, и нанесенное кому либо неудовольствіе, какъ автору или издателю, не имѣетъ ничего общаго съ оскорбленіемъ человѣка, какъ гражданина или какъ чиновника; и если изъ критики можно вывести безвыгодное заключеніе о талантахъ или учености осуждаемаго писателя, это не касается до цензора; не его дѣло смотрѣть на слѣдствія критики и на ученую степень разбираемаго сочинителя. Иначе нельзя будетъ пропустить ни одной критической статьи противъ литераторовъ, занимающихъ государственныя мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ прозаикъ, но судья; этотъ поэтъ, но сенаторъ; другой журналистъ, но академикъ; не смѣйте же касаться ни того, ни другого. Вотъ что вопреки уставу о цензурѣ воспослѣдовало бы изъ новой требуемой строгости; наконецъ, можетъ ли какое либо ученое мѣсто требовать, чтобы его члены были недоступны строгому суду литературному подъ защитою своихъ именъ и своихъ титуловъ? и можетъ ли частное осужденіе одного изъ нихъ въ литературномъ отношеніи падать на цѣлое общество, гдѣ онъ занимаетъ мѣсто? По крайней мѣрѣ, не такъ думали до нынѣшняго времени, когда никто не протестовалъ ни противъ строгой критики Макарова на вице-адмирала Шишкова, ни противъ другихъ обидныхъ критиковъ, писанныхъ на исторіографа Карамзина, ни противъ недавней сильной рецензіи на статсъ-секретаря Муравьева, хотя всѣ упомянутые писатели стоятъ въ спискѣ почетныхъ членовъ Россійской академіи и Московскаго университета. Когда же подобныя рецензіи на академиковъ и государственныхъ людей были донынѣ терпимы, то еще болѣе разрѣшены они правилами новаго устава, и цензоръ обязанъ съ нимъ согласоваться, не позволяя себѣ ни своевольнаго отступленія, ни самовольнаго дѣйствія.

«Но, подавъ свой голосъ въ защищеніе того, что мнѣ кажется справедливостію, я присоединяюсь къ общему мнѣнію и желанію всего комитета, чтобы, особеннымъ наказомъ, дано было цензору право прекратить бранную полемику, выходящую нынѣ изъ границъ вѣжливости и умѣренности; до того времени мы не можемъ дѣйствовать сами собой по своему произволу.

«Прошу покорно пріобщить мой голосъ къ бумагамъ, относящимся къ сему дѣлу, и вмѣстѣ съ ними препроводить куда разсудятъ цензурный комитетъ перенесть сіе дѣло. Подписалъ: цензоръ Вл. Измайловъ».

Жалоба Каченовскаго и всѣ относящіеся къ дѣлу документы представлены были въ главное управленіе цензуры, въ которомъ и состоялось слѣдующее опредѣленіе:

«Главное управленіе цензуры, разсмотрѣвъ вышеупомянутую статью, признало, что выраженія, на которыя принесъ жалобу г. Каченовскій, относясь единственно къ литературнымъ изданіямъ его, не содержатъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для его личной чести. Посему, соглашаясь въ полной мѣрѣ съ мнѣніемъ г. цензора Измайлова, управленіе нашло, что г. цензоръ Глинка не могъ воспретить напечатаніе вышеупомянутой статьи, какъ не заключающей въ себѣ ничего противнаго общимъ правиламъ устава о цензурѣ. При семъ, главное управленіе замѣтило, что въ споръ совершенно литературный не слѣдовало бы вмѣшивать достоинство службы государственной и высшаго учебнаго сословія. Раздѣляя съ московскимъ цензурнымъ комитетомъ желаніе, чтобы вообще литературные критики въ повременныхъ изданіяхъ русскихъ приняли сколько можно лучшій и приличнѣйшій тонъ и чтобъ въ нихъ были соблюдаемы всѣ условія вѣжливости и учтивости; но, не находя въ уставѣ о цензурѣ постановленія, дающаго цензурнымъ комитетамъ право воспрещать по симъ только уваженіямъ литературныя сужденія о книгахъ и ученыхъ изданіяхъ, не выходящія, впрочемъ, изъ предѣловъ благопристойности и не обидныя для нравственности и чести, главное управленіе цензуры признало, что исправленіе сего недостатка въ литературѣ надлежитъ предоставить вліянію читающей публики и дѣйствію общаго вкуса».

Этимъ-то рѣшеніемъ главнаго управленія цензуры и было, по словамъ Пушкина, водворено спокойствіе въ области словесности, взволнованной полемическими статьями двухъ журналовъ и жалобой одного изъ редакторовъ на цензора.

Самымъ ожесточеннымъ противникомъ Пушкина былъ Булгаринъ, большой охотникъ до журнальной полемики и обличительныхъ статей. Поводовъ къ столкновенію между Пушкинымъ и Булгаринымъ представлялось довольно много. Не говоря уже о различіи литературныхъ взглядовъ и направленій, о журнальной дѣятельности и критическихъ статьяхъ болѣе или менѣе обидныхъ для авторовъ разбираемыхъ произведеній, самыя условія, въ которыя поставленъ былъ Пушкинъ, давали новую пищу недовѣрію къ Булгарину, пользовавшемуся особеннымъ покровительствомъ сильныхъ тогдашняго міра. Извѣстно, что Пушкинъ находился подъ постояннымъ надзоромъ Бенкендорфа, а о Булгаринѣ ходили слухи, что онъ состоитъ при Бенкендорфѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, преимущественно по литературнымъ дѣламъ. Трудно было разобраться во всѣхъ этихъ слухахъ и предположеніяхъ и нѣтъ ничего удивительнаго, если на Булгарина падали подозрѣнія, въ иныхъ случаяхъ и неосновательныя, тѣмъ болѣе, что самъ Булгаринъ не прочь былъ подчасъ похвалиться своею дружбою съ Бенкендорфомъ и Дубельтомъ.

Появленіе романа Булгарина: «Димитрій Самозванецъ» послужило однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ полемикѣ, достигшей крайняго раздраженія и вышедшей изъ литературныхъ предѣловъ.

Предчувствуя бѣду, Булгаринъ пишетъ Пушкину: «Съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ я отъ Олина, будто вы говорите, что я *ограбилъ* вашу трагедію *Борисъ Годуновъ*, переложилъ *ваши стихи* въ прозу и взялъ изъ *вашей трагедіи* сцены для *моего романа!* Александръ Сергѣевичъ, поберегите свою славу! Можно ли возводить на меня такія небылицы? Я не читалъ вашей трагедіи, кромѣ отрывковъ печатныхъ, я слыхалъ только о ея составѣ отъ читавшихъ и отъ васъ. Мнѣ разсказывали содержаніе, и я, признаюсь,

не соглашался во многомъ. Говорятъ, что вы хотите напечатать въ «Литературной Газетѣ», что я *обокралъ вашу* трагедію!.. Для меня непостижимо, чтобы въ литературѣ можно было дойти до такой степени... Съ истиннымъ уваженіемъ и любовью есмь вашъ навѣки Ѳ. Булгаринъ» [1]).

Письмо Булгарина писано 18-го февраля 1830 года, а 7-го марта того же года появился въ «Литературной Газетѣ» разборъ романа Булгарина: «*Димитрій Самозванецъ*». О заимствованіяхъ изъ «*Бориса Годунова*» не было сказано ни слова въ этомъ разборѣ. Только впослѣдствіи, въ самомъ разгарѣ полемики, въ «Литературной Газетѣ» сдѣлано ироническое замѣчаніе объ искусствѣ Булгарина пользоваться чужими трудами: «Въ Сѣверной Пчелѣ прочли мы, будто бы Пушкинъ, описывая Москву, взялъ обильную дань изъ *Горя отъ ума* и просимъ не прогнѣваться—изъ *другой извѣстной книги*. Не называетъ ли Сѣверная Пчела извѣстною книгою *Ивана Выжигина?* Обвинимъ Пушкина и въ другомъ, еще важнѣйшемъ похищеніи: онъ многое заимствовалъ изъ романа: *Димитрій Самозванецъ*, и сими хищеніями удачно съ искусствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію: *Борисъ Годуновъ*, хотя тоже по странному стеченію обстоятельствъ, имъ написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа г. Булгарина» [2]).

Особенно обиднымъ для Булгарина было тô, что его не считаютъ *русскимъ* писателемъ. Въ разборѣ романа, помѣщенномъ въ «Литературной Газетѣ», между прочимъ, сказано: «Мы будемъ снисходительны къ роману «*Димитрій Самозванецъ*»: мы извинимъ въ немъ повсюду выказывающееся, пристрастное предпочтеніе народа польскаго передъ русскимъ. Намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставящаго выше всего свою націю, но мы бы еще съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ *русскимъ*» [3]). Авторомъ критической статьи былъ баронъ Дельвигъ, а о Пушкинѣ замѣчено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ: «А. С. Пушкину предла-

---

[1]) Бумаги А. С. Пушкина. Выпускъ первый. 1881, стр. 29.
[2]) «Литературная Газета». 1830, апрѣля 6, томъ I, № 20, стр. 161.
[3]) «Литературная Газета». 1830, марта 7, т. I, № 14, стр. 112—113.

гали написать критику историческаго романа г. Булгарина; онъ отказался, говоря: «чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь» [1]). Статья напечатана безъ имени автора, и Булгаринъ, полагая, что она принадлежитъ Пушкину, сталъ помѣщать въ «Сѣверной Пчелѣ» статьи, направленныя противъ Пушкина и какъ писателя, и какъ человѣка.

О замѣчательнѣйшей литературной новости своего времени, о седьмой главѣ Евгенія Онѣгина, «Сѣверная Пчела» отозвалась какъ о пустой и жалкой книжонкѣ. Чтобы отомстить за разборъ романа Булгарина, помѣщенный въ «Литературной Газетѣ», рецензентъ «Сѣверной Пчелы» глумится надъ новымъ произведеніемъ Пушкина и всячески старается уронить его во мнѣніи читателей. «Мы сперва подумали—ядовито замѣчаетъ рецензентъ—что это мистификація, просто шутка или пародія, и не прежде увѣрились, что эта глава есть произведеніе сочинителя «Руслана и Людмилы», пока книгопродавцы насъ не убѣдили въ этомъ. Глава VII испещрена балагурствомъ; ни одной мысли въ этой водянистой главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія? Совершенное паденіе, chute complète! Всѣ вводныя и вставныя части, всѣ постороннія описанія такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобъ можно было печатать такія мелочи. Съ величайшимъ наслажденіемъ находимъ двѣ пропущенныя самимъ авторомъ строфы, а вмѣсто нихъ двѣ прекрасныя римскія цифры VIII и IX. Какъ это пестритъ поэму и заставляетъ читателя мечтать, догадываться о *небываломъ!* Является новое дѣйствующее лицо на сцену— жукъ!..» и т. д. [2]).

Перломъ полемической дѣятельности Булгарина служитъ статья, помѣщенная въ «Сѣверной Пчелѣ» подъ видомъ анекдота, заимствованнаго изъ англійскаго журнала, и наполненная рѣзкими и возмутительными выходками противъ Пушкина. По словамъ «Сѣверной Пчелы», Пушкинъ человѣкъ безпутный и безнравственный, картежникъ, кутила, го-

---

[1]) «Литературная Газета». 1830, августа 9, т. II, № 45, стр. 72.
[2]) «Сѣверная Пчела». 1830, марта 22, № 35. Новыя книги. Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Глава VII. Сочиненіе Ал. П. 1830.

товый на самую унизительную лесть для полученія камеръ-юнкерскаго мундира. Пушкинъ выведенъ въ статьѣ подъ именемъ *природнаго француза*, а Булгаринъ подъ именемъ писателя-иноземца *Гофмана*. Сопоставленіе Булгарина съ французскимъ писателемъ Гофманомъ, нѣмцемъ по происхожденію, не разъ встрѣчается на страницахъ «Сѣверной Пчелы» и дѣлалось обыкновенно съ тою цѣлію, чтобы возвысить Булгарина и уколоть критиковъ, непризнававшихъ его вполнѣ *русскимъ* писателемъ. Возражая Воейкову, Н. И. Гречъ говоритъ въ защиту своего «ловкаго» товарища: «Булгаринъ, конечно, родился въ Польшѣ, писалъ и *попольски*, но теперь онъ пишетъ по-*русски* и стяжалъ неотъемлемое право литератора *русскаго*. Вспомнимъ, что *Гофманъ*, одинъ изъ первыхъ французскихъ критиковъ, по фамиліи нѣмецъ. Многія статьи Булгарина переведены на нѣмецкій и французскій языки и украшаютъ лучшіе европейскіе журналы: подъ каждою отмѣчено: *переводъ съ русскаго языка*. Самые строгіе критики иностранные отдаютъ справедливость его трудамъ по изданію «Сѣвернаго Архива»,—прочтите разныя книжки и листки журналовъ: Geographische Ephemeriden, Annales des voyages, Morgenblatt, Abendzeitung, Freymüthiger, Lesefrüchte, и вы въ этомъ удостовѣритесь. Еще недавно Меркель, гроза германскихъ авторовъ-самозванцевъ, отозвался съ безпристрастною хвалою о статьяхъ Булгарина» и т. д. [1]).

Ближайшимъ поводомъ къ злобной статьѣ Булгарина противъ Пушкина было приведенное нами мѣсто въ разборѣ «*Димитрія Самозванца*». Вотъ какого рода «анекдотъ» разсказывается въ «Сѣверной Пчелѣ» англичаниномъ.

«Путешественники гнѣваются на нашу старую Англію (Old England), что чернь въ ней невѣжливо обходится съ иноземцами, и вмѣсто бранныхъ словъ употребляетъ названіе иноземнаго народа. Но подобные невѣжды есть вездѣ и даже въ классѣ людей, имѣющихъ притязаніе на образованность. Tous les gascons ne sont pas en Gascogne! Извѣстно, что въ просвѣщенной Франціи иноземцы, занимающіеся словесностью, пользуются особеннымъ уваженіемъ туземцевъ. Мальте-Брунъ, Деппингъ, Гофманъ и другіе служатъ тому

[1]) «Сынъ Отечества» 1825, № XI, стр. 294, 296, 303—305.

примѣромъ. Надлежало имѣть исключеніе изъ правила; и появился какой-то французскій стихотворецъ, который, долго морочивъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера (хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ), наконецъ, упалъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за критику и разбранилъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобъ уронить Гофмана въ мнѣніи французовъ, злой человѣкъ упрекнулъ автора тѣмъ, что онъ не природный французъ и представляетъ въ комедіяхъ своихъ странности французовъ съ умысломъ для возвышенія своихъ земляковъ-нѣмцевъ. Гофманъ вмѣсто отвѣта на ложное обвиненіе и невѣжественный упрекъ напечаталъ къ одному почтенному французскому литератору письмо слѣдующаго содержанія: «Дорожа вашимъ мнѣніемъ, спрашиваю у васъ, кто достоинъ болѣе уваженія изъ двухъ писателей: предъ вами предстаютъ на судъ, во-первыхъ, природный французъ, служащій усерднѣе Бахусу и Плутусу, нежели музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины; у котораго сердце холодное и нѣмое существо какъ устрица, а голова — родъ побрякушки, набитой гремучими риемами, гдѣ не зародилась ни одна идея; который, подобно изступленнымъ, въ баснѣ Пильпая, бросающимъ камнями въ небеса, бросаетъ риемами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ; который мараетъ бѣлые листы на продажу, чтобъ спустить деньги на крапленыхъ листахъ, и у котораго одно господствующее чувство — суетность. Во-вторыхъ иноземецъ, который во всю жизнь не измѣнялъ ни правиламъ своимъ, ни характеру, былъ и есть вѣренъ долгу и чести, любилъ свое отечество до присоединенія онаго къ Франціи и послѣ присоединенія любитъ вмѣстѣ съ Франціей; который за гостепріимство заплатилъ Франціи собственною кровью на полѣ битвъ, а нынѣ платитъ ей дань жертвою своего ума, чувствованій и пламеннымъ желаніемъ видѣть ее славною, великою, очищенною отъ всѣхъ моральныхъ недуговъ; который пишетъ только то, что готовъ сказать каждому въ глаза и говоритъ, что радъ напечатать. Рѣшите, м. г., кто до-

стоинъ болѣе уваженія». На сіе французскій литераторъ отвѣчалъ слѣдующее: «Въ семьѣ не безъ урода. Трудитесь на полѣ нашей словесности и не обращайте вниманія на пасущихся животныхъ, потребныхъ для удобренія почвы. Пристрастная критика есть матеріалъ удобренія; но этотъ матеріалъ, согнивая, не заражаетъ ни зерна, ни плода, а, напротивъ, утучняетъ ниву». Утѣшься, Джонъ-Буль, не ты одинъ бросаешь камнями и грязью въ добрыхъ иноземцевъ». (Изъ англ. журнала).

Статья Булгарина была, между прочимъ, разсчитана и на то, чтобы еще болѣе повредить Пушкину во мнѣніи Бенкендорфа. Пушкинъ понялъ это очень хорошо, и въ приливѣ негодованія писалъ Бенкендорфу, 24-го марта 1830 года: M-r Boulgarine, qui dit avoir de l'influence auprès de vous, est devenu un mes ennemis les plus acharnés à propos d'une critique qu'il m'a attribuée. Après l'infame article qu'il a publié sur moi, je le crois capable de tout. Il m'est impossible de ne pas vous prévenir sur mes relations avec cet homme, car il pourrait me faire un mal infini» [1]).

Бенкендорфъ отвѣчалъ Пушкину: «Quant à mr. Boulgarine il ne m'a jamais parlé de vous par la bonne raison que je ne le vois que deux ou trois fois par an, et je ne l'ai vu ce dernier temps que pour le réprimander» [2]).

Литературнымъ отвѣтомъ Пушкина на вызовъ Булгарина была остроумная замѣтка о сочиненіи полицейскаго сыщика *Видока:*

— «Въ одномъ изъ №№ «Литературной Газеты» упоминали о запискахъ парижскаго палача; нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣе отвратительное, не менѣе любопытное.

---

[1]) Г. Булгаринъ, имѣющій, по его словамъ, у васъ вліяніе, сдѣлался моимъ жесточайшимъ врагомъ вслѣдствіе критики, которую онъ мнѣ приписываетъ. Послѣ гнусной статьи, написанной имъ обо мнѣ, я считаю его способнымъ на все. Я долженъ предупредить васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, ибо онъ могъ бы надѣлать мнѣ безчисленныхъ бѣдъ.

[2]) Что касается до г. Булгарина, то онъ мнѣ никогда не говорилъ о васъ, по той простой причинѣ, что я вижу его не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, и въ послѣднее время видѣлся съ нимъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ.

«Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми, по своему званію, обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка.

«Видокъ въ своихъ запискахъ именуетъ себя патріотомъ, кореннымъ французомъ (un bon Français), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ почетнаго легіона, возбуждая въ кофейняхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ (officiers à la demi-solde). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой). Онъ съ удивительной важностію толкуетъ о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по разсчету: сужденія Видока о Казимирѣ де-ла-Винѣ, о В. Констанѣ должны быть любопытны именно по своей нелѣпости.

«Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ (г. Видока!). Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ *враговъ* доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ и толкуетъ (не въ шутку) о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній: раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ уничиженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода»[1]).

Мѣткая статья Пушкина прямо попала въ цѣль: въ *Видокѣ* всѣ узнали Булгарина. Видокъ (Vidocq) былъ началь-

[1]) «Литературная Газета» 1830 года, апрѣля 6-го, т. I, № 20, стр. 162.

никомъ парижской тайной полиціи, и въ 1828—1829 года вышли въ Парижѣ его записки, въ четырехъ томахъ, подъ заглавіемъ: Mémoires de Vidocq, chef de police de sureté jusqu'en 1872, aujourd'hui propriétaire et fabricant de papier. Увѣренность въ томъ, что сказанное Пушкинымъ о Видокѣ относится къ Булгарину, была такъ сильна въ тогдашнемъ обществѣ, что цензура стала запрещать статьи о Видокѣ. Въ засѣданіи с.-петербургскаго цензурнаго комитета, 11-го ноября 1830 года, слушали статью для «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» подъ заглавіемъ: *Два слова объ исторіи Видока.* «Засѣданіе комитета, усматривая въ оной *довольно очевидные намеки на русское сочиненіе*, выраженные словами, оскорбительными для того лица, къ которому относятся оные, полагало воспретить напечатаніе сей статьи». Главное управленіе цензуры потребовало объясненія, къ какому русскому сочиненію и почему можетъ относиться содержаніе означенной статьи. Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа представилъ, 11-го декабря 1830 года, слѣдующее объясненіе:

«Въ № 50 Литературной Газеты, апрѣля 6-го, напечатана была статья о *Видокѣ, полицейскомъ сыщикѣ*, и около того же времени ходила по рукамъ въ рукописи эпиграмма:

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшка—ляхъ,
Мицкевичъ—ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ,—и это не бѣда;
Но то бѣда, что ты—Видокъ Фиглярипъ.

«Неизвѣстно мнѣ почему, многіе предполагали, что *обѣ сіи пьесы* написаны на *счетъ Булгарина.* Между тѣмъ сія самая эпиграмма, 26-го апрѣля же мѣсяца, напечатана въ 17 № Сына Отечества и Сѣвернаго Архива съ перемѣною только двухъ словъ, а именно: вмѣсто *Видокъ Фиглярииъ*, сказано *Ѳаддей Булгаринъ.* Послѣ таковой, такъ сказать, гласности, я полагалъ, что и статья: «*Два слова объ исторіи Видока*» не можетъ быть допущена къ печатанію».

Вопросъ о степени вліянія Булгарина на Бенкендорфа имѣлъ существенное значеніе для Пушкина, ожидавшаго для себя большихъ невзгодъ вслѣдствіе враждебнаго ему

вліянія. Сочиненія Пушкина не иначе появлялись въ печати, какъ по предварительномъ просмотрѣ ихъ Бенкендорфомъ; Пушкинъ могъ перемѣнить свое мѣстопребываніе не иначе какъ съ разрѣшенія Бенкендорфа; въ различныхъ и чрезвычайно важныхъ обстоятельствахъ своей частной жизни Пушкинъ вынужденъ былъ обращаться къ Бенкендорфу, и т. д. Понятно, что Пушкинъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому, какіе люди окружаютъ Бенкендорфа и пользуются его собственнымъ довѣріемъ.

Со времени полемики Пушкина съ Булгаринымъ, утвердилось у насъ мнѣніе, что Булгаринъ былъ довѣреннымъ лицомъ у Бункендорфа и Дубельта, и своими доносами не мало надѣлалъ вреда литературѣ и литераторамъ. Такъ какъ на Булгарина падаетъ обвиненіе въ навѣтахъ на величайшаго изъ нашихъ поэтовъ, то отношенія Булгарина къ лицу, подъ надзоромъ котораго находился поэтъ, получаетъ своего рода интересъ для исторіи литературы того времени. Чтобы содѣйствовать разъясненію вопроса, приводимъ нѣсколько данныхъ, за достовѣрность которыхъ ручаются самые ихъ источники; между ними много собственноручныхъ рукописей Булгарина.

Вначалѣ Бенкендорфъ принималъ, повидимому, большое участіе въ Булгаринѣ, опредѣлилъ его на службу и до нѣкоторой степени пользовался его услугами. Но скоро наступило охлажденіе, Бенкендорфъ не обращался къ перу Булгарина, какъ будто бы неоправдавшаго возлагаемыхъ на него надеждъ. Иной разъ Булгаринъ долженъ былъ просить какъ милости, чтобы прочитали ту или другую изъ составленныхъ имъ записокъ. А письма и записки Булгарина въ высшей степени любопытны. Главная цѣль ихъ выставить какъ можно ярче недостатки тогдашней администраціи. Авторъ гораздо болѣе и гораздо рѣзче говоритъ о цензурѣ, нежели о литературѣ, хотя и то немногое, что говорится о литературѣ, очень похоже на доносъ. Что касается собственно Пушкина, то о немъ только нѣсколько строкъ въ перепискѣ Булгарина, укоряющаго Пушкина въ безнравственности. Укоръ этотъ сдѣланъ съ цѣлію чисто-практическою. Булгаринъ доказываетъ свои права, какъ писателя благонамѣреннаго, на полученіе денежной ссуды, которая выдана была

такому безнравственному вольнодумцу, какъ Пушкинъ, и т. п. Всего отвратительнѣе то, что Булгаринъ позволилъ себѣ подобную выходку тогда, когда Пушкинъ давно уже былъ въ могилѣ...

Благодаря участію Бенкендорфа и «похвальнымъ литературнымъ трудамъ», Булгаринъ «избавился отъ званія французскаго капитана» и вступилъ въ русскую службу. 28-го октября 1826 года генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова, что бывшій капитанъ французской службы Булгаринъ, обратившій на себя вниманіе похвальными литературными трудами, «желаетъ поступить на службу и посвятить способности свои занятіямъ общеполезнымъ»,—и что государь императоръ высочайше соизволяетъ на причисленіе Булгарина въ министерство народнаго просвѣщенія. 30-го сентября 1826 года Булгаринъ подалъ министру Шишкову слѣдующую «всепокорнѣйшую» просьбу: «Имѣя желаніе вступить въ службу его императорскаго величества и продолжать оную въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство о исходатайствованіи на сіе высочайшаго его императорскаго величества соизволенія. Отставной капитанъ бывшихъ французскихъ войскъ Ѳаддей Венедиктовъ сынъ Булгаринъ». 22-го ноября 1826 года послѣдовалъ указъ правительствующему сенату: «Обращая вниманіе на похвальные литературные труды бывшаго французской службы капитана Ѳаддея Булгарина, всемилостивѣйше повелѣваемъ переименовать его въ 8-й классъ и перечислить на службу по министерству народнаго просвѣщенія». Сохранилась любопытная записка о «похвальныхъ литературныхъ трудахъ» Булгарина, открывшихъ ему путь для вступленія въ русскую службу:

«Многіе ученые, литераторы и художники, не только иностранные, всемилостивѣйше производимы были прямо въ штабъ-офицерскіе чины по статской службѣ, изъ уваженія къ ихъ трудамъ, на которые они, посвящая время, не могли заниматься службою. Ѳаддей Булгаринъ, въ продолженіе десятилѣтняго своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, снискалъ себѣ уваженіе отличнѣйшихъ людей сей столицы за свое поведеніе и заслужилъ благосклонность публики своими ли-

тературными трудами. Булгаринъ почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ могъ получить статскій чинъ, нѣсколько сообразный съ его лѣтами, и избавиться отъ званія французскаго капитана, которое вовсе несообразно съ десятилѣтними его занятіями. Ожидая сей милости единственно отъ щедротъ монарха, которому онъ преданъ душевно и готовъ посвятить ему жизнь и всѣ свои способности, Булгаринъ нѣкоторымъ образомъ заслужилъ, чтобы обратить вниманіе на его труды.

«Съ 1816 года, онъ, снискавъ уже почетное имя въ польской словесности, началъ трудиться для россійской, помѣщая сперва статьи своего сочиненія въ журналахъ, по части исторической критики, военныхъ наукъ и словесности. Усмотрѣвъ, что въ высшихъ училищахъ вмѣсто учебной книги употребляютъ *полное* изданіе Гораціевыхъ сочиненій, въ которыхъ находится множество предметовъ соблазнительныхъ, не приличныхъ юношеству, Булгаринъ издалъ и на свой счетъ напечаталъ *Избранныя оды Горація, съ комментаріями на россійскомъ языкѣ*, гдѣ исключено все соблазнительное и помѣщено то, что сообразно съ христіанскою нравственностію. Книга сія на польскомъ языкѣ напечатана на казенный счетъ и введена въ училища. Для поддержанія воинственнаго духа въ народѣ и для сопряженія любви народной со славою государя, Булгаринъ издалъ: *Славныя воспоминанія россіянъ XIX столѣтія*, собравъ и расположивъ на двухъ большихъ таблицахъ всѣ побѣды въ царствованіе императора Александра I, на каждый день въ году по одной. Сіе изданіе удостоилось вниманія блаженной памяти государя императора и чрезъ министерство просвѣщенія потребовано для эрмитажной библіотеки. Для распространенія историческихъ и географическихъ свѣдѣній въ Россіи, въ духѣ свойственномъ образу правленія, Булгаринъ предпринялъ съ 1822 года изданіе журнала: *Сѣверный Архивъ*, который исключительно посвященъ исторіи, статистикѣ, путешествію и правовѣдѣнію. Сіе изданіе, первое въ своемъ родѣ, заслужило вниманіе европейскихъ ученыхъ, которые безпрестанно и всѣ пользуются и переводятъ оттуда статьи, до Россіи касающіяся. Сей журналъ заслужилъ также вниманіе правительства и бывшій министръ просвѣщенія князь Голицынъ,

безъ всякаго ходатайства со стороны издателя, рекомендовалъ оный во всѣ училища. Ея императорское высочество великая княгиня Марія Павловна, во время бытности графа Кутайсова въ Веймарѣ, въ разговорѣ о россійской словесности, рекомендовать изволила Сѣверный Архивъ. Съ 1823 года Булгаринъ издавалъ *Литературные листки*, посвященные особенно исправленію нравовъ статьями въ родѣ Адиссонова Спектатора. Булгаринъ издалъ «*Воспоминанія объ Испаніи*», въ томъ намѣреніи, чтобы доказать, что народъ, воспламененный любовью къ своимъ государямъ, бываетъ непобѣдимъ. Для распространенія любви къ драматическому искусству, сильно дѣйствующему на нравы, онъ издалъ первый въ Россіи драматическій альманахъ: *Русская Талія*, за который получилъ благоволеніе отъ императрицы Александры Θеодоровны. Съ 1825 года Булгаринъ издаетъ Сѣверную Пчелу, литературную и политическую газету, коей главнѣйшая цѣль состоитъ въ утвержденіи вѣрноподданническихъ чувствованій и въ направленіи умовъ къ истинной цѣли, то есть: преданности къ престолу и чистотѣ нравовъ. Стоитъ прочесть статью на день 30-го августа 1825 года и статью на плачевную кончину блаженныя памяти императора Александра I, чтобы увидѣть въ полной мѣрѣ духъ сей газеты. За сію послѣднюю статью, Булгаринъ удостоился получить благоволеніе нынѣ благополучно царствующаго государя императора чрезъ графа Милорадовича и отъ государыни императрицы Маріи Θеодоровны чрезъ гофмаршала Нарышкина. Чтò Булгаринъ вытерпѣлъ за свой образъ мыслей отъ партіи, нѣкогда сильной въ обществѣ, которой пагубные замыслы открылись впослѣдствіи, сіе извѣстно всѣмъ, составлявшимъ кругъ ихъ знакомства. Булгарина даже стращали публично, что современемъ ему отрубятъ голову на Сѣверной Пчелѣ за распространеніе не-европейскихъ (такъ они называли) идей. Но Булгаринъ всегда пребылъ твердъ въ своихъ правилахъ и, видя, какое-то своеволіе мыслей между юношествомъ и нѣкоторыми умниками, не постигая тайной причины, всегда старался противодѣйствовать ихъ вліянію на общее мнѣніе. Доказательствомъ можетъ служить статья его сочиненія подъ заглавіемъ: *Бѣдный Макаръ, или кто за правду горой, тотъ истый ирой*, появившаяся въ свѣтъ въ

Сѣверномъ Архивѣ 8-го декабря 1825 года, гдѣ монархическія чувствованія и правосудіе русскихъ государей выставлены въ самомъ блестящемъ видѣ. Съ нынѣшняго года Булгаринъ издаетъ безденежно журналъ: *Дѣтскій Собесѣдникъ*, и чтобы удостовѣриться, въ какомъ духѣ онъ составляется, стоитъ только взглянуть на статью: *Исторія Славянъ*. Главнѣйшая цѣль сего журнала есть распространеніе вѣрноподданническихъ чувствованій между россійскимъ юношествомъ. Получивъ монаршую милость, Булгаринъ получитъ новую жизнь, жизнь политическую, въ странѣ, которой онъ посвятилъ самого себя. Онъ первый изъ поляковъ появился на поприщѣ русской словесности и вниманіе, оказанное къ трудамъ его, безъ сомнѣнія, произведетъ благодѣтельныя дѣйствія въ общемъ мнѣніи польскаго народа, который питаетъ въ себѣ любовь ко всему національному. Въ варшавскихъ журналахъ безпрестанно припоминаютъ, что Булгаринъ родомъ полякъ; слѣдовательно, тамъ почитаютъ его достойнымъ уваженія».

Шишковъ былъ нѣсколько озадаченъ опредѣленіемъ Булгарина, не зная, какую должность дать ему въ министерствѣ, и порѣшилъ тѣмъ, что приказалъ считать его чиновникомъ по особымъ порученіямъ. И, дѣйствительно, Булгаринъ только *считался* на службѣ въ министерствѣ просвѣщенія, весьма часто уѣзжая изъ Петербурга въ Остзейскій край. Когда возникло дѣло объ отставкѣ Булгарина, министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ отказался сдѣлать обычную отмѣтку въ формулярномъ спискѣ Булгарина на томъ основаніи, что Булгаринъ не имѣлъ должности по министерству, а потому и нельзя судить, способенъ онъ или нѣтъ къ гражданской службѣ. На ходатайство о продленіи четырехмѣсячнаго отпуска Булгарина послѣдовала резолюція государя императора: «Нѣтъ причинъ отступать отъ правилъ; если хочетъ, можетъ просить отставки». Рѣшившись подать въ отставку, Булгаринъ писалъ князю Ливену изъ Дерпта, 29-го августа 1831 года: «Я живу въ городѣ, гдѣ имя вашей свѣтлости благословляется всѣми, а потому и льщу себя надеждою, что вы не захотите отвергнуть литератора, прибѣгающаго къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою о представленіи меня къ наградѣ слѣдующимъ чиномъ при отставкѣ»

и т. д. Ходатаемъ за Булгарина снова является генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ. Въ письмѣ къ князю Ливену, 15-го декабря 1831 года, онъ говоритъ: «Принимая въ уваженіе, что г. Булгаринъ опредѣленъ былъ на службу по представленію моему о способностяхъ его и трудахъ на пользу общую; что въ теченіе того времени, въ которое онъ считался на службѣ, былъ употребляемъ по моему усмотрѣнію по письменной части на пользу службы, и что всѣ порученія онъ исполнялъ съ отличнымъ усердіемъ, я поставляю обязанностью моею засвидѣтельствовать предъ вашею свѣтлостію о способности г. Булгарина и ревности его къ пользамъ государственной службы, и притомъ просить васъ о сдѣланіи надлежащаго распоряженія, чтобы сенатъ, при увольненіи его, не нашелъ никакого препятствія къ награжденію его чиномъ за выслугу узаконенныхъ лѣтъ». Но комитетъ министровъ не призналъ возможнымъ наградить Булгарина чиномъ надворнаго совѣтника, потому что слѣдующій чинъ дается при отставкѣ только за добропорядочную и безпорочную службу, а въ формулярномъ спискѣ значится, что Булгаринъ, будучи подпоручикомъ въ ямбургскомъ драгунскомъ полку, отставленъ, въ 1811 году, отъ службы по худой аттестаціи въ кондуитныхъ спискахъ. Тогда-то онъ и вступилъ во французскую службу, изъ которой опять перешелъ въ русскую, но уже въ гражданскую, а не въ военную.

Бенкендорфъ оставался постояннымъ цѣнителемъ литературныхъ трудовъ Булгарина. По ходатайству Бенкендорфа, Булгаринъ, какъ авторъ *Петра Ивановича Выжигина*, получилъ бриліантовый перстень. Извѣщая Бенкендорфа о своемъ новомъ произведеніи, Булгаринъ писалъ, 23-го декабря 1830 года:

«Милостивый Государь,

«Александръ Христофоровичъ!

«Неоднократные знаки благорасположенія и милостей вашего высокопревосходительства рождаютъ во мнѣ утѣшительную надежду, что всепокорнѣйшая моя просьба будетъ услышана вами.

«Представляя при семъ программу вновь написаннаго мною и уже печатаемаго романа подъ заглавіемъ *Петръ*

Ивановичъ Выжигинъ, всенижайше прошу ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи мнѣ у всемилостивѣйшаго государя императора высочайшаго соизволенія украсить списокъ подписавшихся на сію книгу священнымъ именемъ его императорскаго величества.

«Таковая высокомонаршая милость была бы во всякое время и для каждаго писателя неоцѣненною; но нынѣ будетъ для меня новымъ, живительнымъ благотвореніемъ великаго монарха. Нынѣ, когда многіе изъ соотечественниковъ моихъ, по справедливости, лишились милостей своего государя, да позволено мнѣ будетъ показать свѣту, что я все счастіе жизни своей полагаю въ благосклонномъ взорѣ всеавгустѣйшаго монарха и что великій государь не считаетъ меня недостойнымъ своего взора. Упавшіе духомъ вѣрные поляки воскреснутъ, когда увидятъ, что ихъ соотечественникамъ открыты пути трудами и тихою жизнью къ монаршимъ милостямъ. Достоинъ ли я сей высокой милости, предоставляю рѣшить вашему высокопревосходительству!

«Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью честь имѣю пребыть вашего высокопревосходительства, милостивый государь, всепокорнѣйшій слуга

«Ѳаддей Булгаринъ».

Смѣлѣе и развязнѣе, нежели съ Бенкендорфомъ, Булгаринъ объяснялся съ Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, котораго считалъ своимъ другомъ, и въ перепискѣ съ нимъ позволялъ себѣ шутливый, пріятельскій тонъ. Въ письмѣ къ Дубельту, 18-го апрѣля 1839 года, Булгаринъ приводитъ такое доказательство своей чистосердечной преданности: «Въ одномъ обществѣ, гдѣ, между прочимъ, было три генералъ-адъютанта, я объ васъ говорилъ съ такимъ чувствомъ, что одинъ изъ старыхъ остряковъ назвалъ меня въ шутку Ѳаддеемъ *Дубельтовичемъ*».

Въ письмѣ къ графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, 13-го апрѣля 1845 года, Булгаринъ объясняетъ, что для окончанія и изданія двухъ его сочиненій: «*Россія* въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ» и «*Лѣтописи послѣдняго двадцатилѣтія*», т. е. царствованія императора Николая Павловича—надобны деньги, и потому проситъ ссудить ему изъ казны 25,000 рублей на

десять лѣтъ, подъ залогъ имѣнія его Карлова, въ Лифляндской губерніи. Просьба Булгарина не была исполнена: онъ не получилъ желаемой ссуды.

Подавляемый «грустью» о томъ, что ему не дали денежной ссуды, Булгаринъ дѣлится своимъ горемъ съ Дубельтомъ. Изліяніе чувствъ доходитъ до паѳоса въ письмѣ къ Дубельту, 23-го апрѣля 1845 года:

— «Отецъ и командиръ!

«Я не знаю, какъ васъ называть! *Милостивый государь* и *ваше превосходительство*—все это такъ далеко отъ сердца, все это такъ изношено, что любимому душою человѣку—эти *условные* знаки вовсе не идутъ! А я люблю и уважаю васъ точно *душевно!* Ваша доброта, ваше снисхожденіе, ваша деликатность со мною — совершенно поработили меня, и нѣтъ той жертвы, на которую бы я не рѣшился, чтобъ только доказать вамъ мою привязанность!

«Но вотъ *послѣдняя* моя просьба! По добротѣ и деликатности своей, вы изволили заѣзжать ко мнѣ. Мнѣ бы слѣдовало *немедленно явиться къ вамъ*—и вотъ я на колѣняхъ умоляю васъ извинить меня и *позволить не являться*, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторое время*, пока грусть моя нѣсколько утихнетъ и нервы успокоятся. Я нахожусь въ такомъ раздраженномъ положеніи, что прячусь отъ людей! Признаюсь, мнѣ не хотѣлось бы изъ *вашихъ устъ* слышать *отказъ* въ моей просьбѣ. Еслибъ было что нибудь хорошее — вы, по добротѣ своей (какъ покойный М. Я. фонъ-Фокъ) не утерпѣли бы, чтобъ не увѣдомить, а теперь хотите *усладить горечь пилюлей*. Нѣтъ, добрый и благородный Леонтій Васильевичъ, есть горечи, которыхъ *нельзя усладить!* Не дѣло важно, но доказательство, во что меня цѣнятъ послѣ 26-ти лѣтнихъ трудовъ—вотъ что убійственно! Объ одномъ прошу васъ разувѣрить, еслибъ кто вѣрилъ, что я поступилъ дерзновенно, обратясь въ нуждѣ къ моему государю. Я думалъ, если сочинителю *Гавриліады, Оды на вольность и Кинжала* — оказано столько благодѣяній и милостей (Пушкину), если банкроту Смирдину дано въ займы 35 т. руб. сер. подъ залогъ хлама, т. е. *непродающихся книгъ*, если Полевому, которому самъ государь запретилъ журналъ — дана пенсія и проч., и проч., то почему же не дать взаймы мнѣ подъ

вѣрный залогъ имѣнія, за которое графъ Канкринъ давалъ сперва 300,000 руб. ас. для университета (Гейндильгескаго института), а послѣ хотѣлъ купить для себя за 350,000 р. ас. Вѣдь я просилъ *не подарка!* Покойный баронъ Штиглицъ далъ мнѣ на слово 50,000 руб. асс., которые я и заплатилъ; во время процесса моего Молво далъ мнѣ, подъ росписку, 10,000 руб. сер., чему я и имѣю доказательства. Я человѣкъ *не нищій* и не безъ *кредита*, и весь мой авантажъ былъ въ *двухъ процентахъ!!!* Просилъ я *не невозможнаго* и не надъ силы мои, но теперь вижу, какое мѣсто мнѣ назначено въ русскомъ царствѣ — и я, какъ улитка, прячусь въ мою раковину! Досадно мнѣ, что я послушался совѣтовъ пріятелей, да ужъ не воротишь! Скомпрометировался, а дѣлать нечего! Есть Богъ и потомство: быть можетъ, они вознаградятъ меня за мои страданія... вѣдь надобно же чѣмъ нибудь утѣшаться!

«Съ искреннею и душевною преданностью и высокопочитаніемъ честь имѣю быть

«вашего превосходительства

«милостиваго государя

«покорнѣйшимъ слугою

«Ѳаддей Булгаринъ».

Въ перепискѣ съ Дубельтомъ, Булгаринъ даетъ полную волю своему языку и старается представить тогдашніе порядки въ ихъ настоящемъ видѣ. Поощряемый, или только терпимый Дубельтомъ, Булгаринъ дѣйствовалъ перомъ неутомимо, высказывалъ въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ такія вещи, о которыхъ нельзя было говорить печатно. Одно за другимъ Булгаринъ сообщилъ Дубельту слѣдующія свои произведенія, въ которыхъ весьма ярко выражаются и домыслы, и соображенія автора, и темныя стороны вскрываемой имъ дѣйствительности.

Нѣсколько правдъ, предлагаемыхъ на благоразсужденіе.

— «Кабинетные ученые и такъ называемые *книжные черви* вездѣ обуреваемы страстью вводить теоріи въ дѣла общественныя. Изъ этого произошло въ мірѣ много *смѣш-*

наго и много *злаго*. Я человѣкъ совершенно практическій: вѣрю теоріи тогда только, когда она испытана на практикѣ; ищу разума *въ книгахъ,* а повѣряю *на людяхъ.* Судьба поставила меня въ такое положеніе, что въ теченіе 25 лѣтъ я ежедневно вижусь съ людьми разнаго сословія, прибѣгающими ко мнѣ, какъ къ какому нибудь канонику (chanoine) съ исповѣдью, за совѣтомъ и за справкою. Рѣдкій порядочный помѣщикъ, провинціальный купецъ, или чиновникъ, побываетъ въ столицѣ и не завернетъ ко мнѣ *потолковать* и познакомиться. О столичныхъ жителяхъ и говорить нечего. Бываютъ дни, что у меня утромъ отъ 8 до 2 часовъ перебываетъ до 50-ти человѣкъ! Справиться легко—правда ли! Благодаря Бога, люди имѣютъ ко мнѣ довѣренность, потому что я никому не измѣнялъ и не измѣняю. Кого утѣшу, кому посовѣтую терпѣніе, за иныхъ попрошу и похлопочу; а между тѣмъ узнаю ходъ дѣлъ и общественное мнѣніе. Всего не перетолкуешь, да мнѣ и писать некогда; но вотъ для пробы представлю нѣсколько выдержекъ изъ общественнаго мнѣнія.

«1) Носились слухи въ городѣ, *якобы* государь императоръ, встрѣтясь гдѣ-то съ графомъ Киселевымъ, заграницею, указалъ ему на книгу (путешествіе французскаго инженера съ женою по южной Россіи, для нивелировки пространства между Чернымъ и Каспійскимъ морями), въ которой сказано и доказано, что въ Россіи есть *система сокрытія истины,* отъ низшаго чиновника до высшаго сановника, и что такимъ образомъ государь императоръ весьма мало знаетъ, чтò дѣлается въ Россіи. Не вхожу въ разборъ, справедливо ли, что государь императоръ говорилъ объ этомъ Киселеву, но что въ словахъ жены инженера есть много правды,—это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію.

«Напримѣръ: еслибъ я открылъ, что *будочникъ* былъ пьянъ и оскорбилъ проходящую женщину, я бы пріобрѣлъ враговъ: 1) министра внутреннихъ дѣлъ, 2) военнаго генералъ-губернатора, 3) оберъ-полиціймейстера, 4) полиціймейстеровъ, 5) частнаго пристава, 6) квартальнаго надзирателя, 7) городового унтеръ-офицера и par dessus le marché—всѣхъ ихъ пріятелей, усердныхъ подчиненныхъ, и такъ далѣе. Спрашивается: кому же придетъ охота открывать истину, когда каждое начальство почитаетъ врагомъ своимъ каждаго,

открывающаго злоупотребленіе или злоупотребителей въ части, ввѣренной ихъ управленію?!!

«Еслибъ я былъ начальникомъ какой части, я былъ бы благодаренъ каждому, кто бы вырвалъ дурную траву изъ моего огорода!

«Долженъ ли министръ отвѣчать за открытіе злоупотребленій въ его управленіи? Тогда долженъ отвѣчать, когда *знаетъ* и *прикрываетъ;* но невозможно министру отвѣчать за чиновника, дѣлающаго зло за 3,000 верстъ или за сто шаговъ отъ него, когда передъ нимъ *все скрываютъ,* чтобъ избѣжать наказанія или отвѣтственности *за допущеніе злоупотребленій!* Тутъ чистая логика! Когда всѣ отвѣтственны за одного, то всѣ прикрываютъ зло. *Всѣ* значитъ *никто:* tout le monde—c'est personne!

«Отъ системы укрывательства всякаго зла и отъ страха отвѣтственности одному за всѣхъ, выродилась въ Россіи страшная система министерскаго деспотизма и сатрапства генералъ-губернаторовъ. Это такое зло, которое угрожаетъ величайшими бѣдствіями престолу и отечеству, и ожесточаетъ всѣ сословія народа въ высшей степени. Русская пословица твердитъ: «Богъ высоко, царь — далеко». Но встарину можно было броситься въ ноги царю, передъ краснымъ крыльцомъ, а теперь нѣтъ никакихъ средствъ довесть истины до царя. Комиссія *прошеній*—есть комиссія *отказовъ.* Вы подадите жалобу на министра или на военнаго генералъ-губернатора, и вашу просьбу отсылаютъ на разрѣшеніе въ то мѣсто, на которое вы жалуетесь, и къ тому самому лицу. Чиновники, до директора, опредѣляются самими министрами, отъ нихъ вполнѣ зависятъ, и служатъ имъ, а не государю и отечеству. Государь и отечество для чиновника — отвлеченная идея, une idée transcendentale!

«2) Заглянемъ на корень зла:

«Блаженной памяти императоръ Александръ Павловичъ, въ началѣ и даже въ половинѣ царствованія, сильно придерживался либеральныхъ идей, и въ этомъ духѣ учредилъ министерства по примѣру конституціонныхъ государствъ. Но въ конституціонныхъ государствахъ министры *отвѣтственны* передъ палатами и парламентомъ и находятся подъ контролью свободнаго книгопечатанія. Въ чистыхъ монар-

ціяхъ всегда былъ и есть *первый* министръ, отвѣтственный за всѣхъ предъ государемъ, слѣдовательно, власть находится всегда *сосредоточенною*, centralisé.

«У насъ какая отвѣтственность министровъ? *Ихъ отчеты!* А кто ихъ повѣряетъ? *Никто!*—Пишутъ, что̀ угодно. На бумагѣ блаженство, въ существѣ горе! Сами чиновники, составляющіе отчеты, смѣются надъ этой *поэзіей*, какъ они называютъ *отчеты!* Chef d'oeuvres этой поэзіи—это отчеты министерства просвѣщенія!

«Изъ этого вышло, что министры раздѣлили между собою Россію и господствуютъ въ своихъ *удѣлахъ* самовластно, давая полную власть тѣмъ генералъ-губернаторамъ, которые сильны при дворѣ и связями. Милосердіе, правосудіе, благость царствующаго, при такомъ порядкѣ дѣлъ, почти безполезны для государства, потому что государь видитъ одни только *доклады*, т. е. что̀ нужно докладывающему, а не то, что полезно его подданнымъ. Кончилось тѣмъ, что *собраніе законовъ и сводъ законовъ*, великій подвигъ добраго нашего государя, полезенъ только въ теоріи и производствѣ тяжебныхъ дѣлъ, а въ администраціи или управленіи государства сводъ законовъ и собраніе законовъ *не имѣютъ ни малѣйшей силы* и подчиняются *министерскимъ предписаніямъ.*

«Трудно вѣрить, а правда! Мало этого! чтобъ быть независимымъ въ своемъ *удѣлѣ*, каждый министръ охотно принимаетъ въ своемъ управленіи предписанія другаго министра, что касается до его части, и выходитъ сцена изъ Мольеровой комедіи: passez-moi le rhubarbe, je vous passerai la magnesie или т. п.

«Было бы забавно, еслибъ не было больно!

«Возьмемъ *ничтожные* примѣры! Пронеслась вѣсть, что государю императору благоугодно заглядывать въ *Сѣверную Пчелу*, и вотъ всѣ министры согласились между собою, чтобъ въ Пчелѣ *ничего не печатать* безъ ихъ воли! Кажется, ужъ и безъ того довольно безмолвія въ Россіи, но надобно было заглушить послѣдній законный голосъ, и заглушили. Въ цензурномъ уставѣ, въ главѣ первой, въ статьѣ 12-й, между прочимъ, сказано: «Дозволяются всякія сужденія *о новыхъ общественныхъ зданіяхъ, объ улучшеніяхъ* по части *народ-*

наго просвѣщенія, если сіи сужденія не противны общимъ правиламъ цензуры». Кажется, ясно, а, между тѣмъ, графъ Клейнмихель отнесся, чтобъ не дозволять даже *упоминать* о новыхъ зданіяхъ и всемъ, касающемся до его управленія, безъ его воли! Ужъ гдѣ намъ *судить и разсуждать!* Мы хотимъ сказать: «*воздвигнуты* новые конногвардейскіе казармы»,—нельзя: посылайте къ графу Клейнмихелю! «Пароходы ходятъ по Бѣлу-озеру»—нельзя: можетъ быть графъ Клейнмихель не хочетъ, чтобъ это было извѣстно! А уставъ напечатанъ въ сводѣ законовъ! Князь Чернышевъ не доволенъ даже, когда Пчела перепечатываетъ изъ Инвалида! Это еще ничего; но вотъ самъ министръ просвѣщенія *приказалъ,* чтобъ Сѣверная Пчела не перепечатывала *постановленій министерства просвѣщенія изъ журнала* министерства, безъ воли директора просвѣщенія, а это уже и противу устава и противу привилегіи, высочайше утвержденной для Сѣверной Пчелы блаженной памяти императоромъ Александромъ. Чего же боятся, чтобъ постановленія министерства были перечитаны? Чтобъ *не дошли до свѣдѣнія* государя императора! Я не доносчикъ, но стоитъ разспросить хоть одного благонамѣреннаго грамотнаго человѣка; онъ укажетъ такія вещи, за которыя и въ Англіи посадили бы въ тюрьму. Люди поумнѣли: тайныхъ обществъ не составляютъ, но всѣмъ, хотя мало знакомымъ съ литературою, извѣстно, что у насъ существуетъ чрезвычайно сильная партія, подъ покровительствомъ могущественнаго чиновника въ министерствѣ просвѣщенія, дѣйствующая въ духѣ *коммунизма* и правилъ неистоваго либерализма. У меня бездна жалобъ, даже отъ епископовъ, но это не мое дѣло! Извѣстный литераторъ и академикъ Борисъ Федоровъ представилъ мнѣ нѣкоторыя *записки,* отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, когда вспомнишь, что послѣ себя оставляешь шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, противу которыхъ вострятъ, на твоихъ глазахъ, топоры! Но партія эта пріобрѣла лестью сильнѣйшее покровительство, и ее никто не дерзаетъ затронуть, тѣмъ болѣе, что она привязала къ себѣ и матеріальными интересами. Мнѣ объ этомъ не слѣдуетъ распространяться, чтобъ не подумали, будто я дѣйствую по духу литературной вражды; но возьмите, если угодно, отъ меня *выписки* Бориса Федоровича

и разспросите *его* не стращая, а лаская,—увѣренъ, что ужаснетесь! Для краткости я привелъ въ примѣръ ниспроверженія законовъ министерскими предписаніями только цензурный уставъ. Всѣ уставы также ниспровергнуты, гдѣ они затрудняютъ самовластіе министровъ.

«Важный вопросъ! Болѣзнь указана, а есть ли лекарство? Есть и *не новое*. Въ самодержавномъ смягченномъ, какъ наше, государствѣ — другого управленія быть не можетъ, какъ *коллегіальное,* введенное Петромъ Великимъ, по совѣту великаго Лейбница. Когда императоръ Александръ уничтожилъ его и ввелъ министерства, онъ думалъ приготовить государство къ конституціи, что впослѣдствіи и было *напечатано* по-русски, при учрежденіи Царства Польскаго. Въ *коллегіальномъ управленіи* есть *отвѣтственность* министровъ и самовластіе ихъ умѣряется голосами членовъ, отъ нихъ *независимыхъ*.

«Теперь пусть членъ совѣта министерскаго подаетъ голосъ противу министра, ему не дадутъ ленты или попросятъ выйти въ отставку. Императоръ Александръ чувствовалъ потомъ ошибку свою, что уничтожилъ *коллегіальное управленіе* и—учредилъ совѣты министровъ; но этимъ дѣла не поправилъ, подчинивъ министру членовъ совѣта и предоставивъ ему ихъ выборъ!

«Поразсудите и справьтесь, — увидите, что я говорю правду!

«3) Когда я хотѣлъ напечатать *историческій выводъ,* въ опроверженіе чужеземныхъ клеветъ на государя и Россію, безъ *всякихъ споровъ* съ клеветниками, мнѣ сказано, что не нужно входить съ ними въ разглагольствія, а, между тѣмъ, въ то же самое время напечатали въ «Journal de St.-Pétersbourg» одну изъ самыхъ *жестокихъ* выходокъ противу дѣйствій правительства! По совѣсти долженъ я сказать, что эта статья произвела весьма непріятное впечатлѣніе для правительства. Изъ всѣхъ трактировъ и кондитерскихъ нумеръ газеты похищенъ (какъ говорятъ трактирщики), а вѣрно то, что у многихъ купленъ. Мнѣ извѣстно, что давали по 200 за нумеръ. Упрекъ правительству въ этой статьѣ насчетъ *пропаганды* православія тѣмъ сильнѣе подѣйствовалъ, что въ то же время появились въ лифляндской газетѣ «Inland»

двѣ статьи, якобы *подтверждающія* истину упрека. Прилагаю при семъ газету «Inland» [1]). Выраженія чрезвычайно замѣчательныя! Это въ точномъ смыслѣ псаломъ: *тамо, на рѣкахъ Вавилонскихъ, сѣдохомъ и плакахомъ*. Лютеранская вѣра называется *сиротствующею вдовицею,* аки Рахиль безутѣшная, въ одеждѣ печали, и т. п. Чудеса! До какого *отчаянья* должны быть доведены эти люди! И въ какое время посѣваютъ ненависть въ сердцахъ образованнаго сословія пограничныхъ губерній? Ради Бога, скажите, такъ ли должно дѣйствовать православіе, во славу свою, на пользу царя и отечества, какъ оно дѣйствуетъ? Въ журналѣ *Маякъ,* съ дозволенія духовной цензуры, печатаются вещи, которыя были бы смѣшны и въ XV вѣкѣ! Описано, какъ *чортъ* былъ посредникомъ между *Христомъ и пьяницей,* и т. п. Вотъ вамъ книжица, предсказывающая *скорое преставленіе свѣта!* Это то же, что было въ Европѣ въ 999-мъ году по Р. Х., а вотъ другая книжица *противу* лютеранской вѣры, которую исповѣдуютъ столько людей. *начальствующихъ православными!* Какъ же православный будетъ уважать человѣка, заблудшаго въ вѣрѣ, еретика? Non sens, вредъ царю и отечеству, и, какъ сказалъ Грибоѣдовъ въ «*Горе отъ ума*», «Все подъ личиною усердія къ царю».

«Мнѣ лютеранизмъ такъ же чуждъ, какъ и магометанство, но не чужды слава царя и благо Россіи, которая, дерзаю сказать, любитъ меня и вѣритъ мнѣ! Хоть сожгите меня на кострѣ, но долженъ высказать правду, ибо почитаю это долгомъ совѣсти!

«4) Во всей Польшѣ бунты и заговоры! Ужели есть хотя одинъ такой дуракъ въ Польшѣ, чтобъ вѣрилъ, будто *возстаніе* можетъ побѣдить благоустроенныя арміи *трехъ* государствъ? Сомнѣваюсь! Ведетъ въ пропасть *отчаянье.* Отчаянье—это порохъ, а искры брошены *извнѣ.* Въ 1789 году и въ 1830 году, когда западнымъ революціонерамъ надобно было сдѣлать *диверсію* на сѣверъ, — они подожгли Польшу. Исторія — то же, что математика: по двумъ *извѣстнымъ* отыскиваютъ третье *неизвѣстное.* Заговоры и бунты въ Польшѣ, а огонь тлѣетъ теперь въ Германіи: въ Пруссіи и

[1]) Со стола кто-то взялъ; но отыщу и пришлю.

Австріи. Я не пророкъ, но увидите, что откроется по слѣдствію, если только на слѣдствіи будетъ хотя одинъ дальновидный человѣкъ! Искры брошены изъ Кенигсберга, Кельна и изъ Венгріи, иначе быть не можетъ! Польскіе эмигранты— если участвуютъ, то второстепенно. Я убѣжденъ, что въ Германіи приготовляется революція, и поляковъ возмутили, чтобъ *занять* державы. По моему мнѣнію, ничего нѣтъ легче, какъ управлять поляками. Народъ живой, легковѣрный, удо(бо)воспламенимый: съ ними надобно *играть* какъ съ дѣтьми, въ *игрушки*, надобно занять ихъ страсть къ дѣятельности и ихъ воображеніе. Все зависитъ отъ выбора людей, которые бы не *уничижали* ихъ. При мнѣ самый вѣрный царю полякъ *заплакалъ*, когда услышалъ, что Писареву (кіевскому) дали ленту! Но теперь не въ томъ дѣло. Главное въ томъ, что—я полагаю—Польша взбунтована Германіей и Венгріей, и въ Пруссіи что-то готовится недоброе. И теперь именно раздражаютъ до-нельзя остзейцевъ!!! Какая польза оттого, что я говорю правду? Ровно никакой! Въ началѣ польскаго бунта (въ 1831 г.), когда я составилъ изъ 3-хъ *отрывковъ* газетъ такую реляцію о возстаніи, что князь Любецкій вѣрилъ, якобы она составлена въ Варшавѣ нашимъ тамъ агентомъ, графъ Бенкендорфъ обѣщалъ мнѣ золотыя горы, которыхъ я вовсе не хотѣлъ и не требовалъ. Онъ хотѣлъ выслать меня въ Варшаву, вмѣсто графа Гауке, для усмиренія умовъ, и ужъ, конечно, я много сдѣлалъ бы добра,—меня не признали способнымъ! Писака бо есмь! Когда наши шли *со стороны Праги* на Варшаву, я написалъ къ Бенкендорфу: «зачѣмъ хотите пробивать лбомъ стѣну, когда можете *переправиться чрезъ Вислу на прусской границѣ* и подойти къ Варшавѣ отъ Воли!» Бенкендорфъ задушилъ меня въ объятіяхъ,—а все я остался *нулемъ:* разъ въ жизни попросилъ бездѣлицы, и отказали со стыдомъ!! Но и интересы мои, и самолюбіе, и честолюбіе кладу на жертвенникъ истины, и хотя знаю, что словеса *нуля* — пойдутъ на вѣтеръ, почитаю долгомъ высказать то, что, по моему мнѣнію, полезно моему государю, которому я присягнулъ служить вѣрою и правдою!

«Тутъ можно было бы и много пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить!»....

— «Милостивый Государь

«Леонтій Васильевичъ!

«Програму г-на Киркора представляль я вашему превосходительству не для того, чтобъ испрашивать позволеніе на изданіе журнала на польскомъ языкѣ, зная, что это принадлежитъ министру просвѣщенія, который, разумѣется, не дозволитъ, но эта программа представлена мною только для *свѣдѣнія*. Я той вѣры, что только *убѣжденіемъ* можно успокоить встревоженные умы и уязвленныя сердца въ Польшѣ, и для *убѣжденія* у насъ *ничего* не предпринимается и, вѣроятно, долго еще не будетъ предпринято. Отчего это происходитъ, что, не взирая на строгость мѣръ къ пресѣченію всѣхъ покушеній противу русскаго правительства, безпрестанно появляются новыя жертвы? Отъ заблужденія! Надобно плакать и смѣяться, когда слышишь, что поляки говорятъ и что они заграницею пишутъ о Россіи, не изъ злобы, но по невѣдѣнію, по ложнымъ извѣстіямъ и предположеніямъ. Непостижимо, что *опровержение* заблужденій насчетъ Россіи столь же строго запрещено у насъ, какъ и самая *ложь!* Приказано всѣмъ молчать, и всѣ молчатъ, а въ умахъ хаосъ, въ сердцахъ ядъ—просто нравственная чума! По моему мнѣнію, противу *нравственной силы*, неуловимой *силою физическою*, надлежало бы дѣйствовать *нравственною же силою;* а именно: *правдою* противу *лжи*, *добродушіемъ* противу *ожесточенія*, *просвѣщеніемъ* противу *заблужденій* насчетъ Россіи. Зная совершенно духъ и характеръ Польши, я бы взялся, подъ карою смерти, въ теченіе *пяти лѣтъ* одною *письменностью* успокоить Польшу и убѣдить поляковъ, что все ихъ счастье, все благосостояніе края зависитъ отъ тѣснаго соединенія съ Россіею, разумѣется, еслибъ въ краѣ не было такихъ чиновниковъ, какъ напримѣръ кіевскій Писаревъ, о которыхъ анекдоты гораздо занимательнѣе и ужаснѣе *Парижскихъ тайнъ*. Но какъ мое дѣло *сторона*, то и я молчу, а зная ваше пламенное, неутомимое и безпрерывное стремленіе къ добру, *увѣдомилъ* васъ о предпріятіи г-на Киркора, въ которомъ нашелъ то же искреннее желаніе къ примиренію и соединенію Польши съ Россіей, кото-

рое и меня одушевляетъ, предоставляя, впрочемъ, этотъ подвигъ Провидѣнію!

«Пользуясь симъ случаемъ, чтобъ повторить вашему превосходительству чувства глубокаго уваженія и душевной привязанности, съ коими навсегда пребываю

«вашего превосходительства
«милостиваго государя
«покорнѣйшимъ слугою
«Өаддей Булгаринъ.

«Qui ne fut rien
«Pas même académicien!

«15 января 1846
СПБ.

«N. B. Слышалъ я, что разсказываютъ русскіе чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, возвратившіеся изъ Лифляндіи,—и *знаю навѣрное*, что тамъ происходитъ. Разсказы эти такъ же далеки отъ истины, какъ земля отъ солнца! Есть Богъ, и: «сердце царево въ руцѣ Божіей». Вотъ одна надежда и утѣшеніе!»—

— «Отецъ и командиръ!

«Знаю я, что литературу и цензуру почитаютъ у насъ хуже дохлой собаки, а литераторовъ трактуютъ какъ каторжниковъ. Но я, ради Бога, прошу васъ показать прилагаемое маранье графу Алексѣю Федоровичу. Это человѣкъ—Ecce homo! Остальное хоть бросьте.

«Вѣрный до гроба и за гробомъ и преданный душою
«Ө. Булгаринъ.

«25 апрѣля (?)
1846 г.»

Сыскной приказъ.

— «Полиція наша не въ силахъ исполнять то, что требуется отъ полиціи въ благоустроенномъ государствѣ. У насъ главное занятіе полиціи: чистота въ городѣ (и то наружная, а не внутри домовъ и дворовъ, которые вообще грязны *до заразы!*) и наблюденіе порядка при съѣздахъ. Исполнительная часть по управленію идетъ плохо и медленно. По-

лагая даже, чтобъ частные и квартальные были умные и даже честные люди, невозможно отъ нихъ требовать, чтобы они занимались безопасностью гражданъ. У частныхъ и квартальныхъ нѣтъ на то *времени и денегъ!* Роскошь у насъ жестоко увеличилась, дворовые люди расплодились и шатаются безъ мѣстъ по городу; изъ всѣхъ концовъ Россіи стекается множество народу искать счастія и пропитанія въ столицахъ; мѣщанъ безъ ремесла бездна, и все это хочетъ жить и наслаждаться! По характеру, русскій народъ не кровожаденъ; онъ убиваетъ тогда только, когда *разъяренъ;* но воровство не почитается большимъ преступленіемъ. Воруютъ здѣсь *много,* но всѣ почти воровства открываются у насъ *случайно.* У насъ нѣтъ безподобнаго французскаго заведенія Police de Sûreté, или, какъ было встарину въ Россіи, *Сыскного приказа,* а это *первая потребность* въ благоустроенномъ государствѣ! Сыскной приказъ долженъ заниматься однимъ только отыскиваніемъ воровъ, разбойниковъ, бродягъ, бѣглецовъ, мошенниковъ всякаго рода; долженъ быть въ вѣчной войнѣ съ ними; наблюдать за каждымъ подозрительнымъ человѣкомъ; знать, чѣмъ онъ живетъ и гдѣ проживаетъ. Для этого надобны *люди* и *деньги!* Министръ Перовскій чувствовалъ потребность Police de Sûreté, но, по несчастью, попалъ на мошенника Синицына—плута въ родѣ Ваньки Каина, который былъ бы отличный *сыщикъ* подъ начальствомъ порядочнаго человѣка, но самъ не могъ быть начальникомъ и уронилъ дѣло въ глазахъ правительства. Примѣръ, какъ у насъ обдѣлываются эти дѣла: мой крѣпостной человѣкъ ночью вломился въ чайный магазинъ, пойманъ и взятъ въ полицію. Онъ во всемъ сознался. Мнѣ *не дали даже знать,* что онъ взятъ подъ стражу, и полиція не явилась ко мнѣ, чтобъ пересмотрѣть вещи арестанта и разспросить о немъ! Между тѣмъ въ теченіе цѣлой недѣли приходили въ домъ подозрительные люди навѣдываться, что сталось съ Гришкой (имя вора)? Парижская полиція переловила бы ихъ всѣхъ и открыла бы *цѣлую шайку воровъ!* Когда я спросилъ у полицейскаго чиновника, зачѣмъ полиція этого не дѣлала, онъ отвѣчалъ: «Помилуйте, и безъ того *много хлопотъ,* а тутъ пошла бы *переписка,* да *розыски*—ну, чортъ съ ними». У книгопро-

давца Ольхина украли изъ спальни 33,000 рублей серебромъ. Улики явныя: служанка имѣла любовника, человѣка безъ всякаго ремесла, у котораго въ квартирѣ найдены богатыя вещи. У сестры служанки найдено на 15,000 вещей, и она созналась, что эти вещи сестры; но служанка не *сознается* и все покрыто! У одного моего знакомаго (Ордынскаго) украли всѣ вещи, накопленныя 25-ти-лѣтнею службою и бережливостію. Улики были явныя; но воръ уѣхалъ, и полицейскій чиновникъ сказалъ: «а на какой счетъ я поѣду за воромъ?» Дѣло пропало! Будь у насъ Сыскной приказъ, было бы иначе. Сыскной приказъ только бы и дѣлалъ, что гонялся за ворами и отыскивалъ ихъ, имѣя на это все свое время и деньги. Кромѣ воровства, развратъ здѣсь усилился до высшей степени. Дѣвочки, отъ 9-ти до 11-ти лѣтъ, бѣгаютъ толпами и просятъ денегъ, предлагая себя. Ужасно! На толкучемъ рынкѣ днемъ, а ночью на главныхъ улицахъ, отъ нихъ нѣтъ отбоя! Полиція и не взглянетъ на это, чтобъ не навязывать себѣ дѣлъ, переписки и хлопотъ. Съ кого взыскивать? Полицейскій офицеръ скажетъ: «это не въ *нашей части-съ»!* Но въ начальники Сыскнаго приказа надобно выбрать человѣка отличнаго и Сыскной приказъ освободить отъ начальства полиціи. Онъ долженъ быть въ вѣдѣніи военнаго генералъ-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, а только сноситься съ полиціею. Разумѣется, что, по нашей общей системѣ, Сыскной приказъ будетъ въ вѣчной войнѣ съ полиціею; но для гражданъ это будетъ лучше, какъ сказано въ баснѣ Дмитріева: «благодаря стеченію воровъ». Наши трактиры, харчевни, особенно загородные,—сущіе притоны воровъ и мошенниковъ. Частные и квартальные получаютъ свою плату за то, чтобъ не мѣшать *торговать,* и они никого не безпокоятъ. Сыскной приказъ поочистилъ бы эти гнѣздилища. Кокошкинъ—прекрасный, благородный и честный человѣкъ, но онъ слабъ какъ монастырка, и первою обязанностію почитаетъ защищать свой *корпусъ офицеровъ,* какъ онъ называетъ полицейскихъ, а тамъ хоть трава не рости! Правило: «какъ можно меньше шуму» не годится въ полиціи, какъ не годятся камергеры въ *полиціймейстеры.* Начальникомъ Сыскного приказа долженъ быть такой звѣрь, какъ былъ у насъ *Эртель;* вотъ образецъ!

«А Сыскной приказъ, право, нужнѣе лишнихъ комитетовъ и департаментовъ!—

Тарифъ.

— «Тарифъ долженъ быть непремѣнно *измѣненъ*. Безъ этого никакъ не обойдется. Нынѣшній тарифъ заключаетъ въ себѣ такія нелѣпости и противорѣчія, что не могъ бы существовать, еслибъ даже и не было измѣненія въ общей системѣ европейской торговли. Но кому поручить составленіе плана новаго тарифа? Разумѣется, министру финансовъ. А кто тамъ будетъ его составлять? Разумѣется, какой нибудь *начальникъ отдѣленія*. За 50, а много за 100 тысячъ рублей ассигнаціями, опять можно будетъ ввести въ новый тарифъ тѣ же нелѣпости, какъ въ старомъ, напримѣръ, о соляхъ, химическихъ и аптекарскихъ матеріалахъ. Но при министерствѣ финансовъ есть *коммерческій совѣтъ!* Правда; но голосъ тамъ имѣютъ иностранцы, а русскіе купцы, засѣдающіе тамъ, какъ, напримѣръ, нынѣшній градской глава, старикъ Пономаревъ, такіе *невѣжды*, что англійская лошадь умнѣе ихъ! Недавно меня они разспрашивали, что значитъ *Пиль и его система!* Понятія ни объ чемъ не имѣютъ! Одинъ умный мужикъ тамъ: *Харичковъ!* Вотъ это голова! Для составленія *плана* новаго тарифа долженъ быть составленъ *комитетъ* изъ купцовъ *всѣхъ* русскихъ портовъ: Петербурга, Риги, Одессы, Архангельска и проч., и изъ фабрикантовъ, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, и при засѣдательствѣ, по крайней мѣрѣ, министра внутреннихъ дѣлъ и министра государственныхъ имуществъ, имѣющихъ непосредственные интересы въ торговлѣ. Къ комитету можно пригласить нѣсколько извѣстныхъ лицъ изъ разныхъ вѣдомствъ и нѣсколько химиковъ, технологовъ и механиковъ. Тогда будетъ создано дѣло прочное и хорошее. Правиломъ должно положить, чтобы изъ купцовъ и фабрикантовъ не было ни одного, *кто не родился въ Россіи* и не имѣетъ недвижимой собственности. Англичане подкупятъ и самого чорта!

«Знаемъ мы людей довольно,
Знаемъ вдоль и поперегъ.
Разсказать—такъ будетъ больно
Вдоль спины и поперегъ!

Аминь».—

Литература и цензура.

— «Никакія разсужденія и доказательства не могутъ исказить той великой истины, что безъ литературы нѣтъ славы ни для царей, ни для народа! Не распространяясь въ примѣрахъ, укажемъ на Елисавету Петровну и Екатерину II. Онѣ покровительствовали литературу, и она, изъ благодарности, закрыла все бывшее *зло* такимъ блескомъ, что *зло* видно только на ихъ приближенныхъ, а все *благое* вошло въ украшеніе идоловъ литературы. Народъ есть тѣ же, что баснословный центавръ: полчеловѣка, и поллошади, сирѣчь половина скота. Что замышляетъ *голова*, тому повинуется *туловище*. А есть ли народъ въ мірѣ, въ которомъ бы образованная, или, по крайней мѣрѣ, грамотная часть народа (т. е. голова центавра) не желала пламенно имѣть свою собственную литературу? Конечно, нѣтъ! Въ Россіи, чувствующей свое высокое назначеніе, это желаніе превратилось въ *страсть;* и презрѣніе, холодность и совершенное запущеніе литературы со стороны правительства не располагаетъ къ нему общаго мнѣнія. Въ Россіи литераторъ— настоящій *парія!* Для него нѣтъ мѣста на гражданственной лѣстницѣ! Чиновникамъ и военнымъ поставляется въ порокъ занятіе литературою, чего никогда и нигдѣ не бывало, а неслужащіе литераторы заброшены и ниже мѣщанъ. Всѣмъ извѣстно, что милости, оказанныя Карамзину, Жуковскому, Крылову и Пушкину, относятся къ ихъ положенію при дворѣ и связямъ съ такъ называемымъ придворнымъ дворянствомъ. На другихъ литераторовъ не упало ни одного луча вниманія и милости! И въ какое это дѣлается время! Когда въ цѣлой Европѣ, во Франціи, въ Пруссіи, въ Англіи и даже въ неподвижной Австріи, литература и литераторы въ чести и осыпаны знаками вниманія, когда идеи кружатъ съ воздухомъ въ мірѣ и когда каждый сравниваетъ положеніе дѣлъ здѣсь и тамъ! Ужели презрѣніе къ литературѣ и къ литераторамъ или, пожалуй, холодность и невниманіе почитаются *полезнымъ?* Или ужели полагаютъ, что это дѣло такъ *ничтожно,* что имъ не стоитъ заниматься? Вспомнимъ о центаврѣ! Ужъ, воля ваша, а если грамотное

сословіе голова центавра, то литераторы самые чувствительные нервы въ мозгу! Ужели исторія также презрѣнная наука! Вѣдь это *ящикъ съ опытностію*. Загляните туда и увидите, сколько зла и добра произведено литературою, именно тамъ, гдѣ вовсе не бывало свободы книгопечатанія. Она всегда возьметъ свое. Можно разбить или скрыть *компасъ*, но нельзя уничтожить качества *магнитной стрѣлки*. Снимите флюгера, чтобъ не знать, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ, а вѣтра не остановите! Общее мнѣніе вещь *неистребимая*, и оно приготовляетъ зло или добро въ будущемъ. Никакая сила не можетъ уничтожить его, а управлять имъ можетъ только *одна* литература. Этого-то у насъ знать не хотятъ, къ великому прискорбію людей, преданныхъ правительству!

«Когда на всѣ части администраціи обращается постепенное вниманіе, только на одно министерство просвѣщенія не хотятъ взглянуть съ настоящей точки зрѣнія.

«Извѣстно, что это министерство, полагая, что принадлежность его состоитъ единственно въ занятіи школами или учебными заведеніями, поставляетъ обязанностію *притѣснять литературу*. Уваровъ явно говоритъ, что цензура есть его *полиція*, а онъ *полиціймейстеръ* литературы! Лучше было бы, еслибъ цензура была *медицинскій* литературный факультетъ, а Уваровъ главнымъ *докторомъ*, и чтобъ они пеклись о здравіи и хорошемъ направленіи литературы! А въ какомъ состояніи наши училища? Правительство весьма мудро хочетъ распространить познаніе русскаго языка въ польскихъ и нѣмецкихъ провинціяхъ, а у насъ и въ Петербургѣ нѣтъ даже *порядочныхъ* учителей русскаго языка! Какихъ чиновниковъ даютъ русскіе университеты? Кандидаты и магистры не умѣютъ написать правильно *письма!* Гдѣ наши ученые, гдѣ химики, технологи, механики, гдѣ историки, лингвисты? Жалость, да и только! Оттого правительству такъ и тяжело двигать государственнымъ механизмомъ, что такъ мало способныхъ людей. А въ отчетахъ министерства просвѣщенія *все сіяетъ, какъ солнце,* хотя этимъ отчетамъ никто не вѣритъ, кромѣ правительства.

«Цензура дѣло важное, должно сказать — дѣло *первой важности,* а у насъ она устроена хуже самой дурной по-

лиціи въ заштатномъ городѣ. Уставъ напечатанъ въ сводѣ законовъ, а онъ *не исполняется ни въ одномъ пунктѣ*. Не только министръ, но каждый попечитель измѣняетъ каждую статью закона своими *предписаніями!* Есть-ли это хотя въ одномъ государствѣ въ мірѣ? — Нѣтъ, и не будетъ! Намъ скажутъ, что не только трудно, но почти невозможно опредѣлить всѣ случаи по производству цензурнаго дѣла. Такъ говорятъ, но это несправедливо. Правила для всѣхъ цензурныхъ уставовъ въ мірѣ *одни: что не вредно, то можно печатать*. Вредное есть посягательство на вѣру, царя, мѣры правительства, нравственность и личность гражданина. Эти пункты легко опредѣлить, но вся важность *въ исполненіи*, а для *исполненія* должны быть выбраны *люди*, пользующіеся общимъ уваженіемъ, люди почтенные, уживчиваго нрава, деликатные, твердые, умные и притомъ свѣдущіе въ литературѣ и знающіе свѣтъ. Восемь человѣкъ можно для этого выбрать въ Петербургѣ и Москвѣ. Вѣдь надобно же имѣть какія нибудь права, чтобъ быть судіею въ литературѣ и пользоваться уваженіемъ литераторовъ? Такъ и было прежде. Туманскій, Тимковскій, Красовскій—были люди ученые, почтенные, заслуженные. Взгляните на нынѣшнихъ цензоровъ! Кто съ борка, кто съ сосенки! Замѣчательно, что во всемъ составѣ цензуры былъ *одинъ только дворянинъ* природный, покойный Корсаковъ, а тутъ-то именно и нужны природные дворяне, чтобъ опираться идеямъ коммунизма и революціонному духу! Цензоръ Крыловъ признанъ негоднымъ занимать мѣсто адъюнкта статистики въ университетѣ, куда дѣвать его? Въ цензоры! Этотъ человѣкъ почти *идіотъ*, тупъ, какъ бревно! Что онъ запрещаетъ и что̀ позволяетъ, удивитъ и разсмѣшитъ мертваго! Стоитъ переговорить съ нимъ три слова, чтобъ увидѣть его неспособность. Другой, настоящій *идіотъ*— цензоръ Фрейгангъ. Невѣжество его выше всего, что можно себѣ представить, а сверхъ того, онъ слабъ въ русскомъ языкѣ и мараетъ даже слова, которыхъ не понимаетъ. Недавно онъ вымаралъ слово: «*исполать вамъ*» думая, что *исполать* (т. е. здравствовать, быть въ чести) значитъ *бранное и непристойное* слово! На мѣсто Корсакова опредѣлили шведа *Михелина*, который едва знаетъ по-русски! Куторга, профессоръ *скотоврачеванія*, сирѣчь *коновалъ* — литератур-

ный цензоръ! Народъ этотъ не знаетъ ни свѣта, ни людей, ни литературы, ни даже грамоты, и держится правила, чтобъ *запрещать* все, чтò не понимаетъ. Но это еще только *меньшая половина* бѣды! Признано за аксіому, что купецъ не можетъ быть таможеннымъ чиновникомъ, и по этому правилу надобно непремѣнно положить, чтобъ для соблюденія безпристрастія, для пользы литературы и охраненія того, чтò правительство хочетъ охранить цензурою, цензоры не участвовали въ дѣятельной, ежедневной литературѣ. Пусть они пишутъ и издаютъ *книги*, но они не должны издавать *журналовъ* или участвовать въ нихъ. Что же у насъ дѣлается? Цензоръ Очкинъ редакторъ «*Библіотеки для чтенія*» (Сеньковскій называется директоромъ журнала), а Фрейгангъ сотрудникъ его только для вида. Онъ же, Очкинъ, редакторъ академическихъ вѣдомостей, а Фрейгангъ его переводчикъ. Цензоры—Никитенко и Куторга сотрудники «*Отечественныхъ Записокъ*». Эти господа цензируютъ журналы, въ которыхъ участвуютъ и отъ которыхъ получаютъ жалованье!!! Можетъ ли тутъ быть безпристрастіе и справедливость? Да и другіе цензоры не будутъ ли снисходительнѣе къ журналамъ, въ которыхъ участвуютъ ихъ товарищи? Это *радикальное зло*. И кому жаловаться на цензоровъ? Министръ и знать ничего не хочетъ; попечитель ничего не смѣетъ сдѣлать безъ министра, а главное правленіе цензуры почитаетъ непремѣннымъ правиломъ утверждать всѣ представленія цензуры, одобренныя министромъ. Слѣдовательно, для писателя нѣтъ никакого спасенія! Цензоръ надъ нимъ *самовластенъ!* Еслибъ правительство вошло въ разбирательство цензурныхъ дѣлъ, то удивилось бы, въ какую *грязь* брошены у насъ два высшія качества человѣка: *разумъ* и *чувство!*

«Слышно, что хотятъ перемѣнить цензурный уставъ. Все, чтò дѣлаетъ правительство, дѣлаетъ для добра, но добра быть не можетъ ни при какомъ уставѣ, если не положатъ правиломъ избирать въ цензоры людей, которыхъ бы писатели должны были *уважать;* если не постановятъ, чтобъ министръ или попечитель *не имѣли права* измѣнять устава *предписаніями*, отъ своего лица, и если не укажутъ, гдѣ писатель можетъ искать вѣрной защиты. Теперь ссылка со стороны писателя на цензурный уставъ почитается чѣмъ-то

въ родѣ *бунта*. Едва самъ вѣришь тому, что пишешь, а все сущая правда.

«Еще разъ повторяю: для чести и славы Россіи, для успокоенія общаго мнѣнія, для уничтоженія справедливыхъ, *въ этомъ отношеніи*, насмѣшекъ иностранцевъ и русскихъ,— надобно составить цензуру изъ *людей достойныхъ*, облагородить это званіе, какъ Канкринъ облагородилъ *все*, даже таможню, и позволить писателямъ, какъ говорится, *перевести духъ*, и писать обо всемъ свободно, что̀ полезно для государства, разумѣется съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, и не касаясь того, о чемъ запрещено писать. Безъ людей — законъ пустой звонъ! Аминь».—

Приведенныя мѣста изъ переписки Булгарина, съ сопровождавшими ее приложеніями, бросаютъ яркій свѣтъ на писателя, который своими обличительными произведеніями пріобрѣлъ большую извѣстность въ современной ему литературѣ. При всестороннемъ изученіи Пушкина и его эпохи нельзя оставить безъ вниманія ни полемическихъ статей Булгарина, ни его сочиненій вообще, ни его писемъ и записокъ. Какъ литературная дѣятельность Булгарина, такъ и его переписка представляютъ много любопытныхъ чертъ для обрисовки тогдашняго состоянія и нашей литературы, и нашей общественной жизни.

ПОЯВЛЕНІЕ ВЪ ПЕЧАТИ СОЧИНЕНІЙ ГОГОЛЯ.

ПОЯВЛЕНІЕ ВЪ ПЕЧАТИ СОЧИНЕНІЙ ГОГОЛЯ.

Вопросъ объ отношеніи литературы къ обществу рѣшаемъ былъ различно и въ литературномъ мірѣ, и въ обществѣ—и писателями, и представителями общественной жизни. Одни изъ писателей видѣли въ печатномъ словѣ руководящую силу, которой волей или неволею подчиняются читающія массы. Другіе относились къ этой силѣ скептически, сводили ея вліяніе къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ, и даже вовсе отрицали его, укоряя литературу въ томъ, что она не только не идетъ во главѣ общественнаго движенія, но едва успѣваетъ тащиться по его слѣдамъ. Въ то время, когда другіе дѣло дѣлаютъ, литераторы стоятъ сложа руки, а если и берутся за перо, то владѣютъ имъ безъ пользы и безъ цѣли. Именно въ такомъ духѣ выражается одинъ изъ героевъ повѣсти, принадлежащей къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ нашей литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Онъ говоритъ: «у барина была коляска претяжелая. Пока перевозчики надсаживались, втаскивая коляску на берегъ, баринъ такъ кряхтѣлъ, стоя на паромѣ, что даже жалко его становилось. Такъ и нынѣшняя литература: другіе везутъ, дѣло дѣлаютъ, а она кряхтитъ».

Какъ ни печально подобное положеніе литературы, какъ ни жалка ея роль, но еслибы такой взглядъ былъ общепринятымъ, еслибы всѣ, власть имѣющіе, убѣждены были въ безсиліи печатнаго слова, то и литераторамъ жилось бы спокойнѣе, и литература освободилась бы отъ всякаго по-

сторонняго вмѣшательства, отъ всякаго надзора и опеки. Но на дѣлѣ видимъ иное. Въ «кряхтѣньи» литературы иные находили весьма разумную цѣль; другимъ же слышалось въ немъ что-то зловѣщее, требующее самаго рѣшительнаго противодѣйствія. И такъ было не только въ сороковыхъ годахъ, но и гораздо позже, и несравненно раньше, въ теченіе долгаго, почти двухвѣкового періода, представляющаго не мало варіацій на одну и ту же тему. Представители общественной и государственной жизни обнаруживали тотъ взглядъ, что литература есть сила, которую нельзя оставлять безъ вниманія и съ которою надо считаться. Начало и конецъ восемнадцатаго столѣтія даютъ намъ чрезвычайно яркія, хотя и совершенно противоположныя доказательства этого взгляда.

Въ началѣ прошлаго столѣтія геніальный представитель государственной и умственной жизни русскаго народа, Петръ Великій, сознавая силу печатнаго слова, обращался къ писателямъ для поддержки задуманныхъ имъ преобразованій, для разъясненія обществу и народу правительственныхъ цѣлей и стремленій. Петръ Великій до того цѣнилъ и уважалъ правдивый голосъ зарождавшейся у насъ литературы, что прощалъ писателямъ смѣлость ихъ обличительной рѣчи, направленной порою противъ той или другой стороны въ дѣйствіяхъ или свойствахъ самого государя. Рѣзкую противоположность составляютъ мѣры, принятыя въ отношеніи печатнаго слова въ концѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе Павла I. Но самое то обстоятельство, что мѣрамъ этимъ придавали особенное значеніе, что разсмотрѣніемъ книгъ, журнальныхъ статей и брошюръ занимались, по приказанію Павла I, высшіе сановники государства, показываетъ, какую важность имѣли тогда литературныя произведенія по понятіямъ, господствовавшимъ въ правительственныхъ сферахъ. Однимъ изъ главныхъ занятій учрежденія, равносильнаго государственному совѣту или комитету министровъ было, во времена Павла I, разсматриваніе книгъ, доставляемыхъ изъ цензурныхъ комитетовъ съ болѣе или менѣе подробными донесеніями.

Въ первые годы девятнадцатаго столѣтія повѣяло свѣжимъ, весеннимъ воздухомъ и въ литературѣ, и въ жизни.

Литературѣ возвращены отнятыя у нея права; выражено полное сочувствіе ея благородному призванію — просвѣщать общество, возвышая его умственный и нравственный уровень. По понятіямъ лучшихъ людей того времени, *литература* должна идти рука объ руку съ *закономъ*, и области ихъ должны быть размежеваны такимъ образомъ, чтобы на долю закона осталась борьба съ преступленіями, а на долю литературы — борьба съ невѣжествомъ и предразсудками.

Иныя времена настали впослѣдствіи. Они принесли съ собою и другіе взгляды и другой образъ дѣйствій. Литературная дѣятельность подпала усиленному надзору, и какъ въ старые годы каждый печатный стихъ казался святымъ, такъ теперь стали смотрѣть на печатное слово какъ на что-то грѣшное, заключающее въ себѣ потаенный ядъ, особенно вредный для низшихъ слоевъ общества. Единственное спасеніе видѣли въ цензурѣ, вооружая ее всѣми средствами для противодѣйствія печатному злу.

Вслѣдствіе такой постановки вопроса, исторія цензуры является весьма существеннымъ и необходимымъ подспорьемъ для исторіи литературы. Значеніе цензурной дѣятельности слишкомъ мало оцѣнено въ этомъ отношеніи. Обыкновенно ограничиваются отрывочными извѣстіями о вещахъ курьезныхъ и забавныхъ, о подвигахъ корифеевъ цензурнаго хора, доказывающихъ, говоря словами поэта, что «геніи и въ тупоумьи есть». Но не въ этой исключительности и эксцентричности заключается историческій интересъ цензурныхъ мѣропріятій и приговоровъ. Стяжавшіе печальную извѣстность «геніи тупоумія» выражали болѣе ярко и наивно то, что ихъ сподвижники и вдохновители, болѣе смѣтливые и ловкіе, запутывали до такой степени, что трудно добраться до настоящаго смысла различныхъ хитросплетеній и фразъ. Суть дѣла заключается въ томъ, что, благодаря придирчивости цензуры, уцѣлѣло много чертъ, которыя исчезли бы безслѣдно и которыми дорожитъ исторія литературы потому, что въ нихъ отражается впечатлѣніе, производимое литературными трудами на читающее общество.

И въ самомъ дѣлѣ, много ли у насъ источниковъ, по которымъ можно было бы прослѣдить подобныя впечатлѣ-

нія? Статьи критическія? Но велико ли ихъ число, и всѣ ли они равнаго достоинства? Многія ли изъ нихъ служатъ дѣйствительнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, а не взглядовъ кружка, болѣе или менѣе замкнутаго? По вопросамъ литературнымъ изрѣдка слышались и голоса людей, вовсе непричастныхъ литературѣ и смотрѣвшихъ на нее съ точки зрѣнія общественныхъ и государственныхъ интересовъ. Какимъ бы диссонансомъ ни казался въ литературномъ кругу голосъ этихъ непризванныхъ цѣнителей и судей, во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ своего рода значеніе для характеристики тѣхъ понятій, изображенія которыхъ критика съ такою зоркостію ищетъ въ литературныхъ произведеніяхъ.

Въ цензурныхъ приговорахъ и соображеніяхъ, на которыхъ они основаны, отражаются болѣе или менѣе ярко понятія и взгляды, господствовавшіе въ ту или другую пору въ различныхъ слояхъ нашего общества. Многіе изъ этихъ приговоровъ построены на началахъ, имѣвшихъ большой вѣсъ въ бюрократическомъ мірѣ, въ кругу тѣхъ маленькихъ великихъ людей, на долю которыхъ выпадаютъ иногда довольно видныя роли въ общественной жизни. Люди эти считаютъ себя посвященными въ самую суть внутренней и внѣшней политики, и подъ ихъ подавляющимъ вліяніемъ складывается то, что служитъ рутинною мѣркою служебныхъ способностей и благонамѣренности. Но среди писаній, заплатившихъ обильную дань рутинѣ и страху передъ живою мыслью и независимымъ словомъ, встрѣчаются отрадныя и знаменательныя исключенія. Съ одной стороны, люди науки и писатели, призываемые отъ времени до времени къ участію въ цензурной дѣятельности, рѣшались, съ бо̀льшею или мѐньшею смѣлостью, отстаивать право и свободу научнаго изслѣдованія и художественнаго творчества. Съ другой стороны, и въ обществѣ, даже въ тѣхъ его кругахъ, откуда выбирались не только участники, но и руководители цензурнаго дѣла, выражаемо было сочувствіе къ умственному движенію, и слышался ропотъ на стѣснительныя мѣры противъ печатнаго слова. Отголосокъ этого сочувствія и оправданія этого ропота можно встрѣтить въ заявленіяхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на общественномъ поприщѣ и считавшихъ своимъ нравственнымъ долгомъ не скрывать истины и вы-

сказывать ее съ бо́льшею или ме́ньшею прямотою и настойчивостью.

Существеннымъ и въ высшей степени важнымъ источникомъ для изученія умственной и общественной жизни той или другой эпохи служатъ художественныя произведенія писателей. Не одно только содержаніе этихъ произведеній, но и самая судьба ихъ знакомитъ, въ бо́льшей или ме́ньшей степени, съ состояніемъ и движеніемъ умственной и общественной жизни. Еслибы подробно и критически разсмотрѣть всѣ обстоятельства и условія, при которыхъ замѣчательнѣйшія произведенія нашихъ писателей превращались изъ рукописныхъ въ печатныя, то навѣрно прибавилось бы не мало любопытныхъ и цѣнныхъ данныхъ для исторіи нашей литературы и образованности.

Особенно сильное впечатлѣніе на читающее общество производили сочиненія Гоголя. Ихъ живая связь съ дѣйствительностью бросалась въ глаза и давала поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ и сужденіямъ, къ самымъ восторженнымъ похваламъ и до крайности рѣзкимъ порицаніямъ.

1842 годъ ознаменованъ въ нашей литературѣ появленіемъ сочиненій Гоголя. Въ началѣ этого года изданы *Мертвыя души;* въ концѣ — полное собраніе сочиненій.

Когда *Мертвыя души* представлены были въ цензуру, цензурный комитетъ призналъ «содержаніе романа позволительнымъ»; разрѣшилъ напечатать даже «сомнительныя» мѣста; но потребовалъ, чтобы заглавіе было измѣнено такимъ образомъ: *Похожденія Чичикова или мертвыя души,* и чтобы разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ былъ вовсе выпущенъ изъ романа.

Къ числу мѣстъ «сомнительныхъ» отнесены слѣдующія:

1) Впрочемъ, хотя эти деревца (въ саду губернскаго города) были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ и широколиственныхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день, и что при этомъ было очень умилительно глядѣть, какъ сердце гражданъ трепетало въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ въ знакъ признательности къ г. градоначальнику.

2) Чичиковъ былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову, былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю.

3) Чичиковъ намекнулъ губернатору какъ-то вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя, и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы.

4) «Какъ хорошо, говорилъ Чичиковъ, губернаторъ вышиваетъ разные домашніе узоры. Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить».

5) «Въ нашемъ полку былъ поручикъ, который не выпускалъ изъ рта трубки, не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ»,—слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ.

6) «Они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія и что будто бы государь, узнавши о таковой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами»,—слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ.

7) «По существующимъ положеніямъ этого государства (Россіи), въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончившіи жизненное поприще, числятся, однако же, до подачи новой ревизской сказки наравнѣ съ живыми, чтобъ такимъ образомъ не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и безполезныхъ справокъ и не увеличить сложность и безъ того уже сложнаго государственнаго механизма»,—слова Чичикова. Комитетъ дозволилъ это мѣсто къ напечатанію не иначе, однакожъ, какъ съ прибавленіемъ къ словамъ: *наравнѣ съ живыми* — фразы: *хотя взамѣнъ того и вновь родившіеся не вносятся въ подушные списки.*

8) Чичиковъ говоритъ объ одномъ необразованномъ помѣщикѣ: да вѣдь теперь у тебя подъ властію мужики, ты съ ними въ ладу и, конечно, ихъ не обидишь, потому что они твои, тебѣ же будетъ хуже, а тогда бы были у тебя чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои, крѣпостные, или грабилъ бы ты казну.

9) Идите въ комнаты, сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукой, съ большой прорѣхой пониже.

10) Отецъ не любитъ офицеровъ, по старинному предубѣжденію, будто бы всѣ военные картежники и мотышки.

11) Услышавъ, что онъ (Чичиковъ) даже издержки по купчей принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актерками.

12) «Мужикъ зашивалъ государственную въ холостинные штаны». Комитетъ опредѣлилъ замѣнить слово государственную, словомъ ассигнацію.

13) Многіе (чиновники губернскаго города) сильно входили въ положеніе Чичикова и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ (умершихъ) ихъ чрезвычайно устрашала; стали опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полиціймейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что въ отвращеніе его существуетъ власть капитанъ-исправника, что капитанъ-исправникъ хоть самъ не ѣзди, а пошли на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до мѣста ихъ жительства.

14) Во время обѣдни у одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подальше, т. е. поближе къ паперти.

15) Ноздревъ (одно изъ дѣйствующихъ лицъ) былъ такъ отдѣланъ, какъ развѣ только плутъ староста или ямщикъ бываетъ отдѣланъ какимъ нибудь ѣзжалымъ опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно.

16) Одинъ полковникъ (за ужиномъ) подалъ дамѣ даже тарелку съ соусомъ на концѣ обнаженной шпаги.

17) Будочникъ, поймавъ у себя на воротникѣ какого-то

звѣря и подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ.

18) Сперва ученый подъѣзжаетъ столь (въ ученыхъ разсужденіяхъ) необыкновеннымъ подлецомъ? и проч...

19) Разсказъ объ устсысольскихъ купцахъ, убитыхъ въ дракѣ, и объ оправданіи судьями виновныхъ за взятку, также о томъ, что крестьяне — вшивая спѣсь — убили засѣдателя земскаго суда, въ чемъ, однакожъ, были оправданы палатою.

20) Почтмейстеръ губернскій имѣлъ обыкновеніе говорить: знаемъ мы васъ, генералъ-губернаторовъ! васъ, можетъ быть, три-четыре перемѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ сижу на одномъ мѣстѣ.

21) Вообще, мы какъ-то не созданы для представительныхъ засѣданій, трудно даже сказать почему это; видно уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобъ покутить или пообѣдать, какъ-то клубы и всякіе воксалы.

22) Знаемъ, батюшка, вы пальцами своими, можетъ быть, невѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ вещь требующая чистоты.

23) Англичанинъ стоитъ (на картинкѣ) и сзади держитъ на веревкѣ собаку и подъ собакой, разумѣется, Наполеонъ.

24) Поди ты съ человѣкомъ, не вѣритъ въ Бога, а вѣритъ, что если почешется переносье, то непремѣнно умрешь.

25) Порфирій (лакей) долженъ былъ чистить меделянскому щенку пупъ.

26) Обѣщался (одно изъ дѣйствующихъ лицъ) донести на священника, что перевѣнчалъ лабазника Михаила на кумѣ.

27) Чичиковъ показалъ такимъ образомъ прямо русскую изобрѣтательность, остающуюся только во время прижимокъ.

28) Скоро представилось Чичикову поле для взятокъ гораздо пространнѣе, образовалась коммиссія для построенія какого-то казеннаго весьма капитальнаго строенія и пр.

29) На мѣсто прежняго тюфяка былъ присланъ новый начальникъ, человѣкъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что зовется неправдой. Но такъ какъ все же онъ былъ человѣкъ военный, стало быть не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ предѣловъ, то чрезъ нѣсколько времени, посред-

ствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники и новый правдивый начальникъ скоро очутился еще въ рукахъ бо̀льшихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими? Чичиковъ ужъ никоимъ образомъ не могъ втереться, какъ ни старался и не стоялъ за него подстрекнутый письмами князя Хаванскаго первый секретарь, постигнувшій совершенно управленіе генеральскимъ носомъ, но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать.

30) Надобно сказать, что эта служба (таможенная) давно составляла тайный предметъ его (Чичикова) помышленій. Онъ видѣлъ, какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какіе фарфоры и батисты пересылали кумушкамъ, тетушкамъ и сестрамъ.

31) Онъ (Чичиковъ) получилъ чинъ и повышеніе, и вслѣдъ затѣмъ представилъ проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему даны средства; онъ открываетъ цѣлое общество контрабандистовъ, сближается съ ними и вмѣсто преслѣдованія беретъ съ нихъ огромную взятку.

32) Онъ (Чичиковъ) отыскивалъ — въ колесахъ и дышлахъ, и не вѣсть въ какихъ мѣстахъ, куда позволяется забираться однимъ таможеннымъ чиновникамъ.

33) Читатель, безъ сомнѣнія, слышалъ такъ часто повторяемую давнишнюю исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ чрезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліоны брабанскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ.

34) «Я статскій совѣтникъ, а не поповичъ»?—слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ.

35) Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капиталецъ, устраивая судьбу свою на счетъ другихъ и пр.

36) Какъ губернаторъ разбойникъ? сказалъ Чичиковъ и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть

въ разбойники.—И лицо разбойничье, сказалъ Собакевичъ, дайте только ему ножъ, да выпустите на большую дорогу—зарѣжетъ за копѣйку. Онъ, да еще вице-губернаторъ — это гогъ и магогъ.—Полиціймейстеръ мошенникъ, сказалъ Собакевичъ. Я ихъ знаю всѣхъ (чиновниковъ губернскаго города), это все мошенники—весь городъ тамъ такой мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы, прокуроръ свинья.

Чтобы удержать разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ, Гоголь долженъ былъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя перемѣны. Они напоминаютъ отчасти то уклоненіе отъ первоначальнаго сюжета, которое допустилъ Гоголь въ повѣсти *Шинель*, на основаніи чисто-художественныхъ соображеній. Извѣстно, что сюжетъ *Шинели* заимствованъ изъ дѣйствительнаго случая, изъ разсказа о чиновникѣ, мечтою котораго было пріобрѣсти ружье. Гоголь, какъ писатель-художникъ, замѣнилъ ружье шинелью—вещью необходимою для бѣдняка, потеря которой была для него истиннымъ, дѣйствительнымъ несчастіемъ. Въ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ измѣненъ характеръ дѣйствующаго лица. Изувѣченному горемыкѣ приданы черты, разсчитанныя на умаленіе его нравственнаго достоинства сравнительно съ лицомъ начальствующимъ, къ которому онъ обращается.

Въ первоначальной редакціи:

«Копѣйкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую нибудь Америку или Индію раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что пришелъ еще въ такое время, когда министръ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели и камердинеръ поднесъ ему какую нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній эдакихъ. Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре, какъ вотъ, входитъ, наконецъ, адъютантъ, или тамъ другой дежурный чиновникъ. «Министръ, говоритъ, сейчасъ выйдетъ въ пріемную». А въ пріемной понимаете, народу—какъ бобовъ на тарелкѣ. Все это не то, что нашъ братъ, холопъ: четвертаго класса, полковники, а кое-гдѣ и золотые макароны блестятъ на эполетахъ; гене-

ралитетъ, словомъ, такой... Вдругъ все засуетилось, пошло по комнатѣ шу-шу, шу-шу, и, наконецъ, тишина настала страшная. Входитъ министръ... ну, можете представить себѣ, государственный человѣкъ. Въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете, съ высокимъ постомъ... Все тутъ, разумѣется, что ни было, въ струнку. Разумѣется, все ждетъ рѣшенія, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы. Подходитъ къ одному, къ другому. «Зачѣмъ вы? что вамъ угодно? какое ваше дѣло?» Наконецъ, сударь мой, къ Копѣйкину. Копѣйкинъ: «Такъ и такъ», говоритъ, «проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу—осмѣливаюсь просить монаршей милости». Министръ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: «Хорошо», говоритъ, «понавѣдайтесь надняхъ». Дня черезъ три, черезъ четыре является онъ, судырь ты мой, къ министру. «Пришелъ», говоритъ, «узнать, такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь»... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. Министръ тотчасъ узналъ его. «А», говоритъ. «На этотъ разъ ничего не могу сказать болѣе, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда государя. Тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія насчетъ раненыхъ; а безъ монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сказать». Поклонъ, понимаете, и—прощайте! Копѣйкинъ, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи, въ нѣкоторомъ родѣ, сомнительномъ, не получивши, такъ сказать, ни да, ни нѣтъ. А между тѣмъ, можете вообразить себѣ, столичная жизнь становится для него съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Думаетъ себѣ: «Пойду опять къ министру! Какъ рѣшите, ваше превосходительство? Послѣдній кусокъ доѣдаю; не поможете—долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода». Словомъ, приходитъ онъ, сударь мой, опять. Говорятъ: «Нельзя! министръ не принимаетъ. Приходите завтра». На другой день то же. Швейцаръ на него, просто, смотрѣть не хочетъ. А между тѣмъ у него изъ синихъ-то, понимаете, ужъ остается только одна въ карманѣ. То бывало ѣдалъ щи, говядины кусокъ, а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую нибудь селедку, или огурецъ соленый, да хлѣба на два гроша. Словомъ, голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппе-

титъ просто волчій. Проходитъ мимо эдакаго, какого нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете представить, иностранецъ, французъ эдакой, съ открытой физіономіей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный, въ нѣкоторомъ родѣ, снѣгамъ, работаетъ фензервъ какой нибудь эдакой, котлетки съ трюфелями, словомъ, разсупе — деликатесъ такой, что, просто, себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдемъ ли мимо милютинскихъ лавокъ,—тамъ изъ окна выглядываютъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штука, арбузъ—громадище, дилижансъ эдакой высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей; словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ, относительно, такъ сказать, слюнки текутъ; а онъ жди. Такъ представьте себѣ его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо, подъ названіемъ завтра. Наконецъ, сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, не въ терпежъ; рѣшается, во что бы то ни стало, пролѣзть къ министру. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ съ своей деревяшкой въ пріемную. Министръ, по обыкновенію, выходитъ. «Зачѣмъ вы?... Зачѣмъ вы?... А! говоритъ, увидѣвши Копѣйкина, вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія».—«Помилуйте, ваше высокопревосходительство! не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба».—«Что же дѣлать! Я для васъ ничего не могу сдѣлать. Старайтесь, покамѣстъ, помочь себѣ сами, ищите сами средствъ».—«Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу отыскать, не имѣя ни руки, ни ноги?» Онъ то хотѣлъ прибавить: «А носомъ и подавно ничего не сдѣлаешь: только развѣ высморкаться, да и для того нужно купить платокъ!» Только министръ, сударь мой, или ужъ онъ ему надоѣлъ такъ, или въ самомъ дѣлѣ онъ, можетъ, занятъ былъ дѣлами государственными,—началъ, можете себѣ представить, сердиться. «Ступайте же! говоритъ. У меня много такихъ, какъ вы! Ожидайте покойно!» А мой Копѣйкинъ (голодъ, знаете, пришпорилъ его): «Какъ хотите, говоритъ, ваше высокопревосходительство!» Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя? Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще

не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, примѣра, чтобы какой нибудь Копѣйкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать, государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ? «Грубіянъ!» закричалъ онъ. Гдѣ фельдъегерь? Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!»

Въ измѣненной редакціи:

«Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ дежурный чиновникъ, говоритъ: «Сейчасъ начальникъ выйдетъ». А въ комнатѣ ужъ и эполетъ, и эксельбантъ, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Наконецъ, сударь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ—начальникъ въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ: подходитъ къ одному, къ другому: «Зачѣмъ вы, что вамъ угодно, какое ваше дѣло?» наконецъ, сударь мой, къ Копѣйкину. Копѣйкинъ: «Такъ и такъ», говоритъ, «проливалъ кровь, лишился въ нѣкоторомъ родѣ руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить, не будетъ ли какого вспомоществованія, какихъ нибудь эдакихъ распоряженій, насчетъ относительно, такъ сказать, вознагражденія, пенсіона, что ли», понимаете? Начальникъ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ и правый рукавъ пустой, пристегнутъ къ мундиру. «Хорошо», говоритъ, понавѣдайтесь надняхъ!» Копѣйкинъ мой въ восторгѣ: ну, думаетъ, «дѣло сдѣлано». Въ духѣ, можете вообразить, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару, зашелъ въ палкинскій трактиръ, выпилъ рюмку водки, *пообѣдалъ, сударь мой, въ Лондонѣ, приказалъ подать себѣ котлетку съ каперсами, пулярку съ разными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, однимъ словомъ—кутнулъ во всю лопатку, такъ сказать. На тротуарѣ видитъ идетъ какая-то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, эдакой. Мой Копѣйкинъ—кровь-то, знаете, разъигралась—побѣжалъ было за ней на своей деревяшкѣ, трихъ-трахъ слѣдомъ, да нѣтъ, подумалъ: на время къ чорту волокитство? пусть послѣ, когда получу пенсіонъ;* теперь уже я что-то слишкомъ расходился». А промоталъ

онъ, между тѣмъ, прошу замѣтить, въ одинъ день чуть не половину денегъ! Дни черезъ три-четыре является онъ, сударь ты мой, въ коммиссію, къ начальнику. «Пришелъ, говоритъ, узнать: такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь»... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. «А что? говоритъ начальникъ, прежде всего я долженъ вамъ сказать, что по дѣлу вашему безъ разрѣшенія высшаго начальства ничего не можемъ сдѣлать. Вы сами видите, какое теперь время. Военныя дѣйствія, относительно, такъ сказать, еще не кончились совершенно. Обождите пріѣзда господина министра, потерпите. Тогда, *будьте увѣрены*, вы *не будете оставлены. А если вамъ нечѣмъ жить, такъ вотъ вамъ, говоритъ, сколько могу*»... Ну и, понимаете, далъ ему, конечно, немного, но съ умѣренностью стало бы протянуться до дальнѣйшихъ тамъ разрѣшеній. Но Копѣйкину моему не того хотѣлось. Онъ-то уже думаетъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ тысячный какой нибудь эдакой кушъ: «На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись»; а вмѣсто того—жди. А ужъ у него, понимаете, въ головѣ и англичанка, и суплеты, и котлеты всякія. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, котораго поваръ облилъ водой,—и хвостъ у него между ногъ, и уши повисли. Жизнь-то петербургская его уже поразобрала, кое-что онъ и попробовалъ. А тутъ живи, чортъ знаетъ какъ, сластей, понимаете, никакихъ. Ну, а человѣкъ-то свѣжій, живой, аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо эдакаго какого нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете представить, иностранецъ, французъ эдакой, съ открытой физіономіей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизной равный въ нѣкоторомъ родѣ снѣгамъ, работаетъ фензервъ какой нибудь эдакой, котлетки съ трюфелями, словомъ — разсупе-деликатесъ такой, что, просто, себя, то есть съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо милютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штука, арбузъ-громадище, дилижансъ эдакой высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей; словомъ—на всякомъ шагу соблазнъ, относительно, такъ сказать, слюнки текутъ, а онъ—жди. Такъ представьте себѣ его по-

ложеніе, тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названіемъ завтра. «Ну ужъ, думаетъ, какъ они тамъ себѣ хотятъ, а я пойду, говоритъ, подыму всю комиссію, всѣхъ начальниковъ, скажу: какъ хотите!» И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ назойливый, наянъ эдакой, толку-то, понимаете, въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ комиссію: «Ну, что, говорятъ, зачѣмъ еще? вѣдь вамъ уже сказано?»—«Да что? говоритъ, я не могу, говоритъ, перебиваться кое-какъ. Мнѣ нужно, говоритъ, съѣсть котлетку, бутылку французскаго вина, поразвлечь тоже себя, въ театръ, понимаете».—«Ну, ужъ, говоритъ начальникъ, извините. Насчетъ этого есть, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, терпѣніе. Вамъ даны пока средства для прокормленія, покамѣстъ выдетъ резолюція и, безъ сомнѣнія, вы будете вознаграждены, какъ слѣдуетъ; ибо не было еще примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человѣкъ, приносившій, относительно, такъ сказать, услугу отечеству, былъ оставленъ безъ призрѣнія. Но если вы хотите теперь же лакомить себя котлетками и въ театръ, понимаете, такъ уже тутъ, извините. Въ такомъ случаѣ, ищите сами себѣ средствъ, старайтесь сами себѣ помочь». Но Копѣйкинъ мой, можете вообразить себѣ, и въ усъ не дуетъ. Слова-то ему эти, какъ горохъ къ стѣнѣ: шумъ поднялся такой, всѣхъ распушилъ; всѣхъ тамъ этихъ секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить: «Да вы, говоритъ, то, говоритъ, да вы говоритъ, это! говоритъ, да вы, говоритъ, обязанностей своихъ не знаете! да вы, говоритъ, законопродавцы! говоритъ!» Всѣхъ отшлепалъ. Тамъ какой-то чиновникъ, понимаете, подвернулся изъ какого-то, даже вовсе посторонняго вѣдомства—онъ, сударь мой, и его. Бунтъ поднялъ такой! Что прикажете дѣлать съ эдакимъ чортомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно такъ сказать, къ мѣрамъ строгости. «Хорошо, говоритъ, если вы не хотите довольствоваться тѣмъ, что даютъ вамъ и ожидать спокойно, въ нѣкоторомъ родѣ, здѣсь въ столицѣ, рѣшенья вашей участи, такъ я васъ препровожду на мѣсто жительства. Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!»

Такое измѣненіе удовлетворило цензурнымъ требованіямъ

и повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ въ новомъ ея видѣ разрѣшено было печатать. Запрещеніе и снятіе его мотивировано такимъ образомъ: «Въ первой, запрещенной, редакціи «представленъ былъ раненый офицеръ, *сражавшійся съ честью за отечество,* человѣкъ простой, но *благородный,* пріѣхавшій въ Петербургъ хлопотать о пенсіи. Здѣсь сначала какой-то изъ важныхъ государственныхъ людей принимаетъ его довольно ласково, обѣщаетъ ему пенсію, и т. д. Наконецъ, на жалобы офицера, что ему нечего ѣсть, отвѣчаетъ: «такъ промышляйте сами себѣ какъ знаете». Вслѣдствіе этого Копѣйкинъ дѣлается атаманомъ разбойничьей шайки. Нынѣ авторъ, оставивъ главное событіе въ такомъ самомъ видѣ, какъ оно было, измѣнилъ характеръ главнаго дѣйствующаго лица въ своемъ разсказѣ: онъ представляетъ его человѣкомъ *безпокойнымъ, буйнымъ, жаднымъ къ удовольствіямъ,* который заботится не столько о средствахъ прилично существовать, сколько о средствахъ удовлетворять своимъ страстямъ, такъ что *начальство находится, наконецъ, въ необходимости выслать его изъ Петербурга.* Комитетъ опредѣлилъ: эпизодъ сей дозволить къ напечатанію въ такомъ видѣ, какъ онъ изложенъ авторомъ».

Появленіе *Мертвыхъ душъ* было неожиданною новостью для высшихъ слоевъ нашего общества. Не хотѣли вѣрить, что книга Гоголя появилась въ печати подобно всякой другой книгѣ, безъ какихъ-либо затаенныхъ цѣлей не только со стороны автора, но даже со стороны властей. Одно изъ высокопоставленныхъ лицъ обратилось къ министру народнаго просвѣщенія для разъясненія загадочнаго событія. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма этого лица: «Надняхъ, прочитывая новую поэму Гоголя: *Похожденія Чичикова или Мертвыя души,* я останавливался на многихъ мѣстахъ, которыя, не смотря на свою занимательность и юморъ, не могли, какъ я думаю, быть дозволены къ напечатанію безъ особеннаго высшаго разрѣшенія и съ какою-либо особенною цѣлію. Новое произведеніе Гоголя обратило на себя всеобщее вниманіе и, конечно, будетъ подвергнуто разнымъ толкованіямъ и критикѣ. Въ семъ случаѣ цензура поставлена будетъ въ затрудненіе, потому что не имѣетъ указанія, при какихъ обстоятельствахъ дозволено напечатаніе означенной поэмы».

Министръ просвѣщенія С. С. Уваровъ разъяснилъ, что *Мертвыя души* Гоголя разсмотрѣны и пропущены на общихъ основаніяхъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться и при разсмотрѣніи критическихъ статей о новомъ произведеніи Гоголя.

Изданіе полнаго собранія сочиненій Гоголя, предпринятое въ 1842 году, было сопряжено съ большими затрудненіями, вслѣдствіе весьма печальной случайности. Въ то время, когда разсматривались эти сочиненія, два цензора—профессоры: А. В. Никитенко и С. С. Куторга были «арестованы съ посаженіемъ на гауптвахту» за пропускъ одной повѣсти въ журналѣ: «Сынъ Отечества» (№ 8). Повѣсть эта называется: *Гувернантка;* авторъ ея—П. Еф—скій. Содержаніе повѣсти самое безобидное и самое благонамѣренное. Дочь генерала, получившая образованіе въ институтѣ и не имѣющая никакихъ средствъ къ существованію, идетъ въ гувернантки, чтобы трудами своими содержать старушку-мать. Къ несчастію для себя и для матери, дѣвушка попала въ домъ откупщика и подвергалась всевозможнымъ оскорбленіямъ въ грубой откупщичьей семьѣ. Но является добрый ангелъ въ лицѣ благовоспитаннаго молодого человѣка и освобождаетъ ни въ чемъ неповинную страдалицу, предлагая ей и сердце, и руку. Свадьба затягивается оттого, что ни женихъ, ни невѣста не соглашаются на бракъ безъ благословенія матери жениха. Посредствомъ самой благонамѣренной мистификаціи мать жениха получаетъ возможность какъ нельзя ближе узнать невѣсту своего сына и, убѣдившись въ ея прекрасныхъ свойствахъ, не только даетъ согласіе на бракъ, но и видитъ въ этомъ союзѣ величайшее счастье, посылаемое небомъ ея сыну. Вотъ и все содержаніе повѣсти, изобилующей сценами и разсужденіями самаго нравственнаго и назидательнаго свойства. За что же такая кара постигла ученыхъ, пропустившихъ такую, повидимому, невинную рукопись? Въ письменномъ извѣщеніи объ этомъ печальномъ событіи сказано только: «за нѣкоторыя выраженія», а за какія именно—не обозначено. По устному же разъясненію графа Бенкендорфа, сдѣланному имъ въ бесѣдѣ

съ потерпѣвшими лицами, предосудительными признаны слѣдующія мѣста въ описаніи «бала на Пескахъ»:

«Я васъ спрашиваю, чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъ-егеря, огромнаго, съ блестящимъ, совсѣмъ новымъ аксельбантомъ? Считая себя военнымъ и — что еще лучше—кавалеристомъ, господинъ фельдъ-егерь имѣетъ полное право думать, что онъ очень интересенъ, когда побрякиваетъ шпорами и крутитъ усы, намазанные фиксатуаромъ, котораго розовый запахъ пріятно обдаетъ и его самого, и танцующую съ нимъ даму... Остальные шесть кавалеровъ были: прапорщикъ строительнаго отряда путей сообщенія, съ огромными эполетами, высокимъ воротникомъ и еще высшимъ галстухомъ; почти такого же вида, пожилыхъ лѣтъ прапорщикъ изъ военныхъ топографовъ», и т. д.

По объясненію графа Бенкендорфа, арестъ вызванъ жалобою графа Петра Андреевича Клейнмихеля, увидѣвшаго въ приведенныхъ строкахъ оскорбленіе лицъ, служащихъ по ввѣренному ему вѣдомству. Съ своей стороны, графъ Бенкендорфъ не только не выразилъ сочувствія взгляду графа Клейнмихеля, но и обѣщалъ все свое содѣйствіе для скорѣйшаго освобожденія арестованныхъ. Повидимому, ходатайство его увѣнчалось успѣхомъ и арестъ продолжался не болѣе сутокъ.

Тѣмъ не менѣе, слѣды этого прискорбнаго происшествія обнаружились и весьма рѣзко, и весьма скоро. На бѣду для русской литературы, именно въ это время надо было разсматривать въ цензурномъ отношеніи сочиненія Гоголя. Напуганный исторіею съ «Гувернанткою», цензурный комитетъ былъ поставленъ въ чрезвычайное затрудненіе: если и повѣсть П. Еф—скаго навлекла гнѣвъ министра, то въ повѣстяхъ и драмахъ Гоголя сколько поводовъ для заявленій отъ всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ, отъ всѣхъ учрежденій и вѣдомствъ. Было надъ чѣмъ призадуматься.

Въ полномъ собраніи сочиненій Гоголя возбудили опасенія слѣдующія мѣста, а также и общее содержаніе нѣкоторыхъ произведеній, а именно:

I. *Шинель*, повѣсть, въ которой представленъ бѣдный и жалкій чиновникъ, служащій въ какомъ-то департаментѣ, крайне съ ограниченными способностями и потому осужден-

ный на вѣчную переписку канцелярскихъ бумагъ. Характеръ этого чиновника возбуждаетъ участіе читателя своимъ простодушіемъ, безропотною покорностію своему жребію и тою незавидною ролею, какую судьба назначила ему играть въ общественномъ и нравственномъ порядкѣ вещей. «Не презирайте братій своихъ, какъ бы они слабы и малы ни были по своимъ душевнымъ силамъ и значенію въ свѣтѣ», вотъ нравственная идея, коею проникнуто все сочиненіе. Положенія, въ кои авторъ вводитъ своего героя, иногда комическія, иногда возбуждающія сострадание. У бѣднаго чиновника все почти имущество состоитъ въ платьѣ, которое онъ носитъ. Къ ужасу своему, онъ однажды замѣтилъ, что шинель его, необходимѣйшая часть его одежды для посѣщенія департамента, дѣлается совершенно негодною къ употребленію. Въ сердцѣ его поселилась страшная забота, какъ добыть новую шинель. Долго мучился онъ, отказалъ себѣ въ половинѣ обычной пищи, уменьшивъ другія изъ своихъ малыхъ издержекъ, и достигъ, наконецъ, того, что русскій портной, характеръ коего превосходно очерченъ въ повѣсти, сшилъ ему новую шинель. Акакій Акакіевичъ (имя героя повѣсти) блаженствовалъ въ новой шинели, которая исполнила всѣ надежды и замѣнила ему всѣ радости жизни. Но блаженство это недолго продолжалось. Однажды онъ возвращался домой поздно ночью, на него напали воры и отняли шинель. Акакій Акакіевичъ едва не лишился послѣдней капли удѣленнаго ему природою разсудка. Однакожъ онъ рѣшается дѣйствовать, отыскивать свое сокровище. Частный приставъ, къ которому онъ обратился, принимаетъ его очень сухо; онъ рѣшается прибѣгнуть къ покровительству *одного значительнаго лица,* чтобы походатайствовало за него у оберъ-полицiймейстера. Значительное лицо встрѣчаетъ его бранью, и бѣдный чиновникъ съ отчаянія умираетъ. Въ городѣ распространился слухъ, будто умершій чиновникъ бродитъ по ночамъ у какого-то моста и въ отмщеніе за свою утрату снимаетъ шинели съ проходящихъ. Разумѣется, этотъ слухъ былъ распущенъ ворами, которые распоряжались тутъ отъ имени мертвеца.

Мѣста изъ повѣсти, представленныя на особенное вниманіе цензурнаго комитета:

1) Еслибы, соразмѣрно рвенію Акакія Акакіевича, давали ему награды, онъ бы, къ изумленію своему, можетъ быть, даже попалъ въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки, его же товарищи, пряжку въ петлицу, да нажилъ геморой въ поясницу.

2) Въ одномъ обществѣ (по причинѣ недостатка матеріаловъ для разговора) пересказывали вѣчный анекдотъ о комендантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконетова монумента.

3) При встрѣчѣ съ нею, гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испустивши какой-то особый голосъ.

4) Кухарка совѣтовала Акакію Акакіевичу идти (съ жалобой о пропавшей шинели) прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщаетъ и станетъ водить.

5) Чиновники рѣшились собрать на шинель Акакію Акакіевичу по подпискѣ сумму, но собрали самую бездѣлицу, потому что они и безъ того уже много истратились, подписываясь на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю.

6) Хоть и можетъ случиться, что квартальный, желая заслужить одобреніе начальства, отыщетъ какимъ нибудь средствомъ шинель (отнятую ворами у Акакія Акакіевича), но шинель все-таки останется въ полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ, что она принадлежитъ ему.

7) Значительное лицо, человѣкъ женатый, у котораго есть взрослые сынъ и дочь, ѣздитъ къ какой-то любезницѣ Каролинѣ Ивановнѣ.

8) Привидѣніе, т. е. воръ, грабившій по ночамъ у прохожихъ шинели у Калинкина моста, носило преогромные усы и проч.

II. *Женитьба.* Комедія, нѣчто въ родѣ очерка нравовъ изъ низшаго чиновническаго и мѣщанскаго быта въ Петербургѣ, гдѣ комическія стороны людей представлены въ юмористическихъ каррикатурахъ, безъ всякой, впрочемъ, неблагонамѣренной цѣли, съ намѣреніемъ больше позабавить читателей и зрителей возможностію нелѣпыхъ понятій и по-

ступковъ среди людей извѣстнаго круга, чѣмъ изобразить дѣйствительные предметы и лица.

Цензоръ Никитенко обратилъ особенное вниманіе комитета на слѣдующія мѣста комедіи:

1) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы говоритъ: «плевать на того, кто стыдится быть купцомъ; да не выдамъ же дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! а и сына не отдамъ на службу. Развѣ купецъ не служитъ государю, какъ и всякой другой».

2) Жевакинъ, морской офицеръ, говоритъ: «у насъ вся эскадра, всѣ офицеры и матросы, всѣ были съ престранными фамильями: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Перепрѣевъ лейтенантъ. А одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамильи просто Дырка. И капитанъ, бывало, говоритъ: «ты. Дырка, поди сюда. И, бывало, всегда надъ нимъ подшутишь: охъ, ты, дырка, эдакой, говоришь».

3) Одинъ чиновникъ, грубый и хвастунъ, говоритъ: «директоръ такъ только для вида поставленъ, и всѣ дѣла дѣлаетъ онъ». (Подколесинъ, пріятель говорящаго).

4) «Мнѣ плевали, говоритъ Кочкаровъ, человѣкъ буйнаго характера, мнѣ плевали нѣсколько разъ, ей-Богу. Еще не такъ давно мой начальникъ,—я до тѣхъ поръ надоѣлъ ему о прибавкѣ жалованья, пока, наконецъ, онъ не вынесъ, плюнулъ въ самые глаза: «вотъ тебѣ, говоритъ, твоя прибавка, отвяжись, сатана. А жалованья, однакожъ, все-таки прибавилъ».

III. *Утро дѣлового человѣка.* Юмористическая и сатирическая картина нравовъ, гдѣ выставленъ лицемѣръ чиновникъ, увѣряющій всѣхъ, что онъ заваленъ дѣлами по службѣ, между тѣмъ какъ онъ ничего не дѣлаетъ и проводитъ большую часть своего времени за вистомъ съ пріятелями.

Отдѣльныя мѣста пьесы:

1) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «Не терплю я людей такого рода; ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой сякой, и то надѣлалъ, и это поправилъ. Вишь чего захотѣлъ — ордена! и вѣдь получитъ, получитъ, мошенникъ, получитъ, — такіе люди всегда успѣваютъ».

2) Дѣйствующее лицо Пролетовъ говоритъ: «Павелъ Петровичъ произведенъ. А? каково! взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ воръ, обокралъ казну».

3) «У насъ въ полку былъ поручикъ, вотъ какъ двѣ капли воды похожъ на васъ (говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ другому), пьяница страшнѣйшій! дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита».

IV. *Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія комедіи.* Содержаніе этой пьесы слѣдующее: Авторъ сыгранной на театрѣ комедіи, въ которой современные нравы нѣкоторыхъ сословій представлены весьма съ невыгодной стороны, выходитъ, по окончаніи спектакля, въ театральный корридоръ и, никому неизвѣстный, прислушивается тамъ къ сужденіямъ зрителей о его пьесѣ. Мимо его проходятъ лица разныхъ сословій, чиновъ, возрастовъ; всѣ говорятъ о новой комедіи, иные хвалятъ ее, но большая часть зрителей бранятъ автора за то, что онъ такъ рѣзко обрисовалъ разные пороки общества и злоупотребленія общественныхъ должностей. Многіе изъ посѣтителей театра, не принимая всего этого прямо на свой счетъ, видятъ, однакожъ, въ изображеніяхъ автора оскорбленіе своихъ сословій, званія, народа и самого правительства. Другія лица, представители идей автора, возражаютъ на это и стараются доказать, что сатирическое обличеніе порочныхъ и дурныхъ людей, неизбѣжныхъ во всякомъ сословіи, нимало не относится къ самымъ сословіямъ, что оно не только не противно нравственности и общественному благу, но, напротивъ, содѣйствуетъ имъ, стараясь освободить общество отъ плутовъ и негодяевъ, и что чѣмъ ярче и разительнѣе выставлены пороки, тѣмъ больше произведутъ они отвращеніе.

Отдѣльныя мѣста статьи, поставленныя на судъ цензурному комитету:

1) Одинъ офицеръ, говоря о другомъ, спрашиваетъ: «что, глупъ?» На это отвѣчаетъ ему одно изъ дѣйствующихъ лицъ: нѣтъ не то чтобы, у него есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка и въ головѣ ничего.

2) «Наши комики не могутъ никакъ обойтись безъ того, чтобы не вмѣшивать начальствъ. Безъ нихъ у насъ не раз-

вяжется ни одна комедія». На это отвѣчаетъ другое лицо: «Это правда. А, впрочемъ, съ другой стороны это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ, интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало быть не мудрено, что это отражается въ созданіяхъ нашихъ писателей». «Такъ, ну пусть эта связь будетъ слышна. Но смѣшно то, что пьеса никакъ не можетъ кончиться безъ того, чтобъ не вмѣшать начальства. Оно непремѣнно явится точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ». «Ну видите: стало быть это уже что-то невольное у нашихъ комиковъ. Стало быть это составляетъ какой-то отличительный характеръ нашей комедіи; въ груди нашей заключается какая-то тайная вѣра въ правительство. Что-жъ? Тутъ нѣтъ ничего дурного: дай Богъ, чтобъ правительство вездѣ и всегда слышало призваніе свое: быть представителемъ Провидѣнія на земли, чтобы мы вѣровали въ него какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленіе».

3) Сужденія одного изъ бывшихъ въ театрѣ о новой комедіи: «Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ, это отвратительная насмѣшка надъ Россіею—вотъ что. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самыя начальства. Просто даже не слѣдуетъ дозволять такихъ представленій». (Уходитъ).

4) Я слышалъ одно замѣчаніе, сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ довольно порядочнымъ человѣкомъ: «А, что скажетъ народъ, когда увидитъ, что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія».

ГОСПОДИНЪ А.

Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ: и что скажетъ народъ нашъ глядя на все это.

ОЧЕНЬ СКРОМНО ОДѢТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Что скажетъ народъ? (посторанивается, проходятъ двое въ армякахъ).

СИНІЙ АРМЯКЪ СѢРОМУ.

Небось прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа! (Оба выходятъ вонъ).

ОЧЕНЬ СКРОМНО ОДѢТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Вотъ что скажетъ народъ, вы слышали.

ГОСПОДИНЪ А.

Что?

ОЧЕНЬ СКРОМНО ОДѢТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Скажетъ: небось прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа. Слышите ли какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣка. Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, и черпаетъ ихъ изъ самой природы человѣка. Да развѣ это не очевидно, ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство. Да, для него нужны такія представленія. Пусть онъ отдѣлитъ правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око! Что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что поблѣднѣютъ предъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выдетъ утѣшенный послѣ такого представленія съ твердой вѣрой въ недремлющій, высшій законъ. Мнѣ нравится то же замѣчаніе: народъ получилъ дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ. То есть они соображаютъ, что народъ только здѣсь въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ. Что если дома какой нибудь плутъ староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ. Они, право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, глупымъ до такой степени, что будто онъ уже не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ и который съ кашей. Нѣтъ, теперь, мнѣ кажется, даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ. Выстави ему при множествѣ дурныхъ

сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенія и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это можетъ быть.

ГОСПОДИНЪ П.

Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь, напримѣръ, выведутъ какого нибудь титулярнаго совѣтника, и потомъ...э... пожалуй, выведутъ... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

ГОСПОДИНЪ В.

Ну, такъ что-жъ? личность только должна быть неприкосновенна, и если я выдумалъ собственное лицо и придалъ ему кое-какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказалъ бы, что этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не таковъ какъ слѣдуетъ. Что-жъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками.

ШТАТСКІЙ.

6) Вѣдь вотъ вы какіе, господа военные! Вы говорите: это нужно выводить на сцену, вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ нибудь штатскимъ чиновникомъ. А затронь какъ нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ-то полку офицеръ, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ, но просто скажи, есть офицеры дурного тона съ неприличными ухватками, да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ.

ВОЕННЫЙ.

Ну, послушайте; за кого же вы меня считаете. Конечно, есть между нами такіе донкишоты, но, вѣрьте, также, что есть много истинно разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда, если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣяніе порочащій свое званіе. Да и въ чемъ здѣсь обида. Подавайте, подавайте намъ его, мы всякій день готовы смотрѣть.

ВТОРАЯ ДАМА.

7) Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ, я слышала безпрестанно, какъ около насъ кричали: это отвратительная насмѣшка надъ Россіею, насмѣшка надъ правительствомъ! Да какъ это позволить, да что скажетъ народъ. А отчего они кричали? Оттого ли, что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? Извините. Оттого, чтобы произвесть шумъ, чтобы запретить пьесу, потому что въ ней можетъ быть отыскали кое-что похожее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари.

ПЕРВЫЙ.

8) Вотъ что они думаютъ: за такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ.

ПЕРВЫЙ.

9) Не знаешь какой генералъ долженъ быть какой нибудь извѣстный.

ВТОРОЙ.

Не знаю, я никогда не видывалъ его.

ЧИНОВНИКЪ РАЗГОВОРЧИВАГО СВОЙСТВА (подхватывая сзади).

«Просто статскій совѣтникъ. По мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастіе: въ пятнадцать лѣтъ службы Владиміра, Анну, Станислава, 3,000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ коммиссіи, да еще по департаменту».

НЕВЗРАЧНЫЙ, НО ЯДОВИТАГО СВОЙСТВА ГОСПОДИНЪ.

10) То, что нравственность каждый мѣряетъ относительно къ себѣ. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ, другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь обыкновенно, какъ говоритъ всякій изъ нашей братьи своимъ подчиненнымъ? съ высока говоритъ: милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, Государя, отечества, а ты, молъ, ужъ самъ раз-

судилъ относительно чего. Впрочемъ, это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если явится у кого нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отчего. Все отъ честности, не правда ли?

ТРЕТІЙ ГОСПОДИНЪ.

11) Еще бы! это серьезная вещь! говорятъ: бездѣлушки, пустяки, театральное представленіе. Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки, на это обратить нужно строгое виманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да еслибы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Всѣ приведенныя мѣста комитетъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и обсужденія въ четырехъ засѣданіяхъ, дозволилъ напечатать; дозволеніе мотивировано слѣдующими соображеніями и основаніями:

1) Всѣ сочиненія, юмористическія или сатрическія, въ формѣ повѣстей или драмы, изображающія пороки, смѣшныя, грубыя стороны общественныхъ нравовъ и злоупотребленія сословій, разсматриваемыя единственно съ нравственной точки зрѣнія, а не съ политической, — сочиненія, клеймящія позоромъ низость, пронырство по службѣ, лихоимство, своекорыстіе, жертвующее самыми священными обязанностями человѣка и гражданина личнымъ разсчетамъ и видамъ — всѣ такія сочиненія допускаемы были у насъ, какъ одно изъ средствъ къ нравственному усовершенствованію и очищенію общества, которое, къ несчастію, нигдѣ и никогда не бываетъ изъято отъ подобныхъ болѣзней, недоступныхъ карѣ закона и врачуемыхъ единственно преданіемъ ихъ на всеобщее презрѣніе и посмѣяніе. Въ эпоху, когда еще въ Россіи не существовала литература и когда, слѣдовательно, нельзя еще было прибѣгать для сей цѣли ни къ сатирѣ, ни къ драмѣ, безсмертный преобразователь Петръ Великій установлялъ цѣлыя процессіи, игры, въ коихъ были осмѣиваемы и порицаемы многіе странные, закоснѣлые предразсудки и пороки нашихъ предковъ. Впослѣдствіи, когда, по упредительному наитію его генія, пробудилась въ Россіи умственная дѣятельность, а съ нею возникла и литература, первыми ея по-

двигами было подвергнуть публичному осмѣянію все, что не могло уже отвѣтствовать начавшемуся великому нравственному перерожденію и развитію народа. Такимъ образомъ Кантемиръ сильно и явно возставалъ противъ невѣжества и грубыхъ пороковъ своего времени, преслѣдуя ихъ вездѣ и болѣе въ первенствующихъ сословіяхъ, не щадя знатныхъ и самаго духовенства. Сумароковъ нападалъ на разныя злоупотребленія въ кругу административныхъ лицъ и въ судахъ, Фонвизинъ былъ страшнымъ бичемъ этого зла, а въ своемъ «Недорослѣ» и «Бригадирѣ» въ сильныхъ и рѣзкихъ чертахъ изобразилъ дикіе нравы русскаго дворянства, стоявшаго тогда на рубежѣ между новыми формами образованности и обычаями старины. Державинъ грозно порицалъ въ своихъ сатирическихъ одахъ вельможъ, коихъ поступки не согласны съ высокимъ ихъ призваніемъ. Впослѣдствіи комедія Капниста «*Ябеда*» обнажила отвратительныя тайны злоупотребленій въ судахъ; издавался журналъ подъ названіемъ: *Адская почта*, съ цѣлію осмѣивать все низкое и нелѣпое въ современныхъ нравахъ; знаменитый Крыловъ, изображая пороки людей въ своихъ басняхъ, мѣтитъ часто на обстоятельства и событія современнаго общества. Такое постоянное и сатирическое направленіе большей части нашей литературы было естественнымъ слѣдствіемъ новаго порядка вещей, воздвигнутаго Петромъ Великимъ. Россія, пробужденная отъ вѣкового сна своимъ пересоздателемъ, прозрѣла и устыдилась черныхъ пятенъ, оставленныхъ на ней тяжкимъ ярмомъ татарскаго владычества; не вдругъ могли изгладиться слѣды нравственнаго уничиженія, противныя нашему народному духу, нашему политическому значенію и державной волѣ нашихъ вѣнценосныхъ путеводителей ко всему великому и благому; эти слѣды однакожъ надо было изглаживать, надобно было даже умѣрять страсть къ новому, которое принимали слѣпо изъ чужеземныхъ источниковъ; однимъ словомъ, надобно было исправлять нравы, еще возникающіе, иное гнать строго, другое осмѣивать остроумно или рѣзко, и такимъ образомъ многіе изъ нашихъ писателей, увлеченные сею потребностію, начали дѣйствовать въ духѣ сатиры. 1812 годъ, возвысившій Россію на такую степень славы, указавшій ей будущность, какой едвали народъ на землѣ

былъ удостоенъ промысломъ, вмѣстѣ съ глубокимъ сознаніемъ силъ и достоинства, пробудилъ въ обществѣ всеобщее живое стремленіе къ нравственному и умственному усовершенію и тѣмъ самымъ сдѣлалъ необходимѣе нравственныя мѣры противъ всего, что остается еще отъ старыхъ грѣховъ минувшаго и что уже несовмѣстно съ значеніемъ великаго прославленнаго народа. Писатели съ новымъ жаромъ и одушевленіемъ начали выставлять на всеобщее зрѣлище, для осмѣянія и кары, все не нравственное, нелѣпое, грубое въ нравахъ и образѣ мыслей, тѣхъ особенно классовъ обществъ, куда еще не вполнѣ проникъ свѣтъ истиннаго образованія. Явилось «Горе отъ ума», «Ревизоръ» Гоголя, «Мертвыя души» — его же, множество повѣстей и романовъ Сенковскаго, Бѣгичева, Загоскина, Даля, и проч., которые всѣ, съ бо̀льшею или мѐньшею силою, съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ талантомъ, устремились къ одной цѣли изображать въ разныхъ сословіяхъ то, что несовмѣстно съ ихъ назначеніемъ. Цензурный комитетъ, не имѣя ни силъ, ни права остановить таковое всеобщее направленіе литературы, ни особенныхъ указаній со стороны высшаго правительства, которыя бы требовали подобной мѣры, полагалъ и въ настоящемъ случаѣ относительно вышесказанныхъ сочиненій Гоголя, руководствоваться тѣмъ же § 14-мъ устава о цензурѣ, которымъ онъ руководствовался донынѣ и въ коемъ изображено: «охраняя личную честь каждаго отъ оскорбленій и подробности домашней жизни отъ нескромнаго и предосудительнаго обнародованія, цензура не препятствуетъ, однако же, печатанію сочиненій, въ коихъ подъ общими чертами осмѣиваются пороки и слабости, свойственные людямъ въ разныхъ возрастахъ, званіяхъ и обстоятельствахъ жизни».

Комитетъ находилъ, что въ сочиненіяхъ Гоголя и приведенныхъ изъ нихъ мѣстахъ, ни на чье лицо не указывается, что пороки, имъ выставляемые, относятся *къ людямъ вообще въ разныхъ званіяхъ и обстоятельствахъ жизни*, и потому, примѣняя вышеизложенный законъ къ симъ сочиненіямъ, полагалъ себя не въ правѣ препятствовать ихъ печатанію.

2) Обнимая помянутое общее сатирическое и юмористическое направленіе нашей литературы, комитетъ естественно

долженъ прійти къ новому соображенію: охраняя личную честь каждаго, онъ тѣмъ болѣе долженъ заботиться объ охраненіи чести цѣлыхъ сословій. Къ сожалѣнію, комитетъ не имѣлъ въ виду по сему предмету никакого положительнаго правила: что именно, какой способъ выраженія, или картины какихъ недостатковъ, пороковъ и злоупотребленій, должно считать оскорбляющими такое или другое сословіе? Между тѣмъ каждая статья въ журналахъ, каждая повѣсть и романъ, поступившіе въ цензуру, наполнены дѣйствующими лицами, часто съ невыгодной стороны выставленными и въ то же время непремѣнно относящимися къ какому либо сословію. По самому свойству сего рода литературныхъ произведеній, умѣряя по возможности выраженія, комитетъ находился тѣмъ не менѣе въ величайшемъ затрудненіи: ему пришлось бы запрещать почти каждую изъ разсматриваемыхъ имъ сочиненій; а съ другой стороны онъ видѣлъ, какъ явствуетъ изъ перваго пункта сего донесенія, сколь много уже въ разныя времена допущено въ русской литературѣ сочиненій, гдѣ лица разныхъ сословій выведены иногда въ самыхъ рѣзко-неблаговидныхъ чертахъ, и чего, повидимому, правительство не относило къ оскорбленію сословій, ибо не препятствовало ихъ распространенію. По сему комитетъ, руководствуясь какъ близкими къ намъ примѣрами, такъ и историческимъ ходомъ почти всей нашей литературы, а съ другой стороны не имѣя никакого на сей предметъ опредѣленнаго указанія, полагаетъ, что вышеприведенныя мѣста изъ сочиненій Гоголя, должно считать и по сему уваженію позволительными.

На основаніи этого дозволенія, книги были напечатаны. Но неожиданный арестъ профессоровъ Никитенко и Куторги едва не повлекъ за собою запрещенія уже напечатанныхъ сочиненій Гоголя. Въ представленіи предсѣдательствующаго въ цензурномъ комитетѣ, князя Григорія Петровича Волконскаго, говорится: «Соображая мѣста, пропущенныя у Гоголя, съ тѣми, по случаю коихъ цензора Никитенко и Куторга подверглись отвѣтственности, комитетъ не осмѣливается дозволить выпуска книгъ, въ коихъ они существуютъ». Съ своей стороны князь Волконскій заявляетъ, что необходимо дать цензорамъ «какое нибудь *опредѣленное* наставленіе о

томъ, въ какомъ духѣ они должны дѣйствовать. Въ противномъ случаѣ, они будутъ находиться всегда въ величайшемъ затрудненіи и въ опасности навлечь на себя тяжкую отвѣтственность, которая, сокрушая духъ ихъ, лишитъ ихъ той моральной силы, какая въ столь многосложномъ и разнообразномъ дѣлѣ, какъ наблюденіе за мыслію человѣческою, необходима. Цензура должна стараться не стѣснять вообще развитія отечественной литературы: этого требуетъ величайшая изъ государственныхъ нуждъ — развитіе нашей народности. Ибо, во-первыхъ, съ успѣхами литературы сопряжены успѣхи языка, который долженъ, согласно высочайшей волѣ и величію имперіи, сдѣлаться господствующимъ въ ней повсюду, а этого онъ иначе достигнуть не можетъ, какъ укореняясь въ умахъ своими красотами и богатствами. Во-вторыхъ, при той легкости, съ какою распространено у насъ изученіе иностранныхъ языковъ, а, слѣдовательно, и возможность читать все, что выходитъ въ иностранныхъ литературахъ, единственное средство ослабить вліяніе сихъ послѣднихъ на умы и духъ общества есть наибольшее развитіе литературы отечественной, охраняемой, и въ то же время, руководимой просвѣщенною волею правительства».

Не только сочиненія Гоголя, но и отзывы о нихъ возбуждали иногда преслѣдованія и влекли за собою разнаго рода кары. Статья о Гоголѣ, написанная Тургеневымъ подъ свѣжимъ вліяніемъ, произведеннымъ кончиною знаменитаго писателя, запрещена потому, что Тургеневъ «отзывался о Гоголѣ въ выраженіяхъ чрезъ мѣру пышныхъ». Статья подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ о Гоголѣ», помѣщенная въ «Московскомъ Сборникѣ», признана опасною и неблагонамѣренною на томъ основаніи, что «безотчетнымъ расточеніемъ выходящихъ изъ всякой мѣры похвалъ Гоголю, она накидываетъ тѣнь подозрѣнія на его намѣренія и дѣйствія. Статья эта, во многихъ мѣстахъ неясная и загадочная, заключаетъ въ себѣ отрывистые намеки и мысли недоконченные, которые могутъ подать поводъ читателямъ къ неблагопріятнымъ и даже предосудительнымъ выводамъ». Въ статьѣ говорится, напримѣръ: «Много еще пройдетъ времени, пока уразумѣется

вполнѣ все глубокое и строгое значенiе Гоголя, этого мученика возвышенной мысли и неразрѣшимой задачи» и т. д. Корень зла ужасной статьи заключается въ томъ, что въ ней «вовсе не объяснено, почему такъ много требуется времени, чтобъ уразумѣть вполнѣ значенiе Гоголя? Почему преимущественно Гоголю приписывается глубокое и строгое значенiе? Подобныя неопредѣлительныя выраженiя невольно приводятъ къ предположенiю, что онъ имѣлъ какую либо особую, скрытую цѣль, извѣстную только немногимъ, и такое предположенiе тѣмъ покажется правдоподобнѣе, что сочинитель статьи называетъ Гоголя мученикомъ возвышенной мысли и неразрѣшимой задачи... Недомолвки и несообразности, при восторженномъ тонѣ и мистическомъ смыслѣ цѣлой статьи о Гоголѣ, не могутъ не вводить въ заблужденiе читателей, изъ которыхъ многiе, конечно, подумаютъ, что онъ былъ коноводомъ какой нибудь партiи, которая, не довольствуясь настоящимъ благоденствiемъ Россiи, возмечтала дать нашему отечеству новое политическое бытiе и направленiе» и т. д.

Въ пятидесятыхъ годахъ представлена была въ цензуру рукопись подъ заглавiемъ: *Учебная книга словесности для русскаго юношества, начертанiе Н. Гоголя.* Сомнительными въ ней признаны шесть строкъ и, сверхъ того, два слова. При разсмотрѣнiи въ высшей инстанцiи, шесть строкъ дозволены къ печати, а два слова запрещены. Дозволенныя строки: «Въ трудахъ нашихъ ученыхъ также раздаются непереварившiяся европейскiя мнѣнiя и такими же торчатъ яркими заплатами ихъ собственныя мысли, какъ все это раздается въ нашихъ гостиныхъ, спорахъ и разговорахъ. Всего нанесено и все не переварилось». Запрещенныя два слова, находившiяся въ рукописи между заглавiями разныхъ стихотворенiй: «Острогожскъ, Рылѣева».

По смерти Гоголя, предпринято было профессоромъ Шевыревымъ новое изданiе сочиненiй покойнаго писателя, въ которое должны были войти какъ четыре тома, изданные въ 1848 году, такъ и оставшiяся по смерти автора въ рукописи: пять главъ второго тома «Мертвыхъ душъ» и «Авторская исповѣдь». Весьма любопытно мнѣнiе, изложенное по

этому поводу Леонтіемъ Васильевичъ Дубельтомъ. Становясь рѣшительно на сторону Гоголя и защищая его произведенія отъ несправедливыхъ нареканій, Л. В. Дубельтъ отзывается несочувственно и даже иронически объ излишней придирчивости со стороны цензуры. Мнѣніе Л. В. Дубельта заключается въ слѣдующемъ:

«*Гоголь*, какъ сатирическій писатель, въ сочиненіяхъ своихъ выводитъ такихъ людей, которые смѣшны и забавны. Какъ забавное и смѣшное особенно находится въ низшихъ классахъ народа, въ людяхъ, подверженныхъ слабостямъ и порокамъ, то и онъ представляетъ сцены не всегда строго-нравственныя, и людей, которые выражаются не совсѣмъ пристойно, судятъ ошибочно или невыгодно о помѣщикахъ, о дворянствѣ, о военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ. Но общее направленіе у него всегда нравственное; неприличное и дурное изображено такъ, что невольно чувствуется отвращеніе, или возбуждаетъ одинъ невинный смѣхъ, а доброе и истинное надъ всѣмъ господствуетъ. Нѣкоторыя мѣста въ его сочиненіяхъ, дѣйствительно, кажутся рѣзкими и какъ бы сомнительными, но только въ такомъ случаѣ, если оторвать ихъ отъ цѣлаго разсказа, не обращая вниманія, кѣмъ и по какому случаю что сказано. Эти-то мѣста всѣ, безъ малѣйшаго исключенія, отмѣчены цензорами. Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ:

Дьячекъ, разсказывая о дѣйствіяхъ лукаваго, прибавилъ: «*чтобъ ему, собачьему сыну, приснился крестъ святой!*» (сочиненія т. I, часть I, стр. 77).

Въ разсказѣ того же дьячка находится: «*чортъ съ тобой, давай креститься!*» (тамъ же, стр. 97).

Казакъ Данило говоритъ про другого, трезваго казака: «Горѣлки даже не пьетъ! эка пропасть! мнѣ «кажется, что онъ и въ *Господа Христа не вѣруетъ!*» (тамъ же, т. I, ч. 2, стр. 116).

«Кто я, сказалъ бурсакъ, я святой жизни?... Богъ съ вами, панъ! что вы это говорите! да я, хоть оно непристойно сказать, ходилъ къ булочницѣ *противъ самаго страстнаго четверга!* (тамъ же, т. 2, стр. 344).

Кіевскій семинаристъ философъ говоритъ: «Эхъ, жаль, *что во храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить!*» (тамъ же, стр. 360).

Въ комедіи «Игроки», сваха Ѳекла говоритъ: «Да, на Руси есть такія прозвища, что только *плюнешь, да перекрестишься!*» (тамъ же, т. 4, стр. 253).

Та же Ѳекла, доказывая преимущество русскаго языка передъ иностранными, прибавила: «Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, извѣстно какая: *всѣ святые говорили по-русски*» (тамъ же, стр. 299).

При видѣ князя *Потемкина*—«это царь? спросилъ кузнецъ Вакула одного изъ запорожцевъ. «Куда тебѣ царь! это самъ *Потемкинъ*», отвѣчалъ тотъ (тамъ же, т. I, ч. 2, стр. 74).

«Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ, *садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить*» (тамъ же, т. 3, стр. 316).

Помѣщикъ *Пѣтухъ*, съ своими крестьянами, бродилъ въ озерѣ рыбу. Увидя проѣзжающаго *Чичикова*, онъ вышелъ на берегъ голый и просилъ путешественника къ себѣ обѣдать, «держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, *другую же пониже, на манеръ Венеры Медицейской*»... За обѣдомъ, безпрестанно потчуя *Чичикова* и услышавъ возраженіе, что у него мѣста не осталось въ желудкѣ для новаго куска, *Пѣтухъ* сказалъ: «Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій, нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: *этотъ кусокъ тотъ же городничій*» (рукопись Мертвыя души, гл. 3, стр. 8 и 28).

Еслибы проѣзжалъ сорочинскій *засѣдатель... съ дьявольски-сплетенной плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика*» (сочиненія, т. I, ч. 2, стр. 4).

Казакъ Вакула три раза ударилъ чорта хворостиной и «бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ *мужикъ, котораго только что выпарилъ засѣдатель* (тамъ же, стр. 86).

Пискаревъ пріѣхалъ на балъ въ Петербургѣ, въ тѣснотѣ «не смѣлъ попятиться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ нибудь образомъ *какого нибудь тайнаго совѣтника*» (тамъ же, стр. 39).

Въ «Запискахъ сумасшедшаго» въ одномъ мѣстѣ отмѣчено. «*Вѣдь черезъ то, что камеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ на лбу*» (тамъ же, стр. 365).

Въ тѣхъ же запискахъ сказано: «Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ: никакихъ совершенно ресурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ. Фрачишка на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую онъ дачу нанимаетъ! Фарфоровой вызолоченой чашки и не неси къ нему: это, говоритъ, докторскій подарокъ, а ему давай пару рыжиковъ или дрожки, или бобра рублей въ триста. Съ виду такой тихонькій, говоритъ такъ деликатно: одолжите ножичка починить перышко, а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ». (Тамъ же, стр. 343).

«П*** пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки... онъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ. *Большая часть офицеровъ пили выморозки и умѣли таскать жидовъ за пейсики не хуже гусаровъ*... Чтобы еще болѣе показать образованность П*** пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ, *и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье*, чего не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать». (Тамъ же, т. I, ч. 2, стр. 194 и 195).

«Не было никого исправнѣе Ивана Ѳедоровича въ (томъ же) полку... За то, *въ скоромъ времени, спустя одиннадцать лѣтъ* послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ поручики». (Тамъ же, стр. 196).

«*Ужъ такъ Провидѣніе устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки*». (Тамъ же, т. 3, стр. 72).

Здѣсь выписаны наиболѣе рѣзкія мѣста; цензоры же отмѣтили множество мѣстъ, которыя, даже взятыя отдѣльно, не представляютъ ничего сомнительнаго. Всякое упоминаніе о Богѣ, о святомъ, о небесномъ и тому подобное, останавливало ихъ, коль скоро эти упоминанія соединяются съ чѣмъ либо житейскимъ!

Сверхъ того, цензоры обращаютъ особенное вниманіе въ «Мертвыхъ душахъ» на полковника *Кошкарева*, который въ помѣстьѣ своемъ учредилъ разныя комиссіи и завелъ огром-

ное письменное дѣлопроизводство по сельскому управленію (глава 3, стр. 69 и 87); и на доносы губернскихъ чиновниковъ другъ на друга, затѣянные съ цѣлью освободить отъ отвѣтственности *Чичикова,* также на положеніе мѣстнаго генералъ-губернатора, который не видѣлъ средствъ унять чиновниковъ и собирался ѣхать въ С.-Петербургъ жаловаться на нихъ государю (глава 5, стр. 116—123, 148—158). Но поступки *Кошкарева* представлены какъ дѣйствія сумасброднаго помѣщика, и примѣнять ихъ къ государственному управленію было бы слишкомъ насильственнымъ примѣненіемъ; а при описаніи чиновничьихъ интригъ въ губерніи, выставлена въ яркомъ и прекрасномъ видѣ заботливость генералъ-губернатора о прекращеніи зла и его твердая справедливость.

Ежели вышеприведенныя изъ сочиненій *Гоголя* и имъ подобныя мѣста, въ сущности безвредныя, запрещать, то цензура впадетъ въ тѣ же ошибки, въ которыя впали цензоры, помнится, лѣтъ 20-ть тому назадъ, судившіе, какъ ниже слѣдуетъ:

Въ сочиненіяхъ было сказано:	Цензоръ:
Улыбку устъ твоихъ небесную ловить.	Женщина недостойна того, чтобъ ея улыбку называть небесною.
Ты поняла, чего душа моя желала.	Запретить, ибо дѣло идетъ о душѣ.
Одинъ твой нѣжный взглядъ, дороже мнѣ вниманья всей вселенной.	Запретить, ибо во вселенной есть высшія власти, которыя должны намъ быть дороже взгляда женщины.
О! какъ бы я желалъ, въ тиши и близь тебя, къ блаженству пріучиться.	Запретить, ибо къ блаженству должно пріучаться не близь женщины, а близь Евангелія.

По уваженію же того, что сочиненія *Гоголя* въ общемъ направленіи вполнѣ благонамѣренны; что исключеніе изъ новаго изданія нѣкоторыхъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ прежнемъ, заставитъ почитателей автора пріискивать выпущенныя мѣ-

ста по первому изданію, а это придастъ видъ преступнаго и тому, въ чемъ не было и нѣтъ ничего преступнаго; что съ тѣмъ вмѣстѣ упадетъ достоинство новаго изданія и наслѣдники *Гоголя* не получатъ тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтены для нихъ литературными заслугами умершаго ихъ родственника,—я полагаю справедливымъ, на основаніи вышеизложеннаго Высочайшаго повелѣнія 14-го августа 1851 г., исходатайствовать разрѣшеніе на напечатаніе какъ прежде изданныхъ четырехъ томовъ сочиненій *Гоголя*, такъ и представленныхъ въ рукописи посмертныхъ его трудовъ, безъ всякихъ исключеній и измѣненій.

Но и такой сильный авторитетъ въ вопросѣ о благонамѣренности, какъ Л. В. Дубельтъ, не могъ поколебать того взгляда на сочиненія Гоголя, который сложился въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія приписка князя П. А. Вяземскаго къ статьѣ о «Ревизорѣ» Гоголя. «При появленіи «Ревизора» было, — говоритъ кн. Вяземскій, — много толковъ и сужденій въ обществѣ и въ журналахъ. Кромѣ литературнаго достоинства ея, входила въ разнорѣчивыя соображенія о ней и задняя, затаенная мысль. Комедія была признана многими либеральнымъ заявленіемъ, въ родѣ, напримѣръ, комедіи Бомарше: «Севильскій цирюльникъ»; признана за какой-то политическій брандскугель, брошенный въ общество подъ видомъ комедіи. Это впечатлѣніе, это предубѣжденіе, разумѣется, должно было раздѣлить публику на двѣ противоположныя стороны, на два лагеря. Одни привѣтствовали ее, радовались ей какъ смѣлому, хотя и прикрытому, нападенію на предержащія власти. По ихъ мнѣнію, Гоголь, выбравъ полемъ битвы своей уѣздный городокъ, мѣтилъ выше. Другіе смотрѣли на комедію какъ на государственное покушеніе, были имъ взволнованы, напуганы, и въ несчастномъ, или счастливомъ, комикѣ видѣли едва ли не опаснаго бунтовщика.

«Появленіе комедій Гоголя считали у насъ зловѣщимъ признакомъ и находили въ нихъ большое сходство съ комедіями Бомарше 1732—1799, а Бомарше французскіе писатели называютъ преемникомъ Вольтера и предтечею Мирабо. Комедія Бомарше: «Свадьба Фигаро» (La Mariage de

Figaro, представленная въ первый разъ въ 1784 году) произвела потрясающее впечатлѣніе въ правительственныхъ сферахъ Франціи. Прежде, чѣмъ поставить на сцену комедію, ее читали въ кабинетѣ короля; когда дошли до монолога Фигаро, въ пятомъ дѣйствіи, Людовикъ XVI остановилъ чтеніе, воскликнувъ, что прежде надо разрушить Бастилію, а потомъ уже дозволить представленіе этой пьесы, подрывающей всѣ основы правительства. Чтобы судить о томъ, какую горькую правду услышалъ король изъ устъ Фигаро, довольно вспомнить слова Фигаро о свободѣ печати при тогдашнихъ общественныхъ порядкахъ. «У насъ, — говоритъ Фигаро, — можно смѣло писать обо всемъ, о чемъ угодно, за исключеніемъ только политики, администраціи, религіи, нравственности, всякаго рода должностей и учрежденій, оперы и театровъ, лицъ мало-мальски значительныхъ, и т. п.». Съ такою же ироніею и откровенностью выражается Фигаро и о другихъ отрасляхъ тогдашняго управленія страною. Рѣзкія выходки Бомарше относятся прямо къ господствовавшей тогда правительственной системѣ и къ ея самымъ высокимъ представителямъ.

«Въ комедіяхъ же Гоголя есть самыя опредѣленныя указанія, что сатира его устремлена не на правительство, которое онъ понимаетъ идеально, отожествляя его съ закономъ, а на тѣ орудія правительственной власти, которыя дѣйствуютъ несогласно съ волею правительства, т. е. съ требованіями закона. «Для народа,—говоритъ Гоголь,—нужны такія представленія. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что рано или поздно настигаетъ оно измѣнившихъ закону чести и святому долгу человѣка. Воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ. Право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ кашей и который съ мясомъ».

«Быть можетъ, не всѣ рѣчи и возгласы о правительствѣ, вложенныя Гоголемъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, отличаются одинаковою искренностью; быть можетъ, иныя по-

хвалы явились съ тою же цѣлью, съ какою, напримѣръ, Новиковъ посвятилъ свой обличительный журналъ автору комедіи: «О, время!» Но какъ бы то ни было, нельзя не согласиться, что между «добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ» Гоголя и злою насмѣшкою Бомарше—чрезвычайно большое различіе. Одни и тѣ же лица дѣйствуютъ у нихъ не по однимъ и тѣмъ же побужденіямъ. У Бомарше, напримѣръ, почтмейстеры служатъ орудіемъ господствующей системы шпіонства и, вскрывая тайну писемъ, дѣйствуютъ совершенно въ духѣ правительства. Фигаро говоритъ: Répendre des espions et pensionner des traitres; amollir des cachets; intercepter des lettres... volà toute la politique! Гоголевскій почтмейстеръ распечатываетъ письма «не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства», чтобы наслаждаться прекрасными описаніями, какъ «жизнь течетъ въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ», и т. д.

«Жгучія выходки Бомарше, его ѣдкія остроты напоминаютъ отчасти нѣкоторые изъ стиховъ Грибоѣдова, а также и нѣкоторыя изъ остротъ Фонвизина. Слова Фигаро: Médiocre et rempant, et l'on arrive à tout идутъ въ сравненіе съ словами: «умѣренность и аккуратность», съ правиломъ угождать всѣмъ и каждому, отъ начальника до дворника и до его собаки, и т. п. Вопросъ горничной у Бомарше: «Est-ce que les femmes de mon état ont des vapeurs, donc?» равносиленъ восклицанію Простаковой о своей заболѣвшей служанкѣ: «бредитъ, бестія, какъ будто благородная», и т. д.

Между тѣмъ, какъ въ литературномъ мірѣ сравнивали комедіи Гоголя съ произведеніями его предшественниковъ: съ «Недорослемъ» Фонвизина, съ «Ябедою» Капниста, съ «Горемъ отъ ума» Грибоѣдова, въ обществѣ взглянули на нихъ съ другой точки зрѣнія, именно съ политической. Говоря о подобныхъ взглядахъ, князь Вяземскій, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду памятное ему письмо одного изъ самыхъ видныхъ представителей высшаго общества и высшей администраціи того времени. Обращаясь къ министру народнаго просвѣщенія, авторъ письма говоритъ, между прочимъ: «Въ глубинѣ моего убѣжденія я полагаю, что комедія «*Ревизоръ*», по своему началу, содержанію и духу, есть копія au petit pied «*Свадьбы Фигаро*» Бомарше. Не знаю,

сдѣлала ли она какое нибудь полезное вліяніе, исправила ли она хотя одного взяточника или обманщика. Но я увѣренъ, что если «*Ревизоръ*» и сотни ея послѣдователей не произвели еще, благодаря Бога, такихъ печальныхъ послѣдствій для Россіи, какъ твореніе Бомарше для Франціи, то уже въ переводѣ навлекли на Россію много нареканій и лживыхъ сужденій заграницей».

Министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ, отвѣчалъ, что «нельзя отнять у сатириковъ и юмористовъ права обличать пороки и недостатки общества, укрывающіеся отъ преслѣдованія закона», и что направленіе Гоголя признано благонамѣреннымъ и нравственнымъ, вслѣдствіе чего и оказано «снисхожденіе ко встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ слишкомъ, можетъ быть, рѣзкимъ сужденіямъ и описаніямъ и не совсѣмъ эстетическимъ картинамъ и выраженіямъ».

КНЯЗЬ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ.

КНЯЗЬ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ.

Читано въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря 1878 года.

10-го ноября этого года скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, ординарный академикъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Въ теченіе семидесяти лѣтъ трудился онъ на литературномъ поприщѣ и трудами своими пріобрѣлъ неотъемлемое право на почетное мѣсто въ исторіи русской литературы. Нѣсколько поколѣній прошло передъ его глазами и онъ не оставался безучастнымъ зрителемъ смѣны поколѣній, отзываясь съ необыкновенною живостью на всѣ крупные и жгучіе вопросы, возникавшіе какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Многое пережилъ, передумалъ и перечувствовалъ Вяземскій на своемъ долгомъ литературномъ вѣку. Постараемся собрать хотя нѣсколько чертъ изъ этого многаго и представимъ ихъ въ самомъ бѣгломъ очеркѣ.

Князь П. А. Вяземскій родился 12-го іюля 1792 года, въ Москвѣ. Воспитывался онъ частію въ Москвѣ, подъ руководствомъ профессоровъ тамошняго университета, частію въ Петербургѣ, въ іезуитскомъ пансіонѣ. Образованіе свое Вяземскій довершилъ въ домѣ своего отца, въ обществѣ такихъ представителей нашей литературы, какъ Карамзинъ, Дмитріевъ и Жуковскій.

По складу своего ума, по кореннымъ особенностямъ своей природы, Вяземскій былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ; «русскій ключъ пробивался въ немъ изъ-подъ французской на-

сыпи». Къ чисто русской основѣ весьма рано присоединилось и французское вліяніе. Вяземскій говорилъ, что умъ его воспитанъ во французской школѣ; но сочувствіе свое къ Франціи и ея литературѣ онъ объяснялъ не одною случайностью своего воспитанія и житейской обстановки, а причинами болѣе глубокими, чертами болѣе существенными, сближающими русскихъ людей съ французскими. По замѣчанію Вяземскаго, «мы въ французѣ сочувствуемъ не латинцу, а галлу. Галльскій умъ съ своею веселостью самородною, съ своею насмѣшливостью, быстрымъ уразумѣніемъ, имѣетъ много общаго съ русскимъ умомъ. Никто изъ образованныхъ народовъ европейскихъ не понимаетъ французской остроты, французской шутки, какъ мы понимаемъ ихъ на лету. Ривароль говорилъ, что нѣмцы складываются (se cotisent), чтобы понять французскую шутку. Французскій театръ—нашъ театръ. Французъ общежителенъ, уживчивъ, и съ нимъ легко уживаться, онъ не злопамятенъ, но и не предусмотрителенъ; поговорка *«день мой—вѣкъ мой»* могла бы родиться на французской почвѣ, какъ родилась на нашей, и т. д.

Вяземскій зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и въ томъ числѣ латинскій, и былъ знакомъ съ литературами: нѣмецкой, англійской, итальянской и др.

Пятнадцати лѣтъ отъ роду Вяземскій поступилъ на службу, опредѣленъ юнкеромъ въ межевую канцелярію. Находясь при главномъ директорѣ межевой канцеляріи Обрѣзковѣ, во время пребыванія его, по дѣламъ службы, въ губерніяхъ: Пермской, Казанской, Нижегородской и Владимірской, весьма дѣятельно исполнялъ возложенную на него обязанность. Въ 1812 году Вяземскій вступилъ въ ополченіе, въ «московскую военную силу», и принималъ участіе въ бородинскомъ сраженіи, въ которомъ убиты подъ нимъ двѣ лошади. По окончаніи войны, онъ снова числился при межевой канцеляріи до самаго переселенія своего въ Варшаву, гдѣ онъ состоялъ при Новосильцовѣ.

Живя въ Варшавѣ и вращаясь въ польскомъ литературномъ кругу, Вяземскій хорошо ознакомился съ польскимъ языкомъ и словесностью, и плодомъ этого знакомства былъ переводъ на русскій языкъ крымскихъ сонетовъ Мицкевича. Переводчикъ въ трудѣ своемъ руководствовался не столько

художественными, сколько филологическими соображеніями, желалъ наглядно показать кровное родство языковъ русскаго и польскаго и проложить путь къ сближенію двухъ родственныхъ литературъ.

При выходѣ изъ канцеляріи Новосильцова и послѣ долгаго, почти десятилѣтняго промежутка, Вяземскій снова появляется на служебномъ поприщѣ, именно въ министерствѣ финансовъ. Есть основаніе предполагать, что онъ опредѣленъ въ вѣдомство Канкрина отчасти съ тою же цѣлью, съ какою назначенъ былъ и въ канцелярію Новосильцова. Въ Варшавѣ онъ занимался переводомъ оффиціальныхъ бумагъ съ французскаго языка на русскій; въ министерствѣ финансовъ онъ долженъ былъ на первыхъ порахъ очищать дѣловыя бумаги отъ германизмовъ. Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, говорившій по-русски и неправильно, и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, имѣлъ слабость считать себя превосходнымъ стилистомъ, и съ наивною самоувѣренностью утверждалъ, что никто лучше его не умѣетъ писать по-русски, и что языкъ и слогъ Карамзина несвойственны духу русскаго народа. Вслѣдствіе этого Канкрину было не по сердцу назначеніе Вяземскаго, русскаго писателя, очевидно, для редакціи бумагъ: онъ видѣлъ въ этомъ назначеніи живой укоръ и явный знакъ неодобренія слога дѣловыхъ бумагъ, выходящихъ изъ канцеляріи министерства.

Въ министерствѣ финансовъ Вяземскій послѣдовательно занималъ мѣста: чиновника особыхъ порученій, члена общаго присутствія департамента внѣшней торговли, вице-директора департамента внѣшней торговли, управляющаго заемнымъ банкомъ и члена совѣта министерства. Но служба по вѣдомству финансовъ была вовсе не въ духѣ Вяземскаго, отъ юныхъ лѣтъ и до глубокой старости не питавшаго расположенія къ вычисленіямъ, счетамъ и цифрамъ. Онъ самъ сознается, что если при немъ не было обмолвки въ итогахъ ни по департаменту, ни по заемному банку, то единственно потому, что Богъ спасаетъ невинность.

Въ іюнѣ 1855 года князь Вяземскій назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ ходатайствовалъ о назначеніи князя Вяземскаго товарищемъ министра, «зная его съ давнихъ лѣтъ и убѣ-

жденный въ его высокихъ душевныхъ достоинствахъ и основательномъ просвѣщеніи». Князь Вяземскій оставался въ должности своей до марта 1858 года, до назначенія министромъ Е. П. Ковалевскаго.

2-го сентября 1839 года въ собраніи Россійской академіи князь Вяземскій единогласно избранъ въ дѣйствительные члены академіи. Академическимъ уставомъ назначенъ былъ трехмѣсячный срокъ для полученія голосовъ отъ отсутствующихъ членовъ. По миновавіи срока и по полученіи голосовъ, 2-го декабря 1839 года состоялось окончательное, также единогласное, избраніе князя Вяземскаго въ члены Россійской академіи.

Россійская академія доживала тогда свои послѣдніе дни, и, не смотря на то, что въ составѣ ея были такія свѣтила литературнаго міра, какъ Жуковскій, Крыловъ и Вяземскій, въ академической средѣ не замѣчалось живого сочувствія къ литературѣ и ея движенію. Главныя усилія академиковъ, вторившихъ своему маститому президенту, А. С. Шишкову, направлены были на корнесловіе и на очищеніе русскаго языка и слога отъ чужеземной примѣси. О литературныхъ понятіяхъ, господствовавшихъ тогда въ Россійской академіи, можно судить по высказанному въ ней взгляду на различіе между писателемъ и академикомъ. Оно состояло, по мнѣнію членовъ академіи, въ слѣдующемъ:

Писатель употребляетъ иногда слова въ превратномъ смыслѣ, безъ дальняго о томъ размышленія: академикъ возстаетъ противъ употребленія словъ, не соотвѣтствующихъ своему коренному значенію.

Писатели любятъ вносить въ языкъ чужеземныя слова, и вмѣсто: *природа, престолъ, звѣздословіе, чинъ, тискарьня, обзоръ, отвѣсъ* и проч., говорятъ: *натура, тронъ, астрономія, рангъ, типографія, горизонтъ, перпендикуляръ* и проч. Академики противятся употребленію подобныхъ словъ, видя въ немъ господство безразсуднаго навыка надъ разсуждающимъ умомъ.

Писатель для выраженія своихъ мыслей придумываетъ, изобрѣтаетъ новыя слова иногда хорошо, но чаще худо; академикъ смотритъ, нужны ли они и не забыты ли старыя.

Писатель горячъ; академикъ хладнокровенъ.

Академикъ въ академіи хозяинъ; писатель—гость.

Послѣднее Вяземскій исполнилъ въ точности: онъ являлся въ Россійскую академію только гостемъ и то чрезвычайно рѣдкимъ. Подсмѣиваясь надъ своимъ знаменитымъ сочленомъ по академіи, Вяземскій разсказываетъ, что на предложеніе чаще собираться для совѣщаній, Крыловъ отвѣчалъ: «разумѣется, кромѣ почтовыхъ дней», забывши, что онъ не въ провинціи, а въ Петербургѣ, гдѣ почта отходитъ каждый день. Князь Вяземскій, хотя и твердо помнилъ это, рѣшился, кажется, посѣщать академію также, кромѣ почтовыхъ дней. Онъ былъ только въ двухъ-трехъ собраніяхъ, и именно тогда, когда бывалъ и Жуковскій.

Съ преобразованіемъ Россійской академіи въ отдѣленіе русскаго языка и словесности, Вяземскій назначенъ ординарнымъ академикомъ академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Новымъ уставомъ полагалось въ отдѣленіи шестнадцать ординарныхъ академиковъ; въ число ихъ, вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ, вошли: Жуковскій, Крыловъ, митрополитъ Филаретъ, епископъ Иннокентій, Востоковъ, Каченовскій, Арсеньевъ, Плетневъ, Погодинъ и другіе ученые и писатели. Князь Вяземскій, будучи отвлекаемъ служебными обязанностями, и часто и надолго уѣзжая заграницу, не могъ принимать постояннаго участія въ академическихъ трудахъ и собраніяхъ; но онъ не разрывалъ своихъ связей съ академіею, сообщая ей свои произведенія, которыя были и останутся навсегда прекраснымъ вкладомъ въ нашу литературу.

Литературная дѣятельность составляла истинное призваніе Вяземскаго. Самая продолжительность ея есть уже фактъ, и весьма рѣдкій, и весьма краснорѣчивый. Свидѣтели первыхъ шаговъ князя Вяземскаго на литературномъ поприщѣ давно уже сошли въ могилу или заживо похоронены представителями позднѣйшихъ поколѣній. Въ замѣчательномъ обзорѣ русскихъ писателей, вышедшемъ около двадцати лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ выдающихся сверстниковъ Вяземскаго былъ помѣщенъ въ числѣ умершихъ. Черезъ нѣсколько времени по выходѣ книги, авторъ обзора получилъ отъ покойнаго писателя изъявленіе признательности за сочувственный отзывъ. Невольная ошибка произошла оттого, что ма-

ститый писатель давно не подавалъ о себѣ вѣсти въ литературѣ. Такая ошибка была бы невозможна въ отношеніи къ Вяземскому. Не смотря на то, что сверстники его давно уже покончили свои счеты и съ литературою, и съ жизнью; не смотря на чувство своего одиночества въ литературѣ, Вяземскій не переставалъ заявлять о своемъ существованіи и въ словахъ его было столько жизни и силы, что какъ-то не вѣрилось, что они идутъ отъ человѣка, родившагося еще во время Екатерины.

При оцѣнкѣ литературной дѣятельности князя Вяземскаго никакъ нельзя упускать изъ виду, что онъ былъ современникомъ нѣсколькихъ поколѣній и направленій, и потому въ каждомъ изъ нихъ естественно и невольно искалъ связи и сходства съ тѣмъ, что ему предшествовало. Многія изъ явленій, слывшихъ и новыми, и небывалыми, не имѣли яркой новизны для наблюдателя, умудреннаго опытомъ, напоминая собою многое изъ того, что и родилось, и умерло на его глазахъ.

Крайности сходятся,—говоритъ пословица;—они сходились и въ дѣйствіи на умъ нашего писателя, вызывая его на борьбу съ тѣмъ, въ чемъ онъ видѣлъ уклоненіе отъ истины и отъ вѣрнаго пониманія жизни и литературы. Вяземскій, жившій и дѣйствовавшій въ девятнадцатомъ столѣтіи, одинаково порицалъ и наклонность пятиться назадъ, въ восемнадцатое столѣтіе, и стремленіе перескочить, очертя голову, въ двадцатое или даже въ тридцатое столѣтіе. Въ молодости своей Вяземскому приходилось считаться съ литературными старовѣрами, которые удивлялись смѣлости писать трагедіи послѣ Сумарокова и называли святотатствомъ рѣшимость Карамзина писать исторію послѣ Елагина. Въ старости Вяземскій былъ свидѣтелемъ, отнюдь не равнодушнымъ и не безмолвнымъ, рѣзкихъ порицаній и обвиненія въ отсталости, направленныхъ противъ Пушкина и противъ современныхъ намъ писателей. Современникъ и отчасти предшественникъ Пушкина, Вяземскій не могъ безусловно подчиняться подобнымъ приговорамъ. Требовать отъ него такой покорности значило бы лишать его дорогой для каждаго писателя свободы мысли и слова.

Дѣятельность князя Вяземскаго, какъ писателя, весьма

разнообразна. Отъ него остались, и въ печати, и въ рукописяхъ: множество стихотвореній, рядъ критическихъ статей, нѣсколько историко-литературныхъ изслѣдованій, большое количество записокъ и замѣтокъ, любопытныхъ и важныхъ по своему содержанію, и т. д.

На всемъ, что выходило изъ-подъ пера князя Вяземскаго, лежитъ печать таланта; во всемъ виденъ слѣдъ живого и свѣтлаго ума. Недаромъ Вяземскій такъ безпощадно преслѣдовалъ своею сатирою глупость и пошлость: природа дала ему на это полное право.

Не воображеніе, не чувство, а «*умъ*, острый и проницательный, есть собственность князя Вяземскаго»,—говорила критика болѣе полувѣка тому назадъ.—То же самое должно сказать и теперь. Онъ былъ поэтомъ-*мыслителемъ* по преимуществу. Мысль его работала неутомимо до самой поздней поры его жизни, обращаясь съ особенною любовью къ вопросамъ общественнымъ и литературнымъ. Тѣ и другіе составляли въ его понятіи одно нераздѣльное цѣлое. Онъ не могъ себѣ представить литературы, вполнѣ отрѣшенной отъ жизни и отъ общества. «Исторія литературы народа,—говоритъ онъ,—должна быть вмѣстѣ исторіею его общежитія. Если на литературѣ, разсматриваемой вами, не отражаются мнѣнія, страсти, оттѣнки, самые предразсудки современнаго общества; если общество, предстоящее наблюденію вашему, чуждо господству и вліянію современной литературы, то можете заключить безошибочно, что въ эпохѣ, изучаемой вами, нѣтъ литературы истинной, живой, которая не безъ причины названа выраженіемъ общества».

Замѣчательнѣйшіе изъ писателей нашихъ восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій нашли въ князѣ Вяземскомъ добросовѣстнаго и просвѣщеннаго критика. Въ монографіяхъ своихъ онъ разбиралъ, болѣе или менѣе подробно, произведенія: Державина, Фонвизина, Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и другихъ писателей. Обширное изслѣдованіе его о Фонвизинѣ, оконченное въ 1830 году и напечатанное въ 1848 году, до сихъ поръ сохраняетъ высокое значеніе въ ряду трудовъ по исторіи русской литературы.

При оцѣнкѣ заслугъ русскихъ писателей Вяземскій по-

стоянно обращаетъ вниманіе на связь разбираемыхъ писателей съ ихъ предшественниками, на отношеніе къ иностраннымъ образцамъ, и на историческія, и бытовыя условія, неизбѣжно отражающіяся въ произведеніяхъ литературы. Въ монографіи объ Озеровѣ разсматриваетъ предшествовавшее Озерову состояніе русской драмы, опредѣляетъ значеніе Сумарокова и Княжнина. При разборѣ комедіи Фонвизина подробно останавливается на предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ явленіяхъ нашей драматической литературы, говоритъ о комедіяхъ Екатерины II, княгини Дашковой, о «Горѣ отъ ума» Грибоѣдова и т. п. При указаніи свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ въ трагедіяхъ Озерова, заимствованныхъ изъ древняго міра, Вяземскій основываетъ свои выводы на сравненіи трагедій русскаго поэта съ произведеніями Софокла и съ французскими передѣлками и подражаніями. Въ превосходномъ трудѣ о Фонвизинѣ приводитъ весьма любопытныя данныя, доказывающія, что многія и яркія черты въ заграничныхъ письмахъ Фонвизина принадлежатъ не личной наблюдательности нашего путешественника, а заимствованы имъ изъ сочиненія Дюкло: Considérations sur les moeurs de ce siècle.

Рисуя картину общественной и литературной жизни Фонвизина, князь Вяземскій знакомитъ читателей съ выдающимися людьми тогдашней эпохи, говоритъ о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Панинѣ, объ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ, маршалѣ или предводителѣ комиссіи, созванной для составленія проекта новаго уложенія, и о многихъ другихъ лицахъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Фонвизинымъ. Къ изслѣдованію своему Вяземскій приложилъ весьма любопытные и цѣнные матеріалы, тщательно имъ собранные: письма разныхъ лицъ къ Фонвизину, свѣдѣнія о пребываніи въ Петербургѣ Альфіери и Дидро, и т. д.

Объясненія смысла и духа литературныхъ произведеній Вяземскій ищетъ въ условіяхъ общественной жизни. Отличительныя черты нашей лирики восемнадцатаго столѣтія онъ ставитъ въ прямую связь съ ходомъ историческихъ событій и съ преобладавшимъ тогда настроеніемъ общества. Разгадка безжизненности и безцвѣтности нашихъ комедій заключается, по мнѣнію князя Вяземскаго, въ томъ, что «у насъ

почти нѣтъ общественной жизни: мы или домосѣды или дѣйствуемъ на поприщѣ службы. На той и на другой сценѣ мы мало доступны преслѣдованіямъ комиковъ: на первой изъ уваженія къ семейнымъ тайнамъ; на второй потому, что злоупотребленія чиновниковъ болѣе подлежатъ вѣдѣнію правительствующаго сената, нежели комедіи. Во всѣхъ званіяхъ, во всѣхъ степеняхъ общества нашего удивительное однообразіе: всѣ какъ будто вылиты въ одну форму, выкрашены подъ одинъ цвѣтъ. Въ людяхъ — что Иванъ, что Петръ; во времени—что сегодня, что завтра. Что соединяетъ у насъ членовъ общества? Не нравственная и нервическая необходимость привести языкъ въ движеніе, какъ во Франціи, не добродушное товарищество нѣмцевъ, собирающихся кое о чемъ помолчать, но, по крайней мѣрѣ, на людяхъ: нѣтъ, у насъ краеугольный камень, связь и ключъ общества—карты. Онѣ за зеленымъ сукномъ уравниваютъ званія, возрасты, полы, глупость и умъ, образованность и невѣжество, честность и корыстолюбіе. Одно условіе, одно отличіе — курсъ игры, кто почемъ и кто во что играетъ: поэтому сходятся и не разстаются. Батюшковъ говорилъ, что для представленія комедіи въ русскихъ нравахъ должно поставить на сценѣ столько ломберныхъ столовъ, сколько умѣститься можетъ. Запри нынѣ театры у насъ, запрети драматическія представленія и сочиненія, какъ пуритане запрещали ихъ въ Англіи, и мѣра сія не будетъ общественнымъ лишеніемъ; сіе гоненіе не породитъ многихъ мучениковъ. Но уничтожь александровскую мануфактуру картъ, запрети всѣ игры, запрети въ столицѣ англійскіе клубы—и новыя пещеры, новыя ѳиваиды населятся добровольными изгнанниками»...

Сознавая живую связь литературы съ окружающею ея средою, Вяземскій въ статьяхъ своихъ историко-литературнаго содержанія отмѣчалъ наиболѣе яркія черты, рисующія отношеніе писателя къ обществу и къ понятіямъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей эпохи. Опредѣляя литературное значеніе писателей, онъ не забывалъ и заслугъ ихъ передъ обществомъ, въ оцѣнкѣ которыхъ виденъ его собственный благородный образъ мыслей, дѣлающій честь и писателю, и человѣку. Въ критической статьѣ о Дмитріевѣ князь Вяземскій открыто и смѣло выражаетъ свой взглядъ на крѣпостное право, говоря,

что въ управленіе Дмитріева министерствомъ юстиціи послѣдовалъ замѣчательный по государственной важности указъ, запрещающій личнымъ дворянамъ пріобрѣтать крестьянъ и дворовыхъ людей: въ этомъ распоряженіи люди благомыслящіе съ радостью увидѣли «отсѣченіе одной изъ отраслей бѣдственнаго злоупотребленія и *надежду на совершенное искорененіе зла*». Замѣтимъ, что это писано не послѣ 19-го февраля 1861 года, а почти за сорокъ лѣтъ до освобожденія крестьянъ.

Блестящему таланту князя Вяземскаго открывалось обширное поприще въ журналистикѣ. Онъ участвовалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ и самъ, вмѣстѣ съ Полевымъ, издавалъ «Московскій Телеграфъ», появленіе котораго было рѣшено въ кабинетѣ князя Вяземскаго, въ бесѣдѣ хозяина съ графомъ Вьельгорскимъ и съ Полевымъ. Многія книжки «Телеграфа» были на половину написаны самимъ Вяземскимъ или состояли изъ доставленныхъ имъ матеріаловъ. «Журнальная дѣятельность была по мнѣ,—говоритъ Вяземскій, — все подстрекало, подбивало меня; я стоялъ на боевой стѣнѣ, стрѣлялъ изо всѣхъ орудій, партизанилъ, наѣздничалъ и подъ собственнымъ именемъ, и подъ разными заимствованными именами и буквами; журнальный сыщикъ все ловилъ на лету».

До глубокой старости сохранилъ Вяземскій привычку задѣвать своихъ противниковъ, горячо спорить съ ними и преслѣдовать ихъ своею мѣткою сатирою. Вотъ его собственное свидѣтельство:

«Зачѣмъ глупцовъ ты задѣваешь?»
Не разъ мнѣ Пушкинъ говорилъ—
«Ихъ не сразишь, хоть поражаешь;
Въ нихъ перевѣсъ числа и силъ.
Ты только имъ къ возстанью служишь;
Пожалуй, ранишь кой-кого:
Что-жъ? одного обезоружишь,
А сотня встанетъ за него».
Совѣтъ разуменъ былъ. Но, къ горю,
Не вразумилъ меня совѣтъ;
До старыхъ лѣтъ съ глупцами спорю,
А переспорить средства нѣтъ.
Сѣдинамъ въ бороду, навстрѣчу,
Знать завсегда и бѣсъ въ ребро:
Какъ скоро глупость гдѣ подмѣчу,
Сейчасъ зачешется перо.

Зорко слѣдя за явленіями общественной жизни и литературы, Вяземскій отзывался на нихъ своимъ смѣлымъ и искреннимъ словомъ и, не боясь ни гнета, ни опалы, ни сверху, ни снизу, открыто высказывалъ свои убѣжденія, и называлъ вещи ихъ настоящими именами.

Въ природѣ Вяземскаго было стремленіе къ самостоятельности и свободѣ въ убѣжденіяхъ и въ сочувствіяхъ; онъ не подчинялся всецѣло авторитетамъ даже общепризнаннымъ, которымъ и самъ онъ придавалъ высокое значеніе; съ другой стороны, онъ не позволялъ себѣ бездоказательно и повально осуждать явленія, которымъ онъ рѣшительно не сочувствовалъ. Скептическій складъ его ума удерживалъ его отъ увлеченій какъ въ ту, такъ и въ другую сторону. Своею живою и мѣткою сатирой Вяземскій задѣвалъ представителей и старыхъ, и новыхъ поколѣній, не щадя и сильныхъ міра какъ литературнаго, такъ и общественнаго. «Не слѣдуетъ злоупотреблять ни мыслію, ни словомъ,—говорилъ онъ;—прекрасная мысль и прекрасный образъ могутъ неузнаваемо измѣниться и опошлиться отъ неумѣлаго съ ними обращенія». Въ доказательство приводитъ слово «прогрессъ», расточавшееся въ недавнее время съ необычайною щедростью:

Глаза туманитъ отъ печати
И закружится голова,
Когда и кстати и не кстати
Все тѣ же прыгаютъ слова.
Хоть напримѣръ: *прогрессъ*. Кто споритъ?
Есть въ этомъ словѣ смыслъ и вѣсъ;
Но ужъ когда затараторитъ
Журнальный клиръ: прогрессъ! прогрессъ!
Я радъ надѣть зипунъ, онучи,
Бѣжать назадъ за триста лѣтъ,
Бѣжать готовъ я въ лѣсъ дремучій,
Гдѣ о прогрессѣ рѣчи нѣтъ.

Рядомъ съ этою насмѣшкою надъ новыми литераторами находится, въ томъ же стихотвореніи, и выходка противъ Ломоносова. Ода Ломоносова на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы начинается такимъ образомъ:

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.

Вяземскій говоритъ по этому поводу:

Я, старожилъ былого вѣка,
Нерѣдко старца стихъ твержу,
Но, каюсь, грѣшный, не безъ смѣха
Я на *зарю* его гляжу.
Заря багряною рукою
Напоминаетъ прачку мнѣ,
Которая бѣлье зимою
Полощетъ въ ледяной волнѣ.

Какъ слова и фразы, такъ и обычаи, и понятія могутъ измѣняться до невѣроятной степени. То, что когда-то имѣло высокое значеніе въ общественной жизни, можетъ потерять всякій смыслъ и обратиться въ пустую и праздную забаву. Торжественное и ужасное можетъ современемъ сдѣлаться и смѣшнымъ, и пошлымъ. Вглядываясь въ животрепещущія событія дня, Вяземскій говоритъ: «Съ нѣкотораго времени идетъ у насъ непомѣрный расходъ на юбилеи, телеграммы, адресы и револьверы. Въ старое время юбилей праздновался рѣдко, въ память великихъ событій. У насъ юбилеи празднуются едва ли не безъ году въ недѣлю, съ тостами, рѣчами и неминуемыми телеграммами куда нибудь и кому нибудь. Обѣдъ не въ обѣдъ, если не дать себѣ удовольствія пустить вдоль по проволокѣ извѣстіе, что мы, дескать, обѣдаемъ. Встарину каждый имѣлъ табакерку въ карманѣ, частью для собственнаго употребленія, частью и напоказъ: теперь подчуютъ сосѣда уже не щепоткою табаку, а щепоткою пороха при нѣсколькихъ пуляхъ изъ револьвера», и т. д.

Относясь недовѣрчиво къ ходячимъ взглядамъ и къ быстрымъ и диктаторскимъ рѣшеніямъ самыхъ сложныхъ общественныхъ вопросовъ, Вяземскій порицалъ крайнія мнѣнія, изъ какого бы лагеря они ни выходили. И крайній радикализмъ, и крайній консерватизмъ одинаково вызывали его насмѣшку: и въ томъ, и въ другомъ онъ видѣлъ не живую жизнь, а неудачную пересадку на нашу почву того, что вычитано изъ иностранныхъ книжекъ. Какъ слабый отголосокъ броженія, происходившаго за тридевять земель, появлялись и у насъ охотники прослыть во что бы то ни стало за *красныхъ:*

Начнутъ они пыхтѣть и надуваться
И горло драть, надсаживая грудь,

Чтобъ покраснѣть, чтобъ *красными* казаться,
Чтобъ, наконецъ, казаться чѣмъ нибудь.

Съ другой стороны поэтъ мастерски изображаетъ ложный страхъ играющихъ роль консерваторовъ, которые едва заслышатъ, что въ Парижѣ идетъ дождь, сейчасъ же совѣтуютъ распускать у насъ зонтики:

Огонь ли дальній домъ затронетъ,
У нихъ ужъ дѣйствуетъ труба,
И, какъ во дни потопа, тонетъ
Ихъ неповинная изба.

Въ то время, когда жгучимъ вопросомъ въ литературѣ нашей былъ вопросъ объ искусствѣ для искусства и о тенденціозности въ художественныхъ произведеніяхъ, Вяземскій сохранялъ свою обычную сдержанность и свободу мысли, и потому подвергся нареканію изъ двухъ противоположныхъ лагерей. Въ ту пору трудно было и молодому писателю поладить съ крайностями и, не жертвуя своими убѣжденіями, найти пріютъ и сочувствіе въ томъ или въ другомъ литературномъ органѣ. Одинъ изъ современныхъ намъ писателей весьма живо и остроумно изобразилъ безвыходное положеніе своего юнаго собрата, который понесъ свое произведеніе «въ одну редакцію—прочли, сказали: это поэзія, чистая поэзія, въ наше время порядочные люди такимъ вздоромъ не занимаются; понесъ въ другую редакцію,—прочли, нашли, что въ стихахъ его все какія-то модныя тенденціи, все какая-то скорбь гражданская, и ни на каплю поэзіи, ни на грошъ искусства». Подобно этому злосчастному новичку въ литературѣ, и нашъ маститый писатель очутился между двухъ огней. Сознавая свое положеніе, онъ изобразилъ его слѣдующими чертами:

Для стариковъ я слишкомъ молодъ,
Для молодыхъ я слишкомъ старъ:
Одни въ вину мнѣ ставятъ холодъ,
Другіе—неумѣстный жаръ.
Кому кажусь въ оттѣнкѣ аломъ,
Кому же выжившимъ изъ лѣтъ,
И въ тупоумьи запоздаломъ
Не знающимъ, гдѣ тьма, гдѣ свѣтъ.
Идешь ли среднею дорогой,
Тебѣ со всѣми врозь идти.
Ни добрымъ словомъ, ни подмогой
Никто не встрѣтитъ на пути...

Но доброе, безпристрастное слово ожидаетъ князя Вяземскаго на страницахъ правдивой и безпристрастной исторіи русской литературы. Тѣмъ болѣе имѣетъ онъ право на сочувствіе потомства, что самъ, въ свою очередь, умѣлъ поминать добрымъ, правдивымъ словомъ своихъ предшественниковъ.

Завѣтнымъ убѣжденіемъ Вяземскаго была необходимость преданія, преемственнаго перехода свѣта истины отъ поколѣнія къ поколѣнію. Его поражало отсутствіе преданія, разрывъ съ прошедшимъ, замѣчаемый и въ литературѣ, и въ нашемъ частномъ и общественномъ воспитаніи. Въ училищахъ нашихъ, говоритъ онъ, ведутъ счетъ стариннымъ писателямъ только для порядка, словно ассирійскимъ царямъ, а между тѣмъ преданіе, въ смыслѣ изученія и разумѣнія прошлаго, имѣетъ великую просвѣтительную силу. Оно указываетъ пытливому уму надежный путь къ открытію истины, и удерживаетъ отъ смѣшного и жалкаго самообольщенія. Противникамъ этой истины онъ возражаетъ со всѣмъ жаромъ человѣка убѣжденнаго: «Ниспровергая, ломая все прошедшее, вы хотите выдавать себя за передовую дружину умственнаго движенія, а на дѣлѣ вы отсталые. Вы настоящіе гасители, ибо покушаетесь потушить неугасимый свѣтъ, разлившійся изъ одного нетлѣннаго свѣтильника»:

Вамъ, чуждымъ лѣтописи древней,
Вамъ въ умъ забрать немудрено,
Что съ той поры и свѣтъ въ деревнѣ,
Какъ стали вы смотрѣть въ окно.
Нѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ,
А въ окна многіе смотрѣли,
Которые позорче васъ.

Вяземскій горячо вѣрилъ въ преемство добра, въ живую и разумную связь лучшихъ преданій стараго и прошлаго съ лучшими надеждами и стремленіями новаго и молодого. По его глубокому убѣжденію, люди, работающіе для общаго блага, къ какому бы поколѣнію они ни принадлежали, составляютъ одну семью; они служатъ одной великой цѣли; трудъ ихъ одинаково святъ, и различіе только во времени, когда труженики принялись за свою работу. Обращаясь къ молодому поколѣнію, онъ говоритъ:

Успѣхамъ вашихъ и побѣдамъ
Готовы мы рукоплескать,
Но въ пѣсняхъ торжества—и дѣдамъ
Не грѣхъ помянемъ честь отдать...
Хозяинъ мудрый вертограда
Распредѣляя часы работъ:
Всѣмъ есть урокъ свой, всѣмъ награда —
Кто раньше иль позднѣй придетъ.
Несите вы свою заботу:
Одно различье между насъ:
Мы утромъ вышли на работу,
А вы въ одиннадцатый часъ.
Да, плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука:
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка!

Въ теченіе всей своей литературной дѣятельности Вяземскій оставался вѣренъ глубокому и непоколебимому убѣжденію, что истинное призваніе писателя—быть защитникомъ правъ разума и ревностнымъ поборникомъ *просвѣщенія*. Писатель,—говорилъ онъ,—долженъ дорожить своею независимостью и служить одной истинѣ, а не лицамъ; онъ долженъ быть двигателемъ образованности, провозвѣстникомъ истины и вожатаемъ общественнаго мнѣнія. «Отъ писателя, дѣйствующаго на общее мнѣніе, требуется и постоянное исповѣданіе одного мнѣнія. Писатель, который, по званію своему, обязанъ быть проповѣдникомъ просвѣщенія, а вмѣсто того бываетъ доносчикомъ на него, подобенъ сатиру, который дуетъ и тепломъ, и холодомъ, или, еще болѣе, врачу, который, призванъ будучи къ больному, пугаетъ его невѣрностію своей науки и раскрываетъ передъ нимъ гибельныя ошибки врачеванія. Пусть каждый остается въ духѣ своего званія. Довольно и безъ писателей найдется людей, которые готовы остерегать отъ властолюбивыхъ посяганій разума и даже клеветать на него при удобномъ случаѣ».

Руководимый уваженіемъ къ званію писателя, какъ просвѣтителя общества, Вяземскій осуждалъ тенденціи басенъ Крылова: «Огородникъ и философъ» и «Сочинитель и разбойникъ». Въ баснѣ: «Огородникъ и философъ» Вяземскій не могъ простить Крылову выходки его противъ людей науки, которые *читаютъ, выписываютъ, справляются* и

роются въ книгахъ. О баснѣ: «Сочинитель и разбойникъ» Вяземскій замѣчаетъ: «Признаюсь, по моимъ понятіямъ, какъ-то неловко и неблаговидно сочинителю выводить рядомъ на очную ставку разбойника и сочинителя, и еще съ тѣмъ, чтобы отдать преимущество разбойнику предъ сочинителемъ. Найдутся и безъ поэта люди, которые охотно выведутъ такое заключеніе и подпишутъ подобный приговоръ. Намъ, людямъ пера, не подобаетъ мирволить и потакать такимъ безпощаднымъ осужденіямъ».

Писатель долженъ дорожить своею независимостью, не уклоняясь отъ своего прямого назначенія и отнюдь не принимая на себя роли цензора. Можно быть увѣреннымъ, — прибавляетъ Вяземскій,—что «бдительная цензура, которую нельзя упрекнуть у насъ въ потворствѣ, умѣетъ и безъ помощи посторонней удерживать писателей въ предѣлахъ позволеннаго». Эта оговорка подсказана самою жизнью, близкимъ знакомствомъ съ цензурными нравами и обычаями. Еще въ молодости своей Вяземскій испыталъ на себѣ предупредительное вниманіе цензуры. Благодаря цензору Красовскому, поддержанному цензурнымъ комитетомъ in corpore, запрещена статья Вяземскаго самаго невиннаго содержанія. Написанная въ 1822 году, она впервые появилась въ печати только въ 1878 году, т. е. черезъ пятьдесятъ шесть лѣтъ послѣ написанія. Причиною задержки послужило употребленіе такихъ безобидныхъ выраженій, какъ *задѣваетъ*, *апатія общественнаго мнѣнія*, *полемическая тактика*, и т. п. Слово *задѣваетъ* цензура предложила замѣнить словомъ: *упрекаетъ*, какъ болѣе деликатнымъ. Цензура находила также, что публика можетъ оскорбиться названіемъ ея общественнаго мнѣнія *апатіею*. Въ выраженіи: *полемическая тактика* цензурный комитетъ открылъ затаенное кощунство на томъ основаніи, что прилагательное женскаго рода: *полемическая* прикладывается обыкновенно въ богословіи обличительной или состязательной, и т. п. Вяземскій протестовалъ противъ подобнаго нарушенія авторскихъ правъ. Онъ выступилъ какъ лицо потерпѣвшее: на его сторонѣ были и цвѣтъ тогдашней литературы, и общественное мнѣніе; противную сторону представлялъ цензоръ Красовскій, увѣковѣчившій себя своими цензурными подвигами.

Но прошло много и много времени, прошло болѣе полустолѣтія; обстоятельства рѣзко измѣнились. Князь Вяземскій поставленъ во главу цензурнаго вѣдомства и имѣлъ полную возможность, еслибы только пожелалъ, вмѣсто оборонительной начать войну наступательную, устремлять свои громы на литературу. По сложности обязанностей, лежавшихъ на министрѣ народнаго просвѣщенія, главное завѣдываніе всѣми цензурными учрежденіями возложено на князя Вяземскаго, какъ на товарища министра. Положеніе его въ литературѣ было на ту пору самое неутѣшительное; представители литературы показывали ему холодность, весьма тяжелую и для его выносливой натуры; противъ него образовался тотъ заговоръ молчанія, о которомъ онъ упоминаетъ въ своей автобіографіи. Не было недостатка и въ разныхъ постороннихъ вліяніяхъ, крайне враждебныхъ литературѣ, обвиняемой во всевозможныхъ посягательствахъ и вредныхъ замыслахъ и стремленіяхъ.

Чѣмъ же отвѣтилъ Вяземскій на всѣ эти постороннія вліянія? Чѣмъ отплатилъ онъ за недоброжелательство и вражду къ нему, за несочувственные отзывы и оскорбительные для него толки? Отвѣтилъ тѣмъ, что снялъ печать молчанія, наложенную на многихъ писателей. Отплатилъ тѣмъ, что горячо отстаивалъ права своихъ литературныхъ противниковъ и доказывалъ неосновательность взводимыхъ на нихъ обвиненій.

Извѣстно, что вслѣдствіе ловкой мистификаціи со стороны нашихъ иноземныхъ друзей, самою опасною партіею, общественною и литературною, считались у насъ такъ называемые славянофилы; прозвище *славянофилъ* служило несомнѣннымъ признакомъ политической неблагонадежности. Каждая статья, можно сказать, каждая строка, написанная славянофиломъ, подлежала самой строгой, усиленной цензурѣ; объ основаніи литературнаго органа съ славянофильскимъ направленіемъ нельзя было и думать. При всемъ уваженіи Вяземскаго къ умственному и нравственному достоинству вождей славянофильства, для снятія опалы съ славянофиловъ требовался значительный запасъ гражданскаго мужества. И Вяземскій обладалъ этимъ мужествомъ; онъ принялъ участіе въ дѣлѣ славянофиловъ, хотя во многомъ имъ и не со-

чувствовалъ, и опальнымъ писателямъ развязаны были руки. Въ апологіи своей князь Вяземскій говоритъ: «Отказаться отъ чувства любви ко всему славянскому значило бы отказаться намъ отъ исторіи нашей и отъ самихъ себя. Государь императоръ Николай I, въ достопамятныхъ словахъ своихъ, обращенныхъ къ профессорамъ, сказалъ: «надобно сохранить то въ Россіи, что искони бѣ». Слѣдовательно, должно сохранять и родовое чувство любви къ славянскому нашему происхожденію. Нельзя преслѣдовать славянолюбія, иначе пришлось бы преслѣдовать чувство и образъ мыслей, чисто русскіе и свойственные каждому изъ насъ, кому только дороги имя русское и сопряженныя съ этимъ именемъ родственныя, семейныя и духовныя преданія нашей народной, исторической и государственной жизни..... Намъ нечего опасаться злоупотребленій нашей литературы. Скорѣе слѣдуетъ опасаться дѣйствія и послѣдствій насильственнаго молчанія. Взаперти всякій протестъ, даже въ основаніи своемъ безопасный, крѣпнетъ и безмолвно вооружается» и т. д.

Обвиненія не ограничивались какою либо партіею: они падали, съ бо̀льшею или мѐньшею силою, на всю литературу; въ оживленіи ея, въ ея сочувствіи къ движенію общественной жизни видѣли зловѣщіе признаки. Состояніе умовъ было напряженное; мнѣнія скрещивались, слѣды недавняго прошлаго были еще черезчуръ ярки, а новыя силы неудержимо стремились къ дѣятельности. Призванный, въ качествѣ государственнаго человѣка, высказать свой взглядъ на состояніе современной литературы, князь Вяземскій писалъ слѣдующее: «Общественные вопросы возбуждаютъ пытливость современной литературы и подвергаются ея изслѣдованіямъ. Литература наша и особенно журналы дѣятельно принялись въ послѣднее время за обличеніе злоупотребленій, укоренившихся въ нижнихъ слояхъ нашей администраціи. Отъ этихъ тысячи разсказовъ, тысячу разъ повторяемыхъ, общество наше ничего новаго не узнаетъ. Зло не въ томъ, что разсказывается, а въ томъ, что дѣлается. Каждый крестьянинъ, и не читая журналовъ, знаетъ лучше всякаго остроумнѣйшаго писателя, что за человѣкъ становой приставъ. Нѣтъ

сомнѣнія, что внутри Россіи журнальныя нескромности не имѣютъ никакого вреднаго дѣйствія и не производятъ соблазна. Но въ высшемъ обществѣ, и то въ весьма ограниченномъ кругу тѣхъ, которые изрѣдка и случайно читаютъ по-русски, русская грамота, мало имъ знакомая, имѣетъ въ глазахъ ихъ особенную важность. Имъ какъ-то дико и страшно видѣть мысль, облеченную въ русскія буквы. Имъ кажется, что русская азбука совсѣмъ не на то составлена, чтобы служить проводникомъ и выраженіемъ русскаго ума... У насъ въ литературѣ могутъ быть единомышленники, партіи, но злоумышленниковъ нѣтъ. Можно сказать положительно, что современная наша литература не заслуживаетъ, чтобы заподозрили ея политическія и нравственныя убѣжденія. Никому не уступлю въ любви къ отечеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ скажу, что не вижу ни малѣйшей опасности, угрожающей со стороны литературы. Напротивъ, думаю, что для общей пользы не должно усыплять ее».

Вотъ какимъ благороднымъ языкомъ говорилъ кн. Вяземскій въ защиту литературы и ея представителей. Слова Вяземскаго, по всей справедливости, могутъ быть названы дѣлами его. Въ нихъ выражаются тѣ начала, которыми онъ руководствовался въ своей общественной и государственной дѣятельности. Къ чести нашего писателя должно замѣтить, что начала эти вполнѣ совпадаютъ съ основными убѣжденіями, проникающими его литературные труды и придающими имъ особенную цѣну. Въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, съ кѣмъ бы ни сталкивала его судьба, онъ не переставалъ быть писателемъ, не отрекался отъ своего званія и братскаго чувства къ людямъ пера, призваннымъ трудиться для умственнаго, нравственнаго и общественнаго блага. Мысль о высокомъ призваніи писателей онъ высказывалъ и въ обществѣ Пушкина и Жуковскаго, и въ обществѣ Фарнгагена и Гумбольдта, и въ бесѣдахъ съ молодымъ поколѣніемъ, и въ состязаніяхъ съ людьми, предубѣжденными противъ литературы.

Много разъ, въ теченіе своей долгой жизни, Вяземскій отвлекаемъ былъ отъ занятій литературныхъ, но никогда не измѣнялъ своей любви къ литературѣ и своимъ понятіямъ о

нравственныхъ обязанностяхъ ея представителей. Его честное перо не писало доносовъ на просвѣщеніе; въ каждомъ честномъ писателѣ онъ привѣтствовалъ друга и брата, идущаго къ одной и той же цѣли —

....сподвижника высокаго служенья
Во имя грамоты, добра и просвѣщенья—

Н. А. ПОЛЕВОЙ И ЕГО ЖУРНАЛЪ „МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“.

Н. А. Полевой и его журналъ „Московскій Телеграфъ".

Въ исторіи русской литературы первой половины нашего столѣтія неоспоримое значеніе имѣетъ дѣятельность Н. А. Полеваго. Самымъ замѣчательнымъ памятникомъ этой кипучей дѣятельности служитъ журналъ «Московскій Телеграфъ», возбуждавшій живое сочувствіе въ современникахъ и оставившій яркіе и глубокіе слѣды въ литературѣ. Журналистика была истиннымъ призваніемъ Полеваго; журнальная струя пробивалась во всѣхъ его литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ. По замѣчанію Бѣлинскаго, во всемъ, что ни написалъ Полевой, даже въ «Исторіи русскаго народа», онъ былъ «*журналистомъ,* а не историкомъ». Таковъ былъ складъ его ума, таковы особенности его блестящаго дарованія. Въ этомъ заключалась тайна его вліянія на читателей; изъ этого же источника происходили и всѣ невзгоды, которыми такъ богата литературная дѣятельность Полеваго.

Что касается до вліянія, а слѣдовательно и значенія Полеваго, какъ журналиста, то всего умѣстнѣе привести отзывы писателей, бывшихъ свидѣтелями его упорной борьбы за существованіе и того впечатлѣнія, которое производили его статьи на образованнѣйшую часть тогдашняго общества. «Московскій Телеграфъ», —говоритъ Бѣлинскій,—былъ явленіемъ необыкновеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Съ первой до послѣдней книжки своей издавался онъ съ тою постоянною заботливостію, съ тѣмъ вниманіемъ, съ тѣмъ неослабѣваемымъ стремленіемъ къ улучшенію, которыхъ источни-

комъ можетъ быть только призваніе и страсть. Первую мысль, которую тотчасъ же началъ онъ развивать съ энергіею и талантомъ, которая постоянно одушевляла его, была мысль о необходимости умственнаго движенія, о необходимости слѣдовать за успѣхами времени, улучшаться, идти впередъ, избѣгать неподвижности и застоя, какъ главной причины гибели просвѣщенія, образованія, литературы... Полевой показалъ *первый,* что литература—не дѣтская забава; что исканіе истины есть ея главный предметъ... Журналъ Полеваго *Телеграфъ,* вѣрный своему названію, былъ полнымъ представителемъ своей эпохи. Въ немъ было много силы, энергіи, жару, стремленія, безпокойства, тревожности; онъ неусыпно слѣдилъ за всѣми движеніями умственнаго развитія въ Европѣ, и тотчасъ же передавалъ ихъ такъ, какъ они отражались въ его понятіи»[1]).

Говоря о ходѣ работъ своихъ по изученію и изданію Державина, академикъ Я. К. Гротъ съ большимъ сочувствіемъ упоминаетъ о Полевомъ и его заслугахъ. Въ своей, такъ сказать, литературной исповѣди, нашъ уважаемый ученый говоритъ слѣдующее: «Я сталъ читать Державина по смирдинскому изданію тридцатыхъ годовъ; съ помощью отдѣльныхъ къ нему объясненій, напечатанныхъ Остолоповымъ и Львовымъ. При этомъ позволю себѣ небольшое отступленіе, чтобы отдать справедливость слишкомъ забытому нынче писателю, въ свое время принесшему великую пользу литературѣ, именно *Полевому.* Его критическія статьи о русскихъ авторахъ, помѣщавшіяся сперва въ «Московскомъ Телеграфѣ», а потомъ составившія книгу: «Очерки русской литературы», при всемъ несовершенствѣ своемъ съ точки зрѣнія ученыхъ требованій, имѣли, однакожъ, *очень благотворное дѣйствіе, распространяя въ обществѣ историко-литературныя знанія и возбуждая любознательныхъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ.* Ему былъ я обязанъ первымъ моимъ знакомствомъ съ названными двумя комментаріями къ Державину»[2]).

Правдивая лѣтопись литературныхъ невзгодъ Полеваго можетъ, въ свою очередь, представить много любопытныхъ

---

[1]) Николай Алексѣевичъ Полевой. Сочиненіе В. Бѣлинскаго. 1846 г. Стр. 37—38, 41, 44—45.

[2]) Записка, составленная Я. К. Гротомъ въ 1868 году (рукопись).

чертъ, для обрисовки умственной и общественной жизни того времени. Обладая крупнымъ дарованіемъ и неутомимою энергіею, онъ отзывался на всѣ сколько нибудь замѣчательныя явленія окружавшей его дѣйствительности. Для исторіи литературы имѣютъ несомнѣнное значеніе журнальныя предпріятія Полеваго, и не только тѣ, которыя увѣнчались успѣхомъ, но также и тѣ, которымъ суждено было погибнуть въ самомъ зародышѣ. Весьма любопытны планы или программы литературныхъ изданій, предпринятыхъ Полевымъ въ разныя времена. Они наглядно знакомятъ съ тогдашними требованіями и вкусами, съ тогдашнимъ состояніемъ образованности. При изложеніи судьбы «Московскаго Телеграфа» и другихъ литературныхъ предпріятій Полеваго, мы пользовались прямыми и вполнѣ достовѣрными источниками, изъ которыхъ многіе впервые появляются въ печати.

Призваніе Полеваго обнаружилось чрезвычайно рано; еще ребенкомъ пытался онъ выступить на журнальное поприще. Будучи десяти лѣтъ отъ роду, онъ замышлялъ въ Иркутскѣ издавать газету «*Азіатскія Вѣдомости*» и журналъ «*Другъ Россіи*», въ подражаніе «Московскимъ Вѣдомостямъ» и «Московскому Меркурію», отъ котораго приходилъ въ восторгъ [1]). Мысль объ изданіи журнала постоянно занимала Полеваго во время его молодости. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ Москвѣ образовалось нѣсколько литературныхъ обществъ или кружковъ, и въ какомъ бы изъ нихъ ни появлялся Полевой, сейчасъ же заходила рѣчь объ изданіи журнала. Во время близкой пріязни съ Филимоновымъ, Н. А. Полевой составилъ планъ журнала, въ которомъ думалъ участвовать и Вердеревскій; но «они не могли согласиться ни въ планѣ, ни въ направленіи журнала» [2]). Вступивши въ литературное общество, членами котораго были Раичъ, Шевыревъ, Погодинъ и другіе, Полевой предложилъ издавать журналъ. Погодинъ замѣчаетъ по этому поводу: «Много толковъ было о журналѣ, котораго программу представилъ Н. А. Полевой,

---

[1]) Очерки русской литературы. Сочиненіе Николая Полеваго. 1839. Часть I, стр. XXX—XXXI.

[2]) Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго, составленныя братомъ его К. Полевымъ. 1860 г. Часть I, стр. 114—115.

принятый въ наше общество. Она не понравилась намъ, и Полевой отстранился»[1]).

Завѣтной мысли Полеваго, наконецъ, суждено было осуществиться: онъ сдѣлался издателемъ самостоятельнаго журнала, которому предстояла блестящая будущность. О происхожденіи «*Телеграфа*» князь Вяземскій разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Полевой былъ въ то время еще литераторомъ in partibus infidelium. Едва ли не противъ меня были обращены первыя дѣйствія его. По крайней мѣрѣ, ему приписывали довольно бранное посланіе на имя мое, напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы», въ отвѣтъ на мое извѣстное, и также не слишкомъ вѣжливое, посланіе къ Каченовскому. Какъ бы то ни было, Полевой со мной познакомился и бывалъ у меня поутрамъ. Однажды, засталъ онъ у меня графа Михаила Вьельгорскаго. Рѣчь зашла о журналистикѣ. Вьельгорскій спросилъ Полеваго, что̀ онъ дѣлаетъ теперь.—Да покамѣсть ничего, — отвѣчалъ онъ. Зачѣмъ не приметесь вы издавать журналъ? — продолжалъ графъ. Тотъ благоразумно отнѣкивался за недостаткомъ средствъ и другихъ приготовительныхъ пособій. Юноша былъ тогда скроменъ и застѣнчивъ. Вьельгорскій настаивалъ и преслѣдовалъ мысль свою; онъ указалъ на меня, что я и пріятели мои не откажутся содѣйствовать ему въ предпріятіи его, и такъ далѣе. Дѣло было рѣшено. Вотъ какъ, въ кабинетѣ дома моего, зачато было дитя, которое послѣ надѣлало много шума на бѣломъ свѣтѣ. Я закабалилъ себя «Телеграфу». Журнальная дѣятельность была по мнѣ. Иная книжка «Телеграфа» была на половину наполнена мною или матеріалами, которые я сообщалъ въ журналъ»[2]).

Нѣсколько иначе излагаетъ дѣло братъ издателя «Телеграфа», Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой. «Было, — говоритъ онъ, — нѣсколько попытокъ издавать журналъ въ сообществѣ съ другими, но онѣ оканчивались ничѣмъ. Послѣ многихъ плановъ, думъ и раздумываній, въ половинѣ 1824 года, братъ рѣшился испросить позволенія издавать журналъ отъ

---

[1]) Воспоминанія о Степанѣ Петровичѣ Шевыревѣ. М. Погодина (изъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія»), 1869, стр. 7.

[2]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1878, томъ I, XLVIII—XLIX.

своего имени, а сотрудникомъ имѣть одного меня. Онъ составилъ программу, по которой въ будущій журналъ его могло входить все, кромѣ политики, все, — какъ выразился одинъ изъ его противниковъ, — начиная отъ безконечно-малыхъ въ математикѣ до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ. Мы не заготовляли никакихъ матеріаловъ и, правду сказать, не имѣли настоящаго понятія о томъ, что значитъ срочное изданіе. Намъ казалось, что очень пріятно будетъ пописывать да отдавать въ печать свои юношескія сочиненія» и т. д.[1]). Но и К. А. Полевой признаетъ, что участіе князя Вяземскаго много содѣйствовало успѣху «Московскаго Телеграфа». По словамъ К. А. Полеваго, князь Вяземскій былъ радъ появленію новаго журнала и охотно вызвался быть въ немъ постояннымъ сотрудникомъ. К. А. Полевой называетъ князя Вяземскаго «главнымъ *одушевителемъ* редакціи» и приводитъ, въ ненапечатанной части своихъ Записокъ, очевидныя доказательства того, какъ издатель «Телеграфа» передѣлывалъ свои собственныя статьи по совѣту и указаніямъ князя Вяземскаго.

Право разрѣшать повременныя изданія принадлежало тогда министру народнаго просвѣщенія, а министромъ былъ въ то время А. С. Шишковъ. Представленное ему «предположеніе» объ изданіи журнала написано было Полевымъ такимъ образомъ, что не могло оскорбить литературныхъ понятій и вкуса писателя-министра. Издатель заявляетъ, что цѣль его — чтеніе серьезное, а отнюдь не поверхностное и легкое; что просвѣщеніе и добродѣтель неразлучны и т. п. Названіе «*Телеграфъ*» объяснялъ тѣмъ, что журналъ долженъ служить для взаимнаго общенія русской литературы и науки, съ умственною жизнію другихъ европейскихъ народовъ: «Телеграфъ» будетъ передавать читателямъ «изящное и полезное» въ области знаній, появляющееся въ Россіи и внѣ ея предѣловъ. Если иностранное названіе журнала могло и не понравиться отъявленному гонителю чужеземныхъ словъ Шишкову, то первыя строки программы должны были произвести на него самое пріятное впечатлѣніе: молодой издатель

---

[1]) Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго. 1860. Часть I, стр. 115.

приводитъ выдержку изъ рѣчи при открытіи Бесѣды любителей россійскаго слова, надъ которою такъ подсмѣивались молодые литераторы.

Планъ «Телеграфа», какъ и планы другихъ изданій, составленные Полевымъ, служатъ весьма цѣннымъ матеріаломъ не только для исторіи журналистики, но и вообще для исторіи русской литературы того времени. Поэтому мы приводимъ ихъ съ совершенною точностью и полнотою, въ томъ самомъ видѣ, какъ сохранились они въ первыхъ источникахъ.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ

объ изданіи съ будущаго 1825 года новаго повременнаго сочиненія подъ названіемъ „Московскій Телеграфъ“[1]).

Nisi utile est quod facimus, stulta est gloria.
Федръ, кн. III, б. 17.

«Опытъ и здравое разсужденіе научаютъ насъ, что взглядъ на состояніе наукъ и словесности въ какомъ либо государствѣ есть вѣрный размѣръ его нравственной силы и могущества, и цвѣтущее состояніе наукъ и словесности есть вѣрное доказательство просвѣщенія народнаго: «Степень просвѣщенія,—сказалъ почтеннѣйшій нашъ писатель, открывая Бесѣду любителей русскаго слова,—опредѣляется бо̀льшимъ или мѐньшимъ числомъ людей, упражняющихся и прилежащихъ къ полезнымъ знаніямъ и наукамъ».

«Сколь же пріятно сердцу русскому, обозрѣвая отечество, видѣть умножающуюся повсюду ревность къ ученымъ занятіямъ, къ упражненіямъ умственнымъ, утверждающимъ въ насъ вѣру въ Бога, любовь къ отечеству, вѣрность къ избранному Богомъ монарху нашему, ибо главнѣйшее основаніе просвѣщенія есть вѣра, добродѣтель и тщательное исполненіе обязанностей человѣка и гражданина: человѣкъ просвѣщенный есть человѣкъ добродѣтельный.

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣла 1824 года, № 114.

«Столь же и лестно для каждаго русскаго участвовать въ семъ великомъ дѣлѣ посильными своими способностями.

«Сими одушевляясь чувствами, нижеподписавшійся осмѣливается предположить, съ будущаго 1825 года, изданіе новаго повременнаго сочиненія.

«Въ настоящемъ состояніи наукъ и словесности въ Россіи, повременное сочиненіе, производя быстрое сообщеніе ученыхъ занятій, доставляя писателямъ удобный способъ сообщать свои сочиненія публикѣ и слышать мнѣнія просвѣщенныхъ особъ, предварительно прежде изданія оныхъ вполнѣ, въ то же время сообщая новѣйшія сочиненія, изысканія и открытія иностранныхъ ученыхъ мужей, представляя публикѣ чтеніе пріятное по самому разнообразію онаго, у насъ принесетъ пользы, конечно, болѣе, нежели въ каждомъ другомъ государствѣ. Все зависитъ отъ цѣли и намѣреній издателя.

«Нижеподписавшійся не поставляетъ цѣлью своего повременнаго изданія—легкое, поверхностное и забавное чтеніе, переводы летучихъ повѣстей, печатаніе мелкихъ стихотвореній и статей спорныхъ, гдѣ острота иногда замѣняетъ пользу.

«Избирая названіе «*Московскаго Телеграфа*», онъ желаетъ означить симъ названіемъ, что вниманіе его главнѣйше будетъ обращено на слѣдующее:

«1-е. Сообщеніе отечественной публикѣ статей, касающихся до нашей исторіи, географіи, статистики и словесности, которыя бы иностранцамъ показывали благословенное отечество наше въ истинномъ его видѣ.

«2-е. Сообщеніе также всего, что любопытнаго найдется въ лучшихъ иностранныхъ журналахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, или что неизвѣстно еще на нашемъ языкѣ, касательно наукъ, искусствъ, художествъ вообще и словесности древнихъ и новыхъ народовъ.

«Вслѣдствіе сего «*Телеграфъ*» будетъ *передавать взаимно изящное и полезное*.

«Изъ «*Телеграфа*» исключаются: новости, извѣстія, замѣчанія и разсужденія политическія.

«Въ «*Телеграфѣ*» не будетъ особеннаго раздѣленія статей, однакожъ, каждая книжка должна заключать сочиненія или переводы по слѣдующимъ четыремъ предметамъ:

I. Науки и искусства.

а) *Исторія и археологія.*

«Отрывки изъ классическихъ сочиненій—изслѣдованія о нравахъ, обычаяхъ, памятникахъ всѣхъ народовъ; историческая критика—разборъ лучшихъ историческихъ и археологическихъ сочиненій; извлеченія и переводы изъ древнихъ писателей греческихъ, латинскихъ, скандинавскихъ и славянскихъ, какъ-то сербскихъ, польскихъ, богемскихъ.

«Главное мѣсто займетъ исторія отечественная, изслѣдованія о народахъ славянскихъ, народахъ сѣверныхъ, азіатскихъ, относительно Россіи: ихъ языкахъ, памятникахъ, лѣтописяхъ и проч., и проч.

«Непремѣнными и весьма обширными статьями въ «Телеграфѣ» будутъ слѣдующія:

«1-е. *Критическое обозрѣніе всѣхъ сочиненій, относящихся къ русской исторіи*, отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени.

«2-е. *Критическое обозрѣніе всѣхъ сочиненій, писанныхъ иностранцами о Россіи*, кромѣ такихъ, гдѣ явная нелѣпость извѣстій не заслуживаетъ вниманія и опроверженія. Кромѣ того, нижеподписавшійся сообщитъ публикѣ многія, донынѣ малоизвѣстныя и вовсе неизвѣстныя рукописи и описанія древнихъ русскихъ памятниковъ, имѣя таковыя у себя уже готовыя и надѣюсь на обѣщанія почтенныхъ любителей всего отечественнаго.

б) *Географія и статистика.*

«Кромѣ извѣстій географическихъ и статистическихъ о Россіи и описанія различныхъ многочисленныхъ обитателей нашего отечества, будутъ помѣщаемы лучшія географическія статьи изъ иностранныхъ журналовъ и новѣйшихъ сочиненій; изслѣдованія ученыхъ мужей и новыя путешествія по всѣмъ частямъ свѣта.

в) Эстетика. Изящныя искусства.

«Все, что можетъ служить къ утвержденію чистаго вкуса въ поэзіи и краснорѣчіи: древнія и новыя изслѣдованія писавшихъ о семъ предметѣ будутъ сообщаемы съ самымъ строгимъ выборомъ.

II. Словесность.

«Новѣйшія произведенія извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, *во всѣхъ родахъ прозы*, какъ-то: повѣсти, рѣчи, разговоры, описанія и проч.

«Отрывки изъ древнихъ классическихъ писателей. Нижеподписавшійся надѣется имѣть переводы съ языковъ: арабскаго, китайскаго, англійскаго и итальянскаго.

«Касательно *стихотвореній*, преимущественно будутъ помѣщаемы переводы изъ классическихъ авторовъ, или сочиненія, гдѣ поэты изобразятъ русскія историческія событія или предметы нравственные. Рѣшительно въ «Телеграфъ» не будутъ принимаемы стихи нескромные и посредственные.

III. Библіографія и критика.

«Извѣстія о *всѣхъ* книгахъ въ Россіи выходящихъ. Разборъ и замѣчанія на русскія книги по части изящной словесности, исторіи, географіи и статистики.

«Извѣстія о новыхъ иностранныхъ книгахъ вообще и разборъ примѣчательнѣйшихъ произведеній словесности французской, нѣмецкой, англійской и итальянской.

«Въ сихъ статьяхъ нижеподписавшійся обязанностію почтетъ: предлагать публикѣ сужденія безпристрастныя, тщательно соблюдая, чтобы не однѣ погрѣшности были замѣчены, но наиболѣе показаны достоинства сочиненій и разсуждаемо только о самыхъ сочиненіяхъ, не касаясь никакимъ образомъ до особы сочинителя.

«Посему антикритика и возраженія, гдѣ не соблюдено сіе правило, и вообще такія, гдѣ рѣчь идетъ о какихъ

нибудь отношеніяхъ постороннихъ, а не настоящемъ дѣлѣ, помѣщаемы не будутъ.

«Кромѣ книгъ, будутъ разсматриваемы карты, рисунки и музыкальныя произведенія.

IV. Извѣстія и смѣсь.

«Собраніе небольшихъ статей, достойныхъ вниманія читателей, какъ-то: извѣстія иностранныя — не политическія; извѣстія отечественныя; анекдоты, жизнеописанія славныхъ или замѣчательныхъ современниковъ; новыя произведенія художествъ; выставки, засѣданія и задачи ученыхъ обществъ русскихъ и иностранныхъ; новыя открытія и изобрѣтенія; московскія событія, заслуживающія въ какомъ нибудь отношеніи быть извѣстными; извѣстія коммерческія; мелкія прозаическія сочиненія, какъ-то: мысли, притчи, нравоучительныя изреченія и проч.

«Для наполненія «*Московскаго Телеграфа*» нижеподписавшійся имѣетъ уже немалое количество статей разнаго содержанія и, предполагая выписать всѣ лучшіе журналы французскіе и нѣмецкіе, онъ отдѣляетъ значительную сумму на покупку новѣйшихъ сочиненій, которыя будутъ изданы въ слѣдующемъ году.

«Въ его трудахъ принимаютъ участіе многіе извѣстные русскіе писатели.

«*Московскій Телеграфъ*» будетъ состоять изъ 24 книжекъ въ годъ: черезъ двѣ недѣли, то есть 1-го и 15-го чиселъ каждаго мѣсяца, должна выходить одна книжка, содержащая отъ 5-ти до 4-хъ печатныхъ листовъ.

«Курскій 2-й гильдіи купецъ Николай, Алексѣевъ сынъ,

«*Полевой*».

Права Полеваго на изданіе журнала указаны въ слѣдующемъ представленіи попечителя Московскаго учебнаго округа министру народнаго просвѣщенія [1]).

«Курскій 1-й гильдія купецъ Николай Полевой, желая съ генваря мѣсяца будущаго 1825 года издавать здѣсь въ

[1]) Тамъ же.

Москвѣ повременное сочиненіе, подъ названіемъ: *«Московскій Телеграфъ»*, проситъ позволенія на изданіе онаго. Касательно же ученія своего объявляетъ, что, не оставляя купеческаго званія, слушалъ онъ лекціи въ Московскомъ университетѣ въ 1811 и 1812, также въ 1820 и 1821 годахъ; изъ сочиненій же его и переводовъ многія статьи помѣщены въ «Вѣстникѣ Европы», «Сынѣ Отечества», «Сѣверномъ Архивѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Благонамѣренномъ» и въ трудахъ московскаго Общества любителей россійской словесности, къ сотрудникамъ коего причисленъ онъ въ 1822 году; а за разсужденіе подъ названіемъ: *«Новый способъ спряженія русскихъ глаголовъ»*, въ томъ же году представленное въ императорскую Россійскую академію, удостоенъ награжденія серебряною медалью.

«Цензурный при императорскомъ Московскомъ университетѣ комитетъ, основываясь на предписаніи предмѣстника вашего высокопревосходительства отъ 29-го іюня 1818 года, разсмотрѣвъ предположеніе о вышеозначенномъ повременномъ сочиненіи, не находитъ съ своей стороны никакого препятствія къ изданію «Московскаго Телеграфа».

«Представляя при семъ на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства подробное изложеніе статей, планъ и цѣль означеннаго журнала, испрашиваю дозволенія вашего на изданіе сего журнала.

«Князь Андрей Оболенской».

Въ 1825 году началъ выходить «Московскій Телеграфъ», журналъ литературы, критики, наукъ и художествъ. Первая книжка «Телеграфа» открывается статьею о призваніи журналиста. Въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей для русскаго журналиста Полевой считаетъ безпристрастное наблюденіе за отечественною литературою, похвалу ума и знаніямъ и обличеніе невѣжества. Критика—пробный камень дарованій и добросовѣстности журналиста. Позволительна шутка надъ глупостью, но невыносимы личныя придирки и зависть къ таланту, пытающаяся avec respect enfoncer le poignard. Хорошій актеръ негодуетъ на хлопанье райка; горе журналисту, если онъ нравится литературной черни [1]).

---

[1]) «Московскій Телеграфъ» 1825 года, № 1, январь. Письмо издателя къ N. N., стр. 3—17; 49; 76—96.

Въ первой книжкѣ «Телеграфа» появилось стихотвореніе Пушкина *«Телѣга жизни»* съ нѣкоторыми перемѣнами, сдѣланными княземъ Вяземскимъ:

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ не слѣзетъ съ облучка.
Съ утра садимся мы въ телѣгу,
Мы погоняемъ съ ямщикомъ
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: «валяй по всѣмъ по тремъ!»
Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги,
Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги,
Кричимъ: «полегче, дуралей».
Катитъ попрежнему телѣга;
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней
И, дремля, ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены: обозрѣніе русской литературы въ 1824 году и краткіе отзывы о различныхъ сочиненіяхъ на иностранныхъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ:

Минье—Histoire de la révolution française, и проч.

Шлоссера—Weltgeschichte in zusammenhängender Erzählung, и проч.

Narrative of a pedestrian journey, и проч. Описаніе путешествія пѣшкомъ черезъ Россію отъ китайской границы до Ледовитаго моря и до Камчатки.

Osservationi intorno ai moderni sistemi sulli antichità Etrusche, и т. д.

Интересъ журнала возросталъ съ каждою новою книжкою. По замѣчанію одного изъ нашихъ писателей, со времени «Телеграфа» журналы стали преобладать въ нашей литературѣ, и только такія явленія, какъ поэма Пушкина или повѣсть Гоголя, могли обратить на себя всеобщее вниманіе и заставить, хотя на время, журналу предпочесть книгу.

Но чѣмъ сильнѣе былъ успѣхъ «Телеграфа», чѣмъ болѣе нравился онъ читателямъ, тѣмъ рѣшительнѣе выступали его противники, подвизавшіеся на журнальномъ поприщѣ. Въ высшей степени любопытны сужденія и взгляды, кото-

рые высказывались въ тогдашней печати и литературныхъ кругахъ, а также и въ образованнѣйшей части общества.

Наиболѣе рѣзкія порицанія слышались въ журнальномъ мірѣ; чувство недоброжелательства весьма ясно обнаруживалось въ отзывахъ, и гласныхъ и негласныхъ, нѣкоторыхъ редакторовъ повременныхъ изданій, преимущественно «Сѣверной Пчелы». И самъ Полевой, и князь Вяземскій предполагали и догадывались, что главная роль въ обвиненіяхъ, и притомъ не литературнаго свойства, принадлежала редакціи именно этой газеты. А такого рода обвиненія становились тѣмъ серьезнѣе, что тогда еще живы были воспоминанія о роковомъ днѣ 14-го декабря со всѣми его послѣдствіями.

Помимо своекорыстныхъ разсчетовъ, дѣйствовали противъ Полеваго и другаго рода соображенія. Несочувствіе къ усвоенному имъ направленію выражали и писатели, не имѣвшіе ничего общаго съ людьми, прибѣгавшими къ навѣтамъ и доносамъ. Бывшій долгое время «одушевителемъ» «Московскаго Телеграфа» князь Вяземскій отшатнулся отъ него по причинамъ чисто-литературнымъ. По мнѣнію князя Вяземскаго, Полевой имѣлъ вредное вліяніе на нашу литературу въ томъ отношеніи, что онъ «у насъ родоначальникъ литературныхъ наѣздниковъ, какихъ-то кондотьери, низвергателей законныхъ литературныхъ властей. Онъ изъ первыхъ пріучилъ публику смотрѣть равнодушно, а иногда и съ удовольствіемъ, какъ кидаютъ грязью въ имена, освященныя славою и общимъ уваженіемъ, какъ, напримѣръ, въ имена Карамзина, Жуковскаго, Дмитріева, Пушкина» [1]). Прочитавши въ «Телеграфѣ» критику на исторію Карамзина, князь Вяземскій навсегда разстался съ издателемъ «Телеграфа». Нападки на Карамзина возбудили также негодованіе и въ Жуковскомъ, и въ Пушкинѣ. Даже Бѣлинскій, при всемъ своемъ сочувствіи къ критическимъ статьямъ и пріемамъ Полеваго, называетъ одною изъ важнѣйшихъ ошибокъ автора «Исторіи русскаго народа» отношеніе его къ историческому труду Карамзина. Бѣлинскій говоритъ: «Полевой напечаталъ въ своемъ жур-

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1884 года, томъ IX, стр. 211.

налѣ критическую статью объ «Исторіи государства Россійскаго». Статья была превосходно написана; мѣра заслугъ Карамзина оцѣнена въ ней была вѣрно, безпристрастно, *съ полнымъ уваженіемъ къ имени знаменитаго писателя.* Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилось въ «Телеграфѣ» объявленіе о скоромъ выходѣ «Исторіи русскаго народа». Тогда появилась противъ Полеваго страшная буря: его статья объ исторіи Карамзина объяснялась его противниками, какъ предисловіе къ объявленію о подпискѣ на собственную исторію. Но всѣ эти вопли Полевому легко было сдѣлать ничтожными: ему стоило только *всегда сохранять тонъ должнаго уваженія къ Карамзину,* даже доказывая его ошибки. Но онъ не вытерпѣлъ, и досаду на своихъ противниковъ сталъ вымѣщать на исторіи Карамзина. Исторія русскаго народа явилась съ двойнымъ текстомъ: въ одномъ была исторія, а въ другомъ—довольно нехладнокровныя нападки на Карамзина, и каждому изъ этихъ текстовъ было отведено ровно въ полустраницѣ... Пожалѣемъ о слабости замѣчательнаго человѣка, но *не будемъ оправдывать его слабости* или называть ихъ добродѣтелью»[1]).

Въ обществѣ нашемъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой его части, журналъ Полеваго возбуждалъ весьма оживленныя пренія и толки. Одни изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей того времени высказывали бо̀льшее или мѐньшее сочувствіе къ цѣли и направленію журнала; другіе относились къ нему весьма враждебно.

Московскій генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ былъ почти постояннымъ защитникомъ Полеваго, стараясь нѣсколько смягчать карательныя мѣры противъ либеральнаго журналиста. Графъ Бенкендорфъ также принималъ иногда сторону Полеваго. Когда на Полеваго пало тяжкое обвиненіе въ распространеніи преступныхъ мыслей посредствомъ своего журнала, графъ Бенкендорфъ старался какъ бы выгораживать Полеваго. Послѣднее его объясненіе съ графомъ Бенкендорфомъ, въ присутствіи Уварова, требовавшаго запрещенія «Телеграфа», Ксеноф. Ал. Полевой опи-

---

[1]) Николай Алексѣевичъ Полевой. Сочиненіе В. Бѣлинскаго, 1846 года, стр. 48.

сываетъ такимъ образомъ: «Вообще, *какъ говорилъ мнѣ братъ мой*, графъ Бенкендорфъ казался больше защитникомъ его, или, по крайней мѣрѣ, доброжелателемъ. Онъ не только удерживалъ порывы Уварова, но иногда подшучивалъ надъ нимъ, иногда просто смѣялся, и во все время страшнаго допроса, какой производилъ министръ просвѣщенія, шефъ жандармовъ старался придать характеръ обыкновеннаго разговора тягостному состязанію бѣднаго журналиста съ его обвинителемъ. Съ этой поры братъ мой составилъ себѣ мнѣніе о прекрасныхъ качествахъ души графа Бенкендорфа, который оправдалъ такое мнѣніе во всѣхъ послѣдующихъ сношеніяхъ съ нимъ»[1]). Не подобныя ли отношенія къ шефу жандармовъ послужили поводомъ къ тому, что Пушкинъ въ дневникѣ своемъ назвалъ Полеваго баловнемъ полиціи, умѣвшимъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска [2])?

Враждебныя отношенія Уварова къ издателю «Телеграфа» братъ издателя объясняетъ колкими замѣчаніями, появлявшимися въ «Телеграфѣ» о календаряхъ, издаваемыхъ академіею наукъ, гдѣ Уваровъ былъ президентомъ, и о «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», выходившихъ также при академіи.

Искреннимъ доброжелателемъ Полеваго былъ Н. С. Мордвиновъ, одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей своего времени. Вліяніе Мордвинова отражается и въ отношеніяхъ Шишкова къ издателю «Телеграфа». Лично для Шишкова особенно пріятно было то, что Полевой — коренной *русскій* человѣкъ, вышедшій изъ народа. Открывая русскому купцу возможность дѣйствовать въ литературѣ, Шишковъ былъ счастливъ тѣмъ, что даетъ ходъ чисто-русскому дарованію.

Намѣтивши въ общихъ чертахъ тѣ условія, при которыхъ дѣйствовалъ Полевой, представимъ нѣсколько наиболѣе крупныхъ и выдающихся данныхъ изъ исторіи его журнальной дѣятельности.

Прошло не болѣе двухъ съ половиною лѣтъ со времени появленія «Телеграфа», и Полевой нашелъ уже возможнымъ

---

[1]) Рукописныя записки Ксенофонта Алексѣевича Полеваго, часть II, глава VII, стр. 149.

[2]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе восьмое. 1882 года. Томъ V, стр. 233.

вмѣсто одного журнала издавать три повременныя изданія газету — «*Компасъ*», литературный журналъ — «*Московскій Телеграфъ*» и ученый журналъ — «*Энциклопедическія лѣтописи отечественной и иностранной литературъ*». Въ іюлѣ 1827 года Полевой представилъ въ цензурный комитетъ Московскаго университета планъ своихъ предполагаемыхъ изданій [1]).

«Предположивъ, въ концѣ 1824 года, издавать въ Москвѣ современное сочиненіе, подъ названіемъ: «*Московскій Телеграфъ*», поставилъ я правиломъ для онаго: соединеніе полезнаго съ пріятнымъ и доставленіе отечественнымъ читателямъ разнообразнаго, и сколько поучительнаго, столько и занимательнаго, чтенія. Сего надѣялся я достигнуть, помѣщая въ «Телеграфѣ» статьи разнаго рода, изъ ученыхъ иностранныхъ новыхъ книгъ и журналовъ, присоединивъ къ тому: сочиненія отечественныхъ и иностранныхъ писателей, собственно къ словесности относящіяся; разныя современныя новости; критику на важныя или замѣчательныя явленія иностранныхъ литературъ и полное критическое обозрѣніе современной русской литературы, такъ что «Телеграфъ» составился изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) *науки и искусства;* 2) *критика и библіографія;* 3) *современныя происшествія;* 4) *словесность (стихи и проза);* 5) *смѣсь.*

«Объемля сіи предметы, съ нѣкоторыми измѣненіями въ наружномъ расположеніи; въ теченіе 1825 и 1826 продолжалъ я, и въ семъ 1827 году продолжаю, мое изданіе. Одобреніе трудовъ и занятій моихъ можетъ ручаться за нѣкоторый успѣхъ моего предпріятія. Имѣвъ честь удостоиться словесныхъ, письменныхъ и печатныхъ лестныхъ отзывовъ о «Телеграфѣ» отъ почтеннѣйшихъ особъ и литераторовъ отечественныхъ, изъ коихъ весьма многіе почтили «Телеграфъ» своимъ участіемъ, я былъ, сверхъ того, удостоенъ принятія въ дѣйствительные члены московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, санктпетербургскаго Общества любителей словесности и казанскаго Общества любителей отечественной словесности. Осмѣливаюсь замѣтить, что «Телеграфъ» получилъ многія одобренія во француз-

[1]) Архивъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета, дѣла 1827 года, № 87.

скихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ журналахъ и книгахъ. Статьи изъ онаго переводимы были съ похвалою въ иностранные журналы.

«Такое вниманіе отечественной и иностранной публики побуждало меня къ дальнѣйшему распространенію полезной цѣли моего изданія. Не смотря на нѣкоторый успѣхъ предпріятія, я видѣлъ, что цѣль моя достигнута не вполнѣ, ибо обзоры иностранныхъ литературъ были въ «Телеграфѣ» весьма недостаточны, обозрѣніе современныхъ происшествій неудовлетворительно, а также и обозрѣніе современной русской литературы.

«Главнѣйшимъ препятствіемъ былъ недостаточный размѣръ журнала; ибо, хотя число листовъ было увеличено мною, противъ обѣщаннаго въ программѣ, *почти вдвое,* я не могъ вмѣстить въ «Телеграфъ» ни одного отдѣленія вполнѣ, и весьма часто любопытныя и важныя статьи принужденъ былъ оставлять по недостатку мѣста. Многія извѣстія не могли имѣть цѣны новости, а желаніе ускорить сообщеніемъ вдругъ разнообразныхъ предметовъ замедляло появленіе книжекъ. Соображая все сіе, дабы составить *полное обозрѣніе современнаго просвѣщенія и настоящія лѣтописи современной исторіи,* нахожу я необходимымъ распространить и раздѣлить содержаніе моего журнала, и предполагаю издавать три слѣдующаго содержанія изданія:

«1) Газету по два раза въ недѣлю, въ которой немедленно и кратко должны быть сообщаемы новости политическія и литературныя.

«2) Журналъ, въ которомъ должны заключаться ученаго и литературнаго содержанія статьи, сочиняемыя и переводимыя изъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и журналовъ; критическіе разборы замѣчательныхъ произведеній, переводимые изъ иностранныхъ журналовъ, и критика отечественныхъ и иностранныхъ сочиненій, имѣющихъ временную занимательность, и, наконецъ,

«3) Журналъ совершенно ученаго содержанія, который могъ бы образовать собою авторитетъ русской ученой критики.

«Для выполненія такого полезнаго литературнаго предпріятія, предположено мною съ будущаго 1828 года, сверхъ

«Телеграфа», еще изданіе газеты: «*Компасъ*», и журнала: «*Энциклопедическія лѣтописи*». Расположеніе какъ «Телеграфа», такъ и сихъ изданій предначертывается слѣдующее:

«Компасъ».

«Политическая и литературная газета должна выходить въ назначенные дни, *два раза въ недѣлю*, каждый разъ по одному листу, а всего 104 нумера въ годъ. Содержаніе оной:

«1) *Извѣстія* о современныхъ происшествіяхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, извлекаемыя изъ иностранныхъ вѣдомостей.

«2) *Извѣстія* о разныхъ событіяхъ въ Россіи, важнѣйшихъ статистическихъ перемѣнахъ, ученыхъ и художественныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ и проч.

«3) *Ученыя извѣстія* объ успѣхахъ наукъ и искусствъ въ другихъ государствахъ, объ ученыхъ обществахъ, біографическія и некрологическія извѣстія.

«4) *Иностранная библіографія:* извѣстія о произведеніяхъ иностранныхъ литературъ, съ краткими замѣчаніями.

«5) *Отечественная библіографія:* извѣстія *о всѣхъ* вновь выходящихъ въ Россіи книгахъ и журналахъ, географическихъ картахъ, важнѣйшихъ эстампахъ и нотахъ.

«6) *Московскія записки:* извѣстія о разныхъ событіяхъ московскихъ, увеселеніяхъ и проч.

«7) *Театръ:* извѣстія о новыхъ пьесахъ, представляемыхъ на с.-петербургскомъ и московскомъ театрахъ.

«8) *Извѣстія коммерческія:* о цѣнахъ товаровъ, вексельныхъ и денежныхъ курсахъ и другихъ предметахъ, касательно коммерціи отечественной и иностранной.

«По причинѣ скораго выхода сей газеты, осмѣливаюсь испрашивать разрѣшенія выпуска оной изъ типографіи, послѣ надлежащей цензуры, и не въ опредѣленные для собранія цензурнаго комитета дни.

«Московскій Телеграфъ».

«Журналъ словесности, критики, наукъ и искусствъ, который, на прежнемъ основаніи, долженъ выходить книжками *два раза въ мѣсяцъ;* а всего 24 № въ годъ. Содержаніе онаго:

«1) *Литература.* Статьи касательно теоріи и практики всѣхъ вообще знаній и наукъ (кромѣ богословія, медицины, математики, физики и химіи). Сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ русскихъ литераторовъ.

«2) *Критика.* Разборы замѣчательныхъ явленій иностранныхъ литературъ, переводимые изъ иностранныхъ новыхъ книгъ и журналовъ. Разборы русскихъ сочиненій, составляемые иностранными критиками, съ замѣчаніями на оные. Разборы произведеній отечественной и иностранной словесности, составляемые русскими критиками.

«3) *Смѣсь.* Переводныя и сочиняемыя статьи о нравахъ, обычаяхъ различныхъ народовъ; замѣчанія литературныя; разныя извѣстія.

«Энциклопедическія лѣтописи отечественной и иностранной литературъ».

«Сей журналъ долженъ состоять единственно изъ обширныхъ критическихъ разборовъ важнѣйшихъ произведеній русской, нѣмецкой, французской, англійской и итальянской литературъ, — какъ составляются извѣстные ученые журналы: Wiener Jahrbücher der Litteratur, Göllingische gelehrte Anzeigen, Quarterly Review, Journal des Savans и другіе.

«Разборы сіи будутъ обнимать всѣ отрасли знаній и будутъ составляемы извѣстнѣйшими учеными людьми нашего отечества, которые обѣщали, каждый по своей части, участвовать въ семъ совершенно новомъ въ Россіи, по содержанію своему, журналѣ.

«По составу и содержанію своему сей журналъ, требуя тщательной обработки и особеннаго внимательнаго занятія, будетъ выходить только *четыре раза въ годъ*, книгами отъ 15-ти до 20-ти печатныхъ листовъ каждая.

«Подкрѣпляемый вниманіемъ публики и участіемъ многихъ литераторовъ и ученыхъ мужей, осмѣливаюсь ласкать себя надеждою, что новыя предпріятія мои получатъ успѣхъ, при тѣхъ благотворныхъ содѣйствіяхъ, какими подкрѣпляются

въ Россіи всѣ благія начинанія для пользы и чести отечества.

«Издатель «Московскаго Телеграфа»
«московскій 2-й гильдіи купецъ
«Николай, Алексѣевъ сынъ, Полевой».

На случай, еслибы какія либо непредвидимыя обстоятельства воспрепятствовали, до истеченія годового срока, самому Полевому заниматься изданіемъ, онъ предоставлялъ право на всѣ три изданія члену-корреспонденту академіи наукъ Павлу Михайловичу Строеву, извѣстному многими учеными трудами. П. М. Строевъ изъявилъ полное согласіе продолжать, въ случаѣ надобности, дѣло, начатое Полевымъ.

Главный цензурный комитетъ полагалъ дозволить Полевому изданіе журналовъ: «*Московскій Телеграфъ*» и «*Энциклопедическія лѣтописи*» и газеты «*Компасъ*»; что же касается политическихъ извѣстій и статей о театрѣ, то комитетъ представилъ это на разрѣшеніе министра. Министръ Шишковъ приказалъ снестись съ министромъ иностранныхъ дѣлъ насчетъ отдѣла политическихъ извѣстій. Сужденія о театральныхъ пьесахъ и объ игрѣ актеровъ не рѣшился дозволить на томъ основаніи, что «вопросъ о семъ остался неразрѣшеннымъ» и распоряженіе бывшаго министерства полиціи, запретившее печатать статьи объ игрѣ актеровъ, оставалось еще въ силѣ и даже вновь подтверждено въ 1824 году. «На прочее министръ изъявилъ свое согласіе». Но ему пришлось, неожиданно для него самого, перемѣнить свое рѣшеніе и, вмѣсто согласія, отвѣчать отказомъ. Такая перемѣна произошла вслѣдствіе того, что шефу жандармовъ Бенкендорфу представлено было нѣсколько записокъ, съ настойчивыми и весьма нехладнокровными обвиненіями Полеваго и его сотрудниковъ. Въ теченіе пяти дней Бенкендорфъ получилъ три обвинительныя записки слѣдующаго содержанія:

I.

«19-го августа.

«Издатель журнала «*Московскій Телеграфъ*», купецъ *Полевой*» старается пріобрѣсть позволеніе на изданіе въ Москвѣ частной политической газеты съ будущаго 1828 года.

По сему случаю осмѣливаемся сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

«1) Изданіе политической газеты даже въ конституціонныхъ государствахъ повѣряется людямъ, извѣстнымъ своею привязанностію къ правительству; опытнымъ и умѣющимъ дѣйствовать на мнѣніе. Въ политической газетѣ самое молчаніе о предметахъ, могущихъ произвести пріятное впечатлѣніе, и простой голый разсказъ о событіяхъ, представляющихъ власть въ видѣ превратномъ, могутъ волновать умы и посѣвать неблагопріятныя ощущенія въ читателяхъ. Цензура не можетъ заставить издателя разсуждать въ пользу монархическаго правленія, или говорить, гдѣ ему угодно молчать, а потому духъ газеты всегда зависитъ отъ образа мыслей издателя. Г. Полевой, по происхожденію своему, принадлежитъ къ среднему сословію, которое, по натурѣ вещей, всегда болѣе наклонно къ нововведеніямъ, обѣщающимъ имъ уравненіе въ правахъ съ привилегированными классами: сей образъ его мыслей обнаруженъ въ поданномъ министру финансовъ мнѣніи московскаго купечества, въ концѣ царствованія блаженной памяти императора Александра. Мнѣніе сіе сочинено г. Полевымъ и въ свое время произвело большіе толки: тамъ и Вольтеръ, и Дидеротъ выведены на сцену для защиты правъ московскаго купечества. Въ «Московскомъ Телеграфѣ» безпрестанно помѣщаются статьи, запрещаемыя с.-петербургскою цензурою, и разборы иностранныхъ книгъ, запрещенныхъ въ Россіи. Въ нынѣшнемъ году помѣщались тамъ письма А. Тургенева изъ Дрездена, гдѣ явно обнаружено сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ и прошедшихъ златыхъ временахъ. Вообще духъ сего журнала есть оппозиція, и все, что запрещается въ Петербургѣ говорить о независимыхъ областяхъ Америки и ея герояхъ, съ восторгомъ помѣщается въ «Московскомъ Телеграфѣ». Сіе замѣчено уже и генераломъ Волковымъ.

«2) Г. Полевой, по своему рожденію, не имѣя мѣста въ кругу большого свѣта, ищетъ протекціи людей высшаго состоянія, занимающихся литературою, и, само по себѣ разумѣется, одинакаго съ нимъ образа мыслей. Главнымъ его протекторомъ и даже участникомъ по журналу есть извѣстный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, который, промотав-

шись, всѣми средствами старается о пріобрѣтеніи денегъ. Образъ мыслей Вяземскаго можетъ быть достойно оцѣненъ по одной его стихотворной пьесѣ: *Негодованіе*, служившей катехизисомъ заговорщиковъ, которые чуждались его единственно по его безхарактерности и непомѣрной склонности къ игрѣ и крѣпкимъ напиткамъ. Сей-то Вяземскій есть меценатъ Полеваго и надоумилъ его издавать политическую газету [1]).

«3) Москва есть большая деревня. Тамъ вещи идутъ другимъ порядкомъ, нежели въ Петербургѣ, и цензура тамъ никогда не имѣла ни постоянныхъ правилъ, ни ограниченнаго круга дѣйствія. Замѣчательно, что отъ временъ Новикова всѣ запрещенныя книги и всѣ вредныя, нынѣ находящіяся въ оборотѣ, напечатаны и одобрены въ Москвѣ. Даже «Думы» *Рылѣева* и его поэма *Войнаровскій*, запрещенныя въ Петербургѣ, позволены въ Москвѣ. Все запрещаемое здѣсь печатается безъ малѣйшаго затрудненія въ Москвѣ. Сколько было промаховъ по газетамъ и журналамъ, то всегда это случалось въ Москвѣ. Всѣ политическія новости и внутреннія происшествія иначе понимаются и иначе толкуются въ Москвѣ, даже людьми просвѣщенными. Москва, удаленная отъ центра политики, всегда превратно толковала происшествія, и журналы, даже статьи изъ петербургскихъ газетъ, помѣщаютъ ихъ часто столь неудачно съ пропусками, что дѣла представляются въ другомъ видѣ. Вообще, московскіе цензоры, не имѣя никакого сообщенія съ министерствами, въ политическихъ предметахъ поступаютъ наобумъ и часто дѣлаютъ непозволительные промахи. По связямъ Вяземскаго, они почти безусловно ему повинуются.

«4) Г. Полевой, какъ сказано, состоитъ подъ покровительствомъ князя Вяземскаго, который, по родству съ женою покойнаго исторіографа Карамзина, находится въ связяхъ съ товарищемъ министра просвѣщенія Блудовымъ. Не взирая на то, что самъ Карамзинъ зналъ истинную цѣну Вя-

---

[1]) Эти обвиненія вскорѣ сдѣлались извѣстны князю Вяземскому и вызвали со стороны его горячія опроверженія въ письмахъ къ князю Д. В. Голицыну, напечатанныхъ въ «Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго» (томъ IX, стр. 99—106. Ср. также томъ II, стр. 98—102 и друг.).

земскаго, Блудовъ, изъ уваженія къ памяти Карамзина, не откажетъ ни въ чемъ Вяземскому. Изъ угожденія Блудову, можно въ крайности позволить Полевому помѣщать политику въ своемъ двухнедѣльномъ журналѣ «Московскомъ Телеграфѣ», но выдавать особую политическую газету въ Москвѣ невозможно, по причинамъ вышеизъясненнымъ и для предупрежденія зла, которое послѣ гораздо труднѣе будетъ истребить.

«Весьма полезно было бы, чтобы вообще позволеніе вновь издавать политическія газеты даваемо было не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, какъ сіе дѣлается во Франціи.

II.

«21-го августа.

«Я наугадъ выбралъ по одной книжкѣ изъ первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1827 года. Въ прошлыхъ годахъ есть гораздо сильнѣйшія вещи, именно политическія:

«1) Если со вниманіемъ прочесть замѣченныя мѣста въ первой статьѣ № 1, то ясно обнаружится желаніе издателя— дать почувствовать читателямъ, что письмо сіе пишется Николаю *Тургеневу* подъ вымышленными буквами, явный ропотъ противу притѣсненія просвѣщенія, которое называютъ *запретною розою*, и сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ, на страницѣ 9, было всѣми понято и доставило большой ходъ журналу. Въ статьѣ все жалуются *на два* послѣдніе года, т. е. 1825 и 1826—время отлучки Тургенева и ссылки бунтовщиковъ. Все такъ ясно изъяснено, что не требуетъ поясненій.

«2) Въ № 4, февраль, статья: Путешествіе въ Эрменонвиль написана въ такомъ духѣ, что сочинитель *Contrat Social* представленъ первымъ и величайшимъ философомъ. Извѣстно, сколько зла надѣлалъ Руссо своими мечтаніями, а ему велятъ вѣрить! Стоитъ прочесть всю статью, что отмѣчено.

«3) Въ № 6, мартъ, статья: Философія исторіи наполнена революціонныхъ правилъ. Стоитъ прочесть замѣченныя мѣста. Особенно достойно примѣчанія мѣсто на концѣ 113 и переносъ на 114 страницу. Спрашивается, что значитъ:

«ученіе средины послѣдняго вѣка, которое навѣки пребудетъ убѣжищемъ всѣхъ избранныхъ душъ». Каждый школьникъ знаетъ, чему учили энциклопедисты въ половинѣ 18-го столѣтія.

«4) Въ № 7, апрѣль, приведено доказательство, какъ издатель умѣетъ въ рецензіи поэзіи примѣшивать политику. Замѣченныя мѣста содержатъ въ себѣ самый явный карбонаризмъ.

III.

«23-го августа.

«Издатель «Московскаго Телеграфа» *Полевой* самъ пріѣхалъ сюда хлопотать о позволеніи издавать съ будущаго 1828 года политическую газету: *«Компасъ»*, т. е. указатель и руководитель мнѣній. *Полеваго* покровительствуютъ всѣ такъ называемые патріоты, и даже Мордвиновъ. Всѣ замѣченные въ якобинизмѣ москвичи: *Титовъ, Кирѣевскій, Соболевскій* — сотрудники «Телеграфа». Покровители онаго князь Вяземскій и бывшій профессоръ *Давыдовъ,* самый отважный якобинецъ. Если свыше не взято будетъ мѣръ, то якобинство пріобрѣтетъ величайшую силу для дѣйствованія на умы. Дѣло о «Компасѣ» уже въ ходу, и всѣ русскіе такъ называемые патріоты торжествуютъ. Здѣсь ходатаемъ Полеваго нѣкто *Нечаевъ,* принадлежавшій къ союзу благоденствія, какъ то оказалось изъ добровольнаго сознанія тульскаго почтмейстера. Самъ *Полевой* нынѣ въ Петербургѣ; Нечаевъ возилъ его къ Мордвинову, и онъ уже похваляется согласіемъ Блудова и министра и говоритъ, что для него будетъ разрѣшено печатать извѣстія безъ сношенія съ министерствами.

«Я счелъ непремѣннымъ долгомъ еще разъ обратить вниманіе на сей предметъ; ибо, по всѣмъ извѣстіямъ, духъ молодежи въ Москвѣ весьма дуренъ. *Соболевскій,* побочный сынъ Соймонова, замѣченный въ весьма либеральныхъ правилахъ и извѣстный по письму сомнительнаго содержанія къ *Кирѣевскому,* прибылъ сюда и остановился у кавалергардскаго офицера *князя Трубецкаго,* въ домѣ *Устинова,* у Семеновскаго моста.

«*Кирѣевскаго* также ожидаютъ.

«*Т..овъ* здѣсь служитъ въ иностранной коллегіи. Молодой человѣкъ развратныхъ правилъ.

«Вчера въ цензурномъ комитетѣ подписанъ журналъ о дозволеніи издавать въ Москвѣ: газету «Компасъ» (политическую) и журналъ «Энциклопедія». Какія заглавія одни!!

«Извѣстный *Соболевскій* (молодой человѣкъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ заграницу. Было бы жаль. Пушкина надобно беречь какъ дитя. Онъ поэтъ, живетъ воображеніемъ и его легко увлечь. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. Атаманы — князь *Вяземскій* и *Полевой;* пріятели: *Титовъ, Шевыревъ, Рожалинъ* и другіе москвичи. Соболевскій водится съ кавалергардами».

Въ одной изъ приведенныхъ записокъ, стихотвореніе князя Вяземскаго «*Негодованіе*» называется катехизисомъ декабристовъ. Въ этомъ, весьма длинномъ, стихотвореніи, написанномъ въ 1818 году, поводомъ къ обвиненію автора послужили стихи въ родѣ слѣдующихъ [1]):

Безстыдство предсѣдитъ въ собраніи вельможъ...
Зрѣлъ промышляющихъ спасительнымъ глаголомъ,
Ханжей, торгующихъ ученіемъ святымъ,
Въ забвеньи Бога душъ —однимъ земнымъ престоламъ
Кадящихъ трепетно, однимъ богамъ земнымъ.
    Хранители казны народной,
    На правый судъ сберитесь вы;
Отвѣтствуйте: гдѣ дань отчаянной вдовы?
    Гдѣ подать сироты голодной?
Корыстною рукой заграбилъ ихъ развратъ.
Презрѣвъ укоръ людей, забывъ небесъ угрозы,
Испили жадно вы средь пиршескихъ прохладъ
Кровавый потъ труда и нищенскія слезы.
На хищный вашъ алтарь въ усердіи слѣпомъ
Народъ имущество и жизнь свою приноситъ...
...Загорится день, день торжества и казни;
Раздастся пѣснь побѣдъ вамъ, истины жрецы,
    Вамъ, други чести и свободы!
    Вамъ—плачъ надгробный, вамъ, отступники природы,
    Вамъ, притѣснители, вамъ, низкіе льстецы!..

---

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1880, томъ III, стр. 164—169.

По собственному свидѣтельству князя Вяземскаго, стихотвореніе «*Негодованіе*» написано имъ «не въ мятежномъ и не въ ниспровергающемъ, а въ либеральномъ и конституціонномъ духѣ, или законно-свободномъ, по выраженію императора Александра» [1]).

Статья «Московскаго Телеграфа», помѣщенная въ первой книжкѣ 1827 года, въ видѣ письма будто бы къ Николаю Тургеневу и будто бы сѣтующая о судьбѣ декабристовъ, въ дѣйствительности называется: *Взглядъ на русскую литературу 1825 и 1826 годовъ, письмо въ Нью-Іоркъ, къ С. Д. П.*, т. е. къ Сергѣю Дмитріевичу Полторацкому, съ которымъ Полевой находился въ дружескихъ отношеніяхъ, начиная съ 1825 года [2]). Такъ какъ статья посвящена краткому обзору русской литературы 1825 и 1826 годовъ, то весьма естественно, что въ ней идетъ рѣчь именно объ этихъ годахъ. Обвиненіе въ порицаніи притѣснительныхъ мѣръ противъ просвѣщенія относится къ слѣдующему мѣсту статьи: «Со времени двухлѣтней отлучки твоей, съ тѣхъ поръ, какъ ты самъ пересталъ быть внимательнымъ наблюдателемъ литературы отечественной, участь ея мало перемѣнилась. Эта *запретная роза* остается попрежнему запретною: соловьи свищутъ около нея, но, кажется, не хотятъ или не смѣютъ влюбиться постоянно, и только рои пчелъ и шмелей высасываютъ медъ изъ цвѣточка, который ни вянетъ, ни цвѣтетъ, а остается такъ, въ какомъ-то грустномъ, томительномъ состояніи. Подумаешь, что русская литература выбрала девизомъ: *впередъ не забѣгай, назади не оставайся и въ срединѣ не вертись*». Весьма прозрачный намекъ на декабристовъ, не мало способствовавшій успѣху журнала, видѣли въ словахъ статьи: «Смотрю на кругъ друзей нашихъ, прежде оживленный, веселый, и часто, думая о тебѣ, съ грустью повторяю слова Сади или Пушкина, который намъ передалъ слова Сади: *Однихъ ужъ нѣтъ; другіе странствуютъ далеко*» [3]).

---

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1879, томъ II, стр. XI.

[2]) Объ отношеніяхъ Н. А. Полеваго къ С. Д. Полторацкому говорится въ запискахъ Кс. А. Полеваго, 1860, ч. I, стр. 226—230.

[3]) «Московскій Телеграфъ». 1827, ч. XIII. Отдѣленіе первое, стр. 5—9.

Обвинительныя записки сдѣлали свое дѣло. Шишковъ долженъ былъ взять назадъ свое дозволеніе и, вопреки своему желанію и рѣшенію, отвѣчать цензурному комитету такимъ образомъ: «Я не могу изъявить своего согласія, вопервыхъ, потому, что въ составъ одного изъ сихъ сочиненій входятъ политическія извѣстія, которыя московскій цензурный комитетъ, не имѣя опредѣленнаго уставомъ о цензурѣ особаго наставленія, разсматривать и одобрять къ напечатанію безъ затрудненія не можетъ; и, во-вторыхъ, что для позволенія г. Полевому распространить кругъ дѣйствія своего, какъ повременному издателю, надлежитъ, на основаніи существующихъ узаконеній, имѣть правительству надежнѣйшее того обезпеченіе, которое признано достаточнымъ для издаванія одного только «*Телеграфа*». При семъ почитаю нужнымъ подтвердить г. Полевому, касательно издаваемаго имъ журнала, чтобы онъ при выборѣ помѣщаемыхъ въономъ статей, дѣйствовалъ съ величайшею осмотрительностію» [1]).

Враги Полеваго, торжествуя побѣду, поспѣшили заявить, куда слѣдуетъ, о впечатлѣніи, которое произвелъ отрицательный отвѣтъ Шишкова. Они писали Бенкендорфу:

«Достойно замѣчанія, что за *Полевымъ*, намѣревавшимся издавать «*Компасъ*» и «*Энциклопедію*» въ Москвѣ, кромѣ своего «*Телеграфа*», пріѣхала въ Петербургъ цѣлая когорта москвичей, изъ коихъ самый дурной—сотрудникъ его, *Соболевскій*, а самый безтолковый и подозрительный цензоръ его *Снигиревъ*, который, имѣя порученіе визитировать школы въ Новгородѣ, заѣзжалъ въ Петербургъ. *Полеваго* сильно протежировали такъ называемые русскіе патріоты, или, какъ ихъ въ насмѣшку называютъ, *русскіе думники*. Первымъ протекторомъ былъ *Н. С. Мордвиновъ*. *Блудовъ* протежировалъ лишь по связи съ *Вяземскимъ*. Возилъ повсюду *Полеваго* извѣстный журналистъ *Свиньинъ*, который слыветъ подъ именемъ *мѣднаго лба* и *patriote réchauffé*. *Кикинъ* сильно дѣйствовалъ въ его пользу. Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, и всѣ крайне удивились, когда

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла 1825—1827 г., № 188 (127,219); 1-й столъ.

Шишковъ объявилъ въ свое оправданіе, что запрещено *свыше*. Впрочемъ, Шишковъ, вѣроятно, видѣлъ предосудительныя мѣста въ «*Телеграфѣ*», ибо онъ былъ раздосадованъ на *Полеваго* и даже сказалъ: «Еслибъ мнѣ порядочно досталось за этотъ журналъ, то въ первый разъ было бы подѣломъ!» Жена Шишкова говорила, что *Н. С. Мордвиновъ* сильно нападалъ на ея мужа, зачѣмъ онъ не *отстоялъ Полеваго*, ибо онъ купецъ и патріотъ, а *намъ* должно поддерживать русскія дарованія.

«Литераторы здѣшніе и даже многіе москвичи чрезвычайно рады этому запрещенію. *Полевой* приписываетъ князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну сіе запрещеніе. Патріоты, такъ называемые *думники*, повѣсили носъ.

«Здѣсь получено извѣстіе, что *Вяземскій* переходитъ къ другой партіи и научаетъ молодыхъ людей: *Михайлу Дмитріева, Писарева молодого* и еще нѣсколькихъ, испросить позволеніе на изданіе политической газеты въ Москвѣ. Ему непремѣнно хочется имѣть въ Москвѣ *частную* политическую газету».

Полученный отказъ и зловѣщее «подтвержденіе» послужили началомъ цѣлаго ряда мѣръ, направленныхъ противъ журнальныхъ предпріятій Полеваго. Не смотря на множество замѣчаній, выговоровъ, внушеній и совѣтовъ, имѣвшихъ обязательную силу приказаній, Полевой не падалъ духомъ и съ замѣчательною послѣдовательностью стремился къ достиженію намѣченной цѣли. Въ 1831 году онъ выступилъ съ новымъ проектомъ, который здѣсь и приводимъ [1]):

Начертаніе «Московскаго Телеграфа» на 1832-й годъ.

Не смотря на лестные отзывы и письменныя и печатныя похвалы мужей ученыхъ и достойныхъ всякаго уваженія, также постоянное вниманіе читающей публики, издатель «Московскаго Телеграфа» полагаетъ, что онъ не достигалъ вполнѣ своей цѣли.

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла 1831 года. № 420. (147,081).

«Разнообразное, пріятное и полезное чтеніе имѣлъ издатель въ виду. Для чего соединялъ онъ въ каждой книжкѣ «Телеграфа» статьи самаго различнаго содержанія: ученыя, литературныя, сатирическія, стихотворенія, описанія модъ и проч.

«Но сіе соединеніе представляло болѣе пестроту, нежели систематическое разнообразіе. Статьи мѣшались одна съ другою, прерывались невольно, и всегда была теряема читателями послѣдственность предметовъ.

«Общій планъ для каждой книжки «Телеграфа», съ малыми измѣненіями, состоитъ въ семъ 1831 году въ слѣдующемъ:

«1) Статьи ученаго содержанія;

«2) Изящная словесность;

«3) Рецензіи;

«4) Библіографія;

«5) Матеріалы для наукъ и знаній;

«6) Статьи о театрѣ;

«7) Отечественныя извѣстія;

«8) Мелкія статьи и смѣсь.

«9) Особое прибавленіе сатирическаго содержанія подъ названіемъ: *Новый живописецъ общества и литературы*, и при немъ парижскія моды.

«Съ 1832 года издатель предполагаетъ издавать «Телеграфъ» въ *трехъ* разныхъ отдѣленіяхъ, а именно:

«1) Четыре большія книжки въ годъ, каждая черезъ четыре мѣсяца, подъ названіемъ: «*Московскій. Телеграфъ*».

«2) Пятьдесятъ двѣ небольшія книжки въ годъ, каждая черезъ недѣлю, подъ названіемъ: *Прибавленіе къ «Московскому Телеграфу»*.

«3) Сто четыре полулиста на французскомъ языкѣ подъ названіемъ: *Journal des modes*.

«На сіе послѣднее отдѣленіе подписка будетъ приниматься отдѣльно, а два первыя отдѣленія будутъ выдаваемы на подписку совокупно.

«Московскій Телеграфъ».

«Содержаніе его составятъ:

«1) *Рецензіи на книги русскія и иностранныя.* Содержаніе рецензій будетъ опредѣляться книгами, которыя составятъ предметъ критическаго разбора. А посему все, что только входитъ въ область литературы, наукъ, искусствъ, художествъ, знаній, даже ремеслъ, будетъ здѣсь заключаться въ обширныхъ систематическихъ статьяхъ.

«Исключаются только статьи о книгахъ духовныхъ, и вообще до богословія касающихся; также статьи касательно современной политики. Но событія нашего времени въ *исторической формѣ*, то есть, когда они поступили въ область *исторіи*, а не составляютъ предмета политики, не исключаются. Такъ, напримѣръ, еслибы встрѣтилась книга, заключающая въ себѣ описаніе послѣдней войны Россіи съ Турціей, она можетъ быть предметомъ рецензіи; но книги о событіяхъ 1830 и 1831 годовъ исключаются.

«2) *Матеріалы для исторіи, географіи и статистики русской,* какъ-то: грамоты, древнія сочиненія, описанія городовъ, областей русскихъ, и вообще историческія, географическія и статистическія изслѣдованія о Россіи, древней и новой.

«Прибавленіе къ «Московскому Телеграфу».

«1) Статьи оригинальныя и переводныя, о наукахъ, искусствахъ, художествахъ, знаніяхъ, даже ремеслахъ, всѣхъ *безъ исключенія,* съ исключеніемъ только статей духовныхъ, богословскихъ вообще, и касающихся современной политики, съ оставленіемъ историческихъ очерковъ современныхъ, когда они не заключаютъ въ себѣ ничего политическаго.

«2) Изящная словесность: сочиненія и переводы всѣхъ родовъ, въ стихахъ и прозѣ.

«3) Библіографія русская и иностранная.

«4) Статьи о театрѣ.

«5) Мелкія разныя статьи; сатирическія статьи; статьи о нравахъ, обществѣ, литературѣ; смѣсь и пр.

«Journal des modes».

«Содержаніе каждаго полулиста составятъ краткія замѣчанія о модахъ, модныхъ обычаяхъ, книгахъ, составляющихъ легкое чтеніе, смѣсь, анекдоты, словомъ: легкое чтеніе для дамъ.

«При каждомъ полулистѣ будетъ находиться картинка парижскихъ дамскихъ или мужскихъ модъ; иногда изображенія мебелей, экипажей и проч.

«При книжкахъ «Телеграфа» и «Прибавленія» будутъ иногда находиться портреты, картинки, ноты, карты географическія и проч.

«При такомъ расположеніи, можно надѣяться скорѣе удовлетворить какъ любознанію читателей, ищущихъ чтенія важнаго и систематическаго, такъ и охотѣ тѣхъ читателей, которые ищутъ только пріятнаго, занимательнаго чтенія и бѣглаго удовлетворенія любопытства новостью и пестротою статей журнальныхъ.

«Излишне было бы говорить здѣсь, что какъ донынѣ священною обязанностію поставлялъ издатель глубокое благоговѣніе къ священнымъ истинамъ религіи и государственныхъ постановленій, такъ и впредь первымъ долгомъ себѣ поставить сію обязанность христіанина, гражданина и честнаго человѣка. Пламенное усердіе къ отечеству, руководствуемое вѣрноподданническою любовію къ престолу великаго монарха нашего, будетъ одушевлять все, что онъ мыслитъ и пишетъ. Послѣ сихъ основныхъ правилъ—возможное стараніе быть полезнымъ литературными трудами своими соотечественникамъ—такова цѣль его!

«Николай Полевой,

московскій 2-й гильдіи купецъ и кавалеръ, членъ совѣта московской практической коммерческой академіи, московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта и ученыхъ обществъ: московскаго исторіи и древностей россійскихъ, московскаго любителей россійской словесности, с.-петербургскаго соревнователей благотворенія и просвѣщенія и казанскаго любителей россійской словесности».

Представляя въ главное управленіе цензуры проектъ Полеваго, предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета, князь С. М. Голицынъ, счелъ нужнымъ присовокупить собственное свое мнѣніе, заключающееся въ томъ, дабы «журналъ «Московскій Телеграфъ», на предбудущее время, ограничивался одною только литературою, по той причинѣ, что неоднократно въ ономъ помѣщались такія статьи, которыя *не совсѣмъ-то были одобряемы* высшимъ начальствомъ, и что издатель онаго, купецъ Николай Полевой не пользуется совершенною довѣренностью правительства». Министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ представилъ государю программу предполагаемыхъ Полевымъ изданій. Императоръ Николай Павловичъ написалъ: «Не дозволять, ибо и нынѣ ничуть не благонадежнѣе прежняго». Рѣшеніе это послѣдовало въ Москвѣ 7 ноября 1831 года.

Съ появленіемъ Уварова во главѣ министерства народнаго просвѣщенія настали для Полеваго особенно тяжелые дни. Уваровъ представилъ докладъ о запрещеніи «Телеграфа», но государь не изъявилъ на это согласія, и «Телеграфъ» просуществовалъ еще нѣсколько времени, пока новый докладъ не увѣнчался желаемымъ успѣхомъ.

Въ «Московскомъ Телеграфѣ» была помѣщена, въ отдѣлѣ критики, статья о сочиненіи Вальтеръ-Скотта: «Жизнь Наполеона Бонапарте». Въ статьѣ этой говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Вальтеръ-Скоттъ представляетъ насъ истинными варварами, безпрестанно честитъ именемъ скиѳовъ, съ которыми у насъ нѣтъ никакого родства, ни кровнаго, ни духовнаго, и нисколько не раскрываетъ причинъ одушевленія нашего въ 1812 году. Нельзя не сказать кстати, что какой бы ни отмежевали мы участокъ простительному незнанію иностранца, но въ семъ случаѣ историкъ Наполеона совершенно несносенъ. Какъ не знать ему, что въ Россіи живутъ не варвары, похожіе на скиѳовъ, а люди, во многихъ отношеніяхъ столько же образованные, какъ и соотечественники историка? Онъ самъ видалъ русскихъ, былъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ дружественныхъ отношеніяхъ; онъ могъ судить по нимъ, и еще болѣе по вліянію Россіи на дѣла Европы и по внѣшнимъ отношеніямъ ея, что мы давно вышли изъ вар-

варскаго состоянія. Обыкновенно въ этомъ случаѣ иностранцы указываютъ на крестьянъ нашихъ, которые, правду сказать, находятся еще въ грубой корѣ; но развѣ шотландскіе или французскіе мужики лучше нашихъ? Они также не знаютъ ни грамоты, ни закона, также дико, не по-человѣчески живутъ и ломаютъ свой языкъ не хуже подмосковнаго мужика. Массы народныя есть вездѣ. За исключеніемъ религіознаго чувства и нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, онѣ повсюду одинаковы и служатъ въ кораблѣ государственномъ вмѣсто балласта, который, по волѣ управляющихъ движущимся тѣломъ этого корабля, переносится въ трюмъ, составляетъ иногда товаръ, иногда запасъ военный или общежительный, и въ случаѣ нужды выкидывается за бортъ. Онъ существенная принадлежность корабля; но кто рѣшится судить по немъ объ искусствѣ и образованности корабельныхъ начальниковъ? Вальтеръ-Скоттъ, однакожъ, судилъ о насъ такимъ образомъ. Онъ только видѣлъ въ насъ варваровъ и не сказалъ почти ничего о состояніи духа народнаго въ Россіи 1812 года. А какой важный предметъ для разсмотрѣнія представлялся ему! Онъ увидѣлъ бы необычайное явленіе совершеннаго спокойствія, увѣренности, можно сказать, неподвижности нашей при великихъ событіяхъ. Никогда и ни въ какомъ государствѣ, при чужеземномъ нашествіи, народъ не оказывалъ такой довѣренности къ властямъ. Французы были уже въ сердцѣ Россіи, а мы даже не знали, что дѣлается въ нашихъ арміяхъ. Французы были уже въ Москвѣ, а мы и не безпокоились объ этомъ. Конечно, разстройство вещественное было велико; многія дѣла и сношенія прекратились, но никто не почиталъ потери столицы гибельною для государства; всѣ, напротивъ, были въ какой-то увѣренности, что нашествіе Наполеона есть мимоидущая буря, послѣ которой все приметъ прежній видъ. Говорятъ объ ожесточеніи крестьянъ, о народной войнѣ, но ничего этого не было. Можетъ быть, на всемъ пространствѣ пути французовъ, и съ окрестностями Москвы, гдѣ прожили они довольно долго, нѣсколько *десятковъ*, и едва ли *сотенъ* мужиковъ, оказали сопротивленіе фуражирамъ и мародерамъ, но развѣ это значитъ народная война? Русскіе дворяне и купцы сдѣлали великія пожертвованія; но не прежде, какъ

при воззваніи своего монарха. Изъ Москвы бѣжали, въ Петербургѣ готовились къ бѣгству, но сопротивленія народнаго не было нигдѣ. Какъ же было не замѣтить такого необычайнаго явленія и не отдать всей справедливости безсмертнымъ мужамъ, спасителямъ Россіи: Александру, мужественному, непоколебимому противнику западнаго исполина, и мудрому, великому полководцу Барклаю-де-Толли? Кто могъ остановить державную волю Александра, еслибы онъ рѣшился уступить Наполеону при началѣ кампаніи, или въ первые мѣсяцы оной, при видѣ страшной грозы, готовой упасть и потомъ упавшей на его имперію? Но какъ при объявленіи войны, такъ и въ минуты величайшихъ опасностей, Александръ былъ и остался героемъ, достойнымъ сыномъ и царемъ Россіи. Барклай-де-Толли, который умѣлъ спасти армію и затруднилъ, изумилъ Наполеона своею системою медленія вслѣдствіе глубокаго разсчета, — Барклай-де-Толли былъ другимъ хранителемъ Россіи. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили ему самому довершить своего великаго подвига, который оттого и оцѣнивается многими не такъ, какъ бы надлежало. Но исторія будетъ справедливѣе современниковъ: она отдастъ каждому законный участокъ славы.

«Сожженіе Москвы представлено Вальтеръ-Скоттомъ такъ, что не поймете, кто былъ виною онаго? Правительство, народъ или французы? Онъ не знаетъ даже того акта, который былъ напечатанъ въ Москвѣ, на французскомъ и русскомъ языкахъ, по приказанію Наполеона, и въ которомъ означены имена поджигателей. Этотъ важный историческій актъ былъ повторенъ во всѣхъ иностранныхъ газетахъ того времени, и послѣ него нельзя сомнѣваться, что пожаръ Москвы былъ дѣломъ самихъ русскихъ [1]). Остается рѣшить: дѣйствительно ли необходимо было сжечь столицу для пораженія непріятеля? Вальтеръ-Скоттъ, по примѣру многихъ, разсуждавшихъ объ этомъ безпримѣрномъ событіи, находитъ, что пожаръ московскій былъ губителенъ для Наполеона. Какъ русскій, любящій славу своего отечества, я

---

[1]) Русскій переводъ напечатанъ въ «Телеграфѣ», 1839 года, въ № 24-мъ, стр. 392—409.

готовъ согласиться, что подвигъ былъ изумителенъ своимъ величіемъ, но, признаюсь, не вижу никакой опредѣленной цѣли для него.

«Но какія слѣдствія вообще имѣлъ Наполеоновъ походъ на Россію? Вотъ главный вопросъ, который долженъ былъ разрѣшить историкъ, описавъ сію бѣдственную для повелителя Франціи кампанію. Онъ даже и не упоминаетъ о нравственномъ ея дѣйствіи. Повторяя то же, что говорилъ онъ при началѣ описанія оной, Вальтеръ-Скоттъ осуждаетъ Наполеона за несправедливость, за высокомѣріе, за ошибки противъ разсчетливости политической и противъ военнаго искусства. Онъ не видитъ рѣзкой грани, которою Провидѣніе означило сей періодъ въ исторіи Наполеона и, прибавимъ, цѣлаго міра.

«Слѣдствія похода въ Россію были безчисленны. Гибель арміи Наполеона еще не была гибелью его самого. Потерявъ полмилліона войскъ, всю артиллерію и безчисленное множество всякихъ запасовъ, онъ мановеніемъ своей воли, какъ бы чародѣйствомъ, вновь воздвигъ армію въ триста тысячъ человѣкъ, снабженную всѣмъ не хуже его большой арміи, исчезнувшей въ Россіи. Но ужъ мысль объ освобожденіи сверкнула въ умахъ народовъ. Пруссія, можетъ быть, обольщенная неслыханною гибелью арміи Наполеоновой, немедленно соединилась съ Россіею и, сдѣлавъ этотъ смѣлый шагъ, должна была употребить противъ врага всѣ свои силы, ибо возвратиться къ прежнему было невозможно: гибель ожидала ее при новомъ успѣхѣ Наполеона. Примѣръ столь значительной державы былъ чрезвычайно важенъ. Онъ увлекъ многихъ, робкихъ и слабыхъ, благоразумнымъ и осторожныхъ, которые также, возставъ противъ Наполеона, уже не могли положить оружія, вслѣдствіе самаго простого разсчета. Таково было отношеніе правительствѣ европейскихъ къ Наполеону послѣ 1812 года. Отношенія народовъ были еще рѣшительнѣе. При мысли о свободѣ отечества, каждый житель Германіи былъ готовъ принести на жертву все: жизнь, спокойствіе, достояніе. Въ такой борьбѣ успѣхъ не могъ быть на сторонѣ Наполеона, и его блистательные успѣхи, кото-

рыми ознаменовалось начало кампаніи 1813 года, не вели ни къ чему» [1]).

Въ статьѣ «Телеграфа», и въ особенности въ приведенномъ отрывкѣ, Уваровъ «усмотрѣлъ самые неосновательные и предосудительные толки», вслѣдствіе чего и представилъ государю докладъ слѣдующаго содержанія [2]):

«Въ бытность мою въ прошедшемъ году въ Москвѣ, какъ извѣстно вашему императорскому величеству, я обращалъ особенное вниманіе на издаваемые тамъ журналы, въ коихъ появлялись иногда статьи не только чуждыя вкуса и благопристойности, но и касавшіяся до предметовъ политическихъ съ сужденіями и превратными, и вредными. Поставивъ московскому цензурному комитету пространно на видъ обязанности его, я дѣлалъ самыя подробныя внушенія и самимъ издателямъ журналовъ и получилъ отъ нихъ торжественное обѣщаніе исправить ложную и дерзкую наклонность ихъ повременныхъ изданій. Сіе, повидимому, имѣло нѣкоторый успѣхъ, ибо съ того времени тонъ сихъ журналовъ смягчился и доселѣ не замѣчалось вообще въ нихъ ничего явно предосудительнаго, какъ вдругъ съ удивленіемъ я прочелъ въ недавно вышедшей 9-й книжкѣ «*Московскаго Телеграфа*» статью, подъ заглавіемъ: «*Взглядъ на исторію Наполеона*», въ коей о происшествіи столь важномъ и столь къ намъ близкомъ заключаются самые неосновательные и для чести русскихъ и нашего правительства оскорбительные толки и злонамѣренные ироническіе намеки, какъ ваше императорское величество изволите усмотрѣть изъ представляемой здѣсь въ подлинникѣ статьи съ моими отмѣтками.

«Цензоръ сей книжки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Двигубскій, за неосмотрительность свою, долженствовалъ бы подвергнуться отрѣшенію, еслибъ не былъ уже вовсе уволенъ отъ службы.

«Что касается до издателя «Телеграфа», то я осмѣли-

---

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1833 года, № 9, май. Взглядъ на исторію Наполеона, стр. 137—141. Именно на эти страницы, какъ на самыя предосудительныя, Уваровъ указываетъ въ отношеніи своемъ къ попечителю Московскаго учебнаго округа, 27 сентября 1833 года, № 1,105.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла 1833 года, № 696 (147,358).

ваюсь думать, что Полевой утратилъ, наконецъ, всякое право на дальнѣйшее довѣріе и снисхожденіе правительства, не сдержавъ даннаго слова и не повиновавшись неоднократному наставленію министерства и, слѣдовательно, что, по всей справедливости, журналъ «Телеграфъ» подлежитъ запрещенію.

«Представляя вашему императорскому величеству о мѣрѣ, которую я въ нынѣшнемъ положеніи умовъ осмѣливаюсь считать необходимой для нѣкотораго обузданія такъ называемаго духа времени, имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго вашего разрѣшенія».

На докладѣ Уварова написано государемъ: «Я нахожу статью сію болѣе глупою своими противорѣчіями, чѣмъ неблагонамѣренною. Виновенъ цензоръ, что пропустилъ, авторъ же—въ томъ, что писалъ безъ настоящаго смысла, вѣроятно, себя не разумѣя. Потому бывшему цензору строжайше замѣтить, а Полевому объявить, чтобъ вздору не писалъ: иначе запретится журналъ его». Князь С. М. Голицынъ пытался защитить если не Полеваго, то Двигубскаго, доказывая, что злосчастная статья «хотя и преисполнена нелѣпыхъ вздоровъ и толковъ, но не имѣетъ въ себѣ ничего противнаго и злонамѣреннаго. Статью сію я читалъ, и съ многими благонамѣренными и знающими особами разсуждалъ; но въ оной ничего не найдено, что бы пропустившему оную цензору могло навлечь нареканіе, а кольми паче удаленіе». Но ходатайство князя С. М. Голицына не измѣнило участи обвиняемаго.

Попытка Уварова запретить журналъ Полеваго оказалась преждевременною; но, тѣмъ не менѣе, дни «Московскаго Телеграфа» были уже сочтены. Уваровъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ положеніемъ, которое создано было для него неподатливымъ журналистомъ. Какъ главный начальникъ цензурнаго вѣдомства, Уваровъ получалъ, по поводу статей «Телеграфа», прямыя и косвенныя указанія на распущенность цензуры, т. е. другими словами, на плохое исполненіе своихъ обязанностей. Подобныя замѣчанія оскорбляли и раздражали Уварова. Чтобы положить конецъ имъ, Уваровъ сталъ собирать матеріалы для обвинительнаго акта и, наученный опытомъ, заботился какъ о качествѣ ихъ, такъ и о количествѣ. Работа шла успѣшно, и надо было выбрать

удобную минуту, чтобы употребить въ дѣло собранный матеріалъ. Случай скоро представился.

Роковымъ для Полеваго событіемъ была статья его о драмѣ Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла». Драма эта поставлена была на сценѣ съ особенною торжественностью; присутствовать на ея представленіи и восхищаться ея красотами служило какъ бы вывѣскою благонамѣренности. На это сдѣланъ былъ Полевому весьма прозрачный намекъ со стороны «вліятельной особы», совѣты которой были равносильны приказанію. Подъ ея вліяніемъ Полевой немедленно послалъ въ Москву распоряженіе вырѣзать изъ журнала статью, написанную совершенно не въ томъ духѣ, въ какомъ требовалось. Но распоряженіе пришло уже поздно, и только въ нѣкоторыхъ экземплярахъ выпущена опальная статья, вслѣдствіе чего непосредственно за страницею 498 слѣдуетъ въ нихъ 507 страница.

Статья Полеваго знакомитъ съ критическими пріемами автора и съ тогдашними литературными требованіями; въ ней сдѣлано нѣсколько сближеній съ произведеніями другихъ писателей и т. п. Всю статью, въ ея цѣлости, надо имѣть въ виду для того, чтобы судить о главной основѣ обвиненія, а также для вѣрной оцѣнки отзыва, даннаго самимъ Полевымъ по поводу своего разбора драмы Кукольника. По всѣмъ этимъ соображеніемъ приводимъ лебединую пѣсню Полеваго, въ томъ видѣ, въ какомъ она послужила обвинительнымъ актомъ [1]).

«*Рука Всевышняго отечество спасла*». Драма изъ отечественной исторіи, въ 5-ти актахъ, въ стихахъ. Соч. Н. К. (Писана въ октябрѣ 1832 года). Спб., 1834 г. Въ т. Х. Гинце, 141 стр., in—8.

«Изъ увѣдомленія о сочиненіи г. Кукольника: *Торквато Тассо* («Тел.», 1833 г., № XVI, стр. 564), и изъ статьи о сей драмѣ, какую помѣщаемъ мы въ № 3-мъ и 4-мъ «Тел.» сего года, можно видѣть, съ какимъ участіемъ и вниманіемъ смотримъ мы на это несомнѣнное доказательство поэтическихъ дарованій г. К. Не смѣя по *первому опыту* его

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1834 г., № 3, февраль, стр. 498—506.

предвѣщать въ немъ великаго поэта, не смѣя предвѣщать этого и по отрывку изъ *Джюліо Мости* («Сынъ Отеч.», 1834 г., № 2), хотя сей отрывокъ превосходенъ, скажемъ, что, напротивъ, новая драма г. Кукольника весьма печалитъ насъ. Никакъ не ожидали мы, чтобы поэтъ, написавшій въ 1830 году *Тасса*, въ 1832 году позволилъ себѣ написать— но этого мало: въ 1834 году *издать* такую драму, какова новая драма г. Кукольника: *«Рука Всевышняго отечество спасла»!* Какъ можно столь мало щадить себя, столь мало думать о собственномъ своемъ достоинствѣ! *Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ.* Это сказалъ человѣкъ, весьма опытный въ славѣ. Объяснимся.

«Мы уже говорили когда-то въ «Телеграфѣ» о томъ, что, по нашему мнѣнію, изъ освобожденія Москвы Мининымъ и Пожарскимъ невозможно создать драмы, ибо тутъ не было драмы въ дѣйствительности. Романъ и драма заключались въ событіяхъ до 1612 года. *Мининъ* и *1612 годъ*—это *гимнъ, ода,* пропѣтые экспромтомъ русскою душою въ нѣсколько мѣсяцевъ. Одинъ умный иностранецъ, разговаривая о русской исторіи, сказалъ: «У васъ была своя *Орлеанская дѣва:* это вашъ *Мининъ*». Сказано остроумно, и, всего болѣе, справедливо. Рядъ великихъ событій, отъ появленія самозванца до паденія Шуйскаго, совершился; дѣла были доведены до послѣднихъ крайностей. На пеплѣ Москвы надобно было сойтись въ послѣдній бой Россіи и Польшѣ. Толпа измѣнниковъ и ничтожныхъ вождей стояла близъ Московскаго Кремля. Мужественный Хоткевичъ съ послѣдними силами шелъ къ Москвѣ. Кому пасть: Россіи? Польшѣ?— *Польшѣ!*—изрекъ Всемогущій,—и духъ Божій вдохновляетъ мѣщанина Минина, какъ нѣкогда вдохновилъ крестьянку Іоанну д'Аркъ. По гласу Минина сошлась нестройная толпа мужиковъ и, ведомая вѣрою въ лицѣ *Авраамія Палицына* и русскимъ духомъ въ лицѣ *Козьмы Минина,* пришла къ Москвѣ. Хоткевичъ разбитъ, и Русь спасена. Опять начинается послѣ сего рядъ новыхъ событій, совершенно чуждыхъ подвигу Минина. Мининъ мгновенно сходитъ съ своего поприща, и не только онъ, но и *Палицынъ,* и *Пожарскій,* и *Трубецкой.* Въ 1618 году поляки снова стоятъ подъ Москвою, и какъ событій съ 1612 года, такъ и самаго избранія

Михаила на царство, нисколько не должно сливать съ исторіею о подвигѣ Минина и Пожарскаго.

«Великое зрѣлище сего подвига издавно воспламеняло воображеніе нашихъ писателей. *Херасковъ, Крюковской, Глинка* сочиняли изъ него драмы. *Озеровъ* также принимался за сей предметъ [1]). «Можетъ быть, великое дарованіе и придумало бы завязку и развязку для драмы о Мининѣ»,— скажутъ намъ. «Вѣдь Шиллеръ сочинилъ же *Орлеанскую дѣву?*». Но замѣчаете ли вы, въ чемъ состоитъ Шиллерово сочиненіе? Въ немъ *подвигъ Іоанны* составляетъ только эпизодъ: вымышленная любовь Іоанны къ Ліонелю, король, Агнеса Сорель, герцогъ Филиппъ и королева-мать составляютъ собственно всю сущность. Оттого многіе находятъ, и весьма справедливо, что, написавъ прекрасную драму, Шиллеръ собственно унизилъ Орлеанскую дѣву. Такъ можете вы создать драму о Мининѣ, прибавивъ въ нее небывалаго и сосредоточивъ главный интересъ не на освобожденіи Москвы, а на любви, или на чемъ угодно другомъ. Необходимость этого видѣли Херасковъ, Глинка и Крюковской. Торжественныя сцены на площади нижегородской, въ селѣ Пожарахъ, въ Ярославлѣ, на Волкушѣ, на Дѣвичьемъ полѣ и за Москвою-рѣкою, картина битвы, картина избранія Михаила— всѣ сіи сцены величественны; но это *мгновенія,* и если драматическій писатель рѣшится только изъ нихъ составить свое сочиненіе, то онъ непремѣнно впадетъ въ театральную декламацію и удалится отъ истины. Это необходимо. Великія картины, видѣнныя нами въ событіяхъ нашего времени, и новѣйшія понятія объ исторіи доказали намъ, что *историческія торжественныя мгновенія* приготовляются издалека, и въ этихъ-то приготовленіяхъ заключена жизнь исторіи и жизнь поэзіи, а не въ окончательныхъ картинахъ, гдѣ люди, бо̀льшею частію, молчатъ, образуя собой только великолѣпное зрѣлище, подобно группамъ балетнымъ. Заставивъ ихъ разглагольствовать, вы погубите величіе и простоту истины. Неужели вы думаете, что Минину стоило только *кликнуть кличъ* на нижегородской площади, и потомъ подраться съ Хоткевичемъ подъ Москвою? Страшная ошибка! Мининъ,

---

[1]) Въ бумагахъ Озерова было найдено начало трагедіи: *Пожарскій.*

безспорно, великъ и въ этихъ случаяхъ; но если хотите понять все величіе его подвига, тѣ сообразите первую тайную его думу при тогдашнемъ отчаянномъ положеніи Россіи, его скрытные переговоры съ Пожарскимъ и заботы его, чтобы нестройныя толпы свои и храбраго, но безпечнаго Пожарскаго довести до Москвы, прокормить ихъ, наградить жалованьемъ, безпрерывно между тѣмъ поборая крамолы. Обставьте все это Авраамiемъ, Трубецкимъ, изображенiемъ Польши и Хоткевича—вотъ гдѣ вы узнаете Минина и правду событій! Но все это невозможно для сцены и едва ли годится для романа. Итакъ, если нѣтъ основанія для драмы, ни въ этомъ, ни въ торжественныхъ сценахъ,—освобожденія Москвы, въ 1612 году, не должно *передѣлывать* въ драму, ибо вы должны будете или декламаторствовать, или изображать что нибудь постороннее, какую нибудь любовь, и т. п.

«Трагедія Хераскова держалась, такимъ образомъ, вся на нелѣпой, вымышленной любви сестры Пожарскаго къ сыну польскаго гетмана. Мининъ, Пожарскій, Трубецкой являлись только говорить монологи; другія лица приходили толковать безъ толку; народъ собирался кричать: *ура*, и пѣть хоръ при концѣ трагедіи. Крюковской основалъ свою трагедію на умыслѣ Заруцкаго, который захватываетъ жену и сына Пожарскаго. Борьба героя съ самимъ собою, борьба, состоящая въ томъ: чѣмъ пожертвовать — отечествомъ, или женою и сыномъ? Вотъ все, въ чемъ заключалась драма Крюковскаго. Остальное состоитъ въ ней изъ громкихъ монологовъ, пальбы, сраженія и ненужныхъ вставокъ. Глинка взялъ предметомъ своей драмы сборы Минина въ Нижнемъ-Новгородѣ, но ввелъ въ это любовь сына его къ дочери Заруцкаго.

«Г-нъ К. нисколько не подвинулся далѣе трехъ предшественниковъ въ сей драмѣ. Вся разница въ томъ, что, по вольности романтизма, онъ переноситъ дѣйствіе повсюду, и что въ его драмѣ собрано вдругъ десять дѣйствій, когда нѣтъ притомъ ни одного основного, на чемъ держалось бы единство драмы.

«Противъ *исторической истины*, безспорно, позволяются поэтамъ отступленія, даже и такія, какія позволилъ себѣ г. К.; но поэтъ долженъ выкупить у насъ эту свободу тѣмъ, чтобы употребить уступки исторіи въ пользу поэзіи.

«Отступленія отъ исторіи въ драмѣ г. К. безмѣрны и несообразны ни съ чѣмъ: онъ позволяетъ себѣ представить Заруцкаго и Марину подъ Москвою въ сношеніяхъ съ Пожарскимъ; Трубецкаго дѣлаетъ горячимъ, ревностнымъ сыномъ отечества, жертвующимъ ему своею гордостью; сближаетъ въ одно время смерть патріарха Ермогена и прибытіе Пожарскаго подъ Москву; Марину сводитъ съ ума, и для эффекта сцены заставляетъ ее бродить по русскому стану въ видѣ какой-то лэди Макбетъ! Пожарскій представляется притомъ главнымъ орудіемъ всѣхъ дѣйствій; народъ избираетъ его въ цари. Словомъ, мы не постигаемъ, для чего драма г. К. названа заимствованною *изъ отечественной исторіи!* Тутъ *нисколько и ничего нѣтъ историческаго* ни въ событіяхъ, ни въ характерахъ.

«Къ чему же послужили г. К. романтическая свобода и такія страшныя измѣненія исторіи? Къ тому, чтобы изобразить *нѣсколько театральныхъ сценъ.* Въ этомъ нельзя отказать г. Кукольнику: такія сцены у него есть; но это самое послѣднее достоинство драмы, и подобные *эффекты* найдете въ каждой мелодрамѣ. Не того требуемъ мы отъ истиннаго поэта: требуемъ поэтическаго созданія, истинной драмы. Мы слышали, что сочиненіе г. К. заслужило въ Петербургѣ много рукоплесканій на сценѣ. Но рукоплесканія зрителей не должны приводить въ заблужденіе автора. Каждое слово, близкое русской душѣ, каждая картина, хоть немного напоминающая родное, могутъ возбуждать громкіе плески. *Димитрій Донской* Озерова — эта рѣшительная ошибка дарованія сильнаго; *Пожарскій* Крюковскаго, гдѣ нѣтъ и тѣни драмы, обѣ сіи пьесы, въ свой чередъ, заставляли зрителей рукоплескать. И какъ часто, даже нынѣ, сильный стихъ Озерова, или Крюковскаго:

Кто слову измѣнитъ, тому да будетъ стыдно;

или:

Въ отечествѣ драгомъ, въ родимой сторонѣ
Какъ мило сердцу все, какъ все любезно мнѣ —

заставляютъ зрителей хлопать. Я помню представленіе *Димитрія Донскаго и Пожарскаго* въ Москвѣ, въ 1812 году. Надобно было слышать, какой страшный громъ рукоплесканій раздавался тогда при стихѣ:

И гордый, какъ скала кремнистая, падетъ!

«Когда Пожарскій произносилъ:

Россія не въ Москвѣ,—среди сыновъ она,
Которыхъ вѣрна грудь любовью къ ней полна!

Ура! сливалось тогда съ оглушающимъ крикомъ: *Charmant! Браво!* Многіе изъ зрителей плакали отъ умиленія. Тогда же играли драму Глинки: *Мининъ*,—и стѣны театра дрожали отъ плеска и крика, при словахъ Минина:

Богъ силъ! предшествуй намъ, правь нашими рядами,
Дай всѣмъ намъ умереть отечества сынами!

«Наши старики сказываютъ, что также нѣкогда встрѣчали они рукоплесканіями трагедію Хераскова. — Счастливыхъ, сильныхъ стиховъ въ драмѣ г. К. довольно, хотя вообще стихосложеніе въ ней очень неровно. Мы думаемъ, это происходитъ оттого, что драма въ сущности своей не выдерживаетъ никакой критики. Подробности являются изъ основанія, а стихи изъ подробностей, и если основаніе плохо, то и все бываетъ неловко, несвязно и натянуто.

«Почитаемъ ненужнымъ излагать и разбирать подробно новую драму г. К. О ней довольно писали въ петербургскихъ журналахъ, увѣряя, что г. К. «*первый* представилъ намъ драму истинно народную, русскую, *дюжую, плечистую*». Преувеличенная и притомъ такая странная похвала, что недовѣрчивому писателю всего легче почесть ее за тонкую насмѣшку! Вѣроятно, *дюжую, плечистую драму* г. Кукольника не замедлятъ дать на московскомъ театрѣ, и, вѣроятно, она пойдетъ послѣ того заурядъ съ *Пожарскимъ* Крюковскаго, хотя, по времени и по отношеніямъ, Крюковскому надобно отдать преимущество передъ его послѣдователемъ и соперникомъ».

Статья Полеваго напечатана въ первой февральской книжкѣ (журналъ выходилъ два раза въ мѣсяцъ), а въ двадцатыхъ числахъ марта Полевой вызванъ былъ въ Петербургъ. Цѣль вызова состояла въ объясненіяхъ по поводу критики на драму Кукольника и по поводу направленія «Московскаго Телеграфа» вообще.

Суть обвиненія за критическую статью о драмѣ Кукольника заключалась въ словахъ Полеваго: «Новая драма г. Кукольника весьма *печалитъ* насъ», которымъ придали весьма

предосудительный смыслъ. На трбованіе объясненія Полевой отвѣчалъ письмомъ на имя графа Бенкендорфа:

«Сіятельный графъ,

«Милостивый государь.

«Въ исполненіе объявленной мнѣ высочайшей воли: объяснить, въ какомъ смыслѣ сказано было мною, въ началѣ библіографической статьи о трагедіи *«Рука Всевышняго отечество спасла»*, что сія трагедія «опечалила рецензента», и проч., чего теперь, не имѣя подъ рукою статьи моей, припомнить въ точности не могу, — симъ честь имѣю донести, что я судилъ о трагедіи по чтенію, не видавъ ея на сценѣ, и говорилъ о ней чисто въ литературномъ смыслѣ, какъ о поэтическомъ созданіи. Сочинитель ея прежде напечаталъ драму: *«Торквато Тассъ»*, исполненную красотъ, хотя и далекую отъ совершенства. Послѣ *«Тасса»*, его новая трагедія казалась мнѣ,—повторяю, судя о ней, какъ о произведеніи поэтической фантазіи — прыжкомъ назадъ. Это было объясняемо мною въ рецензіи; къ этому относились и слова въ началѣ оной. Мнѣ казалось, что сильный духъ русскій могъ быть выраженъ въ драмѣ не только *словами, но и дѣйствіемъ;* что великія событія 1612 года могли быть выставлены вѣрно и произвесть сильнѣйшее дѣйствіе и впечатлѣніе; что трагедія обезображена ненужными вставками, характеры въ ней не выдержаны, и самое избраніе царя Михаила должно было представить не слѣпымъ случаемъ какимъ-то, по жребью, но тайною, глубокою мыслью русскихъ душъ, провидѣвшихъ спасеніе и счастіе отечества въ державномъ юношѣ и мудромъ старцѣ, его родителѣ. Такъ я думалъ и писалъ. Готовъ сознаться въ ошибкѣ. Но смѣю увѣрить всѣмъ, что есть для меня святаго и драгоцѣннаго, что никогда въ мысль мнѣ не приходило что либо предосудительное противъ похвальной патріотической цѣли автора. Душевно радовался я потомъ, что каждое слово, близкое роднаго всѣмъ намъ чувства къ царю и отечеству, доходило до сердецъ зрителей. По этому участію можно уже судить, что произвело бы на сценѣ твореніе, согрѣтое огнемъ генія, совершенное по сущности, какъ Шекспирова драма, и высказанное стихами Пушкина или Жуковскаго, предъ

которыми стихи Кукольника кажутся мѣрною прозою не болѣе...

«Съ истиннымъ, глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, честь имѣю пребыть

«вашего сіятельства,
«милостиваго государя,
«покорнѣйшій слуга
«Николай Полевой».

«Марта 31-го дня, 1834 года.
С.-Петербургъ».

Объясненіе, данное Полевымъ, признано вполнѣ удовлетворительнымъ. Такъ можно заключить, во-первыхъ, изъ того, что какъ только оно было представлено, Полевой возвращенъ въ Москву; а главнымъ образомъ изъ того, что и впослѣдствіи, когда въ вѣдомствѣ графа Бенкендорфа заходила рѣчь о Полевомъ, обыкновенно припоминалось, что, хотя статья его и вызвала гнѣвъ, но объясненіемъ своимъ Полевой доказалъ, что онъ не одобрялъ драмы Кукольника исключительно въ *литературномъ*, а отнюдь не въ какомъ либо другомъ отношеніи.

Благонамѣренность своего направленія вообще Полевому пришлось отстаивать передъ графомъ Бенкендорфомъ и Уваровымъ, который, по словамъ Полеваго, и былъ главнымъ обвинителемъ. При этомъ Полеваго особенно смущала тетрадь, которая была въ рукахъ Уварова и съ которою онъ постоянно справлялся. Тетрадь эта имѣетъ своего рода историческое значеніе: она состоитъ изъ выписокъ изъ «Телеграфа» и различныхъ сочиненій Полеваго; выписки эти, какъ говоритъ Пушкинъ, ведены Бруновымъ по совѣту Блудова [1]).

На основаніи матеріаловъ, выбранныхъ изъ сочиненій самого Полеваго, Уваровъ представилъ слѣдующій обвинительный актъ [2]):

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое. 1882 года. Томъ V, стр. 233.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, 1834 года, № 102 (130,353).

«Давно уже и постоянно *«Московскій Телеграфъ»* наполнялся возвѣщеніями о необходимости преобразованій и похвалою революціямъ. Весьма многое, что появляется въ злонамѣренныхъ французскихъ журналахъ, «Телеграфъ» старается передавать русскимъ читателямъ съ похвалою. Революціонное направленіе мыслей, которое справедливо можно назвать нравственною заразою, очевидно, обнаруживается въ семъ журналѣ, котораго тысячи экземпляровъ расходятся по Россіи, и по неслыханной дерзости, съ какою пишутся статьи, въ ономъ помѣщаемыя, читаются съ жаднымъ любопытствомъ. Время отъ времени встрѣчаются въ «Телеграфѣ» похвалы правительству, но тѣмъ гнуснѣе лицемѣріе: вредное направленіе мыслей въ «Телеграфѣ», столь опасное для молодыхъ умовъ, можно доказать множествомъ примѣровъ.

«Приступая къ симъ доказательствамъ, спросимъ: что, еслибы среди обширной столицы кто нибудь вышелъ на площадь и сталъ провозглашать предъ толпою народа о необходимости революцій, о неосужденіи всеобщности революцій; что явленія нидерландской революціи прекрасны, что Россія, хитрою политикою разжигая раздоры и смуты, во всякомъ случаѣ выигрывала предъ Польшею; что еще Разумовскій согрѣвалъ въ душѣ тайную мысль о свободѣ Малороссіи; что жители Приволжья и Придонья совершенно чуждые намъ, и тоже, что колонисты или цыгане; что наше правительство ежегодно ссылаетъ въ Сибирь по 25 тысячъ человѣкъ на желѣзномъ канатѣ; что французы теперь равны одинъ другому и что во Франціи теперь все ведетъ ко всему.

«Представимъ толпу слушателей умножающеюся, а человѣкъ продолжаетъ проповѣдывать: что разбойничество происходитъ отъ излишка силъ души; что Стенька Разинъ и Пугачевъ были страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы въ борьбѣ дикой независимости съ силами Россіи; что отъ разбойничьихъ пѣсенъ дрожитъ русская душа и сильно бьется русское сердце; что сами русскіе произошли отъ разбойниковъ, назвавшихъ себя Русью; что братоубійцы достойны сожалѣнія, а не проклятія; что Мономахова корона и скипетръ принадлежатъ къ большимъ сказкамъ; что русскихъ пора будить отъ пошлой растительной бездѣйственности; что

Магометъ былъ человѣкъ истинно вдохновенный, и что природа, мать всѣхъ вещей, есть безсмертная ночь, есть то единство, посредствомъ котораго вещи существуютъ въ самихъ себѣ.

«Можетъ быть назвали бы такого человѣка сумасброднымъ (если не злонамѣреннымъ), но, вѣроятно, не позволили бы ему провозглашать долѣе на площади, гдѣ слова его могли бы возбудить разные толки. Однакожъ, именно есть такой провозгласитель, и на площади столь обширной, какъ Россія, не предъ толпой поселянъ, а предъ тысячами тѣхъ, которые владѣютъ поселянами, предъ тысячами молодыхъ людей, и безъ того уже легко заражаемыхъ французскимъ вольнодумствомъ. Все вышесказанное не произнесено на вѣтеръ, а напечатано для современниковъ и потомства въ тысячахъ экземпляровъ «Телеграфа» и «Исторіи русскаго народа». Прилагаются выписки съ указаніями страницъ, составляющія только самую малую часть того, что можно и должно замѣтить.

1831, № 1, стр. 78. «Тотъ не долженъ и думать объ изданіи литературнаго журнала въ наше время, кто полагаетъ, что его дѣломъ будетъ сборъ занимательныхъ статеекъ. Журналъ долженъ составлять нѣчто цѣлое, полное; онъ долженъ имѣть въ себѣ *душу*, которую можно назвать его цѣлью. Иначе ваше собраніе непремѣнно подвергнется равнодушію публики. Не указывайте на людей, живущихъ въ обществѣ *безъ цѣли*, а иногда и *безъ души*. Это рядовые, пользующіеся чужимъ умомъ, слѣдующіе чужому направленію. Журналистъ въ своемъ кругу долженъ быть *колонновожатымъ:* куда же заведетъ онъ свой корпусъ, *не зная дороги*, ибо дорогу знаютъ тогда только, когда извѣстна *цѣль пути*. Изъ Москвы не доѣдемъ и до *Серпухова*, если пустимся въ какую попало
1831, № 1, стр. 82. заставу. Возбуждать *дѣятельность въ умахъ и будить* ихъ отъ этой пошлой *растительной бездѣйственности*, которая составляетъ величайшій недостатокъ большей части русскихъ. Вотъ условія, на-

NB. И въ томъ же № (стр. 32) говорится, что не должно осуждать общности революціи, что она есть слѣдствіе прежнихъ вѣковъ, что иначе должно осудить ходъ и успѣхи новаго образованія, утверждать рѣшительную неподвижность... и пр.

лагаемыя современностію на русскаго журналиста! отъ исполненія ихъ зависитъ успѣхъ *его предпріятія*...

1830, № 18, стр. 279. «Надобно, чтобы народы взаимно обглядывали другъ друга. Будущность Франціи *рѣшена*, во всемъ, что касается внутренней ея самобытности. Но какъ мало извѣстна, какъ нерѣшительна для Европы будущность взаимныхъ внѣшнихъ отношеній одного государства къ другому. Давно ли мы видѣли сильныя доказательства этому? смѣлая рѣшительность, одно сраженіе, и три — четыре форсированныхъ марша разрушили всѣ разсчеты, желанія, предвѣдѣнія записныхъ европейскихъ дипломатовъ. *Стоитъ только осмотрѣться кругомъ, узнать, чего кто желаетъ, чего кто* боится и кто *что* говоритъ...

1830, № 18, стр. 284. «Когда хотятъ *огромнымъ рычагомъ* пошевелить громаду, *тяжелую и твердую въ основаніи*, то прежде всего ищутъ *точку опоры*, въ которой бы можно было *утвердить* рычагъ.

1830, № 19, стр. 462. «Если въ головы народа полуобразованнаго западаетъ новая мысль, то она западаетъ глубоко, бываетъ единою и единственною пищею, снѣдью вседневною. *Хорошо перевариваютъ* сіи головы такую мысль, проникаются ею, и вскорѣ дѣлается она идеею положительною, чувствомъ глубокимъ, вѣрованіемъ. Все сіе сбылось съ основаніями *карбонарства*.

1831, стр. 381. «Въ наше время найденъ путь къ философическому воззрѣнію на предметы, и число *избранныхъ* уже *довольно велико*.

1828, № 6, стр. 203. (О Махіавелѣ). Позоримъ память (его) для того, можетъ быть, чтобъ примѣръ и творенія Махіавеля не возрождали *благороднаго стремленія ко всему тому*, что составляетъ *честь, славу и законную свободу отечества. Никогда не встрѣчаете* вы *у него ложнаго мнѣнія*, потому только утверждаемаго имъ, что онъ можетъ облечь его въ блестящее выраженіе, можетъ поддержать его остроумнымъ софизмомъ. Читая творенія Махіавеля, чувствуете, что его оживляла *душа, подобная душамъ тѣхъ гордыхъ патриціевъ*, которые при исполненіи общественныхъ

обязанностей забывали самыя драгоцѣнныя связи сердца, и пр.

«Во времена революцій всегда являются такіе геніи, искатели приключеній, которые, свободно шагая на политической сценѣ, безъ всякаго страха отваживаютъ все, даже славу свою. 1831.

«Это люди, поклявшіеся местью за *отчизну*, уже *погибшую*. Они хотятъ *возстановить ее: имъ нѣтъ помощниковъ;* они знаютъ это и боятся слабости своей; *можетъ быть, готовы отчаяться,* ибо поднимаютъ бремя не по силамъ человѣческимъ. Но ихъ связываетъ *клятва*, и тщетные борцы противъ судебъ провидѣнія — они гибнутъ потому, что хотятъ невозможнаго; они платятъ за это самою своею добродѣтелью; погибшіе для настоящаго и будущаго, они невольно вовлекаются въ преступленія. Но откажемъ ли имъ въ *участіи*, въ состраданіи? 1834, № 1, стр. 171. Въ статьѣ о романѣ Загоскина.

«Жалѣю о тѣхъ, которые не постигаютъ или не хотятъ обнять мыслъ *самоотверженія*, проявленной на двѣ грани въ клятвѣ; но убѣжденъ я, скоро настанетъ время, что отдадутъ справедливость Полевому, равно за его исторію и повѣсти; что *публика* не будетъ больше прятать въ рукавъ свою руку, но подастъ ее ему *безъ перчатки* и скажетъ отъ сердца *спасибо!* 1833, № 18, стр. 243. Въ статьѣ Марлинскаго о клятвѣ при гробѣ Господнемъ.

«Замѣчу, что мы стоимъ на брани съ жизнію, мы должны завоевывать равно *свое будущее и свое минувшее*. И не обязаны ли мы потому благодарностію тѣмъ людямъ, которые *безплатно*, съ усиліями, источающими жизнь, отрываютъ родную сторону изъ-подъ снѣговъ *равнодушія*. Таковъ Полевой, такъ изображаетъ онъ Русь, не умствуя лукаво, но чувствуя глубоко и сердцемъ *угадывая таинственные іероглифы характеровъ,* бывшихъ *непонятными* даже *тѣмъ, кои носили ихъ на челѣ*.

«*О современникахъ.* 1834, № 1, стр. 179.

Будьте только выше ихъ и *дѣлайте съ ними, что хотите*. Они выслушиваютъ брань на все, что украшаетъ и возноситъ вѣкъ; будутъ смѣяться даже надъ самими собою.

1834, № 2, стр. 255. «*Воля* человѣка *непобѣдима,* если только онъ обратитъ силу и волю свою на дѣйствіе, внутри и *внѣ себя все равно,* ибо тогда природа становится частію его самого, субъектомъ его объекта.

«*О равенствѣ и свободѣ.*

1833, № 1, стр. 35 и 36. «Изъ народа возсталъ сначала черный человѣкъ, законовѣдецъ, возсталъ противъ пурпура папской одежды и противоположилъ право праву.

«*Купецъ* оставилъ потомъ свою мрачную лавку, и *ударилъ въ вѣчевой колоколъ,* загородивъ рыцарю тѣсную улицу своей общины. *Рабъ* барона феодальнаго, какъ *животное ползавшій* на четверенькахъ по своему полю, сталъ на ноги, и съ *дикимъ смѣхомъ* поразилъ подъ беззащитною бронею *уравнительнымъ ядромъ* своего гордаго феодалиста и его могучаго коня. *Воля побѣдила,* правосудіе побѣдило. Міръ фатализма сокрушился. Даже ѳеократическая сила отреклась отъ своихъ правъ...

Стр. 37. «Онъ (человѣкъ) возвысился къ Богочеловѣку, откровенію неба, Богу духу, *не различающему* между сынами своими *никого* и всѣмъ отверзающему *равное счастіе* въ обществѣ, равную вѣру въ религіи, *равное лоно* отеческой любви *за гробомъ.*

1833, № 13, стр. 14. Настали крестовые походы. Это было народное великое движеніе. И каждое великое движеніе народное, какова бы ни была его цѣль и причина, всегда (въ прежнія времена) *испаряло* изъ послѣдней осадки своей *независимость ума.* Вотъ начинается бурный періодъ жакистовъ, прагистовъ, лигистовъ. *Владычество колеблется, единство разваливается.*

2 т., Ист. Р. Н., стр. 66. «Короли поневолѣ должны были подтверждать права и свободу ихъ.

1831, № 5, стр. 143. (Здѣсь помѣщенъ анекдотъ, что) «какая-то баба сказала женѣ Пугачева: «эка ты *дура,* матушка *царица*».

№ 4, стр. 70. (Анекдотъ, что) «одинъ поэтъ чрезвычайно польстилъ одному римскому императору похвальною надписью, но когда, по умерщвленіи императора, упрекали поэта въ лести, то онъ оправдался тѣмъ,

что слово, употребленное имъ, двузначительно и можетъ быть истолковано: «всегда будетъ *дуракомъ*».

«Въ статьѣ: Изученіе новыхъ твореній Гете, помѣщено слѣдующее: 1834, № 1, стр. 7 и 8.

«Владѣнія императора. Тронная зала. Среди толпы придворныхъ императоръ всходитъ на тронъ и спрашиваетъ, гдѣ дуракъ его? Ему сказываютъ, что онъ упалъ на лѣстницѣ, но вмѣсто его явился какой-то другой, пресмѣшной и презабавный: это Мефистофель. Императоръ принимаетъ его на мѣсто прежняго и *ставитъ подлѣ себя*. Обращаясь къ министрамъ, онъ говоритъ, что собралъ дворъ свой веселиться; но если непремѣнно хотятъ они мучить его дѣлами, то пусть говорятъ, что имъ надобно. И вотъ, одинъ за другимъ, они описываютъ ему бѣдствія государства, неповиновеніе войскъ, недостатокъ во всемъ, возмущенія и прочее. Императоръ, подумавъ, обращается къ новому своему дураку и спрашиваетъ: не знаешь ли и ты какого нибудь бѣдствія?—Никакого!—отвѣчаетъ Мефистофель.—И что можетъ быть среди блеска и силы, окружающихъ тебя? Деньги надобны вамъ? Въ землѣ много скрыто ихъ... Императоръ короче спрашиваетъ у дурака:—Гдѣ-жъ деньги?—Въ землѣ,—отвѣчаетъ Мефистофель.

«Императоръ самъ хочетъ приняться за работу, но астрологъ, внушаемый какъ и прежде Мефистофелемъ, совѣтуетъ ему сначала повеселиться. Императоръ велитъ начинать увеселенія. Мефистофель остается одинъ и говоритъ:—Глупцы никогда не думаютъ, какъ соединяется заслуга и счастье... Стр. 9.

«Не сама Франція, но вся Европа назвала французскою химіею то движеніе, которое *Франція* начала *толчкомъ столь сильнымъ* и направленіемъ *столь умнымъ*. 1831, № 1, стр. 22.

«Франція долженствовала сдѣлаться и сдѣлалась мѣстомъ того *безмѣрнаго*, вѣкового *событія*, которое цѣлый міръ назвалъ и цѣлые вѣка будутъ называть *французскою революціею*. Безъ сомнѣнія, сей перево-

ротъ былъ французскій, но, бывши французскимъ, онъ былъ столько же и *европейскій.*

«*Надобно было вспыхнуть революціи* XVIII вѣка, революціи всеобщей. Не будь сей переворотъ *всеобщимъ*, онъ не достигъ бы *своей цѣли*, ибо всѣ частныя революціи уже были и прошли и *всѣ онѣ вели ко всеобщей революціи:* вотъ *необходимость* характера революціи XVIII вѣка.

1833, № 11, стр. 357. «*Эшафотъ* на площади *революціи равно звалъ къ себѣ короля и королеву!* Народъ съ одинакимъ торжествомъ показывалъ голову принцессы Ламбаль и головы Фулона и Бертье... *Съ этимъ равенствомъ казни* всюду соединялось равенство мужества.

1828, № 17, стр. 72. «Напоминаніе *объ ужасахъ революціи* есть доказательство весьма слабое.

Зло есть средство блага въ мірѣ. (Сія мысль весьма часто повторяется изд. «Телеграфа»), См. 13 стр. II-го т. Ист. Р. Н.

1831, № 16, стр. 464. «Лафаетъ, самый честный, *самый основательный* человѣкъ во французскомъ королевствѣ, *чистѣйшій изъ патріотовъ*, благороднѣйшій изъ гражданъ, хотя онъ *вмѣстѣ* съ Мирабо, Сіесомъ, *Баррасомъ*, *Барреромъ* и множествомъ другихъ былъ *однимъ изъ главныхъ двигателей революціи.*

1831, № 1, стр. 32. «Разсмотрите безпристрастно начало и слѣдствія французской революціи и потомъ не осуждайте общности ея, или осудите вѣкъ, который она представляла; не осуждайте и вѣка, или осудите вмѣстѣ съ нимъ и XVII вѣкъ, ибо XVIII вѣкъ былъ только продолженіемъ семнадцатаго; не осуждайте и XVII, или осудите вмѣстѣ съ нимъ XVI, приготовившій его; наконецъ, не осуждайте и XVI вѣка, или предайтесь среднимъ временамъ, осудите ходъ и успѣхи новаго общественнаго образованія, утверждайте *рѣшительную неподвижность* и пр.

1831, № 6, стр. 166. «Во Франціи совершился переворотъ великій, но этотъ переворотъ былъ совершенно въ народномъ духѣ. Франція сама желала его. Французы въ своихъ постановленіяхъ осуществили часть того, что XVIII вѣкъ изложилъ въ своихъ книгахъ. *Теорія одной эпохи осуществляется слѣдующею эпохою*, но духъ все тотъ же. Французы сдѣлались старѣе 50-ю годами—вотъ все.

№ 18, 1830, стр. 278. «Европа, изумленная сими подвигами, стала съ изумленіемъ подлѣ Франціи, уже низложенной, но еще кипящей *революціею и силою*. 1831 — 50 — 1781.

1830, № 18, стр. 279. «Надобно, чтобы народы взаимно обглядывали другъ друга.

1831, № 1, стр. 79. «И все преобразилось! и преобразованіе сіе существуетъ не въ воображеніи, не въ фантазіяхъ, какъ думаютъ глупые люди и глупые журналы. Доказательствомъ существенности его есть постоянный успѣхъ *новаго направленія*. Оно объяло всѣ отрасли познаній...

1830, № 15, стр. 361. «Французская *революція разрушила* все это общественное *зданіе;* она, такъ сказать, *срыла его до тла.*

«Съ перемѣною обстоятельствъ во Франціи, сдѣлались французы *равны одинъ другому;* они могутъ пользоваться правами каждый лично; у нихъ есть обязанности къ государству. Всѣ почтенныя занятія уважаются; *всѣ* ведутъ *ко всему*... честолюбіе обязано предъявлять свои права и доказывать, ихъ предъ всѣми, и проч.

«При столь новомъ состояніи дѣлъ и умовъ во Франціи, такъ называвшійся прежде *большой свѣтъ спустилъ флагъ*. Онъ скончался какъ монархія великаго короля... Людовика XIV.

1830, № 15, стр. 361. «Мы видѣли, какъ исчезъ этотъ большой свѣтъ со своими *сумасбродными запрещеніями* и безнравственными вольностями, со своими вздорными приличіями и *заказными нравственными законами, со своими волокитами, завоевателями и судопроизводствомъ старыхъ бабъ*.

NB. Сія статья писана послѣ переворота во Франціи въ 1830 г. и помѣщена въ «Тел.» съ замѣчаніемъ, что изъ нея читатели увидятъ, на какой высокой степени находится нынѣ во Франціи

1831, № 1, стр. 5, 6, 7. «Въ статьѣ: Историческое обозрѣніе XVIII столѣтія, говорится о необходимости первой *революціи* новѣйшихъ временъ быть *революціею* религіозною. Безъ сомнѣнія, сія революція имѣла свои *предваренія*, свои *подготовленія*, такъ, какъ бываетъ это при всѣхъ великихъ событіяхъ; что «въ XVI вѣкѣ революція совершилась въ Германіи»; что «XVII вѣкъ былъ еще болѣе XVI революціонный»; что «въ дру-

Литературная критика. гой половинѣ XVII вѣка еще революція, продолженіе прежней, давшее только ей новый образъ политической *революціи;* что двѣ революціи наполняютъ исторію XVI и XVII столѣтій, но та и другая были революціи частныя; что революція религіозная, казалось, не заключала въ себѣ ничего политическаго; что надобно было англійской революціи возникнуть изъ реформаціи, чтобы всѣ примѣтили направленіе предшествовавшей революціи. Тогда узнали, что прежняя революція была не исключительно религіозная, ибо основаніе оной произвело потомъ политическую революцію; что основаніе второй произвело уже революцію религіозную; что такимъ образомъ революція протестанская и революція англійская не перешли за предѣлы назначенія—огромные, но огра-
1830, № 18, стр. 241. ниченные... Еслибы Польша сама не была колеблема въ основаніи избирательнымъ правленіемъ, аристократіею и вліяніемъ католицизма, она успѣла бы покорить казаковъ совершенно, не смотря на отчаянную ихъ борьбу и *хитрую политику Россіи,* которая видѣла свою пользу, *разжигала раздоры и смуты, и выигрывала во всякомъ случаѣ.*

1830, № 17, стр. 85. (О жителяхъ *сѣверной части Россіи, Приволжья и Придонья*). «Они въ отношеніи къ намъ тоже, что колонисты и цыганы,—наши, но *не* мы.—Мы *обрусили* ихъ аристократовъ, помаленьку устранили мѣстныя права, ввели свои законы, удалили строптивыхъ, сами перемѣшались съ простолюдинами, туземцами, но за всѣмъ тѣмъ обрусить туземцевъ не успѣли, такъ же какъ татаръ, бурятъ и самоѣдовъ. Они *наши,* но не мы.

1830, стр. 246. «Еще Разумовскій согрѣвалъ въ душѣ тайную мысль о свободѣ Малороссіи.

1830, № 17, стр. 96. «Россія окружила ихъ (казаковъ) отвсюду и требовала повиновенія общему порядку дѣлъ. Началась борьба казацкой, *дикой независимости* съ политическимъ могуществомъ исполина. *Разинъ, Булавинъ, Пугачевъ* были страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы.

1830. «Подъ рукою живописца искуснаго Малороссія представитъ картину самую занимательную, самую живописную. Никакая швейцарская, никакая нидерландская революція не покажетъ намъ явленій столь *дикихъ*, столь *прекрасныхъ!*

Статьи изд. «Тел.» въ альманахѣ «Денница», 1830, стр. 279. «М. Т.», 1830, стр. 243. «Двадцать и двадцать пять тысячъ человѣкъ ежегодно идутъ изъ Россіи въ Сибирь на желѣзномъ канатѣ, но ихъ и не видно въ Сибири.

«Малороссіянъ временъ Наливайки и Хмельницкаго не должно представлять себѣ людьми, похожими на *жителей Парижа,* которые съ трехцвѣтною кокардою на шляпахъ брали Бастилію въ 1789 году и Лувръ въ 1830 году, ни даже воинами Вашингтона, умиравшими за гражданскую свободу на Бюрненгальскомъ полѣ.

«(Далѣе Россія представляется измѣнившею обѣщаніямъ, даннымъ казакамъ и Хмельницкому).

«Въ извѣстіи о превосходныхъ замѣчаніяхъ на польскую революцію, переведенныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и напечатанныхъ особою книгою, «Телеграфъ» ограничилъ свое замѣчаніе о книгѣ и объ авторѣ сими, по духу «М. Т.», едва ли не ироническими строками: «Онъ указываетъ, наконецъ, на зло революціи, объясняетъ начало и зачинщиковъ польской революціи и заключаетъ *благими* совѣтами соотечественникамъ своимъ. Горе не внемлющимъ». И только. NB. Участь поляковъ тогда еще не была рѣшена.

1830, № 16, стр. 567. (О Москвѣ)—«что она была доселѣ въ мнѣніи многихъ городомъ бояръ русскихъ, но что въ ней *могущественно и сильно среднее сословіе,* имѣющее 5,000 *фабрикъ*», и проч. Но въ 16 №, 1831, стр. 464, можно сообразить съ симъ похвалы Лафаету (Лелевель былъ также превозносимъ въ «Телеграфѣ»).

Марлинскаго отзывы, въ «Телеграфѣ» помѣщаемые.

1834, № 2, стр. 229. «Съ тѣхъ поръ, какъ брата полюбилъ я русскаго солдата: это самое безропотное *животное въ самой тяжкой* долѣ.

1833, № 18, стр. 217. «Характеръ самозванца (въ ром. Булгарина) не выдержанъ, а государственные люди его *черезчуръ просты и трусливы: имъ ли быть* совѣтниками или

врагами царей, *главами заговорщиковъ*, виновниками переворотовъ?

1833, № 16, стр. 89. «Франція побыла республикою, побыла имперіей, *революція перекипятила ее до млада въ кровавомъ котлѣ* своемъ.

Стр. 93. «Русскій баринъ искони отличался необыкновенною уступчивостью своихъ нравовъ, необыкновенною пріемлемостью чужихъ... за бороду, правда, онъ спорилъ долго, будто бы она приросла у него къ сердцу; но разъ въ *мундирѣ* — онъ грудью *полѣзъ въ нѣмцы*.

1833, № 15, стр. 405. «Она (исторія) *буянила* и прежде, разбивала царства, ничтожила народы, бросала героевъ въ прахъ, выводила въ *князи изъ грязи*, но народы послѣ тяжкаго *похмѣлья* забывали вчерашнія *кровавыя попойки*.

1833, № 15, стр. 405. «Размѣняйте *бѣлую бумажку*, и вы будете кушать *славу*, слушать *славу*, курить *славу*, утираться *славой*, *топтать ее подошвами*. Да-съ, *исторія* теперь превращается во все, что вамъ угодно, хотя бы вамъ было это вовсе не угодно. Она вѣрна, какъ Обріева собака, *она воровка*, какъ сорока-воровка, она смѣла, какъ русскій солдатъ, она *безстыдна, какъ блинница*.

№ 16, стр. 533. «Въ стѣнахъ всѣхъ городовъ вообще, и *вольныхъ* въ особенности, кипѣло бодрое смышленое народонаселеніе, которое породило такъ называемое среднее сословіе. Не имѣя пяди земли, оно завладѣло силами и произведеніями природы, наняло труды человѣка, отдало въ наемъ свои способности... родясь въ эпоху мятежей и распрей, въ сословіи мѣщанъ, въ сословіи, понимающемъ себѣ цѣну, и между тѣмъ *униженномъ, презираемомъ аристократіею*.

Стр. 554. «Первый печатный листъ былъ уже прокламація побѣды просвѣщенныхъ *разночинцевъ* надъ *невѣждами-дворянчиками*. Латы распались въ прахъ.

1833, № 18, стр. 245. (О комедіи «*Горе отъ ума*»). «Наконецъ, она не скользитъ среди публики какъ тать, какъ запрещенный товаръ безъ клейма, какъ *умный мѣщанинъ* среди надутыхъ *аристократовъ*.

«*О нравственности въ литературѣ.*

«Великіе писатели не дѣлали поэтическихъ сочиненій своихъ сборниками избранныхъ примѣровъ нравственности, добродѣтели и высокихъ изреченій. Самыя знаменитыя Медеино *я* и Гораціево *умереть* суть болѣе выраженія высокой гордости и дикаго патріотизма, нежели высокой нравственности.

1830, № 15. «Тотъ, кто назоветъ Донъ-Жуана, Фауста, сочиненіемъ ненравственнымъ, вовсе не понимаетъ теоріи изящныхъ искусствъ, хочетъ *нагую* Венеру Медицейскую одѣть въ капотъ и пр. *Никогда не нападая* на поэтовъ русскихъ *съ обвиненіемъ въ безнравственности,* «Телеграфъ» всегда упрекалъ ихъ и будетъ упрекать въ недостаткѣ, слабости и проч.

1834, № 4, стр. 651. «Романъ есть *самъ себѣ цѣль*, какъ всякое произведеніе изящное... Если вы хотите *поучать*, то для этого есть *проповѣди*, есть науки; въ поэзіи же должно быть свободное развитіе творческой мысли. Тамъ *нѣтъ мѣста* никакимъ *постороннимъ цѣлямъ*.

1834, № 4, стр. 653. «Тотъ клевещетъ на Провидѣніе, *кто не видитъ блага въ каждомъ событіи;* въ томъ нѣтъ никакого религіознаго чувства, кто подумаетъ, что Провидѣніе допускаетъ злодѣянія, измѣны и пороки, *не имѣя* высокой, часто *непостижимой* для насъ *нравственной цѣли.* Сердце человѣческое въ чистотѣ невинности угадываетъ это, и потому-то можетъ съ наслажденіемъ видѣть въ произведеніяхъ изящнаго изображеніе бѣдствій, пороковъ, *злодѣяній:* за ними скрывается мысль о Непостижимомъ, Который *все ведетъ къ благой цѣли.*

1833, № 19, стр. 403. «Ужасное заключено въ природѣ человѣческой: надобно же иногда выпускать его на волю!

Стр. 410. «Что же браните вы во французскихъ романахъ? Сильныя ощущенія? Но неужели вамъ неизвѣстно, что слезливые романы, съ ихъ сладенькими, *легонькими* чувствами, надѣлали гораздо болѣе вреда, нежели самые отчаянные романы Карровъ, Сю и Гюго. И въ «Телеграфѣ» же 1833, № 19, стр. 25, сказано: «Особенно нужна осторожность

(О французскихъ романахъ).

Стр. 406. «При такомъ страшномъ развитіи всѣхъ способностей ума, души и силъ нравственныхъ и тѣлесныхъ, какихъ созданій хотите вы отъ искусства? Разумѣется, сообразныхъ съ состояніемъ, съ направленіемъ человѣка... *направленіе это необходимо;* Стр. 407. вотъ единственное его оправданіе. *Оно* не умышленное, *а необходимое зло.*

«*О разбоѣ и убійствѣ.*

«Разинъ, Пугачевъ были страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы.

1830, № 17, стр. 136. «Невѣроятное положеніе общества! Грабежъ, приведенный въ какія-то правила! Разбойники съ особыми понятіями о чести, о добрѣ, и въ обществѣ благоустроенномъ! Все это заставляетъ ужасаться, но такое презрѣніе опасностей, такая расточительность жизни, не есть ли *излишекъ силъ души?*

1831, № 3, стр. 384. «Тогда всѣ такъ думали: пѣсни Стеньки Разина, богатство поэзіи въ самыхъ простонародныхъ пѣсняхъ, почли бы нестерпимымъ мужичествомъ, и то, отъ чего теперь дрожитъ наша русская душа, сильно бьется наше русское сердце, конечно, заставило бы носикъ не одной красавицы 1800 года вздернуться съ негодованіемъ.

1834, № 2, стр. 334. (Приложена картинка убійства Агамемнона Клитемнестрою). О живописцѣ говорится: «Онъ представилъ царя царей, въ сладостномъ спокойствіи спящаго подлѣ трофеевъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ Троѣ. Клитемнестра, побуждаемая Эгистомъ, держитъ въ рукѣ кинжалъ, который долженъ поразить ея супруга. Но все показываетъ, какъ трудно совершить ей злодѣяніе. Нельзя не отдать должной хвалы художнику, но въ картинѣ его вообще господствуетъ какая-то принужденность, неизбѣжное свойство произведеній *классическихъ*. Сверхъ того, намъ кажется, что *лицо Эгиста не должно выражать смущенія, страха,* а въ немъ выражены эти чувства, и что Стр. 335. *всего страннѣе, то же самое видно и въ лицѣ Клитемнестры.* Физіогномія Эгиста, напротивъ, должна

въ мнѣніяхъ основныхъ, общихъ, сосредоточивающихъ въ одномъ центрѣ цѣлый кругъ частныхъ понятій; ибо такія мнѣнія богаты, а иногда неистощимы послѣдствіями. Безчисленность происшествій человѣческихъ, какъ значительныхъ, такъ и маловажныхъ, не исключая самыхъ великихъ, имѣетъ началомъ небольшое число основныхъ мнѣній, такова ихъ важность! Слѣдовательно, все, что можетъ вести къ нимъ, требуетъ величайшей осмотрительности».

бы носить на себѣ *отпечатокъ смѣлости злодѣянія:* онъ мужчина и *рабъ, желающій погубить своего властителя, чтобы потомъ вступить въ его права.*

Въ III т. И. Р. Н., стр. 107. .... «неловкое злодѣйство Святослава... При словахъ: не думалъ защищать вдовы и дѣтей Романовыхъ, находится примѣчаніе:

Стр. 258, 3 т. «Королева была *зарѣзана во дворцѣ.* Убійца нашелъ *защитниковъ.*

Т. 1-й. (О убійствѣ Аскольда и Дира): «*Если удача извиняла средства* для современниковъ, то характеръ Олега не пятнается смертью Аскольда и Дира».

Тамъ же. (О братоубійцѣ Святополкѣ): «Если незаконное рожденіе и *свирѣпый нравъ* были причиною злодѣйствъ, онъ *достоинъ сожалѣнія,* а не проклятія.

М. Т. № 17, 1833, стр. 45. «Если мошенникъ мастеръ своего дѣла, если это человѣкъ съ дарованіемъ, то онъ можетъ отъ 15 до 50 лѣтъ жить плодомъ своихъ хищеній, и никогда *кривая рука* скелета, называемаго *правосудіемъ, не протянется схватить его.* Въ Лондонѣ увидите людей, которые въ продолженіе 40 лѣтъ *не знали никакого занятія, кромѣ воровства, и благодаря своей ловкости,* а, можетъ быть, и совѣтамъ нѣкоторыхъ скромныхъ и дорого купленныхъ чиновниковъ, никогда не попадались въ силки законнаго обвиненія.

М. Т. 1833, № 18, стр. 220. *«Отзывъ въ «Телеграфѣ» Марлинскаго о Полевомъ.*

«Онъ (Полевой) вызывалъ на *неумытный* судъ недостойныхъ изъ толпы *прославленныхъ,* и обрывалъ съ нихъ незаслуженное сіяніе лучъ по лучу; за то съ горячностію прозелита сдувалъ онъ черную пыль *клеветы* съ чела *праведниковъ,* брошенную на нихъ пристрастіемъ современниковъ или ошибками позднѣйшихъ историковъ.

Изъ Ист. Р. Н., т. 2, стр. 358. (Владиміръ Мономахъ). «Вся вина падаетъ на Мономаха: его ненависть... его честолюбіе и жадность руководствовали отвратительною политикою совре-

менниковъ. Онъ жертвовалъ всѣмъ—совѣстію, честію, благомъ народовъ, и тайными ковами хотѣлъ только поддерживать несчастное правило, что сильнѣйшій всегда правъ.

Т.3, стр. 69. (Андрей Боголюбскій): «Болѣе молился онъ, нежели правилъ княжествомъ; давалъ свободу вельможамъ грабить, утѣснять народъ, торговать правосудіемъ.

Т. 4, стр. 123. (Александръ Невскій).

«Сія небольшая побѣда доставила Александру названіе *Невскаго*. Память народная сохраняетъ иногда, по странному своеволію, воспоминаніе о дѣлахъ *самыхъ ничтожныхъ*, забывая большее.

Стр. 188. «Двѣнадцатилѣтнее правленіе Александра прошло все въ умилостивленіи монголовъ покорностію и укрощеніи остатковъ прежняго духа русской крамолы и удалой буйности самовластіемъ, даже *своеволіемъ и жестокостію*.

Стр. 187. «Сильнѣйшее смятеніе взволновало Новгородъ въ слѣдующемъ году... Александръ употребилъ *свирѣпыя* средства: надобно было купить жизнь за *честь*.

Т. 4, стр. 284, 285. (Михаилъ Тверской). «*Поступки Михаила показываютъ, до чего унижаетъ человѣка рабство и до чего доводитъ честолюбіе*. Приведеніе на отчизну монголовъ (?), утѣсненіе новгородцевъ, вѣроломство послѣ договора—всѣ сіи событія очернили для потомства память Михаила и пр.

Стр. 283 «Къ несчастью Михаила, Кончака умерла въ Твери. Говорили, что она была отравлена... дѣло темное; но если это обвиненіе было справедливо, Михаилъ впослѣдстви дорого заплатилъ *за свое злодѣйство*.

Т. 1, стр. 253, 254. *(Святополкъ)*. «Въ борьбѣ двухъ братьевъ Святополкъ является едва ли не правѣе Ярослава... Не можемъ не замѣтить въ Святополкѣ ума, дѣятельности, храбрости. Онъ *умѣлъ обольщать* народъ, умѣлъ сражаться, *находить* союзниковъ и *средства*, *и если* незаконное рожденіе и *свирѣпый нравъ* были причиною его злодѣйствъ, онъ достоинъ сожалѣнія, а не проклятія. ? Праведники.

Стр. 255. «Карамзинъ называетъ дѣла его *гнуснымъ ко-*

варстомъ, а жизнь *гнусною.* Вотъ что значитъ *неудачное* злодѣйство! Побѣди Святополкъ, тогда и его злодѣянія, такъ же какъ убійства при Олегѣ и Владимірѣ, историки извинили бы *государственною необходимостію.*

Т. 1, стр. 104. «Олегъ, убійца храбрыхъ кіевскихъ владѣтелей, виновнѣе ли грабителя невинныхъ обитателей Греціи? Если удача извиняла средства для современниковъ, то характеръ Олега не пятнается смертію Аскольда и Дира.

И. Р. Н. т. 4, стр. 185. (Лѣтопись) Пушкинская прибавляетъ къ описанію бѣдствія Андреева: «Андрей вздума съ своими бояры *бѣгати, неже царю служити».* Но это укоризненное слово человѣка, *закоснѣлаго въ рабствѣ,* показываетъ намъ только *благородную,* пылкую душу Андрея.

Т. 3, стр. 206. «Всеволодъ отличался *жестокою, своекорыстною* политикою, пользовался слабостію другихъ, о *горделиво, холодно губилъ,* робко уступая при первомъ отпорѣ... хитрая настойчивость, съ какою *двадцать лѣтъ удушалъ онъ вольную жизнь* Новгорода,—могло-ль все это имѣть цѣлію счастіе Руси?...

«...тѣснилъ Новгородъ, забывая, что сими стѣсненіями убиваетъ жизнь Новгорода: онъ не смѣлъ отважною рукою *сломить* его, но и не выпускалъ изъ рукъ, томя, ослабляя, и пр.

Ложныя понятія о мнимомъ благосостояніи мятежнаго Новгорода разсѣваемыя въ И. Р. Н.

Т. 1, стр. 275. «Оказывая такія заслуги князьямъ кіевскимъ, Новгородъ *требовалъ* отъ нихъ только *независимости;* получалъ *ее и умѣлъ ее сохранять.*

237. «Здѣсь являются первые слѣды *народной вольности,* сдѣлавшей впослѣдствіи Новгородъ *сильнымъ и могущественнымъ.*

Новгородъ бѣдствовалъ отъ междоусобій. Итакъ, нужно ли было говорить столько о свободѣ матеж-

Т.3, стр.60. (О разбитіи новгородцами войска князей сказано): «Памятный день униженія гордой силы, не уважившей слабыхъ, сильныхъ *единодушіемъ независимости.*

Т.2, стр.66. «Ничего, кромѣ *свободы, не требовалъ Новгородъ.* Вторая половина XII и начало XIII вѣка были самою блестящею эпохою *независимости* и силы Новгорода.

Т. 2, стр. 6. «*Вольный* новгородецъ, *ограничивъ власть* князя, *свергая его по первой прихоти, кланялся ему* и пр. нашго города, какъ будто бы источник могуществ и благодеяствія!

Т. 3, стр. 14. «Жизнію *народной свободы* кипѣли Новгородъ и Псковъ.

1828, № 21, стр. 13. «Природа, мать всѣхъ вещей, есть безсмертная ночь, есть то единство, посредствомъ котораго вещи существуютъ въ самихъ себѣ.

1831, № 2, стр. 241. «Нельзя не согласиться, что Магометъ былъ человѣкъ *истинно вдохновенный*.

И. Р. Н. т. 2, стр. 126. «Въ русскую церковь внесены праздники, непризнанные греческою церковью, напримѣръ праздникъ перенесенія мощей Чудотворца Николая.

Сія ложь опровергнута г. Руссовымъ. ...«выдуманы *большія сказки:* старинную греческой работы царскую утварь, корону, скипетръ, державу, цѣпь и образъ назвали Мономаховыми.

И. Р. Н. т. 2.

1830, № 14. *(Въ разсмотрѣніи отчета по министерству финансовъ).*

«Правительство говоритъ, что сдѣлало; но судить, но пояснять для насъ оно не можетъ, ибо въ семъ случаѣ оно сдѣлалось бы судьею въ собственномъ дѣлѣ; обнародованіемъ свѣдѣній оно вызываетъ насъ на подобные труды». Итакъ, правительство не можетъ пояснять своихъ дѣйствій, а только «М. Т.» считаетъ себя вправѣ разъяснять их правительству!

Предисл. къ Кл. при гр. Господ. XV. XV. «Мы должны помогать правительству, *создавая* русскую промышленность, *русское воспитаніе, русскую* литературу, словомъ: *внутреннее образованіе*».

«Проявленіе вещественнаго и *невещественнаго* богатства зависитъ именно отъ насъ, *частныхъ* и *честныхъ людей*».

21 марта 1834 года сдѣлано было распоряженіе о вызовѣ Полеваго въ Петербургъ; 31-го марта Полевой написалъ объясненіе по поводу статьи о драмѣ Кукольника; 1-го апрѣля дано было приказаніе о возвращеніи Полеваго въ Москву, а 3-го апрѣля того же 1834 года послѣдовало высочайшее повелѣніе прекратить дальнѣйшее изданіе журнала «*Московскій Телеграфъ*».

Запрещеніе «Телеграфа» подало поводъ къ нѣкотораго рода опасеніямъ. Въ Петербургѣ желали имѣть точныя свѣдѣнія о томъ, какое впечатлѣніе въ различныхъ кругахъ московскаго общества произвели неожиданный вызовъ Полеваго и послѣдовавшее затѣмъ запрещеніе его журнала. Весьма любопытны извѣстія, доставленныя изъ Москвы. Графу Бенкендорфу писали:

«По отъѣздѣ Полеваго, многіе благомыслящіе имѣли сужденіе, что давно пора бы унять подобныхъ вольнодумцевъ. Одни писатели, товарищи его, сожалѣли о немъ, исключая врага его, Надеждина, распустившаго слухъ, будто бы Полевой отданъ въ солдаты.

«Неожиданное, скорое возвращеніе Полеваго удивило всѣхъ и дало поводъ къ заключенію о невинности его, что̀ породило разныя сужденія и толки. Въ семъ послѣднемъ случаѣ говорятъ: «если онъ невиненъ, то зачѣмъ же было поступать такъ жестоко съ человѣкомъ, облагороженнымъ правительствомъ?» и что употребленная надъ Полевымъ мѣра влечетъ къ невольному заключенію о небезопасности личности каждаго. «Если же обнаружены уже преступныя намѣренія, то слѣдовало бы его примѣрно наказать». И, какъ бы изъ сожалѣнія къ нему, соглашаясь, что Полевой только злой сатирикъ, но что гораздо опаснѣе сочинители: о Годуновѣ, Дмитріи самозванцѣ, Биронѣ и прочихъ, ибо таковымъ сочиненіемъ внушается народу о силѣ соединенія. А потому заключаютъ, что запрещеніе издаватъ «Телеграфъ» обнаруживаетъ слабость правительства и огорчаетъ публику, и что лучше бы не запрещать оный, но заставить сочинителя писать въ духѣ правительства. Причемъ винятъ не сочинителя, а повѣряющую его цензуру. И что издатель «*Телескопа*» гораздо рѣшительнѣе открываетъ мысль о равенствѣ; но сего какъ будто бы не замѣчаютъ».

Время изданія «Телеграфа» было для Полеваго блестящею порою его литературной дѣятельности. Съ прекращеніемъ «Телеграфа» всѣ попытки Полеваго выйти на прежнюю дорогу доказывали только, что «время его прошло безвозвратно», какъ утверждали даже его почитатели.

Печально, въ тяжкой борьбѣ съ невзгодами и лишеніями, доживалъ онъ свои послѣдніе дни. Смерть этого замѣчательнаго человѣка снова вызвала къ нему общее сочувствіе, выразившееся какъ въ признаніи его литературныхъ заслугъ, такъ и въ сочувствіи къ судьбѣ его осиротѣлаго семейства, оставшагося безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Адмиралъ Рикордъ сказалъ о смерти Полеваго: «Лучше умерло бы двадцать человѣкъ нашихъ братьевъ генераловъ. Государь однимъ приказомъ могъ бы пополнить убылыя мѣста, но назначенія такихъ людей, какъ Полевой, дѣлаются свыше» [1]).

Булгаринъ предлагалъ даже открыть народную подписку. Съ обычными своими пріемами и выходками онъ писалъ генералу Дубельту:

«Добрѣйшій и благороднѣйшій
«отецъ-командиръ
«Леонтій Васильевичъ!

«Когда надобно сдѣлать кому *зло*, каждый говоритъ, что это *по его части*, а когда надобно дѣлать добро, всѣ говорятъ: *не по моей части*. Только одно Третье Отдѣленіе — общая маменька: если не въ силахъ сдѣлать добро, то утѣшитъ. И то благодѣяніе!

«Умеръ литературный врагъ мой, Николай Полевой. Не хотѣлъ онъ, чтобъ Россія любила меня и раскупала мои сочиненія, и вредилъ мнѣ, сколько могъ, въ своемъ кругу, въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ... Но вотъ его нѣтъ, а семейство — девять человѣкъ дѣтей, жена, старая няня — безъ куска хлѣба. Полевой былъ полезный и дѣятельный литераторъ, любимый народомъ, потому что вышелъ изъ среды его... Еслибъ семьѣ дать пенсію, а намъ позволить *объявить народную подписку* на уплату долговъ и обезпеченіе малолѣтнихъ, было бы чудесное и великое дѣло! Сочиненій его издавать *нельзя* въ пользу семейства, ибо всѣ они *законтрактованы* книгопродавцами.

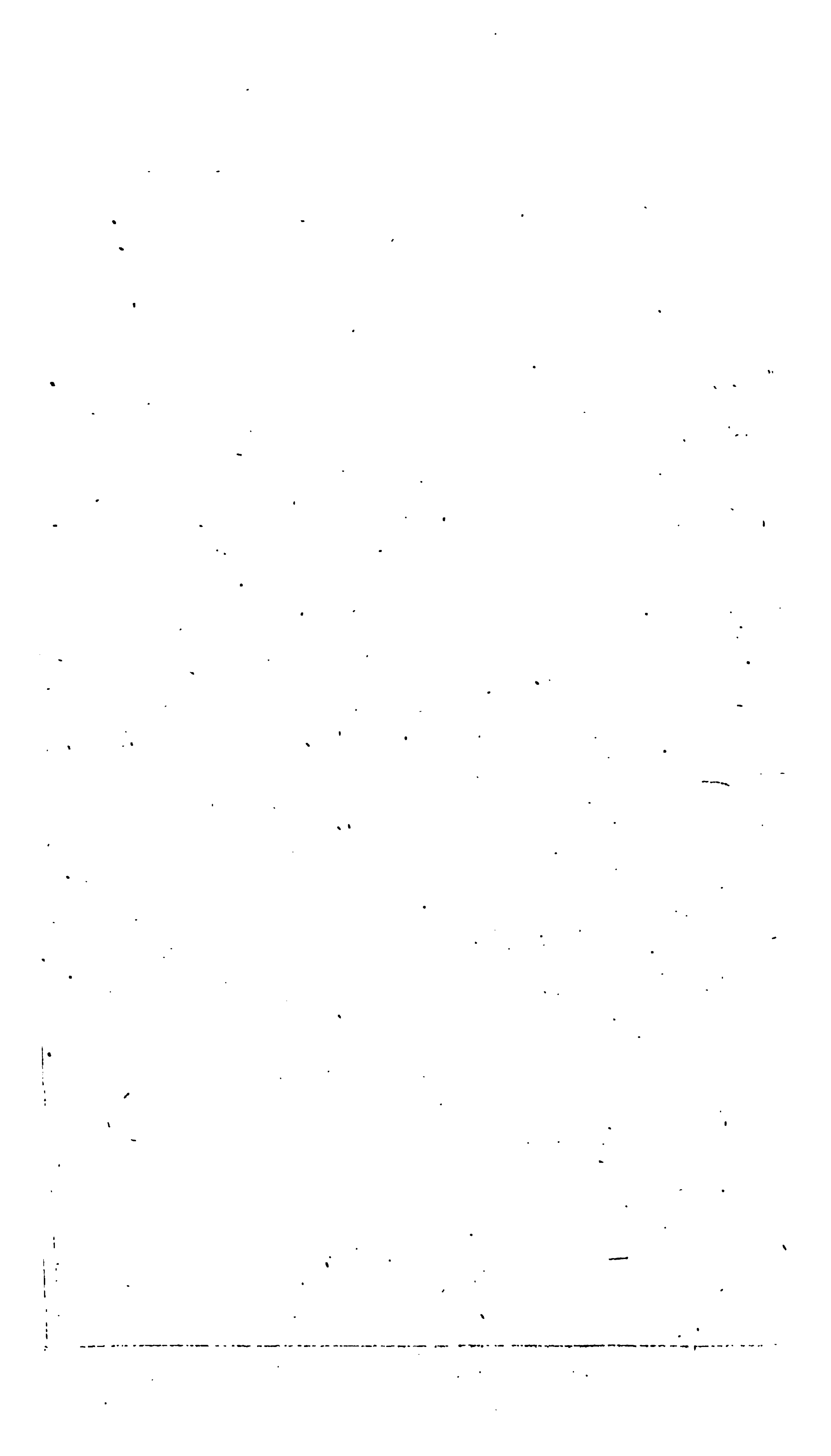
---

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1884 г., томъ IX, стр. 213.

Лучшимъ доказательствомъ сочувствія къ Полевому въ литературномъ мірѣ служитъ брошюра Бѣлинскаго: «Николай Алексѣевичъ Полевой», написанная подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты, понесенной русскою литературою. О заслугахъ Полеваго, преимущественно о его журнальной дѣятельности, Бѣлинскій говоритъ съ увлеченіемъ, съ восторгомъ. Онъ сопоставляетъ имя Полеваго съ именами замѣчательнѣйшихъ представителей русской литературы и науки. По словамъ Бѣлинскаго, три человѣка «имѣли сильное вліяніе на русскую лутературу въ три различныя эпохи ея историческаго существованія. Эти люди были — Ломоносовъ, Карамзинъ и Полевой... Безъ всякаго преувеличенія можно сказать положительно, что «*Московскій Телеграфъ*» былъ рѣшительно лучшимъ журналомъ въ Россіи отъ начала журналистики... Заслуги Полеваго такъ велики, что при мысли о нихъ нѣтъ ни охоты, ни силы распространяться о его ошибкахъ» и т. п. [1])

[1]) Николай Алексѣевичъ Полевой. Сочиненіе В. Бѣлинскаго. 1846 г., стр. 7—8, 50, 52 и др.

ТРИ ПОВѢСТИ ПАВЛОВА.



ТРИ ПОВѢСТИ ПАВЛОВА.

Въ нашей беллетристикѣ тридцатыхъ годовъ видное мѣсто занимали повѣсти Павлова; къ нимъ относились съ большимъ сочувствіемъ и читатели, и критики, признававшіе за авторомъ выдающійся литературный талантъ. Но приговоръ критиковъ и отзывы многочисленныхъ читателей не всегда совпадали между собою, опираясь на однѣ и тѣ же черты въ произведеніяхъ Павлова. Журналисты искали въ нихъ художественныхъ красотъ, а въ обществѣ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой его части, ходили различные толки касательно содержанія книги и затронутыхъ въ ней вопросовъ.

Книга Павлова вызвала нѣсколько рецензій и замѣтокъ болѣе или менѣе бѣглыхъ. Каковы бы ни были эти отзывы по своему содержанію и свойству, они любопытны въ томъ отношеніи, что довольно живо знакомятъ съ пріемами и направленіемъ литературной критики.

Тогдашняя критика, за немногими исключеніями, руководствовалась весьма часто тѣми же началами, тѣми же стилистическими требованіями, которыя господствовали въ восемнадцатомъ столѣтіи и въ началѣ девятнадцатаго. Разборомъ словъ и выраженій, болѣе или менѣе подробнымъ и взыскательнымъ, ограничивалась большею частію задача рецензента. Новая струя заключалась во введеніи въ литературную критику философскаго начала, вслѣдствіе знакомства съ эстетическими теоріями, выработанными въ Германіи главнымъ образомъ на основаніи идей Шиллера и Шеллинга. Но философско-эстетическая мѣрка прилагалась

только къ твореніямъ избраннымъ, своего рода классическимъ. Нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ упорно отстаивали психологическую или, точнѣе сказать, догматическую основу при оцѣнкѣ произведеній, и отвергали болѣе живое и плодотворное историческое направленіе. Вслѣдствіе укоренившагося преданія, они смотрѣли на явленія словесности сквозь призму стародавняго дѣленія и подраздѣленія родовъ и видовъ словесности и, высоко цѣня маститыя формы эпопеи, оды, трагедіи, считали ничтожнымъ, такъ называемый когда-то, легкій родъ поэзіи, въ особенности если онъ являлся не въ блестящемъ стихотворномъ нарядѣ, а въ прозаической формѣ повѣсти. Произведенія подобнаго рода, романы и повѣсти, подвергались стилистической оцѣнкѣ и на первомъ планѣ являлось требованіе изящества языка.

Подобное требованіе, въ его сущности, а отнюдь не въ его злоупотребленіи, нельзя объяснить одною прихотью моды и случайнымъ настроеніемъ журналистики. Но изящество языка надо понимать въ томъ значеніи, какъ понимали его Пушкинъ, Герценъ, Бѣлинскій и др., а не въ томъ пошломъ смыслѣ, какой придали ему нѣкоторые изъ порицателей Гоголя. Лучшіе представители нашей литературы признавали тѣсную связь языка съ содержаніемъ, и въ достоинствѣ и благородствѣ образовъ и выраженій видѣли доказательство образованности и сближенія съ обществомъ. Близость же писателей къ обществу или уклоненіе отъ него—вещь далеко не ничтожная въ развитіи каждой литературы. Вольтеръ придавалъ особенное значеніе тому обстоятельству, что многіе изъ современныхъ ему литераторовъ были люди свѣтскіе, чуткіе къ движенію общественной жизни и имѣвшіе вслѣдствіе того сильное вліяніе на общество. По замѣчанію корифея нашей литературы начала девятнадцатаго столѣтія, изящная словесность должна безпрестанно напоминать объ обществѣ и служить яснымъ и вѣрнымъ зеркаломъ его явленій, странностей, предразсудковъ. «Лучшіе писатели наши,—говоритъ Батюшковъ,—провели жизнь свою посреди общества Екатеринина вѣка, столь благопріятнаго наукамъ и словесности; тамъ заимствовали они эту людкость, это благородство, которыхъ отпечатокъ мы видимъ въ ихъ твореніяхъ: въ лучшемъ обществѣ научились они угадывать

тайную игру страстей, наблюдать нравы, сохранять всѣ условія и отношенія свѣтскія, и говорить ясно, легко и пріятно»[1]). Одинъ изъ даровитѣйшихъ литераторовъ сороковыхъ годовъ въ бѣглыхъ замѣткахъ о русской литературѣ, на которую смотритъ съ соціальной точки зрѣнія, высказываетъ, между прочимъ, слѣдующую мысль: безспорно, благопріятное условіе для нашей литературы заключается въ томъ, что наши первые писатели (авторъ имѣетъ въ виду Карамзина и др.), были люди свѣтскіе; они внесли въ нашу литературу то изящество избраннаго общества, то достоинство выраженія и благородство образовъ, которое отличаетъ бесѣду людей благовоспитанныхъ. Это обстоятельство, по мнѣнію автора, избавило нашу литературу отъ грубаго и вульгарнаго тона, который встрѣчается подчасъ въ произведеніяхъ нѣмецкихъ писателей.

Но въ нашей литературѣ тридцатыхъ годовъ стремленіе къ хорошему тону переходило иногда въ страсть къ трескучимъ фразамъ и титулованнымъ героямъ, къ описанію блестящихъ раутовъ и великосвѣтскихъ гостиныхъ. «Мы уважаемъ благородство въ литературѣ, — говорилъ Бѣлинскій по этому поводу,—но не терпимъ паркетности; высоко цѣнимъ изящество, но ненавидимъ щегольство». Какъ на образецъ неумѣстныхъ притязаній на хорошій тонъ, можно указать на толки и мнѣнія дѣйствующихъ лицъ, выведенныхъ Гоголемъ въ его «Театральномъ разъѣздѣ послѣ представленія новой комедіи»[2]).

Литераторъ: Что за низкій народъ выведенъ! Что за тонъ! Шутки самыя плоскія, просто, даже сально!

Неизвѣстно какой человѣкъ: А, это другое дѣло. Я и говорю: въ отношеніи литературнаго достоинства я не могу судить.

Литераторъ: Ну, что за разговорный языкъ; кто говоритъ этакъ въ высшемъ обществѣ? Ну, скажите сами, ну, говоримъ ли мы съ вами этакъ?

Неизвѣстно какой человѣкъ: Это правда; это вы очень

---

[1]) Сочиненія Батюшкова. 1850. Т. I, стр. 45.

[2]) Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, изд. Кулиша. 1857. Т. II, стр. 511—512.

тонко замѣтили. Именно, я вотъ самъ про это думалъ: въ разговорѣ благородства нѣтъ. Всѣ лица, кажется, какъ будто не могутъ скрыть низкой природы своей, это правда...

Современные Павлову цѣнители и судьи ставили ему въ особенную заслугу «изящество, свѣтскіе пріемы и благовоспитанность» его языка. Въ отношеніи же ко внутреннему достоинству его повѣстей, признавали за авторомъ большую наблюдательность, мастерство въ изображеніи великосвѣтскаго быта, и говорили, что его повѣсти весьма похожи на быль. Это послѣднее обстоятельство бросалось въ глаза читателямъ, непривыкшимъ встрѣчать въ романахъ вещи, близкія къ дѣйствительной, а не выдуманной жизни современнаго общества.

Между тѣмъ, какъ большинство рецензентовъ ограничивалось общими мѣстами въ похвалу слогу и таланту, нѣкоторые изъ читателей увидѣли въ повѣстяхъ Павлова затрогиваніе, и притомъ опасное, жгучихъ вопросовъ русской общественной жизни. Самый жгучій изъ нихъ былъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ и его-то коснулся авторъ въ одной изъ своихъ повѣстей.

Крѣпостное право постоянно возбуждало противъ себя болѣе или менѣе внятный ропотъ и въ литературѣ, и въ нравственно-развитой части образованнаго общества. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія составленъ былъ проектъ освобожденія крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею, но авторъ напрасно добивался принятія и обнародованія своего проекта[1]). Шлецеръ во всю жизнь не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго чувства при воспоминаніи о столкновеніи своемъ съ жертвами крѣпостного права въ Россіи. «Тридцать семь лѣтъ,—говоритъ онъ,—прошло съ тѣхъ поръ, когда въ от-

---

[1]) Въ Берлинской библіотекѣ. Ms. Gall. Oct. № 9. Suite du Journal de voyage par M. Zuckmantel. 1756—1757: M. Eisen me dit qu'il était sur la veille de faire imprimer un traité de politique à persuader aux seigneurs russiens d'abolir l'esclavage et de donner de terres libres aux villageois, ce qui ferait, à son croire, l'avantage du seigneur et la puissance de la couronne et la felicité du sujet tout ensemble. Il sera difficile d'obtenir la permission de la faire imprimer, car on n'aime pas dans ce pays les changements de cette nature.

Объ авторѣ проекта. Ейзенѣ, см. Schlözer's Leben, стр. 89—91.

вѣтъ на искреннее, задушевное участіе, услышалъ я три роковыя слова: «я крѣпостной человѣкъ»; до сихъ поръ раздаются они въ душѣ моей; убійственно-равнодушный взглядъ, которымъ они сопровождались, навсегда сохранился въ моемъ воображеніи». Шлецеръ изрекаетъ при этомъ проклятіе безчеловѣчному праву и его защитнику-нѣмцу, узаконившему возмутительную аномалію въ человѣческомъ мірѣ и обезславившему этимъ нѣмецкую націю[1]).

Въ памятныя времена Наказа Екатерины II и совѣщаній комиссіи для составленія уложенія былъ поднятъ и крестьянскій вопросъ. Сознавая нравственную несправедливость закрѣпощенія людей, представляя ихъ состояніе въ самомъ печальномъ свѣтѣ и требуя для нихъ просвѣщенія и законнаго суда, лица, близко знакомыя съ тогдашнимъ порядкомъ вещей, принуждены были дѣлать уступки дѣйствительности. Авторъ разсужденія о крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россія замѣчаетъ: «Наши крестьяне печальнымъ своимъ примѣромъ могутъ доказать, сколь пагубно угнетеніе для людей. И такъ, прежде всего должно помышлять, чтобъ для славы народа и пользы общества вывесть производимый человѣческою кровію постыдный торгъ. Сіе должно неотмѣнно уничтожить, и нимало не смотрѣть, какія бы кто ни представлялъ причины. Я не разумѣю здѣсь конечное запрещеніе; но кто намѣренъ продавать, то долженъ продавать все вмѣстѣ, и землю, и людей, а не разлучать родителей съ дѣтьми, братьевъ съ сестрами, пріятелей съ пріятелями. Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя нималой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ, не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни, обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства» и т. д.[2]).

Въ литературныхъ памятникахъ, сохранившихъ черты общественной жизни, встрѣчаются намеки на печальную, порою жестокую, судьбу закрѣпощенныхъ. Доля солдата, при всей ея суровости, казалась раемъ въ сравненіи съ несчастною долею крестьянина. Такой взглядъ выражается у

[1]) A. L. Schlözer's öffentliches und privat-Leben. 1802, стр. 125—128.
[2]) Русскій Архивъ. 1865. Второе изданіе, стр. 522.

многихъ писателей, отъ Кантеміра до Радищева въ восемнадцатомъ столѣтіи и до Павлова—въ девятнадцатомъ. У Кантеміра крестьянинъ, отсчитывая оброкъ и обливаясь горькими слезами, говоритъ [1]):

За что де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
Зналъ бы лишь ружье свое да своего капрала,
На правежѣ бы нога моя не стояла,
Для меня-бъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣ-бъ молоко; мнѣ-бъ куря носилась;
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, княгинѣ
Понеси въ поклонъ, а самъ жирѣй на мякинѣ...

Ломоносовъ называетъ живыми покойниками крѣпостныхъ людей, вынужденныхъ спасаться бѣгствомъ отъ жестокости своихъ помѣщиковъ, и указываетъ на необходимость облегчить участь крестьянъ, обремененныхъ поборами и податями [2]).

Съ особенною силою и негодованіемъ возставали противъ крѣпостного права два писателя восемнадцатаго столѣтія—Новиковъ и Радищевъ.

На страницахъ «Живописца», имѣвшаго обширный кругъ читателей и выдержавшаго много изданій, Новиковъ неоднократно заводитъ рѣчь о положеніи крестьянъ. Въ «Живописцѣ» говорится, что помѣщикъ, покинувши военную службу, пріѣзжаетъ въ другую непріятельскую землю, т. е. въ свое помѣстье: «служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь со крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати; тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ» и т. д. [3]). Упоминая о томъ, что злоупотребленіе помѣщичьимъ правомъ ведетъ къ самымъ гибельнымъ слѣдствіямъ какъ въ экономическомъ, такъ и въ государственномъ отношеніи, Новиковъ воздерживается

---

[1]) Сочиненія, письма и избранные переводы кн. Кантеміра. 1867, стр. 126. Сатира V, ст. 699 и слѣд.

[2]) Сочиненія Ломоносова. 1847. Т. I, стр. 652—653: «Переставая говорить о потерѣ россійскаго народа болѣзнями, несчастіями и убійствами, должно упомянуть о живыхъ покойникахъ; съ пограничныхъ мѣстъ уходятъ люди въ чужія государства. Побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ» и т. п.

[3]) «Живописецъ» Н. И. Новикова. Изданіе седьмое. 1864, стр. 17 25, 30, 86—88, 94—96, 80 и др.

отъ подробнаго изложенія совершающихся событій, опасаясь, какъ самъ говоритъ, сугубаго негодованія.

Болѣе рѣзкимъ обличителемъ крѣпостного права былъ — Радищевъ. Цѣлыя главы въ извѣстномъ его «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» посвящены изображенію крѣпостного быта; съ возмутительными подробностями описывается отягощеніе крестьянъ непосильною работою, отнятіе у нихъ женъ и дочерей и т. п. Не ограничиваясь такого рода картинами, авторъ взываетъ къ свободѣ и человѣческимъ правамъ, которыя должны быть одинаковы для всѣхъ людей безъ исключенія, и не разъ указываетъ на роковой исходъ, грозившій рабовладѣльцамъ, если положеніе дѣлъ не измѣнится къ лучшему для крестьянъ.

Въ девятнадцатомъ столѣтіи, убѣжденіе въ несправедливости крѣпостного права не покидало лучшихъ умовъ своего времени; но благой мысли освобожденія долго не суждено было перейти въ жизнь дѣйствительную, и литературѣ неоднократно приходилось поплатиться за напоминаніе о насущной общественной потребности.

Въ царствованіе императора Александра I, воспитатель и другъ его, Лагарпъ, вдохновляемый остзейскими баронами, предлагалъ освободить крестьянъ безъ земли.—Переводчикъ сочиненія объ устройствѣ поземельной собственности у польскихъ крестьянъ, сказавшій въ своемъ предисловіи, что освобожденіе русскихъ крестьянъ было бы возвращеніемъ того блага, которымъ они пользовались издавна, получилъ отъ своего начальника приглашеніе подать въ отставку [1]).

Въ послѣднее время, въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, не проходили даромъ попытки литературы коснуться отношеній между помѣщиками и крестьянами.

---

[1]) Извѣстный библіографъ Анастасевичъ въ собственноручной автобіографической запискѣ, написанной имъ для знаменитаго Евгенія и хранящейся въ Публичной Библіотекѣ, говоритъ: «При концѣ 1811 года, по происшедшимъ толкамъ о переводѣ моемъ книги Стройновскаго о условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, г. Сперанскій предложилъ было мнѣ просить увольненія изъ комиссіи, но исполненіе по поданной объ томъ просьбѣ прекратилось случившеюся вскорѣ и съ нимъ самимъ (17 марта 1812) перемѣною, а потому не состоялось и по просьбѣ, поданной объ опредѣленіи въ департаментъ министра внутреннихъ дѣлъ». Анастасевичъ служилъ въ комиссіи составленія законовъ подъ начальствомъ Сперанскаго.

По собственному свидѣтельству М. П. Погодина, много страха потерпѣлъ онъ отъ повѣсти своей «Нищій», въ которой выставлены злоупотребленія крѣпостнаго права и описана несчастная судьба крѣпостной невѣсты [1]). Необузданный помѣщичій произволъ довелъ героя повѣсти до преступленія и до нищенской сумы. Сынъ зажиточныхъ крестьянъ, дѣльный и работящій, онъ въ молодыхъ лѣтахъ полюбилъ достойную дѣвушку, которая привязалась къ нему всею душою; ихъ благословили и все было уже готово къ свадьбѣ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ баринъ и отнимаетъ невѣсту. Все погибло для жениха, осталась у него только одна дума: смотрѣлъ онъ на свой ножъ да думалъ «какъ засадить его подъ сердце своему злодѣю». Бросившись на злодѣя, онъ попалъ не туда, куда надо, а въ руку. Его схватили и скоро потомъ отдали въ солдаты. Прослуживъ много лѣтъ, онъ получилъ отставку и шелъ на родину, но воспоминаніе о страшномъ прошедшемъ заставило его наняться въ батраки на чужой сторонѣ, а когда выбился изъ силъ, то сталъ скитаться по бѣлому свѣту, прося подаянія. Печальную исторію горемыки авторъ слышалъ отъ него самого и, передавши ее, заключаетъ разсказъ словами: «я уложилъ своего гостя (нищаго) и самъ легъ спать, думая о слышанномъ. Какіе страшные сны видѣлись мнѣ, друзья мои!» [2]).

Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ обратилъ на себя вниманіе публики, какъ сказано въ оффиціальномъ документѣ, историческій разсказъ изъ временъ Петра Великаго: «Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно», принадлежащій Кукольнику и вовсе незамѣчательный въ художественномъ отношеніи. Въ этомъ разсказѣ изображенъ весьма аляповатыми красками недоросль изъ дворянъ, который вмѣстѣ съ своею матерью представляетъ грубый образецъ помѣщичьихъ злоупотребленій. Необузданный, развратный недоросль сѣчетъ и мучитъ своихъ крестьянъ, мужчинъ и женщинъ. Одна изъ

[1]) Русская Старина. 1872. Февраль. М. П. Погодина: «Въ память о Павлѣ Александровичѣ Мухановѣ». Стр. 336—337. Повѣсть «Нищій» напечатана въ «Ураніи», которая должна была выйти въ январѣ 1826 года.

[2]) Повѣсти Михаила Погодина. 1832. Часть I, стр. 55—77.

дѣвушекъ не согласилась быть жертвою его разврата и за это подвергается всевозможнымъ преслѣдованіямъ и истязаніямъ, а жениха ея сдаютъ въ солдаты. Черезъ нѣсколько времени, по указу Петра Великаго, потребовали на службу и самого недоросля и определили его въ тотъ самый полкъ, гдѣ служилъ женихъ обиженной имъ дѣвушки, успѣвшій пріобрѣсти общее довѣріе и выбранный въ сержанты. Такимъ образомъ, подъ начальствомъ сержанта очутился его бывшій баринъ, который и въ полку думалъ-было сохранить свои прежнія привычки, свое упрямство, лѣнь и самодурство; но усердный къ службѣ сержантъ палкой наказываетъ строптиваго и непослушнаго дворянчика. Мать бросается съ жалобой къ царю. Петръ призвалъ къ себѣ сержанта и недоросля, разспросилъ въ чемъ дѣло, одобрилъ поступокъ сержанта и велѣлъ повторить наказаніе въ присутствіи матери виновнаго. «Всѣ заодно»,—завопила мать недоросля, которую ожидалъ новый ударъ: по царскому указу, невѣстѣ сержанта дана была вольная и давно желанное счастье двухъ честныхъ душъ, наконецъ, наступило—къ стыду и отчаянію двухъ жестокихъ крѣпостниковъ [1]).

Повѣсть Кукольника подверглась осужденію за желаніе «выказать дурную сторону русскаго дворянина и хорошую—его дворового человѣка». Графъ Бенкендорфъ писалъ Кукольнику: «Хотя разсказъ вашъ вы почерпнули изъ дѣяній Петра Великаго, но предметъ, вами описанный, въ анекдотѣ составляя прекрасную черту великаго государя, въ вашемъ сочиненіи совершенно искаженъ неумѣстными выраженіями и получилъ совершенно дурное направленіе. Желаніе ваше безпрерывно высказывать добродѣтель податнаго состоянія и пороки высшаго класса людей не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій», и т. д. Вскорѣ, однако же, шефъ жандармовъ успокоилъ автора, засвидѣтельствовавши его благонамѣренность [2]).

Болѣе серьезныя слѣдствія повлекли за собою толки, возбужденные въ нѣкоторой части нашего общества появле-

---

[1]) Кукольника: «Сказка за сказкой. 1842. Т. I. Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ или всѣ заодно». Стр. 1—57.

[2]) Русская Старина. 1871. Іюнь. Стр. 793—794.

ніемъ повѣстей Павлова, въ которыхъ есть черты, относящіяся къ крѣпостному праву и къ военной дисциплинѣ. Толки эти приняли такіе размѣры, что министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, нашелся вынужденнымъ довести дѣло до свѣдѣнія государя. Не сдѣлать этого онъ не могъ, потому что дальнѣйшее молчаніе его было бы сочтено неисполненіемъ прямыхъ обязанностей, лежащихъ на немъ, какъ на министрѣ народнаго просвѣщенія, въ вѣдомствѣ котораго находилась цензура. Уступая необходимости, Уваровъ заявилъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ обществѣ повѣстями Павлова; но въ докладѣ своемъ онъ является не столько обличителемъ, сколько ходатаемъ за автора и за цензора. Отклоняя всякое предположеніе о какомъ либо умыслѣ со стороны автора и о принятіи крутыхъ мѣръ со стороны власти, Уваровъ выражаетъ мысль, что лучшимъ средствомъ для достиженія благой цѣли было бы доставленіе автору возможности развить и вполнѣ образовать свой замѣчательный талантъ. Для вѣрной оцѣнки дѣйствій Уварова слѣдуетъ принять въ соображеніе тогдашнія обстоятельства, настроеніе, господствовавшее въ правительственныхъ сферахъ и оффиціальное участіе въ наблюденіи за литературою, принимаемое, помимо министерства народнаго просвѣщенія, другимъ вѣдомствомъ, какъ можно видѣть изъ писемъ графа Бенкендорфа къ Кукольнику. Насъ увѣряли, что есть документы, доказывающіе, что докладъ Уварова былъ слѣдствіемъ сдѣланнаго уже заявленія о «вредныхъ повѣстяхъ».

Судьба повѣстей Павлова не лишена своего рода значенія въ нашей литературѣ тридцатыхъ годовъ. Поэтому мы укажемъ данныя, въ которыхъ выражается впечатлѣніе, произведенное книгою Павлова какъ на литераторовъ, такъ и на общество. Одинъ изъ критиковъ сказалъ, что ее надо читать не иначе, какъ съ карандашомъ въ рукѣ, отмѣчая все заслуживающее вниманія. Замѣчательно, что именно такимъ образомъ прочиталъ книгу Павлова императоръ Николай I.

Въ 1835 году вышли въ Москвѣ «Три повѣсти» Н. Ф. Павлова: «Именины», «Аукціонъ», «Ятаганъ». Дозволеніе цензуры дано 2 ноября 1834 года; цензоромъ былъ Снеги-

ревъ. Передъ каждою повѣстью находится отдѣльный эпиграфъ, а ко всѣмъ тремъ повѣстямъ относится эпиграфъ, выставленный на заглавномъ листѣ, и заключающійся въ двухъ латинскихъ словахъ: Domestica facta (домашнія дѣла); на томъ же листѣ виньетка, изображающая чудовище, поражаемое невидимою рукою.

Въ небольшой повѣсти «Аукціонъ» разсказанъ на нѣсколькихъ страницахъ эпизодъ изъ свѣтской жизни—встрѣча оставленнаго поклонника съ его бывшимъ кумиромъ и попытка отомстить ему, напоминающая отчасти Печорина. Какъ Печоринъ глубоко оскорбляетъ чувство любящей его женщины, грубо бросая ей слова: «я васъ не люблю» [1]), такъ герой «Аукціона» отталкиваетъ отъ себя женщину, говоря: «я отъ васъ ничего не хочу, а мнѣ вы, другая—все равно». Но въ героиняхъ обоихъ авторовъ огромная разница; что касается до героини разсказа Павлова, то она весьма вѣрно изображается самимъ эпиграфомъ [2]).

Вниманіе къ книгѣ Павлова было возбуждено не «Аукціономъ», а двумя другими повѣстями, которыя гораздо значительнѣе первой и по мысли, и по содержанію. Въ повѣсти «Именины» представлена печальная судьба крѣпостного человѣка, получившаго образованіе и страстно полюбившаго музыку, которая долго выручала его изъ бѣды, давая возможность жить въ кругу людей, сочувствующихъ его таланту и не растравлявшихъ его глубокой душевной раны. Но сознаніе ужаснаго положенія иногда пробуждалось въ немъ съ новою силою различными случайностями, оставлявшими въ душѣ его неизгладимые слѣды. «Мирно обѣдалъ я, — говоритъ онъ, — вдали отъ хозяйки, на унизительномъ краю стола, и, по какой-то особенной сметливости слугъ, каждое блюдо подавали мнѣ послѣднему. Но эти маловажныя обстоятельства не въ силахъ были раздражить моей щекотливости. Для нея готовилось другое истязаніе получше, подѣйствительнѣе. Недалеко отъ меня сидѣлъ какой-то господинъ, съ молчаніемъ на устахъ, съ уныніемъ на лицѣ, ху-

[1]) Сочиненія Лермонтова. 1856. Т. II, стр. 331.

[2]) Je me souviens très-bien d'Auguste, de Charles aux yeux bleus, d'Edmont, d'Alfred, du petit peintre et du grand médecin, mais après cela je m'embrouille...

дощавый и по виду пречувствительный. Подъ конецъ уже обѣда развязался его языкъ и онъ началъ съ кѣмъ-то разговаривать черезъ столъ. Я не обращалъ туда никакого вниманія, завоеванный моимъ сосѣдомъ, какъ вдругъ мое сердце забилось, лицо вспыхнуло и глаза остановились, прикованные къ этому худощавому, чувствительному человѣку.

Чуткій слухъ мой поймалъ его слова:

— А я сегодня обработалъ славное дѣло: продалъ двухъ музыкантовъ, по тысячѣ рублей штуку.

Сосѣдъ мой замѣтилъ мнѣ на ухо:

— Тотчасъ видно не музыканта! Я ни за одного изъ своихъ и по двѣ не возьму.

Вы понимаете, что я чувствовалъ, чего мнѣ хотѣлось; но не то было время. Теперь я не посовѣтовалъ бы такъ распространяться при мнѣ про домашнія дѣла своего оркестра» [1]).

Талантъ закрѣпощеннаго музыканта и его прекрасная душа вызвали сочувствіе къ нему въ лучшей женщинѣ того кружка, въ которомъ проводилъ онъ лучшіе часы своей жизни. Онъ открылся этой женщинѣ, что онъ крѣпостной человѣкъ, и вслѣдъ за этимъ признаніемъ узналъ, что баринъ его готовъ былъ отпустить на волю за десять тысячъ рублей, но проигралъ его вмѣстѣ со всею деревнею. Ошеломленный художникъ въ первомъ приливѣ гнѣва хотѣлъ убить проигравшаго его барина, но не нашелъ въ себѣ для этого достаточно силы воли и рѣшился бѣжать—бѣжать куда глаза глядятъ, что бы ни ожидало его впереди. Его поймали, судили, какъ непомнящаго родства, и долго судили. Наконецъ, наступилъ часъ искупленія: его приговорили въ солдаты. Радость его отъ этого приговора была такъ же велика, какъ и восторгъ человѣка, очутившагося въ подобномъ ему положеніи, выведеннаго Радищевымъ въ одной изъ главъ его «Путешествія» (Городня).

«Я былъ приговоренъ въ солдаты,—говоритъ герой повѣсти Павлова,—и поступилъ въ арестантскія роты. Съ чѣмъ сравнить мой тогдашній восторгъ?.. Птица, выпущенная въ Благовѣщенье изъ клѣтки, преступникъ, прощенный подъ то-

[1]) Три повѣсти Н. Павлова. Москва. 1835, стр. 64—67.

поромъ палача, могли бы вамъ дать понятіе о чувствѣ, съ которымъ я надѣлъ сѣрую шинель! Никому жизнь солдата не представлялась въ такихъ очаровательныхъ краскахъ! Я дышалъ свободно, я смотрѣлъ смѣло, меня уже не пугала барская прихоть; я сдѣлался слугою не людей, но смерти; я зналъ, что она не выдастъ своей жертвы... И у меня, наконецъ, явилось будущее... Не разъ я цѣловалъ солдатскій мундиръ, обливая его слезами. Какъ ребенокъ повторялъ я себѣ: «ты солдатъ!»—и сердце мое билось весело, и смѣло улыбался я при мысли о своемъ баринѣ. Съ какимъ поэтическимъ трепетомъ увидѣлъ я въ первый разъ это поприще, гдѣ падаютъ люди не по выбору, а кто попадется, гдѣ презрѣніе къ жизни можетъ задушить человѣческое лицепріятіе и поставить первымъ того, кто стоялъ послѣдній!» [1]).

Въ «Ятаганѣ» главное дѣйствующее лицо—корнетъ, разжалованный въ солдаты за дуэль и порученный особенному надзору полковника. Роль полковника — жалкая и отвратительная: въ немъ поражаетъ смѣсь пошлости съ необузданными, звѣрскими порывами. Въ наивномъ самообольщеніи онъ не подозрѣваетъ въ молодомъ солдатѣ своего соперника, легкомысленно ввѣряетъ ему свою тайну и даже проситъ его содѣйствія. Убѣдившись, наконецъ, собственными глазами, что сердце женщины, которую онъ прочитъ себѣ въ жены, принадлежитъ солдату, начинаетъ притѣснять этого солдата и своими грубыми выходками доводитъ его до нарушенія дисциплины, за что и подвергаетъ виновнаго тѣлесному наказанію. Раздраженный до послѣдней степени корнетъ-солдатъ бросается на полковника и поражаетъ его ятаганомъ. Убитаго предаютъ землѣ съ обычными военными почестями, виновнаго прогоняютъ сквозь строй...

Появленіе повѣстей Павлова произвело замѣтное впечатлѣніе въ мыслящей части общества и въ литературномъ кругу. Находили, что авторъ съ особеннымъ искусствомъ и вѣрностью схватываетъ характеристическія черты современнаго быта, преимущественно высшаго общества; что, при нѣкоторой изысканности положеній, характеровъ и даже языка, вездѣ виденъ умный человѣкъ съ вѣрнымъ и само-

---

[1]) Три повѣсти Н. Павлова, стр. 99—102.

стоятельнымъ взглядомъ, замѣчающій въ людяхъ много движеній, которыя ускользаютъ отъ другихъ, и дающій своими наблюденіями пищу для размышленія и для полезнаго спора [1]).

Одинъ изъ самыхъ строгихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ даровитыхъ критиковъ Павлова, именно Бѣлинскій, сводя автора съ его импровизованнаго пьедестала, замѣчаетъ, однако же, слѣдующее по поводу мѣста въ повѣсти «Ятаганъ», осуждаемаго критикомъ «Московскаго Наблюдателя»: «Пусть думаетъ г. критикъ какъ угодно ему, но мы понимаемъ это иначе: намъ кажется, что здѣсь-то именно авторъ «Трехъ повѣстей» показалъ самымъ блистательнымъ образомъ свое знаніе и свѣта, и человѣческаго сердца; въ той чертѣ мы признаемъ высокую художественность» [2]).

Судя по замѣткамъ и выпискамъ, уцѣлѣвшимъ отъ того времени, когда книга Павлова была свѣжею литературною новостью, на читателей наиболѣе образованныхъ особенно дѣйствовали и весьма высоко цѣнились ими мѣста, подобныя слѣдующимъ:

«Они прошли мимо какъ люди обыкновенные; они были, ихъ нѣтъ: вотъ книга ихъ бытія. Но человѣкъ вездѣ равно достоинъ вниманія: въ жизни каждаго, кто бы онъ ни былъ, какъ бы ни провелъ свой вѣкъ, мы встрѣтимъ или чувство, или слово, или происшествіе, отъ которыхъ поникнетъ голова, привыкшая къ размышленію. Сильный характеръ обнаруживается часто въ тѣсномъ кругу, подъ домашней кровлей; причудливый случай выбираетъ иногда жертву незамѣтную и его поучительные удары падаютъ безъ свидѣтелей, посреди тихаго семейнаго быта, какъ падаетъ молнія на путника, застигнутаго бурею въ безлюдной степи» и т. д. [3]).

Съ особеннымъ искусствомъ и правдивостью изображаетъ авторъ материнскую любовь, незнающую предѣловъ, доходящую до полнѣйшаго самоотверженія. Это—«любовь чистая»,—говоритъ онъ,—неперепутанная съ другими корыстными чувствами, любовь, которая не упрекаетъ въ равнодушіи, не

---

[1]) Телескопъ. 1834. Часть XIX, стр. 17.—«Годъ въ чужихъ краяхъ»—дорожный дневникъ М. Погодина. 1884. Часть I, стр. 1—2.

[2]) Сочиненія В. Бѣлинскаго. 1861. Ч. II, стр. 91—92.

[3]) Три повѣсти Н. Павлова, стр. 10—12.

мститъ за неблагодарность, не обманываетъ и не пристаетъ: «будь со мной, живи и умри возлѣ меня»... Бьется сердце во многихъ объятіяхъ, при многихъ встрѣчахъ: есть друзья, жены, невѣсты; есть горячіе поцѣлуи и радостныя слезы, но нѣтъ слезы чище, нѣтъ поцѣлуя откровеннѣе, какъ слеза и поцѣлуй матери, и т. д.» [1]).

Мысль, проводимая авторомъ, въ сущности та же, которая выражается и въ словахъ современнаго намъ поэта [2]):

Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Указанныя нами мѣста изъ повѣстей Павлова приводились тогдашними критиками и помѣщались въ хрестоматіяхъ какъ образцовыя по содержанію и изложенію [3]).

Чтобы судить о томъ, какъ относилась къ произведеніямъ Павлова тогдашняя литературная критика, приведемъ еще нѣсколько отзывовъ періодическихъ изданій того времени. Въ «Молвѣ» высказано такое мнѣніе о трехъ повѣстяхъ Павлова: «Онѣ замѣчательны и по художественной своей отдѣлкѣ, но это не главное ихъ достоинство. Г. Павловъ пристально вглядѣлся въ жизнь, которую описываетъ, провелъ ее чрезъ свое чувство и передалъ вѣрно и живо. Его нельзя обвинять въ мизантропіи, но онъ и не льстецъ жизни. Картины его не обливаютъ душу смертнымъ холодомъ, не взбиваютъ дыбомъ волосы на головѣ, но не берите ихъ, чтобъ заснуть слаще послѣ обѣда въ мягкихъ вольте-

[1]) Три повѣсти Н. Павлова, стр. 161, 165—167.

[2]) Стихотворенія Н. Некрасова. 1856, стр. 178: «Внимая ужасамъ войны».

[3]) Полная русская Хрестоматія, составилъ А. Галаховъ. 1843. Ч. II. Повѣсти, стр. 138 — 139: два отрывка изъ повѣстей Павлова названы: «Человѣкъ достоинъ изученія во всѣхъ состояніяхъ» и «Материнская любовь». Тѣ же мѣста приведены въ критикѣ Шевырева, помѣщенной въ «Московскомъ Наблюдателѣ».

ровскихъ креслахъ; не читайте, если хотите позабыться на минуту.

Въ чародѣйствѣ *красныхъ* вымысловъ,
Если не хотите—
рѣки слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ [1]).
Ахъ! не все намъ рѣки слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ!
На минуту позабудемся
Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ.

Повѣсть «Аукціонъ» изъ всѣхъ трехъ есть худшая. Мы отдаемъ преимущество «Ятагану» по художественности отдѣлки; но въ «Именинахъ», по нашему мнѣнію, болѣе силы» [2]).

Но, по мнѣнію критика, помѣстившаго статью свою въ «Московскомъ Наблюдателѣ», въ «Ятаганѣ» особенно замѣтенъ даръ наблюденія души человѣческой. Авторъ этой критической статьи, Шевыревъ, говоритъ: «Въ то время, когда намъ некуда дѣваться отъ кучи пошлыхъ и бездушныхъ романовъ и повѣстей, на сочиненіе которыхъ потрачены только бумага и чернила, а не издержано ни одной мысли, какъ сладко остановитесь вы на повѣстяхъ Павлова, какъ на свѣтломъ оазисѣ литературной пустыни... Иные ищутъ повѣстей за тридевять земель, на горахъ Кавказа, въ степяхъ Африки, въ жизни людей великихъ, въ своей фантазіи. Нѣтъ, найдите повѣсть здѣсь около васъ. Взгляните очами мысли на эту жизнь, которая въ своемъ ежедневномъ, изношенномъ платьѣ, мелькаетъ передъ вами! Вы хотите глядѣть на жизнь все въ праздникъ: взгляните въ будни на нее, какъ она есть съ ея обыкновенными людьми; надо, чтобы повѣсть выходила изъ этой же нашей жизни и сливалась съ нею. Разгадайте обыкновенные характеры, всякій день говорящіе съ вами, покажите ихъ сущность и заставьте задуматься надъ тѣмъ, мимо чего всѣ равнодушно проходятъ. Вотъ тайна свѣтской повѣсти, которую нашъ авторъ разгадалъ въ своемъ «Ятаганѣ» и т. д. [3]).

---

[1]) Сочиненія Карамзина. 1848. Т. I, стр. 256. Илья Муромецъ—богатырская сказка.

[2]) «Московскій Наблюдатель». 1835. Ч. I, стр. 125, 123—124.

[3]) Молва. 1835. № 4, стр. 55—58.

Совершенно въ другомъ родѣ отзывъ самаго распространеннаго журнала того времени, органа Сенковскаго — «Библіотека для чтенія»:

«Три повѣсти Павлова,—говоритъ критикъ,—три случая изъ домашней жизни, разсказанные живо и мило.

«Первая повѣсть, «Именины», кажется намъ не совсѣмъ правдоподобною. Впрочемъ, быть можетъ!....

«Но какъ бы то ни было, а эти отличія, оказываемыя крѣпостному генію и фамильярности, которые дозволяютъ ему по бесѣдкамъ (?), такъ невѣроятны, что это должна быть не повѣсть, а правда.

«Г. Павловъ, судя по его сочиненію, человѣкъ очень образованный, очень хорошо знаетъ по-французски, и мы не постигаемъ, какъ ему вздумалось увѣрять своихъ читателей, что «Notre-Dame de Paris», заглавіе извѣстнаго романа Виктора Гюго, значитъ по-русски—«Церковь Богоматери въ Парижѣ» [1]). Мы позволимъ себѣ его поправить: «Notre-Dame de Paris» значитъ «Церковь Парижской Богоматери», а не церковь въ Парижѣ. Это то же самое, какъ у насъ говорится: Церковь Казанской Богоматери, Церковь Иверской Богоматери, и т. п. Церкви «de Notre-Dame de Paris» находятся и внѣ Парижа.

«Третья повѣсть, «Ятаганъ», несравненно длиннѣе и складнѣе двухъ первыхъ. Еслибы она не была такъ хороша, мы бы тотчасъ пересказали ея содержаніе; но она должна быть читана, и мы не хотимъ уменьшить ея занимательности преждевременнымъ открытіемъ интриги. Это долгъ чести со стороны критики въ отношеніи къ порядочнымъ повѣстямъ.

«Мы съ истиннымъ удовольствіемъ встрѣтились въ книгѣ г. Павлова съ образованнымъ, благовоспитаннымъ русскимъ языкомъ: мы его встрѣчаемъ такъ рѣдко: Въ его языкѣ нѣтъ тѣхъ грубыхъ поговорокъ и оборотовъ въ распашку, которые многими принимаются за бойкость, тѣхъ басистыхъ

---

[1]) Три повѣсти. Н. Павлова «Аукціонъ», стр. 124.... «Схватилъ развернутый томъ только что показавшагося тогда романа: *Церковь Богоматери въ Парижѣ*. Первыя слова, что попались ему на страницѣ, были: c'était indéfinissable et charmant».....

фразъ, отъ которыхъ несетъ лукомъ на всю комнату. Онъ говоритъ изящно и благородно, избираетъ слова и учитъ свои выраженія пріемамъ свѣтской ловкости. Это — языкъ изящной бесѣды. Г. Павловъ имѣетъ слогъ: въ его фразѣ есть художество; она хорошо разсѣкается, обдѣлана, жива, гладка, разнообразна, часто даже замысловата.

«Г. Павловъ будетъ писать хорошо. Но мы должны сказать ему тутъ же непріятную истину: въ этихъ повѣстяхъ нѣтъ никакой идеи. Что онѣ доказываютъ? Ничего. И ничего потому, что это частные случаи, обстоятельства исключительныя, изъятія изъ общей, повсемѣстной жизни, которыя прилагаются только къ тѣмъ, кто въ нихъ находился. Надобно, чтобы повѣсть выражала какую нибудь прикладную идею, ведущую къ полезному умозаключенію и примѣняющуюся ко всякому лицу. Кромѣ общей идеи, въ повѣсти могли-бъ еще быть мысли. На мысли не споткнешься въ нихъ» [1]).

Не смотря, однако же, на заявленное критикою отсутствіе прикладной идеи, этой идеи искали и доискивались, доказательствомъ чему служатъ слѣдующіе факты.

Министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ, побуждаемый слухами и толками, которые ходили въ обществѣ, представилъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ, что, прочитавъ вышедшую въ Москвѣ книгу подъ заглавіемъ «*Три повѣсти Н. Павлова*», онъ считаетъ обязанностію довести до высочайшаго свѣдѣнія, что книга эта возбуждаетъ въ обществѣ различные толки и сужденія; иные хвалятъ талантъ молодого, доселѣ неизвѣстнаго, автора, другіе осуждаютъ предметы, имъ избранные. Поэтому въ предупрежденіе слуховъ, могущихъ достигнуть до его величества, Уваровъ рѣшился представить государю книгу, всеподданнѣйше прося удостоить оную прочтенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уваровъ полагалъ, что, по смыслу цензурнаго устава, трудно обвинить автора или цензора, и что запрещеніе книги могло бы только содѣйствовать ея извѣстности [2]).

На докладъ министра послѣдовала резолюція, изъ кото-

---

[1]) Библіотека для Чтенія. Т. IX. Литературная лѣтопись. Стр. 5—8.
[2]) Докладъ 29 марта 1835.

рой видно, что государь императоръ, прочитавъ книгу со вниманіемъ и отмѣтивъ въ ней неприличныя мѣста, нашелъ, что третья статья[1]), по всему содержанію, смыслу и цѣли, не должна бы быть пропущена цензурою. Раздѣляя мнѣніе Уварова, что поздно запрещать книгу, государь приказалъ, однако же, немедленно вызвать цензора въ Петербургъ и отобрать отъ него письменно отвѣты на всѣ неприлично пропущенныя мѣста.

По докладѣ объ исполненіи высочайшей воли императоръ Николай Павловичъ пожелалъ узнать, кто сей Николай Павловъ? На основаніи собранныхъ наскоро свѣдѣній, министръ народнаго просвѣщенія представилъ, что *Н. Павловъ* изъ отпущенныхъ на волю, имѣетъ съ небольшимъ тридцать лѣтъ, первоначально обучался въ московской театральной школѣ, откуда, по замѣченнымъ въ немъ способностямъ къ наукамъ и по отвращенію къ театру, получилъ средство вступить въ Московскій университетъ, гдѣ онъ и окончилъ полный курсъ въ 1825 году. Послѣ сего онъ служилъ при московской театральной дирекціи; неизвѣстно, находится ли теперь въ службѣ.

Вызванный въ Петербургъ, цензоръ Снегиревъ представилъ министру народнаго просвѣщенія такое объясненіе:

«Первыя двѣ повѣсти, сколько мнѣ извѣстно, напечатаны были въ московскомъ журналѣ профессора Надеждина «*Телескопъ*», и при второмъ изданіи пропущены мною съ исключеніемъ нѣкоторыхъ выраженій, показавшихся мнѣ сомнительными. Послѣдняя же повѣсть, подъ названіемъ «*Ятаганъ*», пропущена мною не иначе какъ съ разрѣшенія предсѣдателя цензурнаго комитета Д. П. Голохвастова, который, предварительно осмотрѣвъ оную, совѣщался о ней и съ членами комитета, согласившимися съ его мнѣніемъ, что повѣсть сія, какъ не противная главнымъ правиламъ устава о цензурѣ, можетъ быть пропущена. На такомъ основаніи я и подписалъ оную книгу къ печатанію; и хотя уставъ запрещаетъ привязываться къ отдѣльнымъ выраженіямъ, но я, съ согласія сочинителя, назначилъ къ исключенію всѣ тѣ

---

[1]) Третьею въ книгѣ Павлова помѣщена повѣсть «*Ятаганъ*», въ которой описывается нарушеніе военной дисциплины.

слова, кои показались мнѣ или слишкомъ рѣзкими, или столь обоюдными, что могли бы подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, предосудительнымъ для сочинителя. Я не увлекся ни пристрастіемъ, ни довѣренностію къ себѣ самому, какую бы могла внушить въ меня двадцатилѣтняя служба моя при цензурномъ комитетѣ; но обратилъ вниманіе на духъ и отдѣльныя части сочиненія, въ коемъ не находилъ ничего противнаго уставу и не предполагалъ какого-либо умысла; сомнѣнія же свои касательно впечатлѣнія передалъ на разрѣшеніе г. предсѣдателя».

Предсѣдатель, Голохвастовъ, принесъ повинную въ интимномъ письмѣ къ Уварову, на французскомъ языкѣ, которое Уваровъ счелъ нужнымъ представить государю въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ краткимъ изложеніемъ отвѣта Снегирева[1]). Въ докладѣ своемъ Уваровъ, указывая на то, сколь затруднительно вообще дѣло цензуры, при такомъ положеніи дѣла почиталъ достаточнымъ поставить частнымъ образомъ на видъ Голохвастову неблагопріятныя послѣдствія его, впрочемъ, безъ сомнѣнія, неумышленной ошибки, а цензора отправить обратно къ мѣсту, подтвердивъ ему объ употребленіи впредь болѣе осмотрительности по дѣлу цензуры подъ опасеніемъ лишиться мѣста.

По прочтеніи доклада, государь императоръ приказалъ сдѣлать Голохвастову выговоръ, а Снегиреву строгій выговоръ, и объявить имъ, что при первой подобной оплошности виновный будетъ отданъ подъ судъ.

Сообщая объ этомъ начальству московскаго учебнаго округа, министерство народнаго просвѣщенія просило обратить вниманіе цензурнаго комитета на самый эпиграфъ книги:

---

[1]) Въ письмѣ Голохвастова, между прочимъ, сказано: «l'une de ces nouvelles *Ятаганъ* a été permise par le censeur avec mon consentement. Le manuscrit m'en avait été remis par M. Снегиревъ dans le temps où Votre Excellence se trouvait à Moscou, et j'avais même eu l'idée de Vous le soumettre, par la crainte de Vous dérober un temps trop précieux, je me suis borné à le lire, peut-être avec trop de précipitation, et j'ai consenti à ce que l'impression en fût permise. Ce consentement n'ayant été demandé et donné que verbalement et d'une manière non officielle, je croirais d'autant plus manquer à l'honneur et à la justice si je ne m'offrais pour partager toute la responsabilité du censeur».—

«*домашнія дѣла*», а также и на виньетку, представляющую чудовище, поражаемое кинжаломъ рукою Невидимаго. О виньеткѣ цензурный комитетъ отнеся къ московскому оберъ-полицiймейстеру, чтобы онъ приказалъ, «отобравъ оную отъ содержателя типографiи Степанова, доставить въ комитетъ; по полученiи же, сiя виньетка имѣетъ быть прiобщена къ числу запрещенныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало запрещенiе перепечатывать книгу Павлова.

СНЯТІЕ ОПАЛЫ СЪ СЛАВЯНОФИЛОВЪ.

СНЯТІЕ ОПАЛЫ СЪ СЛАВЯНОФИЛОВЪ.

Многія причины, частью довольно сложныя, частью весьма простыя, связали неразрывными узами судьбы нашей литературы съ судьбами ея неутомимой спутницы цензуры. Узы эти одна сторона находила существенно-необходимыми, благотворными и спасительными; другая—называла ихъ цѣпями, давящими все, что носитъ на себѣ подобіе мысли. По словамъ одного изъ умнѣйшихъ писателей нашихъ, цензурное вѣдомство и гг. цензоры представляли вѣчную точку съ запятою, задерживающую свободное движеніе литературы. «Дай намъ,—говорилъ когда-то князь Вяземскій,—не полную, но умѣренную свободу печатанія, сними съ мысли алжирскія цѣпи; и въ годъ словесность наша преобразуется. Все, что плыветъ теперь на поверхности, поглотится пучиною; а сокровенное выплываетъ на воду». Такъ смотрѣли на цензуру въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I. Подобные же взгляды высказывались и въ самомъ началѣ царствованія его преемника, и не только въ статьяхъ литературныхъ, но и въ проектахъ и соображеніяхъ, выработанныхъ съ правительственной точки зрѣнія и подлежавшихъ разсмотрѣнію высшей администраціи. Въ одной изъ такого рода записокъ говорится: «Совершенное безмолвіе порождаетъ недовѣрчивость и заставляетъ предполагать слабость; неограниченная гласность производитъ своеволіе; гласность же, вдохновленная самимъ правительствомъ, примиряетъ обѣ стороны и для обѣихъ полезна. Составивъ *общее мнѣніе*, весьма

легко управлять имъ, какъ собственнымъ дѣломъ, котораго мы знаемъ всѣ тайныя пружины. Другая важная отъ сего польза для правительства будетъ та, что оно узнаетъ способныхъ людей. Теперь вообще жалуются на ихъ недостатокъ, на disette d'hommes; тогда способности всплывутъ наверхъ».

Но какъ опредѣлить границы такъ называемой умѣренной свободы слова? Какъ слить въ одно нераздѣльное цѣлое требованія государственной, общественной и умственной жизни? Для достиженія благой цѣли, люди, имѣвшіе вліяніе на цензурныя условія нашей литературы, считали иногда полезнымъ прислушиваться къ голосу общественнаго мнѣнія и дѣлать ему болѣе или менѣе значительныя уступки. Но навстрѣчу этимъ уступкамъ сейчасъ же шли возраженія. Слова лица, облеченнаго властью: «пусть писатели высказываютъ свои мысли,—тѣмъ легче будетъ для власти слѣдить за ходомъ общественнаго мнѣнія», вызвали ироническое замѣчаніе: «то есть пусть производятъ пожары,—тѣмъ легче будетъ тушить».

Вооружаясь противъ свободы слова, защитники цензуры приводили обыкновенно тотъ доводъ, что общество наше находится на весьма невысокой степени образованности, вслѣдствіе чего легко поддается всякимъ вліяніямъ вообще и дѣйствію печатнаго слова въ особенности. Съ этимъ отчасти соглашались и сами писатели, говоря: «немногіе у насъ даютъ себѣ трудъ мыслить; еще менѣе число тѣхъ, кои мыслятъ вслухъ. Полуистины вреднѣе въ нашемъ быту, чѣмъ гдѣ нибудь. Тамъ, гдѣ истины обнародываются множествомъ голосовъ, мнѣнія превратныя прямятся мнѣніемъ общественнымъ или заглушаются и погибаютъ непримѣтно. У насъ же каждый нечаянный звукъ долго отзывается и пріемлетъ нѣкоторую существенность».

Но нѣкоторые изъ составителей проектовъ представляли наше общество ужъ черезчуръ податливымъ. «Русская публика,—говорили они,—читаетъ много и большею частію по-русски, бдительно слѣдитъ за успѣхами словесности, и примѣчаетъ быстрый или стѣсненный ея ходъ. Просвѣщеніе нашей публики нельзя сравнить съ другими, но она имѣетъ то преимущество, что довольствуется весьма немногимъ. Не надобно большихъ усилій, чтобы быть не только любимымъ ею, но

даже обожаемымъ; къ этому два средства: справедливость и нѣкоторая гласность (publicité). Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать одною тѣнью свободы въ мнѣніяхъ» и т. д. Шишковъ замѣтилъ на это, что одна тѣнь свободы не только никого не привлечетъ, а, напротивъ того, вызоветъ общее неудовольствіе.

Въ доказательство того, что печать распространяетъ свое вліяніе и на низшіе классы народа, Шишковъ указывалъ на статьи по крестьянскому вопросу, появлявшіяся въ нашей литературѣ. «Извѣстно,—говоритъ Шишковъ,—что въ царствованіе императора Александра I позволялось писать объ освобожденіи крестьянъ, о которомъ разсуждали и въ журнальныхъ статьяхъ, и въ отдѣльныхъ книгахъ. Обстоятельство это не укрылось отъ простого народа, и одна взбунтовавшаяся большая вотчина представила при всеподданнѣйшемъ прошеніи книжку «Вѣстника Европы», въ которой говорилось объ освобожденіи крестьянъ, и оправдывала себя тѣмъ, что, поступая по печатному, она полагала, что дѣйствуетъ въ видахъ правительства, желающаго отнять власть у помѣщиковъ».

Отношенія между литературою и цензурою, существовавшія въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, не только не улучшились въ сороковыхъ, но стали еще болѣе суровыми вслѣдствіе политическихъ событій въ Западной Европѣ. Но въ пятидесятыхъ годахъ обстоятельства значительно измѣнились. Въ литературѣ обнаружилось движеніе; усилилась литературная производительность; стало появляться на свѣтъ Божій то, что лежало подъ спудомъ. Лучшая, просвѣщеннѣйшая часть русскаго общества искренно привѣтствовала это оживленіе; только немногіе и весьма немногіе не радовались ему. Ворчали разносчики корректуръ, да люди, которымъ такъ хорошо жилось при прежнемъ затишьѣ.

Для характеристики нашей литературы пятидесятыхъ годовъ особенное значеніе имѣетъ появленіе статей и повременныхъ изданій славянофильскаго направленія. Образованіе и развитіе славянофильскихъ идей, а равно и борьба взглядовъ, вызванная ими какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ, представляютъ много любопытныхъ чертъ для исторіи нашей умственной и общественной жизни.

Первые вѣстники славянофильства явились людьми сильными убѣжденіемъ и вѣрою, вызывавшими на бой съ неправдою какъ въ области мысли, такъ и въ окружающей дѣйствительности. Какъ же отнеслись современники къ этимъ глашатаямъ новаго порядка идей и вещей? Общество пришло въ недоумѣніе отъ непривычной рѣчи, поразившей и своею смѣлостью, и оригинальностію мысли. Большинство такъ и осталось при неопредѣленномъ впечатлѣніи, не задавая себѣ труда вдумываться въ предметы, повидимому, весьма отвлеченнаго свойства. Судьи болѣе храбрые и самоувѣренные произнесли приговоры весьма рѣшительные: по мнѣнію однихъ, славянофилы были фанатики, мечтавшіе о вещахъ невозможныхъ, и потому безвредные; по мнѣнію другихъ, славянофилы—опасные враги общественнаго спокойствія и т. п. То, что всего болѣе препятствовало ясному пониманію славянофильства, заключалось въ поразительномъ сочетаніи идей и стремленій, находящихся обыкновенно въ самой непримиримой враждѣ между собою. Съ одной стороны—духъ отрицанія и смѣлый, безпощадный протестъ; съ другой—глубокое сочувствіе къ основнымъ началамъ народности, благоговѣйное уваженіе къ тому, что освящено преданіемъ, и т. п.

Славянофилы выражали въ своихъ произведеніяхъ живую, горячую любовь къ Россіи и убѣжденіе въ ея великомъ призваніи. Въ поэтическихъ думахъ объ этомъ призваніи звучитъ то же самое въ сущности чувство, какъ и въ словахъ, обращенныхъ къ Россіи поэтомъ, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ умышленной идеализаціи:

Не угадать, что знаменуетъ
Твоя нѣмая тишина,
Но сердце вѣщее ликуетъ
И умиляется до дна.
Тиха, какъ сонная, наружно,
Внутри жива и горяча,
Неутомимо, бодро, дружно,
Ты все работаешь съ плеча.
Къ добру разумное стремленье
Животворитъ твоихъ дѣтей...

Чѣмъ живѣе, чѣмъ искреннѣе вѣра въ разумное стремленіе къ добру, тѣмъ менѣе возможности помириться со

словомъ и тѣмъ сильнѣе возстаетъ противъ него и мысль, и слово поэта. Смѣлость и рѣзкость обличеній, исходившихъ изъ лагеря славянофиловъ, озадачивали многихъ въ томъ обществѣ, гдѣ даже наиболѣе стойкіе въ своихъ нравственныхъ правилахъ говорили о себѣ:

Но иногда пройти сторонкой
Въ вопросѣ грозномъ и живомъ,
Но понижать свой голосъ звонкій
Передъ вліятельнымъ лицомъ—
Увы, вошло въ мою натуру...
Я не продамъ за деньги мнѣнья,
Безъ крайней нужды не солгу;
Но гибнуть жертвой убѣжденья
Я не могу, я не могу...

Противъ этихъ-то обходовъ сторонкой, противъ позорныхъ сдѣлокъ съ совѣстью возставали славянофилы, указывая на высшія требованія долга и правды, на святые идеалы, завѣщанные христіанствомъ. Живое религіозное начало проникаетъ многія произведенія славянофиловъ, отъ поэтическаго изложенія библейскихъ сюжетовъ до статей по различнымъ вопросамъ, занимавшимъ въ то или другое время литературу и общество. Казалось бы, что дѣятельность писателей, на знамени которыхъ стояли христіанство и любовь къ Россіи, должна была возбуждать къ себѣ полнѣйшее довѣріе и сочувствіе. Но вышло наоборотъ. Дѣло въ томъ, что въ міросозерцаніе нѣкоторой части тогдашняго общества до того всосалась бюрократическая примѣсь, что люди, считавшіеся благомыслящими, идею религіи опутывали разными формальностями, и во всякой попыткѣ взглянуть на религію не съ консисторской точки зрѣнія готовы были подозрѣвать опасное вольнодумство.

Такой же разладъ обнаружился и по вопросу о *народности*. Слово *народность* едва только стало пріобрѣтать право гражданства въ литературѣ, смыслъ его не былъ еще достаточно выясненъ, а между тѣмъ ему придали оффиціальное значеніе. Въ литературныхъ кругахъ слово это толковали въ разныя времена на разные лады. Иные изъ литературныхъ старовѣровъ видѣли народность въ употребленіи русскихъ словъ вмѣсто иностранныхъ, какъ напримѣръ: *прохожь*, *противустрастіе*, *буквоприложеніе*, — вмѣсто—

аллея, антипатія, анаграмма, и т. д. Другіе не прочь бы, пожалуй, признать образцомъ «строгой и непогрѣшительной народности» измышленія стихотворца, который, воспѣвая событія 1812 года, заставлялъ Наполеона держать такую рѣчь: «ой, ты гой еси, храбрый маршалъ Ней» и т. п.

Тамъ, гдѣ исчезали наивности, являлись препятствія и поводы къ недоразумѣніямъ. Какъ только славянофилы заговорили о народности, сейчасъ же было разъяснено, что понятіе о народности надо развивать умѣренно, отнюдь не допуская въ ней демократическаго начала, потому что признаніе демократическихъ началъ въ древнемъ русскомъ быту «весьма неблаговременно, по демократическому направленію общественнаго мнѣнія во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ, кромѣ Россіи. Демократическое начало было вообще чуждо древнему русскому быту, и общинное устройство въ Новгородѣ и Псковѣ, *безъ сомнѣнія,* приписать должно раннимъ торговымъ сношеніямъ ихъ съ нѣмцами— сношеніямъ, которыя впослѣдствіи перешли въ Ганзейскій союзъ», и т. д.

Славянофилы, какъ извѣстно, смотрѣли на народность съ иной точки зрѣнія, доказывали преобладаніе общиннаго начала въ быту народа, и т. п. Взгляды ихъ признаны предосудительными, и славянофильство стали считать не только литературною, но и политическою партіею, членамъ которой приписывали какіе-то затаенные и опасные замыслы.

Первое извѣстіе о славянофилахъ, отозвавшееся весьма замѣтными послѣдствіями для литературной дѣятельности, относится къ 1852 году. Въ Петербургъ было сообщено, что въ Москвѣ образовалось съ нѣкотораго времени общество славянофиловъ, цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы произвести переворотъ въ русской литературѣ — не подражать писателямъ иностраннымъ и для сочиненій своихъ выбирать предметы самобытные и народные. По слухамъ, которымъ придана полная вѣра, общество это первоначально состояло изъ пятнадцати членовъ; его составляли слѣдующія лица:

Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ.
Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ.
Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ.

Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ.
Кошелевъ, Александръ Ивановичъ.
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ.
Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ.
Масловъ, Степанъ Алексѣевичъ.
Князь Львовъ, Владиміръ Владиміровичъ, цензоръ.
Армфельдъ, Александръ Осиповичъ, статскій совѣтникъ.
Ефремовъ, Александръ Павловичъ, отставной надворный совѣтникъ.
Свербеевъ, Дмитрій Николаевичъ, надворный совѣтникъ.
Бестужевъ, Сергѣй Михайловичъ, отставной штабсъ-ротмистръ.
Драшусова, Елисавета Алексѣевна, жена адъюнкта Московскаго университета.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Эммануилъ Александровичъ, студентъ университета.

Цѣль общества не заключала въ себѣ ничего незаконнаго или предосудительнаго; но тѣмъ не менѣе явились опасенія, что если во главѣ общества появятся люди неблагонамѣренные, то оно можетъ принести вредъ. Поводомъ къ подобнымъ опасеніямъ послужило, прежде всего, слѣдующее стихотвореніе Хомякова, помѣщенное въ первомъ томѣ «Московскаго Сборника»:

«Мы родъ избранный»—говорили
Сіона дѣти встарину—
«Намъ Божьи громы осушили
Морей волнистыхъ глубину.
Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
И дымъ, и огнь, какъ Божье знамя,
Въ пустыняхъ намъ казали путь.
Намъ камень лилъ воды потоки,
Дождили манной небеса,
Для насъ законъ, у насъ пророки,
Въ насъ Божьей силы чудеса».
Не терпитъ Богъ людской гордыни;
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
«Мы—соль земли, мы—столбъ святыни,
Мы—Божій мечъ, мы Божій щитъ».
Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ,
И мертвенный сосудъ живаго,

Душою мертвъ, и спитъ умомъ.
Не съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.
Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себѣ кумировъ не творилъ.
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ.

Это стихотвореніе обратило на себя вниманіе «по своей двусмысленности, могущей подать поводъ къ вреднымъ толкованіямъ». За первымъ обвиненіемъ быстро послѣдовалъ рядъ другихъ. Стали перечитывать, статья за статьею, «Московскій Сборникъ», изданный И. С. Аксаковымъ, и почти все содержаніе его оказалось или сомнительнымъ, или явно предосудительнымъ. Стихотвореніе И. С. Аксакова «Бродяга» осуждено за то, что «разсказываемыя въ немъ похожденія бродягъ, взаимная ихъ откровенность и совѣты другъ другу, какъ избѣгать отъ рукъ правосудія, съ обѣщаніемъ въ бродяжничествѣ приволья и ненаказанности, могутъ неблагопріятно дѣйствовать на читателей низшаго класса». Статья, помѣщенная въ видѣ предисловія подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ о Гоголѣ», показалась подозрительною и загадочною по отрывистымъ намекамъ и недоконченнымъ мыслямъ, по чрезвычайнымъ похваламъ Гоголю, по громкимъ возгласамъ и рѣзкимъ сужденіямъ о нашемъ обществѣ. Въ статьѣ Кирѣевскаго: «О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи» заставляло призадуматься выраженіе: *цѣльность бытія*, и какъ на бѣду, эту цѣльность бытія авторъ не только приписывалъ древней Россіи, но и желалъ, чтобы она сохранилась и въ настоящей, и въ будущей Россіи. Неизвѣстно,—откровенно сознавались судьи,—что̀ Кирѣевскій разумѣетъ подъ цѣльностію бытія; но явно, что тутъ есть что-то такое неблагонамѣренное... О статьѣ К. С. Аксакова подъ названіемъ: «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности» и говорить нечего. Неблагонамѣренность такъ и свѣтилась въ каждой строкѣ, и самымъ яркимъ образомъ выразилась

въ заключительномъ выводѣ: «Русская земля была изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная, именно *общинная* земля»...

Содержаніе и направленіе второго тома «Московскаго Сборника», представленнаго въ цензуру въ рукописи, довершило ударъ: оно вызвало энергическія мѣры противъ писателей-славянофиловъ. По разсмотрѣніи рукописи, найдены въ ней и предосудительныя мысли, и недоброжелательство къ настоящему порядку вещей, и косвенное неодобреніе правительственныхъ мѣръ, и т. п. Къ числу статей, подлежащихъ строгому запрещенію, отнесены:

Хомякова: «Нѣсколько словъ по поводу статьи Кирѣевскаго, помѣщенной въ первомъ томѣ сборника».

К. С. Аксакова: «Богатыри великаго князя Владиміра, по русскимъ пѣснямъ».

Князя В. А. Черкасскаго: «О подвижности народонаселенія въ древней Россіи».

И. С. Аксакова: «Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ», и т. д.

Статья И. С. Аксакова: «Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ» подверглась нареканію, а вслѣдъ затѣмъ и запрещенію вслѣдствіе «крайне неприличныхъ насмѣшекъ» надъ обществомъ и даже надъ администраціею. Въ доказательство приводились такого рода отзывы автора:

«Въ губернскихъ городахъ есть благотворительныя дамскія общества, и общества лошадиныхъ охотниковъ, и богоугодные спектакли, и благотворительныя лоттереи, и маскарады въ пользу бѣдныхъ; есть и провинціальный прогрессъ, и сильнѣйшее сознаніе помѣщичьихъ правъ, въ томъ, напримѣръ, что помѣщики собираютъ порядочныя суммы съ крестьянскихъ дѣвокъ, откупившихся отъ замужества; есть благородная сословная гордость, напримѣръ: дворяне, даже промотавшіеся отъ благородной страсти къ игрѣ, считаютъ за безчестіе быть въ одномъ собраніи вмѣстѣ съ честными купцами, между тѣмъ какъ первые, проводя жизнь въ городѣ, исполненномъ историческихъ воспоминаній, знакомы съ ними въ тысячу разъ менѣе всякаго мѣщанина...

«Необходимо замѣтить, что большая часть провинцій смотритъ на Москву съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, обра-

щаясь постоянно къ Петербургу какъ подсолнечникъ къ солнцу. Едва провинція заслышала объ эмансипаціи женщинъ, какъ тотчасъ же завела у себя дамскіе клубы (въ Симбирскѣ и другихъ городахъ). Пронесся слухъ о дѣтскомъ балѣ въ Петербургѣ, и въ провинціи другъ передъ другомъ соперничаютъ въ этомъ нравственномъ душегубствѣ дѣтей.

«А благотворительные балы и богоугодныя празднества? Деревни подъ рукою, и положить лишнюю тягость на крестьянъ въ пользу бѣдныхъ дамскаго общества ничего не значитъ. Все это дѣлается для того, чтобы не отставать отъ столицы, между тѣмъ какъ въ Москвѣ давно уже возникъ нравственный протестъ противъ этой самозванной благотворительности; на самомъ же дѣлѣ бѣдные люди содержатся иждивеніемъ купцовъ и мѣщанъ, къ которымъ все нами до сихъ поръ сказанное нисколько не относится. Для молодого человѣка провинція нерѣдко очень опасна: сначала онъ непріятно пораженъ тою холодностью, съ какою встрѣчаютъ на службѣ его честный пылъ; постепенно утрачиваетъ онъ свои прежнія чистыя стремленія, пожимая, по закону свѣтскаго приличія, руки такимъ людямъ, при одной мысли о которыхъ краска негодованія нѣкогда кидалась ему въ лицо. Хорошо, если онъ ограничитъ свое знакомство немногими домами, гдѣ можно еще подышать честнымъ воздухомъ; еще лучше, когда онъ вовсе откажется отъ провинціальнаго свѣта и посвятитъ свое время—если онъ служитъ—открытой борьбѣ съ злоупотребленіями, изученію края, сближенію съ другими классами общества.

«Его превосходительство и ея превосходительство—постоянно первыя лица въ городѣ, постоянно, такъ сказать, на службѣ, въ должности, какъ у себя дома, такъ и въ гостяхъ. Мы знали одного губернатора, который, желая только искреннихъ отношеній къ подчиненному ему провинціальному быту, не любилъ, чтобы внѣ службы обращались къ нему съ оффиціальнымъ титуломъ: это требованіе сильно повредило ему во мнѣніи многихъ губернскихъ жителей.

«Но служба только одною внѣшнею стороною вошла въ жизнь губернскихъ обществъ: мундиромъ, чиномъ, жалованьемъ, мѣстомъ, грозою ревизоровъ, и проч. Чинопочитаніе въ провинціи доходитъ до забвенія всѣхъ завѣтныхъ лич-

ныхъ убѣжденій. За то служебныя злоупотребленія не возбуждаютъ негодованія; какія нибудь странныя мечты объ общемъ благѣ не тревожатъ душу. Вспомнимъ также это всеобщее безмолвіе нравственныхъ требованій, эту снисходительность къ неправдѣ, это радушное панибратство съ развратомъ и взяточничествомъ, это хлѣбосольство со всякимъ порокомъ, будь онъ только въ знатной и богатой оправѣ.

«Еслибы губернскіе жители вмѣсто того, чтобы увлекаться блестящею пустотою столичной великосвѣтской жизни, пріобщились къ тому серьезному движенію мысли, которая въ послѣднее время, въ Москвѣ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе выработываясь, стремится сдѣлать насъ людьми изъ обезьянъ и самостоятельными дѣятелями изъ жалкихъ подражателей, то провинціализмъ могъ бы занять законное мѣсто въ разработкѣ всѣхъ особенныхъ сторонъ многосторонняго русскаго духа»...

За подобныя статьи печатаніе сборника запрещено, И. С. Аксаковъ лишенъ правъ быть редакторомъ какого бы то ни было изданія; строгость цензурныхъ наблюденій надъ славянофильскими сочиненіями усилена до послѣдней степени. О чемъ бы ни писали славянофилы: о философіи или о хлѣбопашествѣ, объ уженьи рыбы или о корняхъ санскритскаго языка,—все проходило двойную и тройную цензуру; всюду искали намековъ и умысловъ. Пятерымъ славянофиламъ, К. С. Аксакову, И. С. Аксакову, Хомякову, Кирѣевскому и князю Черкасскому, вмѣнено было въ обязанность представлять свои рукописи не иначе, какъ въ главное управленіе цензуры, гдѣ онѣ разсматривались, и откуда пересылались съ тою же цѣлью въ нѣкоторыя другія учрежденія. По поводу этой мѣры Хомяковъ писалъ А. С. Норову: «Съ нѣсколькихъ сотрудниковъ «Московскаго Сборника», и въ томъ числѣ съ меня, взята подписка въ томъ, что мы не будемъ впредь представлять своихъ сочиненій въ мѣстныя цензуры, но будемъ относиться прямо въ высшій цензурный комитетъ. Послѣдствія этой подписки весьма для насъ ощутительны. Маленькій лексиконъ санскрито-славянскихъ словъ и корней, мною составленный, подвергся почти годовому пересмотру, а коротенькая статейка Аксакова о русскихъ гла-

голахъ прошла черезъ полуторогодовое мытарство». Статья К. С. Аксакова заслужила отъ строгого судьи, разобравшаго ее по ниточкѣ такого рода отзывъ: «она написана превосходнымъ языкомъ, и мнѣніе автора о русскихъ глаголахъ, особенное и новое, можетъ принести существенную пользу въ отношеніи русской филологіи». Тѣмъ не менѣе указаны нѣкоторыя мѣста, хотя вполнѣ *справедливыя* и даже благонамѣренныя, но все-таки черезчуръ рѣзкія и даже укорительныя, какъ напримѣръ: «О русскихъ глаголахъ было писано много, но вопросъ доселѣ остается нерѣшеннымъ; доселѣ пониманіе еще не уравнялось съ предметомъ, и глаголы нашего языка остаются во всей своей непокорной самостоятельности: неподдающейся теоретическимъ объясненіямъ. И русскіе, и нѣмцы пытались объяснить русскій глаголъ, но доселѣ безуспѣшно. Нѣтъ сомнѣнія, что иностранцамъ трудно постигнуть языкъ имъ чуждый; особенно нѣмцамъ трудно постигнуть языкъ, русскій. Но едва ли легче понять его русскому, руководимому иностранными воззрѣніями вообще, хотя бы онъ не былъ послѣдователемъ именно того или другого иностранца. Не въ томъ главное дѣло, иностранецъ ли по происхожденію сочинитель, а въ томъ иностранецъ ли онъ по воззрѣнію» и т. д.

Вниманіе цензуры въ отношеніи къ славянофиламъ распространялось и на ихъ ближайшихъ родственниковъ: недаромъ славянофилы горячо отстаивали семейное начало въ нашемъ быту. Отцу двухъ славянофиловъ, Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову, не разрѣшено было изданіе «Охотничьяго Сборника». Предпринимая подобнаго рода изданіе, С. Т. Аксаковъ руководствовался, какъ самъ говоритъ, тою мыслью, что описаніе всѣхъ родовъ охотъ, столь разнообразныхъ по обширности русскаго государства, можетъ не только служить пріятнымъ чтеніемъ для охотниковъ, но въ то же время быть источникомъ полезныхъ мѣстныхъ свѣдѣній и наблюденій по части естественной исторіи—наблюденій спеціалистовъ, которые одни могутъ обогатить науку драгоцѣнными практическими знаніями, часто погибающими безгласно. Не смотря на прекрасную цѣль, возникло сомнѣніе въ томъ, обладаетъ ли С. Т. Аксаковъ достаточною благонамѣренностью для изданія кокого бы то ни было сборника, хо-

тя бы и охотничьяго. Вопросъ рѣшенъ былъ отрицательно. Оффиціознымъ поводомъ къ отказу послужило то обстоятельство, что разрѣшеніе какъ сборниковъ, такъ и журналовъ, зависѣло отъ высшаго начальства, а утруждать его такими маловажными предметами, какъ охотничьи статьи, признано неудобнымъ. Но есть основаніе полагать, что здѣсь дѣйствовали и другія соображенія, относящіяся къ литературной дѣятельности С. Т. Аксакова.

Незадолго передъ этимъ временемъ вышла въ свѣтъ книга Аксакова: «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи». Самое строгое изслѣдованіе удостовѣрило, что въ книгѣ Аксакова «не только нѣтъ ничего предосудительнаго, но даже не встрѣчается ни одной какой либо скрытой мысли, которую можно бы истолковать въ дурную сторону». Но если не въ настоящемъ, то въ весьма далекомъ прошедшемъ — почти за четверть вѣка — нашлись улики противъ С. Т. Аксакова. Будучи цензоромъ, онъ разрѣшилъ напечатать брошюру подъ названіемъ «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ», а въ «Московскомъ Вѣстникѣ» помѣстилъ статейку подъ названіемъ «Рекомендація министра». Въ статейкѣ разсказывается, какъ явился къ министру совершенно неизвѣстный ему господинъ съ письмомъ отъ вліятельной особы, и какъ министръ, питая безграничное довѣріе къ этой особѣ, рекомендовалъ съ самой отличной стороны совершенно неизвѣстнаго ему человѣка. Податель письма оправдалъ рекомендацію министра: получивъ желаемое мѣсто, усвоилъ себѣ всѣ канцелярскія добродѣтели и, будучи отъ природы недалекимъ, пріобрѣлъ репутацію очень умнаго человѣка. Въ разсказѣ Аксакова есть забавный эпизодъ. Когда министръ велѣлъ написать рекомендательное письмо, чиновникъ началъ его такимъ образомъ: «милостивый государь мой», и поставилъ восклицательный знакъ. Министръ велѣлъ замѣнить восклицательный знакъ простою точкою, на томъ основаніи, что ему, какъ начальнику цѣлаго вѣдомства, неприлично становиться на вытяжку передъ лицомъ, занимающимъ менѣе высокое общественное положеніе. При отправленіи статьи въ редакцію автора взяло раздумье, можно ли писать о такихъ вещахъ. Но издатель «Московскаго Вѣстника», М. П. Погодинъ, не только ободрилъ автора, но и надѣялся

заслужить благоволеніе начальства. Надежды свои Погодинъ основывалъ на томъ, что въ журналѣ его не помѣщается ничего, въ чемъ есть хоть малѣйшій намекъ на личности, и что примѣры злоупотребленій, выставленные въ Выжигинѣ, благосклонно приняты были начальствомъ. При всей своей прозорливости, М. П. Погодинъ ошибся въ разсчетѣ, и ошибка эта, какъ оказалось, не пропала безслѣдно...

Между тѣмъ время шло, и шло недаромъ, и не только для литературныхъ идей, но и для различныхъ мѣропріятій. Крымская война совершила переворотъ и во внутренней жизни Россіи. Прямая и честная, хотя бы и смѣлая рѣчь перестала быть пугаломъ, и не только среди общества, но и въ самомъ цензурномъ вѣдомствѣ, послышались голоса въ пользу большаго простора печати. Лица, облеченныя властью, признавали уничтоженіе нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ прямою потребностью времени, ожидая отъ этой мѣры самыхъ благопріятныхъ послѣдствій. Народное самосознаніе, возбужденное ходомъ войны, стремилось высказаться; повинуясь общему стремленію мыслящихъ людей, славянофилы, какъ самые ревностные борцы за идею народности, снова пытались добыть свои утраченныя права на печатное слово. На этотъ разъ желаніе славянофиловъ увѣнчалось успѣхомъ: имъ разрѣшено не только обнародованіе статей, бывшихъ долгое время подъ запретомъ, но и изданіе журнала съ ярко означеннымъ направленіемъ.

Починъ въ осуществленіи завѣтной мысли славянофиловъ принадлежитъ предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета и попечителю московскаго учебнаго округа, В. И. Назимову. Генералъ-адъютантъ В. И. Назимовъ не только далъ оффиціальный ходъ дѣлу, но и частными письмами просилъ министра народнаго просвѣщенія и его товарища оказать всевозможное содѣйствіе предпріятію въ высшей степени полезному и даже необходимому. Изъ письма А. И. Кошелева къ А. С. Норову видно, что глава министерства заранѣе обѣщалъ славянофиламъ свою поддержку, и какъ бы вызывалъ ихъ на литературную дѣятельность. «Въ бытность мою въ Петербургѣ, — пишетъ А. И. Кошелевъ министру народнаго просвѣщенія, — вы упрекали москвичей въ литературномъ бездѣйствіи. Слова ваши были для насъ всѣхъ

крайне ободрительны, и на первый разъ мы рѣшились издавать трехмѣсячный журналъ подъ заглавіемъ: «*Русская Бесѣда*». Программа, нами представленная, содержитъ искреннее выраженіе нашихъ убѣжденій, и мы заслужимъ, думаю, полное ваше одобреніе».

Генералъ-адъютантъ Назимовъ писалъ товарищу министра народнаго просвѣщенія, князю П. А. Вяземскому (27 сентября 1855 года): «Москва, гдѣ въ званіи издателей журнала когда-то дѣйствовали благороднѣйшіе представители русскаго слова: Карамзинъ и Жуковскій, гдѣ въ томъ же званіи съ пользою трудились: Каченовскій, Полевой, Надеждинъ и многіе другіе, гдѣ возникли и развились большая часть нашихъ талантовъ,—въ настоящее время лишена всякой литературной дѣятельности и почти не имѣетъ журнала, въ которомъ московскіе ученые и литераторы могли бы размѣниваться своими мыслями и высказывать свои убѣжденія на пользу русскаго просвѣщенія. Я считаю излишнимъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ такого упадка отечественной словесности въ городѣ, гдѣ она преимущественно процвѣтала въ прежнее время. Но, конечно, всѣ истинно любящіе русское просвѣщеніе пожелаютъ, чтобы наша словесность выведена была изъ этого усыпленія. Основаніе журнала въ Москвѣ, въ духѣ русскомъ, могло бы отчасти послужить къ достиженію этой благой цѣли и принести существенную пользу нашей словесности» и т. д.

Въ высшей степени любопытно письмо В. И. Назимова къ А. С. Норову, 5 декабря 1855 года. Это—откровенная, дружественная бесѣда человѣка, поставленнаго въ непосредственныя отношенія къ литературному міру, съ просвѣщеннымъ писателемъ, занимавшимъ одну изъ важнѣйшихъ должностей въ государствѣ, и поэтому нравственно обязаннымъ вникать въ самую суть дѣла, не ограничиваясь одною внѣшностью и чисто-бюрократическими соображеніями. Такого рода переписка составляетъ прямое достояніе исторіи литературы, подобно мемуарамъ, авторскимъ исповѣдямъ, автобіографическимъ замѣткамъ и т. п.

«Въ послѣднее время публичная литературная дѣятельность вслѣдствіе крайне стѣснительныхъ мѣръ цензуры у насъ замѣтно слабѣла. Стѣсненіе мысли и умственнаго раз-

витія неизбѣжно должно было имѣть вредныя послѣдствія какъ для успѣховъ отечественнаго просвѣщенія, такъ и вообще для нравственнаго состоянія русскаго общества. Наша публика, уже достигшая извѣстной степени образованія, не находя для себя умственной пищи въ скудныхъ произведеніяхъ отечественнаго слова, по необходимости, должна была обратиться къ источникамъ иностраннымъ, не всегда безукоризненнымъ, и въ нихъ почерпать всѣ свои насущныя свѣдѣнія.

«Между тѣмъ русская мысль и русское слово, при всѣхъ запретительныхъ мѣрахъ, не могли, однако же, совершенно остановиться въ своемъ развитіи; не имѣя возможности высказываться гласнымъ образомъ, они искали себѣ исхода на другомъ, болѣе безопасномъ пути, и вслѣдствіе этого приняли странное и совершенно неестественное направленіе. Вмѣсто печатной, гласной литературы, образовалась литература безгласная, письменная. Въ рукахъ читающей публики появились, во множествѣ списковъ, разныя сочиненія по всѣмъ современнымъ вопросамъ наукъ и словесности, и между ними, разумѣется, нашли себѣ путь и рукописи содержанія несовершенно одобрительнаго. Но—что всего прискорбнѣе — невозможность, въ которую были поставлены наши писатели и вообще образованные люди печатно высказывать свои мысли, была, можно сказать, одною изъ главныхъ причинъ того неудовольствія и того ропота, которые съ нѣкотораго времени обнаружились въ нашемъ обществѣ. Такое неестественное положеніе представляетъ явленіе крайне-неутѣшительное, и слѣдуетъ придумать, какъ бы измѣнить его къ лучшему. Всѣ стѣснительныя мѣры вызваны были, какъ мнѣ кажется, излишнимъ опасеніемъ революціонныхъ идей, волнующихъ умы въ Западной Европѣ. Пора, наконецъ, убѣдиться, что эти идеи, какъ совершенно намъ чуждыя и противоположныя коренвымъ началамъ русской жизни, не могутъ имѣть дѣйствія на большинство нашего общества. Впрочемъ, русское правительство такъ сильно, что оно всегда можетъ съ успѣхомъ противодѣйствовать вторженію вредныхъ и ложныхъ началъ, не препятствуя чрезъ то правильному и неизбѣжному ходу просвѣщенія. И русскому ли правительству страшиться истиннаго просвѣщенія? Оно

само было воспитателемъ, образователемъ своего народа; оно было первымъ двигателемъ его на пути умственнаго и гражданскаго развитія. Желательно для славы и благоденствія Россіи, чтобы и на будущее время оно продолжало дѣйствовать въ томъ же духѣ.

«Въ настоящее время необходимо дать большой просторъ и движеніе нашей умственной жизни, для чего слѣдуетъ поощрять нашихъ писателей и наши таланты, обращая ихъ отъ вреднаго бездѣйствія, въ которомъ они коснѣютъ, разражаясь только въ безплодныхъ сѣтованіяхъ, къ трудамъ полезнымъ и возвышеннымъ. Само собою разумѣется, что одною изъ первыхъ мѣръ для достиженія этой цѣли должно быть смягченіе цензурныхъ правилъ, доведенныхъ въ послѣднее время до такой степени строгой придирчивости, при которой уже невозможна никакая литература. Не входя въ подробности по этому вопросу, я скажу только, что для выхода изъ того запутаннаго положенія, въ которое поставлена наша цензура, необходимо вернуться къ коренному уставу 1828 года, отмѣнивъ всѣ послѣдующія дополнительныя постановленія, ничего существенно не дополняющія и только затрудняющія прямыя дѣйствія благоразумной цензуры...

«Или полагаютъ, что новый журналъ будетъ излишнею и даже вредною роскошью, и что для московской публики достаточно одного періодическаго изданія? Но почему же въ тридцатыхъ годахъ въ Москвѣ одновременно издавалось нѣсколько журналовъ: «Телеграфъ», «Московскій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы», «Атеней»? Всѣ они имѣли читателей, и, однако же, вреда для общества отъ того не происходило. Неужели съ тѣхъ поръ вкусъ къ чтенію и потребность образованія у насъ уменьшились? Или этимъ правомъ могутъ безопасно пользоваться только одни петербургскіе литераторы? Я полагаю, что въ настоящее время безъ всякаго неудобства можно разрѣшать изданіе новыхъ журналовъ.

«Пора, наконецъ, отдать себѣ отчетъ, что такое эти славянофилы, которыхъ постоянно представляли людьми опасными и вредными? Въ чемъ же заключаются ихъ цѣль и дѣйствія? Кто принадлежитъ къ этой партіи?

«Лѣтъ двадцать тому назадъ, вслѣдствіе естественнаго развитія образованія, а также и ближайшаго знакомства съ

собственною исторіею, возникло и укрѣпилось между различными славянскими народами, населяющими Европу, сознаніе своей національности и одноплеменности. Это сознаніе выработалось на почвѣ чисто-литературной, и хотя вначалѣ и не имѣло политическаго значенія, однако же, вслѣдствіе постояннаго антагонизма между элементами — славянскимъ и нѣмецкимъ, перешло и въ область политическихъ убѣжденій. На насъ, русскихъ, славянскій вопросъ подѣйствовалъ только со стороны литературной. Но мы не могли, однако, остаться равнодушными къ пробужденію славянской національности, столь долгое время подавленной, и потому наши литераторы и мыслящіе люди отозвались сочувствіемъ къ своимъ соплеменникамъ. Образовался литературный обмѣнъ мыслей между нами и разными славянскими народностями. Всѣ эти сношенія, опять повторяю, производились внѣ области политики, въ кругу литературно-ученыхъ интересовъ. Наше правительство, не желая возбуждать неудовольствія дружественной сосѣдственной державы, не только чуждалось славянскаго движенія, но еще не совсѣмъ благопріятно смотрѣло на людей, увлекавшихся этимъ движеніемъ. Между тѣмъ, западные народы, привыкшіе господствовать и считать себя непогрѣшимыми и первенствующими какъ въ области мысли, такъ и въ области жизни, непріязненно встрѣтили эти стремленія меньшихъ своихъ братьевъ къ самостоятельности умственной и политической. Западные публицисты сочинили слово *панславизмъ*, подъ которымъ разумѣли ими же придуманное стремленіе славянскихъ племенъ къ политическому сліянію, провозглашая при каждомъ удобномъ случаѣ, что Россія будто бы покровительствуетъ этому стремленію въ видахъ собственныхъ интересовъ.

«Вслѣдствіе этого усилился антагонизмъ между этими народностями. Антагонизмъ этотъ еще болѣе возбудилъ въ народахъ славянскихъ любовь ко всему родному и страсть къ историческимъ изслѣдованіямъ и разработкѣ славянскихъ древностей. Это весьма естественное движеніе отразилось и на насъ. Мы въ это время изъ періода подражательнаго переходили въ пору зрѣлаго возраста и сознанія. Отрезвившись послѣ упоенія иноземными образцами, весьма понятнаго во всякой юной литературѣ, мы обращались къ изу-

ченію отечественной старины и исторіи. На этомъ благородномъ пути, нашихъ ученыхъ и литераторовъ встрѣтило одобреніе и поощреніе правительства. Лучшимъ памятникомъ этого покровительства служатъ: учрежденіе археологической коммиссіи и изданіе разныхъ актовъ историческаго и юридическаго содержанія и древностей государства россійскаго. Въ Москвѣ, какъ въ городѣ, гдѣ сохранилось наиболѣе памятниковъ прежней русской жизни, образовался кружокъ молодыхъ литераторовъ, страстно предавшихся изученію отечественной старины и исторіи. Между ними нашлось нѣсколько пылкихъ умовъ, которые, увлекшись своимъ пристрастіемъ къ station старинѣ, дошли до крайне односторонняго убѣжденія, что реформа Петра Великаго имѣла во многомъ вредныя для Россіи послѣдствія. Эти-то люди названы были *славянофилами*. Такое крайнее воззрѣніе встрѣтило, разумѣется, возраженіе и противодѣйствіе со стороны литераторовъ, державшихся такъ называемаго направленія *западнаго*. Завязалась литературная полемика и споръ, не между партіями, которыхъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, не существовало, а между двумя различными мнѣніями. Этотъ споръ заключался въ предѣлахъ чисто литературныхъ и былъ совершенно чуждъ политическаго значенія. Къ сожалѣнію, нашлись люди, которые заподозрили такъ называемыхъ славянофиловъ въ какихъ-то политическихъ замыслахъ и признали ихъ людьми опасными и вредными, чѣмъ-то въ родѣ якобинцевъ, тогда какъ это — люди весьма мирные, благочестивые отцы семействъ, помѣщики, вовсе не помышляющіе о нарушеніи законнаго порядка вещей. Можно отвергать крайніе выводы ихъ мнѣнія, но нельзя вполнѣ осуждать самое направленіе, потому что оно основано на чистой любви ко всему отечественному, къ уставамъ нашей церкви, къ народнымъ нашимъ обычаямъ, къ нашему родному языку и вмѣстѣ съ тѣмъ, на сочувствіи къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ. Люди, раздѣляющіе этотъ образъ мыслей, даже и въ его исключительности, отличаются благородными, нравственными свойствами и не заслуживаютъ того нареканія, которому они, по недоразумѣнію, подверглись со стороны правительства. Если же обвинять всѣхъ любящихъ славянскую старину и исторію, то, пожалуй, можно

назвать славянофилами и лучшихъ нашихъ писателей. Карамзинъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, — любили обращаться мыслію къ древней Россіи и въ ней искать примѣровъ для нынѣшняго поколѣнія; однако же, никто изъ благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ людей не почиталъ ихъ опасными и вредными писателями. Замѣчательно, что между такъ называемыми московскими славянофилами есть люди съ истиннымъ талантомъ. Приведу имена Хомякова, Аксакова, Кирѣевскаго. Еслибы въ предполагаемомъ журналѣ и нашли себѣ мѣсто мнѣнія любителей славянства, то это послужило бы для самого правительства средствомъ ближе ознакомиться съ ихъ взглядами. Оно всегда имѣетъ возможность обуздать заблужденіе и своеволіе мыслей, гдѣ бы оно ни обнаруживалось».

Доводы В. И. Назимова приняты весьма сочувственно,— очевидное доказательство, что они вполнѣ соотвѣтствовали духу того времени. Въ исходѣ 1855 года послѣдовало высочайшее разрѣшеніе издавать славянофиламъ журналъ подъ названіемъ «*Русская Бесѣда*».

Въ числѣ статей, предназначенныхъ для новаго журнала, были и такія, которыя не пропущены прежнею цензурою, а именно: *Хомякова* — «О ходѣ просвѣщенія на Западѣ и въ Россіи» и *К. С. Аксакова*—«Богатыри великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ».

Статья Хомякова очень понравилась А. С. Норову: онъ сказалъ Хомякову, что готовъ подписать статью не только какъ цензоръ, но и какъ авторъ. О впечатлѣніи, произведенномъ статьею Хомякова на князя П. А. Вяземскаго, можно судить по слѣдующему письму князя Вяземскаго къ А. С. Норову: «Всѣ эти дни чувствовалъ я себя довольно плохо. Не смотря на свои недуги, прочелъ я статью Хомякова, и это чтеніе—въ силу только здоровому. Въ литературномъ отношеніи она очень тяжела, и болѣе писана по-нѣмецки, нежели по-русски. Странные люди—вопіютъ противъ чужеземнаго, а сами рабски подражаютъ нѣмецкой фразеологіи и туманности. Въ цензурномъ отношеніи она, по моему мнѣнію, совершенно удобопропускаема. Что же касается до отношенія ея къ запрещенной статьѣ Кирѣевскаго, то этотъ *законодательный* вопросъ можно, для огражденія совѣсти, пере-

дать на рѣшеніе графа Блудова... Статью Хомякова читали мы съ Плетневымъ, и онъ одного со мною мнѣнія». Такъ какъ статья Хомякова, представленная прежде для помѣщенія въ сборникѣ, запрещена была не только цензурнымъ вѣдомствомъ, но и высшимъ правительствомъ, то признано неудобнымъ дозволить напечатать ее и въ «Русской Бесѣдѣ». Статья же Аксакова о богатыряхъ, въ которой авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія сравнительно съ прежнею редакціею, препровождена къ членамъ главнаго управленія цензуры для предварительнаго разсмотрѣнія.

Нѣкоторые изъ членовъ главнаго управленія цензуры не дали письменнаго отзыва о статьѣ Аксакова, какъ напримѣръ: сенаторъ и бывшій попечитель петербургскаго учебнаго округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ и тайный совѣтникъ Валерій Валеріевичъ Скрипицынъ. Другіе ограничились лаконическимъ veto, безъ объявленія причинъ, именно: сенаторъ Г. П. Митусовъ и К. С. Сербиновичъ. Вообще мнѣнія раздѣлились поровну: три подано за статью, и три—противъ нея. Изъ первыхъ особенный вѣсъ имѣло мнѣніе князя П. А. Вяземскаго; изъ послѣднихъ—мнѣніе Л. В. Дубельта. Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, зорко слѣдившій за явленіями нашей литературы и даже предлагавшій писателямъ предметы, достойные ихъ пера, далъ о статьѣ Аксакова весьма краткій, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма опредѣленный и рѣшительный отзывъ: «рукопись безполезная, отчасти безсмысленная, а между тѣмъ общее ея направленіе состоитъ въ томъ, чтобы выказать прелесть бывшей вольности».

Въ пользу Аксакова, т. е. за напечатаніе его статьи о богатыряхъ, подали мнѣнія, вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ: д. ст. сов. Осипъ Антоновичъ Пршецлавскій и д. ст. сов. Александръ Борисовичъ Рихтеръ.

А. О. Пршецлавскій замѣтилъ: «По моему мнѣнію рукопись «*Богатыри временъ великаго князя Владиміра*» имѣетъ нѣкоторое достоинство въ историко-литературномъ отношеніи, и могла бы безъ неудобства быть напечатана за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ».

Подобныхъ мѣстъ оказалось весьма немного, въ такомъ родѣ: «онъ ласкается къ княгинѣ, цѣлуетъ ее въ уста сахарныя; за печку задвинулся» и т. п.

А. Б. Рихтеръ писалъ: «Позволяю себѣ изложить мнѣніе какъ о сей статьѣ, такъ и о тѣхъ, въ коихъ можетъ встрѣтиться или *предполагаться* направленіе такъ называемое *славянофильское*. Я не знаю, вредно ли оно или нѣтъ; но я убѣжденъ въ томъ, что излишняя строгость цензуры направленія мыслей не измѣнитъ, а, напротивъ, придастъ имъ болѣе силы. Я направленія славянофильскаго не раздѣляю, и по сему самому считаю напечатаніе статьи о богатыряхъ скорѣе полезнымъ. Она не можетъ быть вредна уже потому, что непомѣрно скучна, и что, вѣроятно, подвергнется критикѣ, между тѣмъ какъ мысли, которыя принуждены укрываться, остаются безъ всякаго контроля, безъ всякаго обсужденія, и тѣмъ самымъ гораздо легче могутъ сдѣлаться впослѣдствіи опасными. Славянофильство распространилось подъ сѣнью цензуры и не перестанетъ распространяться, пока окружено будетъ туманомъ».

Весьма замѣчательна записка князя Вяземскаго, въ которой онъ говоритъ:

«Съ основною мыслью, изложенною въ мнѣніи г. Рихтера я совершенно согласенъ; скажу такъ же какъ онъ: не знаю, вредно ли, или нѣтъ, направленіе такъ называемое *славянофильское*. Но прибавлю къ словамъ его, что, судя объ этомъ направленіи въ отношеніи чисто-литературномъ (которое одно подлежитъ нашему сужденію), невозможно, по мнѣнію моему, признавать въ немъ ничего предосудительнаго. Если же подъ литературною вывѣскою скрывается тайна политическая и вредный умыселъ, то дѣло другое. Но она уже не подлежитъ цензурѣ, а высшему правительству. Цензура же должна судить не лицо, не автора, а только представляемое имъ сочиненіе. Если совращать ее съ прямыхъ правилъ, коими руководствоваться она должна, въ силу даннаго ей устава, если требовать отъ цензуры, чтобы она иначе смотрѣла на рукопись такъ называемаго *славянофила*, нежели на рукопись, напримѣръ, послѣдователя такъ называемой *натуральной школы*, то сужденія ея будутъ неминуемо пристрастны, своевольны и, слѣдовательно, противозаконны.

«Обращаясь къ прозванію *славянофиловъ*, нельзя не замѣтить, что это прозваніе насмѣшливое, данное одной лите-

ратурной партіею другой партіи. Это чисто семейныя, домашнія клички. Лѣтъ за сорокъ предъ симъ мы же, тогда молодые литераторы Карамзинской школы, такъ прозвали А. С. Шишкова и школу его. Въ послѣднее время прозвище это воскресили и обратили его къ нѣкоторымъ московскимъ литераторамъ, приверженцамъ старины. Изъ журнальныхъ сплетней и пересмѣшекъ возникло пугало, облеченное политическою таинственностью. Собственно же, судя о славянофильствѣ по его словопроизводству, мудрено заключить, что можетъ быть вреднаго въ любви къ славянамъ, нашимъ предкамъ и одноплеменнымъ братьямъ, и въ любви къ славянскому языку, который былъ языкомъ нашей исторіи и есть языкъ нашей церкви? Отказаться отъ чувства любви ко всему славянскому значило бы отказаться намъ отъ исторіи нашей и отъ самихъ себя. Государь императоръ Николай I, въ достопамятныхъ словахъ своихъ, обращенныхъ къ профессорамъ, сказалъ: «надобно сохранить то въ Россіи, что искони бѣ». Слѣдовательно, должно сохранять и родовое чувство любви къ славянскому нашему происхожденію.

«Повторяю, если гдѣ нибудь и въ комъ нибудь, подъ оболочкою славянолюбія, таится нѣчто другое и вредное, то должно преслѣдовать и преграждать это другое, но нельзя преслѣдовать славянолюбія, иначе пришлось бы преслѣдовать чувство и образъ мыслей чисто русскіе и свойственные каждому изъ насъ, кому только дороги имя русскаго и сопряженныя съ этимъ именемъ родственныя, семейныя и духовныя преданія нашей народной исторической и государственной жизни.

«Что же касается прямо до статьи о богатыряхъ, я никакъ не могу доискаться въ ней политическаго значенія, и во-первыхъ просто потому, что не могу признать автора ея съумасшедшимъ; а одному безумію можно было бы приписать намѣреніе противодѣйствовать существующему законному порядку полу-историческою, полу-баснословною картиною нравовъ, обычаевъ и повѣрій, существовавшихъ въ Россіи почти за тысячу лѣтъ до насъ. Даже и сѣтованья объ этой отдаленной эпохѣ могутъ быть такъ же не важны и чужды всякаго политическаго умысла, какъ общія сѣтованія поэтовъ о золотомъ вѣкѣ. А потому, за исключеніемъ двухъ или

трехъ мѣстъ въ цитатахъ, приводимыхъ авторомъ изъ древнихъ пѣсней, я полагаю, что статья г. Аксакова, въ тепершнемъ ея изложеніи, не можетъ по цензурнымъ правиламъ подлежать запрещенію. Нужнымъ считаю присовокупить, что и эти мѣста, сами по себѣ какъ цитаты, не предосудительны, и составляютъ выраженіе временъ давно минувшихъ, не имѣющихъ никакого соотношенія къ нашимъ временамъ; но, по легкомыслію и невѣжеству многихъ читателей, эти выписки могли бы для нѣкоторыхъ служить поводомъ къ соблазну и, слѣдовательно, благоразумнѣе ихъ устранить.

«Въ дополненіе къ моимъ замѣчаніямъ позволю себѣ подкрѣпить ихъ общимъ заключеніемъ. Болѣе сорока лѣтъ принадлежу я къ званію писателей. Съ нѣкоторымъ самолюбіемъ и съ благодарностью замѣчу, что дѣятельности моей по этому званію отчасти обязанъ я возможностію и честію подавать нынѣ голосъ мой въ главномъ управленіи цензуры. Такимъ образомъ думаю безъ излишней гордости, что нельзя отказать мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ опытности моей по этому вопросу. Руководствуясь этою опытностію и добросовѣстнымъ убѣжденіемъ, которое, впрочемъ, раздѣляли со мною лучшіе и благонамѣреннѣйшіе наши писатели, начиная съ Карамзина и Жуковскаго, скажу откровенно, что всѣ многосложныя, подозрительныя и слишкомъ хитрообдуманныя притѣсненія цензуры не служатъ къ измѣненію въ направленіи мыслей, понятій и сочувствій. Напротивъ, они только раздражаютъ умы и отвлекаютъ отъ правительства людей, которые по дарованіямъ своимъ могутъ быть ему полезны и нужны.

«Наконецъ эти притѣсненія, или излишнія стѣсненія, могутъ именно возродить ту опасность, отъ которой думаютъ отдѣлаться прозорливостью цензурной строгости. Они могутъ составить систематическую оппозицію, которая и безъ журнальныхъ статей и мимо сто-окой цензуры, получитъ въ обществѣ значеніе, вѣсъ и вліяніе. Подозрѣвая такихъ и такихъ и такихъ-то писателей, правительство облекаетъ ихъ въ политическій характеръ и обращаетъ на нихъ общественное мнѣніе. Самое молчаніе ихъ полно смысла и значенія.

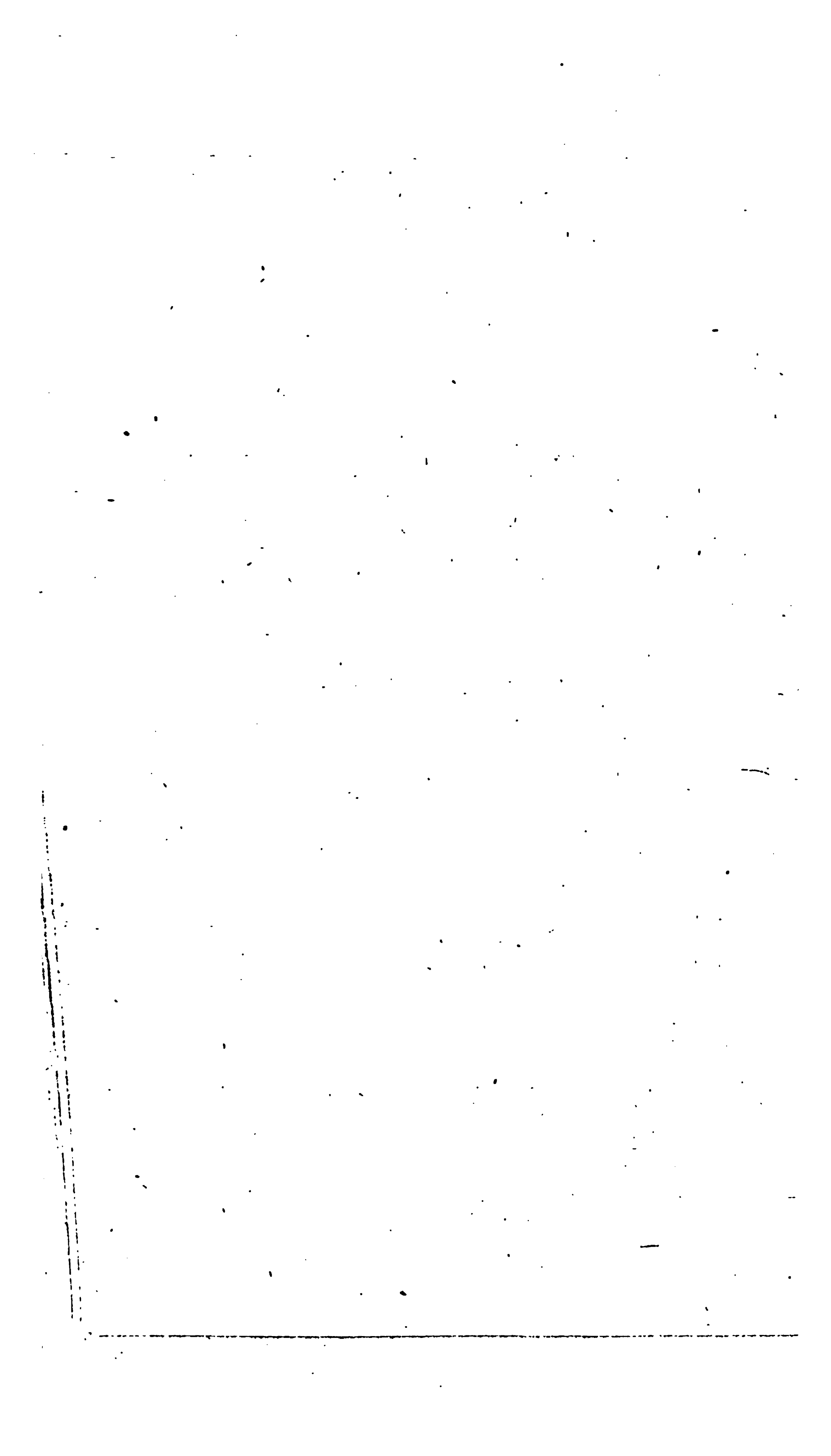
«При законныхъ средствахъ нашего правительства ему и намъ еще долго нечего опасаться злоупотребленій нашей

литературы. Скорѣе слѣдуетъ опасаться дѣйствія и послѣдствій насильственнаго молчанія. Въ умѣренной свободѣ излагать свои мнѣнія, желанія, даже и тогда, когда они не буквально согласны съ общимъ порядкомъ и ходомъ дѣйствительности, выраженія эти уже и тѣмъ безвредны, что они самымъ дѣломъ выраженія испаряются и, къ тому же, обезсиливаются и нейтрализируются противодѣйствіемъ другихъ мнѣній, другихъ воззрѣній, направленій.

«Взаперти всякій протестъ, даже въ основаніи своемъ безопасный, крѣпнетъ и безмолвно вооружается. Правительство обязано заботиться не только о текущемъ днѣ и о случайныхъ явленіяхъ, съ ними сопряженныхъ, но еще болѣе должно пещись о будущемъ и о событіяхъ, которыя могутъ зародиться въ настоящемъ, чтобы впослѣдствіи созрѣть и осуществиться».

Разумность ли и убѣдительность доводовъ князя Вяземскаго, уступчивость ли со стороны Л. В. Дубельта, или другія причины привели къ тому, что опальная статья Аксакова получила возможность появиться на страницахъ славянофильскаго изданія. Въ этомъ, повидимому, маловажномъ обстоятельствѣ заключалась своего рода побѣда, виднѣлся лучъ надежды не для однихъ только славянофиловъ.

Такова была судьба славянофильства въ самую первую пору своего существованія въ литературѣ. Въ исторіи умственной и общественной жизни народа, выдающіяся явленія заслуживаютъ вниманія не только въ полномъ своемъ развитіи, но и въ томъ первоначальномъ состояніи, когда, невидимо для общества, подготовляется и выработывается многое, что впослѣдствіи получаетъ совершенно иной видъ. И противодѣйствіе славянофильству, и сочувствіе къ нему не было простою случайностью: и то и другое вытекало изъ настроенія общественной мысли, сложившейся подъ вліяніемъ реальныхъ причинъ. При обозрѣніи внутренней исторіи Россіи девятнадцатаго столѣтія, когда наступитъ время для подобнаго труда, историкъ не можетъ не остановиться на судьбѣ и значеніи славянофильства въ нашей литературѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.



И. С. АКСАКОВЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ.

И. С. АКСАКОВЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, является писателемъ опальнымъ; онъ долженъ былъ горячо отстаивать правоту и искренность своихъ убѣжденій. Его обвиняли въ весьма серьезномъ, по тогдашнимъ понятіямъ, преступленіи, именно въ панславизмѣ. Чтобы понять важность подобнаго обвиненія, надо вспомнить, что панславизмъ считался тогда въ Австріи грознымъ признакомъ революціи и распаденія имперіи, а мы слѣпо вѣрили всему, что̀ внушали намъ руководители австрійской политики. Въ Вѣнѣ пошелъ дождь, а у насъ стали распускать зонтики и придумывать мѣры для борьбы съ наступающимъ ненастьемъ. Названіе *славянофилъ*, сначалѣ самое безобидное, получило опасный смыслъ въ примѣненіи къ лицамъ, заговорившимъ о славянствѣ и готовымъ посвятить себя его изученію.

Сочувствіе къ славянамъ совпадаетъ у насъ съ эпохою славянскаго возрожденія, и на первыхъ порахъ дѣло шло чрезвычайно мирно, не возбуждая ни въ комъ ни малѣйшаго опасенія. Наиболѣе ревностнымъ поборникомъ идеи славянской взаимности былъ у насъ Шишковъ. Онъ первый пытался ознакомить русское общество съ произведеніями славянскихъ литературъ; онъ первый завязалъ литературныя связи съ учеными и писателями различныхъ славянскихъ народовъ. Хотя для Шишкова главная прелесть общенія съ славянами заключалась въ языкѣ, въ розысканіи корней словъ и ихъ

развѣтвленій, тѣмъ не менѣе доброе сѣмя было уже брошено, и оно не погибло безслѣдно. Начатое Шишковымъ продолжали ученые новаго поколѣнія, встрѣтившіеся лицомъ къ лицу съ славянскимъ міромъ во время своихъ научныхъ путешествій по славянскимъ землямъ. Имена первыхъ профессоровъ славянскихъ нарѣчій въ нашихъ университетахъ занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи русской науки.

Едва только обнаружилось у насъ, хотя и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, сочувствіе къ славянству, какъ возникло уже противодѣйствіе, навѣянное совѣтами людей, враждебно смотрѣвшихъ на сближеніе Россіи съ соплеменными ей народами. Въ Австріи встревожились появленіемъ знаменитаго труда Шафарика: «*Славянское народописаніе*», представившаго наглядное доказательство живучести и распространенности славянскаго племени. Шафарикъ подвергся преслѣдованію со стороны австрійскихъ властей, а по примѣру Австріи и у насъ стали смотрѣть недружелюбно на молодыхъ ученыхъ, пожелавшихъ заняться новымъ для нихъ міромъ, который открытъ былъ Шафарикомъ. Къ числу даровитѣйшихъ ученыхъ и писателей, тогда еще молодыхъ, заговорившихъ о сочувствіи къ славянамъ, принадлежали Ив. Серг. Аксаковъ и Ник. Ив. Костомаровъ. Они сходились между собою въ томъ, что признавали необходимымъ изученіе славянства; но въ развитіи своей основной мысли не всегда руководствовались одними и тѣми же началами. Аксаковъ говорилъ о славянахъ какъ русскій писатель, принимавшій горячее участіе во всемъ, что совершалось въ нашей общественной и политической жизни; Костомаровъ имѣлъ въ виду преимущественно бытовую сторону: этнографія интересовала его гораздо болѣе политики.

И тотъ и другой, и Аксаковъ и Костомаровъ, не допускали возможности примѣненія панславизма къ жизни, т. е. къ политической судьбѣ славянскихъ народовъ. Аксаковъ прямо заявилъ, что «въ панславизмъ онъ не вѣритъ», и что «гораздо болѣе всѣхъ славянъ его занимаетъ Русь». Императоръ Николай Павловичъ замѣтилъ на это: «И дѣльно, потому что все прочее мечта, и если бы совершилось объединеніе славянъ, оно было бы «на гибель Россіи». Костомаровъ въ повѣсти своей *Панычъ Наталичъ* юмористически

изобразилъ «мечтателя, доведшаго идею панславизма до смѣшного восторженія».

Сочувствіе къ славянамъ было хотя и весьма важнымъ, но не единственнымъ поводомъ къ обвиненію Аксакова. Все то, что̀ ставилось ему въ вину, а равно и все то, что̀ высказано имъ въ свое оправданіе, представляетъ много весьма любопытныхъ чертъ для исторіи нашей умственной и общественной жизни. Постараемся изложить дѣло на основаніи достовѣрныхъ источниковъ—подлинныхъ рукописей Аксакова и другихъ лицъ, находившихся съ нимъ въ непосредственныхъ и близкихъ сношеніяхъ.

Ближайшимъ поводомъ къ обвиненію Аксакова послужила переписка его съ отцомъ своимъ—Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, пользовавшимся вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ въ нашей литературѣ. Иного рода извѣстность Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ и его сыновья пріобрѣли въ томъ кругу, въ которомъ цѣнили писателей не по ихъ таланту, а по ихъ направленію и благонамѣренности.

Крайне неприличною и неблагонамѣренною сочтена была статейка Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, помѣщенная въ «Московскомъ Вѣстникѣ», подъ названіемъ: «*Рекомендація Министра*». Вся суть надѣлавшей шума статейки заключается въ томъ, что мѣста даются у насъ по протекціи, и что даже министръ, не смотря на свое высокое положеніе, обязанъ платить невольную дань укоренившемуся общественному злу. Получивъ письмо отъ вліятельной особы, которой *нельзя* отказать, министръ говоритъ просителю: «Хоть я тебя *не знаю*, и ты просишь важнаго мѣста, на которое много искателей, но такъ и быть: *для его сіятельства*, я напишу письмо къ N. N., а онъ *для меня* дастъ тебѣ мѣсто», и вслѣдствіе этого рекомендуетъ совершенно неизвѣстное ему лицо за весьма «способнаго и знающаго чиновника». Диктуя рекомендательное письмо, министръ высказываетъ свои забавныя понятія о слогѣ и знакахъ препинанія, не допуская, напримѣръ, восклицательнаго знака въ началѣ письма при обращеніи къ лицу, занимающему низшее мѣсто по службѣ (милостивый государь мой, Иванъ Ѳедотовичъ!): «Пристало ли моему знаку восклицанія стоять передъ нимъ

во фронтѣ; точку, сударь, ему—точку». Такимъ же образомъ, по мнѣнію министра, оканчивать письма: «имѣю честь быть» могутъ только мелкіе чиновники; лица же высокопоставленныя должны писать въ подобныхъ случаяхъ: «имѣю честь *пребыть*» и т. д. [1]).

Въ вину Константину Сергѣевичу Аксакову поставлено то, что онъ носитъ бороду и старинное русское платье, и написалъ статью: «*Семисотлѣтіе Москвы*», отдающую преимущество Москвѣ, какъ столицѣ, передъ Петербургомъ и заключающую въ себѣ «правила несообразныя съ монархическимъ образомъ правленія». Напоминая читателямъ, что 28-го марта 1847 года исполнится ровно семьсотъ лѣтъ со времени появленія имени Москвы на страницахъ нашихъ лѣтописей, Конст. Серг. Аксаковъ говоритъ: «Москва является представительницей общей русской жизни, жизни всей русской земли, жизни *земской* (собственно народной), говоря словомъ, такъ часто встрѣчающимся въ лѣтописяхъ и грамотахъ... Въ нее, при Іоаннѣ IV, созвана была первая *Земская Дума* изъ городовъ и вообще изъ земли русской... До Петра Великаго существовала въ Москвѣ такая перекличка стрѣльцовъ, когда вечеромъ запирались ворота кремлевскія: «Близь собора Успенскаго часовой стражъ начинаетъ возглашать: «Пресвятая Богородица, спаси насъ»; за нимъ второй въ ближнемъ притинѣ: «Святые московскіе чудотворцы, молите Бога о насъ»; пятый: «Славенъ городъ Москва»; шестой: «Славенъ городъ Кіевъ»; седьмой: «Славенъ городъ Владиміръ»; восьмой: «Славенъ городъ Суздаль» и т. д. Въ этомъ непридуманномъ народномъ голосѣ слышишь, что царствующій градъ Москва помнила всѣ города русскіе, всю русскую землю. Таково значеніе Москвы, такова она истинная столица святой Руси... Наполеонъ сказалъ въ разговорѣ съ Тучковымъ: «Столица ваша Москва, а не Петербургъ, который не что иное, какъ резиденція государя» и т. д. [2]).

Въ перепискѣ Аксаковыхъ затрогивались различные вопросы, общественные и политическіе. Приведемъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ отрывковъ.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ писалъ сыну своему Ивану Сергѣевичу:

---

[1]) «Московскій Вѣстникъ», 1830 г., часть первая, стр. 118—121.
[2]) «Московскія Вѣдомости», 1846 г., № 49, стр. 344—346.

... «Все, что ты пишешь о предположеніяхъ по службѣ— весьма хорошо: только жаль, что ты пишешь объ этомъ съ почтой. Оказій самыхъ вѣрныхъ у тебя множество: Корфы, Анненковъ, Языковъ. А всего было бы лучше вовсе не писать: ибо Константинъ Сергѣевичъ уже успѣлъ разсказать объ этомъ Хомякову, а это (къ несчастію) все равно, что разсказать всей Москвѣ. Само собою разумѣется, что Надеждинъ плутуетъ. По первому твоему шагу можно было предсказать всѣ его будущія дѣйствія. А я предсказываю тебѣ, что ты не будешь имѣть никакихъ успѣховъ по своей службѣ: слово успѣхи принимаю я въ мірскомъ значеніи. Петербургъ ведетъ себя какъ слѣдуетъ ему; но Москва—какъ не слѣдуетъ ей. Говорятъ, что въ настоящемъ великомъ посту будутъ такія катанья съ горъ, съ музыкою, факелами, пѣсенниками и цыганами, какихъ еще никогда небывало. Закревскій потерялъ въ моихъ глазахъ послѣднее доброе мнѣніе, какое я имѣлъ о немъ: я считалъ его православнымъ русскимъ человѣкомъ. Я не обвинялъ его въ произволѣ въ его столкновеніяхъ съ московской публикой, ибо эта подлѣйшая публика того стоитъ. Ее можно оскорблять сколько угодно, но оскорблять народъ въ его святыхъ вѣрованіяхъ— безразсудно. Впрочемъ, теперь и московская публика возстаетъ на него общимъ бунтомъ: послѣднее воскресеніе онъ далъ у себя блистательный балъ и тѣмъ помѣшалъ общественному пикнику, т. е. folle journée, составленному по подпискѣ 500 человѣкъ на катаніе, обѣдъ и балъ. О, подлецы! Они не смѣли не поѣхать къ нему и въ ихъ ругательствахъ явственно выражается смыслъ: «Зачѣмъ ты насъ звалъ? Вѣдь ты знаешь, что мы не осмѣлимся отказаться?» Про супругу Закревскаго разсказываютъ чудеса. Цинизмъ ея невозможенъ къ описанію. Русское платье на бывшемъ маскарадѣ убило наповалъ всѣ другіе костюмы. Повѣришь ли ты, Иванъ, что ругательство (какъ говорятъ иные) надъ русскимъ платьемъ, надѣтымъ, какъ костюмъ въ маскарадъ, произвело на общество самое благопріятное дѣйствіе, и что послѣдствія его будутъ полезны[1])? Шевыревъ получилъ въ

[1]) Появленіе *русскаго* платья на московскихъ маскарадахъ подало поводъ къ толкамъ и журнальнымъ замѣткамъ. Отсутствіе русскаго платья на

подарокъ отъ графини Закревской—богатую палку. Описаніе маскарада пишетъ Вельтманъ для «Москвитянина». Оно начинается такъ: «*Слава въ вышнихъ Богу, миръ на земли, въ человѣцехъ благоволеніе*» и пр. Я знаю благонамѣренность Вельтмана и понимаю, что это относится не къ маскараду, но все какъ-то странно такое начало. — Неужели ты не былъ и у Вяземскаго? Ужъ это слишкомъ» [1])...

... «Третьяго дня читалъ Сологубъ у Васильчиковыхъ свою драму при многочисленной публикѣ. Константинъ не поѣхалъ, ибо оставилъ Васильчиковыхъ совсѣмъ. Всѣ люди, *сколько нибудь* понимающіе *какое нибудь* литературное достоинство драматическаго произведенія, находятъ, что драма Сологуба—нелѣпость во всѣхъ отношеніяхъ. Что, оставя въ сторонѣ историческую вѣрность времени, его пьеса нелѣпа, какъ мелодрама. Гоголь и Загоскинъ не поѣхали даже слушать. Давно и многоожидаемый маскарадъ долженъ сегодня совершиться. Завтра Шевыревъ изъ костюмера превратится въ писаку и, какъ достойный наслѣдникъ Шаликова, стоя на колѣняхъ предъ свѣтской пустошью, опишетъ великое событіе, обмакивая перо въ сладкое чувство умиленія... Боже мой! Этотъ же самый Шевыревъ, двадцать два года тому назадъ, въ живыхъ и свѣжихъ стихахъ высказалъ все то о Шаликовѣ, что я теперь говорю о немъ самомъ!.. *Грустно, господа, жить на свѣтѣ*» [2])...

... «Шевыревъ на верху блаженства. Статья его понравилась у васъ: онъ веселъ и свѣтелъ, какъ мѣдный грошъ! Отвратительное созданье! Онъ ругаетъ Константина самымъ неблагонамѣреннымъ образомъ. Если Погодинъ и хуже его, какъ человѣкъ, то все онъ для меня сноснѣе, какъ чело-

---

томъ или другомъ маскарадѣ объяснялось на разные лады. По случаю маскарада, бывшаго у графа А. Н. Панина и подробно описаннаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; появилась въ той же газетѣ такая замѣтка: «Не было ни одного *русскаго* платья на маскарадѣ. Общество, надѣвая для маскарада костюмы чуждыхъ народовъ, не захотѣло клеймить народнаго русскаго платья маскараднымъ характеромъ. Тутъ было темное прекрасное чувство, которое не допустило наше общество поступить иначе, и если оно надѣнетъ русскую одежду, то ужъ, вѣрно, не для маскарада». («Московскія Вѣдомости» 1846, № 4, стр. 25).

[1]) Письмо 15 февраля.

[2]) Письмо 9 февраля.

вѣкъ умный. Ходъ «Бродяги» [1]) и отсутствіе сочинителя очень забавны, а еще болѣе оригинальны. Впрочемъ, я не одобряю вполнѣ твоего отшельничества. Блудовъ видалъ меня нѣсколько разъ, и хотя онъ никого не слушаетъ и только наслаждается собственными своими рѣчами; но я помню, что возбуждалъ его вниманіе своими рѣзкими выраженіями, ибо дѣло забирало меня за живое. Впрочемъ, онъ лучше другихъ. Зачѣмъ тебѣ участіе въ Иванѣ Сергѣичѣ? Хорошо, еслибъ было искреннее участіе въ «Бродягѣ». Да, милый другъ Иванъ, ступай въ Малороссію, подъ ея прекрасное небо, въ ея роскошную природу. Мнѣ сладко было твое увлеченіе. Константинъ взбѣсился отъ него, а Хомяковъ и Гоголь умерли было со смѣху надъ гнѣвомъ Константина. Не смотря на треволненія духа, на этихъ дняхъ я какъ-то принялся писать свои охотничьи записки: ранняя весна, пробужденіе жизни въ природѣ и токъ тетеревовъ благотворно подѣйствовали на мою душу. Божественно звучатъ поэтическія струны сердца человѣческаго, и я торжественно исповѣдую, на краю моего земного поприща, что одно искусство можетъ примирять человѣка съ жизнію... Прощай!.. Вырывайся скорѣе изъ Петербурга. Я буду спокойнѣе» [2])...

Въ письмахъ Ивана Сергѣевича Аксакова къ отцу обратили на себя вниманіе, и притомъ весьма неблагосклонное, слѣдующія мѣста:

«Австрія не оставляетъ намѣренія германизировать славянскія племена, но, дабы не испугать ихъ, дѣйствуетъ, по обыкновенію, двусмысленно, лжетъ и обманываетъ, какъ и прежде. Елачичъ писалъ сюда, что онъ находится въ самомъ грустномъ положеніи, не знаетъ, что̀ и дѣлать. Австрія вновь вводитъ между кроатами употребленіе мадьярскаго языка. «Я,—пишетъ онъ,—нахожусь между двухъ непріятностей, или опять подпасть подъ зависимость мадьяръ, или сдѣлаться мятежникомъ противъ своего императора; впрочемъ, пока не рѣшенъ вопросъ италіанскій, Австрія не рѣшится на многое». Въ Галиціи стали вновь вводить сборъ деся-

---

[1]) Поэма, сочиненная И. С. Аксаковымъ.
[2]) Письмо 8 марта 1849 года.

тины въ пользу помѣщиковъ, и это дало поводъ къ интерпелляціи одного изъ представителей Галиціи на Вѣнскомъ сеймѣ. Силенъ же этотъ порядокъ, нечего сказать, хоть я и не вѣрилъ возможности возродиться въ Европѣ новымъ началамъ силою собственныхъ средствъ, и тѣмъ путемъ, коимъ они шли; но все же, пока происходила борьба, они были въ ходу въ самихъ душахъ человѣческихъ и смущали ихъ, все же слышалось, что занесены такіе вопросы, разрѣшеніе коихъ вызоветъ и насъ на сцену и преобразуетъ міръ; а теперь опять покойно, заплыветъ жиромъ сердце человѣческое; грустно знать, что страшныя раны, кои были обнажены 1848 годомъ, оставшись невылеченными, закрыты снова и преданы забвенію! разумѣется, старый порядокъ не устоитъ, но простоитъ, можетъ быть, еще долго. Читали ли вы отголосокъ русскаго сердца тверскаго помѣщика, статскаго совѣтника Дмитрія Шелехова? Этотъ господинъ напечаталъ особыми брошюрами и самъ развезъ ихъ по всѣмъ здѣшнимъ магнатамъ; прочтите, это замѣчательно, какъ безкорыстна подлость подлостей! Я достану и пришлю. Онъ говоритъ, между прочимъ, про Россію, что въ ней законы исполняются какъ святыня, что въ ней крестьяне благоговѣютъ передъ Богомъ и передъ своими господами, и проч. Ну, что прикажете дѣлать съ этимъ народомъ? У насъ, право, создается цѣлая своя правительственная литература, ибо другой не даютъ хода»[1]).

... «Государь ѣдетъ со всѣмъ дворомъ, со всею царскою фамиліею къ вамъ въ гости. Вѣроятно, много будетъ манифестаціи руссицизма, много всякихъ эффектовъ. Государь на это мастеръ, и я увѣренъ, что въ его душѣ собственно, когда онъ бываетъ въ Кремлѣ, пробуждается сочувствіе къ народу, къ Руси, но не всегда ясно для него самого... Но всего забавнѣе будутъ его окружающіе. Все это пустится въ національность, которую опошлятъ до невыносимаго. Если уже Закревскій увлекъ своимъ маскарадомъ всю Москву, такъ что̀ уже будетъ теперь? И на днѣ Москвы, на осадкѣ, останется одинъ Константинъ, ибо и народъ поддастся весь обаянію... Маскарадъ Закревскаго, возбудившій здѣсь силь-

---

[1]) Письмо 24 февраля 1849 года изъ Петербурга въ Москву.

ную зависть, повторится во дворцѣ, и вѣроятно всѣ участвующіе будутъ причислены къ московскому двору его величества: кавалеры будутъ сдѣланы камеръ-юнкерами и камергерами, а дѣвицы получатъ фрейлинскій шифръ. Всего замѣчательнѣе тѣ, что государь приказалъ Блудову ѣхать съ собою. Онъ можетъ надѣяться, что его будутъ таскать всюду. Что мы будемъ дѣлать тогда съ бородой? «*Бродяга*» все еще продолжаетъ быть въ ходу совершенно независимо отъ автора, о коемъ—славу Богу—никто не заботится. Поповъ исправляетъ должность оффиціальнаго чтеца моихъ стиховъ. Поповъ читалъ ихъ у Блудова, гдѣ былъ и Александръ Строгановъ, ..., бывшій министръ: онъ замѣтилъ, что какъ-то нехорошо, будто въ Россіи такъ много бродягъ»[1]).

Приведенное письмо, а равно и нѣкоторыя изъ послѣдующихъ писемъ «заставляли предполагать въ Аксаковѣ либеральный (противоправительственный) образъ мыслей», вслѣдствіе чего Аксаковъ и былъ арестованъ. 17-го марта 1849 года, въ шесть часовъ вечера, «доставленъ въ штабъ корпуса жандармовъ подполковникомъ Левенталемъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Аксаковъ и помѣщенъ въ столовомъ залѣ графа».

Немедленно, по арестованіи Аксакова, доставлены слѣдующія свѣдѣнія о найденныхъ у него бумагахъ и книгахъ:

1) Черновая книга, въ которой Аксаковъ, еще воспитываясь въ училищѣ Правовѣдѣнія, до 1842 года, вписывалъ переводы съ латинскаго языка, замѣчанія изъ исторіи, свои мысли о Невскомъ проспектѣ и другихъ предметахъ, болѣе въ сатирическомъ родѣ. Здѣсь же вложены отдѣльные листы съ стихотвореніями его, изъ которыхъ замѣчательно посланіе къ бывшему соученику его, князю Оболенскому. Въ этомъ стихотвореніи Аксаковъ, черезъ годъ по выходѣ изъ училища и по вступленіи въ гражданскую службу, въ 1843 году, описываетъ эту службу въ насмѣшливомъ тонѣ, напримѣръ:

«И такъ, въ судѣ верховномъ—виноватъ!—
«Хотѣлъ сказать на фабрикѣ сенатской,
«Среди обширныхъ, каменныхъ палатъ,

---

[1]) Письмо 1 марта 1849 года.

«Грязнѣе всякой камеры палатской,
«Работаю, какъ будто на подрядъ.
«Вкусили мы всю прелесть службы статской,
«И видимъ: слишкомъ мало толку въ ней,
«Чтобъ ей отдать цвѣтъ лучшихъ нашихъ дней.
«. . . . .
«Хотя-бъ сказалъ сенатскій нашъ ораторъ,
«Что грудь звѣздами, дюжихъ пару плечъ
«Намъ лентами украситъ императоръ,
«А, право, другъ, игра не стоитъ свѣчъ.
«Что толку въ томъ, министръ ты иль сенаторъ?
«. . . . .
«Но чужды мнѣ столь сильныя желанья,
«Всю жизнь отдать за ленты и кресты,
«Нѣмецкія ничтожныя призванья,
«Всѣ полныя блестящей пустоты,
«Я къ нимъ въ себѣ не чувствую призванья»...

2) Большое собраніе писемъ самого Ивана *Аксакова* къ разнымъ лицамъ, 1844 года, изъ Астрахани, гдѣ онъ находился при сенаторѣ (нынѣ членъ государственнаго совѣта), князѣ Гагаринѣ, ревизовавшемъ Астраханскую губернію. Въ этихъ письмахъ *Аксаковъ* описываетъ болѣе Астрахань, и хранилъ ихъ, какъ матеріалъ для описанія Астрахани.

3) Поэма подъ названіемъ «Бродяга», сочиненіе самого Ивана *Аксакова*. Въ этомъ стихотвореніи *Аксаковъ* описываетъ похожденія крѣпостного человѣка, который бѣжалъ, самъ не зная отчего, и то бродяжничаетъ, то работаетъ гдѣ-либо, то опять бродяжничаетъ. *Аксаковъ* въ этомъ сочиненіи желалъ показать, что русскій человѣкъ иногда бродяжничаетъ не для преступленій, а по одной любви къ русскому разгулу и безпечности. Поэмы этой написана только 1-я часть, впрочемъ, довольно обширная, а предполагается написать еще двѣ части. Стихи *Аксакова* показываютъ, что онъ имѣетъ піитическій талантъ.

4) Въ письмахъ къ Ивану *Аксакову* отъ отца и братьевъ его нѣкоторыя мѣста обращаютъ на себя вниманіе.

Въ письмѣ отъ 3-го марта (въ отвѣтъ на извѣстное письмо отъ 24-го февраля, въ которомъ Иванъ *Аксаковъ* сожалѣлъ о заживающихъ ранахъ Европы) отецъ пишетъ: «Я уже имѣлъ случай отвѣчать тебѣ на него (на означенное письмо) съ оказіей и порядкомъ побранилъ тебя за рѣзкость и неточность выраженій, особенно за то, что ты не

договариваешь своихъ мыслей, отчего выходитъ совершенно превратный смыслъ. Еслибъ кто нибудь, незнающій тебя и твоего образа мыслей, прочелъ это письмо, то могъ бы заключить, что ты западный европейскій либералъ, тогда какъ эти люди для тебя гадки и отвратительны».

Въ другихъ письмахъ отецъ подозрѣваетъ, что нѣкоторыя письма сына его не дошли къ нему по почтѣ, или даже читаются почтовыми чиновниками.

Письма эти показываютъ, что Иванъ *Аксаковъ* извѣщалъ отца и братьевъ объ арестованіи *Самарина*. Отецъ *Аксакова*, въ письмѣ отъ 12-го марта, говоритъ: «Несчастное происшествіе съ *Самаринымъ* глубоко насъ всѣхъ огорчаетъ... Я надѣюсь на справедливость государя. Когда онъ прочтетъ всѣ письма *Самарина*, особенно 3-е и 7-е, то, я увѣренъ, обратитъ гнѣвъ на милость. Не можетъ быть, чтобъ онъ не почувствовалъ негодованія за положеніе русскихъ въ Ригѣ: онъ царь русской земли по преимуществу. Горько и временное торжество нѣмцевъ; я не фанатикъ, очень много имѣю терпимости, много имѣлъ и имѣю пріятелей-нѣмцевъ, изъ коихъ многіе въ частныхъ личностяхъ люди хорошіе, но какъ каста, какъ партія, они всегда были мнѣ противны. Послѣднее происшествіе усилило общую ненависть къ нѣмцамъ».

Въ томъ же письмѣ находится приписка сына, Константина *Аксакова*: «Я такъ былъ пораженъ твоимъ извѣстіемъ, что долго не могъ опомниться. *Самаринъ* въ крѣпости! Самый искренній, самый благородный, самый прямой человѣкъ, и, сверхъ того (что нечасто встрѣчается въ обществѣ), русскій, всей душой преданный русской землѣ, и онъ въ крѣпости! Я объясняю себѣ это только тѣмъ, что нѣмцы оклеветали его, и что государь, вѣроятно, не успѣлъ прочесть всѣхъ писемъ. Я помню, что *Самаринъ* и я желали, чтобъ эти письма дошли до государя. Мы надѣялись, что государь придетъ въ негодованіе, увидя, что терпятъ русскіе отъ нѣмцевъ».

Въ письмѣ отъ 8-го марта тотъ же Сергѣй *Аксаковъ* писалъ къ сыну Ивану: «Жизнь въ Москвѣ сдѣлалась для меня еще несноснѣе: и обстоятельства требуютъ неукоснительно бѣгства, и предметы общихъ разговоровъ, устремле-

ніе общихъ интересовъ, непосредственно раздѣляемыхъ всѣми, имѣющихъ еще усилиться въ будущемъ—выводятъ меня изъ терпѣнія! Весьма затруднительно и не безвредно для меня, и будетъ странно, а какъ бы хорошо было уѣхать намъ съ Константиномъ въ Абрамцево».

Григорій *Аксаковъ*, служащій въ Симбирскѣ, писалъ къ брату Ивану: «Да здравствуетъ Елачичъ! Австрія, кажется, уже собирается отказаться отъ безумнаго франкфуртскаго собранія, и тогда, навѣрное, можно предполагать, что она изъ нѣмецкой превратится въ славянскую монархію».

5) Между книгами Ивана Аксакова находятся:

«*О соціализмѣ и коммунизмѣ*», сочиненіе *Штейна*, на нѣмецкомъ языкѣ, напечатанное въ Лейпцигѣ, въ 1842 году; въ этомъ сочиненіи, хотя частію опровергаются правила коммунизма, но находятся и многія возмутительныя мысли.

«*Стихотворенія Адама Мицкевича*», на польскомъ языкѣ, въ 4-хъ частяхъ, изданныя въ Парижѣ, въ 1838 году.

Шесть экземпляровъ брошюры: «*Семисотлѣтіе Москвы*», сочиненіе *Константина Аксакова*—то самое, которое было напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1846 года.

6) Письма къ Ивану *Аксакову* отъ разныхъ постороннихъ лицъ имѣютъ содержаніе бо̀льшею частью литературное и ученое и не заключаютъ въ себѣ ничего недозволеннаго.

7) У него еще находится много копій съ разныхъ мнѣній и другихъ бумагъ, кои онъ подавалъ по дѣламъ службы.

Черновыхъ же писемъ, которыя Иванъ *Аксаковъ* посылалъ послѣднее время къ отцу своему, равно и никакихъ бумагъ, кои бы содержали въ себѣ мысли, подобныя выраженнымъ въ письмѣ его отъ 24-го февраля, не оказалось во всѣхъ его бумагахъ.

Аксакову предложенъ былъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ весьма подробно и откровенно. При чтеніи ихъ императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ свои замѣтки, и, возвращая рукопись графу Ал. Ѳед. Орлову, написалъ: «Призови, прочти, вразуми и отпусти». Приводимъ отвѣты Аксакова на предложенные ему вопросы, а также и замѣчанія государя: написанное рукою государя печатаемъ курсивомъ.

Вопросы.	Отвѣты.
1) Опишите ваше званіе. лѣта, гдѣ вы воспитывались, службу вашу и другія важнѣйшія обстоятельства вашей жизни?	Отъ роду мнѣ 25 лѣтъ; чинъ мой коллежскій асессоръ, хотя я уже въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго 1848 г. выслужилъ узаконенный срокъ для полученія новаго чина, но по случаю перевода моего изъ министерства юстиціи въ министерство внутреннихъ дѣлъ, представленіе о моемъ чинѣ не могло быть сдѣлано. Воспитывался я въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія, откуда вышелъ въ 1842 г. съ чиномъ 9-го класса, и поступилъ прямо на службу во 2-е отдѣленіе 6-го департамента Правительствующаго Сената, гдѣ черезъ три недѣли назначенъ былъ исправлять должность секретаря. Въ концѣ 1843 года отправился я съ бывшимъ сенаторомъ, нынѣ членомъ государственнаго совѣта, княземъ П. П. Гагаринымъ на ревизію въ Астраханскую губернію. Въ концѣ 1844 г., ревизія кончилась и я поступилъ въ прежнюю должность. Лѣтомъ 1845 г. указомъ правительствующаго сената опредѣленъ я былъ товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты въ Калугу. Въ маѣ 1847 г. причисленъ къ департаменту министерства юстиціи и, ордеромъ министра юстиціи, предписано было мнѣ исправлять должность оберъ-секретаря сначала во 2-мъ отдѣленіи, а потомъ (въ октябрѣ того же года) въ 1-мъ отдѣленіи 6-го департамента сената. Высочайшимъ приказомъ, 21 сентября 1848 г., переведенъ былъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ кандидатомъ для занятія должности въ губерніи. Вслѣдствіе сего, сдавъ должность въ сенатѣ, пріѣхалъ я въ С.-Петербургъ, но въ октябрѣ же мѣсяцѣ отправленъ былъ его высокопревосходительствомъ, г. мини-

стромъ внутреннихъ дѣлъ, съ секретнымъ порученіемъ (о раскольникахъ) въ Бессарабію, откуда 21 января 1849 г. возвратился, представивъ министру отчетъ по своимъ занятіямъ. Съ весною я предполагалъ вновь отправиться куда нибудь съ порученіемъ, и такъ какъ предстояла надобность въ обозрѣніи и хозяйственномъ описаніи городовъ Казанской губерніи, то я и просилъ директора хозяйственнаго департамента назначить меня туда, а самъ между тѣмъ занялся чтеніемъ разныхъ дѣлъ министерства, касающихся городомъ Казанской губерніи. Особенныхъ другихъ, важныхъ обстоятельствъ жизни не было. Я не упоминаю здѣсь о тѣхъ, которыя имѣютъ значеніе только для меня; 5-ти-лѣтняя болѣзнь одной изъ моихъ сестеръ, недавняя (съ годъ продолжающаяся) болѣзнь другой моей сестры и проч., и проч.

2) Кто вашъ родитель, и братья, гдѣ они находятся, чѣмъ занимаются и какое имѣютъ состояніе?

Отецъ мой, коллежскій совѣтникъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, 58-ми лѣтъ, теперь въ отставкѣ; прежде служилъ цензоромъ и былъ нѣкогда предсѣдателемъ цензурнаго комитета въ Москвѣ, а потомъ былъ директоромъ Константиновскаго межеваго института. Съ 1826 г. онъ живетъ постоянно въ Москвѣ, уѣзжая лѣтомъ въ подмосковную деревню свою Амбрамцево (верстахъ въ 60-ти отъ Москвы). По слабости своего зрѣнія (нѣсколько лѣтъ тому назадъ жестокая болѣзнь лишила его одного глаза), онъ не можетъ много заниматься дѣлами, письма, большею частью, диктуетъ; также диктуетъ воспоминанія своего дѣтства и записки о рыбной ловлѣ и объ охотѣ, ибо въ молодости былъ страстнымъ охотникомъ. Года два тому назадъ напечатаны были его записки о рыбной ловлѣ, обратившіе на

себя общее вниманіе чистотою языка, живостью разсказовъ и умѣньемъ придать имъ интересъ, даже и не для охотниковъ. Старшій братъ мой, Константинъ, магистръ Императорскаго Московскаго университета, живетъ при отцѣ и при матери моей. Семейство наше состоитъ изъ 10-ти человѣкъ: изъ 3-хъ братьевъ и 7-ми сестеръ, которыя всѣ живутъ въ домѣ и изъ которыхъ двѣ тяжело больны. Изъ братьевъ двое, братъ Григорій и я, отвлечены службою отъ родительскаго дома, слѣдовательно одному необходимо было остаться съ отцомъ, и эту святую обязанность исполняетъ братъ мой, Константинъ, помогающій ему въ хозяйствѣ и занимающійся сверхъ того, самъ для себя, учеными трудами по части русской исторіи и филологіи. При этомъ я укажу на два его сочиненія: диссертацію о Ломоносовѣ и драму «Освобожденіе Москвы въ 1612 г.» Братъ мой, Григорій, окончившій въ 1840 г. курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія, служитъ теперь симбирскимъ губернскимъ прокуроромъ. Онъ женатъ, имѣетъ дочь; собственнаго состоянія у него нѣтъ; но теперь на деньги, принесенныя ему женою, онъ покупаетъ имѣніе въ Симбирской губерніи, душъ 400 или 500. Литературою онъ не занимается, т. е. не пишетъ. У отца моего состояніе по многочисленности его семейства, весьма ограниченное: онъ имѣетъ душъ съ 500 въ Оренбургской губерніи, въ Белебеевскомъ уѣздѣ, и душъ съ 300 въ Симбирской,—въ Корсунскомъ уѣздѣ. Имѣніе это все заложено. Кромѣ того, душъ 40 въ подмосковной деревнѣ, Дмитріевскаго уѣзда, Абрамцевѣ.

3) Въ бумагахъ вашихъ находится письмо вашего родителя, въ которомъ

Готовъ отвѣчать на этотъ вопросъ съ *полною* откровенностью, хотя она можетъ быть для меня и невыгодною.

онъ, отвѣчая на ваше письмо отъ 24-го Февраля, дѣлаетъ вамъ замѣчаніе на рѣзкость и неточность выраженій, особенно за то, что вы не договариваете вашихъ мыслей, отъ чего выходитъ такой смыслъ, что иной можетъ принять васъ за либерала. Объясните съ полною откровенностію все содержаніе упомянутаго письма вашего и, если сохранила ваша память, изложите оное точными словами, особенно тѣ мѣста, за которыя вы получили замѣчанія отъ вашего родителя?

Поводомъ къ письму моего отца было мое письмо къ нему слѣдующаго содержанія:

Я писалъ «возвращеніе стараго порядка вещей въ Европѣ наводитъ улыбку гордой радости на лица нашихъ петербургскихъ аристократовъ. Они вдругъ всѣ пріободрились. Всякій разъ, послѣ прогулки по Невскому проспекту, овладѣваетъ мною великая скорбь. Вы не повѣрите, какъ возмущается душа моя при видѣ этихъ господъ полуфранцузовъ, полунѣмцевъ, все, что угодно, только не русскихъ, коверкающихъ свой родной языкъ, ослѣпляющихъ насъ роскошью произведеній Запада, живущихъ уже совсѣмъ не по-русски... На лицѣ ихъ написано: «слава Богу, теперь мы безопасно можемъ дѣлать то, что дѣлали прежде, т. е. роскошничать, развратничать и разорять нашихъ крестьянъ»!.. Когда въ прошломъ году, испуганные европейскими смутами, они пѣли хвалебный гимнъ Россіи и русскому народу, то въ ихъ словахъ слышались другія слова: «какой у насъ, въ самомъ дѣлѣ, добрый, терпѣливый, удобный народъ: мы презираемъ его, выжимаемъ изъ него послѣднюю денежку, и онъ сноситъ все, и даже не питаетъ къ намъ ненависти»!... Вотъ выраженія, за неточность которыхъ упрекалъ меня отецъ мой, говоря, что оттого происходитъ такой смыслъ, который можетъ подать обо мнѣ ложное понятіе, будто я либералъ, тогда какъ, прибавляетъ онъ, *западный либерализмъ ненавистенъ душѣ твоей*. И онъ совершенно правъ. Пользуюсь случаемъ, чтобъ дополнить невысказанную мысль и изложить ее съ искреннимъ чистосердечіемъ:

По моему мнѣнію, старый порядокъ въ Европѣ такъ же ложенъ, какъ и новый.

Совершенная правда.

Святая истина!

Слава Богу!

Все это справедливо.

Онъ уже ложенъ потому, что привелъ къ новому, какъ къ логическому, непремѣнному своему послѣдствію. Ложныя начала исторической жизни Запада должны были неминуемо увѣнчаться безвѣріемъ, анархіею, пролетаріатствомъ, эгоистическимъ устремленіемъ всѣхъ помысловъ на матеріальныя блага, и гордымъ, безумнымъ упованіемъ на однѣ человѣческія силы, на возможность замѣнить человѣческими учрежденіями Божія постановленія. Вотъ къ чему привели Западъ авторитетъ католицизма, раціонализмъ протестантизма и усиленное преобладаніе личности, противное духу смиренія христіанской общины. Не такова Русь. *Православіе спасло ее и внесло въ жизнь ея совершенно другія начала,* свято хранимыя народамъ. Онъ смотритъ на царя, какъ на самодержавнаго главу всепространной русской православной общины, который несетъ за него все бремя заботъ и попеченій о его благосостояніи; народъ вполнѣ вѣритъ ему (царю) и знаетъ, что всякая гарантія только нарушила бы искренность отношеній и лишь связала бы безъ пользы руки дѣйствующимъ; наконецъ, что только то ограниченіе истинно, которое налагается на каждаго христіанина въ отношеніи къ его ближнимъ духомъ Христова ученія. Взглядъ русскаго народа на правительство вообще высказанъ въ оффиціальномъ объясненіи извѣстнаго манифеста, изданнаго въ февралѣ или мартѣ прошлаго года, въ словахъ: «всякая форма правительственная, какъ бы совершенна она ни была, имѣетъ свои недостатки, и проч.». Да не подумаютъ, что я хочу льстить, Боже сохрани! Но вотъ мои убѣжденія:

При Петрѣ Великомъ верхніе слои общества отчуждились отъ народа и поддались обаянію Запада, увлеклись блестящимъ соблазномъ его цивилизаціи и презрѣли коренныя, основныя начала русской народности. Не одни художества и ремесла были вводимы въ Россію. Нѣтъ!.. *Русскіе* портные ссылались на каторгу за шитье русскаго платья (см. «Полное собраніе Россійск. законовъ»), русскій языкъ былъ весь изломанъ, исковерканъ и нашпигованъ иностранными выраженіями; администрація, съ ея нѣмецкими учрежденіями и названіями, подавила жизнь своимъ формализмомъ; чиновники, съ своими нѣмецкими чинами, были поставлены въ неискреннее и странное отношеніе къ народу, которому было трудно не только понять, но и выговорить имена ихъ. Дворянство совершенно оторвалось отъ народа, присвоивъ своей жалкой цивилизаціи право не вѣрить, *когда онъ вѣритъ,* не соблюдать уставы церкви, *имъ соблюдаемые,* не знать языка, *которымъ онъ говоритъ,* забыть свою исторію и преданія, и глядѣть на него только, какъ на удобный матеріалъ для извлеченія изъ онаго доходовъ. Послѣдующія поколѣнія шли по данному толчку, не оглядываясь, не сознавая, и общество тѣмъ виновато передъ правительствомъ, что заслоняло отъ него народъ. Между тѣмъ, какъ образованное общество жило заемною жизнью, обезьянски шло за Западомъ и добровольно задавало себѣ въ чужомъ пиру похмѣлье, народъ, слава Богу, остался тѣмъ же, или почти тѣмъ же. Я говорю *почти,* потому что примѣръ разврата, нами подаваемый, уже начинаетъ проникать и въ села. Ра-

Справедливаго много, хотя, слава Богу, не въ общемъ примѣненіи.

зумѣется, простой народъ, живущій въ столицахъ, сначала оскорблялся, видя, напримѣръ, въ Москвѣ, что въ великій постъ, когда онъ говѣетъ, постится, идетъ къ заутренней или возвращается съ исповѣди, высшее общество, съ факелами, пѣсельниками, цыганами и цыганками, бѣшено наслаждается ночными катаньями съ горъ, но потомъ — народъ мало-по-малу привыкаетъ и къ этому, и, чего добраго, пожалуй, заведетъ и у себя то же.

Ежели было, или есть такъ, то оно неприлично и недолжно было допущено быть мѣстною властію.

Въ нынѣшнее царствованіе во многихъ сердцахъ пробудилось угрызеніе совѣсти. Спрашивали себя: не виноваты ли мы передъ русскимъ народомъ, стараясь воскресить въ себѣ русскаго человѣка. Это возрожденіе русской народности проявилось въ наукѣ и въ литературѣ. Люди, всѣми силами, всѣми способностями души преданные Россіи, смиренно изучившіе сокровища духовнаго народнаго богатства, свято-чтущіе коренныя начала его быта, неразрывнаго съ православіемъ, люди эти, Богъ вѣсть почему, прозваны были славянофилами, хотя въ ихъ отношеніяхъ къ западнымъ славянамъ было только одно сердечное участіе къ положенію единокровныхъ и единовѣрныхъ своихъ братій. *Я принадлежу къ этимъ людямъ и думаю*, что намъ, *т. е. образованному обществу, слѣдуетъ покаяться, нравственно перевоспитаться и стать русскими людьми.*

Потому, что подъ видомъ участія къ мнимому утѣсненію славянскихъ племенъ въ другихъ государствахъ, тмится преступная мысль соединенія съ сими племенами, не смотря на подданство ихъ сосѣднимъ и частію союзнымъ государствамъ; а достиженія сего ожидали не отъ Божьяго опредѣленія, а отъ возмутительныхъ покушеній на гибель самой Россіи.

И мнѣ жаль, потому что это значитъ смѣшивать два предмета совершенно разныхъ: преступное съ святымъ.

Прекрасно, но посмотримъ, что есть русскій человѣкъ въ мысляхъ г. Аксакова.

Въ началѣ прошлаго года, происшествія въ Европѣ заставили думать насъ, что общество образумится, перевоспитается. Но вышло не то. Общество, и въ особенности петербургское, сперва испугалось: новое доказательство, что оно не знаетъ

русскаго народа, которому всякое возстаніе, всякій насильственный революціонный путь, ненавистны, противны его нравственнымъ убѣжденіямъ и основамъ его быта, проникнутаго духомъ вѣры. Оно скоро успокоилось, не видя, впрочемъ, что, ругая Западъ, оно хранитъ въ себѣ всѣ начала, продолжаетъ жить его заемною жизнью, словомъ, какъ выразился не помню кто, думаетъ устроить на Руси свой *домашній Западъ* и безнаказанно упиваться сладостью всѣхъ тѣхъ грѣховъ, которые погубили Западъ! Поэтому, говорю откровенно, противно мнѣ бывало смотрѣть на какого нибудь молодого, износившагося въ пустой и развратной жизни, франта, владѣтеля цѣлыхъ десятковъ тысячъ душъ крестьянъ, которые въ потѣ лица работаютъ кротко и усердно на удовлетвореніе безумной роскоши своего господина!.. А господинъ этотъ, полный глубокаго презрѣнія къ грубому, невѣжественному мужику, не умѣетъ безъ ошибокъ подписывать по-русски своего имени, считаетъ себя уволеннымъ отъ обязанности, если не вѣритъ, то почитать церковь и исполнять ея уставы. Вмѣсто того, чтобъ поучиться у народа его мудрости и смиренію, онъ, вступивъ въ службу, готовъ будетъ сейчасъ учить его по-своему, и навязывать ему Богъ знаетъ какія, только не русскія, теоріи. Такихъ господъ много, они на каждомъ шагу попадаются въ С.-Петербургѣ.

Очень понятно.

Бываютъ такіе, но за то несутъ на себѣ общее презрѣніе всѣхъ благомыслящихъ, которыхъ, слава Богу, еще довольно, и съ каждымъ днемъ болѣе.

Отецъ мой говоритъ, что негодованіе мое можетъ быть принято въ другомъ смыслѣ, т. е. въ либерально-западномъ. *Если такъ, то весьма ошибутся тѣ, которые это подумаютъ.* Я уже сказалъ,

Стало и не слѣдуетъ ему давать

поводъ разными суждениями, преувеличиваніями, и подобнаго рода выходками, которыя одною надменностію и неопытностію отзываются и искажаютъ чистоту намѣреній.

что всякій насильственный путь противенъ русскому народу, а, слѣдовательно, и всѣмъ тѣмъ, которые, какъ я, имѣютъ претензію держаться русскаго духа. Я убѣжденъ, что насиліе порождаетъ насиліе, нарушаетъ нравственную чистоту дѣла и никогда не приводитъ къ добру. Я считаю даже, что никакая цѣль никогда не оправдываетъ средствъ, и вѣрю Спасителю, сказавшему ученику своему, когда тотъ хотѣлъ его защитить (слѣдовательно, сдѣлать, кажется, святое дѣло): «всякій, поднявшій мечъ, мечомъ и погибнетъ».

И потому, я желалъ бы только, чтобы мы сами, открывая другъ другу, мирнымъ путемъ убѣжденія, — наши заблужденія, постарались попасть на правую дорогу, устремить всѣ свои силы на изученіе родной стороны, на пользу Россіи и ея народу, при содѣйствіи правительства, которое всегда благонамѣренно, но не всегда успѣваетъ въ своихъ желаніяхъ, и которое во сто разъ благонамѣреннѣе самаго нашего общества; только правительство можетъ практически осуществить вознагражденіе русской народности и самобытное развитіе русской жизни.

Вѣрю, но и въ добрыхъ намѣреніяхъ можно ошибаться; c'est le ton qui fait la musique.

Объясненіе мое на этотъ вопросъ нѣсколько длинно, но я счелъ нужнымъ распространиться и начать издалека, дабы предупредить всякое недоразумѣніе. Все, написанное мною, изложено съ самою полною откровенностью.

4. Въ другомъ письмѣ, отъ 15-го февраля, родитель вашъ, упоминая, что вы сообщаете ему о предположеніяхъ по службѣ, сожалѣетъ, что пишете объ

Поводомъ къ этому письму моего отца послужило другое письмо мое, въ которомъ я писалъ, что отказался отъ предложеннаго мнѣ мѣста начальника отдѣленія, прибавляя, что отказался бы даже и отъ вицъ-директорства, потому что цѣль

этомъ съ почтой, тогда какъ у васъ много оказій, присовокупляя: «а всего бы лучше вовсе не писать». Объясните съ тою же откровенностію обо всемъ, что вы писали насчетъ предположеній по службѣ.

Ничуть, цѣль добрая, и начальникъ доступенъ.

5. Почему вы дозволили себѣ помѣщать въ вашихъ письмахъ извѣстія о заключеніи камеръ-юнкера *Самарина* въ крѣпость и почему принимали въ немъ участіе?

6. Изъ отвѣтовъ родителя и брата вашего, *Константина*, на письма ваши о *Самаринѣ*, видно, что они вполнѣ раздѣляютъ негодованіе г. Самарина противъ остезейскихъ нѣмцевъ, а родитель вашъ, въ письмѣ о маскарадѣ, данномъ въ Москвѣ графомъ Закревскимъ, отдавая старинному русскому платью преимущество передъ всѣми костюмами, говоритъ, что мо-

моя на службѣ: ѣздить съ порученіями по Россіи и изучать ее во всѣхъ отношеніяхъ, не только по предмету возлагаемаго на меня порученія. Отецъ мой, по нѣжности своей ко мнѣ, вѣроятно, думаетъ, что подобный отзывъ, еслибы дошелъ до свѣдѣнія моего начальства, повредилъ бы мнѣ въ его сужденіи обо мнѣ, какъ о чиновникѣ.

Я не понимаю, почему я въ письмѣ не могъ упомянуть о заключеніи камеръ-юнкера *Самарина* въ крѣпость, когда это было извѣстно всему городу, и всѣ объ этомъ говорили. Еслибъ это не было извѣстно, то всякій въ правѣ былъ бы подумать, что онъ пропалъ безъ вѣсти. Управляющій дома Устинова, гдѣ квартировалъ Самаринъ, намѣревался было, какъ я самъ видѣлъ, подать въ полицію извѣщеніе о неизвѣстной отлучкѣ Самарина, но былъ отъ того удержанъ. Участіе въ Самаринѣ я принималъ потому, что знаю его уже лѣтъ семь, какъ умнаго, честнаго, образованнаго, даровитаго человѣка, съ твердымъ характеромъ и добросовѣстною душою, всѣмъ сердцемъ преданнаго Россіи.

Отецъ и братъ писали мнѣ о томъ, что раздѣляютъ негодованіе Самарина противъ нѣмцевъ въ Остезейскомъ краѣ. Я тоже раздѣляю это негодованіе, ибо, какъ русскій, не могу быть равнодушенъ къ положенію русскихъ въ Остзейскомъ краѣ. Впрочемъ, такъ же какъ и они, я не люблю нѣмцевъ, только какъ касту, дѣйствующую въ духѣ презрѣнія къ Россіи и къ ея народу, но въ частности уважаю и люблю ихъ, если они хорошіе люди. Доказательствомъ этому служитъ то, что у меня много пріятелей-нѣмцевъ. Что касается до возстанія всей московской публики противъ графа За-

сковская публика возстаетъ общимъ бунтомъ на графа Закревскаго, что ругательство надъ русскимъ платьемъ въ маскарадѣ произвело на общество самое благопріятное дѣйствіе, и что последствія его будутъ полезны. Если и вы раздѣляете мнѣнія вашихъ родственниковъ, то подробно объясните вашъ образъ мыслей по означеннымъ предметамъ?

кревскаго общимъ бунтомъ, то эти выраженія въ письмѣ моего отца относились, сколько помню я, къ тому, что графъ Закревскій, пригласивъ московское общество къ себѣ на folle journée, разстроилъ этимъ уже совсѣмъ заготовленный пикникъ; отказаться оно не посмѣло, но поѣхало къ графу весьма недовольное. Изъ тона письма моего отца слышно презрѣніе его вообще къ московской публикѣ, которая часто изволитъ гнѣваться на графа Закревскаго за его короткій судъ и расправу и въ то же время готова на всякое униженіе, чтобъ попасть въ салонъ графини Закревской. Что касается до выраженій его о русскомъ платьѣ, то они содержатъ ту мысль, что общество, надѣвъ русское платье, какъ шутовское, маскарадное, взамѣнъ арлекинскаго или шпанскаго костюма, почувствовало же, однако, красоту и удобство этого одѣянія и невольно спросило себя: отчего бы не ходить такъ всегда? Я не придаю платью большой важности, но думаю, однако, что еслибъ мы всѣ надѣли русское платье, то стали бы менѣе чужды народу и легче было бы намъ перевоспитать себя на русскій ладъ. Не говоря уже о томъ, что русскій нарядъ удобнѣе и красивѣе, я просто не понимаю, отчего костюмъ, принадлежащій чужой народности, со всѣми невыгодами и вреднымъ вліяніемъ иностранной моды, носить приличнѣе, чѣмъ наше народнее платье?..

7) Братъ вашъ *Григорій* въ одномъ письмѣ изъ Симбирска, выхваляя Елачича и называя безумнымъ франкфуртское собраніе,

Братъ Григорій называетъ въ одномъ изъ писемъ своихъ франкфуртское собраніе безумнымъ. Я думаю, въ этомъ и спрашивающіе меня не сомнѣваются. Онъ выхваляетъ Елачича... Развѣ онъ не былъ достоинъ похвалы? Это призналъ и госу-

выражаетъ надежду, что Австрія изъ нѣмецкой превратится въ славянскую монархію. Не питаете ли вы и родственники ваши славянофильскихъ понятій и въ чемъ оныя состоятъ?

дарь императоръ, наградившій его орденомъ. Что касается до мнѣнія его, что Австрія изъ нѣмецкой превратится въ славянскую монархію, то я также думалъ это, ибо нѣмецкіе элементы ея подгнили, и она давно бы рухнулась, еслибъ не поддержали ее славяне... Впрочемъ, можетъ быть, Австрія устоитъ и въ настоящемъ своемъ видѣ... Что касается до моихъ славянофильскихъ идей, то ни я, ни родственники мои, не славянофилы въ томъ смыслѣ, въ какомъ предложенъ этотъ вопросъ. Въ панславизмъ мы не вѣримъ, во-первыхъ, потому, что для этого необходимо было бы единовѣріе славянскихъ племенъ, а католицизмъ Богеміи и Польши—элементъ враждебный, чуждый, несмѣсимый съ элементомъ православія прочихъ славянъ; во-вторыхъ всѣ отдѣльные элементы славянскихъ народностей могли бы раствориться и слиться въ цѣлое только въ другомъ, крѣпчайшемъ цѣльномъ, могучемъ элементѣ, т. е. въ русскомъ; въ-третьихъ, большая часть славянскихъ племенъ заражена вліяніемъ пустого, западнаго либерализма, который противенъ духу русскаго народа и никогда къ нему привиться не можетъ. *Признаюсь, меня гораздо болѣе всѣхъ славянъ занимаетъ Русь*, а брата моего Константина даже упрекаютъ въ совершеннѣйшемъ равнодушіи ко всѣмъ славянамъ, кромѣ Россіи, и то даже не всей, а собственно Великороссіи.

И дѣльно, потому что все прочее мечта. Одинъ Богъ можетъ опредѣлить; чему быть въ дальнемъ будущемъ; но ежели стеченіе обстоятельствъ и привело бы къ сему единству, оно будетъ на гибель Россіи.

Это письмо моего отца касается чисто семейныхъ дѣлъ: разстройства финансовъ, болѣзни дочери, а также и скуки, наводимой на него московской жизнью. Онъ охотно прожилъ бы въ деревнѣ всю зиму, ибо онъ и братъ мой, Константинъ, любятъ

8) Родитель вашъ въ письмѣ отъ 8-го марта, писалъ къ вамъ: «жизнь въ Москвѣ сдѣлалась для меня еще несноснѣе: и обстоятельства

требуютъ неукоснительно бѣгства, и предметы общихъ разговоровъ устремленіе общихъ интересовъ, непосредственно раздѣляемыхъ всѣми, имѣющихъ еще усилиться въ будущемъ— выводятъ меня изъ терпѣнія! Весьма затруднительно и не безвредно для меня, и будетъ странно, а какъ бы хорошо было уѣхать намъ съ *Канстантиномъ* въ Абрамцево». Въчемъ состоитъ тягостное положеніе, въ которомъ находятся родитель и братъ вашъ, и какой настоящій смыслъ имѣетъ вышеизложенное письмо?

всею душою природу, деревню, и всѣ ея мирныя удовольствія. Прошлаго года отецъ мой уѣхалъ съ братомъ въ деревню въ самомъ началѣ весны, но простудился тамъ, сдѣлался очень боленъ и долженъ былъ воротиться въ Москву. Поэтому онъ и называетъ поѣздку въ деревню «небезвредною». Пустота ежедневныхъ общихъ интересовъ и разговоровъ нагоняетъ на него, при невозможности заниматься службою, такую сильную скуку, что онъ часто уходитъ въ другія комнаты, не дожидаясь отъѣзда гостей.

9) Между книгами вашими оказались: сочиненіе *Штейна о соціализмѣ и коммунизмѣ* и стихотворенія *Мицкевича*. Гдѣ и у кого пріобрѣли вы эти книги: не питаете ли вы мыслей коммунистическихъ и вообще противныхъ образу нашего правленія, и если питаете, то объясните со всею искренностію, какими путями вы приведены къ этому?

Найденныя у меня книги куплены въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но когда именно и въ какомъ магазинѣ—не помню. Пріобрѣлъ же я ихъ изъ любознательности. Мицкевича купилъ потому, что самъ занимаюсь поэзіей и пишу стихи. Коммунистическихъ идей не раздѣляю. Свои мысли я изложилъ уже въ 3-й пунктѣ и думаю, что въ нихъ нѣтъ ничего «противнаго образу нашего правленія».

10) У васъ еще оказались стихи вашего сочиненія, посланіе къ князю Оболенскому, въ 1843 г., въ которыхъ вы съ насмѣшкой

Посланіе къ князю Оболенскому, товарищу по училищу и сослуживцу, писано мною въ началѣ 1843 г., когда мнѣ было 19 лѣтъ... Оно заключаетъ въ себѣ юношеское разочарованіе въ службѣ, ибо форма-

отзываетесь о гражданской службѣ, о сенатѣ, о наградахъ чинами и крестами. Не распространяли ли вы этихъ стиховъ и мыслей, въ нихъ заключающихся, и для чего сохраняли этотъ листокъ?

лизмъ судебнаго дѣлопроизводства сильно охладилъ тогда мою пылкую ревность къ дѣятельности общеполезной. Мнѣ тогда страшно было вообразить, что, прослужа лѣтъ 40 въ этой атмосферѣ, я могу совершенно подчиниться вліянію служебнаго формализма; сдѣлаться чиновникомъ, который думаетъ только *объ очисткѣ* бумагъ, о полученіи за это наградъ; смотрѣть на людей отвлеченно, не понимать ничего, кромѣ своихъ дѣлъ и постепенно заглушить въ себѣ живого человѣка, желавшаго нѣкогда только блага и пользы! Современемъ я перемѣнилъ мысли и думаю, что можно остаться чиновникомъ и сохранить въ себѣ человѣка... Листокъ этотъ сберегался совершенно случайно; впрочемъ, я и не видѣлъ надобности его истреблять.

11) Объясните, какую главную мысль предполагали вы выразить въ поэмѣ вашей: «*Бродяга*», и почему избрали бѣглаго человѣка предметомъ сочиненія?

Отчего выбралъ я *бродягу* предметомъ поэмы? Оттого, что образъ его показался мнѣ весьма поэтичнымъ, оттого, что это одно изъ явленій нашей народной жизни, оттого, что бродяга, гуляя по всей Россіи, какъ дома, даетъ мнѣ возможность сдѣлать стихотворное описаніе русской природы и русскаго быта въ разныхъ видахъ; оттого, наконецъ, что типъ этотъ мнѣ, какъ служившему столько лѣтъ по уголовной части, очень хорошо знакомъ. Крестьянинъ, отправляющійся бродить, вслѣдствіе какого-то безотчетнаго влеченія, по всему широкому пространству русскаго царства (гдѣ есть, гдѣ разгуляться), потомъ наскучившій этимъ и добровольно являющійся въ судъ,—вотъ герой моей поэмы. Написана еще только 1-я часть, которая сама можетъ дать за себя объясненіе.

12) Не имѣете ли еще что либо при-

Кажется, ничего больше присовокупить не имѣю, кромѣ того, во-первыхъ, что я до

совокупить къ пояснению предложеннаго вамъ въ предыдущихъ вопросахъ?

сихъ поръ не знаю, *зачѣмъ я арестованъ* и въ чемъ меня обвиняютъ? во-вторыхъ, все предыдущее изложено мною по долгу совѣсти, безъ малѣйшей утайки, въ-третьихъ, что я чувствую себя совершенно чистымъ передъ Богомъ, Россіей и государемъ и вполнѣ надѣюсь на милость Божію и на правосудіе правительства.

Аксаковъ скоро былъ выпущенъ на свободу: онъ арестованъ 17-го марта, а 22-го марта 1849 года «содержавшійся при III отдѣленіи въ столовой залѣ графской половины Аксаковъ освобожденъ». Но кратковременное пребываніе подъ арестомъ не разъ откликалось впослѣдствіи. Вотъ одно изъ доказательствъ. Въ 1853 году Аксакову открывалась возможность совершить научное путешествіе, и онъ обратился къ графу Ал. Ѳед. Орлову съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Прежде всего я долженъ принесть вашему сіятельству извиненіе въ томъ, что рѣшаюсь утруждать васъ своею просьбою, но въ моемъ затруднительномъ положеніи я не могъ поступить иначе, да я думаю, что прямой путь, прямое обращеніе къ такому лицу, какъ вы, графъ, предпочтительнѣе всякихъ дорогъ косвенныхъ и окольныхъ.

«Въ концѣ этого мѣсяца снимется съ якоря и отправится въ дальнее плаваніе, т. е. къ нашему Камчатскому порту 64-хъ пушечный военный фрегатъ «Діана». Рѣдко представляется возможность совершить такое отдаленное, любопытное, разнообразное путешествіе, и я почелъ бы себя истинно счастливымъ, еслибъ мнѣ удалось какъ нибудь воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Не говоря о любознательности, о склонности моей къ географическимъ занятіямъ и къ путешествіямъ, склонности, которую, по ограниченности моихъ денежныхъ средствъ, я удовлетворить никогда не былъ въ состояніи, я глубоко убѣжденъ, что это плаваніе доставитъ мнѣ возможность приложить съ пользою къ дѣлу тѣ немногія дарованія, которыя имѣю. Я всею душою желаю служить Россіи, но чувствую, что призванъ служить ей скорѣе на поприщѣ литературномъ, чѣмъ на какомъ-либо иномъ; а ваше сіятельство, вѣрно, согласитесь.

что добросовѣстный, благонамѣренный, ученый или литературный трудъ можетъ быть не менѣе важенъ и полезенъ для государства, какъ и всякій другой честный трудъ... Между тѣмъ, у насъ нѣтъ ни одного новѣйшаго литературнаго описанія морскихъ путешествій и странъ отдаленныхъ; въ этомъ отношеніи мы руководствуемся обыкновенно сочиненіями англійскими и французскими, слѣдовательно и смотримъ на описываемыя ими страны съ точки зрѣнія англійской и французской, а не съ точки зрѣнія русскаго человѣка, взглядъ котораго можетъ быть свѣжѣе и самобытнѣе. Я вовсе не имѣю притязанія думать, что описанія мои будутъ отвѣчать всѣмъ строгимъ требованіямъ современнаго просвѣщенія, но въ одномъ ручаюсь безбоязненно, что принесу въ дѣло всѣ способности, какими только надѣлилъ меня Богъ, горячую добросовѣстность труда и искреннее стремленіе къ пользѣ. О желаніи моемъ было доведено до свѣдѣнія его императорскаго высочества генералъ-адмирала, и его высочество изволилъ отозваться, что мѣсто для меня на фрегатѣ найдется, какъ скоро я буду облеченъ какимъ нибудь оффиціальнымъ порученіемъ отъ посторонняго вѣдомства. Но въ пріисканіи этого оффиціальнаго порученія я и опасаюсь встрѣтить главнѣйшее затрудненіе, тѣмъ болѣе, что есть обстоятельства, которыя ваше сіятельство хорошо знаете, но которыя, будучи извѣстны другимъ только по слуху, могутъ быть сочтены препятствіемъ къ командировкѣ меня въ дальнее плаваніе.

«Вашему сіятельству довольно извѣстны и мой образъ мыслей, и мой характеръ. Если я и поступалъ неблагоразумно, то все-таки поступалъ честно и всегда дѣйствовалъ, по крайней мѣрѣ, прямо и открыто. Подвергая себя теперь добровольной разлукѣ съ семьей, друзьями и родиной, я руководствуюсь самыми чистыми, самыми честными намѣреніями. Это сознаніе даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вашему сіятельству прямо, безъ обиняковъ, съ моею покорнѣйшею и горячею просьбою: исходатайствовать мнѣ у государя императора дозволеніе отправиться на фрегатѣ «Діана» на собственный мой счетъ, или на счетъ министерства народнаго просвѣщенія и географическаго Общества, если послѣднія будутъ согласны дать мнѣ какое нибудь по-

рученіе. Съ своей же стороны я готовъ исполнять и всякое другое порученіе, которое, во время плаванія, угодно будетъ возложить на меня начальству фрегата. Ваше сіятельство обяжете меня самою искреннѣйшею благодарностію, а я употреблю всѣ усилія, чтобъ путешествіе мое было, дѣйствительно, не безполезно для русской науки и литературы[1]).

Графъ Орловъ, на основаніи справки объ арестѣ, полагалъ, что Аксакова «отпускать не должно», и съ этимъ мнѣніемъ государь былъ «совершенно согласенъ». Письмо Аксакова оставлено безъ отвѣта.

Тяжелое впечатлѣніе произвело на государя письмо Аксакова къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, во время Крымской войны. Въ этомъ письмѣ Аксаковъ говоритъ:

«1855-й годъ будетъ сѣрый, безъ ведра и безъ сильной грозы. Однако, тучи все тѣснѣе и сильнѣе будутъ облегать небо. Изъ иностранныхъ газетъ видно, что идутъ переговоры о мирѣ, что на конференціяхъ Пруссія и даже Австрія изъявляютъ желаніе, чтобы положено было непремѣннымъ условіемъ: сохранить цѣлость Россійской имперіи. Вотъ оно до чего дошло! Про положеніе нашихъ крымскихъ дѣлъ, про управленіе, про грабежъ чиновниковъ въ Крыму разсказываютъ ужасы. Такъ и должно быть! Порядокъ вещей разлагается; страшная деспотическая сила, мечтавшая съ такою дерзкою самостоятельностію замѣнить собою силу жизни, является во всей своей несостоятельности. Пусть же ее банкрутится! Только жаль бѣдныхъ русскихъ солдатъ!.. Говорятъ: Петербургъ теперь отвратительнѣе, чѣмъ когда-либо, и умѣетъ соглашать свой патріотизмъ съ бо̀льшимъ, чѣмъ прежде, поклоненіемъ Западу. Покуда возможенъ патріотизмъ въ Петербургѣ, до тѣхъ поръ нечего ожидать добра Россіи. Петербургскій патріотизмъ не возродитъ Россію къ новой жизни; онъ чисто внѣшній, государственный, такое же достояніе Запада, какъ всѣ моды, пороки и добродѣтели, перенесенные оттуда, какъ point d'honneur, и проч., и проч. Петербургъ долженъ только *каяться*, но онъ вовсе не кается, и его ненависть къ Западу похожа на ненависть холопа—parvenu, разбогатѣвшаго и перенявшаго прі-

[1]) Письмо 1-го сентября 1853 года.

емы и образъ жизни своего бывшаго господина съ страшными претензіями на самостоятельность»[1]).

Прочитавши это письмо, государь замѣтилъ: «Хорошъ, голубчикъ»[2]).

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

[1]) Письмо изъ Москвы въ Петербургъ, поданное на почту 3-го января 1855 года.

[2]) Письмо Аксакова, по своему содержанію и тону, служитъ отголоскомъ настроенія, вызваннаго событіями Крымской войны.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ А. С. Суворина: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ ж. д.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. Лапа. Петер. пов. Ц. 1 р.

— Хмѣлевая ночь. Истор. ром. Спб. Ц. 1 р.

— Драмы. Т. I. Слобода Неволя.—Фролъ Скобѣевъ.—Каширская старина.—Темный и Шемяка. Ц. 3 р.

АЛАРКОНЪ, П. Повѣсти и разсказы. Пер. съ исп. Ц. 75 к.

АНДРЕЕВСКІЙ, С. А. Стихотворенія. 1878—1885. Ц. 2 р.

АНТОНОВЪ, А. врачъ. Общедоступная гигіена. Ц. 75 к.

АРСЕНЬЕВЪ, А. В. Карта для наглядн. обозрѣнія исторіи и хронологіи рус. литературы, для классн. употребл. Съ приложеніемъ «Словаря писателей древн. періода рус. литературы» (862—1700 г.). Подъ ред. О. Ө. Миллера, проф. Спб. унив. Ц. 3 р.

АХШАРУМОВЪ, Н. Д. Во что бы то ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.

БАШИЛОВЪ, А. Русское гражданское право. Практическій курсъ по вопросамъ лекцій, читаннымъ въ Имп. Училищѣ Правовѣдѣнія. Вып. I. Введеніе. Торговыя правоотношенія. Ихъ субъекты (до товариществъ). Ц. 2 р.

БИБЛІЯ въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Новый Завѣтъ. 60 снимковъ-геліографій съ знамен. гравюръ съ картинъ велик. художн., съ текстомъ. In-folio. Ц. въ роскошн. перепл. съ зол. обр. 30 р.

БИЛЬРОТЪ, ТЕОДОРЪ, д-ръ. Общая хирургич. патологія и терапія. Руковод. для учащихся и врачей, обработ. А. Винивартеромъ, пр. хирургіи въ Люттихѣ. Со множ. рис. Изд. 5-е. Ц. 4 р. 50 к.

БЛАГОВО, Д. Разсказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

БОГОСЛОВСКІЙ, В. Лечебныя мѣста Европы. Курорты съ мин. водами, климатич. станціи, морскія купанья, лиманы и грязелечебныя заведенія. Съ бальнеологическ. картою. Ц. 2 р. 50 к.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Законы гражданск. (Сводъ зак. т. X ч. I). Съ объясн. по рѣшеніямъ Гражд. кассац. департ. прав. Сената. Изд. 5-е, вновь испр. и дополн. Ц. 6 р.

— Уставъ гражд. судопроизводства съ объясн. по рѣшеніямъ Гражд. касс. деп. пр. Сената. Вып. 1-й (Общія полож.). Ц. 1 р. 50 к. — Вып. 2-й (Порядокъ производства въ мир. судебн. установленіяхъ). Ц. 1 р. 50 к. — Вып. 3-й (Порядокъ производ. въ общ. судебн. мѣстахъ. Кн. II, разд. I. Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к. — Вып. 4-й Продолженіе, ст. 568—791). Ц. 1 р. 50 к. — Вып. 5-й Продолженіе, ст. 792—923) Ц. 1 р. 75 к. — Вып. 6-й (Продолженіе, ст. 928—1281). Ц. 1 р. 50 к. — Вып. 7-й (Окончаніе: ст. 1282—1824 и прилож.). Ц. 2 р. — Дополненія (рѣшенія, опубликованныя во время печатанія предыд. выпусковъ и «продолженіе» 1886 г.). Ц. 1 руб.

БОРОЗДИНЪ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 годъ. Съ 5-ю портретами. Ц. 2 р.

БУЛГАКОВЪ, Ө. И. Художественная энциклопедія. (Иллюстр. словарь искусствъ и художествъ). Т. I. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к. Томъ II. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

БУРЕНИНЪ, В. Литературн. дѣятельн. Тургенева. Съ портрет. И. С. Тургенева. Изд. 2-е Ц. 1 р. 25 к.

— Критическіе очерки и памфлеты. Ц. 1 р. 25 к.

— Изъ соврем. жизни.—Фельетон. разсказы Маститаго Беллетриста. Ц. 1 р. 50 к.

— Былое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к.

— Стрѣлы. Стихотворенія. Ц. въ пер. 2 р.

— Пѣсни и шаржи. Новыя стихотв. Ц. 1 р. 50 к.

— Мертвая петля. Таинственный процессъ. — Романъ въ Кисловодскѣ. Разсказъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— Смерть Агриппины. Драма въ 5-ти дѣйств. Спб. 1888. Ц. 1 р.

— Критическіе этюды. Гоголь. — Гончаровъ. — Біографія и письма Достоевскаго. — «Власть тьмы» гр. Толстого. — Журнальный походъ противъ гр. Толстого. — Лермонтовъ. — Память Пушкина. — Глѣбъ Успенскій) Спб. 1888. Ц. 1 р. 50 к.

БѢЖЕЦКІЙ, А. Н. Путевые наброски. Въ странѣ мантильи и кастаньетъ. (За Пиренеями — Мадридъ — Севилья — Гренада — Біаррицъ — Парижъ). Ц. 1 р. 25 к.

— Военные наброски. — Святочные разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

— На пути. Разсказы и очерки. Спб. 1888. Ц. 1 р. 50 к.

— Дѣтская любовь. Повѣсть. Ц. 1 р.

БѢЛЯЕВЪ, А. П. Записки декабриста (1803—1850). Ц. 2 р.

БЭКЕРЪ, САМУЭЛЬ. Выброшен. моремъ. Ром. для юнош. Перев. съ англ. Съ иллюстрац. На велен. бумагѣ. Ц. 2 р.

ВАНЪ-ДЕНЪ-БЕРГЪ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, индянъ, персовъ и финикіянъ). Съ 24 гравюрами и виньетками. Ц. 60 к.

ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55-ю рисунками. На вел. бум. 2 р.

— Дѣти капитана Гранта. Путешествіе вокругъ свѣта. Въ 3-хъ частяхъ. Съ 167 рисунк. Изд. 2-е. Ц. 3 р. На велен. бум. 5 р.

— Приключенія капитана Гаттераса. Съ 252 рисунками. Ц. 2 р. 50 к. На велен. бум. 4 р.

— Плавающій городъ. Съ 25 р. 150 стр. Ц. 1 р. На велен. бум. 1 р. 50 к.

— Путешествіе вокругъ луны. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 25 к. На велен. бум. 2 р.

— Восемьдесятъ тыс. верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Въ 2 частяхъ, съ 107 рисунками. Ц. 3 р.

— Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕЛЬВАЛЬДЪ, ФРИД. Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множеств. иллюстрацій художника Беллеръ Лейцингера: типы расъ, предметы ихъ домашн. быта, и пр. 2 больш. тома, 1418 стр. Ц. 15 руб.

ГЕКСЛИ. Введеніе въ науку. Ц. 30 к.

ГЕТЕ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 60 к.

ГЛИНКА, М. Записки и переписка его съ родными и друзьями. Ц. 3 р.

ГОМЕРЪ. Иліада. Пер. Н. И. Гнѣдича. Ц. 75 к.

HOMERI ILIAS. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

HOMERI ODYSSEA. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

HOMERI ODYSSEA. Pars II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

ГЕККЕРЪ, О. Ганзейцы (Die Brüder der Hansa). Историческій романъ съ иллюстраціями. Ц. 1 р.

ГРЕЧЪ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 3 р. 50 к.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Акробаты благотворительности. Пов. Ц. 1 р.

— Гуттаперчев. мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чекезовъ. Ц. 1 р.

ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датск. народ. сказ. Ц. 1 р.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. На Индію при Петрѣ I.—Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.

— Княжна Тараканова. Ист. ром. —Уманская рѣзня (Послѣдн. Запорожцы). Ист. пов. Ц. 1 р. 50 к.

— Мировичъ (1762—1764 г.). Истор. ром. Ц. 2 р.

— Сожженная Москва. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика. (Les rois en exil). Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Жены артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.

ДРУЖИНИНЪ А. Полинька Саксъ. Пов. Ц. 50 к.

ЕВРЕИНОВЪ, В. Гражданское чинопроизводство въ Россіи. Историческій очеркъ. Ц. 1 р.

ЕСИПОВЪ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцеляріи. Ц. 1 р. 50 к.

— Тяжелая память прошлаго. Разск. изъ дѣлъ Тайной канцеляріи и друг. архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЖЕНЕНЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисунк. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.

—Сусальныя звѣзды.—Книга раздора. Ц. 1 р.

ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русскій Якобинецъ. Романъ изъ франц. революціи. Ц. 1 р.

ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Брикнера, проф. Дерпт. унив. Гравюры на деревѣ Панкемакера и Матте въ Парижѣ, Косберга и Эргеляръ въ Лейпцигѣ, Клосса

и Хельма въ Штуттартѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлиппера и Винклера въ Петербургѣ. Заглав. листъ, заглавн. буквы и украшенія художн. Панова. Ц. 15 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану, какъ «Ил. Исторія Петра Вел.», заключаетъ до 300 портр., типовъ, бытов. сценъ и прочее, воспроизведен. преимущ. съ рѣдк. подлинник. Екатерининск. времени. Текстъ А. Г. Брикнера, проф. Дерпт. унив. 3 тома. Ц. 18 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Выходитъ выпусками, по 8 портр. въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ разсказы и анекдоты изъ жизни русск. государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XXI ст. Изд. 2-е, дополн. Ц. 1 р. 50 к.

КАЙГОРОДОВЪ Д. Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая описаніе важнѣйш. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю раскраш. таблицами. Спб. 1888. Ц. 1 р. 25 к. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

— Изъ Зеленаго Царства. Популярн. очерки изъ міра растеній. Со многими рисунк. Ц. 2 р. 50 к., въ изящн. тисн. краск. и золот. перп. Ц. 3 р. 50 к.

КАРАТЫГИНЪ, П. Лѣтопись петербургскихъ наводненій 1703 — 1879. Ц. 50 к.

КАРНОВИЧЪ, Е. П. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

— Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и допол. изданіе. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

— Историческія пов. I. Переполохъ въ Петербургѣ.—II. Лимонъ. Ц. 1 р.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ. Сборникъ очерковъ и разсказовъ: Г. Андерсена, А. Додэ, Э. Золя, Гюи де-Мопассана, Ж. Ришпена и Захеръ-Мазоха. Переводъ А. Н. Чудинова. Ц. 75 к.

КЕНИГЪ, Г. Карнавалъ короля Іеронима. Историч. романъ. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д. Молодой раджа. Разсказъ изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Черниговка. Быль второй половины XVIII вѣка Ц. 1 р. 50 к.

— Кудеяръ. Историческая хроника. Ц. 2 р.

КОЛОКОЛОВА, М. Письма матери къ матерямъ. Цѣна 40 к.

КРАУЗЕ. Вл. Гомеровскій словарь (къ Иліадѣ и Одиссеѣ). Съ 130 рис. въ текстѣ и картою Трои. Ц. 1 р. 50 к.

КРАМСКОЙ, И. Н. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. 1837—1887. Съ факсимиле и 2 портретами. Ц. 3 р. 50 к.

КРЕНКЕ, В. Азбука для народныхъ школъ. Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКІЙ, ВСЕВОЛОДЪ. Дѣды. Истор. пов. изъ временъ Императора Павла I. Ц. 2 р.

— Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго. Съ 3-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕСТОВСКІЙ, В. (Псевдон.). Первая борьба. (Изъ записокъ). Ц. 1 р.

— Баритонъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ ожиданіи лучшаго. Ром. Ц. 2 р.

— Встрѣча. Ром. Ц. 1 р.

— Повѣсти: Томъ I. Старыя дѣвы.—Стоячая вода. — Пансіонерка. — Братецъ. Ц. 2 р.—Т. II. Матери.—Домашнее дѣло.—Два памятные дня.—Свиданіе. Ц. 1 р. 50 к. Томъ III. Семья.—Искушеніе. — Учительница. Ц. 1 р. 50 к. Томъ IV. Идеалы и фразы.—Деревенская исторія.—Дневникъ сельскаго учителя. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Кн. 1-я: За стѣною. — Вѣра.—На вечерѣ.—Недописанная тетрадь. — Старый портретъ, новый оригиналъ.—Старое горе. Ц. 1 р. 50 к.—Кн. 2-я: Нѣсколько лѣтнихъ дней.—Въ дорогѣ.—Разговоръ.—Доброе дѣло. Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь. Сцены: I. Утренній визитъ.—II. У жениха и невѣсты.—III. Для дѣтскаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдица. Ром. въ 5 ч. Изд. 3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Ц. 3 р.

— Испытаніе. Романъ. въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ старые годы. I. Свободное время. Романъ. Ц. 1 р.—II. Кто-жъ остался доволенъ? Ром. Ц. 1 р. 25 к.—III. Последнее дѣйствіе комедіи. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850—1881. (Анна Михайловна.—Послѣ потопа.—Здоровые. — Прощаніе). Ц. 1 р. 50 к.

— Обязанности. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

КРОТКОВЪ, В. Пыркинъ и Чепуркинъ.—Послѣдняя жертва катастрофы.—Во время войны—дома. Ц. 1 р.

— Частный повѣренный.—Гладкія взятки.—Первобытное состояніе. Ц. 1 р.

КЛЮЧЪ къ русскимъ упражненіямъ учебника французскаго языка Д. Марго. Изд. 5-е, исправлен. Ц. 35 к.

ЛАУБЕ. Графиня Шатобріанъ. Ист. ром. Ц. 2 р.

ЛЕББОКЪ, Д. Ж. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденіе надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи переводчика: «Муравьиные слѣды». Съ рисунками въ текстѣ и 5-ю хромолит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙКСНЕРЪ, ОТТО. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множ. портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большихъ тома, 1520 стр. текста и 105 стр. указателя. Ц. за 2 т. 18 р.

ЛЕНДЕРЪ, Н. На Волгѣ. Очерки, картинки, путевыя замѣтки и обозрѣнія. (Волжскій Спутникъ). Цѣна 60 к.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. подъ ред. Н. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛѢСКОВЪ, Н. Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ. (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

— Три праведника и одинъ Шерамуръ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

МАСЛОВЪ А. Н. Завоеваніе Ахалъ-Теке. Изд. 2-е. Съ 2-мя портретами М. Скобелева и факсимиле съ прил. «Матеріаловъ для біографіи М. Скобелева». Ц. 1 р. 50 к.

МАГАФФИ. Древне-греческая жизнь. Пер. съ англ. Съ прим. Ц. 60 к.

МАСАЛЬСКІЙ, КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

МЕРИМЕ, П. Вареоломеевская ночь. Истор. хрон. Ц. 1 р.

— Карменъ. Ром. 40 к.

МИЛЮКОВЪ, А. П. Царская Свадьба. Истор. пов. изъ временъ Іоанна Грознаго. Ц. 1 р.

— Разсказы изъ обыденнаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ въ описаніяхъ КАРЛА ФОГТА и картинахъ ШПЕХТА. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio, 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Ц. въ роскошн. тиснен. золот. и краск. переплетѣ 23 р.—РОСКОШН. ИЗДАНІЕ на велен. бум. Ц. 30 р., въ роскош. тисн. золот. и краск. перепл. 34 р., съ зол. обрѣзомъ 35 р.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма, повѣсти, разсказы и набр. Ц. 60 к.

— Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ «Новое Время» изъ Константинополя, Измида, съ Принцевыхъ острововъ, изъ Дарданеллъ, Галлиполи, Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

— Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.

МОРСКОЙ, Н. Аристократія Гостинаго двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Содомъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

НЕВѢДѢНСКІЙ С. Катковъ и его время. Спб. 1838. Ц. 3 р.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Святыя горы (Русскій Аѳонъ Очерки и впеч. Ц. 80 к.

— Годъ войны. Дневникъ русс. корреспондента (1877—78 г.). 2 тома. Ц. 4 р.

— Цари биржи. (Каиново племя въ наши дни). Ром. Ц. 2 р.

— Стихотворен. Изящн. издан. томъ. Ц. 2 р. 50 к.

НИКОЛЬСКІЙ, А. Паденіе Плевны. Чтеніе для народа. Съ портретами: Скобелева 2-го, Тотлебена, Ганецкаго и Османа паши. Ц. 15 к.

ОСТРОВСКІЙ, А. и СОЛОВЬЕВЪ. Драматическія сочиненія: Счастливый день.—Женитьба Бѣлугина. — На порогѣ къ дѣлу.—Дикарка. Ц. 3 р.

ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Спб. университета въ пользу нужд. студ. и слуш. выс. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.

ПАССЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

ПАЛЬМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

[illegible]
Ц. [illegible]
— [illegible] Ц. [illegible] к.
[illegible] из Смут[illegible] Пер. съ англ. [illegible] Ц. 1 р.
[illegible]ЛУ, I. [illegible] Разсказъ изъ [illegible] Пер. съ англ. Ц. 1 р.
[illegible] (графъ). [illegible] Перев. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
[illegible]ЕВЪ, А. Н. [illegible] Стихотворенія для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.
— [illegible] въ XVIII [illegible] (По Гельбигу). Спб. 18[illegible] г. Ц. 50 к.
[illegible], А. Сти[illegible] съ [illegible] гравюр[illegible] Подъ ред. [illegible] Ц. 2 р. 50 к. [illegible] 3 р. 50 к.
[illegible], Н. Евгра[illegible] Россія [illegible] XV вѣка. Ц. 1 р. 50 к.
[illegible] ЕСЕН. [illegible] Ц. 3 р.
— [illegible] Т. I [illegible] 551 стр. Съ [illegible] и съ 2-мя портрет. Ц. 3 р.
ПОНОМАРЕВЪ, С. И. Москва въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ [illegible], относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Ц. 1 р. 25 к.
П—ъ, С. Къ [illegible] 1855—1880. Собраніе [illegible] отрывковъ, [illegible] Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.
ПОЭ, ЭДГАРЪ. Необыкновенные разсказы. Перев. съ англійск., кн. I и II. Ц. каждой 50 к. Кн. III. Ц. 1 р.
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ. Подъ ред. Р. С. ПОПОВА. ВЫП. I. СѢВЕРЪ (Петербур. С.-Петербургская губернія. — Эстляндская губ. — Финляндія. — Олонецкая г. — Архангельская губ.). Съ 5-ю планами и 2-мя карт. Ц. въ пер. 3 р. — ВЫП. II. ЗАПАДЪ. (Прибалтійск. губ. — Сѣверо-западныя губ. — Привислинскія губ. Царство Польское). Съ планами Варшавы, Вильны и Риги. Спб. 1898. Ц. 2 р.
ПЫЛЯЕВЪ М. И. Старый Петербургъ. Большой томъ въ 471 стр. Въ этой книгѣ собраны свѣдѣнія объ исторіи и жизни Пе-
[illegible] историческія [illegible] портреты истор. лицъ и [illegible] сцены. Съ предисловіемъ, указателемъ лицъ и мѣстностей, книгъ и проч. Ц. 8 р., въ изящн. переплетѣ 9 р. 20 к.
— Тоже. Удешевленное изданіе. Съ 132 гравюрами. Ц. 3 р., въ переплетѣ 4 р.
[illegible]ЕВЪ М. И. Драгоцѣнные камни, ихъ свойства, мѣстонахожденіе и употребленіе. 2-е значительно дополненное изданіе. Ц. 2 р. 50 к.
Р[illegible]ЛЬ, Ш. Сомнамбулизмъ, [illegible] Ц. 1 р. 50 к.
РОЗЕНТАЛЬ. Общая [illegible] и нервная физіологія. Пер. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.
РОСТОПЧИНСКІЯ афиши 1812 года. Библіографическое изданіе въ 500 экз. Ц. 3 р.
РУММЕЛЬ, В. и ГОЛУБЦОВЪ, В. Родословный сборникъ русск. дворянскихъ фамилій. Ц. за два т. 10 р.
РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями (фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Галлерея эта выходила всего въ количествѣ 500 экземпляр., выпусками, каждый изъ 2-хъ портретовъ большого формата, съ краткими біографіями. 19 выпусковъ. Цѣна каждому выпуску 2 р. Полный экземпляръ въ роскошн. переплетѣ 42 р., съ перес. 45 р.
САЙМЪ, ДЖЕМСЪ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Ц. 60 к.
САЛІАСЪ (графъ). Петербургское дѣйство. Историч. ром. (1762 г.). Изд. 2-е. Ц. 4 р.
— На Москвѣ. Истор. ром. изъ временъ чумы 1771 г. Ц. за 2 т. 4 р.
— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Ц. 2 р.
— Поэтъ-намѣстникъ. 1783—1733. Ц. 1 р.
— Свадебный бунтъ. Историческій ром. Ц. 2 р.
САМСОНОВЪ, Н. Д. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера (1830 — 1873). Изящное изданіе на цвѣтной бумагѣ. Ц. 2 р.
СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ псалтыря съ мѣсяцесло-
[illegible] Съ иллюстраціями (заимствованными изъ [illegible] изданія) и [illegible] гравюрами. Печатано [illegible] Ц. 2 р.
СОЛОГУБЪ, В. (графъ). Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.
— Воспоминанія. Съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 к.
САХАРОВЪ, И. П. Сказанія русскаго народа. Народн. [illegible] — Праздники и обычаи. Ц. 75 к.
— Сказанія русскаго народа. Русское народное чернокнижіе. — Русскія народн. игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 к.
СЕНТСБЕРИ, Д. Краткая исторія французской литературы. Ц. 40 к.
СКАЛЬКОВСКІЙ, К. А. У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.
СМАЙЛЬСЪ, С. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта, жизнь въ Австраліи и переѣздъ черезъ Америку. Изд. 2-е, исправленное, съ 3 рис., картою и приложеніемъ статьи изъ путешествія СОВУАРА: Общество и природа въ Австраліи. Ц. 1 р. 75 к.
СМИРНОВА, С. У пристани. Ром. Ц. 1 р. 50 к.
СОЛОВЬЕВЪ, Н. Я. На порогѣ къ дѣлу. Деревенскія сцены. Ц. 75 к.
СТИВЕНСОНЪ, Р. Л. Клубъ самоубійцъ. Разсказъ. Ц. 50 к.
— Странная исторія доктора Джекиля и мистера Хайда. (Strange Case of D-r Jekyll and m-r Hyde). Ц. 50 к.
СТОЮНИНЪ, В. Историческія сочин. Часть I. Алек. Сем. Шишковъ. Ц. 1 р. 50 к. — Часть II. А. С. Пушкинъ. Ц. 1 р. 50 к.
СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНИНЪ. Медея. Драма въ четырехъ дѣйств. въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
—?—ТАНЦЫ, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
ТВЕНЪ, МАРКЪ (Самуэль Клеменсъ). Принцъ и Нищій. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
— Приключенія Тома. Перев. съ англ., съ 103 рис. Ц. 2 р.
— Приключенія Финна. Съ 172 рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. Цѣна въ хромолитогр. папкѣ 3 р.
ТРУБАЧЕВЪ, С. Пушкинъ въ русской критикѣ. 1820—1880. Ц. 2 р.
[illegible]СКІЙ, Н. Ра[illegible] Ц. 1 р.
[illegible]ЕВЪ. Христіанская жизнь. Переводъ съ англ. (съ предисловіемъ Н. Страхова). Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.
ФОФАНОВЪ, К. Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
ФЛОРИНСКІЙ, В. М. Домашняя медицина. Лечебникъ для народнаго употребленія. Изд. 2-е, испр. Ц. 4 р.
ФРЕНЦЕЛЬ. Въ золотомъ вѣкѣ. Истор. ром. Ц. 2 р.
ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Страннолюбскаго. Съ 6-ю карт. Ц. 60 к.
ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ Императрицы Анны Іоанновны. Ц. 1 р. 50 к.
— Русскій [illegible]. Истор. ком. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.
ХМЫРОВЪ, М. Азбука [illegible]. Задачникъ по алгебрѣ и геометріи, съ [illegible] рѣш. и отвѣтами. Ц. 2 р. 50 к.
ХРУЩОВЪ, И. П. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ писемъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.
ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточной Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисун. Ц. 4 р.
ЧЕХОВЪ, АН. Въ сумеркахъ. Очерки и разсказы. Ц. 1 р.
— Разсказы. (Счастье. — Тоска. — Ванька. — Свирѣль. — Перекати-поле. — Задача. — Степь. — Тина. — Тайный совѣтникъ. — Письмо. — Поцѣлуй). Ц. 1 р.
ЧЮМИНА, О. (Михайлова). Стихотворенія (1884—1888). Ц. 1 р. 50 к.
ЧУЙКО, В. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Съ 33 гравюрами. Ц. 5 р.
ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.
ШИЛЛЕРЪ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 43 рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ изящн. переплетѣ 2 р. 10 к.
ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 2 р.
— Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Ц. 2 р.
ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I (Майорша. — Легкія средства. — Кручина. — Фофанъ. — Прахомъ пошло!). Ц. 1 р. 50 к.
ЩЕГЛОВЪ, И. Дачный мужъ, его похожденія, наблюденія и разочаро-

[illegible] ванie.—Въ городѣ [illegible] каха [illegible] ныхъ краевъ. Ц. 1 р.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣмец., допол. библіограф. указ. Ц. 2 р.

ЭБЕРСЪ, Дочь египетскаго царя. Истор. ром., разсказанный для юношества О. Шапиръ. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

ЭЛЬПЕ. Калейдоскопъ Изъ области теоретическаго и прикладного знаній. Изданіе 2-е, исправленное и дополнен. Ц. 1 р.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ А. Н. О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и примѣненіи въ немъ фосфоритовъ. Сборникъ сельско-хозяйственныхъ статей. 1872 — 1883. 1т. 522 стр. Ц. 2р.

ѲЕДОТОВЪ, А. Ф. Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйст. Ц. 1 р.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА.

АБЛЕСИМОВЪ. Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ. Комич. опера въ 3-хъ дѣйств. Ц. 8 к.

АНЕКДОТЫ и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. 2-е изд. Ц. 10 к.

БОГДАНОВИЧЪ, И. Душенька. Древн. пов. въ вольн. стихахъ. Ц. 15 к.

БѢЖЕЦКІЙ, А. Сраженіе. — Разстрѣлянный — Нарочный. — Испытаніе [illegible]. Ц. 15 к.

ВЕНЕВИТИНОВЪ, Полное собраніе стихотвореній. Съ біографіей и портретомъ Д. В. Веневитинова. Ц. 15 к.

ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Съ біографіей и портретомъ автора. Изд. 8-е. Ц. 10 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Историческіе разсказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Ц. 20 к.

— Украинскія сказки. 6-е изданіе. Ц. 20 к.

— Семейная Старина. Кн. I. Прабабушка. — Тѣнь прадѣда. Ц. 10 к. — Кн. II. Дѣдовъ лѣсъ.— Бабушкинъ рай. Ц. 15 к.

ДЕЛЬВИГЪ, А. баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Ц. 20 к., на велен. бум. 40 к.

ДИККЕНСЪ, Ч. Оливеръ Твистъ. Ром. въ 2-хъ частяхъ. Ц. 50 к.

ДОСТОЕВСКІЙ, Ѳ. Бѣдные люди. Романъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

ДМИТРІЕВЪ, И. Сказки, басни и апо- [illegible] Съ портретомъ и біографіей [illegible] Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ портр. и біографіей автора. Ц. 15 к.

КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Письма русскаго путешествен. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портр. автора и рисун. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

— Исторія государства россійскаго. Великій кн. Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Ц. 10 к., на вел. бум. 20 к.

— Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. (Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.— Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка). Ц. 15 к.

— Царствованія Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Ц. 20 к. — Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Ц. 20 к. — Царствованіе Іоанна IV Васильевича Грознаго, кн. I. Ц. 20 к.

— Царствованіе Іоанна V Васильевича Грознаго кн. II. Ц. 30 к.

— Исторія Государства Россійскаго. Томъ первый Ц. 20 к.

КВИТКА - ОСНОВЬЯНЕНКО. Панъ Халявскій. 2 части. 368 стр. Ц. 50 к.

КОХАНОВСКАЯ. Старина. Семейная память. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Ц. 15 к.

— Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Ц. 25 к.

КСАВЬЕДЕ-МЕСТРЪ. Параша Сибирячка. Разсказъ. I т. Ц. 10 к., на вел. бум. 30 к.

КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 1-я (Авдотья Лихончиха.—Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). — Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 3 к.—Кн. 2-я. I. Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ.— II. Часовой. Съ портр. князя Я. Ѳ. Долгорукова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.—Кн. 3-я. (Позументы.—Новый годъ). Съ гравюрой: Солдаты петровскаго врем. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.—Кн. 4-я. (Чернышевскій миръ.—Остапъ и Ульяна.—Старый хламъ) Изд. 2-е. Ц. 15 к., на велен. бумагѣ 30 к. — Книга 5-я (Запорожцы. Историч. быль временъ Екатерины Великой). Изд. 2-е. Ц. 10 к.—Кн. 6-я (Сер- [illegible] Панъ Сотникъ.— Старостиха [illegible]). Ц. 15 к.

ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Изд. 2-е. Ц. 40 к., на вел. бум. 60 к.

ЛѢСКОВЪ Н. Повѣсти и разсказы. Кн. I. (Скоморохъ Памфалонъ. — Спасеніе погибавшаго). Ц. 20 к.—Кн. II. Очарованный странникъ Ц. 20 к.

— Книга III. Запечатлѣнный ангелъ. Ц. 20 к.

— Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Три очерка: I Боярынъ Никита Юрьевичъ.— II. Боярыня Марѳа Андреевна.— III. Плодомасовскіе карлики. Ц. 20 к.

— Инженеры - Безсребренники. Изъ исторій о трехъ праведникахъ. Ц. 15 к.

— Котинъ Доилецъ. Повѣсть. Ц. 10 к.

МАРЛИНСКІЙ, (А. А. Бестужевъ). Аммалатъ-Бекъ. Кавказск. быль. Съ портр. авт. 2 изд. Ц. 25 к.

— Страшное гаданіе.— Два вечера на бивуакѣ. Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. 2-е изд. Ц. 25 к.

— Мулла Нуръ. Быль. 2-е изд. Ц. 25 к.

—Наѣзды. Повѣсть 1612 г.— Измѣнникъ. Ц. 25 к

— Фрегатъ Надежда. 2-е изд. Ц. 25 к.

— Мореходъ Никитинъ.—Романъ и Ольга.— Замокъ Эйзенъ.—Шахъ Гуссейнъ. Ц. 25 к.

МЕРЗЛЯКОВЪ и ЦЫГАНОВЪ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., на велен. бум. 20 к.

МОРДОВЦЕВЪ Д. Кумъ Иванъ. Историч. быль. Ц. 10 к.

НАРѢЖНЫЙ. Бурсакъ. Ром. I т. Изд. 2-е. Ц. 35 к., на вел. бум. 65 к.

ОЗЕРОВЪ, В. Эдипъ въ Аѳинахъ. Траг. въ 5-ти дѣйст. въ стихахъ съ хорами.—Дмитрій Донской. Траг. въ 5-ти дѣйств. въ стихахъ. Ц. 15 к.

ПОЛЕВОЙ, Н. А. Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Ц. 15 к.

— Дѣдушка русскаго флота.—Параша Сибирячка. Драмы. Ц. 15 к.

ПОГОРЕЛЬСКІЙ, А. Монастырка. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ц. 25 к.

—Черная курица или подземные жители. Волшебная повѣсть для дѣтей. Ц. 5 к., въ папкѣ 13 к.

ПУШКИНЪ, А. С. Собраніе сочин. въ 10-ти т. (болѣе 4,100 с.). Съ біогр. А. С. Пушкина [illegible] съ алфавитн. и хронолог. указ. ко всѣмъ его произв. Изданіе 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ мягкихъ пер. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 50 к.

СОЛОГУБЪ, В., графъ. Повѣсти и разсказы. Книга I. Аптекарша. — Метель.—Неоконченныя повѣсти. Ц. 20 к., на вел. бум. 50 к.—Книга II. Исторія двухъ калошъ. — Нечистая сила. — Воспитанница. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.—Кн. III. Большой свѣтъ. — Медвѣдь. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

ФЛОБЕРЪ. Г. Саламбо. Романъ. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к.

ФОНВИЗИНЪ, Д. И. Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. Комедія въ 5-ти дѣйств.—II. Недоросль. Ком. въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ біографіей Фонвизина, его портретомъ и объяснительнымъ словаремъ къ его комедіямъ. Изд. 5-е. Ц. 15 коп.

ХЕМНИЦЕРЪ, И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ біографіей и портр. автора. Ц. 15 к.

ШЕКСПИРЪ, В. Гамлетъ. Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. съ англ. Н. А. Полевого. Съ допол., варіантами по другимъ переводамъ. 2-е изд. Ц 25 к., на вел. бум. 50 к.

— Король Лиръ. Траг. въ 5-ти дѣйст. Пер. А. В Дружинина. Съ предисл. и замѣчан. о трагедіи и о характ. ея Кольриджа, Шлегеля, Бонкиля, Джемисонъ, Дружинина. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

— Отелло, венеціанскій мавръ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Перев. П. И. Вейнберга. Съ предисловіемъ и мнѣніями о характерахъ трагедіи Фервиваля, Джонсона, Кольриджа, Шлегеля, Крейсига, Рюмелина, Мезьера. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

— Макбетъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Пер. А. Кронеберга. Съ предисловіемъ и мнѣніями о «Макбетѣ» Кольриджа, Галлама, Найта, Гейзе, Мезьера, Рюмелина. Ц. 25 к. На велен. бум. 50 к.

— Король Ричардъ III, Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ А. Дружинина. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Ц. 25 к.

ШИЛЛЕРЪ Ф. Духовидецъ. Пер. М. Коршъ. Ц. 15 к.

— Марія Стюартъ. Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. А. Шишкова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

ЭЗОПЪ. Избранныя басни. Перев. съ греческаго В. Алексѣева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

3 2044 015 587 843